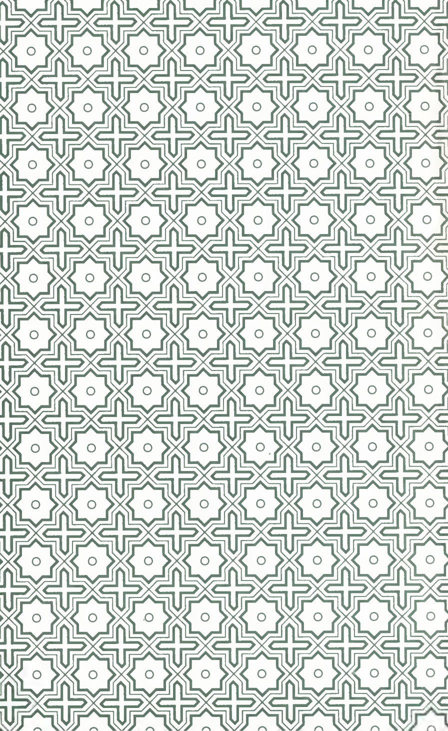
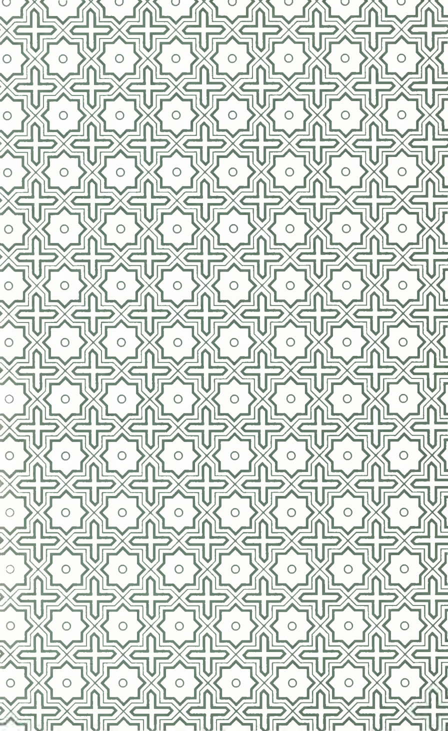
Святитель НИКОЛАЙ митрополит Алма-Атинский и Казахстанский





Святитель

НИКОЛАЙ

митрополит

Алма-Атинский

и Казахстанский

Святитель
НИКОЛАЙ
митрополит
Алма-Атинский
и Казахстанский

Святитель Николай
митрополит Алма-Атинский
и Казахстанский

Издание осуществляется по благословению
Высокопреосвященного Алексия,
архиепископа Алма-Атинского и Семипалатинского

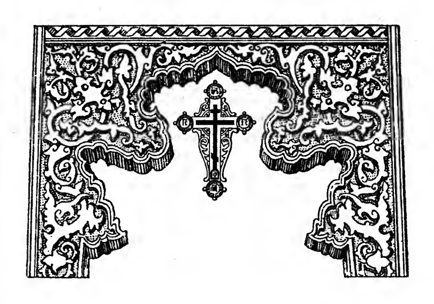
Составитель
Вера Королёва

Книга посвящена исповеднику уходящего века — святителю Николаю, митрополиту Алма-Атинскому и Казахстанскому. Молитвенная память о нем живет не только в Казахстане, но и во многих городах и весях, где обретаются чада Русской Церкви. Имя митрополита Николая — одно из тех в летописи вынужденного исхода Святой Руси в Среднюю Азию, что пока не стали достоянием общего Церковного Предания. Предлагаемый сборник поставит имя митрополита Николая в ряд уже прославленных и широко известных среднеазиатских подвижников — преподобного Севастиана Карагандинского, епископа Ермогена Голубева, архимандрита Бориса Холчева и др., даст читателям еще одну опору в нынешней многосложной жизни.

ISBN 5-87468-088-8

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ МИТРОПОЛИТА АЛМА-АТИНСКОГО И КАЗАХСТАНСКОГО НИКОЛАЯ (МОГИЛЕВСКОГО)

При составлении жизнеописания использовалась рукопись духовной дочери митрополита Николая — Ольги Александровны Вощилиной (1915–14.5.1988 г.). Погребена в Риге на кладбище Свято-Троицкого монастыря.



27 марта (9 апреля) 1877 года, в день Светлого праздника Пасхи, в семье скромного псаломщика Никифора и супруги его Марии, в селе Комиссаровка Екатеринославской губернии Верхне-Днепровского уезда родился сын. Назвали его Феодосием, в честь св. мученика Феодосия, празднование памяти которого совершает в этот день Святая Церковь.

Отец новорожденного был большим знатоком церковного пения. Особенно радел он о пении общенародном и эту любовь прививал своим детям, составляя из них семейный хор, воспевающий хвалу Богу. И детям своим он завещал следовать в жизни словам псалмопевца «Пою Богу моему, дондеже есмь».

Феодосий рос мальчиком резвым, даже шаловливым, и отец иногда был вынужден сурово наказывать его за буйство юности, за что впоследствии владыка Николай был очень ему благодарен.

«Отец у нас был строг, — вспоминал Владыка, — он был очень требовательным к порядку и исполнению заданных нам работ. Родитель не признавал никаких объективных причин, и та работа, которая нам поручалась, должна была выполняться в срок и добросовестно. Семья у нас была большая, жалование у отца-псаломщика маленькое. Поэтому нам приходилось работать и в поле, и на огороде, и по дому. Отцу надо было всех накормить, одеть, обуть и выучить. Никто в нашей семье без образования не остался. Отец наш знал множество пословиц и поговорок, но всем им предпочитал одну: «Делу — время, потехе — час».

Отец владыки Николая к концу жизни дослужился до звания протоиерея и дожил до того дня, когда сын его стал епископом. Дожил, но не видел его в этом сане своими глазами, так как обстоятельства жизни не позволяли сыну приехать повидаться с отцом. Не смог Владыка приехать даже на его похороны. Он написал покойному отцу письмо примерно такого содержания: «Дорогой папаша! Горюю, что не могу приехать на твои похороны и проститься с тобою. Прости меня за это. Прими мою благодарность за все, что ты для меня сделал и позволь мне, по благодати Божией, благословить любящею сыновнею рукою святительским благословением место твоего упокоения». Эту записку Владыка вложил в бутылочку, запечатал и послал в свое родное село, чтобы ее закопали в землю в головах могилы отца. Эта трогательная подробность показывает, как добросовестно Владыка относился к каждому явлению жизни.

О матери владыка Николай вспоминал: «Мама наша была сама любовь. Она никогда не кричала на нас, а если мы провинимся, что, конечно, бывало, то она посмотрит так жалобно, что станет ужасно стыдно. И сразу даешь себе слово никогда не обижать ее, не доставлять ей ничего неприятного. Она понимала, что живется нам нелегко, но не могла облегчить тяжелой жизни и только своей любовью как бы снимала с нас усталость. Одно ее ласковое слово было больше любой награды».

Большое значение в воспитании Феодосия имела его бабушка Пелагия. «Долгими зимними вечерами, — вспоминал Владыка, — забирала нас бабушка на печь и начинались нескончаемые рассказы о святых угодниках Божиих. Бабушка была почти неграмотная, но она с поразительной точностью знала жития многих святых, особенно русских. Рассказывала она очень красочно, не книжным, а простым, народным языком, так, как эти повествования переваривались в ее сознании. Бабушкины рассказы мы запоминали гораздо лучше, чем то, что нам, бывало, задавали по книге. Мы настолько ясно представляли всю окружающую обстановку, в которой тот или иной подвижник или мученик совершал свой подвиг, его страдания и духовную брань, которую он вел, что иногда нам казалось, что мы сами все это видели, что не бабушка, а сами святые рассказывали нам о своей жизни.

На каждый случай жизни у бабушки была пословица или поговорка (от нее-то и перенял эту особенность наш отец), почерпаемые ею из кладезя народной мудрости. И ее простые, богодухновенные беседы воспитывали в нас честность, трудолюбие, отзывчивость и самое главное — живую веру в Господа нашего Иисуса Христа, в Его Пречистую Матерь и святых угодников Божиих».

Часто вспоминал Владыка и своего дедушку, который тоже был священником: «Жил он на одном приходе 60 лет, не стремясь уйти на более выгодное место. Отец его, мой прадед, бедный дьячок, в свое время говорил ему: «Сын мой, никогда не гонись за деньгами! Если спросят тебя, сколько нужно за требу, ты скажи: «Копеечку». И никогда ты не будешь знать нужды, народ сам оценит твое бескорыстие и поддержит тебя». Так он и поступал всю жизнь. Дьячок его сперва протестовал: «Хорошо вам, батюшка, так рассуждать, когда вас всего двое с матушкой, а у меня 5 человек детей!» — «Ничего, проживем!» — отвечал дедушка. И действительно, народ так полюбил его, что через несколько лет и у него, и у дьячка было уже по домику, и ни в чем не терпели они нужды. В воскресенье после обедни, выпив чаю, брал он с собою епитрахиль и собирался уходить. «Куда ты? — спрашивала матушка. «К друзьям своим», — отвечал он и шел к больным, к опечаленным или примирять ссорящихся. Он был действительно отцом своей пастве.

Вот так мы и росли, воспитываемые строгостью, трудом, любовью, рассказами о житии Святых и добрым примером наших близких».

Когда Феодосию исполнилось 10 лет, он поступил в Екатеринославское духовное училище, а через 6 лет — в Екатеринославскую духовную Семинарию.

Феодосий был очень усидчив, прилежен, имел незаурядные способности, благодаря чему он всегда был в числе первых учеников. Ему, привыкшему с малых лет к труду, жизнь в училище, а затем в Семинарии не показалась трудной. Он никогда не жаловался на жизнь в духовных учебных заведениях,

лишь однажды, вспоминая годы своей учебы, сказал: «А вот в молодости и мне пришлось быть бунтовщиком!» И рассказал следующее:

«В нашей Семинарии был инспектор, с которым у нас возникали бесконечные конфликты. Он был слишком придирчивым, а мы — слишком молодыми и не всегда понимали его требования. И постепенно дело дошло до того, что инспектор стал тяжко наказывать большую часть семинаристов. Однажды он посадил в карцер и оставил без обеда человек двадцать учащихся. Нам показалось это наказание несправедливым и жестоким, и мы решили постоять за товарищей. Мы объявили бунт, то есть не пошли после занятий в столовую, а собрались все в актовом зале и молча стояли там.

К нам пришел ректор, мы высказали ему свои претензии. Он пробовал нас уговорить, но мы отвечали, что пусть отпустят наказанных и уволят инспектора, только после этого мы разойдемся.

Семинарское начальство, конечно, не хотело подрывать авторитет инспектора и на наше требование не соглашалось. И мы продолжали стоять в актовом зале.

В конце концов был вызван епархиальный архиерей. Когда мы узнали об этом, очень обеспокоились. Все семинаристы любили Владыку и не хотели его огорчать. Но и сдавать свои, как нам казалось правильные, позиции мы тоже не хотели.

Владыка тоже любил нас, и его посещения были праздником для семинаристов. Он очень любил хоровое церковное пение, а в Семинарии пели почти все учащиеся. Пели так ладно и задушевно, что Владыка слушал нас со слезами, особенно когда мы исполняли «Море житейское», сочинение епископа Ермогена.

И вот в тот момент, когда Владыка поднимался по широкой лестнице в актовый зал, все воспитанники опустились на колени и запели «Море житейское».

Все, сопровождающие Владыку, замерли. Владыка остановился в дверях и стоял, слушая пение и не прерывая нас. По лицу Владыки потекли слезы. Многие из нас тоже плакали.

Когда мы закончили петь, стали подходить к Владыке под благословение. Он всех нас благословлял, и мы, получив благословение, расходились по своим комнатам. Никто никому не сказал ни слова.

Владыка уехал.

На следующий день мы узнали, что все наши требования удовлетворены и инспектор отставлен от должности. Но это известие мы приняли без ликования, тихо и спокойно. Мы продолжали заниматься, как будто ничего не произошло. Но для себя все же сделали надлежащие выводы, пересмотрели свое поведение, стали вести себя сдержанней и одергивать тех, кто начинал заноситься или некорректно себя вести с преподавателями».

Море житейское

Сочинение епископа Ермогена

Дай, добрый товарищ, мне руку свою
И выйдем на берег морской,
Там спою я грустную песню про жизнь,
про людей,
Про синее море, про шторм кораблей.

Ты видишь, как на море ветер все рвет?
Ты слышишь, как синее стонет, ревет?

Вот волны, как горы, вот бездны кипят,
Вот брызги сребристые к небу летят!

И в море житейском, и в жизни людской
Бывают такие ж невзгоды порой,
Там буря страстей, словно море, ревет,
Там злоба подчас, словно ветер, все рвет.

Там зависти речи, как волны, шумят,
И слезы страдальца, как брызги, летят.
Ты видишь? Вот вверх челн... вот в бездне исчез,
Вот снова поднялся, как мертвый воскрес.

Но ветр беспощадно ударил, рванул,
И челн, колыхаясь, в волнах утонул...
И в море житейском, и в жизни людской
Не часто ль встречается случай такой?

Там бьется страдалец, как рыба об лед,
То явится помощь, то все пропадет.
Там мучится, бедный, в борьбе одинок,
И часто он гибнет, как гибнет челнок.

Товарищ, ты плачешь при песне моей?
Скучна эта песня, но истина в ней!
Что плакать, товарищ, ты слезы утри,
На тихую пристань теперь посмотри!

Пусть ветер бушует, пусть море кипит,
Но в пристани тихой ничто не страшит.
Тут люди спокойны: бедам тем конец,
Которые на море терпит пловец.

А в море житейском, а в жизни земной
Где тихая пристань? Где людям покой?
Вот тихая пристань — святой Божий храм.
Сюда, мой товарищ, спешить нужно нам.

Здесь в горе и в нуждах, всегда благодать
Готова нам скорую помощь подать.
Что плакать, товарищ, ты слезы утри,
На светлое небо еще посмотри!

Ты видишь, как на небе солнце горит?
И всем оно светит, добро всем творит:
И этим деревьям и этой земле,
И этой былинке, растущей в скале!

И в море житейском, и в жизни земной
Как солнце на небе Творец Всеблагой!
Он всем управляет, Он каждого зрит
И всем им за слезы блаженство дарит.

Закончив Семинарию, Феодосий стал перед выбором: жениться ли ему и стать белым священником, или же избрать монашеский путь. До принятия окончательного решения он непродолжительное время служил псаломщиком, а затем, чтобы найти применение полученным знаниям, поступил работать учителем во второклассную церковную школу.

«Служил я в такой школе, — вспоминал владыка Николай, — в которой не полагалось жалование учителю, а его должны были кормить родители учеников. Сначала мне было непривычно и неудобно каждый день ходить кушать в другую хату, да и родители поначалу встречали не особенно ласково. Но потом и я привык к ним, и они привыкли ко мне.

Школьные занятия пошли у меня очень хорошо. Деток я любил, никогда не бил их, да и по своему характеру я не мог этого делать. Старался вразумлять их словом, а если им был непонятен урок, объяснял по нескольку раз, всегда помня, как трудно было первое время учиться мне самому.

Со своими учениками я ездил в ночное, на рыбную ловлю и там рассказывал им хорошо запомнившиеся мне еще в детстве рассказы моей бабушки о святых угодниках Божиих.

Времени после учения у меня было достаточно, и я стал собирать сельскую молодежь и учить ее петь народные, а затем церковные песни. Заинтересовались. На спевки стали приходить хлопцы, а за ними потянулись и девушки. Зимой собирались в школе, а летом у кого-нибудь в саду. Потом стали петь в храме. Всем это очень понравилось. В селе уменьшились драки, молодые парни стали меньше тянуться к выпивке. Бывало даже, что родители приходили ко мне с жалобами на своих великовозрастных сыновей и просили, чтобы я вразумил их.

Проходил второй год моего служения учителем. Селяне оценили мои заботы о детях и юношестве, стали относиться ко мне с уважением, при встрече низко кланяться и называть «господин учитель». Уже не жалели для меня лишнего яичка или крыночки молочка. Все шло хорошо. И сам я полюбил село, в котором работал, полюбил детей, юношей и девушек и всех селян.

Но другая мечта влекла меня от этих прекрасных мест, — во мне окрепло желание поступить в монастырь. Только там, казалось мне, возможно всецело служить Господу, и я решил себя к этому готовить.

Первым долгом купил толстенную книгу с описанием всех Российских монастырей, чтобы выбрать, в какой монастырь поступить. Несколько дней я провел за чтением этой чудной книги, изучая описание каждого монастыря. Но чем больше я читал, тем труднее становился выбор. Один монастырь казался мне лучше другого. Но вот чтение закончено, а выбор так и не сделан мною. Уже поздним вечером по-

ложил я книгу на стол, встал перед иконами и горячо помолился Господу: да направит Он меня Сам, куда Ему угодно. С тем и лег спать, ни о чем больше не думая.

Утром, проснувшись, я поблагодарил Господа за ночной отдых, за радость пробуждения и стал одеваться. Ненароком я задел лежавшую на столе книгу о монастырях. Она упала, разогнувшись на какой-то странице. Я поднял и увидел, что разогнулась она на том месте, где начиналось описание Ниловой пустыни Тверской епархии[1]. «Вот и указание Божие, — подумал я, нисколько не сомневаясь, — так тому и быть, иду в Нилову пустынь». И по истечении двух лет служения, в 1902 году, я отправился в этот монастырь.

Лето почти кончилось, погода стояла ненастная. Одет я был чрезвычайно бедно — сапоги в заплатах, пальтишко еще с семинарских времен, короткое и тоже заплатанное, шапчонка неказистая. Я даже боялся в таком виде показываться настоятелю. «Вот, — думаю, — приду к настоятелю, а он посмотрит на меня и скажет: «Откуда такой стрикулист явился?» Но идти надо было. Прихожу. Доложили обо мне настоятелю. Зовут прямо в игуменские покои, а я в таких сапогах, что страшно заходить. Дали тряпку, обтер я их от пыли и грязи и, перекрестившись, вошел.

[1] Нилова (Нила Столобенского) мужская пустынь расположена в 8 верстах от г. Осташкова Тверской губернии, на острове Столобенском на озере Селигере. Основана в середине XVI века преп. Нилом, мощи которого там почивают; была прекрасно обустроена, владела обширными землями и рыбными ловлями на озере Селигер и на некоторых других озерах Тверской губ. В день храмового праздника, 27 мая, сюда стекалось до 15 тыс. народу; вообще же сюда собирались ежегодно богомольцы из Тверской, Смоленской, Псковской и Новгородской губ. Летом ежедневное пароходное сообщение с г. Осташковым.

Настоятель принял меня ласково, обо всем расспросил — кто я, откуда, кто родители мои, какова семья, чем я занимаюсь. Долго говорил со мной, а потом, немного подумав, сказал: «Ну, вот что я тебе скажу, Феодосий, если через год не передумаешь поступать в монастырь, то приходи. И если я еще буду жив, приму тебя. А сейчас иди, учи своих детишек. Можешь погостить у нас недельки две — посмотришь, как мы живем, помолишься с нами». И благословил меня.

Я был несказанно рад, получив такое благословение, и, поклонившись в ноги настоятелю, поблагодарил его за отеческую беседу. Он ласково поднял меня и, еще раз благословив, проводил до выхода.

Быстро пролетели две недели. Очень жаль мне было покидать монастырь. Насельники, с которыми я подружился за это время, снабдили меня на дорогу съестными припасами и обещали молиться за мое благополучное возвращение в монастырь в будущем году. Уходил я оттуда как из родного дома, обласканный настоятелем и братией.

Вернувшись в село, я снова принялся за учительское дело. Селяне каким-то образом узнали, что я собираюсь оставить их, и огорчались этим. Подходил к концу данный мне на раздумье год. Когда наступило время прощаться с дорогими мне детьми и молодежью, сердце мое дрогнуло, возникли сомнения: а правильно ли я делаю, что оставляю их? Но желание монашеской жизни пересилило привязанность к селянам. Трогательно было наше прощание. Всем селом справили мне одежонку получше и даже снабдили небольшой суммой денег, которые я сразу же, как только попал в город, переслал родителям. И я отправился к месту своего нового служения в Нилову пустынь, унося в сердце своем большую бла-

годарность к провожавшему меня народу. Было это в 1903 году».

В Ниловой пустыни Феодосий был зачислен в число послушников и, как новоначальный, проходил различные послушания — носил воду, рубил дрова, пек хлебы. Все это он выполнял очень охотно. Было у монастыря два парохода, на которых возили богомольцев с берега озера, где находился город Осташков, на остров к монастырю. Когда Феодосий был назначен кассиром на один из пароходов, душа его исполнилась несказанной радости.

Живописность Селигерского озера, со множеством небольших островков, берега которых поросли тальником и различными деревьями, тишина и умиротворенность этих мест наполняли душу неизъяснимым чувством безмерной благодарности к Создателю за сотворенную Им красоту природы, которою он окружил человека, и из сердца Феодосия невольно изливалась песнь умиления, он пел Богу своему «дондеже есмь.» И часто в вечерние часы над озером плыл тихий торжественный гимн, выводимый красивым голосом молодого послушника.

Затем Феодосий, как окончивший Семинарию и имевший опыт преподавания, был назначен наставником в подготовительную школу для иноков, готовящихся принять священный сан.

6/19 декабря 1904 года исполнилась заветная мечта Феодосия. В канун праздника Святителя Христова Николая, архиепископа Мир Ликийских, над ним был совершен монашеский постриг. И так как среди братии монастыря не было монаха, который носил бы имя Николай, то, нарушая общепринятый обычай называть новопостригаемого на ту же букву, с которой начиналось его имя, Феодосий был наречен Николаем.

27 мая 1905 года, в день памяти покровителя пустыни преп. Нила Столобенского, в монастырском храме монах Николай был рукоположен приехавшим на праздник архиепископом Тверским Высокопреосвященным Николаем (Налимовым) в сан иеродиакона, а 9 октября того же года в Твери епископом Старицким Александром (Головиным), викарием Тверской епархии, была совершена его хиротония во иеромонаха.

«Когда меня посвятили во иеромонаха и я вернулся в свой монастырь, — вспоминал Владыка, — то отец настоятель — архимандрит, вдруг складывает передо мной руки для принятия благословения. Я удивился, отказываюсь, но он объяснил, что так всегда делается. И когда я вошел в храм, все — даже старцы иеромонахи, подошли ко мне под благословение».

В сане иеромонаха о. Николай нес послушание благочинного Ниловой пустыни. Из монастыря он никуда не стремился, но, начиная от рядового послушника и заканчивая архимандритом, все пришли к заключению, что о. Николаю следует завершить свое образование и поступить в Духовную Академию, и почти насильно выпроводили его сдавать экзамены.

В 1907 году он поступил в Московскую Духовную Академию. Проучившись 4 года под покровом преподобного Сергия Радонежского, в 1911 году о. Николай успешно закончил Академию и за сочинение на тему «Учение аскетов о страстях» получил степень кандидата богословия.

В бытность свою в Академии, о. Николай по благословению ректора Академии преосвященного епископа Феодора (Поздеевского)[1] исполнял обязанности благочинного академического духовенства.

---

[1] Епископ Феодор (Поздеевский) — последний ректор МДА (1909–1917/18 гг.).

С 1911 по 1912 год занимал должность помощника инспектора Академии, и впоследствии очень многие иерархи, в то время получившие образование в стенах Академии, с теплотой вспоминали очень доброго и мудрого инспектора о. Николая.

В 1912 году о. Николай был назначен инспектором Полтавской Духовной Семинарии, в 1913 году переведен на ту же должность в Черниговскую духовную Семинарию.

К вопросу воспитания в духовных школах о. Николай относился не только с большой ответственностью, но и с отеческой любовью, стараясь из своих питомцев взрастить настоящих пастырей стада Христова, что считал главным делом Духовных Семинарий и Академий.

В 1915 году о. Николай возведен в сан игумена, а 10 октября 1916 года назначен настоятелем Княже-Владимирского монастыря в г. Иркутске с возведением в сан архимандрита, а также заведующим Иркутской учительской миссионерской школой.

12 июня 1917 года архимандрит Николай по выбору учебной корпорации был назначен ректором Черниговской Семинарии. Кроме этого он стал настоятелем Елецкого Успенского монастыря в Чернигове.

Спустя много лет, вспоминая о том времени, когда он был помощником инспектора Академии, а затем инспектором в Духовных Семинариях Полтавы и Чернигова, Владыка рассказывал своим близким:

«В Академии у нас читал лекции профессор Введенский Алексей Иванович. Каждую неделю он приезжал из Москвы в Троице-Сергиеву Лавру для преподавания в Академии. Я устроил ему часы преподавания так, как он просил — два дня подряд. Но другие, молодые преподаватели, стали протестовать и

требовать себе такой же льготы. «Вот когда вы будете такими же занятыми профессорами, как Алексей Иванович, — говорю им, — тогда я и вам так устрою, а пока придется считаться с общим расписанием, чтобы всем было удобно».

Алексей Иванович, когда приезжал из Москвы, сразу же шел к раке преп. Сергия и долго у нее стоял, молился. И только потом шел читать лекцию. На другой день перед отъездом опять приходил поклониться Преподобному. Это был один из самых благочестивых профессоров. Помню, как справляли у нас 25-летний юбилей его преподавательской деятельности. Главное выступление должен был сделать профессор Сергей Сергеевич, ...а он был любителем иногда «запускать за галстук». И вот подходит ко мне Алексей Иванович и говорит:

— Отец Николай, завтра будет мой юбилей.

— Как же, — говорю, — знаю, и все со своей стороны сделаю, чтобы он прошел удачно.

— Нет, — говорит, — я вот о чем: как бы Сергей Сергеевич не подвел! Знаете Вы его слабость? Так Вы понаблюдайте за ним, твердо ли он будет на ногах стоять. И поставьте стул около его кафедры, пусть за спинку держится.

Я так и сделал, стул ему поставил; походка, вижу, довольно твердая. Обойдется, думаю, благополучно.

Начал он свою речь и прекрасно говорил. Рассказал, как однажды, находясь за границей, ехал он в поезде с каким-то немецким философом. Тот его спрашивает:

— Знаете ли Вы, чем замечателен вот этот городок, где мы сейчас остановились?

— Нет, не знаю!

— Здесь живет наш знаменитый философ такой-то!

«Я же, — говорит Сергей Сергеевич, — в свою очередь его спрашиваю:

— А знаете ли Вы, чем знаменит Сергиев Посад под Москвой?

Тот, конечно, не знает.

— Там живет и профессорствует наш русский философ, Алексей Иванович Введенский!»

Ну, и пошел его расхваливать...

— Действительно, — замечает Владыка, — был он и мудрым философом, хотевшим соединить философию с религией, и прекрасным преподавателем. Студенты со всех курсов Академии собирались слушать его. Начнут, бывало, аплодировать, а он им скажет: «Мне не аплодисменты ваши нужны, а чтобы вы поняли мои слова и усвоили их».

После Сергея Сергеевича приветственное слово сказал Наместник Лавры архимандрит Товия. Держит он в руках икону преп. Сергия и говорит:

— Вот мы слышали сейчас прекрасное выступление Сергея Сергеевича с перечислением Ваших заслуг. Но нам, инокам, дороги Вы по другой причине. Все мы знаем, как чтите вы преп. Сергия, как подолгу склоняете перед ракой его Святых мощей свою умную голову, понимая, что ум Вам от Бога послан на служение Ему. Не возгордитесь же от слышанных здесь похвал, и пусть эта икона смиренного основателя нашей обители будет Вам спутницей в жизни, предохраняя от помыслов гордости.

После этого были и другие выступления. Хорошо провели мы этот день. За обедом я сидел около Алексея Ивановича. Он наклонился ко мне и говорит:

— А ведь Товия сказал лучше всех!

— Это верно, — ответил я ему.

Алексей Иванович не дожил до глубокой старости. Тяжело заболел и лежал в больнице в Москве. Я навестил его.

— Как у Вас настроение? — спрашиваю.

— Должен сознаться, отец Николай, что посетовал я даже на Бога, протестовал против воли Его. Очень уж не хотелось умирать, тем более, что сын у меня молодой и еще не пристроен, и жена остается одна... А потом поразмыслил и покорился воле Божией, так что теперь даже — чем скорее умереть, тем лучше!

— А не мешало бы Вам приобщиться Святых Таин! — говорю.

— И это решил, исполню на днях, — отвечает.

Вскоре он умер как христианин с надеждой на милосердие Божие.

Но не все наши профессора были таковы, к сожалению. Много было и вольнодумцев, были и совсем неверующие...

А помощником инспектора сделали меня для всех неожиданно. Даже сам инспектор этого не знал. Когда весной я заканчивал Академию, призывает меня к себе ректор владыка Феодор и говорит:

— Хочу с осени сделать Вас помощником инспектора. Но пока этот наш разговор пусть останется известным одному Богу. Обещаете?

Я дал обещание и молчал, тем более, что тогда я был уже монахом и обязан был иметь полное послушание. А осенью приехал как будто по своей воле навестить Академию. И вот, все знали, что будет новый помощник инспектора, но не догадывались — кто именно. Студенты называли и того, и другого, как это всегда бывает. Вдруг распоряжение ректора: с такого-то числа помощником инспектора быть

о. Николаю Могилевскому. Инспектор очень на меня тогда обиделся:

— Со мной работать будете, а мне даже ни слова не сказали!

— А я и сам, — говорю, — не знал. Куда меня посылают, туда я и должен идти.

Но потом все образовалось. Инспектор сильно заболел, а я за ним ухаживал. Он перестал сердиться, и в дальнейшем мы работали дружно.

Потом назначили меня инспектором Духовной Семинарии в Полтаве. Сперва пришлось трудновато. Студентов 600 человек, и инспекторов они не любят. Очень развита была в Семинарии картежная игра. Здание большое, легко найти в нем укромное местечко, где бы четыре человека могли ночью тайком играть в карты. А пятого выставляли дежурить на лестнице — стоит и как будто книгу читает. Подойдешь к нему, он сразу разговор об этой книге заводит, а игроки тем временем разбегаются и прячутся. Пришлось однажды, чтобы обличить их, подняться запасным ходом по черной лестнице. Они в азарте игры не замечают меня и кричат: «У меня пики!» — «А у меня трефы!» А я подхожу к ним и говорю: «А у меня бубны». Они с криком бегом прятаться в уборную. Вхожу туда — там только трое, а четвертого нигде нет. Ну, думаю, неужели выскочил в окно с третьего этажа? Даже страшно стало... А сторож показывает мне на печку — смотрю, действительно, на печке сидит семинарист. Стащили мы его оттуда всего в пыли и паутине, а он — в слезы:

— Теперь меня исключат, а у меня мама только и ждет, пока я окончу курс.

Но я никогда никому на них не жаловался. Только сам пожурю, и на этом дело кончается.

Но все же сначала они меня не любили. Привезут, бывало, в своих чемоданах из дома сало и едят его потихоньку в Великий пост.

— Нехорошо, — говорю, — ведь вы — будущие священники!

А в ответ крики:

— Совсем мы не хотим быть священниками, а пойдем потом в светское учебное заведение!

Но все же сало это я у них отнимал и целую груду кусков относил, бывало, в соседний с нами военный лазарет — пусть раненые едят на здоровье!

На другой день на белой стене углем карикатура на меня, как я несу это сало.

— Чей это портрет? — спрашиваю.

— Не знаем, — говорят, — просто так нарисовано.

Один раз решили мы не распускать их домой на Рождество, а вместо этого устроить спектакль и вечер с танцами. И вот подбрасывают мне записку: «Умоешься кровью, если не отпустишь на Рождество!» Тогда я был посмелее, чем теперь. Вхожу в класс с запиской в руке. Вызываю одного из учеников к доске:

— Иванов, прочитай-ка, что здесь написано?

— Умоешься... нет, не могу, неразборчиво написано.

— Разве? Ну ты, Петров, попробуй прочитать!

И тот в смущении отказывается, и третий, и четвертый... Вижу — стыдно стало. Тогда я сам полным голосом читаю записку.

— Вот, — говорю, — почерк ясный, все прочесть можно. Ну, а теперь поговорим. Вот мы только вчера обсуждали вопрос, как вам получше провести Рождество. Решили и спектакль вам устроить, и чтобы повеселиться вы могли. Разве плохо это будет?

Побеседовали мы хорошо, все обошлось мирно, и праздниками они остались довольны.

Через дорогу от нас располагалось женское Епархиальное училище, где учились сестры наших же семинаристов. Бывало, узнают наши ребята, что девочки со своей воспитательницей собираются в лес за грибами, и просятся погулять в лесу вместе с ними. Наши преподаватели боятся, как бы не вышло неприятности. Но я уговорю позволить: «Сам, — говорю, — пойду с ними». Вот, видим, что те пошли в лес, а через полчасика и мы двигаемся, догоняем их у леса. Просятся погулять вместе. Воспитательница тревожится, не пускает своих девочек. «Да чего вы боитесь? — говорю. — Пусть пойдут, побегают по лесу, только чтобы через два часа были здесь». А они и рады. Наберут цветов, грибов, ягод, набегаются, и возвращаются все довольные.

В конце концов полюбили меня, и когда уезжал я оттуда, торжественное собрание устроили, и самый отчаянный семинарист очень хорошую речь сказал, как сперва невзлюбили меня, а потом подружились. В конце собрания подняли меня на руки и понесли. А в учительской комнате за меня тревожатся: «Что-то там в зале делается? Не обидели бы отца Николая!»

Приближался октябрь 1917 года, а за ним — эпоха революционного террора, охватившая всю Россию и все историческое пространство между двумя Великими войнами. Большевики соединили борьбу за власть в России с борьбой против Русской Православной Церкви.

В первые послереволюционные годы картина церковных настроений на Украине была чрезвычайно запутанной. Пришедшее в 1918 году к власти в Кие-

ве правительство Центральной рады объявило о независимости Украины (Украинской Державы). В связи с этим возникал вопрос об устройстве церковных дел на Украине. Раздавались даже голоса об украинской «автокефалии».

В 1918 году был созван Всеукраинский Церковный Собор, который проходил в Киеве с 7 (20) января по 9 (22) февраля. Архимандрит Николай, как представитель духовно-учебных заведений, принимал участие в деятельности Собора. Собор, сознавая ненормальность подобной возможности (украинской «автокефалии»), в положении о временном высшем управлении на Украине, принятом 9 июля 1918 года, указал на каноническую связь Православной Церкви на Украине с Патриархом Всероссийским и принял специальное постановление, которым «все постановления Всероссийского Церковного Собора и Святейшего Патриарха должны быть безусловно обязательны для всех епархий Украины»[1].

Ввиду бурно развивающихся политических событий Собор дважды прекращал свою работу.

Вспоминая этот период своей жизни, Владыка любил рассказывать о том, как особо почитаемая им угодница Божия святая Великомученица Варвара сохранила его тогда от нечаянной смерти.

Время было неспокойное, на Киев стремительно наступали красные, шла стрельба, всюду рвались снаряды. О. Николай с горсточкой богомольцев в Златоверхо-Михайловском монастыре служил молебен у раки святых мощей великомученицы Варвары. В монастыре было установлено по вторникам после Литургии соборне служить акафист перед мощами Великомученицы в храме, который находился на

[1] «История Русской Православной Церкви», том 1, стр. 104. Издательство «Воскресение», Санкт-Петербург, 1997 год.

втором этаже собора. Во время молебна в храм попал шестидюймовый снаряд, разрушивший его главный купол. «Но все мы, и я, — вспоминал Владыка, — были спасены молитвами Великомученицы!»

На осенней сессии Собора, открывшейся в Киеве 23 ноября 1918 года, сонм православных архиереев, участников Собора, постановил быть архимандриту Николаю епископом Стародубским, викарием Черниговской епархии.

Был назначен день хиротонии — 4 декабря (в день празднования памяти Великомученицы Варвары) в том же Михайловском монастыре. Но неожиданно о. Николай заболел сыпным тифом и около двух месяцев пролежал в больнице при Киево-Печерской Лавре. Хиротония была отложена.

«Лежа в больничной палате, — рассказывал владыка Николай, — я часто задавал себе вопрос — почему моя хиротония была отложена неожиданной моей болезнью? И пришел к выводу, что грехи мои были тому причиной и болезнь дана мне для очищения души.

Я решил провести генеральную исповедь и исповедать перед духовником все мои грехи, начиная с семилетнего возраста. Написав на бумаге все, что открыла мне память, я исповедовал, стоя на коленях перед схимником, все, в чем осуждала меня моя совесть.

Чудная то была исповедь! Такой больше в жизни я не имел! Велика то была и милость Божия ко мне!»

20 октября 1919 года в Чернигове архимандрит Николай был хиротонисан во епископа Стародубского, викария Черниговской епархии. Хиротонию совершали архиепископ Черниговский и Нежинский Пахомий (Кедров) и епископ Новоград-Северский, викарий Черниговской епархии, Иоанн (Доброславин).

«В том, что моя хиротония состоялась в родном мне Чернигове, — говорил впоследствии владыка Николай, — где со мною молились и разделяли мою духовную радость любимые мною и любящие меня черниговцы, я усматриваю особую благость ко мне Отца Небесного и Святителя Феодосия Черниговского, незримо от раки святых мощей своих меня благословлявшего во время возложения на мою главу рук двух святителей.

И еще благодарил я Господа за то, что хиротония состоялась после того, как многие из собиравшихся на Собор в 1918 году архиереев к осени 1919 года уже эмигрировали за границу, и меня рукополагали не двадцать, а два архиерея, оставшиеся, несмотря на смертельную опасность, на своих кафедрах. Слава Тебе, Господи, что я не оказался в расколе, не убежал вместе с другими за границу, а остался на своей Родине».

Дальнейшее служение епископа Николая в Черниговской Епархии проходило под благодатным покровительством Святителя Феодосия, которого Владыка очень почитал. Он говорил также, что с этим Святителем они связаны именами — в миру Святителя Феодосия звали Николаем, а в монашестве он получил имя Феодосий, а владыка Николай, наоборот, в миру был Феодосием, а в монашестве наречен Николаем.

С 1920 года владыка Николай назначен епископом Сосницким, викарием этой же епархии.

Серьезным потрясением церковной жизни России явилось повсеместное вскрытие мощей святых угодников Божиих. 1(14) февраля 1919 года Наркомат юстиции издал постановление об организованном вскрытии мощей. Вскрытия проводили специальные ко-

миссии в присутствии священнослужителей, составлялись протоколы. Если в результате обнаруживалось, что мощи сохранились не в целости, то это обстоятельство в целях атеистической пропаганды выдавалось за сознательный обман и подделку.

В Чернигове так же была создана комиссия по обследованию мощей Святителя Феодосия. Владыка Николай с болью и горечью принял это сообщение.

При обследовании мощей в феврале 1921 года в соборе присутствовало большое количество верующих, состав комиссии был так же многочислен. Когда Владыка вместе с комиссией подошел к раке Святителя и, вынужденный приказом, стал разоблачать святые мощи, он со слезами молил Господа не допустить над Святителем никакого кощунства, и молитва его была услышана. Члены комиссии осмотрели нетленное высохшее тело Святителя Феодосия и убедились, что мощи подлинные.[1]

Но среди пришедших богомольцев была одна женщина, которая усомнилась и подумала, что это не человеческое тело, а искусственная восковая фигура, и решила проверить. Когда она подошла, как и все остальные, приложиться к руке Святителя (руки у него были сложены крестообразно на груди), то

[1] Медицинское заключение о результатах освидетельствования мощей святителя Феодосия Черниговского, составленное в феврале 1921 года: «Предъявленное экспертизе тело, называемое мощами святителя Феодосия, есть действительно тело человека в состоянии сухого омертвения — мумификации без признаков гниения. Данные микроскопического исследования подтверждают найденные внешним осмотром и обнаруживают довольно ясное строение ткани и клеток, в особенности волокнистой ткани, мышечной и красных кровяных телец. О давности тела врачебная экспертиза не может дать свое заключение...» «Страсти по мощам», «Общество Святителя Василия Великого», С-Петербург, 1998 г., стр. 35–36.

незаметно вынула из платья булавочку и уколола руку Святителя. И вдруг из места укола брызнула живая человеческая кровь! В ужасе от этого чуда, женщина тут же исповедала перед всеми свой неправый помысл и дерзкий поступок, и все, видевшие эту капельку крови, возблагодарили Бога, прославившего Своего Угодника. А сама женщина укрепилась в вере.

В наступлении на Русскую Православную Церковь большевики в начале 20-х годов прибегли к помощи модернистской схизмы обновленцев. Последние не приминули воспользоваться ситуацией. Большевики поддерживали обновленцев, чтобы расколом ослабить Патриаршую Церковь, а обновленцы, со своей стороны, стремились поддерживать большевиков, чтобы с их помощью уничтожить Патриаршую Церковь. Раскол еще не успел вполне оформиться в Москве и Петрограде, как круги от него достигли Украины и пошли по ней. Власти здесь признали и поддерживали обновленцев с такой же готовностью, как до того они признали и поддерживали «автокефалитов»[1].

С 6 августа 1923 года владыка Николай был назначен епископом Каширским, викарием Тульской епархии.

С 19 октября 1923 года управлял Тульской епархией и Одоевской. Владыка Николай занял неприми-

---

[1] Митрополит Мануил (Лемешевский) в «Каталоге русских православных архиереев» пишет, что «...с конца 1922 года владыка Николай несколько месяцев примыкал к обновленцам. Затем, узнав о ложности действий последних, удалился от них и тайно скрывался в монастыре «Божье дело», приписанном к Ниловой пустыни». Однако, по мнению лиц, близко знавших владыку Николая, факт пребывания его в обновленчестве, является сомнительным и не вполне обоснованным.

римую позицию по отношению к обновленцам, обличая их с церковной кафедры и объясняя своей пастве гибельность этого пути.

В 1924 году Владыка приехал в Москву, где вместе с группой епископов, в числе которых был архиепископ Феодор (Поздеевский)[1], был арестован органами ГПУ и посажен в Бутырскую тюрьму[2]. Просидев там две недели, Владыка был выпущен[3].

30 марта/12 апреля 1925 года владыка Николай стал свидетелем и участником торжественного погребения в Донском монастыре Патриарха Московского и всея Руси, исповедника Православия Святителя Тихона.

Об этом событии вспоминала впоследствии монахиня Нина (Штауде), познакомившаяся с владыкой Николаем в 50-е годы в Алма-Ате:

«Как-то однажды зашел у нас с владыкой Николаем разговор о Патриархе Тихоне. Оказалось, что Владыка был на его похоронах в Москве весной 1925 года, когда и я была на кладбище Донского монастыря. Тогда так исключительно дисциплинированно вели себя собравшиеся в несметном количестве в ог-

[1] Епископ Феодор (б. еп. Волоколамский, вик. Московской епархии); с 1917 г. был назначен настоятелем Свято-Данилова монастыря г. Москвы, глава т. н. «даниловской оппозиции»; с 1922 г. в ссылке, в октябре 1923 г. Святейшим Патриархом Тихоном был назначен управляющим Петроградской епархией с возведением в сан архиепископа, с 1924 г. в заключении; 1925–1937 в ссылке; расстрелян 23.10.1937.

[2] В Бутырской тюрьме в этот период томились архиепископы Феодор (Поздеевский) и Серафим (Мещеряков), епископы Иркутский Гурий (Степанов), Звенигородский Николай (Добронравов), Винницкий Амвросий (Полянский), Смоленский Валериан (Рудич), Богородский Платон (Руднев), Коломенский Феодор (Ганецкий), Петропавловский Григорий (Козырев).

[3] Архив УФСБ Российской Федерации, дело № Р–37614.

раде монастыря верующие, что я даже могла, находясь в первом ряду около дорожки, по которой шла похоронная процессия, в момент пронесения гроба Святителя освободить руку из цепи и перекреститься: ни один человек при этом не шелохнулся на своем месте, а могли бы любопытные ринуться и смять передние ряды. Но все, очевидно, понимали, что вследствие этого произошла бы катастрофа, так как десятки тысяч людей были заперты внутри ограды. И это дало бы повод торжествовать неверующим, которые, тоже собравшись в большом числе за оградой, следили за нами.

А когда нас выпускали затем небольшими партиями из ворот монастыря, на крыше патриарших покоев стояли епископы и благословляли выходящих, которые постепенно заполнили всю Донскую улицу. ...Я вспомнила эту картину и поделилась этим воспоминанием с Владыкой. «Вот и я стоял тогда на крыше и благословлял выходивших из ворот богомольцев», — сказал он, с улыбкой посмотрев на меня».

11 апреля 1925 года обновленческий синод во главе с лжемитрополитом Вениамином (Муратовским) выступил по поводу кончины Святейшего Патриарха Тихона с призывом к «воссоединению» Церкви, которое должно было, по их планам, состояться на «Поместном соборе Православной Церкви в СССР» в октябре 1925 г. Владыка Николай разделял общее мнение почти всех православных архиереев, что этот собор, на котором обновленцы заранее завладели для себя всеми преимуществами, может принести православным только вред. Поэтому он, последовав примеру томившегося в далекой северной ссылке патриаршего Местоблюстителя митрополита Кирилла (Смирнова), письма и высказывания которого по это-

2 Зак. 27082

му вопросу доходили до верных чад Церкви, а также прочих непримиримых по отношению к раскольникам архиереев, сделал предписание настоятелям и церковным советам не входить в переговоры с обновленцами.

Положение в Тульской епархии в это время было очень тяжелое. Обновленцы захватили подавляющее большинство приходов. Но со своей маленькой паствой епископ Николай упорно боролся против врагов православия. Тульское епархиальное управление принимало все меры для привлечения православных к участию в съезде и в соборе, но епископ Николай и его паства твердо держались намеченной тактики[1]. Исходом этой борьбы был арест Владыки, последовавший 8 мая 1925 года.

Проведя в заключении более двух лет и освободившись 16 сентября 1927 года, владыка Николай был назначен на Орловскую кафедру.

В Орле Владыка служил до следующего своего ареста — 27 июля 1932 года. Некоторое время, предшествующее аресту, по причине трудности жизни и служения в Орле он, как указано в уголовном деле, пребывал на покое.

Вместе с ним было арестовано и проходило по делу еще 128 человек. Епископа Николая обвиняли в том, что он, при содействии пяти человек орловского духовенства, «явился руководителем и организатором контрреволюционной церковно-монастырской организации «Ревнители Церкви», направлял контрреволюционную деятельность на борьбу против Сов. власти и колхозного строительства. Для пополнения рядов контрреволюционеров организации организовал два подпольных монастыря, проводил постри-

[1] Митрополит Мануил (Лемешевский), «Каталог русских православных архиереев».

жения в монашество, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58–10, 58–11 УК РСФСР».

На допросах в ГПУ Владыка дал такие показания:

«Антисоветская деятельность моя была проявлена при индивидуальном моем разговоре среди духовенства и мирян в следующем виде: я принимал у себя и оказывал приют репрессированным Сов. властью за антисоветскую деятельность. Так, по приказу высланному в г. Орел [*неразборчиво*] Назарию предоставлял квартиру и материальную помощь. Я пересылал деньги через близких родственников находящимся в ссылке за антисоветскую деятельность архимандриту Пантелеимону и Льву Адамову. Оказывая материальную помощь, я считал их страдальцами за веру, укреплял их морально, укреплял их способность бороться за дело религии.

Из мест заключения духовенства я получал известия об их жизни и в свою очередь сообщал о своей.

Как я уже показал ранее, я болел душой за закрытие Сов. властью монастырей... [*неразборчиво*].

Моими единомышленниками были игумен Алексий и игумен бывшего мужского орловского монастыря Ипполит Носик, которые стремились организовать вокруг церкви монашество и пополнить монашество глубоко верующими людьми, стремящимися послужить религии. Я стремление их поддерживал. Подбирали для этого подходящих <людей>, и я благословлял игумена Ипполита на постриг их в монашество. Всего с моего разрешения постриглось до 20 человек. Таким путем мы пополняли монашество новыми свежими кадрами. И вопреки запрещениям Сов. власти организовывали монашество вокруг церкви, по сути создали монастыри.

Для более успешного объединения вокруг церкви религиозных крестьян практиковали постриги

схимниц, которых имеется в Орле несколько. Они своим схимничеством известны далеко за пределами Орловского района. К ним на поклон приходили крестьяне из других селений. Приходившие крестьяне задавали всевозможные вопросы, в том числе и о колхозном строительстве. Помню случай, и меня спрашивали — вступать в колхозы? Я на это отвечал, что это дело безбожия, я могу давать ответы на вопросы, связанные с религией. Мой ответ, конечно, не мог удовлетворить спрашивающего. Но, в то же время, в колхозы ходить не следует, как в безбожную организацию. С духовенством г. Орла я иногда беседовал о плохой нашей жизни при Сов. власти, что я и переживал с наложением на меня больших налогов, что частично и послужило причиной моего ухода на покой.

1932 год, ноябрь.
Могилевский читал»[1].

Вот что рассказывал сам Владыка о том времени:

«27 июля 1932 года я был арестован и отправлен в Воронеж, где велось следствие. Об условиях жизни говорить не приходится, потому что в те годы вся наша страна испытывала нужду и в продуктах, и в одежде, и во всем необходимом. Да и мне ли, грешному, говорить о недостаточности питания, когда Господь милостиво сохранял мне жизнь в таких тяжелых условиях, да еще даровал многие-многие радости духовные!

Шло следствие. Надо сказать, что я попал к очень хорошему следователю. Он не оскорблял меня, не подвергал побоям, как было с некоторыми моими соузниками. Я и теперь молюсь о нем и никогда не забуду его доброту, внимание ко мне и необыкновенную порядочность.

---

[1]Архив УФСБ по Курской области, дело № 10015 П, т. 2.

Он долго и подробно расспрашивал меня о религии, о том, как должен вести себя христианин в тех или иных условиях. Следователь несколько раз буквально принуждал меня вспоминать до мельчайших подробностей время моего служения в Чернигове в период гражданской войны. У меня появилось такое чувство, что он что-то знает и хочет, чтобы я сам ему об этом рассказал. Пришлось припоминать все до мельчайших деталей. И вот, по ходу рассказа вспомнились два случая, о которых мне сперва не хотелось говорить, но под нажимом следователя я рассказал о них.

В 1920 году некоторое время отсутствовал в городе епископ Черниговский Пахомий[1], и я остался за правящего архиерея. В это время белых сменяли красные, красных — жевто-блакитные[2] и так далее. И вот однажды, когда Чернигов заняли белые войска, командование решило устроить в городе еврейский погром. Я вовремя узнал об этом, вызвал генерала и архиерейской властью запретил ему это вероломство. Я предложил ему организовать охрану населения и в том случае, если кто-либо будет провоцировать людей на кровопролитие, обязал его принять решительные меры для предотвращения этого. Я даже пригрозил генералу анафемой. Слава Богу, погрома не произошло.

Следователь, конечно, спросил меня, почему я был настроен против погрома — ведь, как сказал он, христиане не любят евреев за то, что они распяли Христа.

---

[1] Епископ Пахомий (Кедров) — с 1917 г. епископ Черниговский; с 29.11.1923 г. в сане архиепископа; с 1927 г. в заключении; † 11.11.1937 г.

[2] Жевто-блакитные (желто-голубые) — орган националистов Украины, сторонников Центральной рады.

Я ответил ему, что это неправильное понимание христианства. Ведь мы, христиане, не имеем права осуждать никого, тем более целую нацию. Если у кого-то есть вина перед Богом, то Господь Сам и осудит Своим судом, а нам дана заповедь: «Не суди, да не судим будешь». Да, евреи предали и распяли Христа, но ведь Господь по плоти родился от еврейки, и Апостолы тоже были евреи, и первые христиане, которые уверовали во Христа после проповеди Апостола Петра, тоже были евреями. И не силой оружия мы должны проповедовать Христа, а любовью к Богу, к ближнему и чистотою своей жизни, поэтому я и запретил это безумное кровопролитие. А крови на фронтах в то время и без того много проливалось.

Шло время. Белые войска сменили красные, затем снова в Чернигов вошли белые войска. Однажды ночью, в одну из таких перемен, будит меня мой келейник и говорит, что какой-то неизвестный человек в кожаной одежде, с большим пистолетом на боку просит меня принять его. Наскоро одевшись, я вышел. Передо мной стоял человек именно такого вида, как описал его мой келейник. На его фуражке была нацеплена красная звезда. Он поздоровался со мной, но под благословение не подошел.

— Чем могу служить? — спросил я его.

Незнакомец заметно волновался, чувствовалось, что ему нужно было переступить какой-то внутренний барьер, чтобы заговорить со мною.

— Я — большевик, комиссар, — наконец сказал он, — но я попал в такую ситуацию, что вынужден обратиться к Вам за помощью. Я прошу у Вас убежища. Я не смог уйти со своими, и сейчас меня обнаружили белые. Если я выйду от Вас, то буду сразу арестован и расстрелян.

Я распорядился, чтобы келейник устроил пришельца в комнате для гостей, накормил его и приготовил постель. Пожелав ему спокойной ночи, я удалился.

Три дня пробыл комиссар под кровом архиерейского дома. Я несколько раз разговаривал с ним. Я задавал ему вопрос, почему новая власть так категорично и жестоко настроена против религии? Но мой собеседник только и мог сказать в оправдание своей политики, что «религия — опиум для народа», а раз опиум, значит — вред, и поэтому большевики должны избавить народ от этого «опиума».

На третий день он, сопровождаемый монахами, был переправлен к своим. Перед уходом он дал мне записку со своим именем, фамилией, названием должности и части, в которой он служил, и сказал, что если понадобится, он так же отплатит мне добром за добро.

В дальнейшем я часто вспоминал этого человека. И хотя записка была давно утеряна, но все данные о нем запечатлелись в моей памяти, так как случай этот был совершенно необыкновенный.

Когда следователь узнал об этом, то мне показалось, что он даже обрадовался.

Через три месяца следователь вызвал меня и сказал, что это время ушло на проверку рассказанных мною фактов, что теперь все доказано и даже есть собственноручно написанные показания того комиссара, которого мне пришлось приютить.

Когда следствие подошло к концу, мы со следователем расставались друг с другом с сожалением. Он доверительно сказал мне:

— Я рад, что хоть какую-то пользу принес Вам своим расследованием, что мне удалось доказать правильность Ваших показаний, а это для Вас не-

мало значит — теперь Вам переквалифицируют статью и дадут не больше пяти лет вместо ожидаемых десяти.

— За что же мне дадут пять лет? — невольно вырвалось у меня.

— За вашу популярность. Таких, как Вы, на некоторое время надо изолировать, чтобы люди забыли о Вашем существовании. Вы имеете слишком большой авторитет среди народа, и Ваша проповедь имеет большое значение для народа. За Вами идут!

Неожиданно было для меня услышать оценку моего служения из уст представителя данного учреждения, но это было именно так.

— Господи! Слава Тебе! Слава Тебе, Господи! Я, грешник, как умел, так и служил Тебе! — только и мог я произнести от радости, наполнившей мое сердце. Теперь уже никакой срок не будет страшить меня».

Постановлением коллегии ОГПУ от 7 декабря 1932 года епископ Николай был осужден по статье 58–10 УК РСФСР на 5 лет лишения свободы[1].

Через четыре месяца после вынесения приговора Владыку из Воронежа отправили в Мордовию в г. Темников, оттуда в Чувашию в г. Алатырь и, наконец, в Саров.

Трудно было Владыке в годы лишений. Но Господь не оставил его. В течение пяти лет пребывания Владыки в лагерях ему помогала его духовная дочь Вера Афанасьевна Фомушкина, хорошо знакомая ему по Орлу[2]. Она решила, что не должна оставлять своего духовного наставника в это трудное

[1] Архив УФСБ по Курской области, дело № 10015П, т. 2.

[2] Вера Афанасьевна впоследствии приняла монашеский постриг с именем Варвара, а перед кончиной — схиму. Скончалась 30 июня 1974 года в Покровском монастыре в Киеве.

время, и, оставив все, последовала за ним. Вера Афанасьевна приезжала в те пункты, куда этапировали Владыку, находила там верующих людей, которые помогали кто чем мог в эти голодные годы, собирала милостыню и передавала Владыке передачи, которыми он делился с другими заключенными.

Вспоминая свои странствия по лагерям, Владыка много рассказывал о Сарове, где он пробыл довольно долгое время:

«После закрытия и разорения монастыря в его помещениях был образован исправительно-трудовой лагерь, в который я и попал. Когда я переступил порог этой святой обители, сердце мое исполнилось такой невыразимой радости, что трудно было ее сдержать.

«Вот и привел меня Господь в Саровскую пустынь, — думал я, — к преподобному Серафиму, к которому в течение моей жизни неоднократно обращался я с горячей молитвой».

Я перецеловал в монастыре все решеточки и все окошечки. В те времена была еще цела келья преподобного Серафима.

В этом лагере было много лиц духовного звания. Был там иеромонах из Петербурга о. Вениамин (фон-Эссен). Он был замечательным художником. Лагерное начальство учитывало способности и таланты заключенных, и ему было поручено писать разные плакаты и даже картины для оформления лагеря и каких-то учреждений. В его распоряжение отвели большую светлую комнату и предложили подобрать способных помощников.

Отец Вениамин, воспользовавшись доверием, подобрал себе помощников из духовного звания, в число которых попал и я. Это была великая милость Божия!

Первое время нелегко ему было с такими «помощниками», но скоро мы научились всему: резать бумагу на равные части, растирать и разводить краски, точить карандаши и делать другую подсобную работу.

Вере Афанасьевне каким-то образом удавалось передавать нам кагор и просфоры. Они были испечены в виде обыкновенных булочек довольно темного цвета. И мы в той комнате, что была отведена нам для художественной работы, на этом приношении совершали Божественную Литургию. Антиминс нам также достала и передала Вера Афанасьевна.

Я все то время, что пребывал в Сарове, так и считал, что нахожусь на послушании у преподобного Серафима, этого земного Ангела и небесного человека, по молитвам которого Господь посылает нам такое утешение, что мы можем служить в заключении Литургию и причащаться Святых Христовых Таин. И не только я, но и все мои солагерники так же считали, что Господь даровал нам большую духовную радость — быть в послушании у преподобного Серафима в Саровской пустыни».

В 1937 году епископ Николай был освобожден из лагеря. Но, не получив назначения на кафедру, он проживал сначала в г. Егорьевске Московской области, а затем в г. Киржаче Ивановской области. В этот период по вызову Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия (Страгородского) он часто приезжал в Москву для исповеди митрополита Сергия и помощи в делах Патриархии. Тогда он имел возможность служить в московских соборах — в Богоявленском Елоховском, Богоявленском Дорогомиловском (впоследствии взорванном), в храме Сорока мучеников, что напротив Новоспасского Монастыря

и Илии Обыденного. Много времени проводил Владыка в библиотеке Патриархии. Впоследствии он с большой теплотой вспоминал об этом периоде. «Часто и подолгу проживал я у митрополита Сергия, пользуясь его отеческой лаской и помогая ему».

И в дальнейшем, когда после следующего ареста, тюрьмы и ссылки владыка Николай был назначен на Алма-Атинскую кафедру, он ежегодно 12/25 мая в день кончины Патриарха Сергия совершал заупокойные панихиды, со слезами молясь о упокоении души его в селениях праведных.

Начавшаяся Вторая Мировая война изменила карту Европы. В 1939 году произошло включение в состав СССР Западной Украины и Западной Белоруссии, а в 1940 году — Бессарабии и Прибалтики. Продвижение границ Советского государства на запад территориально расширило юрисдикцию Российской Православной Церкви. К концу 1940 года митрополит Сергий приступил к устройству Церковных дел в этих областях.

В 1941 году владыка Николай был возведен с сан архиепископа.

Весть о начале Великой Отечественной войны застала Владыку прямо перед совершением им Божественной Литургии.

«Я служил проскомидию, — вспоминал Владыка, — когда один из моих друзей в тиши алтаря сообщил мне эту ужасную весть. Что я мог сказать пастве, в слезах ожидавшей не моего, а Христова утешения?

Я только повторил то, что сказал некогда св. Александр Невский: «Не в силе Бог, а в правде!»

В тот год 22 июня праздновалась память всех Святых в земле Русской просиявших. Думаю, в этом есть

особый смысл. По грехам нашим понесли мы тогда тяжелое испытание, но Святые земли Российской не оставили нас своим заступничеством: будучи искушаемы, они могли и искушаемым помочь. Мы обращались к ним, нашим землякам, за помощью и эта небесная помощь явилась тогда, когда ее трудно было ожидать, и проявилась она не только в мужестве и героизме наших воинов, не только в единении всего народа, но и в тех обстоятельствах, которые помогли получить нам законную и справедливую победу».

И вслед за этой вестью архиепископа Николая постигло новое испытание — 27 июня 1941 года Владыка был арестован и помещен в тюрьму г. Саратова, где проводилось следствие.

Материалы уголовного дела[1] свидетельствуют:

«Могилевский Феодосий Никифорович, в 1937 году отбыв наказание, возобновил антисоветскую деятельность, установил связи с церковниками Москвы, Тулы, Орла и других городов. Снабжал приезжавших епископов западных областей Украины, Белоруссии и Прибалтийских республик антисоветской клеветнической информацией о положении религии в СССР с целью вызова недовольства среди верующих. В марте 1941 года встречался с епископами, приезжавшими из западных областей УССР. На одном из собраний епископата он, в частности, заявил:

«...Большинство епископов в СССР находятся в ссылках. Митрополит Сергий окружен небольшой группой епископов, к которым не расположена масса верующих... Советская власть усиливает свое давление на Церковь и верующих».

[1] Центральный архив УФСБ России, дело № Р-37614.

Пользуясь информацией Могилевского, духовенство из западных областей усилило распространение провокационных слухов:

«Оказывается, в СССР нет архиереев. Мне об этом подробно рассказывал Николай Могилевский. Он говорил, как пачками высылали архиереев в известные годы. Теперь их нет на Севере России, на Украине, в Сибири. Я все-таки думал, что хоть где-то архиереи имеются, а теперь узнал, что их нет» (Епископ Алексий (Громадский)).

Епископу Симону (Ивановскому), приехавшему в Москву из Ровенской области, Могилевский заявил:

«Вас на Западной Украине ждет то же, что пережили мы здесь. Будьте готовы к разгрому церкви и к террору над духовенством, к колхозным насилиям и к другим подобным прелестям».

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По следственному делу № 3230 по обвинению Могилевского Феодосия (Николая) Никифоровича в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58–10 ч. 1 и 58–11 УК РСФСР.

В НКГБ СССР поступили данные о том, что служитель религиозного культа Могилевский Феодосий (Николай) Никифорович в 1932 году был осужден, как организатор и руководитель церковно-монархической группы, по отбытию наказания вновь возобновил антисоветскую работу, установил преступные связи с церковниками ряда городов и проводил среди них церковную агитацию.

На основании этих данных 2 июля 1941 года Могилевский был арестован.

Произведенным по делу расследованием установлено, что Могилевский, будучи враждебно настроен к Советской власти, систематически в своем окружении проводил антисоветскую агитацию. Снабжал приезжавших епископов западных областей Украины, Белоруссии и Прибалтийских республик антисоветской клеветнической информацией о положении религии в СССР с целью вызова недовольства среди верующих.

В предварительном обвинении Могилевский виновным себя признал частично.

Обвинительное заключение составлено в Саратове 25 августа 1941 года.

Постановлением Особого Совещания при Народном Комиссариате Внутренних Дел СССР Могилевского Феодосия (Николая) Никифоровича, как социально-опасный элемент, сослать в Казахскую ССР сроком на 5 лет, считая срок с 27-го июня 1941 года.

Пробыв в Саратове в общей сложности шесть месяцев, владыка Николай был направлен в Казахстан, в город Актюбинск, а оттуда через три месяца в город Челкар Актюбинской области.

Челкар представлял собой небольшое поселение в глухой полупустыне на железнодорожной станции, состоящее из маленьких глинобитных домишек. Летом эта пустыня с ее сыпучими песками и горячими ветрами казалась безжизненной, она словно вымирала от палящего знойного солнца, которое выжигало и без того скудную ее растительность. А зимой ледяная пурга и трескучий мороз были хозяевами в этой бескрайней и унылой местности.

Когда много лет спустя Владыке задали вопрос: «Как он отнесся к этому переселению? Не было ли

в его сердце ропота или обиды?» — Владыка отвечал: «На все воля Божия. Значит было необходимо перенести мне это тяжелое испытание, которое закончилось большой духовной радостью. Господь не посылает испытаний сверх сил никому. Так и мне, Он всегда посылал испытания, а вслед за ними духовные радости».

На тяготы и злоключения, перенесенные в ссылке, Владыка никогда не жаловался, а если и приходилось ему об этом рассказывать, то не для того, чтобы ему посочувствовали, а как назидание.

«А вы подумайте, что будет, если человек всю жизнь станет проводить в неге и довольстве, в окружении близких и родных людей? Такая жизнь может отрицательно подействовать даже на самую благочестиво настроенную христианскую душу. При такой жизни неизбежно развивается самодовольство, тщеславие, а за ними и гордость. Жизнь, пресыщенная благами земными, приводит к окаменению сердца, к охлаждению любви к Богу, к ближнему. Человек от излишеств становится жестоким, не понимающим чужого горя, чужой беды. Вспомните, как многие богатые и благородные люди, верные христиане, боясь такого окаменения сердечного, раздавали свои имения и сами становились бедняками только ради того, чтобы не уклониться в гордость и нерадение и не отпасть от Бога.

Нужно помнить, что Бог, по изгнании человека из рая, сказал ему: «В поте лица будешь добывать хлеб свой». А слова Божии не бывают тщетными. И Сам Господь во время Своего странствия на земле не знал, где главу приклонить, а ведь мог умолить Отца, и Он дал бы Ему миллионы Ангелов. И нам заповедал Господь идти тесным путем и входить узкими вратами в Царство небесное».

Владыка ехал на вольную ссылку, но в арестантском вагоне. На станцию Челкар поезд прибыл ночью. Охранники вытолкали Владыку на перрон в нижнем белье и рваном ватнике. Его немудреный багаж, растерянный еще по предыдущим пересылкам, теперь совершенно растаял. В руках у Владыки было только удостоверение, с которым он должен два раза в месяц являться в местное отделение НКВД на отметку.

Оставшуюся часть ночи Владыка пересидел на вокзале. Настало утро. Надо было куда-то идти. Но как идти зимой в таком виде? Да и идти было некуда. Владыке пришлось обратиться за помощью к старушкам, и на его просьбу откликнулись добрые женские сердца. Старушки подали ему кто — штаны, кто — телогрейку, кто — шапку, кто — залатанные валенки. Бедного старика, так ласково просившего помочь ему, кое-как одели и обули. Одна старушка приютила его в сарае, где у нее находились корова и свинья. Владыке в это время шел уже 65-й год. Голова его была бела, и вид его невольно вызывал сострадание. Владыка пытался устроиться на работу, но никто не брал его, — он выглядел старше своих лет. Он вынужден был собирать милостыню, чтобы не умереть с голоду.

Впоследствии, когда духовные чада спрашивали у Владыки: «Почему Вы не сказали старушкам, которые дали Вам одежду, что вы — епископ? Наверняка нашлись бы верующие люди, которые помогли бы», — Владыка отвечал: «Если Господь посылает крест, Он же и силы дает, чтобы его нести, Он же его и облегчает. В таких случаях не должна проявляться своя воля, нужно всецело предаваться воле Божией. Идти наперекор воле Божией недостойно христианина. Почему наши крес-

ты кажутся нам иногда особенно тяжелыми? Потому что мы противимся Божественному промыслу, пытаемся сами своими силами изыскивать себе облегчение, но не получаем его в таких случаях, терпение наше иссякает, и мы начинаем тяготиться своим крестом.

А если свой крест нести терпеливо, с надеждой на помощь Божию, то никогда он не будет невыносимо тяжелым, и после того, как человек терпеливо перенесет посланные ему испытания, Господь посылает духовную радость».

Так, до глубокой осени 1942 года Владыка продолжал влачить нищенское существование. Физические силы его были на исходе. От недоедания и холода у него развилось худосочие, тело его было покрыто нарывами, от грязи завелись вши. Силы покидали не по дням, а по часам...

И вот пришел момент, когда иссякли последние силы и Владыка потерял сознание.

Очнулся он в больнице, в чистой комнате, в чистой постели. Было светло и тепло, над Владыкой склонились люди. Он закрыл глаза, решив, что все это ему кажется. Один из склонившихся проверил пульс и сказал:

— Ну вот, почти нормальный! Очнулся наш дедушка!

Слова эти были сказаны с такой радостью, что Владыке показалось, что их произнес какой-то очень близкий ему человек. Он снова открыл глаза и тогда только понял, что это ему не кажется, что это не сон, а все происходит наяву, что он в больнице, и радость охватила его от мысли, что он может какое-то время полежать в этой прекрасной обстановке. Истерзанное сердце его и изможденное тело нуждалось в отдыхе, он очень хотел отдохнуть.

Поправлялся Владыка медленно. А когда поднялся с постели, сразу же стал стараться принести пользу окружающим. Кому воды подаст, кому судно принесет, кому постель поправит, кому скажет доброе слово. В больнице полюбили этого доброго старичка. Все стали называть его ласково: «Дедушка». Но только один молодой врач знал трагедию этого «дедушки», знал, что, выпиши его из больницы, он опять пойдет просить милостыню и жить рядом с коровой и свиньей. Врачу было жаль «дедушку», и он держал его в больнице, сколько это было возможно. Но шла война, и каждая койка была на учете.

И вот настал день, когда врачу предложили выписать «дедушку» из больницы. Загрустил Владыка — так он свыкся с больными, с врачом, с медсестрами и нянечками. Да и куда ему было идти? Он стал молиться Господу, снова отдавая себя в Его волю: «Куда Ты, Господи, пошлешь меня, туда и пойду!»

К выписке «дедушки» готовилась вся больница. Ему принесли почти целые, только чуть залатанные валенки, подштопанное, но совершенно чистое белье, брюки и куртка тоже были совсем приличного вида, а шапка, которую принес молодой врач, была просто роскошная. Из скудных больничных пайков выделили на первое время немного съестного.

Перед самым выходом из больницы Владыка надел все свои обновки. И вот, когда все собрались проститься с добрым «дедушкой», вошла нянечка и сказала:

— Дедушка, за вами приехали!

— Кто приехал? — спросили все разом.

— Да тот самый татарин, который вам иногда передачи приносил, разве не помните?

Конечно, Владыка не мог забыть, как регулярно, через каждые десять дней, ему передавали от како-

го-то незнакомого ему татарина пару татарских лепешек, несколько яиц и несколько кусочков сахара. И еще знал Владыка, что именно этот татарин подобрал его, полуживого, без памяти лежащего на дороге, и отвез в больницу.

Ошеломленный, Владыка пошел к выходу. Действительно, у больничных дверей стоял татарин с кнутом в руках.

— Ну, здоров, бачка! — сказал он Владыке и улыбнулся добродушной улыбкой.

Владыка тоже поздоровался с ним. Вышли на улицу, татарин посадил Владыку в сани, сел сам, и они поехали. Был конец зимы 1943 года.

По дороге они не разговаривали. Владыка не мог говорить от переполнявших его чувств. «Слава Тебе, Господи! Слава Тебе, Господи!» — только и мог он мысленно повторять.

Сани остановились у домика татарского типа. Татарин помог Владыке слезть с саней и завел его в дом. Их встретила женщина. Татарин только посмотрел на нее, и она моментально ушла, как потом оказалось, приготовить пищу и чай, которые вскоре появились на столе.

После ужина и чая, когда душа Владыки немного успокоилась, начался разговор между этими двумя людьми, жизненные пути которых пересеклись по Божественному промыслу.

— Почему вы решили принять участие в моей жизни и так милостиво отнеслись ко мне? Ведь вы меня совсем не знаете, — поинтересовался Владыка.

— Надо помогать друг другу, — ответил татарин, — Бог сказал, что мне надо помогать тебе, надо спасать твою жизнь.

— Как сказал вам Бог? — изумленно спросил Владыка.

— Не знаю как, — ответил татарин, — когда я ехал по своим делам, Бог сказал мне: «Возьми этого старика, его нужно спасти».

Для Владыки началась спокойная жизнь. Татарин имел связи и смог устроить так, что через некоторое время в Челкар приехала Вера Афанасьевна, которая также была сослана, но в другую местность. Вера Афанасьевна не стала скрывать от окружающих, кто такой тот «дедушка», которого заботливо выходили челкарцы. И снова нашлись добрые верующие сердца, которые откликнулись на призыв помочь архиерею.

Шел 1943 год. Он ознаменовался победами советских войск в решающих битвах под Сталинградом и на Курской дуге, определивших исход Великой Отечественной войны. Закономерность, с которой военные успехи Советской армии увеличивались по мере ослабления государственного гнета на Церковь, все больше убеждала людей в том, что за внешними событиями эпохи стоит Воля неземная и что Сам Бог сокрушает врагов России.

5 сентября в газете «Известия» появилось следующее сообщение:

«4 сентября с. г. у Председателя Совета Народных Комиссаров СССР т. И. В. Сталина состоялся прием, во время которого имела место беседа с патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием, Ленинградским митрополитом Алексием и экзархом Украины, Киевским и Галицким митрополитом Николаем.

Во время беседы митрополит Сергий довел до сведения Председателя Совнаркома, что в руководящих кругах Православной Церкви имеется наме-

рение созвать Собор епископов для избрания Патриарха Московского и всея Руси и образования при нем Священного Синода.

Глава правительства т. И. В. Сталин сочувственно отнесся к этим предложениям и заявил, что со стороны правительства не будет к этому препятствий. При беседе присутствовал Заместитель председателя Совнаркома СССР т. В. М. Молотов».

Помимо прочих насущных проблем, которые обсуждались при этой беседе, митрополит Ленинградский Алексий спросил у Сталина о возможности освобождения из ссылок, лагерей и тюрем архиереев. На просьбу Сталин ответил: «Представьте такой список, его рассмотрим».

По существу эти уступки явились лишь широким жестом безбожной власти по отношению к гонимой ею Церкви, за которым стоял трезвый политический расчет и понимание того, что искоренение религии — цель утопическая и недостижимая. Предпочтение было отдано иному, более трезвому соображению: Сталин поставил митрополитов в известность о том, что правительство полагает создать специальный орган — Совет по делам Русской Православной Церкви. Это ведомство по-прежнему должно наблюдать за умонастроениями в церковной среде, выявлять нелояльные и антисоветские элементы и беспощадно искоренять их.

8 сентября 1943 года состоялся Архиерейский Собор. В нем приняли участие всего лишь 19 архиереев, причем некоторые из них были срочно освобождены из мест заключения и самолетом доставлены в Москву. На Соборе по предложению митрополита Алексия главой Русской Православной Церкви был избран патриарший Местоблюститель митрополит

Сергий (Страгородский), и 19 сентября состоялась интронизация Патриарха в кафедральном Богоявленском соборе[1].

Через месяц, 8 октября 1943 г., при Совнаркоме СССР был образован Совет по делам РПЦ под председательством Г. Г. Карпова. Положение Совета можно сравнить с положением обер-прокурора Святейшего Синода: и тот и другой представляли интересы государства, но с той большой разницей, что теперь это было государство, враждебное Церкви, а не благорасположенное к ней. Однако Церковь получила после встречи митрополита Сергия со Сталиным возможность назначать епископов на вакантные кафедры, открывать новые приходы.

Эти события повлияли и на духовную жизнь далекого и как бы забытого Богом Челкара. Жители Челкара стали хлопотать о построении молитвенного дома. А пока владыка Николай имел возможность служить в доме одной бедной женщины, потерявшей на войне мужа и двоих сыновей.

После стольких лет гонений, горя и нужды Владыка снова приступил к пастырскому служению, стал проповедовать, наставлять, утешать, вселять надежду в души людей. Владыка служил в собственноручно сшитом холщовом облачении как простой священник, иерейским чином совершал Литургии и Всенощные бдения, крестил, венчал, отпевал усопших и убиенных на фронтах воинов.

«При этой окружающей дикой природе, — писал Владыка в одном из писем тех лет, — я все же имею великое духовное утешение, что скрашивает мое одиночество. За отсутствием здесь священ-

[1] Молитвенный дом в Челкаре в честь Вознесения Господня был зарегистрирован в 1946 году. ЦГА РК, ф. 1709, оп. 1, д. 3.

нослужителей, я приглашен к служению. Имеем молитвенный дом, где Литургисаю (по-иерейски), совершаю всякие требы; особенно приятно было совершить уже более 15 бракосочетаний. Имеем колокол, а ко дню Святой Пасхи зазвоним во все четыре[1].

...А все же милая родина грезится мне... К ней моя мысль, все мое сердце, хочется снова, как когда-то, послужить ей — здесь не то: там ширь, простор, нивы...

Мое одиночество разделяет мать Вера. Она сопутствует мне во всех моих «командировках», прибыла и сюда».

Подходил к концу 1943 год, война унесла уже много жизней, много возвратилось с фронта калек, и переполненная до краев река народного страдания все наполнялась и наполнялась народным горем.

Война продолжалась, но по всей стране уже восстанавливались храмы, открывались новые приходы. Важнейшей заботой Патриарха было замещение архиерейских кафедр, большинство из которых вдовствовало.

27 октября 1943 года Патриарх Сергий направил в Совет по делам РПЦ заявление на имя председателя Совета Г. Г. Карпова следующего содержания:

«Прошу Вас возбудить пред Правительством СССР ходатайство об амнистии перечисленным в прилагаемом списке лицам, которых я бы желал привлечь к церковной работе под моим ведением».

К заявлению был приложен список 26 священнослужителей, в число которых было внесено имя архиепископа Николая (Могилевского).

---

[1] «История Русской Православной Церкви», том 1, стр. 337—340, изд. «Воскресение», Санкт-Петербург, 1997 год.

Все поименованные в этом списке, кроме одного епископа Николая, в действительности были уже расстреляны или погибли в лагерях от каторжных условий жизни, от голода и тяжких работ[1].

Но освобождения из ссылки владыки Николая не последовало.

10 октября 1944 года Владыка сам направил Народному Комиссару Внутренних дел СССР «усердную просьбу», в которой просил снять с него звание «вольного ссыльного», разрешить уехать в Россию «и там занять епископскую кафедру по назначению Патриаршего Синода, и тем дать возможность послужить дорогой, Священной нашей Родине, особенно в годину тяжелых для нее испытаний на войне»[2].

Постановлением Особого Совещания при Народном Комиссариате Внутренних Дел СССР от 19 мая 1945 года владыка Николай был освобожден досрочно[3].

«О моих перспективах, — писал Владыка из Челкара в Орел своему другу протоиерею Иоанну Дубакину, — они не оправдались совсем, но, возможно, скоро станут яснее.

В мае месяце я получил частное извещение о состоявшемся в Синоде назначении меня в Алма-Ату (столицу Казахст.).

Канцелярией это дело не оформлено, почему-то откладывается оформление. Патриарх Алексий отправился в заграничную поездку на Восток.

Здесь произошло другое: 18 июня мне объявили об освобождении. Теперь вполне возможно стало мое

---

[1] Протоиерей Владислав Цыпин, «История Русской Церкви», издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, Москва, 1997 г., книга девятая, стр. 304.

[2] Архив УФСБ РФ, дело № 3230.

[3] Окончание срока ссылки должно было последовать 27 июня 1946 года.

назначение и в Россию. Узнав о возвращении Патриарха, я послал письменную просьбу ему об устроении меня в России. И теперь жду его решения, а через него Божия о мне определения.

Более сорока моих братьев уже вышли на ниву Христову — хочу и я встать с ними в ряды делателей виноградника Его».

В этот период Патриархом Алексием и Святейшим Синодом решался вопрос о нормализации церковной жизни на территории Казахстана. Алма-Атинская кафедра вдовствовала с 1937 года, после того как 10 октября был расстрелян преосвященный архиепископ Алма-Атинский Тихон (Шарапов) вместе с приближенным к нему духовенством. С 1937 года в Алма-Ате не было ни одного действующего православного храма, а во всем Казахстане их насчитывались единицы. Казахстанской епархии как таковой не существовало, и Казахстан в 1944 году был включен, как и в предреволюционные времена, в состав Ташкентской и Среднеазиатской епархии. Находившийся в то время на Ташкентской кафедре епископ Кирилл (Поспелов) в 1944 году предпринял поездку в Алма-Ату, о чем свидетельствует его записка уполномоченному по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме Казахской ССР Грязных В. В.:

«Трехнедельное мое пребывание в г. Алма-Ата осенью сего 44 года с целью проведения религиозно-патриотической работы, как Вам известно, за отсутствием православного храма, осталось безрезультатным. Между тем, будучи в Москве, я, вместе с прочими Епископами, слушал высокоталантливую речь уполномоченного по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме Союза ССР тов. Карпова, который особенно ярко отметил большую религиозно-

патриотическую работу духовенства православной церкви. Горячее патриотическое чувство побуждает меня вторично прибыть в г. Алма-Ата с надеждой на этот раз восполнить совместные недочеты моей и местной советской власти в первую поездку. Я твердо храню в памяти Ваши уверения на тот счет, что в самом непродолжительном времени вместо указанного Москвой Троицкого храма будет открыт в г. Алма-Ата или Никольский храм, или даже Соборный. Поэтому льщу себя надеждой получить от Вас телеграфное приглашение на освящение в г. Алма-Ата православного храма, в котором я, надеюсь, успешно проведу религиозно-патриотическую работу.

Кирилл, епископ Ташкентский и Среднеазиатский, 1944 год»[1].

Поскольку Ташкентская и Среднеазиатская епархия была неимоверна велика по своей территории, в Священном Синоде выражались мнения о дроблении Казахстана на регионы, которые отошли бы к иным епархиям, а именно: Семипалатинская и Петропавловская области — к Новосибирской епархии, а Кустанайская область — к Свердловской епархии.

Но епископом Ташкентским Кириллом, а также уполномоченным по делам Русской Православной Церкви при Совнаркоме КазССР поднимался вопрос о необходимости образования самостоятельной епархии — Казахстанской с кафедрой в г. Алма-Ате, о чем епископом Кириллом был предоставлен рапорт Святейшему Патриарху Алексию, в котором говорилось:

«Как известно Вашему Святейшеству, в состав Ташкентской и Среднеазиатской епархии входят 5 республик: Казахстанская, Киргизская, Узбекская,

[1] ЦГА РК, фонд 1709, оп. 1 д. 7.

Таджикская и Туркменская. В каждой из этих республик имеются уполномоченные по делам Русской Православной Церкви при Совнаркомах, с которыми епархиальному епископу приходится согласовывать работу. Со стороны каждого из них при установлении епархиально-административного управления (организации благочиннических округов) отмечаются настойчивые требования в отношении сохранения республиканских границ.

С этой целью мне приходится самому лично объезжать свою епархию. В четырех республиках, а именно: Узбекской, Киргизской, Таджикской и Туркменской мною, в согласии с уполномоченными по церковным делам при Совнаркоме уже организованы благочиннические округа, с назначением в каждый из них не только благочинных, но и миссионеров, работников по религиозно-патриотическому делу. Остается только одна республика, и самая обширная по территории — Казахская, в которой я посетил только некоторые церковные точки, но всей территории этой республики не объехал. Поэтому благочиннические округа в этой республике намечены по географической карте, а не по указаниям церковной целесообразности.

...Центром Казахской республики является г. Алма-Ата. При посещении этого города, в беседе с уполномоченным ... я пришел к глубокому убеждению, что для этой республики необходим епископ, если на первых порах не епархиальный, то непременно викарный, с постоянным пребыванием в г. Алма-Ата.

Таким образом, дробление в церковно-административном отношении этой республики не только нецелесообразно, но совершенно недопустимо.

...Во внимание ко всему изложенному прошу Ваше Святейшество задержать исполнением указы

Священного Синода на имя архиепископа Варфоломея[1] и епископа Товии[2] до объезда мною всех церковных точек Казахской республики и до предоставления по сему поводу моего окончательного мнения.

Смиренный Кирилл, епископ Ташкентский и Среднеазиатский, 12 мая 1945 г.»[3].

5 июля 1945 года постановлением Священного Синода была образована Алма-Атинская и Казахстанская епархия, управляющим которой был назначен архиепископ Николай (Могилевский)[4].

«Прошлая жизнь, — писал Владыка в одном из своих писем этого периода, — со многими ее этапами горькими, дала нам лучший урок к терпению и упованию. Теперь, имея опыт этого учителя, можно ...смело, бодрым духом изыти на дело свое. Господь зовет. Дух побуждает. Нива Божия ждет к себе делателя. Надо идти.

Теперь можно говорить об этом определеннее, так как перспективы моей жизни и предстоящих работ выяснены. Указом Патриарха я назначен в Алма-Ату с титулом «Алма-Атинский и Казахстанский» — в город зелени, фруктов, красивый город — столицу всего Казахстана.

Слово «столица» смущало мой немощный дух, я просился в маленький городок родной матушки-Рос-

---

[1] Архиепископ Новосибирский.

[2] Епископ Свердловский.

[3] ЦГА РК, фонд 1709, оп. 1 д. 7.

[4] В ее состав вошла вся государственная территория Казахской ССР, кроме Петропавловской и Семипалатинской областей, которые оставались в составе Новосибирской епархии. В 1948 году была выделена Семипалатинская епархия, в состав которой входили Семипалатинская, Павлодарская и Восточно-Казахстанская области. В 1950 году они отошли к Алма-Атинской и Казахстанской епархии. Поэтому с 1950 года архиепископ Николай имел в своем окормлении весь Казахстан (ЦГА РК, фонд 1709).

сии, но Господу, видится, угодно увеличить тяжесть архиерейского омофора. Буди тако, яко изволися!»

Владыка Николай прибыл в Алма-Ату 26 октября 1945 года в день празднования иконы Божией Матери, именуемой Иверская.

В дневнике, который Владыка вел в течение 10 лет пребывания на Алма-Атинской кафедре, сохранилась такая запись:

«1945 год.

Господи, благослови!

18-го июня был освобожден.

5-го июля получил назначение быть мне Архиепископом Алма-Атинским и Казахстанским.

С 21-го августа был в Москве до 17/IX.

22 октября выбыл в Алма-Ату, куда прибыл 26/X. Был встречен о. благочинным Михаилом Серебряковым, протодиаконом о. Михаилом и членом ц/с. Накануне 28-го служил первую Всенощную и Литургию в Казанской церкви. Вступительная речь — о трудностях служения пастырского...»[1]

Владыке Николаю было поручено точно установить границы своей епархии путем переписки с епископами Ташкентским, Новосибирским и Свердловским с донесением о сем Священному Синоду.

Немногим раньше, в начале 1944 года, православные алма-атинцы стали добиваться открытия отнятого у них в 1929 году Туркестанского Кафедрального собора, о чем ими было подано заявление в горсовет Алма-Аты. Но ходатайство было отклоне-

---

[1] Однако в докладной записке Патриарху Алексию владыка Николай писал: «...фактически открытие Алма-Атинской и Казахстанской епархии следует считать с 1 ноября 1945 года, т. е. с моего прибытия на Алма-Атинскую кафедру и вступления в управление епархией» (ЦГА РК, фонд 1709, оп 1, д 7).

но со ссылкой на то, что здание собора расположено в центре города, на территории парка 28 гвардейцев-панфиловцев и используется как Центральный Государственный музей КазССР[1].

Через некоторое время верующими было подано заявление об открытии в Алма-Ате Троицкой или Казанской церквей. И по решению Горсовета 16 декабря 1944 года была открыта Казанская церковь в районе города, называющемся Малой Станицей[2]. Но верующие продолжали добиваться открытия Кафедрального собора, мотивируя это тем, что Казанская церковь расположена далеко от центра города.

До назначения на Алма-Атинскую кафедру правящего архиерея верующие обращались за поддержкой по этому вопросу к Ташкентскому архиепископу Кириллу, который, в свою очередь, поддержал ходатайство верующих, обратившись с просьбой об открытии Кафедрального собора в Совнарком КазССР. В случае отказа в передаче собора, владыка Кирилл ходатайствовал о передаче верующим второй по величине в городе Никольской церкви[3], закрытой 19 февраля 1936 года, в которой в то время располагалась военная штрафная рота. Но горсовет передавать верующим просимые храмы не торопился.

Итак, приехав в Алма-Ату, владыка Николай начал свое служение в маленькой, отдаленной от центра города Казанской церкви. Алма-атинцы, пережившие суровые годы гонений, годы церковной смуты и расколов, перенесшие скорби военных лет, с великим духовным подъемом и со слезами радости встретили долгожданного архипастыря-исповедника, перестрадавшего в эти годы со всем русским на-

[1] Решение Горсовета от 29.03.1944 г. ЦГА РК, фонд 1709, оп. 1, д. 7.
[2] ЦГА РК, фонд 1709, оп. 1, д. 7.
[3] Там же.

родом и вместе с ним устоявшего в вере в период попущенных Богом огненных испытаний. Православный люд со всего города и его окраин стал стекаться в отдаленную церковь, которая не могла вместить всех жаждущих духовного утешения.

Владыка стал ходатайствовать об открытии расположенной в центре города Никольской церкви.

«Многотысячный наплыв молящихся в Рождественские и в Крещенские праздники в Казанскую церковь Малой станицы города, — писал Владыка председателю Совета по делам РПЦ при Совмине КазССР С. Р. Вохменину, — со всей остротой возбуждает вопрос о необходимости открытия храма в г. Алма-Ате не только как места архиерейских служений, но и в целях полного удовлетворения религиозных нужд верующего населения города. Эта необходимость усугубляется приближением Великого поста. В силу этого убедительно просим Вас ускорить разрешение вопроса с передачей нам храма в городе, чтобы нам иметь возможность провести нужный ремонт в нем и с началом поста приступить к богослужениям.

Архиепископ Николай. Епархиальный Совет. 23 января 1946 год».[1]

В скором времени Никольская церковь была передана общине верующих. В то время храм представлял собой неприглядное зрелище — он стоял без крестов, с сорванными куполами и снесенной колокольней. Ни иконостаса, ни икон, ободранные до древесины стены. Кирпичная кладка тупика подвала изрешечена пулевыми выстрелами. Но очень обрадовался Владыка, когда узнал, что северный придел храма прежде был освящен в честь особо чтимой им угодницы Божией святой Великомученицы Варвары.

[1] Там же, д. 16.

Община сразу приступила к ремонту. На Благовещение 1946 года, когда еще внутри и снаружи храма стояли леса, в нем прошло первое богослужение. Никольская церковь стала Кафедральным собором новообразованной Казахстанской епархии.

Впрочем, не все шло так гладко. В ходе ремонтных работ выявились факты хищения предназначенных на ремонт денег. Проверка документов вскрыла подлоги, подделки подписей, завышение расходов материалов и прочие жульнические махинации, проводимые некоторыми членами церковного совета Никольского собора. Дело было расследовано горпрокуратурой, а Владыке пришлось принимать меры пресечения и отстранять виновных от работы[1].

Возрождая духовную жизнь в новообразованной Казахстанской епархии, владыка Николай с первых же дней вступления на кафедру нес бремя подчиненности и зависимости от государственной власти и каждое свое действие был обязан согласовывать с уполномоченным Совета по делам Русской Православной Церкви. Как пример тому можно привести следующий факт.

10 ноября 1946 г. в Никольском храме г. Алма-Аты состоялся духовный концерт, имеющий целью сбор средств на ремонт храма. «Архиерейский хор под управлением Марфы Ильиничны Масаловой прекрасно исполнил целый ряд духовных песнопений в композициях: Архангельского, Бортнянского, Зиновьева, Рютова и др. Исполняемые произведения предварялись словами архиепископа Николая, протоиереев Серебрякова, Синицина и священника Певунова. Присутствовало очень много народа. Впечатление концерт произвел огромное. Закончился концерт мно-

[1] ЦГА РК, фонд 1709, оп 1, д. 26, 30.

голетием Родине, Правительству, Патриарху и всем православным христианам»[1].

Это мероприятие, предпринятое по благословению Владыки, вызвало крайнее недовольство со стороны уполномоченного Совета. С Владыки потребовали объяснения о состоявшемся концерте, далее последовал рапорт местного уполномоченного в Совет по делам РПЦ при Совмине СССР, а оттуда — запрещение на проведение подобного рода концертов[2].

В дальнейшем тягостное общение с Советом по делам РПЦ в значительной мере осуществлял секретарь Епархиального управления протоиерей Анатолий Синицин. Однако владыка Николай за годы служения немало перенес скорбей, терпя своеволие своего секретаря. Иногда даже плакал, но никогда ни в чем не упрекал его.

Для размещения Епархиального Управления в северо-восточной части города на улице Кавалерийской был куплен дом, неподалеку от которого на улице Джетысуйской Владыка приобрел для своего проживания небольшой домик. В письмах к своим близким он так и писал:

«...Я приобрел для себя скромный домик. В Россию двигаться уже нет желания, люди здесь хорошие; окружают заботами, любовью; гнездышко свое, а посему и себе говорю, и в Патриархии сказал словами преп. Нила: «Зде вселился, зде и покой мой».

Освящение «хижины дяди Тома», сиречь моей, состоялось 12.12.46 года в день солнцеповорота, то есть в день св. Спиридона. Тогда же и вселися «ту». Предварительно был произведен и солидный ремонт,

[1] ЦГА РК, фонд 1709, оп. 1, д. 11.

[2] ЦГА РК, фонд 1709, оп. 1, д. 11, 16, 25.

длившийся более месяца. ..От моей резиденции домик находится в пяти минутах ходьбы. В канцелярию хожу пешочком — близко и удобно!»

У домика в саду стояла беседка, обвитая виноградом, и часто теплыми летними вечерами Владыка сиживал в ней и вел неспешные разговоры со своими посетителями.

В этом домике, который и поныне сохранился, Владыка дожил до своей кончины.

А в Никольском соборе в этот период подходил к концу ремонт первого намеченного к освящению северного придела святой Великомученицы Варвары. Был написан иконостас, где Великомученица Варвара изображена в рост со Святой Чашей в руках. Но иконы Великомученицы не было.

Владыка горячо молился вместе с народом, чтобы Господь послал хорошего художника, который написал бы икону Великомученицы Варвары, так как на ее приобретение не было никакой надежды.

Шло время. Придел отремонтировали, Владыка назначил день его освящения — в воскресенье 8 декабря 1946 года, а икона так и не была написана.

В пятницу, после чтения в соборе акафиста Великомученику Пантелеимону, в честь которого был устроен южный придел Никольского собора, Владыка возвратился домой. Только он вошел в свою келью — раздался телефонный звонок. Владыке любезно сообщили, что в Центральном музее Республики, который размещался в здании бывшего Вознесенского кафедрального собора, имеются иконы, которые музей может передать в пользование храму.

Утром в субботу Владыка не медля поехал в бывший кафедральный собор. И первая икона, которую ему показали, была иконой святой Великомученицы Варвары. Затем Владыке передали такого же раз-

мера и манеры письма образ Великомученика Пантелеимона и несколько других икон.

Из Вознесенского собора Владыка сразу поехал в Никольский собор, чтобы поделиться со всеми этой радостью. Сияющий, он вошел в церковь, поднялся на амвон и, не заходя в алтарь, сразу же стал рассказывать своей пастве об этом событии.

И на следующий день с большой торжественностью прошло освящение придела в честь Великомученицы Варвары.

А через неделю, 15 декабря, был освящен центральный придел святителя и чудотворца Николая.

«Собор наш Никольский приведен в прекрасный вид внутри, — писал Владыка об этих событиях своему духовному другу протоиерею Иоанну Дубакину в Ригу. — Два престола ко дню Рождества Христова освящены (Никольский, главный, и в честь св. Варвары — боковой), третий, в честь св. Пантелеимона, скоро предполагаем освятить[1]. Иконостасы, художественная живопись ...исполнены лучшими художниками и мастерами своего дела, в нашей возможности. Собор внутри «красавец» — по общему мнению.

А что в нем было? Мерзость запустения по уходу штрафной военной роты.

Снаружи нет колокольни, а пять куполов поставлены. В храме тепло — паровое отопление. Все хорошо, прекрасно. Хор чудный. Регент (не удивляйтесь) архиерейского собора — женщина, Марфа Ильинична, с большим вкусом церковным и образованием музыкальным.

---

[1] Придел в честь вмч. Пантелеимона в Никольском соборе был освящен архиепископом Николаем 3 августа 1947 г. Немногим раньше — в Вербное Воскресение 6 апреля — Владыка освятил вновь устроенный в нижнем этаже собора храм в честь Успения Божией Матери.

Хоры красивые. Электричества — море. Зато и обошелся он нам в 130.000, и еще надо до 30.000 прибавить.

Вчера на Крещение ходил освящать воду на реку Алматинку. Погода теплая, идет пушистый снежок. Народа — море... Что-то неописуемое было... Более 15.000 было молящихся, и всех надо было благословить, устал сильно, а радостен был безмерно всем этим торжеством.

Слава Богу за все!»

(20.1.47 г.)

Так началось архипастырское служение владыки Николая вдали от горячо любимой им России, на далекой Казахстанской земле.

В то время Владыке шел уже 70-й год. Но он был стройным, высоким старцем, с белоснежными власами и большой красивой белой бородой. Из-под густых и кустиками выдающихся бровей видны были глубоко посаженные глаза, которые могли бы сначала показаться суровыми, но вскоре в них обнаруживались благодушие и ласковость. Походка бодра не по-стариковски, при служении — величав, спокоен и в то же время по-отечески прост; монашеские поклоны Владыка полагал с юношеской легкостью.

Владыка Николай был внимателен ко всякому человеку и добросовестен во всяком деле. У него были установлены точные часы приема посетителей, и в эти часы, если не выезжал по приходам епархии, он всегда находился у себя в кабинете.

Принимал он всех, независимо от возраста, пола и национальности. И к нему шли все, потому что знали, что Владыка всегда даст хороший и дельный совет, при нужде поможет материально и своим доб-

рым словом, осоленным любовью, утешит обремененных и страждущих. Когда же ему говорили, что он слишком переутомляется, он возражал, что только молитва, проповедь и служение пастве в целом и каждому в отдельности и дают ему силы жить.

Он сам лично вскрывал и прочитывал всю — подчас очень большую — корреспонденцию, приходившую в епархию, сам отвечал на письма или отдавал их, с соответствующими указаниями, секретарю.

Он никогда никому ничего не приказывал. Он всегда просил. И если дело было серьезное, просил со слезами. И было стыдно не выполнить его просьбу. Его кроткая просьба была сильнее приказа.

В быту Владыка был чрезвычайно прост. Он не имел шикарных сервизов для приема высокопоставленных гостей. Для него все были равны. С одинаковым радушием он принимал архиерея, священника и обыкновенного мирянина. С удовольствием накормит обедом, напоит чаем, все по-простому. Только в самые большие праздники мать Вера стелила на стол скатерть, а в обычные дни обедали и пили чай за столом, накрытым клеенкой.

В еде Владыка был невзыскателен и ел все то, что ему предлагали, только в очень малом количестве.

Постами он сам «заказывал» для себя еду. В первую, Крестопоклонную и Страстную седмицы Великого поста его обед составляли — один кусочек ржаного хлеба, одна картофелина, один небольшой огурчик и стакан чая без сахара. В остальные недели Великого поста он разрешал себе поесть суп, не заправленный постным маслом.

Одежда Владыки, так же, как и пища, была чрезвычайно проста. Его чада даже не могли вспомнить, были ли у Владыки шелковые рясы. Все было очень

просто и приятно. Он вообще не любил роскоши. Это был старец-архиерей, простец со святой душой и любвеобильным сердцем.

В дни празднования памяти преподобных Сергия Радонежского, Серафима Саровского и Нила Столобенского он всегда служил в льняном облачении по иерейскому чину. Когда его спросили, почему он так делает, он ответил:

— Как подумаю, кем были эти святые старцы, так стыдно мне становится надевать наши парчовые облачения. Они в простых облачениях служили, а какой святости достигли! Нам бы хоть чуточку их святости... — и вздохнет, бывало.

«25. Пятница. День преп. Сергия Радонежского чудотворца, — писал Владыка в своем дневнике в 1948 году. — Лития и акафист ему. Вместо кафизм читал я житие преп. Сергия, составленное Алексием Патриархом.

Литургию совершал с о. Архимандритом Исаакием, без диакона; в священнических облачениях; без митры, панагии, с крестом на груди, в котором находится частица Св. мощей преподобного; после отслужил молебен Св. Вел. Пантелеимону и преп. Сергию. Слово — о. Арх. Исаакия. Служба и Литургия прошла с особым подъемом духовным. Такой службы я за все годы Епископства не испытывал. Слава Богу! Пели свои любители, молитвенно-прекрасно. Далеко Казахстан от Лавры Преподобного, а как хорошо был почтен преп. Сергий!.. Настроение и у молящихся было особенно хорошее — молитвенное».

Владыка старался служить по-возможности часто. От юных лет воспитанный в любви к церковному пению, он во время торжественных служб часто сам руководил общенародным пением в храме, а в будничные дни, если не служил, во время богослуже-

ния молился в алтаре или становился на клирос — читал, канонаршил, пел и сам регентовал.

После Литургии, очень скромно перекусив, он занимался текущими делами. После обеда, совсем немного отдохнув, Владыка снова ехал в собор. В соборе в течение недели Владыка установил чтение пяти акафистов. В понедельник читался акафист Великомученице Варваре, в среду утром в устроенном Владыкой в нижнем помещении собора теплом (зимнем) храме в честь Успения Пресвятой Богородицы читался акафист Успению, в среду вечером — Святителю Николаю, в четверг — Великомученику Пантелеимону, в субботу — акафист Матери Божией пред иконой Ее, именуемой «Почаевская»[1]. После чтения акафиста Владыка всегда сам помазывал народ освященным елеем.

Необыкновенная ревность была у Владыки к богослужениям, которые он совершал с максимальным для приходского храма приближением к монастырскому уставу. Служил он всегда благоговейно, никогда не спешил. А когда, бывало, Владыка служит, а хор заторопит службу, он сейчас же выглянет из алтаря и спросит:

— Кто тут на поезд спешит?

Всем станет стыдно, и хор сразу замедляет темп.

Как-то раз приехал Владыка в собор в половине седьмого вечера, а вечерня, которая началась в шесть часов, уже почти отошла. И Владыка сказал:

— Давайте-ка начнем сначала, к божественной службе так небрежно относиться нельзя.

И вечерня началась сначала. Владыка встал на клирос и пел с певчими всю службу.

---

[1] По традиции чтение этих акафистов совершается в Никольском соборе до сего дня.

Владыка не только требовал строгого исполнения устава, но всегда разъяснял смысл богослужений, почему нужно петь или читать именно то, а не иное.

О певчих Владыка очень заботился, входил во все их семейные проблемы, расспрашивал о работе. В основном на клиросе пела молодежь, которую Владыка всегда по-отечески, нежно и любовно наставлял. Иногда шутил.

Петь с Владыкой было очень хорошо. Даже будто голоса у певчих становились лучше. У него самого до самой смерти сохранялся молодой сильный голос, и если не видеть, то никогда не подумаешь, что поет старец. Тон Владыка всегда задавал правильно, он прекрасно канонаршил, а читал так, что каждое слово отчетливо было слышно в любом конце храма. Своею бодростью и молитвенным горением он подавал пример и сослужителям своим церковным, и всему народу.

Была на левом клиросе певчая по имени Мария. Она жила в нижнем помещении собора и была тяжело больна. Владыка очень любил ее красивый голос. Бывало, он придет на службу, посмотрит, что Марии на клиросе нет, и скажет:

— Идите за Марией, пусть петь приходит!

Пойдут за ней, а Мария лежит без движения, подняться не может. Владыке скажут, а он опять посылает:

— Пусть идет, я за нее молиться буду!

Приведут Марию под руки, Владыка благословит ее, и она отпоет всю службу, как будто никогда не болела. А как закончится служба, снова силы ее оставляют, и снова ее под руки едва доведут до постели.

Жила Мария только молитвами Владыки. Он говорил ей: «Когда я умру, тогда и ты умрешь». Как он умер, через двадцать дней и ее похоронили.

Молился Владыка со слезами, особенно при совершении Божественной Литургии, когда пели «Тебе поем, Тебе благословим...», он всегда плакал. Он говорил, что плачет от радости, что Господь сподобил его совершать эту Литургию, и от счастья, что он может принести молитвы за всех своих духовных чад, за всех пасомых.

«Служу бодро, громко, часто, по милости Господа нашего Иисуса Христа, с подаваемыми от Него слезами... — писал Владыка в своих письмах. — Утешение се мне и Его Святая милость. ...Благодарю Господа, призвавшего мое убожество быть Его служителем».

Все ценили Владыку как великого за всех к Богу молитвенника.

О слезах он много говорил в проповедях. Он учил различать слезы благодатные, как дар Божий, и слезы ропота, гордости и уныния, говорил, что последние приносят душе только вред.

Каждую свою службу Владыка сопровождал поучениями. Его мудрые речи были основаны на большом жизненном опыте, а почтенный возраст Владыки и его отеческое отношение к пастве делали его поучения еще более авторитетными, слова его выслушивались с большим вниманием и доверием всеми, кого он по-старинному, ласково и тепло называл «други мои».

Часто он просил своих пасомых:

— Вот я учу вас, други мои, вы же видите, я стараюсь, — ведь Господь спросит с меня за вас. А вы забываете мои слова, не исполняете того, чему я

учу вас. С вас тоже спросит Господь, почему вы мои слова не запоминаете и не стараетесь их исполнять. Если бы вы не слышали и не знали, тогда другое дело, тогда в ответе был бы я за то, что не учил вас. А так как вы слышите и знаете, то вам придется держать пред Богом ответ за непослушание и нерадение. А мне очень не хотелось бы, чтобы вы держали за это ответ, и поэтому прошу вас, запоминайте мои слова и поступайте так, как я учу вас, други мои.

— Владыка, — часто спрашивали его, — как нам благодарить вас за то, что вы нас наставляете, за то, что так по-отечески к нам относитесь?

— Только исполняйте то, чему я вас учу. Это для меня будет самая высокая награда, — отвечал Владыка.

Обычно в среду после акафиста Владыка предлагал остаться тем, кто желает поучиться петь. Время было такое, что старые люди почти все забыли, а молодые, которые только пришли в храм, ничего не знали. Молитвословов в то время в продаже не было, все приходили в эти вечера с тетрадями и карандашами, чтобы записывать молитвы, тропари, кондаки. Владыка выходил на солею, объяснял сначала смысл песнопения, которое в тот день разучивалось, потом пел его сам и после этого, задав тон, пел его со всем народом.

Сначала пение звучало нестройно и некрасиво, но Владыка подбадривал народ и терпеливо продолжал занятия. И вскоре научились петь все, даже те, кто никогда не пел в своей жизни.

Во время богослужений Владыка, стоя на кафедре или специально выйдя из алтаря, обращался к молящимся со словами:

— Пойте, други мои, пойте!

Иной раз в личной беседе кто-либо скажет ему, что, мол, у меня голоса нет, или слуха, а Вы заставляете меня петь! А я боюсь, как бы другие не осудили меня за такое пение.

— Пойте всегда, умеете или не умеете. Прислушивайтесь, у каждого человека есть слух, только он не разработан. Ведь не глухие же вы, разговор же слышите, так и пение будете слышать, если станете постоянно петь и прислушиваться к пению. Если сначала плохо получается, пойте тихо, но пойте. Пока вы поете — вы и молитесь внимательнее. Вот, обратите внимание, как трудно поначалу удержать в уме молитву. А когда молитву поете, она всегда с вами. Перестали петь — сразу мысли заполнили ум и он пошел гулять по белу свету. Да и как можно не петь, когда душа поет во время богослужения! — неоднократно говорил Владыка.

И народ пел. В конце концов образовался очень хороший, слаженный народный хор, который мог пропеть почти всю Литургию и Всенощную без участия правого клироса.

Часто обращался к народу:

— Когда мы с вами вместе поем «Воскресение Христово видевше», при слове «поклонимся» я поднимаю палец. Для чего это? — Чтобы напомнить, что надо действительно поклониться в эту минуту. Но иногда при словах: «Кресту твоему поклоняемся, Христе»... я намеренно пропускаю это движение и смотрю, как вы будете поступать? Большинство из вас забывает при этом сделать поклон, и вот это нас огорчает. Подумайте только, други мои, что мы с вами, грешные человеки, поклоняемся вместе со святыми Ангелами и Архангелами, участвуем как бы в небесном Богослужении! И при этом многие так невнимательны!

Вы скажете мне: «Владыка, Вы говорите с нами, как с малыми детьми, как с учениками». Да, так и говорим, и не перестанем говорить, покамест служит нам язык наш. Для вашей же пользы, для вашего спасения говорим. Наше дело учить вас по слову Господню: «Шедше, научите все народы...» Ваше дело — слушаться. На Страшном Суде, когда должны мы будем дать отчет в каждом слове и в каждом движении своем, когда спросят: «Почему ты не поклонился Христу, когда Церковь призывала тебя к этому? — Что мы ответим?! Что не знали этого? Нет, знали, потому что много раз говорилось об этом!

За Всенощной, стоя на облачальном месте, во время прославления Богоматери при словах: «Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим, ...сущую Богородицу Тя величаем» — довольно громко всем напоминал: «С поклоном», сам подавая пример, положив поклон перед словами «Тя величаем». И весь народ привык дружно кланяться вместе с ним. Усердный молитвенник, особенно любил и почитал Владыка Матерь Божию.

К большому духовному утешению своей паствы, в праздник Успения Пресвятой Богородицы Владыка, впервые в Алма-Ате, стал совершать дивный чин погребения Плащаницы.

Будучи родом с Украины, любил он иногда вспоминать и свою «ридну мову». Благословляя народ на Литургии со словами: «Призри с небесе, Боже, и виждь, и посети виноград сей...», иногда вторично произносил этот возглас по-гречески, а в третий раз по-украински. Но, конечно, он не был, как говорится, узким националистом, наоборот, широкое и любящее сердце его вмещало «эллина и иудея, мужеский пол и женский», по слову Апостола.

Одно время, для того чтобы народ не беспокоил и не теснил Владыку во время богослужения, в соборе вокруг кафедры была сделана оградка. Но простояла она недолго — Владыка велел ее убрать. Он не захотел даже внешним образом отделять себя от народа.

— Я люблю своих чад, — сказал он, — и они меня, надеюсь, тоже любят. А если кто нечаянно толкнет при большом стечении народа, то не беда. Пусть только больше народа приходит в храм Божий!

А народу в то время в собор ходило действительно очень много.

Большое внимание Владыка уделял исповеди. Много было сказано им слов о покаянии и о значении истинного покаяния. Владыка отвергал общую исповедь. Он говорил, что только на индивидуальной исповеди христианин может по-настоящему очистить свою совесть от грехов и получить разрешение от них.

Когда с кем-нибудь случалось несчастье или кто-либо заболевал, Владыка первым долгом советовал как можно строже исповедаться, причаститься и только после этого приступать к исправлению того положения, в котором человек оказался, или к лечению болезни.

— Значит какой-то грех не исповедан тобой, как нужно. Перебери все в памяти, вспомни и открой духовнику. Подумай хорошенько, может быть, постеснялась какой-то грех исповедать? Вот Господь посылает тебе напоминание, чтобы ты не понесла из-за этого греха еще большее наказание. Помни всегда, что нераскаянный грех ведет к духовной смерти.

— Нечистая исповедь — вот корень всех наших бед. А почему? Потому что Господь хочет, чтобы все спаслись, вот и спасает нас через всевозможные

напасти. Только в напасти мы вспоминаем о Боге, а в благополучии нашем нам не до Него.

— Исповедь воспитывает христианина, — говорил Владыка. — Если ты откровенно исповедуешь грехи, у тебя есть гарантия впредь их не повторять. Воспоминание о том стыде, который переживает кающийся во время исповеди, вовремя остановит в другой раз от совершения подобного греха, поможет в целом бороться со грехом.

Часто бывало, что Владыка сам исповедовал, особенно новоначальных. Он давал им особую молитву, где перечислялись все возможные грехи, которые человек может совершить, и благословлял в течение некоторого времени читать эту молитву ежедневно, тщательно вспоминая все свои грехи, содеянные в течении всей жизни, начиная с семилетнего возраста, и записывать все, что вспомнится. А потом Владыка принимал эту исповедь.

На исповеди он не признавал никаких оправдывающих обстоятельств, сопровождавших отступление человека от заповедей Христовых.

— Ты признаешь, что согрешил? — спрашивал Владыка исповедника, когда тот пытался оправдать себя.

— Да, признаю, — отвечал кающийся.

— Вот и кайся в этом грехе и впредь старайся к нему не возвращаться. На исповеди для христиан не должно существовать никаких обстоятельств, которые оправдывали бы совершенный грех. Грех есть грех. Ты совершил его добровольно, и, осознав свое падение, освобождайся от греха чистосердечным раскаянием. Никогда не впадай в уныние, если снова упадешь, не устояв в добродетели. Имей мужество сразу подняться и снова бороться с грехом покаянием. Сколько раз упадешь, столько раз и поднимайся.

И твердо запомни, что неисповеданный грех ведет душу к вечной погибели.

Такого же отношения к исповеди Владыка требовал от служащего с ним духовенства. Часто бывало, что накануне праздничных и воскресных дней после окончания вечернего богослужения начиналась исповедь. Время приближается уже к полуночи, в храме полумрак, а люди стоят в очереди к батюшкам. Священники устали, но всех выслушивают.

Часто в проповедях Владыка говорил о ношении нательного креста. Всегда напоминал, что без креста нельзя подходить к исповеди и причастию. Однажды после акафиста, помазывая всех святым елеем, Владыка неожиданно сказал одной из певчих:

— А ты, Александра, крестик никогда не забывай надевать, без крестика никуда не ходи. Когда будешь умываться, крестик не снимай, а то забудешь и уйдешь без креста.

Александра не поняла сначала, почему Владыка так сказал ей и лишь придя домой увидела, что крестик ее лежит на столе. Она, умываясь, сняла его и забыла надеть.

Очень много подобных замечаний делал Владыка своим пасомым. Ему было все известно о его духовных чадах. «Владыка на три метра сквозь землю видит», — говорили знавшие его.

Однажды после Литургии в день празднования всех Святых в земле Российской просиявших Владыка вышел к своей пастве с таким словом:

«Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!

Существует поговорка, даже и не поговорка, а так сказали послы князя Владимира: «После сладкого человек не захочет горького». Верно это? Верно. Но иногда приходится вкусить горького после сладкого.

Вот мы с вами только что насладились прекрасной службой всем Святым, получили это духовное утешение, эту духовную сладость. Правда ведь? А теперь приходится сказать вам горькое.

Сегодня в алтаре я получил записку: «О упокоении Павла», и при ней рубль денег. Потом приносят вторую такую же записку: «О упокоении Павла». Через несколько минут еще: «О упокоении Павла». И еще, и еще... Всего шесть совершенно одинаковых записок.

Хорошо это или нет?! Ведь это же, други мои, колдовство! Это — страшный грех! Это — ворожба! Сколько раз я предупреждал вас — не делайте этого!

Жене изменил, скажем, муж. И вот бабки советуют ей, чтобы подала 9 записок о упокоении его, и «тогда он к тебе вернется».

Вот я даже вижу эту женщину, которая сегодня сделала это. Как стыдно, особенно когда перед вами стоит ваша малолетняя дочь, которой вы должны подавать пример! Вот возвращаю вам все 6 записок и деньги, и никогда больше не делайте этого! Исповедуйтесь перед священником в этом великом грехе, и умоляю всех вас, други мои, ради Христа прошу: бросьте все эти суеверия! Господь всегда поможет в любой беде, если вам нужно избавиться от этой беды, а если нужно терпеть беду, то надо терпеть — на все воля Божия!»

Протягивает женщине записки, деньги, и та принимает их.

А вот как, по рассказам чад Владыки, проходил Великий пост.

Вечером в Прощеное воскресенье все собирались в соборе. После вечерни, перед началом чина прощения, Владыка всегда говорил слово. Вот одно из них:

«Святый вечер! Благодатный вечер! Христово собрание верных! Ибо днесь благодать Святаго Духа нас собра, дабы мы дали взаимное лобызание любви в прощении друг другу обид и огорчений.

Если по слову Божию «...солнце да не зайдет во гневе вашем» (Еф. 4, 26) мы обязаны ежедневно прощать друг другу, то сегодня, в этот святый вечер, готовые встретить дни Великого поста в благом намерении принятия Святых Таинств — Исповеди и Святаго Причащения Тела и Крови Христовых, — мы должны поспешить это сделать. К сему нас побуждает и долг взаимной христианской любви, и священная обстановка нашего молитвенного собрания: с нами невидимо пребывают все наши Ангелы-хранители, вдохновители святости; с нами святые Угодники, имена которых мы носим от Святого Крещения.

На нас с высоты Неба духовного радуясь взирают: Святитель наш Николай, Великомученик и целитель Пантелеимон и с ними славная Великомученица Варвара... Какое чудесное сообщество небесных и земных! Святый вечер! Благодатный вечер!

С нами и среди нас Сам Господь наш Иисус Христос. Он сказал: «Где два или три собрались во Имя Мое, — там и Я с ними». Нас же благодать Святаго Духа собрала сюда в таком большом количестве во Имя Святое Его. Он с нами! Он среди нас! С нами Отец мира, прощения и любви! Мы в это верим, и это так! Собою зовет Он нас к взаимной любви. Он учит нас, как мы должны относиться к нашим обидчикам: «Я дал вам образ прощения обид», то есть образец для подражания.

Из Евангелия вы знаете, сколько обид, насмешек, поруганий нас ради претерпел наш Господь. А как же Он отвечает на все эти оскорбления? Прислушайтесь все, что шепчут уста умирающего на

Кресте Невинного Страдальца: «Отче, прости им, ибо не знают, что делают» (Лк. 23, 34).

Вот и прощение, и любовь! Вот Его любовь и прощение! Вот тот образ, который как вечное наследство оставил нам и всему роду человеческому Христос Спаситель для подражания Ему. Он простил Своих врагов и молился за них, и мы, други мои, подобно Ему научимся прощать своих обидчиков — не на словах только, а искренно, сердечно, да тем обрящем себе у Отца Небесного милость и прощение многих наших грехов.

Сегодня за Божественной Литургией мы слышали в Евангелии обращенные к нам слова Самого Спасителя, слушайте, я их повторю: «Если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный; а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших» (Мф. 6, 14–15).

Подумайте, други мои, как просто и легко получить от Господа милость и прощение: ты оказал милость ближнему — Господь явит тебе Свою богатую милость; ты простил своему ближнему один грех, одну обиду — тебе Господь простит за сие большие и многие грехи твои...

Читая слова молитвы Господней «...и остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим», мы, грешники, как бы обязываем Отца Небесного дать нам Свое прощение. Мы как бы говорим: «Отче Небесный! Меня тяжко обидел такой-то брат (или сестра), я ему простил его грех, теперь и Ты прости мои грехи, по неложному обещанию Сына Твоего...» И слышит грешник в ответ через священнослужителя на исповеди глас Божий: «Прощаю и разрешаю...» Так скора и явна милость Божия к тому, кто охотно прощает своего ближнего!..

А что ожидает христианина, который по гордости, самолюбию и другим злым побуждениям сердца не желает прощать своего брата или сестру? Ясно: гнев Божий и сугубое взыскание его сугубых грехов и наказание за них. Такому человеку не помогут ни строгий пост, ни хождение в храм Божий, ни что другое — пока он не будет в мире со своим братом. Не послужит ему во спасение и само Причащение Святых Тела и Крови Христовых, но, как Иуде-предателю, в большее осуждение будет.

«Суд без милости не сотворившим милости!»

Подумай, друг мой, о себе: кто ты, не прощающий своему ближнему? Ты враг ему, ты враг и Богу! Ты подобен Иуде-предателю, целовавшему в уста Господа, а в сердце своем носившему грех предательства... Избави нас, Боже, от такого осуждения!

Други мои! Убоимся Господа и суда Его за грех непрощения! Исполним сердца наши Христовой любви, и всякому нас обидевшему искренно простим всякий грех, всякую вину, да милостива к нам Господа обрящем!

Скажем все от сердца нашего друг другу: «Христос посреде нас!» и взаимно ответим: «И есть, и будет!» и облобызаем друг друга лобызанием святым, лобызанием Христовым. Аминь».

После слова Владыки начинался чин прощения. Все по очереди подходили к своему архипастырю и просили у него прощения, делая земной поклон. И он всем без исключения низко кланялся, сам просил прощения и прощал. Затем по очереди подходили к священникам, также делали земной поклон и просили у них прощения. Затем начинали просить прощения друг у друга.

В первый день Великого поста Владыка всех благословлял и говорил напутственное слово на пост.

Он говорил о любви друг ко другу, о страхе Божием, о быстром распространении греха, о том, как нужно вести себя в храме и дома. И всегда добавлял:

— Если все будем выполнять, будем бороться со грехом, то как радостно нам будет встретить день Святой Пасхи, день большой радости, день Воскресения Христова!

В первую неделю Великого поста проводил всю службу за псаломщика, сам читал и регентовал на клиросе. Удивительно было видеть, как семидесятилетний старец выстаивает всю длинную постовую службу, даже не переступив с ноги на ногу. Откуда силы берутся?

Канон преподобного Андрея Критского всегда читал сам.

В пятницу первой недели вечером была исповедь для всех говеющих. Перед исповедью Владыка сам читал молитвы и напоминал грехи.

Приводим текст молитвы, которую читал Владыка перед исповедью:

«Господи Боже, Спасителю наш! К Тебе припадаем с сокрушенным сердцем и исповедуем грехи и беззакония наша, имиже раздражихом Твое благоутробие и затворихом щедроты Твоя. Сего ради праведный суд Твой постиже нас, Господи: раздоры и нестроения объяша нас, убийства и кровопролития, вражда и злоба умножишася до зела.

Но, Премилосердный Господи, призри с высоты Святыя Твоея на слезныя мольбы нищих скорбных людей Твоих, преложи гнев Твой на милосердие и даждь нам помощь от скорби. Вемы, яко от лет древних в годины искушений страна наша токмо верою Христовою от гибели спасашеся, токмо молитвою и слезами покаяния от козней и сетей вражиих избавляшеся.

Сего ради во умилении сердца вопием Тебе: охрани и ныне Отечество наше от врагов, губящих е, воспламени в сердцах наших любовь к Церкви Твоей Святой и научи нас крепко, даже до смерти стояти за веру святую Твою и за славу Имени Твоего Святаго, и тако утверди и воспрослави Церковь Твою всесильною крепостию Твоею и от всякаго злаго обстояния избави ю. О распеньших Тя моливый, Господи, и рабом Твоим о вразех молитися повелевый, ненавидящих и обидящих нас прости, не воздаждь им, Господи, по делом их и по лукавству начинания их, не ведят бо, что творят, но к братолюбному и добродетельному настави жительству, да обратятся к Тебе, своему Владыце, и купно с сынами Церкви Твоея, прославят Тебе Единаго в Троице славимаго Бога во веки веков. Аминь».

После этой молитвы владыка Николай читал другую — повседневную исповедь:

«Исповедую Тебе, Господу и Богу моему, в Троице славимому: Отцу и Сыну и Святому Духу, и Пречистей Богородице, Приснодеве Марии, в предстоянии св. Ангела моего хранителя, Небесных Сил безплотных и всех Святых, все мои грехи, содеянныя мною от младенчества моего и до сего часа.

Отче Преблагий! Боже Всемилостивый! Грехи мои неисчислимы: вольныя и невольныя, ведомыя и неведомыя, явныя и тайныя, великия и малыя! Недостоин я милости Твоея — достоин осуждения и вечных мук, но припадаю к Тебе, моляся: согрешил я на небо и пред Тобою, приими мя кающагося и в исповедании моем не отвержи мене.

† Согрешил я, Господи, неблагодарностью за Твои великия и безчисленныя, содеянныя мне благодеяния и всеблагое промышление Твое, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, несоблюдением обетов, данных при крещении (если монах, то по принятию монашества или священного сана и сана епископа) — во всем солгал и по воле своей поступал, пренебрегая заповеди Господни и предания и наставления Святых Отцов, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, неимением истинной веры: маловерием, холодностью, сомнениями в истинах ее, суеверием, верой в приметы, ворожбой, гаданием, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, неимением должной надежды и упования на Промысл Божий, полагая надежду в себе, в людех и в лучших условиях жизни, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, неимением должной к Тебе любви и любви к ближним: жестокостию сердца, немилосердием, недостаточным милостыни подаянием, непосещением болящих, по заповеди Евангельской, и в темницах сущих, непогребением мертвых, неодеянием убогих, ненасыщением алчущих и ненапоением жаждущих, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, гордостью, тщеславием, превозношением себя перед другими, самомнением, самолюбием, унижением ближних, осуждением одних и заискиванием перед другими, исканием у них себе похвалы и чести, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, гневом, раздражением, ссорою, непримирением с ближними, неприличными ругательствами, оскорблением, местию, зла за зло воздаянием, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, чревоугодием, пьянством, лакомством, объядением и опивством, тайноядением и раноядением, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, греховным влечением плоти, нечистыми мыслями, нечистыми желаниями, чтени-

ем развратных книг, смотрением соблазнительных картин и греховным их услаждением, влечением к лицам другого пола, во еже вожделети их, в сердце и мыслях, прикосновением нечистым к ним, поцелуями страстными, осквернением души и тела в сонных мечтаниях и сновидениях блудных и истечением плоти, неестественным возбуждением в себе блудной похоти, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, сребролюбием, скупостию, жадностию, лихоимством, обмериванием, обвешиванием, утаением найденного, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, печалию при получении мною оскорблений и лишений, обидой на людей, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, неимением ревности о славе Твоей — незащищением Имени Твоего Святаго, когда оно другими хулилось, произношением Святаго Имени Твоего в разговорах всуе, без благоговения и со смехом, божбой или клятвой без нужды, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, сокрытием своего христианского звания от других ради выгод земных, стеснением перед другими совершать на себе крестное знамение, снятием с груди нательного креста, изнесением святых икон и образов из дома, прекращением хождения в храм Божий по стыду и по страху перед людьми, прекращением исполнения Святых Таинств: исповеди, причащения Святых Таин Христовых, брака и других Таинств и обрядов нашей Церкви, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, несоблюдением святых постов и постных дней, установленных Православной Церковью, невоздержанием в них, вкушением запрещенного, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, непочитанием, как должно, праздников, установленных Православной Церковью, леностью к церковным службам, совершением и устроением личных дел своих в эти дни, если и ходил в храм, стоял в нем неблагоговейно, рассеянно молился, допускал разговоры и смех; будучи в естественной нечистоте, прикасался к святыням, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, неисполнением положенных домашних молитв и правил по лености или небрежению, при сем самооправданием, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, леностию к чтению Св. Евангелия, святоотеческих и Боговдохновенных книг, помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, непочитанием, как должно, своих родителей, ослушанием их, грубым отношением к ним и оскорблением их, неоказанием им помощи во время их болезни, старости и нуждах, оставлением их беспомощными, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, несохранением девства, растлением его, несохранением целомудрия ума и сердца, чистоты души и тела, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, прелюбодеянием во всех его видах: блудными мыслями, блудными желаниями и делами, нарушением супружеской верности, незаконным сожительством с лицами другого пола, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, господи, убийством во утробе зачатого плода (аще жена), соизволением на сие убийство (аще муж), устранением чадородия через употребление различных средств, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, убийством (аще таковое было) или соизволением на него, покушением на самоубийство, чувством отчаяния в милосердии Божием, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, чувством зависти к людям, находящимся в лучших условиях жизни, чем я, недоброжелательством и ненавистью к ним, желанием им зла, злорадством и местию, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, оклеветанием ближних, очернением их чести и доброго имени, доносами на них, ложными на суде показаниями, лицеприятием, защищением неправды и попранием истины, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, умышленною или вынужденною ложью, обманом, малодушием, лицемерием, неисправностью в отношениях с ближними, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, пустословием, празднословием, смехом неподобным и злословием, служением миру (маммоне), а не Тебе, Богу моему, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, нерадением о своем спасении, грехолюбием, забвением о душе, о смерти, о Суде, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, редким говением, редким причащением Святых Таин, а если и приступал, то недостойно приступал, на исповеди утаивал грехи, оправдывал себя в них, ожидал прощения, не простив своих ближних, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, ослушанием своего духовного отца, неисполнением данных мне эпитимий и наставлений, — помилуй мя, Боже, помилуй мя!

† Согрешил я, Господи, словами, делами, мыслями, всеми моими чувствами: зрением, слухом, вкусом, обо-

нянием, осязанием и многими другими грехами, по множеству и давности их забвенными, — о сих всех *жалею и, виновным себя представляя, из глубины души моея молюся Тебе: Боже мой, Всемилостивый и Всещедрый Господи! Приими сие покаяние мое и исповедание. Не помяни множества грехов моих в день праведнаго Суда Твоего! Не отвержи мене тогда от Лица Твоего, но человеколюбием Твоим:*

— зде помилуй мя (поклон); — зде прости мя (поклон); — зде и спаси мя (поклон).

Благ бо еси Господи, щедр и человеколюбив! И Тебе славу, благодарение и поклонение и честь возсылаем: Отцу и Сыну и Святому Духу со Святою Богородицею и всеми Святыми, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Эту молитву каждый имел у себя, по ней всегда проверяли себя, по ней готовились к исповеди.

После чтения этой молитвы все расходились к священникам. Исповедовали обычно четыре-пять священников.

Священники так же строго, как и Владыка, относились к исповеди и не читали разрешительную молитву тому, кто не называл своих грехов, но помогали таковым, задавая наводящие вопросы. И у тех, кто не умел или стеснялся исповедоваться, постепенно раскрывались сердца, и они каялись в своих грехах.

Обычно в этот день исповедь заканчивалась не раньше 12-и часов ночи.

В субботу все причащались, поздравляли друг друга с принятием Святых Таин, радовались друг за друга, обменивались частицами просфор, прося помянуть своих близких. И все в это время осознавали себя действительно детьми Одного Отца, все чувствовали себя братьями и сестрами.

Также проходили исповедь и причащение в Великие Четверток и Субботу.

На утрене в Великий Понедельник Владыка всегда сам пел «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный...» Он пел так проникновенно, что священный трепет охватывал нас в эти минуты. В храме была необыкновенная тишина — особенно-торжественная и в то же время печальная.

Никольский собор в Алма-Ате стоит на возвышении, в те годы вокруг него был пустырь. И вот вечером, в Великий Четверг, после 12-и Евангелий можно было, стоя на высоком крыльце собора, наблюдать, как в темную-темную ночь расходятся огоньки свечей, которые верующие несли к себе домой, чтобы зажечь святым огнем лампадку и выжечь крестики над окнами и дверьми дома. Сначала их свет колебался очень близко друг ко другу, затем расстояние между огоньками начинало увеличиваться, они все дальше и дальше отходили друг от друга, как бы текли в разных направлениях, и вот совсем исчезали в темноте...

Святые ночи! Святые воспоминания! Ничто не может изгладить эти воспоминания из наших душ! Как много было радости и счастья в эти святые вечера, в ожидании Воскресения Христова! И такой радости, как в храме Божием, как в святом общении с духовными друзьями — никогда и нигде быть не может!

И не только посты, но и праздники у нас были также общими. Владыка старался духовно единить людей, чтобы через стяжание Духа Божия люди роднились душами, чтобы радовались радостями и печалились печалями друг друга. И Господь давал, что молитвами Владыки среди его алма-атинской паствы никогда не возникало ни вражды, ни ненависти.

Во дни Пасхи, Рождества Христова двери дома у Владыки не закрывались. Все христосовались, славили Господа! Все! Все! Все! Ни от кого не отворачивался Владыка, ни от кого не закрывал он своего сердца, полного любви. Люди несли Владыке подарки и принимали подарки от него.

«На Пасху, — вспоминают клирошане, — после службы в храме мы ходили домой к Владыке поздравить его с праздником. Всю Пасху, бывало, пропоем, а ему все мало, все просит: «Давайте еще попоем... ведь такая радость у нас!» Сам с нами поет, радуется. Как малое дитя радовался Владыка Великим праздникам.

На Рождество ходили к нему славить Христа. Он подарками нас станет наделять, а сам радостный, всех нас обласкает, каждой ласковое слово скажет. И нам было радостно, что в праздники Владыка наш был таким благостным, сияющим, как ясное солнышко, каждая морщинка светилась на его лице».

Владыка Николай часто говорил:

— Други мои, не забывайте меня, грешного, в молитвах своих сейчас и после смерти. Я вас не забываю и никогда не забуду. Если стяжаю дерзновение, если только Господь примет меня в свои кровы, если простит и помилует, я буду молиться за вас и после моего перехода в иную жизнь.

После каждой Литургии Владыка, стоя на амвоне, благословлял каждого, несмотря на то что в воскресные и праздничные дни в храме присутствовало до тысячи человек и более.

— Владыка, — бывало, скажут ему его чада, — вам ведь трудно после службы еще столько времени благословлять. Дали бы общее благословение и ехали бы домой отдыхать.

— Э-э, вы не знаете, как наш православный народ любит архиерейское благословение и дорожит им! — отвечал Владыка и, помолчав, продолжал. — Да, бывает, что я иногда так устаю, что подумаю: «Дам общее благословение». А за этой мыслью является другая: «А вдруг меня Господь сегодня призовет к Себе и спросит, как я расстался со своей паствой?» Эта мысль придает мне силы, и я благословляю народ.

Но иногда Владыка совсем ослабевал, и ему ставили кресло. И уже сидя в кресле он благословлял всех, до последнего человека. Это было так умилительно, что все, как дети, подходили к нему со слезами на глазах и, получив благословение, отходили, наполненные чувством любви и радости. Он любил всех ровной, божественной любовью и эту любовь источал на каждого встречающегося ему человека.

Бывали случаи, когда по состоянию здоровья врачи запрещали Владыке служить. Очень скорбел тогда Владыка — он не мог жить без храма, без службы, без своих пасомых. Тогда он совершал богослужения у себя дома, а потом садился у окошечка, которое выходило на улицу, и благословлял всех проходящих. Те, кто знал этот его обычай, специально проходили мимо его окна.

«Чем дальше в глубь старости идут годы служения, — писал Владыка в одном из писем тех лет, — тем глубже, явственнее чувствуется связь с паствой. Молишься, чтобы Господь не разлучил бы тебя в день оный от паствы твоей... Так она дорога, так сердцу близка... Ей не тесно в моем маленьком сердце... И было бы великой обидой, если бы меня разлучили с моим стадом духовным: «Зде вселился, зде и покой мой...»

С большим усердием, слезной молитвой молился Владыка и у себя дома.. В своей тихой келье, облекшись уже не в архиерейскую, а в смиренную монашескую мантию, творил Владыка молитву в те часы, когда паства его предавалась отдыху после трудов минувшего дня. Мать Вера каждое утро и каждый вечер вешала возле аналоя сухие полотенца и забирала их уже мокрыми, омоченными слезами Владыки. Бывало, иной раз приходилось верующим поздней ночью проходить по улице мимо домика Владыки, и они, видя свет сквозь ставни в его келье, говорили: «Это за всех за нас молится Владыка».

Как известно, Алма-Ата, бывший город Верный, расположена у подножия Северного Тянь-Шаня. Могучей грядой с белоснежными вершинами поднимается над городом величественный горный хребет Заилийского Алатау. Однако эти изумительные по своей красоте и живописности горы таят в себе опасность селевых потоков и землетрясений. Сейсмостанция, регистрирующая подземные толчки, отмечает их в течении года около 270. По счастью, эти толчки слабы и преимущественно заметны лишь на приборах. Но неоднократно бывали землетрясения такой силы, что разрушали Верный до основания и уносили множество человеческих жизней. А также мощные селевые потоки, вырвавшись из ледниковых зон и достигнув города, сносили и уничтожали все встречающееся им на пути[1]. И в то вре-

[1] Последнее катастрофическое Верненское землетрясение, происшедшее в 1911 г., разрушило город до основания и унесло множество человеческих жизней. Ему предшествовали землетрясения разрушительной силы, произошедшие в 1887 и 1889 гг. Последний селевой поток катастрофического характера прошел по городу в 1921 г. Город Верный в прежние времена называли «город на вулкане».

мя, когда на Алма-Атинской кафедре находился Владыка Николай, в народе существовало такое убеждение, что «пока Владыка жив и молится за свой город, ни землетрясение, ни иное бедствие, заслуженное нами за грехи наши, не поразит нас ради его святых молитв». Так оно и было — при его жизни город ни разу по-настоящему не трясло.

Не представляется возможным и посильным описать все труды, понесенные владыкой Николаем по созиданию духовной жизни на Богопросвещаемой земле Казахстана. Можно лишь привести некоторые наиболее характерные примеры его отеческой заботы и апостольской ревности о вверенном ему Христом словесном стаде.

Одной из важнейших задач своего архипастырского служения Владыка считал открытие новых приходов, которое по закону должно предваряться регистрацией в соответствующих органах власти образованной ранее церковной общины[1]. В местные органы власти поступали сотни заявлений со всех уголков Казахстана с ходатайствами об открытии церквей и молитвенных домов. Владыка Николай не без успеха предпринимал усилия по возвращению церквей, занятых под склады или клубы, открывал и освящал молитвенные дома. Однако далеко не все эти ходатайства находили положительное разрешение со стороны как местных властей, так и Совета по делам РПЦ в Казахстане. И, бывало, наталкиваясь на непроницаемую стену советской бюрократии, зижду-

[1] 28 ноября 1943 г. было принято постановление Совнаркома «О порядке открытия церквей». «Порядок» представлял собой сложную бюрократическую процедуру, призванную притормаживать процесс возвращения Церкви ее разоренных храмов, но самому процессу все-таки дан был ход.

щуюся на атеистическом мировоззрении, верующие годами добивались во всех инстанциях разрешения на открытие церкви. Владыка Николай всегда с участием относился к таким делам, предпринимая со своей стороны все возможное, чтобы помочь общине.

Как пример можно привести дело Большемихайловской общины г. Караганды, основанной преподобным старцем схиархимандритом Севастианом Карагандинским[1]. После многих лет обращения, хождения и поездок представителей этой общины по разного рода инстанциям община в который раз обратилась за помощью к архиепископу Николаю, который в свою очередь передал эту просьбу Святейшему Патриарху Алексию, сопровождая ее письмом:

Ваше Святейшество!

Прилагая при сем заявление верующих с. Большой Михайловки (Караганда) на мое имя, усердно прошу Вас сделать что можно по этой слезнице. С моей стороны было для них сделано все, но безрезультатно. Надежда только на Ваше Святейшество. Материал на регистрацию, законно оформленный ими, представлен давно. Открытие прихода в Большой Михайловке диктуется крайней необходимостью. Помогите!

Вашего Святейшества смиренный послушник Архиепископ Алма-Атинский и Казахстанский Николай.

16 марта 1950 г.[2]

---

[1] Преп. старец схиархимандрит Севастиан Карагандинский, исповедник, причислен к лику местночтимых святых в 1997 году.

[2] Хлопоты о регистрации Большемихайловской общины г. Караганды велись с ноября 1946 г. Община зарегистрирована в 1955 г. в день праздника Вознесения Господня. ЦГА РК, ф. 1709, д. 66.

Архиепископ Алма-Атинский и Казахстанский Николай (Могилевский)

Тюремные фотографии из «дела» архиепископа Николая

Справка от 22 мая 1941 г., данная Нине Михайловне Штауде об ее освобождении из Усольского лагеря

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Главное Управление Исправит. Трудов. Лагерей
УСОЛЬСКИЙ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВОЙ ЛАГЕРЬ
22. V. 1941 г.
№ 30468
г. Соликамск Молотов. обл.

СПРАВКА

Дана гр. Штауде Нине Михайловне рождения 1888 года, уроженцу (ка) г. Ленинграда

осужденному (ной) Особ. совещанием при НКВД СССР «16» X 1938 г. по ст.ст. КРА УК к заключению в ИТЛ на три года (лет)

Прежние судимости судима по ст. КРО в том, что он (она) по отбытии срока

из Усольского лагеря НКВД СССР освобожден (а) 22. V. 1941 г.

выдано требование ф. № 5 на № до ст. Уфа ж. д.

...без на жительство служить не может. При утере не возобновляется

...Усольского лагеря НКВД СССР
Начальник Уч.-распред. отдела

1945 годъ.

Господи благослови!

18го Iюня былъ освобожденъ.

5го Iюля получилъ ~~освобожденiе~~ назначенiе быть мнѣ Архiепископомъ Алма-Атинскимъ и Казахстанскимъ.

+

Съ 21 Августа былъ въ Москвѣ до 17/IX

+

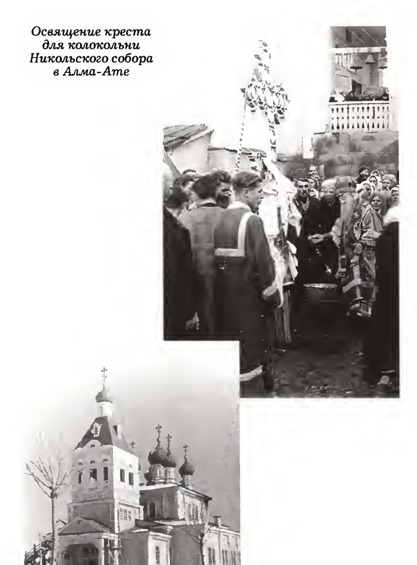
22 Октября выѣхалъ въ Алма-Ату, куда прибылъ 26го X. Былъ встрѣченъ о. Благочиннымъ Митрофаномъ Ступаковымъ, Протодiакономъ о. Михаиломъ и числомъ 4 о. На пашню(?) 28го служилъ первую Божественную Литургiю въ Казанской церкви. [illegible] [illegible] Вятско-Сарапульской 1209 г.

Первая страница из дневника митрополита Николая: «1945 год.
Господи благослови!
18го июня — был освобожден.
5го июля — получил назначение быть мне Архиепископом Алма-Атинским и Казахстанским...»

Кафедральный собор епископа Туркестанского в городе Верном (Алма-Ата) — главный среднеазиатский православный храм в дореволюционной России. В 20-х годах занят Центральным музеем Казахстана. Фото 1930 г.

Большое Алматинское озеро в окрестностях Алма-Аты. Фото 1929 г.

Освящение креста для колокольни Никольского собора в Алма-Ате



Алма-Ата. Кафедральный свято-Никольский собор в строительных лесах

Фото коллаж,
Алма-Ата, 1950 г.

Архиепископ
Алма-Атинский и Казахстанский
Николай

Актюбинск.
29 (16) июля 1946 г.
В саду у
протоиерея
Сергия Попова.
Сидят:
в центре —
архиепископ
Николай,
первый слева —
архимандрит
Исаакий
(Виноградов)

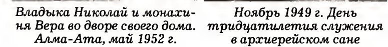
Служение Литургии в Никольском кафедральном соборе

Архиепископ Николай в своем кабинете в епархиальном управлении. 15 марта 1950 г.

Архиепископ Алма-Атинский и Казахстанский Николай, епископ Ташкентский и Среднеазиатский Ермоген и архимандрит Исаакий (Виноградов). Алма-Ата

Владыка Николай и монахиня Вера во дворе своего дома. Алма-Ата, май 1952 г.

Ноябрь 1949 г. День тридцатилетия служения в архиерейском сане



Митрополит Николай со священнослужителями и иподиаконами в Никольском кафедральном соборе. Алма-Ата

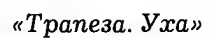
«Собираемся на рыбалку»

«Тянем улов»

«Плывем к месту рыбалки»

«Улов»

Митрополит Николай на рыбалке в Уральске. 1949 г.



«Трапеза. Уха»

Владыка Николай с архимандритом →
Исаакием (Виноградовым)

+

Возлюбленному о Господѣ
о. Архимандриту Исаакію
во всегдашнее памятованіе
нашего братски-молитвен-
ного единенія.

Съ любовію
Архіепископъ Николай

Богоявление 1953 г.

Бесконечно обширна по своим географическим размерам Казахстанская епархия. Но Владыка, несмотря на преклонные годы и усиливавшиеся с годами слабость и нездоровье, неутомимо, с истинно апостольской ревностью посещает все отдаленнейшие уголки ее, проводя богослужения и утешая верующих своим назидательным словом, всюду вдохновляя людей своей горячей молитвой. Часто при посещении далеких приходов из-за большого стечения народа, который не вмещали церковь или молитвенный дом, Владыка служил под открытым небом, а народ готов был часами слушать его и неохотно расходился по домам, стараясь каким-либо вопросом продлить свое общение с Владыкой.

В приходы, находящиеся в Джамбульской, Чимкентской, Кзыл-Ординской областях, Владыка ездил поездом. На каждой станции на пути следования он выходил на площадку вагона, благословлял собравшихся людей, иногда беседовал с ними во время стоянки поезда.

Были случаи, когда пассажиры выражали недовольство тем, что на перрон нельзя было выйти из-за большого скопления народа. А народ, много лет не видевший Архиерея, жаждал хотя бы издали увидеть Владыку и получить его благословение.

На тех станциях, где Владыка сходил с поезда, направляясь посетить местный приход, собиралось часто более тысячи человек. Когда Владыка выходил из вагона, люди становились на колени и коленопреклоненно приветствовали его. Народ образовывал как бы коридор, который устилали цветами и травой. Проходя по этому живому коридору, Владыка всех благословлял.

На вокзале города Чимкента однажды произошел такой случай. Владыка проходил, благословляя всех,

4 Зак. 27082

по такому живому коридору. Вдруг из толпы вышла женщина-казашка, упала перед Владыкой на колени и, с трудом выговаривая русские слова, со слезами произнесла:

— Помолись о мне, о великий, нас совсем забыл Аллах, может быть ваш Бог услышит меня!

Владыка поднял ее с земли, благословил и со слезами прижал к своей груди. Женщина отошла от него сияющая.

Много было случаев, когда иноверцы обращались к Владыке, прося его благословения, и он никому не отказывал. Как-то его спросили:

— Разве можно благословлять некрещеных?

— Если труждающиеся и обремененные просят помощи Божией, их нельзя отталкивать, — ответил Владыка. — Разве Христос не принял мытаря, разве Он не помиловал хананеянку, разве Он отказал кому-либо, просящему Его милости? Все труждающиеся и обремененные вправе уповать на милость Божию.

Когда Владыка, путешествуя по епархии, подъезжал к Челкару, сердце его билось необыкновенно радостно. Весь перрон и прилегающая к нему местность были заполнены народом, пришедшим встретить того, кто здесь, в этом городке, пережил так много горя и так много радости.

Встреча была особенной. Народ замер в молчании. Владыка тоже ничего не говорил. Все были переполнены радостью — Владыка, что снова встретился со своими пасомыми, которые были так милостивы к нему во время ссылки, а пасомые — что видят своего Владыку, прибывшего к ним в святительской славе.

Толпа раздвинулась, Владыка двинулся вперед, благословляя всех. После небольшого отдыха он на-

чал богослужение архиерейским чином там, где во время своего изгнания служил как простой священник. Владыка, с виду спокойный, служил особенно торжественно. Во время совершения Евхаристии слезы текли по его старческим ланитам.

После службы никто не расходился. На улицу вынесли кресло, усадили в него Владыку и он долго разговаривал с народом, со слезами благодаря его за все добро, оказанное ему во дни его уничижения. И люди тоже плакали от радости и просили его святых молитв.

Встретился Владыка и с тем врачом, который выхаживал его, полумертвого, в больнице. Проговорили с ним всю ночь. Рассказывая о поездке в Челкар, Владыка не открыл имя этого врача, только сказал, что сколько будет у него сил, столько будет он молиться за этого человека.

К сказанному можно добавить сохранившийся документ — описание второй поездки по епархии, составленное секретарем Епархиального управления протоиереем Анатолием Синициным:

Информация по епархии. Вторая поездка по епархии архиепископа Николая

Началась эта поездка несколько необычно. Мы предполагали вылететь на самолете в г. Уральск и затем, поездом возвращаясь в Алма-Ату, посещать нужные нам города и села. Но попасть на самолет нам не удалось, и было решено начать визитацию епархии с г. Джамбула, выехав туда поездом. Но и на поезд не удалось получить билеты. Откладывать же поездку по епархии было нельзя, и мы рискнули выехать до г. Фрунзе на своей легковой машине.

9-го июля под вечер мы начали свое путешествие, сопровождаемое обильным дождем. В числе путешествующих: Владыка Николай, протоиерей Синицин, протодиакон Попенко, иподиакон Синицин и шофер Саша. Второй иподиакон — Борис Рудковский — остался, до слез огорченный, дома, так как места для него в машине не оказалось.

До г. Фрунзе 240 км. Несмотря на плохую дорогу, мы к часу ночи были уже у знаменитого Курдайского перевала. Утомленные тяжелой дорогой, мы решили отдохнуть, вздремнуть до утра и затем начать трудный и интересный подъем в горы. В 4 часа утра мы были уже на ногах. Хотя и кратким, но освежающим был наш сон. Подкрепившись чем Бог послал, мы начали подъем на Курдай.

Извивающейся змейкой вступает в горы дорога и, теряясь в горных ущельях, затем вновь появляется за утесами и скалами. Чем выше в гору, тем суровее и величественнее природа. Огромные камни, грозно нависшие скалы, журчащие горные ручейки и встревоженные шумом мотора горные куропатки невольно привели на память слова Псалмопевца «Яко возвеличишася дела Твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси».

На половине подъема у нас случилась небольшая авария — лопнула камера. Поручив ликвидацию этой аварии шоферу Саше и Борису Синицину, архиепископ Николай, протоиерей Синицин и протодиакон Попенко стали совершать восхождение на гору пешком. На самой вершине нашему взору предстала величественная картина необозримых далей с заснеженными горами, с зелеными полями и зеркальной гладью озер и рек. Все это сияло в лучах яркого солнца, и было тихо в этот утренний час на вершине Курдайского перевала. Говорят, на этой верши-

не в осенне-зимнюю пору не переставая дуют страшные ветра, в связи с чем путешествие по Курдайскому перевалу становится тогда не только трудным, но и опасным.

Недолго мы любовались открывшимся пейзажем. Вскоре на вершине горы появилась наша машина, и мы начали спуск. Насколько медленно мы поднимались в гору, настолько быстро, несмотря на крутые повороты, мы спускались вниз даже при приглушенном моторе. Замечательные виды следовали один за другим. Но вот и утопающий в зелени поселок Георгиевка. Не задерживаясь, а только преподав встретившемуся нам на пути местному священнику Политову благословение, мчимся дальше.

Через несколько минут — Фрунзе. Это столица Киргизии. Небольшой благоустроенный городок. Особенно красив центр: прекрасные здания, асфальтированные улицы, бульвары, все утопает в зелени и цветах. Но только мы доехали до центра и — трах! — лопнула последняя камера. Хорошо, что это не случилось в пути. Шофер с Борисом занялись починкой, а протоиерей Синицин с диаконом Попенко, оставив Владыку мирно дремать в машине, направились к местному духовенству искать приюта.

Разыскали о. Леонида Виноградова, и вскоре все мы были в его квартире, пользуясь его радушием и гостеприимством. Здесь нас посетило все местное духовенство. Фрунзе, хотя и ближе к Алма-Ате, чем к Ташкенту, все же не относится к нашей епархии, а жаль. Задерживаться во Фрунзе мы не могли, надо спешить в г. Джамбул на праздник Св. Апостолов Петра и Павла.

Попытки приобрести резину во Фрунзе не увенчались успехом, и первоначальный наш план — продолжать путь на машине вплоть до Чимкента — за

отсутствием резины уже не мог быть осуществлен. Можно поехать поездом, но это значит опоздать ко Всенощной. И мы предпочли лететь самолетом.

Протоиерей Колесников был настолько любезен, что вопрос с самолетом быстро уладил, и на другой день утром протодиакон Попенко с иподиаконом Борисом Синициным вылетели в Джамбул и все приготовили там для встречи Владыки. Архиепископ Николай с протоиереем Синициным отстояли в местном храме Божественную Литургию, помолились и затем, сердечно простившись со всеми, отбыли на аэродром и на самолете У–2 направились в г. Джамбул.

Расстояние 280 км было покрыто в два с половиной часа. В Джамбуле на аэродроме нас встретило местное духовенство и множество народа с цветами. Тут же оказался и второй иподиакон Борис Рутковский, который, не добившись билета на поезд, сумел на крыше вагона добраться от Алма-Аты до Джамбула, чтобы все же продолжать с нами дальнейший путь.

Подан 20-местный пассажирский автобус. Едем на квартиру о. настоятеля, которая находится при церкви в отдельном домике. Торжественным трезвоном встречают нас в Никольской церкви. У ворот масса народу. Хлеб-соль. Цветы. Слезы радости. Получасовой отдых в квартире настоятеля и затем Всенощная.

Небольшой уютный храм красиво убран зеленью, цветами. Храм маленький, а народа — масса. Пришлось совершать службу на паперти, а сам храм был превращен в алтарь.

Праздник Св. Апостолов Петра и Павла. Утром совершаем Литургию. Снова сердечная встреча. Всюду цветы, цветы. Прекрасное пение (лучшего хора в эту поездку мы нигде не встречали). Чудесная

служба. Вдохновенное слово Владыки. Особый молитвенный подъем всех присутствующих. Незабываемое впечатление. Хорошо... Решаем продлить этот пир веры и остаемся в Джамбуле и на воскресенье. Снова службы. Торжественные встречи архиепископа. Проповеди, пение, молитва. Сколько радости у верующих!

Вечером (воскресенье 14 июля) посетили молитвенный дом на Джамбульском сахзаводе. Опять торжественная встреча. Служение акафиста. Беседа Владыки с верующими.

В Джамбуле мы отдохнули душой. Дела здесь обстоят хорошо. Опасаться за Джамбул оснований как будто нет.

Приехавший посетить Джамбул из села Высокого иеромонах Иона (Катков) стал усиленно просить посетить его приход. Уступая его просьбам и желанию прихожан, мы дали согласие на это посещение, в силу чего в Чимкент нам пришлось ехать уже не поездом, а автомашиной.

В понедельник (15 июля) после напутственного молебна, провожаемые множеством народа, мы отправились снова в путь.

В село Высокое мы прибыли поздно ночью. Все уже спали, и только кое-где светились огоньки. Встретившие нас архимандрит Августин и церковный совет поведали, что колхозное начальство освободило народ от работы для участия в церковном торжестве, и тысячная толпа целый день ждала приезда Архиепископа, и, не дождавшись, народ с грустью разошелся.

Чуть забрезжил рассвет — раздался звон колоколов, возвестивший жителям села о предстоящей архиерейской службе. И потянулись празднично одетые люди к молитвенному дому. Так как молитвен-

ный дом слишком тесен, то верующие на улице из зелени устроили алтарь, украсив его иконами, и в этом импровизированном храме, под лучами утреннего солнца, в окружении горячо молящегося люда состоялось архиерейское служение.

«И тихое несется пение,

И диакон мирное творит глашение,

И в душу просится святое чтение,

И плакать хочется от умиления...

После службы Владыка сказал прочувствованное слово о любви к Богу, к ближнему, к Родине и призвал всех к труду. Присутствующие, приняв благословение от архипастыря, ободренные, с чувством глубокого внутреннего удовлетворения отправились на колхозные работы.

Мы же, откушав хлеба-соли, поехали дальше.

По пути посетили с. Винновку. Отслужив там краткий молебен, побеседовав и преподав благословение народу, во множестве собравшемуся к молитвенному дому для встречи Владыки, мы снова отправились в путь.

Вот и Чимкент. Это центр Южно-Казахстанской области. Здесь свинцовый завод, сантониновый завод. Город производит хорошее впечатление. Здесь мы прожили больше недели, совершая службы, проводя известную церковную работу. На все время нашего пребывания в наше распоряжение Облисполкомом была предоставлена легковая машина. Эта забота и чуткое отношение со стороны гражданских властей нас очень тронули. Храма здесь нет, а имеется небольшой молитвенный дом.

Тяжелое впечатление произвело на нас пребывание в Чимкентском молитвенном доме. На всем лежит отпечаток какой-то гнетущей халатности. Церковно-финансовая деятельность прихода поставлено плохо.

Пастырско-воспитательная работа среди верующих отсутствует. Прекрасный приход развален. Пришлось принять кое-какие меры для налаживания дела. Произвели изменения в составе причта. Надеемся, что это мероприятие оздоровит церковную жизнь Чимкента и принесет благие результаты.

Во время пребывания в Чимкенте мы посетили пригородный поселок Чапаевка, где совершили освящение молитвенного дома. На освящение храма, несмотря на будний день, собралось множество народа. За службами в пос. Чапаевка мы отдохнули душой.

Посетили мы и верующих свинцового завода, которые встретили нас с особенной любовью. Служили на улице. Тепла и сладостна была эта вечерняя наша молитва. По окончании службы нам была предложена братская трапеза, после которой на любезно предоставленной нам администрацией завода автомашине мы вернулись в Чимкент.

Но вот покинут Чимкент, и поезд мчит нас дальше.

Челкар. Небольшой городок, кругом пески... Несколько лет тому назад в этом городке появился бедно одетый старец. Рваные штиблеты, заплатанные брюки, старенький полушубок, плохонькая шляпа и сверху наброшено одеяло. В первые дни появления этот старец не имел, где главы приклонить. Жители чуждались его, и только один татарин проявил к нему милосердие и предоставил ему бесплатный приют и стол. Старец этот был архиепископ Николай.

Прошли годы, и вот владыка Николай создает молитвенный дом, начинает служить — и потянулись к нему верующие, и полюбили его.

Вскоре Архиепископ Николай был призван на Казахстанскую кафедру. И... вот сейчас это посещение Челкара... С какой радостью встретили верующие

своего духовного отца! Под торжественный перезвон колоколов, под стройное пение монахинями «Заступнице земли Российския» Архиепископ с волнением вступил под сень созданного им молитвенного дома. Краткий молебен. Вечером — Всенощная. На другой день — Литургия. Особой сердечностью были насыщены эти службы. Почти каждому из верующих хотелось принять Владыку у себя дома, и поэтому все свободное время архиепископу Николаю пришлось употребить на посещение всех желающих его видеть, ищущих у него утешения, совета и помощи.

В Челкаре по инициативе архиепископа Николая и при поддержке верующих города, железнодорожными рабочими изготовлен и поставлен на местном кладбище памятник — крест — погибшим в боях за Родину воинам-челкарцам. Крест чугунный, на пьедестале. Вес более 300 пудов. На памятнике художественно исполнены соответствующие надписи — имена и фамилии убиенных воинов. Далеко виден этот памятник, и всякий, проходящий мимо него, склоняет голову и отдает дань вечной памяти героям Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Около этого памятника вечером архиерейским служением была совершена Великая панихида. Народу было множество. Перед панихидой Владыка произнес прочувствованное слово о святости исполненного воинами долга. В конце панихиды протоиерей Синицин сказал слово о материнской скорби и призвал к усиленной молитве за павших воинов. Весь народ, преклонив колена, едиными усты с любовию воспел на поле брани убиенным воинам «Вечную память».

В этот же вечер верующие железнодорожники в доме мастера вагонного депо Баскакова устроили обед в честь архиепископа Николая. Тепла и сердеч-

на была беседа за этой трапезой. Верующими был исполнен ряд псалмов и церковных песнопений.

Время прошло незаметно. Скоро полночь, пора на отдых. С неохотой разошлись все по домам, а Владыке пришлось даже в это время посетить одну больную женщину.

Утром, провожаемые массой народа, мы отбыли из Челкара в Актюбинск.

По пути на ст. Эмба к поезду вышли приветствовать Владыку местный священник и церковный совет.

Вот и Актюбинск. Торжественная встреча — духовенство, народ, цветы. На машине нас развозят по приготовленным квартирам. И опять начались торжественные службы, деловые визиты. Здесь мы познакомились с Архимандритом Исаакием Виноградовым. Незаурядная личность. Отца Архимандрита мы надеемся скоро видеть на церковной работе в Алма-Ате. Такие работники нам нужны.

Радушие и гостеприимство Актюбинского духовенства оставило добрую память. Актюбинск нас глубоко удовлетворил.

Во дни нашего пребывания в Актюбинске местный храм еще не был полностью передан верующим. Службы совершались в одной маловместительной части храма. Но сейчас храм весь передан общине, и в нем идет ремонт. Радуемся за Актюбинск.

Покинут и Актюбинск. Едем в Уральск. На пути станция Елецк. Здесь мы стоим сутки в ожидании поезда на Уральск. Побывали у местного священника, посетили храм, отстояли в нем вечерню и — далее в путь.

В Уральск мы приехали поздно вечером. Грандиозная встреча, масса народу. Сопровождаемые пением «Достойно» следуем к машинам и вот мы в квартире настоятеля и благочинного. После тяжелой по-

ездки в общем вагоне нам предложили небольшой ужин и сладкий отдых.

Уральск — старинный город. Уральское казачество, старообрядцы, единоверцы... В центре города стоит прекрасный храм Христа Спасителя. Внешне он сохранился полностью, но сейчас в нем расположен областной музей. На берегу реки Урал возвышается величественный Михайло-Архангельский собор. Это гордость уральцев, памятник старины. Собор времен Емельяна Пугачева. Пугачев в нем венчался. В соборе находится склеп-могила священника, которого Пугачев казнил за отказ его повенчать. Собор свободен, сохранился прекрасно. Особенно хорошо сохранилась стенная роспись внутри собора. Имеется иконостас. Требуется небольшая реставрация и ремонт. Верующие г. Уральска усиленно хлопочут о передаче им этого собора. Облисполком не возражает. Дело на стадии разрешения этого вопроса центром.

С любезного разрешения облисполкома мы не только осмотрели этот собор, но при огромном стечении народа совершили в нем молебствие, провели беседу. Сейчас этот собор уже передан верующим и ремонтируется.

Наши службы в Уральске мы совершили в кладбищенской церкви. Гостеприимство уральцев, их сердечность для нас памятны. Здесь мы пробыли неделю.

Из Уральска самолетом мы направились в Алма-Ату. В Кустанае, Акмолинске получасовые остановки. В Кустанае на аэродром пришло духовенство и верующие. Краткая беседа и мы снова в воздухе.

В Акмолинске нас встретило духовенство и множество народа с цветами. Просили нас остаться погостить. Пришлось огорчить акмолинцев и отказаться от приглашения. Тут же на аэродроме нам был

предложен завтрак. Балуют нас своим вниманием акмолинцы: Владыке преподнесли подрясник, протоиерею Синицину прекрасно расшитую епитрахиль. Быстро пролетели минуты, и, попрощавшись с акмолинцами, мы снова в пути.

После ночевки в Караганде, рано утром 8 августа мы приземляемся на Алма-Атинском аэродроме. Вот мы и дома. Снова за работой, а впереди еще ждут поездки: Павлодар, Усть-Каменогорск, Семипалатинск и т. д.

Обязательно поедем.

20.08.1946 г.
Епархиальный совет[1].

В путешествиях по обширной Казахстанской епархии Владыке часто приходилось пользоваться услугами Аэрофлота. Когда он куда-либо уезжал, а особенно если летел самолетом, то просил, чтобы за него молились, и просил так, как будто он был не иерарх, а простой человек.

В июле 1947 года Владыка должен был лететь в Москву на заседание Сессии Священного Синода, временным членом которого его в тот год назначили. Уезжая, он как всегда просил молитв у своей паствы.

Во время посадки в самолет Владыка со своими спутниками стоял у трапа и благословлял всех входящих в самолет пассажиров. Владыка ездил и летал всегда в рясе, несмотря на то, что часто подвергался за это насмешкам.

И на этот раз пассажиры, заметив, что их благословляет духовное лицо, начали над ним смеяться, послышались язвительные восклицания:

[1] Центральный Госархив РК, фонд № 1790, оп. 1, дело 16.

— Ну, нам лететь не страшно, с нами святой летит!

Почти никто из пассажиров не сказал доброго слова, в лучшем случае проходили мимо или делали вид, что не замечают его.

— А я не слушал их, — рассказывал по возвращении Владыка, — я их жалел. Ведь люди даже не подозревают, что не от своего ума и понятия говорят хулу, а выполняют злую волю врага рода человеческого. Я спокойно благословлял всех.

Все сели, самолет поднялся в воздух. Прошло некоторое время, и вдруг забеспокоились летчики — то один, то другой выходят из кабины, что-то осматривают. Беспокойство летчиков передалось и пассажирам. В конце концов старший пилот объявил об опасности — отказывает один мотор. Положение было угрожающее, надвигалась катастрофа. Среди пассажиров начиналась паника. Но Владыка сказал:

— Давайте помолимся! Ни одна душа не погибнет!

А потом добавил:

— Лишь немного в грязи выпачкаемся.

Владыка встал и начал молиться. Волнение пассажиров не спадало. Никто не обращал на Владыку никакого внимания, но через несколько минут все стали затихать, вставать со своих мест и прислушиваться к его молитве. А он молил Господа спасти всех, кто летит этим самолетом.

В это время самолет стал падать вниз. Но, к удивлению летчиков, которые знали, каким должно быть это падение, самолет не падал, как обычно, а как бы планировал и тихо опускался вниз.

Самолет упал в какое-то заболоченное, но неглубокое озерцо. Двери открыть было невозможно. Поблизости на полях работали колхозники. Увидев упав-

ший самолет, они немедленно организовали помощь. Трактором вытащили самолет из грязи, с трудом открыли двери. Пассажиры стали выходить. О Владыке как бы забыли, но когда люди немного успокоились от пережитого ими страха, то стали подходить и благодарить Владыку. Подошел и старший пилот:

— Произошло чудо, отец, — сказал он, — простите за наши насмешки!

— Бог простит, — ответил Владыка. — Бога благодарите и Его Пречистую Матерь и возлагайте свои надежды на Святителя Николая.

Вскоре к месту падения самолета были подогнаны повозки с лошадьми, и всех пассажиров доставили на аэродром.

В то время в аэропорт города Москвы пришло сообщение о том, что самолет, вылетевший из Алма-Аты, потерпел катастрофу. Эта печальная весть была сообщена в Патриархию ожидавшим архиепископа Николая на заседание Сессии Синода Патриарху и членам Священного Синода, вызвав у всех глубокую скорбь. Архиепископа Николая уже не надеялись видеть в живых, но, к всеобщей радости, через некоторое время, живой и невредимый, он прибыл на заседание Синода[1].

[1] О подробностях этого события известно из рассказа медсестры Александры Осиповны Эрикайне, сопровождавшей Архиепископа Николая в этом полете. Сам Владыка рассказывал об этом крайне редко. В дневниках же, в которые в течение 10 лет служения на Алма-Атинской кафедре владыка Николай записывал краткие сведения о совершенных им богослужениях, имеется лишь такая краткая запись о посещении Москвы:

«С 23-го по 8-е июля был в Москве, участвовал в Сессии Синода.

29-го на Петра и Павла участвовал в служении Божественной Литургии с Святейшим Патриархом Алексием и митрополитом Николаем Крутицким в церкви Свв. Апостолов Петра и Павла, что на Преображенской площади.

Через некоторое время Владыке вновь нужно было воспользоваться услугами Аэрофлота, и в алма-атинском аэропорту он встретился с пилотом того упавшего самолета. Пилот подошел, протянул ему руку, Владыка подал ему свою, пилот поцеловал руку и щеку Владыки, и, не сказав ни слова, отошел.

«В один из сентябрьских ясных и довольно погожих дней 1948 года, — вспоминает протоиерей Лукиан Красюк, — на аэродроме г. Уральска собралось все местное духовенство, для того чтобы встретить своего архипастыря архиепископа Николая, который должен был прилететь для освящения вновь открытого и капитально отреставрированного Уральского Михаило-Архангельского собора.

Все мы с радостным волнением ожидаем прибытия самолета, который по расписанию должен совершить посадку в 12 часов дня. Но, к огорчению всех, диспетчер объявляет, что рейс задержан и самолет прилетит только к 5 часам вечера.

Мы решаем ехать в город, чтобы к 5 часам вечера вернуться для встречи Владыки.

К указанному времени машина с духовенством снова мчится к аэродрому. Подъезжая к железнодорожному вокзалу, машина неожиданно тормозит. На-

---

4 и 5-го посетил Свято-Троицкую Лавру, где сослужил Святейшему Патриарху Алексию и другим Святителям. Лично я служил Всенощную и Божественную Литургию в Успенском соборе. Всенощную 7-го сослужил Святейшему Патриарху в Елоховском соборе. 8-го утром отбыл в Алма-Ата».

Также в письме к протоиерею Иоанну Дубакину в г. Ригу Владыка писал: «Путешествие мое в Москву было сопряжено с опасным приключением, о чем узнаете из прилагаемой здесь информации по епархии. Милость Его была с нами! ...Скоро (19.X.) я опять должен выехать в Москву на заседания, но теперь уже поездом — пресыщен летанием». Конец сентября 1947 г.

встречу нам идет пешочком седенький, в рясе и монашеской скуфейке старец-Владыка, со своим спутником и сотрудником протоиереем Анатолием Синицыным.

— Что произошло?! Как это могло случиться?!

Оказывается, самолет вместо 5 часов вечера прилетел к 3 часам дня. Владыка и о. Анатолий, прождав на аэродроме около часу, вынуждены были из-за отсутствия транспорта направиться в город за 5 километров пешком.

— Вот как встретили Владыку! — воскликнули растерявшиеся батюшки.

Уставший от пути и несколько расстроенный Владыка заметил:

— Хорошо вы встречаете своего архипастыря! — и вместе со всеми пешком направился к кладбищенской церкви.

Радостное настроение сразу исчезло, все глубоко расстроились от неожиданной неприятности. Но святитель, видя наше смущение и растерянность, вместо гнева начинает сочувствовать нам.

Наутро было освящение собора, расположенного на окраине города, на берегу реки Урал. На долгожданное торжество собралось столько народа, что обширный и величественный двухъярусный собор Архистратига Божия Михаила не мог вместить всех собравшихся.

Радостным словом приветствия встречает архипастыря настоятель собора, а верующие преподносят хлеб-соль высокому и дорогому гостю.

Владыка растроган, он слезно благодарит верующих за труды, понесенные в период ремонта этой уральской Святыни, которую он еще издали, с самолета заметил и возрадовался.

Далеко за полдень закончилось богослужение и торжественное освящение храма. Но неутомимый старец-иерарх, (к этому времени ему было уже 74 года), словно и не чувствует физической усталости от охватившей его неземной радости.

Сердцу веселящуся, вдохновенен лик Святителя молящегося, проповедующего, наставляющего и благословляющего свою паству, которая так искренно, горячо любит своего архипастыря.

От вчерашнего неудовольствия и помину не осталось. За братским всеобщим обедом Владыка подтрунивает по поводу неудачной нашей встречи и высказывает пожелания к отъезду.

Но уральцы — настойчивый народ, просят Владыку совершить завтра совместную с ними рыбную ловлю в своей «священной» реке Урал, на что добрейший Владыка дает свое благословение и сам активно принимает участие в ловитве неводом рыбы, что и было зафиксировано на фотоснимках».

В памяти старшего иподиакона Ария Ивановича Батаева ярко запечатлелось другое посещение ими города Уральска.

«Было это, — вспоминает Арий Иванович, — летом в начале 50-х годов. Владыка совершал богослужение в Михайло-Архангельском соборе города Уральска. После службы он стал беседовать с верующими. Народ пожаловался Владыке на зной и засуху в Уральской области, так как с того времени, как растаял снег, на землю не выпало ни единой капли дождя.

Владыка сказал:

— Давайте помолимся Царю Небесному, может быть, он услышит нашу молитву.

Стали совершать чин молебного пения, поемый во время бездождия. И совершилось чудо — небо, на котором не было ни единого облака, потемнело, покрылось густыми тучами и пошел не просто дождь, а хлынул ливень, как из ведра. От страшных раскатов грома дрожали стены старинного уральского собора. Владыка приостановил молитву и сказал: «Православные! Разве это не чудо?!»

Завершив молебен и подождав, когда утихнет ливень, все вышли во двор, вдохнули свежего, чистого воздуха. Владыке нужно было пройти пешком метров 200 от храма до дома настоятеля, но после ливня пыльная дорога стала месивом грязи. Тогда народ, исполненный любви и благодарности к Владыке, тут же выстлал этот путь снятой с себя одеждой. И Владыка дошел до дома, даже не запачкав своей обуви».

Нина Федоровна Ярофеева помнит, как Владыка впервые посетил город Петропавловск в 1946 году:

«В то время в городе была открыта только одна Всехсвятская церковь. Владыка прилетел на самолете, а поскольку машин тогда еще в городе не было, его везли от аэродрома до храма на тройке белых лошадей. Лошади были красиво убраны цветами, обвешаны бубенцами, покрыты коврами и запряжены в изящный фаэтон. Дороги в Петропавловске все были в рытвинах и колдобинах. А народ наш северный, хоть и грубоватый немного, но очень любил духовенство. В городе было много ссыльных — интеллигенции и монашествующих, и весь город вышел встречать владыку Николая. Народ стоял сплошной стеной вдоль дороги по всему пути следования Владыки, начиная с аэродрома. Все очень радовались.

Владыка всю дорогу стоял на ногах и всех благословлял, а тройка ехала и бубенцы гремели. Она ехала по Рабочему поселку, потом проехала через старый элеватор, вывернула на улицу Интернациональную, проехала по улице Кзылтуйской (она была вымощена шлаком и почище, чем другие улицы) и доехала до самого храма.

Потом началось богослужение, и я помню, что самые уважаемые люди города были одеты тогда в стихари и прислуживали Владыке. Весь народ не вмещался в храм, и часть службы проходила на улице. А мы, дети военных лет, конечно, не могли понять смысла и красоты этой службы, но мы тоже радовались в этой всеобщей радости людской. Мне было тогда 6 лет, и это — неизгладимые впечатления моего детства.

Другой раз Владыка Николай приезжал в Петропавловск тогда, когда верующим был уже возвращен старинный собор Петра и Павла. И его снова, уже по традиции, встречали на тройке белых лошадей...»

Сохранилось письмо Владыки, повествующее об одной из его многочисленных и длительных поездок по епархии, в которую он отправился 17 августа 1952 года.

«Всего в пути был 30 дней, — пишет Владыка, — ...службы за службами, переезды за переездами.

В Петропавловске совершил подряд три освящения престолов в отремонтированном Петропавловском старинном соборе. В день 29.VIII, ...совершал также четвертую подряд праздничную службу.

В гор. Кокчетаве освятил четвертый престол. Служил и в двух других областных городах. Всех церковных служб за время (23 дня) совершил около 20-ти.

Был свидетелем и участником больших церковных торжеств. В пути туда и обратно пришлось пробыть в вагоне 7 суток... Удовольствие не из приятных.

Под конец моих служб я окончательно изнемог, надо было бы побывать еще в одном областном граде, но меня буквально «скрючило». Начал уже ходить на один бок, и я вернулся к себе, чувствуя себя немного крепче Евангельского расслабленного. Врач-сердечник, разумеется, уложил в постель, назначив на 1,5–2 месяца режим.

Да и это надо было сделать. Не скажу, чтобы все это было «ревностью не по разуму», но труд превзошел мое усердие, и я сдался. Теперь служу реже в храме (по воскресным дням), будние акафисты, их четыре в неделю, мало совершаю, в канцелярию раза два хожу (хотя бы на пять минут); гуляю, лежу, сплю. Конечно, это режим слабый, но как можно удержать себя дома, когда в храме идут службы? Скучает, тоскует по ним душа... Ну, и забудешь про доктора и режим и неожиданно появишься в храме.

Храм наш недалеко от моего дома — 5 км. Езжу на «Победе», но и этим не велит доктор злоупотреблять. Так подорвались мои силы этой поездкой. Остается в моем желании в ноябре (ц. ст.) посетить еще два града, — но как Господь силы даст.

...У меня 16 областных градов — целая республика. За время моего служения посетил все областные и районные города, иные по три-четыре раза. Остался один непосещенный ввиду отсутствия хотя бы сносного транспорта. Даст Бог силы, будущим летом навестим и другие оставшиеся грады и веси.

Люблю посещения эти: сколько радости духовной они дают верующим и нас ею питают. Входишь в храм, — то платки, то полотенца бросают под ноги,

то весь путь до храма цветами и розами устилают. Слезы умиления невольно текут из глаз...

Кто я, что оказывают такую честь, как Христу? Да! Потому что мы Его служители, посему и честь подобную нам воздают. Любит народ архиереев и их службы! А мы в смирении сердца скажем: «Не нам, не нам, а Имени Твоему слава, Господи!»

Шло время, силы постепенно покидали Владыку. В последние годы жизни он часто недомогал и временами «выходил из строя», как сам выражался. О немощах, обдержащих его, он часто упоминал в своих письмах: «Сердце отказывается работать. Одышка почти непрерывная. Повышенное кровяное давление и прочие мои спутники все теперь со мною. Службы совершаю с трудом и только по воскресным дням. Сгорбился, хожу на один бок. Стар и слаб я стал...»

И в другом письме: «...Сердце не улучшается, одышка не уменьшается, ноги слабеют, согбен и стар стал. Пора, пора идти, как говорят, на покой, на отдых...»

«...Об уходе на покой мысли не оставляю. Боюсь по своей воле уйти с поста, но ложь, неправда, интриги вокруг при моей простоте, доверчивости — заставляют настойчиво о сем думать. На мое место надо «креплышего мене», и стар я, и слаб я, и беспамятен я, и стал плохо слышать, по времени, надо сюда человека дипломата, а не подобного мне простеца».

С этой просьбой — благословить его на покой, за штат, Владыка обращался к Святейшему Патриарху Алексию, но Святейший не удовлетворил его желание, ответив, что Архиерей — что офицер на посту, которого сменяет только смерть.

А в феврале 1955 года по случаю 35-летия пребывания архиепископа Николая во епископстве он был награжден саном митрополита.

Владыка писал в дневнике:

«24 [ст. ст.] Воскресение. Неделя о Мытаре и Фарисее.

...Так как в Синоде состоялось постановление о награждении меня, убогаго, саном Митрополита в связи с десятилетним юбилеем Патриарха и его интронизации, то и пришлось это возведение сделать во время нынешней Божественной Литургии, после молебна о Святейшем Патриархе Алексии. После ряда Многолетствований Патриарху и мне — последний был усажен Архимандритом и прот. Анатолием в большое, поставленное на Амвон кресло. Духовенство и служители Алтаря попарно подходили под благословение с приветствием и коленопреклонением. За ними и весь народ сие творил, правый хор пел «Тебе Бога хвалим»... и другое. После пел весь народ разное. Пришлось всех до последняго благословлять. Радость и ликование выражалось на лицах молящихся. Народа было очень много — полон храм. Слава Богу, мне благо деющему!»

Эта награда принесла радость всей казахстанской пастве, но ничто не могло возвратить силы и здоровье престарелому иерарху. Получая скорбные о нем уведомления, духовенство и миряне усугубляли свои молитвы о его здравии, с твердой верой в душе, что болезнь его еще «не к смерти». И неоднократно эта вера не посрамляла молящихся. Но сам Владыка ждал приближения смерти и готовился к ней.

«Болезнь моя подломила мои силы, — писал он, — память притупилась, требуется покой, не для отдыха, а скорее для подвига молитвы, умоления Господа — и о своих личных грехах, и о грехах руко-

положения; неисполнения церковных канонов и других взысканий, о них же надлежит дать давшему мне благодать епископства Пастыреначальнику Христу должный ответ.

Чем ближе идет время к концу, тем чаще думаешь об этом «конце», тем тяжелее становится «омофор епископский»... «Много дано — много и взыщется...»

Последние дни жизни митрополита Николая

В августе 1955 года в Алма-Ате стояли знойные дни южного лета, духота которого с трудом переносится и здоровыми людьми.

Владыка был утомлен торжественными службами, прошедшими в Никольском соборе на престольный праздник святого Великомученика Пантелеимона. Но на следующий день, в среду 10 августа, пожелал поехать в храм, утром — на акафист Успению Божией Матери, а вечером — Святителю Николаю. Он, как всегда, сам читал акафисты и помазывал всех богомольцев елеем. Это были его последние посещения храма.

В четверг 11 августа утром Владыка освящал дом для приехавших монахинь. Вечером того же дня он был приглашен на именины к соборному бухгалтеру и вернулся оттуда уже с недомоганием. Открылось острое сердечное заболевание.

В пятницу Владыка чувствовал сильную слабость, почти все время лежал. Срочно был вызван врач С. И. Зотов, который, прервав свой отдых в горах, приехал в тот же день.

Угрожающего пока ничего не было. Врач обнаружил, правда, резкую аритмию, но кровяное давление было нормальным.

14 августа в 4 часа утра случился первый тяжелый сердечный приступ, длившийся три часа. От лечения уколами Владыка отказался, и тогда впервые был применен кислород.

Давно лечивший Владыку С. И. Зотов стал с тех пор навещать его ежедневно. Затем был приглашен врач Романенко. Он назначил применение пиявок на область печени. Владыка потерял много крови, но получил значительное облегчение. Романенко настаивал на применении уколов, и Владыка согласился.

Владыке приходилось переносить до десяти уколов за день: камфара чередовалась с кардиамином, делались вливания глюкозы. Но сердечные приступы, сопровождаемые удушьем и обильным потом, повторялись приблизительно через день и длились по нескольку часов.

Диагноз, поставленный Зотовым и подтвержденный Романенко, гласил о наличии декомпенсации комбинированного порока сердца в соединении с кардиальной астмой, недостаточности коронарных сосудов и микрокардиосклероза. Болезнь усугублялась полным отсутствием аппетита. Сон был только искусственный, под влиянием снотворного.

В начале болезни Владыка со слезами просил отвезти его в храм, чтобы проститься с паствой, но врачи предписывали полный покой, и поэтому горячее желание его не было удовлетворено.

Желая продлить дни жизни Владыки, врачи советовали ему переменить климат, надеясь, что это поддержит его здоровье, но Владыка, чувствуя неизбежность смерти, отказался от переезда, сказав: «Здесь меня все так любят, и я хочу умереть на руках своих чад».

Молитвенное настроение не покидало Владыку во все дни его болезни. Часто, лежа с закрытыми

глазами, как бы безучастный ко всему, что кругом происходило, он поднимал руку и крестился. Иногда засыпал, но при пробуждении начинал молиться.

Бывало, спрашивал: «Который час?» — и благословлял издали свою паству, выходившую по его расчету в это время из храма или стоявшую в храме во время богослужения.

По ночам особенно любил благословлять своих духовных чад на все четыре стороны.

Очень часто на дому у Владыки по его просьбе совершались чтения акафистов. По субботам в его комнате служили Всенощную, и Владыка садился на постели и благословлял всех, подходивших приложиться к Евангелию. В воскресный день служили Литургию. Он всегда оживлялся во время молитвы, подавал возгласы, но временами впадал от слабости в забытье.

Ввиду тесноты помещения и низких потолков, врачи разрешили присутствовать на домашних богослужениях лишь очень ограниченному числу людей, самых близких Владыке, так что богомольцев бывало от 6 до 10 человек.

31 августа над Владыкой было совершено таинство Елеосвящения, в котором принимали участие семь священников, представители всех городских церквей во главе с архимандритом Исаакием (Виноградовым).

Впервые испытав на себе действие этого Таинства, Владыка глубоко переживал его благодатность. Он почувствовал себя значительно лучше, так что даже через несколько дней попытался встать с постели. Но все же это было ему не по силам, и привело к новому обострению болезни.

О болезни Владыки телеграфировали во все приходы епархии, прося молитв духовенства и паствы.

Началось ежедневное служение молебнов о недугующем. Но на этот раз какой-то внутренний голос подсказывал: «Не подняться Владыке от одра болезни», немощи его, очевидно, берут свое. В том году ему исполнился уже 78 лет.

Был во время болезни один замечательный день — 18 сентября, когда после принятия Святых Христовых Таин Владыке представилось, что наступила Пасха. Он требовал, чтобы все приветствовали его словами «Христос Воскресе!» и пели пасхальные стихиры. Пожелал встать с постели, оделся и сел вместе со всеми завтракать.

— Как хорошо мы встречаем Пасху в этом году в своей семье! — радостно сказал он.

При этом присутствовали дежурившие ночью врач, медсестра и причащавший Владыку священник о. Александр.

— Правда, стол у нас бывал и побогаче в такой день, но такого светлого и радостного настроения, как сегодня, еще никогда не было! Не видно на столе вина… Попросите подать, и пусть все выпьют понемногу! — продолжал Владыка радостно.

Потом удивился тому, что о. Александр заторопился на требу:

— В такой день — и на требу… Нет, я вас попрошу, побудьте еще со мною!

По словам врача, и пульс, и дыхание у Владыки были в это утро, как у здорового человека. Но такое состояние длилось всего несколько часов, затем пошло на ухудшение и в ночь с 20 на 21 сентября разрешилось тяжелейшим сердечным приступом. Была потеряна почти всякая надежда, но улучшение все же наступило, и Владыка прожил после этого приступа больше месяца.

В промежутках между сердечными приступами Владыка интересовался церковными делами, заботился о передаче дел по управлению епархией, имел по телефону деловую беседу с епископом Ташкентским Ермогеном. Очень хотелось ему поправиться к Воздвижению, но этого не произошло. В то время, когда в соборе совершалась Всенощная, дежурившие около Владыки видели, что он воздвигал мысленный Крест обеими руками много раз.

8 октября, в день памяти преп. Сергия Радонежского, в комнате Владыки была отслужена Литургия и Владыка причастился Святых Христовых Таин. Причащался он неоднократно и в другие дни, в последний раз — за два дня до кончины из рук архимандрита Исаакия.

Находясь в болезни, Владыка иногда как бы выходил из обычного потока времени. Тогда он как бы вновь попадал в свою любимую Нилову пустынь и снова был там кассиром на пароходе или хлебопеком, на масленице «пек блины», то как благочинный распределял по гостиницам богомольцев, собравшихся в огромном количестве к престольному празднику.

И тут же из далекого прошлого он возвращался в Алма-Ату и переходил в будущее время. Как бы в предвидении своего погребения, он говорил о грандиозном Крестном ходе:

— Но откуда он пойдет, Крестный ход, из дома или из храма? Должна и милиция помочь, так много народу! — к этой мысли о предстоящем Крестном ходе Владыка возвращался часто.

Несомненно, были ему и видения. В начале болезни, когда стояли теплые дни и Владыка лежал в столовой, так как там было больше воздуха, явились ему св. преподобные Антоний и Феодосий, беседовали с ним и затем прошли в спальню.

— Их надо принять, — сказал Владыка окружающим.

Почти все время видел он юношу около своей постели или маленьких детей, которых пытался гладить по головкам. Часто спрашивал дежурного врача: «Кто это стоит?»

Архимандрит Исаакий несколько раз наблюдал, как Владыка манил пальцем Кого-то, стоящего около печки или даже за стеной, но когда с той стороны подходил кто-либо из присутствующих, он недовольно отворачивался от заслонившего видение и в пояснение говорил: «Там стоит Кто-то!»

Это было за две недели до кончины, Владыка был в полном сознании.

В воскресение, 16 октября, после причащения Владыка спросил:

— Почему там стоят два инока? Отчего их не пускают? Я бы расспросил их об их жизни.

Видел он еще целый «сонм святителей» и, вероятно, еще многое другое, о чем не мог рассказать, вследствие затруднения речи. Иногда слова его было трудно разобрать.

О трагической кончине протоиерея Петра Владыке не сообщили. Но в день отпевания о. Петра Владыка все время беспокоился, спрашивая окружающих:

— А какого священника сегодня хоронить будут?

— Никакого, — отвечали ему.

— Нет, я-то знаю!

И через некоторое время опять:

— А кого сейчас отпевают?

— Никого.

— Нет, я вижу, священник в гробу лежит, кругом стоят священники и два диакона! Почему от меня скрывают, кто умер?

Дня за четыре до смерти Владыка отчетливо произнес:

— Умирает иеромонах. Иеромонах умирает!

— Как его зовут? — спросили.

— Сергий, — ответил Владыка.

К кому относились эти слова, осталось неизвестным.

Говорил еще Владыка, что «владыка Сергий живет по-соседству. Но ему очень трудно одному, ему нужно помощника».

Иногда по ночам просил бумагу с чернилами и пытался писать. Но руки его дрожали, получались неразборчивые, как бы на неизвестном древнем языке написанные буквы и слова.

Тогда ему предлагали диктовать. Один раз он продиктовал небольшой рассказ, в другой раз — благодарность врачам, которая гласила: «За такое продолжительное время (два месяца) ваша организация любезно нас приняла, удовлетворяя всеми возможными медицинскими и другими средствами. Человеческое гуманное отношение было к нам беспримерно. Будучи больны, мы скоро выздоравливали и надеялись на полное выздоровление. Спасибо вам от нас, вам полное наше русское спасибо!»

Владыка хотел продиктовать и свое «Завещание» пастве, но этого выполнить не удалось.

Скорую кончину Владыка предчувствовал с самого начала болезни. Он утешал своих близких, говорил, что так лучше — отрешившись от уз плоти, встречать своих духовных чад в Небесных обителях, указывая на них Богу со словами: «Вот — дети мои!»

Но временами ему хотелось еще пожить хотя бы два года, чтобы лучше подготовиться к переходу в вечность.

Последние две с половиной недели была сделана попытка лечить Владыку гомеопатией. Уже изму-

ченный уколами, Владыка согласился и на это. Но всю свою симпатию проявлял по-прежнему к своему другу — доктору Зотову, оживляясь при его появлении и прося его проверить назначения гомеопата.

За все время своей болезни Владыка никогда не жаловался, не раздражался, любил пошутить, и врачи утверждают, что более кроткого и терпеливого пациента они не встречали.

— Все добренько! — скажет он, бывало, в виде утешения сестричке или врачу после неудачного укола. Ухаживать за ним было радостно и почти неутомительно, несмотря на бессонные ночи.

К вечеру 22 октября Владыку одновременно посетили и Зотов, и гомеопат и пришли к одинаковому выводу, что жить ему осталось дня три, что и оказалось справедливым.

Хотя Владыка не мог слышать их разговора, но с вечера этого дня у него появилось окончательное убеждение в неизбежности близкой кончины. Он стал уже определенно готовиться к смерти.

В воскресение 23 октября после последнего своего причащения Святых Христовых Таин, когда монахини в столовой запели было «Совет превечный...», Владыка из спальни, напрягая голос, закричал им:

— Матушки, матушки, на этом поставим точку. Теперь начнем чин погребения епископа.

Пение прекратили, но слез удержать не могли.

Предлагали в этот день Владыке чаю, теплого молока, но он отказался:

— Больше мне ничего не давайте! Кушать ничего не буду. Все кончено. Я уже умер. Таков закон Божий. Я должен исполнить закон Божий.

Лекарства тоже отказался принимать, а когда ему пытались давать насильно, выплескивал на пол. Не-

которые видели, как он натянул на себя простыню, закрывшись с головою, и произнес:

— Я уже умерший!

Особенно напряженно и громко молился Владыка в ночь с 23 на 24 октября. Можно было расслышать слова: «Господи, не осуди мя по делом моим, но сотвори со мною по милости Твоей!» Много раз повторял с глубоким чувством: «Господи! Милости прошу, а не суда!»

В понедельник, 24 октября, накануне смерти, Владыка еще немного говорил. Он сказал каждому что-то особенно ласковое, как бы прощаясь. Около 5 часов вечера у него случился сердечный приступ с острой болью, после которого он уже не говорил и лежал с закрытыми глазами, которые у него сильно болели и слезились.

Во вторник утром он нашел в себе силы несколько раз перекреститься при чтении у его одра акафиста святой Великомученице Варваре.

В сознании был, по-видимому, до самого конца, движением головы показывая нежелание принимать лекарство и молоко. С ночи появились хрипы.

В 5-м часу дня 25 октября окружающие заметили приближение конца. Стали читать отходную, дали в руки Владыке зажженную свечу, и с последними словами канона на исход души святитель тихо и спокойно испустил свой последний вздох. Это было в 16 часов 45 минут, когда в Никольском соборе зазвонили к вечерне в канун празднования Иверской иконы Божией Матери, Которой Владыка так любил сам возглашать: «Радуйся, Благая Вратарнице, двери райские верным отверзающая!»

Достоин замечания тот факт, что ровно десять лет тому назад Владыка прибыл в Алма-Ату и вступил в управление Казахстанской епархией.

Архимандрит Исаакий и протоиереи Анатолий Синицин и Димитрий Млодзяновский облачили Владыку в священные одежды и, положив на стол, совершили у тела почившего Святителя первую панихиду.

Весть о смерти Владыки быстро разнеслась по Алма-Ате и по всей епархии и вызвала глубокую скорбь паствы. К дому почившего началось паломничество. Всю ночь у тела митрополита Николая читалось Евангелие, всю ночь шел народ, чтобы в последний раз взглянуть на дорогое лицо Владыки. Со всех концов Казахстанской епархии стали съезжаться в Алма-Ату духовенство и миряне.

26 октября тело Владыки было положено в гроб и в сопровождении духовенства и верующих перенесено в Никольский собор. Собор был переполнен людьми. День и ночь у гроба Владыки служились панихиды, литии, читалось Евангелие.

В Епархиальное Управление стали поступать телеграммы: от Святейшего Патриарха, архиереев, священников, мирян, — ото всех, кто знал и любил Владыку.

«Весьма скорбим кончине владыки митрополита. Молимся мире души его. Погребение совершить поручается епископу Ташкентскому, временно управляющему Алма-Атинской епархией.

Патриарх Алексий».

«Примите мое глубокое соболезнование, мою скорбь по случаю кончины незабвенного и горячо любимого моего собрата митрополита Николая. Поклонитесь от меня его праху. Молюсь о нем и вам шлю благословение и любовь.

Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич)».

«Потрясен скорбной вестью. Пока жив — буду молиться.

5 Зак. 27082

Архиепископ Симферопольский и Крымский Лука (Войно-Ясенецкий)».

Также были получены телеграммы со скорбью о смерти Владыки от митрополита Пражского и всея Чехословакии Елевферия, от митрополита Ленинградского и Новгородского Григория, от митрополита Новосибирского Варфоломея, архиепископа Ижевского Ювеналия, архиепископа Харьковского Стефана, архиепископа Иркутского Палладия, архиепископа Воронежского Иосифа, епископа Калининского Варсонофия, епископа Астраханского Сергия, Управляющего делами Патриархии протопресвитера Николая Колчицкого, наместника Троице-Сергиевой Лавры архимандрита Пимена с братией, наместника Почаевской Лавры архимандрита Севастиана с братией, иеромонаха Мелетия из Киево-Печерской Лавры, игумении Покровского монастыря Архелаи, протоиерея Плясунова из Чкалова, настоятеля собора протоиерея Матфея Пахомова из Тобольска, игумена Бориса (Холчева) и протоиерея Семененко из Ташкента, и многих, многих других...

Поток телеграмм не прекращался в течение нескольких дней. Во всех телеграммах, а затем и в письмах, было выражение потери дорогого, близкого человека. За каждой телеграммой чувствовалась скорбь и боль утраты.

28-го утром для погребения почившего Митрополита прибыл епископ Ташкентский и Среднеазиатский Ермоген. После Божественной Литургии, которую совершил епископ Ермоген в сослужении 33 священнослужителей, архимандрит Исаакий произнес слово, посвященное почившему, и началось отпевание, которое длилось до 15.30 часов дня. Во время отпевания епископ Ермоген произнес теплое слово о почившем Владыке и прочитал во множестве

полученные телеграммы соболезнования. И после отпевания последнее прощальное слово произнес протоиерей Анатолий Синицин.

Во время отпевания и произносимых надгробных слов «рыдание и вопль был мног».

Владыка желал быть погребенным под алтарем Никольского собора в нижнем храме Успения Пресвятой Богородицы. Об этом просил он архимандрита Исаакия и близких своих духовных чад и даже указывал место для своего погребения. Но предсмертному желанию Святителя не суждено было исполниться — светские власти не дали на то разрешения[1].

После отпевания гроб с телом Владыки при пении ирмосов «Помощник и Покровитель» был обнесен вокруг собора, после чего процессия направилась к месту погребения — городскому кладбищу.

Шествие было чрезвычайно торжественным. Гроб до кладбища (расстояние около 7 км) несли на руках. Весь город всколыхнулся, пришел в движение. Крыши, заборы и деревья по пути следования похоронной процессии были запружены народом — и верующими и неверующими; множество людей шло за гробом. Ташкентский епископ Ермоген, сонм духовенства и два хора обращали на себя внимание

[1] Через 4 месяца после кончины митрополита Николая его духовные чада вновь подняли вопрос о перезахоронении праха митрополита Николая и перенесении его из склепа на городском кладбище в склеп в Успенском приделе Никольского собора. С ходатайством по этому вопросу они обратились к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию, а также в Совет министров КазССР и к уполномоченному по делам религии при Совете министров КазССР С. В. Вохменину. Но данное ходатайство не было удовлетворено по той причине, что «по существующему положению похороны производятся на общих кладбищах» (ЦГА Республики Казахстан, ф. 1709, о. 1, д. 83).

всех. Движение на улицах, по которым несли Владыку, прекратилось, так как народ шел сплошным потоком. Шествие растянулось квартала на три. Пели «Святый Боже...» Часто останавливались и служили литию. Милиция обеспечивала порядок и оказывала всякое внимание этой процессии. По подсчетам сотрудников милиции, за гробом следовало 40 тысяч человек. Народ шел и нес своего дорогого отца на руках до самого кладбища.

Кладбище тоже было переполнено народом так, что шествовавшее за гробом духовенство с трудом достигло могилы.

Какая сила привлекла ко гробу владыки Николая эту многотысячную массу людей? Что двигало сердцем каждого пришедшего дать последнее целование почившему Святителю и испросить последнее благословение у этого смиренного иерарха и великого молитвенника? Это сила любви. Все любили его горячей любовью за то, что сам он воплотил в жизни своей заповедь Божию о любви к Богу и ближнему. Его любили за строгую благочестивую жизнь, за его неустанную проповедь Слова Божия, за доброту, простоту, общедоступность. Его любили как нежного отца, мудрого наставника, ревностного молитвенника за врученную Богом паству, жившего и дышавшего заботой о спасении людей, о благе и спокойствии Церкви.

У могилы отслужили литию, и преосвященный Ермоген предал земле тело почившего Святителя.

Когда все было совершено и возвысился могильный холм, покрытый венками, в тишине спустившихся сумерек, при сиянии луны все присутствующие пропели тропарь Благой Вратарнице, двери райские верным отверзающей.

Воспоминания о митрополите Николае

Архимандрит Исаакий (Виноградов),
настоятель Вознесенского собора, г. Елец[1]

В 1945 году обстоятельства моей жизни сложились так, что я был лишен самого главного — свободы. Я был осужден на 10 лет исправительно-трудовых лагерей и отправлен отбывать наказание в Казахстан, в один из лагерей Актюбинской области.

---

[1] Архимандрит Исаакий (Иван Васильевич Виноградов) служил с владыкой Николаем в период с 1947 по 1955 гг. Родился в 1895 году в Санкт-Петербурге. В 1913 году закончил реальное училище в Санкт-Петербурге, после чего поступил учиться в Санкт-Петербургскую Духовную Академию. Во время Германской войны с Россией в 1916 году, будучи на третьем курсе Академии, он был призван в Царскую Армию и поступил во Владимирское военное училище в г. Санкт-Петербурге, которое окончил в октябре 1916 года, и в чине прапорщика направлен на Румынский фронт, где служил в 460 пехотном полку на должностях командира полуроты, затем командира роты.

В феврале 1918 года зачислен рядовым в отряд полковника Дроздовского, который в мае 1918 года вошел в состав армии генерала Деникина. В марте 1920 года произведен в капитаны и в январе 1921 года назначен помощником адъютанта Дроздовского полка.

В ноябре 1920 года, после поражения армии Врангеля, Иван Васильевич Виноградов змигрировал в Турцию, г. Галиполи, где вступил в «Галиполийское землячество». В сентябре 1921 года переехал в Болгарию, в г. Севлиево. В 1926 году выехал во Францию, где в Париже поступил в Православный Богословский институт Преподобного Сергия, который окончил в 1928 году. В 1927 году в Париже принял монашеский постриг и сан иеродиакона. В 1928 году рукоположен во иеромонаха. В зтом же году был направлен для прохождения приходского служения в Прагу. В 1945 году, когда Советские войска вошли в Прагу, 26 мая архимандрит Исаакий был арестован отделом контрразведки «Смерш» 4 Гвардейского Кавкорпуса по подозрению в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-2, 58-4 и 58-10 ч. 2 УК РСФСР.

Находясь в лагере, я потерял всякую надежду вырваться из этой обстановки. И вот в одну прекрасную ночь я вижу сон: будто в наш лагерь приехал Архиерей. Он приехал для того, чтобы облегчить участь одних, утешить надеждой на освобождение других. Меня будят и говорят, что Архиерей всех принимает, благословляет и меня требует к себе.

Я быстро встал и побежал, куда мне указали сокамерники. Я был одет в ватную куртку, острижен и обрит и, конечно, совсем непохож на архимандрита. Вхожу в большую комнату, где стоит посредине

Обвинялся в том, что, проходя службу в армии Деникина и Врангеля, принимал непосредственное участие в боях с Красной Армией, состоял членом «Галиполийского землячества», а затем «РОВС». «За заслуги перед русской эмиграцией был назначен главным священником «РОВС», читал лекции на «Высших военных курсах». На протяжении 24 лет систематически проводил среди эмигрантов и народов Европы активную контрреволюционную деятельность, направленную на свержение Советской власти».

20 июля 1945 года из Праги он был этапирован в тюрьму № 4 УНКВД по Львовской области.

Военным Трибуналом Львовского военного округа 27–30 июля осужден на основании ст. ст. 58–2, 58–4 и 58–11 УК РСФСР к 10 годам ИТЛ с конфискацией имущества.

С 23 сентября 1945 года отбывал наказание в Карлаге НКВД СССР ст. Карабас Карагандинской железной дороги.

По определению Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 5. 02. 1946 г., «...учитывая раскаяние Виноградова И. В., ходатайство Наместника Русской Православной Церкви в г. Праге епископа Сергия, а также то, что Виноградов И.В. во время Великой Отечественной войны не оказывал помощи немецко-фашистским захватчикам», приговор ВТ Львовского ВО от 27–30 июля 1945 года отменен и дело в отношении него производством прекращено на основании ст. 8 УК РСФСР.

Из мест заключения освобожден 4 мая 1946 года и направлен в г. Актюбинск (УСБУ по Львовской области).

С 1958 г. был настоятелем Вознесенского собора в Ельце. Скончался 12 января 1981 г. Погребен на городском кладбище в г. Ельце.

стол, а за столом сидит величественный благообразный старец с очень большой белой бородой. Глубокие очи смотрят ласково, сочувственно и умно. Характерны брови, выступающие вперед седыми кустиками. Голос очень приятный, баритональный бас. И он сразу говорит мне:

— А, отец Архимандрит! Подходите, подходите! Мы о Вас думаем. Не унывайте, дорогой, потерпите немного, и Вы выйдете на свободу и еще послужите Родине и Церкви Христовой.

Всем подходящим к нему Владыка раздавал бумажные образки. Подает он такой и мне со словами:

— Вот на Вашу долю остался этот образок Воскресения Христова. Примите его в знак того, что вы воскреснете отсюда для служения в Храме Божием, — говорит Владыка и благословляет меня. (Образок Воскресения был довольно известный: Христос стоит с хоругвью у Гроба, а перед Ним — коленопреклоненный Ангел).

Я не могу вспомнить, что говорил ему в ответ, но когда я проснулся, лицо мое было мокрое от слез.

Сон этот запомнился мне очень подробно и ясно. Он поселил во мне надежду на освобождение, которое чудным образом и произошло через два месяца.

4 мая 1946 года я был освобожден из заключения, и дело мое было прекращено «за неимением состава преступления». Но все-таки на жительство я был определен в г. Актюбинск.

Конечно, в тот момент у меня не было документов ни о моем рукоположении, ни о моем служении, и вообще не было ничего. Я имел только ватник, старые сапоги и брюки. Одежда моя могла вызвать у людей только презрение и отвращение. Но добрые священнослужители и паства г. Актюбинска приняли меня как родного, обласкали меня совер-

шенно незаслуженно с моей стороны и помогли мне, пока я получил свои священнические документы. Священники рассказали мне, что недавно образовалась Казахстанская епархия (о чем я не знал) и что во главе ее стоит архиепископ Николай, очень всем понравившийся. Он уже побывал в этом городе, и вскоре его ожидают вновь к престольному празднику св. князя Владимира.

И вот, живя в Актюбинске, я служил вместе с местными батюшками, читал на клиросе. Жизнь уже начала радовать меня своими радостями.

Вскоре подошел день приезда архиепископа Николая. Он объезжал тем летом часть своей епархии, к которой принадлежал и Актюбинск.

Приходим на вокзал встречать Владыку. Из вагона выходит маститый старец. Можете легко представить мой трепет, когда, увидев его, я узнал в нем того Архиерея, которого видел во сне в заключении. Даже голос его наяву был совершенно такой, какой я слышал во сне. Слезы потекли у меня из глаз, слезы радости и благодарности.

После молебна и обеда владыка Николай подозвал меня и ласково спросил:

— О чем Вы плакали, о. Архимандрит, когда встречали меня?

И я рассказал ему свой сон в заключении, который предсказал мне скорое освобождение от уз и возможность служения Церкви.

Владыка долго и подробно беседовал со мной о всей моей жизни. Как часто бывает, в беседе мы нашли много общих знакомых, что очень сблизило нас; оказалось, что мои любимые духовные руководители были его друзьями.

Результатом этой беседы явилось скорое получение мной всех моих документов на право служе-

ния в Церкви и дальнейший мой перевод в г. Алма-Ату в непосредственное подчинение владыке Николаю, с которым мы прослужили в мире, согласии и единодушии 8 лет.

Владыка Николай прожил жизнь долгую. Из семьи простого псаломщика Екатеринославской епархии, он достиг высшего звания духовного лица Российской Церкви — сана митрополита.

И сколько бы ни приходилось мне встречаться в жизни с теми, кто был под его властью, под его руководством, все с благодарностью вспоминают своего смиренного наставника.

В ту пору времени моего служения под его началом, о которой я вспоминаю, его епархия была одной из самых больших епархий Русской Православной Церкви.

Для того чтобы Владыка из своего кафедрального города Алма-Аты мог достигнуть некоторых областей своей епархии, нужно было садиться на самолет и лететь, — так он и поступал, неустанно облетая и объезжая в один год одни участки епархии, в другой — другие, никого не оставляя без внимания.

Воистину праздниками были для каждого прихода посещения Владыки. Многие небольшие общины, возникшие уже в послевоенные годы, не имели благоустроенных и тем более обширных храмов. И в таких случаях престол выносился в притвор или на паперть, а народ молился во дворе.

Поездки по епархии почти всегда совершались летом, весной или осенью, и поэтому в большинстве случаев проводились именно такие служения на улице, так как никакой храм не вмещал желающих помолиться вместе с дорогим Владыкой, которого все любили и глубоко уважали.

После каждой церковной службы он неизменно говорил слово к народу. В его голосе было много отеческой простоты, доброты, и самое обращение его, такое несколько старомодное, как теперь некоторые скажут, но чрезвычайно приятное для слушателей: «Други мои!» — уже располагало к нему сердца слушающих.

При всем том Владыка никогда не заботился о каком-либо величии, присущем его сану, его служению; он умел прекрасно развести кадило, приготовить себе облачение, а при скудости такого вещества, как ладан, сам великолепно готовил его из моченого угля, душистой кулинарной эссенции и смолы хвойных деревьев, которую его помощники собирали в хвойном лесу.

Сослужители Владыки иногда как бы ставили ему в укор то, что он мало заботится о своем быте, о пище и одежде.

— Но именно это и дает мне то долголетие, которое является на земле наградой Божией за прожитую жизнь, — отвечает Владыка и всегда следовал этим своим правилам — поменьше привлекать к себе заботы окружающих и побольше своей заботы окружающим отдавать.

Владыка был наделен громадной памятью, особую любовь имел к Богослужениям и сам, без всякой помощи, совершал ту или иную службу. Обладая хорошим голосом и слухом, будучи прекрасным знатоком церковного пения, он еще в бытность свою студентом Московской Духовной Академии был регентом любительского студенческого хора.

А как часто у себя в Алма-Ате, стоя на облачальном месте во время прославления Богоматери, при словах: «Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим, ... сущую Богородицу, Тя

величаем», довольно громко напоминал народу: «С поклоном!», сам подавая пример положить поклон. И весь народ привык дружно кланяться вместе с ним.

А я ему, шутя, говорил:

— Владыка, придется в архиерейский чиновник внести этот новый возглас, который доселе еще нигде не встречался.

Он имел дар умилительных слез, особенно плакал при совершении Божественной Литургии, вдохновляясь ее вселенскою широтою: «Еще приносим Ти словесную службу о вселенней...» И он же слезами пастырского сочувствия и человеческого понимания оплакивал грехи каждого из малых сих среди своих пасомых, поддерживая их и спасая в нужную минуту. И, подобясь апостолу любви св. Иоанну Богослову, владыка Николай в последние дни своей жизни часто говорил о любви своей к своим духовным детям, говорил, что мыслит указать на них Богу со словами: «Се, аз и дети, яже ми дал еси». Но для себя все же хотел бы пожить еще годик, два, чтобы достойно приготовиться к смерти.

Почти каждую свою службу владыка Николай сопровождал поучениями, которые, будучи основаны на большом жизненном опыте, выслушивались со вниманием и любовью. Он говорил о нестяжании, — и мы видели и знали его необыкновенную по простоте жизнь, его скромный стол, одежды, знали, как он следует слову Христову «блаженнее есть паче даяти, нежели приимати», знали, сколько добра творит он близким и далече сущим. Он говорил о посте, — и мы знали его строгое, нелицемерное постное послушание. Он горячо умолял не клеветать на ближнего, исправлять его любовью и примером, — и слезы его о наших «невежествиях» устыжали нас.

Учил он молиться, — и мы знали, что не было среди нас более усерднейшего богомольца, чем сам Владыка. Когда он стоял далеко за полночь на своей келейной молитве в своей скромной монашеской мантии и мы видели неугасающий огонь в его келье, мы знали, а многие с уверенностью говорили: «Ведь это за нас горит пред Богом яркий светильник молитвы нашего первосвященника».

В часы своего досуга Владыка нередко раскрывал свою тетрадь и вносил туда свои «нотатки» — о поездках по епархии, об особых службах, бывших в соборе, о том, что им, или другими проповедниками было при этом сказано... Прекрасное, старинное обыкновение!

Владыка был очень уютен в своей домашней жизни. Когда были дни его рождения или Ангела, можно было наблюдать давнее русское хлебосольство.

С утра, после службы, приходило духовенство, за ними служащие епархиального управления и приехавшие поздравить Владыку гости. Столы все время возобновлялись, так как уже до самого вечера шли верующие и духовные чада Владыки. Читались поздравления, стихи, пелись церковные песнопения.

Последние годы своей жизни Владыка, при всей своей крепости, начал прихварывать и быстро утомляться, но старался не пропускать любимых им церковных служб.

Но болезнь сердца взяла свое. 27 июля/9 августа, отслужив службу св. вмч. Пантелеимону и придя домой, Владыка слег и уже не вставал с постели.

Лечили его лучшие доктора города, всячески его поддерживали. Когда Владыке становилось лучше, он

порывался встать, но прежней возможности приехать в собор и отслужить службу он уже больше не имел.

В это время по благословению Владыки я взял отпуск и отправился на поклонение святыням Российским в Сергиев Посад, Почаев и Киев.

Когда я был уже в Почаеве и собирался прожить там 10 дней, туда пришла тревожная телеграмма, что Владыка чувствует себя плохо и было бы желательно мое присутствие около него. Конечно, я немедленно выехал в Алма-Ату.

Слава Богу, что мне удалось застать его в живых, хотя и весьма слабого. Мы оба были рады встрече.

С его благословения я собрал, кроме себя, еще 6 священников, и в один, я бы сказал, прекрасный день мы собрались у ложа Владыки и полным чином, со всей торжественностью совершили над ним Таинство Елеосвящения. Владыка был очень благодарен нам за это дивное таинство, впервые над ним совершенное.

Находясь на одре болезни, Владыка грустил, что не имеет возможности молиться в храме, часто говорил: «Вот сейчас в церкви идет служба...» Иной раз придешь его навестить, а он скажет: «Вот и хорошо, что Вы сейчас пришли — я как раз «дослужил» Всенощную до полиелея». Он действительно, по слову Апостола, «непрестанно молился». И когда кто-либо из приходящих к нему думал, что он находится по слабости в забытьи, старец внезапно открывал глаза и говорил обычно: «А я здесь в одиночестве все служу про себя».

Так, и догорая, светился архипастырь молитвенным светом, пел Богу своему, пока жил, и полон был заботами о своей пастве. И хотя окружающие старались уберечь его от внешних, нередко огор-

чительных, впечатлений, он продолжал всеми и всем интересоваться.

В заботах о том, чтобы окружающие не волновались при виде его слабости, он иногда, собирая остатки своих сил, восклицал для их ободрения мужественным, когда-то столь крепким голосом: «С нами Бог!»

Приходили к нему в видениях покойные уже иерархи — митрополит Евлогий[1] и архиепископ Сергий Казанский,[2] обещая, что Владыка скоро будет с ними. Иногда его благословляли преподобные печерские свв. Антоний и Феодосий. Бывало, что представлялись ему видения из прежней жизни в любимой Ниловой пустыни.

Когда наступали воскресные или праздничные дни, он просил кого-либо из священников прийти к нему со Святыми Дарами. И несколько раз мы имели счастье по очереди причастить его и даже неоднократно самую Литургию совершали в его доме и после причащали его Святыми Дарами.

В канун праздника Иверской иконы Божией Матери, Которую Владыка особенно любил и даже говорил: «Когда вы похороните меня, то спойте над

[1] Митрополит Евлогий (Георгиевский), с 14.05.1914 г. архиепископ Волынский и Житомирский; с 1919 г. в эмиграции; с марта 1921 г. управлял русскими западно-европейскими приходами; с 10.06.1930 г. уволен от управления; с 1931 г. в юрисдикции Конст. П.; 2.09.1930 г. воссоединился с РПЦ; †8.08.1946 г.

[2] Архиепископ Сергий (Королев), 17.04.21 г. хиротонисан во епископа Бельского, управл. Холмской епархией; в 1922 г. выслан польскими властями в Чехословакию; с 1922 г. викарий митр. Евлогия; с 17.04.1946 г. архиеп. Венский, вик. Западно-Европейского экзархата; с окт. 1946 г. экзарх Среднеевропейских православных Церквей МП; с 16.11.1948 г. архиеп. Берлинский и Германский; с 26.09.1950 архиеп. Казанский и Чистопольский; †18.12.1952 г.

моей могилой «Благую Вратарницу», он почувствовал себя особенно плохо.

Была моя очередная седмица. Перед вечерним богослужением я зашел к Владыке. Он был уже без сознания. Около него, сменяя друг друга, дежурили близкие ему люди.

Подходило время идти в храм. Не хотелось мне покидать Владыку, но служба требовала, чтобы я шел.

Я поехал в собор. Но едва произнес первый возглас и вышел на амвон читать ектенью (служили без диакона), как вошли два священника и попросили меня срочно передать служение одному из них. Я догадался, что Владыке очень плохо. И уже приехавший за мной на машине секретарь епархии сообщил, что Владыка только что скончался, как раз в то время, когда соборный колокол созывал молящихся почтить Благую Вратарницу. Это было точно в тот день, когда десять лет тому назад он прибыл в Алма-Ату на служение Казахстанской епархии.

Мы приехали на квартиру Владыки. Небольшая часть духовенства, которому успели сообщить, уже собралась там. Я читал возгласы на облачение архиерея, а остальные постепенно его облачали. Ноги Владыки были в трофических язвах, образовавшихся от длительного стояния при богослужениях. Монаху при погребении полагается дать в руки его постригальный крест, но таковой был утрачен Владыкой во время его невольных странствований. У меня был крест из Иерусалима, подаренный мне одним из моих друзей на тот случай, если бы мне пришлось кого-либо постригать. Я был счастлив, что мог вложить этот крест в руки Владыки.

Всю ночь мы рассылали телеграммы, посылали самолетом краткие письма. Приехал из Ташкента

епископ Ермоген, которому было поручено управлять нашей епархией на время болезни Владыки.

Более тридцати священников, а главное, огромное множество народа собрались у гроба почившего Святителя. Можно сказать, что «потрясеся весь град» во дни его погребения.

Было бесконечно много желающих нести гроб Владыки на своих руках, поэтому колесница, на которой должны были везти гроб, была пуста, а весь путь от собора до могилы, а это почти семь верст, гроб почившего Владыки несли на руках.

Пели певчие, пел народ. Проходя мимо врат бывшего Иверско-Серафимовского монастыря[1], пропели там кондак акафиста иконе Божией Матери «Иверская».

Много речей, хороших и задушевных, было сказано в адрес Владыки над его гробом. Много было над могилой пролито горячих слез осиротевших пасомых, ясно ощущавших неповторимость оставившего их отца и богомольца, много прочувствовано и передумано обо всем том, чему учил, к чему вел усопший Владыка.

Последними словами, прозвучавшими над его уже засыпанной могилкой, в день его похорон были пропетые нами слова кондака акафиста Иверской иконе Божией Матери: «Радуйся, Благая Вратарница, двери райские верным отверзающая». Поздно вечером, когда солнце уже зашло, мы в темноте возвращались домой.

И каждый год на могиле усопшего Владыки собираются его духовные чада, его друзья, служат панихиды, вспоминают о нем, — его слова, его поучения. И проверяя этим себя, иногда огорчаются,

[1] Верненский Иверско-Серафимовский монастырь основан в 1910 г., закрыт большевиками в 1922 г.

что не так идут и не так живут, как просил и учил дорогой Владыка, что еще до сих пор оступаются, что не могут полностью выполнить его заветов.

Тут же, у дорогой могилы, просят прощения, помощи и руководства к дальнейшей жизни. И уходят от могилы не печальные, а умиротворенные, радостные, что есть у них дорогая могила и дорогой Владыка. Твердо верят они, что он слышит их и помогает им своими молитвами и до сих дней.

Так, до сей поры общаются все оставшиеся в Алма-Ате духовные его чада, а те, которые разъехались, которых жизнь разметала по разным уголкам страны, в день кончины Владыки и в день его Ангела в своих храмах служат панихиды и молятся о нем, глубоко надеясь, что он слышит всех, кто обращается к нему, где бы они ни находились.

Да, такая уверенность есть у всех, кто знал и лично общался с владыкой Николаем. Почему? Потому что все мы верим, что всей своей жизнью Владыка жил только для людей, любил людей, а значит жил для Бога и любил Бога, потому что ап. Иоанн, совершенно ясно говорит: «Возлюбленные! будем любить друг друга, потому что любовь от Бога, и всякий любящий рожден от Бога и знает Бога. Кто не любит, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» (1 Ин. 4, 7–8).

А усопший Владыка любил людей. Любил всех, не разделяя на сословия. Вот поэтому мы верим, что Он с Господом и сейчас, после своего упокоения.

Мы не решаемся давать характеристику почившего митрополита Николая и оценивать его труды по управлению обширной епархией, которую он воспринял, можно сказать, из развалин и которую усердно окормлял в течении десяти лет, посвящая без остатка все силы на дело своего служения и никог-

да «не ища своего си, но токмо еже ближнего». Мы крепко надеемся, что Господь в Небесном Царствии воздаст достойную награду верному Своему и благому рабу, стоявшему на своей страже до последнего вздоха. А на земле да будет ему наградой вечная, светлая и благодарная память всех, его знавших, всех его духовных чад и почитателей, единодушно и убежденно признающих, что «таков нам подобаше архиерей». Ибо все, что ищет в своем архипастыре верующая русская православная душа, было нам дано почившим святителем.

Вот то немногое, чем я хотел бы поделиться с Вами. А сейчас молю Господа Бога даровать мир и покой душе нашего незабвенного святителя земли Российской, нашей Русской Православной Церкви, телу которого Господь-Благодатель предназначил мирное лежание в братской нам земле Казахстана, а нам надежду на встречу с ним в блаженной вечности. Аминь».

1980 год, г. Елец

Протоиерей Алексий Глушаков, г. Москва

В 1946 году я приехал из Караганды в Алма-Ату и поступил учиться в сельскохозяйственный институт. Я стал ходить в Никольский собор. Благолепие храма, торжественность соборного служения, возглавляемого архиепископом Николаем, прекрасное церковное пение — все это впервые виденное и слышанное мною произвело на меня неизгладимое впечатление.

Однажды после службы, когда я выходил из храма, ко мне подошла одна старушка, духовная дочь

Владыки, и предложила вместе с ней поехать к нему. Я охотно согласился. Когда мы приехали, нас встретила строгая монахиня Вера и провела к Владыке.

Владыка — высокий стройный старец, с белоснежными волосами и бородой, с сияющей благодушной улыбкой на лице — благословил нас и пригласил на чай. Он по-отечески с нами побеседовал и, провожая нас из своей простой кельи, пригласил меня приходить к нему в свободное время.

Его обаятельность, ласковость и простота пленили меня. Каждое воскресение, каждый праздник я стремился в храм Божий, где, утоляя духовную жажду, я молился, наслаждался благолепием архиерейских богослужений и прекрасным пением хора, где слушал проникновенные поучения Владыки.

В свободное от занятий время я стал ездить к Владыке домой. По его благословению матушка Вера «подкармливала» меня, а сам он беседовал со мной на духовные темы и давал мне для чтения духовную литературу. Вскоре он посвятил меня в сан иподиакона, и я стал в праздничные дни прислуживать ему и читать на клиросе.

Прошел год нашего знакомства. У меня созрело желание поступать учиться в Московскую Духовную Семинарию. Владыка одобрил это намерение и благословил готовиться.

Уволившись по собственному желанию из института, я уехал в Москву, сдал экзамены за первый класс Семинарии и поступил сразу во второй класс.

Во время моей учебы в Семинарии и Академии Владыка проявлял ко мне особую отеческую заботу. Желая подготовить меня к великому и ответственному пастырскому служению, он писал мне назидательные письма, в которых призывал с усердием изучать богословие, знание которого необходимо каждому па-

стырю. В одном из писем он писал: «Мир тебе, дорогой Алеша!.. Надеемся, что этот учебный год пройдет у тебя великолепно в успехах учебы. Ты все больше и больше должен входить в понимание богословия, моля Господа открыть себе истинное его понимание. «В злохудожную душу Премудрость не внидет», а посему храни в должной чистоте свое сердце и тело в целомудрии. Чистый душою и телом св. преп. Сергий является покровителем русского богословия, истинным богословом, хотя систематически не проходил курса богословия по учебным пособиям, как мы делаем. Его чистота сотворила в нем сосуд вместилища истинного богословия. Пред ним преклонялись и преклоняются наши богословы и философы, черпая истинную мудрость для преподавания юношам.

Ко всему этому присоедини прилежание с усердием. Читай как можно больше богословской литературы, веди дневник, записывая в него отдельные мысли Святых Отцов, богословов и вообще присных мира сего, — мысли, каковые тебе нужны будут в будущем на поприще пастырской работы.

Как часто мы жалеем, что мало читали книг в Семинарии и Академии, а теперь рады бы почитать, но... то некогда, то и книг таких нет. Проповедь нуждается в хорошем знании Слова Божия, в знании русских классиков..., и пока есть к этому возможность, наполняй свой багаж духовной мудростью богословия, — после не пожалеешь...»

После окончания Духовной Семинарии я по благословению Владыки принял сан священства от его рук в 1951 году в г. Алма-Ате. После хиротонии Владыка перед всем народом сказал мне назидательное слово: «Никогда не гонись за прибытком. Если какая-нибудь старушка придет и скажет тебе, что ей нужно покрестить, пособоровать кого-то, а денег у

нее нет, сделай все для нее даром. А если кто-нибудь спросит: «Сколько вам, батюшка, за труды?» — отвечай (так по-старинному выразился Владыка): «А сколько милости вашей будет угодно».

Я был назначен в храм Архистратига Михаила в г. Караганду, где прослужил один год и поступил по его же благословению в Московскую Духовную Академию, которую успешно окончил в 1955 году.

В том же году по благословению Святейшего Патриарха Алексия я был назначен штатным священником на приход в один из храмов г. Москвы.

Итак, благодаря заботам и молитвам обо мне владыки Николая, я получил духовное образование и священный сан.

Вспоминая о митрополите Николае, необходимо отметить, что он имел те высочайшие духовные качества, которые должен иметь и всякий пастырь, и тем более архипастырь для успешного прохождения своего служения на ниве Христовой.

Пастырское служение — трудное и ответственное служение перед Богом и людьми. Пастырь — духовный руководитель народа. Он воспитывает людей для Царствия Небесного. Нелегко ему руководить людьми с различными характерами, привычками и склонностями.

Он отвечает перед Богом за то, как он воспитывает пасомых и как служит. Святой Иоанн Златоуст, поучая о высоте, трудности и ответственности служения пастыря, учит, что он своими душевными качествами должен превосходить всех своих пасомых.

Душевными качествами пастыря должны быть — глубокая вера, любовь к Богу и ближнему, молитва, кротость, целомудрие, благоразумие, мужество, благочестие, терпение, милосердие и другие добрые качества.

Всеми этими качествами владыка Николай обладал в полной мере, имея при этом еще и дар проповедничества. Он искренне любил Бога и ближних своих и всю свою обширную паству.

Выражением горячей любви к Богу были его усердные уставные службы, которые он совершал не только в праздничные дни, но и в будни, а также его келейные молитвы.

Он любил церковные соборные службы с чтением акафистов. Имея дар умиленных слез, владыка Николай совершал Божественную Литургию со слезами, и я как его иподиакон и сослужитель, наблюдая это, всегда умилялся, трепетал и восхищался молитвенным горением его духа. Осознавая великую ответственность своего служения перед Богом, он оплакивал свои грехи и грехи своих духовных чад, вверенных его архипастырскому попечению.

Владыка Николай имел прекрасный музыкальный слух и мог управлять хором. Он любил простое молитвенное пение, часто приезжал в будние дни в храм Божий и сам управлял левым хором и общим пением богомольцев. И было очень трогательно видеть, как седой, благообразный старец-архиерей становится на клирос с простыми — старыми и молодыми женщинами и девушками, поет с ними, канонаршит, сам управляя этим скромным хором.

Каждую свою службу он сопровождал поучениями. Его простые, но глубоко назидательные проповеди выслушивались прихожанами храмов и его духовными детьми с большим вниманием.

Обращаясь к своим слушателям ласковыми словами «Други мои!», он учил любви к Богу и ближнему, он говорил о молитве, посте, воздержании, о милосердии, о смирении и мире душевном и о других добродетелях христианской жизни.

«Самое нужное — возгревать в людях любовь к Богу и к ближним своим, — говорил Владыка. — Как было во времена Ветхого Завета, так и сейчас об этом самом нужном деле люди забывают. Фарисеи видели первую заповедь или в соблюдении субботы, или в омовениях, или в жертвах. А мы что? Иная бабушка говорит:

— Самое главное — соблюдать посты!

— Такая-то в храм Божий не ходит, нет ей спасения, — добавляет другая.

Други мои! Нужно и то, и другое, но ведь не это главное. Это только средства, а не цель. Главное в очах Божиих — это любовь к Нему, а проявляется она в любви к окружающим. «Кто любит Меня, тот заповеди Мои соблюдет», — сказал Сам Христос. А заповедь Его и есть: «Да любите друг друга!» А если мы ходим в церковь, постимся, но при этом ссоримся, завидуем, осуждаем, даже клевещем друг на друга и на духовных отцов наших, то понесем за это двойное наказание. Деятельная любовь к ближним угоднее Богу, чем самые трудные аскетические подвиги. И на Страшном Суде о чем прежде всего спросит нас Господь? Сколько мы поклонов положили или как посты соблюдали? Нет! Он спросит нас о том, накормили ли мы алчущего, напоили ли жаждущего, посетили ли болящего, утешили ли скорбящего, дали ли добрый совет находящемуся в затруднении?»

Делая добро ближним и «сущим далече», владыка Николай и паству свою учил делать добро:

«Что значит быть милостивым? Подавать милостыню можно и телесную, и духовную. Если вы напоите жаждущего, накормите голодного, если к вам придет нищий и попросит одежды, а вы подадите ему хотя бы ветхое рубище прикрыть свою наготу, то всем этим вы окажете милость телесную.

Дела милости духовной — утешить скорбящего, подать добрый совет, предотвратить от греха, помочь грешнику вернуться на путь спасения.

Всякую милостыню под видом человека принимает Сам Господь наш Иисус Христос, и это мы знаем совершенно точно. Не упускайте же случая, никогда не упускайте, сделать добро».

Владыка Николай был добрым, смиренным и миролюбивым архипастырем. Когда среди его пасомых возникали вражда, осуждение, обиды, или когда среди окружения Владыки проявлялось недоброжелательное к нему отношение, или кто-то не слушал его совета, тем самым огорчая его, — он одних умиротворял и примирял, других терпел, молился за них, снисходя к их недостаткам, врачуя греховные язвы духом кротости и смирения, по слову ап. Павла, стараясь сохранять единство духа в союзе мира (Еф. 4, 2–3).

Владыка учил свою паству смирению, учил и делом, и словом:

«Некоторые говорят, что смирение — это признак слабости характера, что человек будто бы должен иметь собственное достоинство. Но высшее проявление собственного достоинства и есть именно смирение.

Самые богатые, мудрые, образованные люди не имеют той нравственной силы, которую Господь дает смиренным. Бог кому противится? Гордым. А смиренным дает благодать.

Многие Святые удостоились получить дар чудотворений именно за свое смирение... Помните, други мои, как дорого смирение в очах Божиих и старайтесь украшаться им, да будете и вы по обетованию Божию, наследниками Царства Небесного».

Все то, о чем Владыка говорил в своих проповедях, он сам старался исполнять. Простой, доступный для всех, он вел необыкновенно скромный образ жизни, присущий его монашескому званию — имел строгое воздержание в пище, соблюдение постов по уставу, простоту в одежде и домашней обстановке.

Митрополит Николай призывал всех к взаимному прощению, примирению и покаянию. Он советовал как можно чаще причащаться Святых Таин Тела и Крови Христовых. Владыка составил повседневную исповедь, которую сам обычно читал своей пастве в пятницу первой седмицы Великого поста.

Будучи усердным молитвенником, он составил также молитву и для себя лично, которую всегда читал, выполняя свое келейное правило.

Он молился за всех христиан града Алма-Аты и отечества нашего, о даровании им духовнаго мира, телесного здравия и «всего еже ко спасению полезнаго». И силу его молитвы многие чувствовали на себе. Вот эта молитва:

«Спаси, Господи, и помилуй всех моих духовных чад, всю мою духовную паству (пастырей и пасомых), ихже дал ми еси, Христе; сродников по плоти. Всех моих благодетелей: милующих и питающих, и служащих мне. Ненавидящих и обидящих мя, осуждающих мя. Имеющих против меня зло, ненависть и недружелюбие — сих, яко друзей моих, прости, помилуй и спаси!

И ихже я ненавидел и обидел, с пути истиннаго соблазнил, чем кого оскорбил *и осудил. Всех иноков и инокинь, в темницах, заключении и изгнании, в горьких работах сущих. Не имущих крова и дневного пропитания. Душевными и телесными страстями*

обуреваемых, в опасностях сущих. Призывающих на помощь Имя Твое Святое. Записанных в моем поминании, и всех христиан града и отечества нашего, — даруй им, Господи, душевный мир, и телесное здравие, и вся яже ко спасению полезная.

Даруй им, Господи, терпение и кротость. Посылаемые Тобою им, яко дар, скорби с благодарением и славословием Святому Твоему Имени перенести.

Прости им, Господи, всякое согрешение, содеянное ими в день сей (или в нощь сию) словом, делом и помышлением. И сохрани их в нощь сию (или день сей) в целомудрии, в чистоте, святости душ и телес их.

Даруй им, Господи, и во вся дни жизни их в Святых Твоих заповедях ходити, благоугодная Тебе и спасительная душам своим творити.

Мирную христианскую кончину пошли им, Господи, Божественных Таин причастну и грехов простительну. Избави их (и меня) внезапныя кончины, воздушных мытарств и вечнаго мучения. Нетленныя венцы за гробом сподоби их прияти, и меня, грешнаго, их святыми молитвами помилуй, прости, и вечнаго славословия купно со Ангелами и Святыми всех нас сотвори! Аминь».

К Божественной Литургии, которая является неоскудеваемым источником благодати Божией, Владыка готовился особенно старательно и во время совершения ее испытывал, как он сам говорил, «особенное духовное счастье, доходящее до блаженного состояния».

До самой глубокой старости сохранил он большую ревность к Богослужению и любовь ко храму.

Когда близкие Владыке духовные дети говорили ему, что он переутомляется, он отвечал, что

именно молитва, совершение Богослужений и служение своей пастве дают ему благодатную силу и утешение.

Когда же болезнь лишила его возможности бывать в храме и совсем приковала к постели, он приходившим его навестить говорил обычно:

— Я здесь в одиночестве все служу да служу про себя!

И чтобы ободрить их, восклицал:

— С нами Бог!

Особенно высокое молитвенное настроение было у Владыки в последние дни его жизни. Чувствуя приближение своей кончины и готовясь к отшествию, он усиленно молился словами псалмопевца Давида, прося милости Божией: «Сотвори с рабом Твоим по милости Твоей, и оправданием Твоим научи мя» (Пс. 118, 124) и «Господи! Милости прошу, а не суда».

Таков был приснопамятный владыка Николай. Он жил с Богом и для Бога, прославлял Его и словом, и всей жизнью своей, служил верно своей пастве, и поэтому светлая, благодатная память о нем крепко хранится в сердцах всех его духовных чад и всех тех, кто знал его и почитал.

И мы верим, что Милосердный Господь Бог помилует Своего верного раба на Своем праведном Суде и удостоит великой награды в Небесном Царствии по его вере, жизни и делам.

Царство тебе Небесное, дорогой наш пастырь, учитель и друг, дорогой митрополит Николай!

12 декабря 1980 года

Протоиерей Николай Баранович, Латвия

Во время гражданской войны я учился в Черниговской Духовной Семинарии, ректором которой был архимандрит Николай (Могилевский).

Окончив Семинарию в 1919 году, как раз в то страшное время, когда начиналось гонение на Церковь, я испугался возможных страданий и не хотел принимать священный сан.

Узнал об этом о. Николай (а это было уже перед самой его хиротонией во епископа) и стал беседовать со мной. Он говорил мне, что именно сейчас, когда хулится и попирается имя Божие, когда враг рода человеческого поднял свою голову и нападает на святую Церковь Христову, вот как раз в это время надо встать в ряды защитников Церкви, встать в ряды ее верных служителей.

Долго беседовал со мной о. Николай, и я понял, что если я сейчас откажусь от Христа, то как же потом, в жизни будущего века, сможет принять меня Христос? Мне стало страшно, я испугался отречься от Христа.

Я сказал о. Николаю, что я все понял, что я приму священный сан и постараюсь служить моему Господу сколько будет сил.

Вскоре состоялась хиротония о. Николая во епископа, после чего он сам рукоположил меня во пресвитера.

Так случилось, что жизнь разметала нас в разные концы России. Через некоторое время я попал в Прибалтику, и мне было совершенно неизвестно, где находится и жив ли владыка Николай.

Шел 1940 год. Прибалтика воссоединилась с Советским Союзом. Но только после окончания Отечественной войны я смог узнать, что архиепископ Николай, который фактически спас меня от предательства, жив, почти здоров и служит на Алма-Атинской кафедре.

В первый же отпуск я поехал в Алма-Ату повидаться с Владыкой.

Встреча была очень трогательной. Владыка прижимал меня к своему сердцу и радостно повторял:

— Слава Тебе, Боже, во веки! Слава Тебе, Боже, во веки!

В первые мгновения встречи и я, и Владыка как бы лишились дара речи. Много нужно было сказать друг другу, но только через некоторое время, когда мы смогли немного успокоиться от переполнявшей нас радости, мы начали разговор.

Мы вспоминали Черниговскую Семинарию, всех учащих и учащихся в ней. Мне удалось узнать судьбу многих моих соучеников и преподавателей. Усопшим пропели литию, живым попросили у Господа милости и многая лета.

Виделись мы всего один день. На другой день я улетал, радуясь, что после стольких лет неведения и разлуки Господь даровал мне встречу с Владыкой.

Так, в свое время любовью и верой вдохновленное слово Владыки определило всю мою жизнь, и до самого конца ее сердце мое будет хранить благодарную память об этом дорогом для меня человеке.

Мария Алексеевна Петренко, Алма-Ата

Шел 1948 год. Жизнь моя, как и у миллионов других людей в это трудное послевоенное время, была очень тяжелой. Мой муж, отец и брат погибли на фронте. У меня осталось двое детей. У мамы тоже было двое детей, которые были немного старше моих. Кроме того, у меня развивалось серьезное заболевание левого легкого.

И вот под тяжестью всей этой ноши я стала задумываться — ну зачем мне жить? Зачем переносить такие муки? Жизнь моя разбита, друг мой дорогой погиб. Трудно... Не подниму детей, а кроме своих надо еще и маминых тянуть — сестру и брата.

Я много плакала и пришла в такое уныние, что стала помышлять о том, чтобы покончить с собой. Казалось, вот разом оборву все, и мне станет легко. Уже чудилось какое-то блаженное состояние после смерти — ни забот, ни печали — только покой, покой, покой....

Я не была атеисткой, но и верующим человеком меня нельзя было назвать. Я никогда всерьез не задумывалась о сущности религии.

И вот однажды во сне слышу, как кто-то говорит мне: «Иди в храм, там тебе дадут книгу «Блаженная Ксения», ты ее прочти».

Я не хотела идти, все это мне казалось какимто суеверием. Но сон не выходил из памяти, не давал мне покоя, и я пошла. Когда же я подошла к сторожке при храме, меня встретила старушка и спросила:

— Ты за книжкой пришла?

— Да, — ответила я, совершенно растерявшись от ее вопроса.

— На, прочти о блаженной Ксении, но обязательно принеси мне ее обратно, ее многие хотят читать.

Я вернулась домой в полном недоумении — со мной ли все это было? Как все это понять?

Я прочла книгу, но она не произвела на меня никакого впечатления. Ну, была такая женщина, ну и что? Какое отношение это имеет к моему горю, к моей беде, которую я не могу разрешить и о которой я должна все время думать, думать... И мысль уйти из жизни все больше и больше утверждалась в моем сознании.

Через некоторое время опять слышу: «Ты иди к Владыке, он добрый. Он тебе поможет. И детей тебе надо окрестить...» Теперь я уже не помню, наяву это было или во сне. Моя душа, вероятно, просила помощи и, может быть, мой Ангел-хранитель как бы подталкивал меня: иди, ищи и найдешь!

Узнала я, кто такой Владыка и где он живет.

После работы в 6 часов вечера пришла к калитке дома № 45 по ул. Кавалерийской. Мне открыла дверь пожилая женщина, спросила, зачем я пожаловала. Я сказала, что хочу рассказать Владыке о себе.

Женщина быстро провела меня в комнату, в которой находился приятного вида старец. Он ласково смотрел на меня и улыбался.

Когда я увидела его, меня стало трясти, чувствую, что не могу сказать ни одного слова.

— Здравствуйте, — только и смогла я выдавить из себя.

— Успокойся, дитя, — ласково сказал Владыка. Он погладил меня по голове, усадил на стул и по-

просил женщину дать мне воды. Когда я стала пить воду, мои зубы стучали о край стакана.

— Прошу, успокойся, не надо плакать, надо было давно сюда прийти, — снова услышала я ласковый голос старца.

Когда я немного успокоилась, начала говорить...

Рассказала о своей жизни, о своей болезни и о том страшном, что я задумала. Но отчетливо я все-таки не понимала, почему я пришла именно к Владыке.

— Вот и слава Богу! — сказал он, — вот и хорошо, что ты так просто ко мне пришла!

После моего рассказа Владыка объяснил мне, какой великий грех — самоубийство.

— Как бы ни было тяжело, нельзя самовольно обрывать свою жизнь, нужно с молитвой обратиться ко Господу, и Он всегда облегчит данный тебе крест. И сейчас, видимо по чьей-то благодатной молитве, Господь остановил тебя от этого страшного греха, — сказал Владыка. Потом он встал и вознес хвалу Богу:

— Слава Тебе, Господи, слава Тебе за все во веки!

Меня угостили чаем. Во время чаепития Владыка рассказал мне, кто такой архиерей и почему его можно называть Владыка, о том, что надо говорить архиереям и священникам не «здравствуйте», а «благословите» и что Именем Господним благословляют архиереи и священники.

Я пробыла у Владыки до 10 часов вечера. Мне трудно было поверить, что все это происходит со мной. И так мне стало радостно и легко! Да, действительно, я почувствовала, что с нами Бог!

Мне стало жаль своих детей. Также я рассказала Владыке о братике и сестренке. Владыка дал мне 500 рублей, хлеба, сахара и сказал:

— Хочу видеть твоих детей, брата и сестру. Жду всех вас завтра в любое время.

Было уже очень поздно, и на улице совершенно темно. Мне было ужасно страшно идти домой — тогда еще неспокойно было на улицах, но я молчала.

— Я тебя благословлю, и ты дойдешь до дома, хранимая Богом, — вдруг сказал Владыка, как бы отвечая на мои мысли, — а когда будет очень страшно, говори: «Святая Великомученица Варвара, моли Бога о нас!» При этой молитве никогда не постигнет тебя случайная смерть.

Потом я узнала, что Владыка всем в подобных ситуациях советовал обращаться молитвенно к св. вмч. Варваре.

Действительно, я добралась до дома благополучно и была в самом радостном настроении духа.

Девочки мои изревелись, вышли меня встречать в 8 часов вечера и до моего приезда не заходили в дом.

Я рассказала им свою радость — где была и что принесла и что завтра мы все вместе пойдем к Владыке.

Когда я рассказала маме, она не поверила, что я сама так просто пришла к Владыке и он принял во мне такое участие.

— Это такой высокий человек! — сказала она. — Нас, сирых, к нему не пускают!

Я принесла хлеб, сахар, деньги, но так и не смогла ее убедить, что все это дал мне Владыка.

Вот на другой день в 6 часов вечера явилась к Владыке в дом гусыня с гусятами. Владыка ждал нас. Он встретил нас так, как будто знал нас давно, как будто мы были для него самые желанные гости. Он всех нас усадил, поговорил с нами, накормил. Когда мы пошли домой, он благословил нас и сказал:

6 Зак. 27082

— Окрестить детей обязательно! И ко мне пусть приходят почаще.

В знак благодарности я постаралась достать Владыке картон для изготовления митры, приносила ему бумагу.

У некоторых мои слова могут вызвать ироническую улыбку: «Принесла от Владыки хлеб и сахар» или «Доставала картон и бумагу...»

Да, теперь не всем это понятно, а тогда, в послевоенное время, был голод, был дефицит и на бумагу, и на ситец, и вообще на все. А особенно на доброе слово. Вот только печально мне, что все это так быстро забылось, и больно смотреть, что люди сейчас так небрежно относятся и к хлебу, и к бумаге, и вообще ко всему...

Ходили мы к Владыке частенько. Шофер Владыки привозил нам домой в большой корзине хлеб, сахар, конфеты. Когда бывали большие праздники, мы знали, что Владыка нас не забудет, что и у нас будет праздник. И он никогда о нас не забывал.

Однажды Владыка заболел. Дети задумались, — чем бы утешить его во время болезни? Брату моему в то время подарили голубей (а он мечтал о голубях). Но забота о Владыке пересилила его детскую привязанность к голубям. Брат выбрал пару самых красивых белых голубей, и мои ребятишки понесли их Владыке, чтобы порадовать его.

Пришли, брат вытащил из-за пазухи голубей и подал их Владыке. Увидев это, Вера Афанасьевна стала бранить детей, но Владыка сказал, что он очень рад тому, что дети принесли ему голубей.

Тут голуби стали летать по комнате и затушили горевшие в святом углу лампады.

Владыка встал, поймал голубей, но больше уже не лег в постель — выздоровел!

Но поскольку Владыка не мог держать голубей в своем доме, он уговорил детей взять голубей обратно и дал им денег на постройку голубятни. Этих голубей так и звали «владыкины».

Дети любили ходить на исповедь к Владыке во дни своего Ангела. Они хорошо учились и со временем все получили специальное образование. И все это потому, что милостивый Господь послал нам такого мудрого и любвеобильного покровителя и руководителя.

К Владыке приходило много народа, и он принимал от людей все, что ему приносили, но тут же раздавал другим, иногда даже не взглянув, что отдает...

Мне почему-то очень захотелось в день Ангела Владыки утром, как только он закончит молитвенное правило, прийти к нему и вымыть ему ноги.

Это желание у меня появилось, вероятно, от переполнявшей меня благодарности к Владыке за то, что он спас мою жизнь, спас душу от вечной погибели и помог моим детям. За то, что есть у меня надежда, что Господь в день Страшного Суда, по его молитвам, не отринет меня, простит мне мои согрешения.

Владыка принял меня приветливо, но, услышав о цели моего визита, удивился и смутился. Но, подумав, сказал:

— Ну, хорошо, пусть будет по твоему желанию.

Так я стала поступать ежегодно.

Однажды я нарушила этот порядок и не пришла к Владыке. Когда же я подходила в храме под его благословение, он сказал мне:

— Я тебя все утро ждал, что же ты, деточка, не пришла? Я очень беспокоился, уж не заболела ли ты?

С 1953 года я поступила работать бухгалтером молитвенного дома Покрова Божией Матери, а с 1 января 1955 года перешла в епархиальное управление.

Все праздники и памятные даты Владыка отмечал вместе с нами, никогда не забывал поздравить кого-то из служащих в день Ангела, благословлял выдать имениннику денежное пособие.

Люди, которым Владыка помогал, как и моей семье, конечно, никогда не смогут его забыть. А их было немало, таких, как я. Мы тянулись к Владыке, как растение тянется к солнцу. И он для нас был солнцем. Он согревал наши души словом, поддерживал нас материально.

Слава Тебе, всемилостивый Боже, что Ты посылаешь нам таких помощников и покровителей на нашем жизненном пути!

Александра Яковлевна Юрпольская, Алма-Ата

В Бога я веровала с детства и даже, будучи еще ребенком, придя в храм в один из Богородичных праздников, дала обет Богу — не выходить замуж. Но прошли детство, отрочество, настала юность, а с ней пришла и любовь. Восемнадцати лет я вышла замуж, совершенно забыв о своем обете. Муж мой был человеком неверующим, но дал мне слово, что не будет препятствовать мне ходить в церковь и молиться дома. В 1938 году мы обвенчались.

В 1947 году мы переехали в Алма-Ату. Я была уже врачом. Придя однажды на богослужение в Никольский собор, я впервые увидела владыку Нико-

лая. Его служба глубоко поразила меня. Служба была очень длинной, но я совершенно не чувствовала усталости, меня захватило молитвенное настроение, которое было присуще этому богослужению. Проповедь Владыки, его призывы ко всем молящимся участвовать в общем пении, — все это глубоко запало в мою душу.

Шло время. Меня все сильнее стало тянуть в церковь на службы, совершаемые Владыкой. Очень хотелось просто так подойти к нему и сказать все, что волновало душу и сердце[1].

И вдруг я узнаю, что можно пойти к Владыке на исповедь! Это было для меня новостью, я никогда не слышала прежде, чтобы к архиерею можно было пойти на исповедь.

Три месяца я готовилась к исповеди. А надо сказать, что с тех пор, как я вышла замуж, я стала сильно болеть. Мне поставили диагноз — рак грудной железы и ампутировали грудь. После операции мне давали рентген, но передозировали, и я заболела белокровием. Через каждые две недели мне переливали кровь, но со временем я стала очень тяжело переносить чужую кровь, появились страшные головные боли, держалась высокая температура, я часто теряла сознание. Все это продолжалось в течение семи лет. Кроме того, из-за своих религиозных убеждений я чуть не разошлась с мужем.

Самочувствие мое, и душевное и физическое, было крайне тяжелым. И я окончательно решилась

---

[1] При собирании материала для составления жизнеописания митрополита Николая мы часто сталкивались с таким признанием многих прихожан: «Захотелось просто подойти к нему и рассказать все, что есть на душе». Хотелось бы обратить на это особое внимание читателей — так на волны любви и сердечного сострадания людям была настроена душа этого чадолюбивого Святителя.

идти к Владыке, чувствуя в глубине души, что он мне поможет советом и молитвой.

Слушая его проповеди о покаянии, я была убеждена в том, что если я чистосердечно раскаюсь во всех моих грехах, то Господь, безусловно, простит меня, как прощал всех грешников, приносивших истинное покаяние.

Тщательно приготовившись, я отправилась к Владыке. Встретила меня мать Вера. Я передала ей свой сверток — гостинец, который приготовила для Владыки, но она не приняла моего приношения и не допустила меня к Владыке.

Я отошла, захлебываясь слезами. «Правильно она сделала, — мысленно сказала я себе, — я такая грязная и недостойная. Правильно».

Но вдруг открылась дверь, и я услышала голос дорогого Владыки:

— Зачем ты ее выгнала, мать Вера? Верни ее. Она три месяца готовилась, чтобы прийти ко мне. Ей очень нужно.

Мать Вера позвала меня. Я подошла к Владыке. Он благословил меня, посадил на стул и тихим, ласковым голосом спокойно сказал:

— Ну, вот мы и устроились. Теперь поговорим.

Беседа длилась долго, вероятно, часа три. Я рассказывала торопливо, боялась, чтобы не пропустить чего-либо. Я не смотрела Владыке в лицо, но боковым зрением видела, что во время беседы он часто осеняет меня крестным знамением. Владыка задавал мне вопросы, я на них отвечала. Когда я все рассказала, он вдруг сказал:

— А самое главное-то не рассказала.

Я была в недоумении, но Владыка сам мне напомнил:

— ...Вам было 14 лет, вы стояли в храме, было воскресенье и Великий Богородичный праздник... что вы тогда пообещали Господу? Дала обет и не исполнила его...

— Ох, Владыка, я совершенно забыла об этом!..

— Нельзя забывать свои обеты. Вы не исполнили его, потому и болеете. Если дала обет — нужно исполнять, если не исполнила — нужно принести искреннее покаяние. Но не печальтесь, я буду молиться за вас, и будем надеяться, что Милосердный Господь простит вам это.

Я земно ему поклонилась, поцеловала руку. Владыка спросил:

— А вы разве больше не придете?

В сердце вспыхнула радость: «Разрешает еще прийти!..»

После исповеди у Владыки у меня было очень хорошее настроение. Мне было настолько радостно, что все казалось прекрасным, окружающие перестали казаться вредными, для всех хотелось сделать что-нибудь хорошее. «Ах, как хорошо жить, как радостно жить...» — только и было у меня в мыслях.

Мне надо было ехать во Фрунзе. Получила благословение Владыки. Сажусь в поезд, но мое место оказалось занятым. Я добилась, чтобы мне его освободили — ведь это место принадлежит мне по праву, — ...но радость оставила меня. Померк свет, который я ощущала в своем сердце. Я не уступила места, я не сделала добро человеку. Вот и померкла радость.

Когда я вернулась из Фрунзе, сразу пошла к Владыке посоветоваться о своей болезни. Мне поставили диагноз — рак второй грудной железы. Владыка

дал мне освященное масло и мыло, которым обмывали святой Престол перед освящением.

— Обратитесь к о. Исаакию, пусть он отслужит молебен. А сами приложитесь к мощам целителя Пантелеимона[1], мойте этим мылом грудь и мажьте маслом больное место. Будем молиться и надеяться на милость Божию.

Через несколько дней я заметила, что боль в груди исчезла, исчезла также и опухоль. Кроме того, у меня прекратились обмороки, появился аппетит, и я очень быстро поправилась. Я показалась своим коллегам-врачам, которые устанавливали диагноз. Они были поражены, — ведь мою болезнь подтвердили все проведенные ими обследования. Врачам пришлось признать, что произошло чудо. Вот так по молитвам дорогого Владыки я получила исцеление.

Замужем я была уже 10 лет, но у нас не было детей. По этой причине и я, и муж очень скорбели. Но после исцеления я забеременела. Как-то прихожу к Владыке, еще ничего не было видно, а он мне говорит:

— Кто бы у вас ни родился, я буду крестным.

В 1949 году родилась у меня дочь. О. Исаакий ее крестил, а владыка Николай был ее восприемником. Назвали мы ее Верой, так как она была нам дана по вере.

Когда Вере было 40 дней, у меня началась грудница. От нестерпимой боли я не спала несколько ночей. Пошла к Владыке.

[1] По просьбе жителей города Верного частица мощей великомученика Пантелеимона была передана в 1910 году настоятелем Русского на Афоне Пантелеимонова монастыря в Николаевскую церковь (ныне Никольский собор), где в приделе Великомученика Пантелеимона хранится до сего дня.

— Владыка, прошу Вас, помолитесь, не могу больше терпеть боль, — взмолилась я. Тут же был о. Исаакий.

— Вот мы с о. Исаакием помолимся, — сказал Владыка, — а вы ступайте домой и постарайтесь уснуть. Грудь помажьте маслицем.

Я пришла домой, помазала грудь освященным маслом, помолилась и в первый раз за долгое время крепко уснула. Опухоль постепенно стала спадать. Через 20 дней я совершенно поправилась.

После дочери у меня родился сын. Так как семья росла, а жить нам было негде, то задумали мы строить собственный дом. А у нас еще и денег достаточно не было, и всех материалов еще не запасли. Вот я и подумала: «Пойду к Владыке, если благословит, то будем строить и все постепенно будет сделано».

Он благословил, и мы начали строительство. Все у нас шло очень гладко и без особых затруднений. Когда закончилось строительство, Владыка приехал и освятил дом.

Мой муж, Александр Иванович, был человеком неверующим, но Владыка не раз говорил мне, чтобы я привела его к нему. Мы приходили к Владыке, однако я не замечала в муже каких-либо перемен. Но Владыка успокаивал меня, говорил, что не сразу все делается, постепенно придет и он к вере.

Владыка беседовал с мужем чаще всего на религиозные темы, давал ему книги.

Однажды, когда мы собирались идти к Владыке, я и дома, и по дороге, и уже у самой калитки просила Александра Ивановича не говорить с Владыкой о политике. Он дал мне слово, что не будет касаться этой темы.

Владыка мирно беседовал с мужем, но прошло некоторое время и вдруг Владыка говорит:

— Ох, эта Александра Яковлевна! И дома научила, и даже у самой калитки напомнила, чтобы Александр Иванович о политике со мной не говорил! — и как-то по-доброму подмигнул мне.

Я была сражена этим, несмотря на то, что уже не однажды испытала на себе прозорливость Владыки.

В другой раз мы так же сидели у Владыки, и на какое-то неудачное замечание Александра Ивановича у меня пронеслась такая мысль: «Ох, и дурак этот Александр Иванович, — так о нем, вероятно, думает Владыка».

И вдруг я ощутила на себе взгляд Владыки. Он как будто испепелял меня. Мгновенно передо мной пронеслась вся моя жизнь со всеми моими грехами. Мне стало страшно. Было такое чувство, что смерть надвигается на меня, что сердце перестает биться. Если бы это состояние продлилось хотя бы пять минут, я не смогла бы это вынести, я бы умерла. Никогда в жизни я не испытывала такого страха.

Но вдруг Владыка прервал это каким-то своим словом и стал громко размешивать ложечкой сахар в стакане с чаем.

Все очень быстро прошло. Я стала успокаиваться. Но я ясно осознала, что Владыка дал мне понять, что осуждать другого я не имею права, когда сама такая же грешница.

Слова Владыки не оказались тщетными. Постепенно муж мой по его молитвам действительно стал глубоко верующим человеком.

Однажды (это было уже перед смертью Владыки) я поссорилась с матерью, а он обличил меня и категорически запретил ссориться с ней. Я от мно-

гих слышала, что он категорически запрещал ссориться с родителями.

Отходя ко сну, после своей келейной молитвы, Владыка всех своих духовных чад благословлял иконой Божией Матери и иконой св. Николая. Он говорил нам:

— Чада мои, в конце утренних и вечерних молитв произнесите: «Господи Иисусе Христе Сыне Божий, ради молитв духовного отца нашего митрополита Николая, приими сие моление, не как моление, а как призывание Твоего Святаго Имени».

Вот так нас учил дорогой архипастырь. Он действительно и словом, и делом, и примером всей своей жизни явил нам, каким должен быть христианин.

Время его болезни было для меня очень тяжелым, потому что я, как врач, знала, что он тяжко страдает, и страдала вместе с ним. Мы с врачом Александрой Андреевной Зубцовой по очереди дежурили возле Владыки. В то время, когда в храмах заканчивалась Литургия или Всенощное бдение, Владыка, лежа на одре болезни, благословлял свою паству.

На 9-й день после смерти Владыки я осудила в храме протодиакона о. Михаила за то, что он допустил некоторую небрежность по отношению к памяти Владыки. И в тот же день вижу сон: у дверей какого-то незнакомого мне помещения стоит мать Вера и зовет нас с Александрой Андреевной. Мы подходим и видим, что на постели лежит Владыка. Александра Андреевна кинулась к нему, а я встала у него в ногах и говорю:

— Теперь-то, Владыка, вы видите, кто вас любит?

Владыка на это кивнул головой.

— Вы видите теперь, какие душеньки у ваших духовных детей? — продолжаю я в том же тоне.

— Да, уж, душеньки так душеньки, — вдруг отвечает Владыка, — из-за них то меня и вернули!

И я проснулась с ужасом. Ведь сколько учил нас Владыка никогда никого не осуждать и так просил нас: «Не осуждайте!» А я опять осудила!

Пришлось идти просить прощения и каяться».

Прошло уже много лет, как Владыки нет с нами на земле. Но все больше и больше растет уверенность в том, что он обрел милость у Господа, и поэтому не так тяжело переносить эту утрату. Хотя душой я всегда чувствую его присутствие. И не только я. Так утверждают почти все его духовные чада. И это присутствие вселяет в нас уверенность в том, что мы не оставлены Владыкой, что и до сих пор он помогает нам и руководит нами.

Александра Андреевна Зубцова, Алма-Ата

С владыкой Николаем я познакомилась в 1946 году. В то время я была человеком, далеким от церкви, и совершенно случайно попала в состав «двадцатки» Никольского собора. Собор был только что возвращен верующим, и на собрании «двадцатки» обсуждался вопрос, каким образом завершить начатый ремонт собора. И вот на этом обсуждении произошла моя первая встреча с владыкой Николаем. Его вид, его проникновенный голос глубоко тронули мое сердце. Говорил Владыка настолько убедительно и в то же время просто, что мое предвзятое мнение о духовенстве и о религии поколебалось, мне захотелось молиться, посещать храм и переменить свой образ жизни.

На собрании владыка Николай говорил о необходимости сбора денег для ремонта храма, и поэтому было решено в первое же воскресение после чтения акафиста Спасителю в помещении храма провести концерт духовных песнопений.

Владыка поручил это регенту Марфе Ильиничне Мосаловой.

Концерт прошел блестяще. Весь народ, а его было множество, плакал от умиления.

После окончания концерта Владыка обратился к верующим с просьбой о пожертвовании средств, необходимых для ремонта храма. Владыка даже обещал, что деньги, взятые на ремонт, могут быть возвращены через некоторое время жертвователям.

После его слова на тарелки посыпались сотни и тысячи, и очень немногие брали потом обратно пожертвованные ими деньги.

После знакомства с Владыкой прежде всего я бросила курить табак, после двадцатипятилетнего злоупотребления им. Из-за этого моего пристрастия к табаку у меня часто возникали конфликты с мужем и с дочерью. Но сколько я ни пыталась прежде бросить курить, я не могла этого сделать, хотя применяла различные методы и средства. А теперь, после знакомства с Владыкой, мне стало настолько стыдно, что я легко бросила пачку папирос на улице и больше никогда не курила. Так подействовал на меня облик этого святого человека.

Я стала посещать храм, а также раз в 10 дней я приходила к Владыке домой для исповеди и беседы. Владыка много и с удовольствием рассказывал о том времени, когда он служил в Чернигове, о своем ректорстве в Черниговской Семинарии.

Часто вспоминал и свое служение в Ниловой пустыни. Одно время у него было послушание: прода-

вать паломникам билеты на пароходе, который перевозил их по озеру Селигер в Нилову пустынь. Так красочно, чудесно описывал он окружающую природу, — каким красивым было небо, какой прозрачной была вода в озере, какое изобилие зелени было на острове и какой чудесный был там воздух. Владыка говорил, что в таких местах природа особенно славит Господа.

Иногда он играл на фортепиано и пел молитвы своим бархатным баритоном. Чудные были эти вечера, проведенные с Владыкой.

Вспоминал он и далекую станцию Челкар, свои страдания в лагерях и тюрьмах. Он говорил: «Благодарение Богу, что мы могли жертвовать собой ради того, чтобы искупить грехи священства. Потому что за последние годы было много неправедных священников. И Господь даровал нам такую возможность, чтобы мы могли искупить эти грехи».

Мать Вера, которая прошла за Владыкой по всем лагерям и ссылкам, помню, рассказывала, что в лагере Владыка караулил огороды. Ночью на огородах было холодно, а Владыка спал в шалаше за колючей проволокой. Он голодал и мог бы есть с огорода овощи, но он не позволял себе этого сделать и никогда ничего не срывал.

Мать Вера, будучи в числе духовных чад Владыки во время его служения в Орле, посчитала, что должна не покидать Владыку и в годы его страданий. И она от него не отставала. Она узнавала, где находится Владыка и куда его отправляют, и повсюду следовала за ним. Она ходила к верующим, собирала деньги, продукты и носила Владыке передачи, тем самым поддерживая его. И поэтому Владыка дал себе обещание, что никогда ее не оставит. Впоследствии, уже будучи в Алма-Ате, Владыка

много терпел от матери Веры, поскольку она была женщиной деспотичной и к тому же малограмотной. Но мать Вера придерживалась строгих монашеских правил, привитых ей Владыкой, и эти правила были законом как для нее, так и для всех тех, кто был близок к Владыке.

Владыка Николай — это исключительный человек. У него было такое прекрасное лицо, которое можно назвать только ликом. Он всегда улыбался, никогда никому ни в чем не отказывал. И всегда молился за всех, кто просил его об этом. Много молился ночами. Он имел любовь ко всем: к людям, к животным и даже к насекомым. Во дворе его дома стояла конура, в которой жила собака по кличке Каквас. Утром, когда Владыка выходил из дома, пес приветствовал его радостным лаем. Они здоровались, Владыка давал ему пищу, а Каквас ласково махал хвостом, выражая тем самым свою любовь к Владыке.

Владыка кормил муравьев: иногда тихонько, чтобы не видела мать Вера, брал со стола сахарницу, прятал ее в рукав, шел на улицу и возле дома сыпал сахар, чтобы им питались муравьи. А мать Вера, заметив это, брала чайник с кипятком, шла сзади и всех муравьев ошпаривала.

Более всего я благодарна Владыке за то, что он крестил мою 19-летнюю дочь Лидию. Она родилась в Казани в тот период, когда там не было действующих православных церквей. Затем прививаемое ей в школе и в институте атеистическое мировоззрение дало свои плоды — дочь моя перестала верить в Бога. Она стала не только неверующей, а нетерпимой к религии и наотрез отказывалась принять крещение, когда я с ней об этом говорила.

Моя знакомая Ольга Александровна Вощилина посоветовала мне познакомить Лидию с владыкой Николаем: «Она только увидит Владыку и сразу переменится».

Но поскольку Лидия ни за что не согласилась бы идти к духовному лицу, то Ольга Александровна пошла на хитрость — предложили ей пойти помочь «одному очень хорошему дедушке собраться в дорогу». А сама повела ее к Владыке, предварительно предупредив его.

Было раннее летнее утро. Владыка вышел к ним в льняном подряснике, и они прошли с ним в сад, где над цветущими деревьями гудели пчелы, а на траве алмазами блестела роса.

— Вот, посмотрите, — сказал Владыка, указывая на росу, — как солнышко отражается в каждой капельке росы своим блеском, так и Господь наш Иисус Христос отражается в каждой благочестивой христианской душе.

С этой фразы начался разговор. И конечно, когда моя дочь увидела Владыку, она сразу почувствовала в нем глубокую веру в Бога и ясно осознала, что перед ней не простой, а святой человек. Она стала благоговеть перед ним.

25 августа 1947 года над моей дочерью Лидией было совершено таинство Святого Крещения. Крестным отцом был сам Владыка. Знакомство с Владыкой, его простой разговор подействовали гораздо сильнее, чем мои многолетние просьбы и убеждения.

Ту радость, которую я испытала при крещении уже взрослой дочери, поймут все матери-христианки, а я до гроба буду благодарить святого нашего Владыку за то, что по его молитвам Господь освободил меня от греха и дал моей дочери духовное рождение.

Крещение происходило в доме Владыки. Надо сказать, что убранство у него в доме было крайне бедным. У него был стол, жесткая кровать (он спал на досках) и скамейки. Отдельная была моленная, где висели иконы, полочка с книгами и стоял письменный стол. В этой моленной происходило крещение.

По окончании Таинства Владыка говорил поздравительное слово, а мы все плакали. Он подарил Лидии Евангелие с собственноручной надписью: «Благословение рабе Божией девице Лидии в незабвенный для нее день ея духовного рождения. Архиеп. Николай. 1947 год, август 12/25 день».

И дальше надписал стихотворение:

Пусть эта книга священная
Спутница нам неизменная
Будет везде и всегда.
Пусть эта книга спасения
Вам предает утешение
В годы борьбы и труда.
Эти глаголы чудесные,
Как отголоски небесные
В грустной юдоли земной,
Пусть в ваше сердце вливаются
И небеса сочетаются
С чистою вашей душой.

Р.К.

В августе 1949 года владыка Николай поехал по приходам епархии. Он попрощался с нами в Кафедральном соборе, попросил наших молитв, всех благословил и сказал, что вернется через две недели.

Только Владыка уехал, как 11 августа умирает моя мамочка.

Вдруг 14 августа возвращается Владыка и присылает мне записочку: «Привезите Вашу маму на Литургию».

В послевоенные годы хоронить было чрезвычайно тяжело: не было гробов, не было транспорта. Но Господь помог мне: кто-то пожертвовал доски для гроба, сосед сделал крест, а от похоронного бюро дали лошадь, запряженную в телегу.

День был солнечный, теплый. В церкви, воспользовавшись отъездом архиерея, затеяли ремонт, и Владыке пришлось совершать Литургию прямо на паперти. Там был поставлен престол, а народ молился на ступенях крыльца. Мамочку подвезли к самым ступеням.

Литургия закончилась. Вдруг Владыка спустился вниз со ступеней ко гробу и сказал:

— Ах, вот кто меня позвал!

Он отдал мне в руки свой посох, поклонился поясным поклоном мамочке и начал служить панихиду.

Мы все были поражены и глубоко тронуты тем, что Владыка, духом прозрев ее кончину, счел своим долгом вернуться из поездки, чтобы помолиться и проводить в последний путь одну из овец своего стада, простую благочестивую женщину-труженицу.

Дочь моя собиралась ехать в Питер, поступать в аспирантуру. Мы пришли к Владыке попрощаться. Он отслужил молебен и благословил нас.

Когда он провожал нас до калитки (что делал всегда, провожая всех), я тихонько спросила его:

— Поступит Лидия в аспирантуру или вернется домой?

— Вернется домой, — так же тихо ответил Владыка.

И действительно, она не прошла по конкурсу и вернулась домой. Но поскольку было благословение Владыки, Лидия поступила в аспирантуру на следующий год.

1950 год. Рано утром, не предупредив, Владыка приехал в один отдаленный район, подошел к церкви и палочкой стал звонить в колокол. А батюшка спросонок не поймет, что за звон. А матушка ему кричит: «Архиерей приехал! Архиерей приехал!» Он ее дурой сумасшедшей назвал, а потом сам увидел, что правда, архиерей стоит. Он растерялся и только руками всплескивает и всплескивает.

...Это маленький штрих, но он говорит о характере Владыки.

В 1952 году у меня с правой стороны лица у глаза образовалась язва. В онкодиспансере поставили диагноз — рак кожи. Сделали анализ, и диагноз подтвердился. Я очень расстроилась. Я сама врач и понимаю, что значит такой диагноз.

В слезах я пришла в собор ко Всенощной. Подойдя к Владыке на елеопомазание, я показала ему свою болячку и сказала:

— Владыка, помажьте мне здесь. Мне поставили диагноз рак кожи.

Владыка внимательно посмотрел и сказал:

— Все пройдет, — и помазал крестообразно ранку.

И действительно, ранка стала заживать, и через неделю все прошло.

Когда я пришла в онкодиспансер, там очень удивились: «Видимо, неправильно был поставлен диагноз», но еще два года не снимали меня с учета.

Для себя же я могу объяснить это только тем, что по молитвам Владыки произошло чудо.

1955 год. Моя дочь в Питере вышла замуж и обвенчалась. Об этом дали Владыке и мне телеграмму. Я спросила Владыку:

— Как вы считаете, будет ли этот брак счастливым?

— Уйдет он от нее, — ответил Владыка.

Я была расстроена его ответом, но дочери, конечно, ничего не сказала.

И только через шесть лет, когда муж моей дочери умер, я вспомнила слова Владыки: «Уйдет он от нее».

В августе 1955 года Владыка заболел предсмертной болезнью. По ночам я дежурила возле него, чередуясь с врачом Александрой Яковлевной Юрпольской. Владыка очень страдал, у него была астма, он задыхался, и часто мы были вынуждены прибегать к помощи кислородной подушки. Часами мы сидели и обмахивали его полотенцем, так как лето было очень жаркое.

Владыка все время молился. Бывало, утром подойду к нему со шприцем для внутривенного вливания глюкозы, а он откроет глаза и скажет:

— Подождите, я не закончил еще Литургию.

Иногда ему были видения. Святителя Феодосия Черниговского Владыка считал своим небесным покровителем, так как у раки его святых мощей была совершена его епископская хиротония. И вот однажды по разговору я поняла, что ему явился Святитель Феодосий, и Владыка долго говорил с ним. Разговор я не совсем поняла, но, видимо, Владыка просил молитв у Святителя Феодосия.

То ли в бреду, то ли во сне Владыка часто с кем-то разговаривал. Он говорил:

— Вон там стоят двое, там стоят двое... Неужели вы пришли ко мне, святители отче!

Приходили к нему Киево-Печерские святые Антоний и Феодосий.

— Вот, вот, стоят, — сказал Владыка, — они пришли ко мне, — и начал читать молитву и кланяться им.

За полтора месяца до смерти Владыке вдруг почудилось, что наступила Пасха. Он пел «Христос Воскресе», христосовался с нами, пригласил к столу. Просил извинения за то, что мать Вера не успела испечь кулич и покрасить яйца.

Владыка был радостный, сияющий. Пел пасхальную службу и от всей души возглашал: «Христос Воскресе! Христос Воскресе!»

После смерти Владыки ко мне из Усть-Каменогорска приехала моя дальняя родственница, служившая в церкви псаломщицей, Раиса Владимировна Георгиева. Прежде всего она решила пойти на кладбище, помолиться на могиле митрополита Николая.

Мы пришли с ней на кладбище и подошли к часовне[1]. Она оказалась закрытой на замок. Раиса Владимировна огорчилась:

— Как жаль, — сказала она, — что мы не можем зажечь лампаду.

Мы стали молиться, петь литию. И вдруг загорелась лампада, висевшая в часовне над могилой Владыки.

Но я не могла и в мыслях допустить, чтобы ради нас, таких грешных, совершилось чудо.

«Наверное, лампада чуть-чуть тлела, — подумала я, — а потом нагар слетел, и она загорелась».

Но когда мы закончили молиться, лампада потухла.

---

[1] Имеется в виду сваренная из металлических прутьев в форме часовни ограда на могиле митрополита Николая.

— Александра Андреевна! — обратилась ко мне Раиса Владимировна, — но ведь вы это видели?!

— Ну конечно, видела.

— Так что же это значит?

— Это значит, что митрополит Николай с нами и молится о нас.

Царство Небесное и вечная память дорогому Владыке!

Ольга Александровна Вощилина, Рига

В августе 1947 года по благословению владыки Николая в первый раз в своей жизни я собиралась посетить Троице-Сергиеву Лавру. Кроме того, Владыка благословил меня зайти в Москве к митрополиту Крутицкому и Коломенскому Николаю (Ярушевичу)[1] и передать ему поклон.

Я смутилась этим поручением. Нашего Владыку мы все очень любили, привыкли к нему и считали его своим дорогим отцом. Мы не боялись к нему приходить. Даже если кто-то в чем-то провинится, то шел к Владыке и сам ему все рассказывал.

---

[1] Митрополит Крутицкий и Коломенский Николай (Ярушевич (1891–1961) являлся опытным и влиятельным архиереем, одним из «архитекторов» политического курса Русской Православной Церкви в самые тяжелые годы гонений, репрессий и богоборческого террора. Являлся первым председателем ОВЦС. Сохранял верность православному преданию, здоровый традиционализм и трезвость в оценке церковно-государственных отношений. В периоды «сталинского перемирия» и «хрущевской оттепели» открыто противостоял государственной богоборческой линии, направленной на уничтожение Церкви.

А здесь — маститый и прославленный иерарх, известный всему миру! Как вести себя? Что говорить? Все свои сомнения я высказала владыке Николаю.

— Ну, и напрасно, все эти мысли совершенно негодны. Если бы ты знала, к кому я тебя посылаю, ты бы не только пошла, а бегом побежала бы! Это иерарх святой жизни, очень высокой духовности, одаренный от Бога глубоким умом! Владыка Николай — человек необыкновенной доброты и отзывчивости! Люди считают за счастье получить у такого архиерея благословение!

Я немного успокоилась. Придя домой, я рассказала маме о том, что Владыка просит меня в Москве зайти к митрополиту Николаю.

— Нехорошо к такому лицу идти с пустыми руками, — заявила мама, — нужно что-то придумать.

И придумала. У нас в саду росла одна яблоня, о яблоках которой можно сказать: «видно семечки насквозь». Называлась она «царская столовка». (Кто бывал в те времена в нашем яблочном городе, тот наверняка видел и запомнил этот прекрасный сорт).

И вот яблоки от этой яблони было решено передать митрополиту Николаю Крутицкому. Яблоки были сняты осторожно, каждое завернуто в мягкую бумагу и упаковано в пакет.

— Вот и передашь Владыке-митрополиту, — сказала мама, — такой подарок ни к чему не обязывает, и его можно принять.

Наступил день, когда я приехала в Москву и разыскала приемную митрополита Николая. В приемной было уже человек 10–12. Секретарь записал всех желающих видеть Владыку и сказал, что пойдет доложит, но не уверен, будет ли Владыка при-

нимать, так как только прилетел из Питера и очень устал.

Выйдя от митрополита, секретарь сказал, что Владыка просит таких-то и таких-то прийти в такие-то дни, так как они москвичи, а приезжую женщину примет сейчас. А приезжая была я.

Когда я вошла в кабинет, Митрополит встал. Я подошла под благословение.

— Садитесь, — пригласил Владыка, благословив меня.

И тут в моей голове с быстротой молнии понеслись мысли примерно такого характера: «Как же я сяду в присутствии такого человека!» — и тому подобные. Получилась заминка. Владыка стоял, ожидая, когда я сяду, а я не садилась, терзаясь мыслями. Но поскольку я выросла в семье, где поддерживались правила хорошего тона, то вскоре сообразила, что Владыка так воспитан, что первым в присутствии женщины не сядет, на какой бы ступени иерархической лестницы он ни стоял. Я немедленно села, и только тогда сел Владыка.

— Дорогой Владыка, я привезла вам поклон от нашего владыки Николая из Алма-Аты, — с трудом, чуть не заикаясь, произнесла я.

— Ах, какие вы все счастливые алма-атинцы, что у вас такой пастырь! — ответил Владыка и начал расхваливать нашего владыку Николая почти теми самыми словами, какими хвалил его наш Владыка, приписывая ему те же самые качества, которыми награждал его наш Владыка. С большой братской любовью они относились друг ко другу. И мое смущение прошло совершенно.

Владыка Николай стал расспрашивать меня о цели моего приезда в Москву. Я ответила, что хочу побывать в Троице-Сергиевой Лавре и в московских

храмах, так как кроме нашего Никольского собора я ничего не видела.

— Вот вам бумага и карандаш, — сказал Владыка, — записывайте, куда вам нужно будет поехать и сходить.

И стал диктовать мне названия храмов и маршрут следования к ним. Наша беседа продолжалась почти два часа. Владыка не только давал маршрутные указания, но говорил, чем знаменит каждый храм и на что следует обратить особое внимание.

Когда беседа закончилась, я передала Владыке подарок от мамы — алма-атинские яблоки. Он так при этом покраснел, что стала красной даже кожа головы под его седыми волосами. Он умоляюще посмотрел на меня.

— Не отказывайтесь, Владыка. Мама с такой любовью снимала для вас с дерева каждое яблоко! Да и яблоки эти такие прекрасные, что отказываться от них нельзя.

Владыка сдался и попросил передать маме его благословение. И добавил:

— Но я беру с вас слово, что когда вы все осмотрите, то придете ко мне поделиться своими впечатлениями.

Я была очень благодарна Владыке. Он проводил меня до дверей и, благословив, напомнил об обещании посетить его еще раз. Секретарь проводил меня взглядом и даже поклонился мне на прощание.

Первое мое посещение было, конечно, в Троице-Сергиеву Лавру. Я все обдумала и решила, что ехать транспортом в Лавру нехорошо, что в Лавру надо непременно идти пешком. Был конец августа, приближалось Успение Божией Матери. Погода стояла прекрасная. Я доехала на электричке до Пушкино, вышла и пошла пешком по направлению Лавры.

Но я не рассчитала своих сил и к вечеру не дошла до Сергиева Посада. Стало темнеть и я решила искать ночлег.

Но куда идти в незнакомом месте? У кого искать приюта? Я увидела храм и вошла в него. В храме уже заканчивалось вечернее богослужение. Я стала молиться Божией Матери помочь мне устроиться на ночлег.

После окончания службы я обратилась к священнику с просьбой посоветовать мне, где переночевать. Батюшка был удивлен моей просьбой, стал расспрашивать, кто я и откуда, есть ли у меня документы. Я сказала ему, что паспорта у меня с собой нет, что я из Алма-Аты и иду в Троице-Сергиеву Лавру помолиться.

— А кто у вас архиерей? — спросил батюшка.

— Архиепископ Николай, — ответила я.

— А как он выглядит? — опять спросил батюшка, пристально на меня посмотрев.

Вместо ответа я вынула из сумочки фотографии Владыки с дарственными надписями, с которыми никогда не разлучалась, и показала их батюшке.

— Ах, какой у вас замечательный Владыка! Мне пришлось однажды, на Сергия летнего, служить с ним вместе в Лавре, и я никогда его не забуду.

И он рассказал мне, как в праздник преподобного Сергия после окончания Литургии владыка Николай Алма-Атинский и владыка Николай Крутицкий и Коломенский остались в храме благословлять народ, так как не могли оставить без благословения людей, умоляюще протягивавших к ним для благословения свои руки.

В это время все архиереи и священники во главе с Патриархом Алексием собрались в трапезной.

Недоставало только двух архиереев. Святейший послал за ними. Посланные вернулись одни. Патриарх снова послал за ними, но Владыки никак не могли вырваться из плотного кольца обступившего их народа и продолжали благословлять.

Окончив благословение, они явились пред очи Святейшего. Святейший при виде их так стукнул посохом об пол, что все вздрогнули. Ведь это была дерзость — непослушание Патриарху, но дерзость, оправданная любовью. Маститые иерархи упали в ноги Святейшему, прося прощения.

— Ну, повинную голову и меч не сечет, — добродушно сказал Патриарх и направился к столу. Облегченно вздохнув, все последовали за ним. Буря пронеслась мимо. Пропели молитву, началась трапеза.

— Я на всю жизнь запомнил облик вашего святого пастыря, — сказал батюшка, — Это настоящий пастырь! К нему тянется душа!

Я в свою очередь рассказала батюшке о нашем Владыке, что знала, и у него исчезли всякие подозрения в отношении моей личности.

Он пригласил монахиню и попросил ее приютить меня на одну ночь.

На следующий день я благополучно добралась до Сергиева Посада. Когда я проходила под сводами лаврских ворот, направляясь к главной святыне Лавры — Троицкому собору, трепет охватил все мое существо. Мысли о древности этой святыни, о преподобных наших предках, которые так же проходили под этими сводами, ступали по этой земле, орошали ее потом трудов и слезами молитвы, наполнили мое сознание, всколыхнули душу. И радость, и благоговейный страх переживала я, ступая по каменной мостовой этой веками намоленной святыни.

А возвратившись в Москву, обошла и объехала все храмы, где посоветовал мне побывать владыка Николай, и, закончив паломничество, зашла к нему.

Встретил он меня приветливо, обо всем расспросил и, по-видимому, остался доволен моими ответами. Он тепло попрощался со мной, благословил и, надписав, подарил мне на память свою фотографию, которую я бережно храню вместе с фотографиями нашего дорогого Владыки.

Еще вспоминается празднование юбилеев: 30-летия епископской хиротонии Владыки Николая[1], 50-летие служения в священном сане[2], дни его Ангела. Это были не просто официальные торжества, это были праздники нашего дорогого отца, которого мы горячо любили, уважали и почитали.

Со всей огромной епархии съезжались священники, диаконы и миряне. Все хотели поздравить Владыку лично или передать поздравления от приходов, так как его знал каждый прихожанин нашей огромной Казахстанской епархии. Во всей епархии не было такого местечка, где бы Владыка не побывал.

Много говорилось приветственных речей, проникнутых любовью и глубоким почтением к юбиляру, но более всего Владыка радовался тому, что все единодушно желали ему здравия и крепости телесной, чтобы были у него силы молиться, служить и управлять епархией, чтобы как можно дольше он оставался с нами.

На этих праздниках Владыка бывал иногда растроган до слез и часто даже не мог говорить сразу ответное слово. Он горячо благодарил всех своих со-

[1] 30-летие епископской хиротонии праздновалось в октябре 1949 г.

[2] 50-летие служения в священном сане праздновалось в мае 1955 г.

служителей, всех пасомых за выраженные ими искренние чувства любви и уважения к нему. «...Ваши приветствия, ваши речи, ваши слова и пожелания вызывают во мне чувство признательности и благодарности за вашу ласку и любовь. Они же приводят меня в смущение: то, что вы поставили мне в заслугу, не могу отнести к себе, не по чувству смирения, но по отсутствию того, что ваша любовь мне приписала».

Особенно памятным для всей казахстанской паствы был день 30-летнего служения митрополита Николая в сане епископа.

Владыка благодарил Господа за великую Его к нему милость, свидетельством которой являлась вся многотрудная жизнь старца-архиерея. «...Мое служение на ниве Христовой, начиная со служения в звании епископа викарного и до почетного титула архиепископа Алма-Атинского и Казахстанского, было продолжением милости Божией за все тридцать лет. Были тяжелые, страшные моменты в моей жизни, когда и самый омофор святительский казался невыносимо тяжелым; были моменты большой опасности для жизни, и среди всего этого я не падал духом, я не чувствовал себя одиноким, — со мной был всегда Отец мой Небесный.

А сколько духовной радости и утешения имела моя душа в молитвенном единении с врученными мне Господом чадами Церкви Христовой и в их ко мне любви!

Особенное духовное счастье, доходящее до блаженного состояния, я испытывал во время совершения Божественной Литургии и Евхаристического единения с верными... Тогда мои скорби и страда земная оставляли меня, уходя, как мрак ночи, рассекаемый лучами солнца небесного...

Пройдя так многие этапы моего служения Церкви Христовой, я, на конец моей жизни, уже в почтенной старости, получил от Святейшего Патриарха Алексия назначение к вам, мои соработники нивы Божией, и к вам, мои чада духовные. И здесь, в окружении вашей любви и сыновней ласки, я чувствую все ту же благость и щедрость ко мне Сладчайшего Христа моего...

Минуло тридцать лет... Те святители Божии, которые избрали меня во епископа и хиротонисали, отошли в вечность. Царство им Небесное! Я остался один в живых.

Те черниговские чада духовные, которые тогда разделяли со мною радость 20 октября 1919 года, кто остался в живых — далеко, далеко от меня и я от них.

Лишившись тех и других, я, по милости Божией, приобрел в лице вас новую паству, новых друзей, новых сотрудников. И я опять не один: я и вы со мною...

Сегодня тридцатилетие моей хиротонии. Вы собрались в нашем храме разделить мою духовную радость. Вы участвовали в приносимой мною Евхаристии (сиречь хвале Богу). Вы утешили меня... Вы и почтили меня своими приветствиями, пожеланиями и речами... «Что воздам Господеви о всех, яже воздаде ми?» Ему я принес то, что драгоценнее мира и всякого творения Божия: «Твоя от Твоих».

Вас же всех сердечно, любовно, искренно благодарю с моим вам поклоном и молитвой о вас: да воздаст вам за любовь вашу — любовь и благость Господь наш Иисус Христос сторицею и зде, и за гробом: вместо земного — небесное; вместо временного — вечное; вместо тленного — нетленное.

И сия вся по милости Его с вами буди, буди! Аминь».

Нельзя было без слез слушать слово Владыки. И мы плакали, плакали от радости, что у нас такой добрый и любвеобильный архипастырь, который в любой момент поможет, подскажет, наставит, утешит. И когда по окончании молебна возглашалось многолетие, то весь народ, от мала до велика, едиными усты и единым сердцем пели Владыке «Многая лета!»

И не только казахстанцы выражали Владыке свою любовь. Поздравительные телеграммы и письма приходили в эти дни из Иркутска и Берлина, Новосибирска и Праги, из Москвы, Ташкента, Архангельска и Симферополя. Можно было с полным основанием сказать, что «от восток солнца до запад» вспоминалось имя чтимого юбиляра.

Священник Владимир Горланов

Первая моя встреча с владыкой Николаем произошла в октябре 1945 года, когда он был назначен архиепископом Алма-Атинским и Казахстанским. Я был тогда в сане диакона, который принял много лет назад от епископа Петергофского, впоследствии митрополита Крутицкого и Коломенского, Николая (Ярушевича). Затем наступили для меня годы изгнания и заключения, и к моменту моей встречи с архиепископом Николаем (Могилевским) документа, подтверждающего мой священный сан, у меня на руках, конечно, не было.

Владыка Николай принял меня с отеческой любовью, очень просто и радушно. Я был поражен

тем, с каким вниманием он старался вникнуть в обстоятельства моей жизни, в мое душевное состояние, и ясно почувствовал, что его любвеобильное сердце имеет от Бога дар видеть глубину человеческой души, понимать людей, а особенно людей скорбящих. Во время беседы я прослезился, прослезился и он, благословил меня и прижал к своему сердцу.

Владыка согрел мою скорбящую, обремененную тяжелыми жизненными переживаниями душу, сделал все необходимое, чтобы исправить мое тяжелое положение и иметь возможность рукоположить меня в сан священника для своей Казахстанской епархии. С тех пор я стал его духовным сыном.

За время моего служения в епархии я имел возможность частого общения с дорогим Владыкой. Беседовать с ним было чрезвычайно приятно. Тихий, красивый его голос лился, как ручеек. Его слова, его назидания успокаивали и умиротворяли сердце, наполняли душу светлой радостью и сознанием того, что ты не один, что Господь всегда с нами. Духовное обаяние Владыки действовало на меня неотразимо, и я всегда уходил от него со слезами радости и умиления.

И чем больше я узнавал Владыку, тем больше убеждался в его святости. Он поражал силою христианской любви, сочетавшейся с глубоким личным смирением, исключительной добротой и внутренней тишиной своего сердца. Так отзывались о нем все, и эти его качества поражали всех, кто соприкасался с ним, кто шел к нему со своими нуждами и переживаниями. С духовной радостью встречал он всех приходящих к нему и проводил с ними беседы. И таков он был всегда, в любое время, в любом месте.

Вспоминаю, как Великим постом, дома, он в коротенькой серой епитрахили выходил на краткую беседу. В этот момент он представлялся мне преподобным Серафимом.

А при совершении Божественной Литургии он особенно преображался. Он весь светился в это время особой духовной радостью. В молитвенной сосредоточенности его глубокие голубые глаза устремлялись к небу, как будто он созерцал что-то, ему одному видимое, а весь облик его олицетворял святителя кротости, смирения, терпения и любви.

Радостно и страшно было сослужить ему.

Когда я служил священником в селе Надеждинском Северо-Казахстанской области, Владыка приезжал ко мне на приход. Это было Петровским постом.

Было условлено, что Владыка прибудет к 4 часам для совершения Всенощной. В этом селе десятки лет не видели архиерея. Народ собрался во множестве, а Владыка запаздывал. Все были в напряжении, переживали. Владыка прибыл только к восьми часам вечера. Я подбегаю к нему взволнованный, а он, светло улыбаясь, спокойно говорит:

— Машина подвела, успокойся!

Народ, стоявший плотной стеной по обе стороны дороги, встретил Владыку очень радушно. Путь его усыпали травой и цветами. Владыка с любовью благословлял собравшихся, а люди, приветствуя его, опускались на колени и бросали ему под ноги цветы. Он умилился до слез. А я был так расстроен, что когда, облачившись, встречал его у паперти храма, то не мог сказать ни одного слова... А Владыка снова сказал мне:

7 Зак. 27082

— Успокойся, отец Владимир, это я виноват, я подожду.

Успокоившись, я сказал приветственное слово и мы вошли в храм. Настоящих певчих в селе не было, но весь народ дружно запел афонскую «Достойно есть...» Владыку это поразило и обрадовало. Началась Всенощная. Всю Всенощную пел народ, а Владыка очень радовался этому, он очень любил народное пение. Подозвав протодиакона о. Михаила Попенко, он сказал ему:

— Разве мы споем так, как здесь поют? Хор-то я всегда слышу, а вот народное пение — это редкость.

В беседе со мной он дал наставление, как подвизаться пастырю. Владыка был особенно доволен тем, что в нашем приходе не было ни жалоб, ни сплетен, — такой уж был дружный народ там. После Всенощной он благословил всех до единого человека и выслушал тех, кто хотел обратиться к нему лично.

Вспоминается мне и моя последняя встреча с владыкой Николаем в 1955 году, когда он назначил меня настоятелем храма в г. Чимкенте. На этом приходе несколько лет не налаживалась церковная жизнь, и он очень болел душой за этот приход.

Владыка, уже совсем больной в то время, со слезами просил меня поднять этот приход, из последних сделать первым. Часа два он беседовал со мной, давал практические советы и рекомендации, как эти советы провести в жизнь.

Он очень страдал от неполадок на некоторых приходах. Он просил, умолял священников пасти вверенное им стадо мудро, ревностно; смиренно и благоговейно совершать Таинства Святой Церкви, чаще

напоминать себе о той ответственности, которую пастыри несут перед Богом.

До сих пор я с глубокой благодарностью вспоминаю этого старца-святителя, неусыпного молитвенника и мудрого наставника, безграничной любовью возлюбившего вверенное ему Богом словесное стадо.

⋄⋄⋄⋄⋄⋄

Орлова Ольга Федоровна,
г. Караганда

В 1946 году я была студенткой 3 курса Алма-Атинского медицинского института. Я жила тогда в общежитии и в институт ходила пешком мимо бывшей Никольской церкви, в которой в то время располагалась военная штрафная рота. И вот однажды, проходя мимо церкви, я увидела, что двери ее ограды открыты и двери церкви открыты. На крыльце ее люди скребками счищают со стен написанные на них лозунги и нарисованных солдат со штыками и винтовками.

«Что это значит? — подумала я. — Неужели церковь открывают?» И решила зайти внутрь. Зайдя, я увидела, что там действительно идет богослужение. Церковь была похожа на мастерскую. Иконостаса не было, алтарь огорожен фанерными перегородками, икон очень мало. На алтарной стене художники писали образ Божией Матери, кругом все белили, красили, мыли и приводили в порядок. И в то же время совершалось богослужение. Алтарь был открыт. Я впервые в жизни увидела тогда архиерея. Он был, как белый голубь, как ангел — с дикирими-трикирими стоял в алтаре у престола. Это был ар-

хиепископ Николай. С того времени я стала приходить на богослужения.

Вскоре я заболела возвратным тифом. Эта болезнь дала осложнение — у меня произошло помутнение стекловидного тела глаза. Я совершенно не могла читать. Меня освободили от работы с микроскопом. Экзамены я сдавала без самостоятельного чтения — мне читали подруги, а я все запоминала. Мне грозило отчисление из института. Я очень боялась этого, потому что непременно хотела стать врачом.

Я уже почти лишилась зрения, когда наступил праздник Крещения Господня. Я пошла в храм на праздник. Когда я пришла, Великое водосвятие было уже совершено и владыка Николай всех окроплял святой водой. Народу было очень много, и меня оттеснили далеко от Владыки. «Господи! — подумала я, — если бы хоть одна капелька попала мне в глаза, ко мне вернулось бы зрение!» Вдруг в этот момент Владыка повернулся в мою сторону и окропил мое лицо так, что святая вода обильно попала мне в глаза.

С тех пор я стала поправляться, ко мне вернулось зрение, и я стала видеть так же хорошо, как видела прежде.

Продолжая учиться, я перед экзаменами всегда старалась прийти в церковь. И когда я подходила к владыке Николаю под благословение или на елеопомазание он всегда говорил: «Пресвятая Богородица, спаси и сохрани!» — хотя я никогда не говорила ему об экзаменах, он видел это сам. И всегда я получала на экзаменах пятерки.

Государственные экзамены я сдавала в 1949 году. Первый экзамен — основы марксизма-ленинизма — был назначен на 22 мая, то есть на тот день, когда

Церковь празднует день памяти перенесения мощей святителя и чудотворца Николая.

Накануне экзамена я заболела дизентерией. Все шло к тому, что вместо экзаменов я могла попасть в инфекционную больницу.

21 мая я, больная, лежала в своей комнате в общежитии. У меня был спрятанный кусочек артоса. Когда все мои подруги по общежитию вышли из комнаты, я достала его и съела.

После этого я решила идти в Никольский собор на Всенощную.

С трудом добралась я до храма и встала в уголочек. Я молилась, тихонько подпевала народному пению. Два иподиакона держали большую икону Святителя Николая, а владыка Николай обращался к народу:

— Други мои! Сегодня у нас в гостях Святитель Николай! И мы к нему, как к живому, будем сейчас подходить под благословение и целовать его икону. Вот когда вы будете подходить, то говорите ему, в чем вы нуждаетесь, просите его святых молитв.

И вот, когда я подошла прикладываться к иконе, я взмолилась: «Святитель Николай! Помоги, я так болею, а завтра у меня экзамены!» Поцеловала икону, и владыка Николай помазал меня елеем. И с того момента моей болезни как не бывало. Я сдала экзамены без всяких затруднений. Так дважды по молитвам Святителя Николая и нашего владыки Николая я получала исцеления.

Слава, Господи, безграничному Твоему милосердию!

Протоиерей Валерий Захаров,
настоятель Свято-Никольского
собора г. Алм-Аты

В 70-х годах митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф (Чернов) в одной из своих проповедей говорил такие слова: «Мы, алма-атинцы, живем у подножья Тянь-Шаньских гор. И, с одной стороны, мы счастливы тем, что красота этих гор радует глаз человека, но, с другой стороны, горы таят опасность землетрясений и селевых потоков. Но Алма-Ата никогда не будет снесена селем и никогда не будет разрушена землетрясением, потому что у нас есть замечательные молитвенники в лице Митрополита Николая и схиархимандрита Севастиана». Владыка Иосиф так говорил, и это я помню точно.

Из воспоминаний монахини Нины
(Штауде), г. Елец[1]

Несколько слов о себе.

Родители мои были верующими людьми и воспитали меня в строгом благочестии. Еще в ранние годы, в 6–7 лет, научилась я обращаться к Богу не только

[1] Монахиня Нина (Нина Михайловна Штауде), кандидат физико-математических наук, известный исследователь в области астрофизики, родилась в 1888 г. в г. С.-Петербурге. В 1914 г. окончила физико-математический факультет Высших Женских Курсов в С.-Петербурге. В первый раз была арестована в 1931 г. в Ленинграде и по обвинению в преступлениях по ст. 58–10 и 58–11 выслана на три года из г. Ленинграда в г. Рыбинск. С 1934 г. занималась научной работой в астрономической лаборатории ЛГУ. В 1935 г. вновь арестована «по делу об убийстве Кирова» и выслана из

словами утренних и вечерних молитв, но из глубины души взывать к Нему в минуты тревоги и горести. Так было до окончания мною гимназии в 1907 году. Но уже тогда начинали смущать мою душу носившиеся в воздухе идеи если не атеизма (я не могла отрицать Бога, к Которому неоднократно уже обращалась за помощью и получала ее), то свободного отношения к истинам Православной Церкви, к Церковным богослужениям и Таинствам.

В 1907 году, на правах взрослой, я получила от родителей большую свободу в выборе чтения, и появившаяся тогда в печати книга Ренана «Жизнь Иисуса» сыграла в этот период моей жизни печальную и роковую роль: я потеряла веру в Божественность Иисуса Христа, и со всею последовательностью сделала отсюда выводы: я не имею права приступать к Таинствам Церкви, не обязана соблюдать посты и праздники, и вообще не могу ходить в храм.

Велико было горе моих родителей, но их убеждения и доводы только подливали масла в огонь. «Не могу я из любви к людям лгать перед Богом, считать себя членом Церкви тогда, когда с убеждением могу прочитать только один первый член Символа Веры. Молись, мама, обо мне и, может быть, придет время, когда я смогу вернуться в Церковь совершенно свободно и сознательно!»

г. Ленинграда в г. Уфу. В 1938 г. арестована в г. Уфе. С 22 марта по 1 декабря 1938 г. находилась в Уфимской тюрьме. Приговорена к трем годам ИТЛ. Отбавала срок в Соликамске в Усольлаге, работая на лесозаготовках. Освобождена 22 марта 1941 г. В Алма-Ату была приглашена в 1944 г. академиками Г. А. Тиховым и В. Г. Фесенковым для занятия научной работой в эвакуированной в Алма-Ату Пулковской обсерватории. В Алма-Ате работала в Казахском отделении Академии Наук научным сотрудником в Секторе Астроботаники. В 50-е годы в Алма-Ате приняла тайный постриг. Скончалась в г. Ельце 15 июня 1980 г.

И это время настало по милости Божией. Незаметно шла внутренняя работа мысли и чувства, и внешние обстоятельства способствовали возвращению в Церковь, которая оказалась гонимой, страдающей, не обещающей никаких земных выгод.

Когда в 1919 году, после кончины отца, мама попросила меня поговеть с нею вместе — почва для этого уже была подготовлена, и Великим постом я пошла в Церковь для исповеди и причастия.

Вскоре Бог послал мне духовного отца в лице протоиерея Викторина, служившего на Петровском острове в церкви при Доме престарелых артистов, и я впервые вкусила радость Таинства исповеди, узнала пользу духовного руководства.

Но в 1927 году, после подписания заместителем Местоблюстителя патриаршего престола митрополитом Сергием (Страгородским) известной «Декларации», началось церковное разделение, и отец Викторин примкнул к той группе духовенства, которая поддерживала позицию митрополита Иосифа (Петровых). Он, по моей просьбе, подробно изложил мне те основания, которые побудили его отмежеваться от митрополита Сергия (Страгородского). Видя чистоту этих оснований и наблюдая большую последовательность сподвижников митрополита Иосифа, я тоже решила пойти вслед за своим духовным отцом..

Иосифлянских церквей было очень мало, они располагались на окраинах города, в них не было продажи свечей; это было почти «подполье». Число священников таяло; в 1930 году был арестован и отец Викторин. Через год эта участь постигла и меня, по «делу» одного научного общества...

В первый день Пасхи 1931 г. мне был вынесен приговор: высылка из родного города на 3 года. В Рыбинске, где я оказалась, совсем не было иосифлян-

ских церквей. По счастью был там тоже изгнанник из града св. Петра архимандрит Макарий, прежде служивший в храме «Спаса на Крови».

Он причащал меня 2–3 раза у себя в комнатке и рассказал мне о замечательной подвижнице тех мест, у которой сам он был в послушании, о старице Ксении. Не будучи даже монахиней, она с 18-летнего возраста ушла в лес по благословению одного старца, жила там одна в землянке и, проведя в посте и молитвах около 30-ти лет, стала принимать народ.

К ее землянке потекли сотни и тысячи людей, прозорливость ее стала широко известной. «Через сто лет о ней будут писать книги, как о преп. Серафиме Саровском», — говорил мне отец Макарий.

— И как ты уезжаешь из Рыбинска, не повидав такого чуда? — удивлялся он, когда я весной 1932 года пришла с ним проститься, получив разрешение переехать в Полтаву.

Но путешествие в лесную землянку, за 30 км от города, представлялось мне непосильным после только что перенесенной тяжелой болезни. Однако Господь дал мне не только повидаться со старицей, но и прожить с нею под одним кровом около двух с половиной месяцев.

Летом 1933 года, неожиданно получив разрешение досрочно вернуться в родной город, я поспешила уехать из Полтавы к маме в Питер, не дождавшись получения паспорта в Полтаве. Из-за этого вышли затруднения с пропиской, я поехала хлопотать о ней в Москву, откуда меня выселили в 24 часа. Куда было деваться? Я приехала в Рыбинск к монахине, с которой познакомилась прежде. Отворяя мне дверь, она воскликнула:

— А здесь теперь живет Матушка!

Все в доме делалось с благословения почитаемой старицы. Она заочно благословила меня пожить в соседней с нею комнате. Она была уже слепой, очень слабой и принимала лишь немногих.

Впечатление, произведенное на меня свиданием с ней, было совершенно исключительным. Измученная скитаниями, я сразу почувствовала себя «дома», у близкого, любящего человека. Особенная белизна ее ручек и лица, светившегося необыкновенной добротой, простая, искренняя речь обнаруживали в этой слепой и почти глухой старице своеобразное сочетание лучших качеств всех человеческих возрастов: детской чистоты и доверчивости с мудростью старости и с полнотой душевных сил человека среднего возраста.

При первой нашей встрече она провела своими нежными пальчиками по моему лицу и мокрым еще волосам, потерлась своей щечкой о мое лицо и, как бы знакомясь с долгожданной внучкой, сияя радостью, воскликнула:

— Так вот ты какая! И косы длинные... А не простыла ли ты в баньке-то?

И мне представилось, что это — Бабушка всего теперешнего поколения верующих людей, чудо Божие, перенесенное из глубины веков в нашу эпоху, на улицы современного бойкого города, где гудели и неслись машины и почти никто не подозревал, что в небольшом домике за деревянными ставнями цветет такое прекрасное создание, подобное гигантскому белому лотосу.

— Бабушка, дорогая! Как я рада, что наконец Вас вижу! — вырвалось у меня из глубины души к великому смущению окружающих, которые потом объяснили мне, что старица Ксения — девственница и поэтому не может быть «бабушкой».

Дальше разговор коснулся моей мамы, и тут я лично убедилась в прозорливости старицы. Она как бы мысленно к ней перенеслась и очень метко и верно высказала свое о ней впечатление.

— А кто же это с ней живет? — спрашивает.

— Это моя любимая ученица, не оставляет ее одну без меня.

— Собирается голубок к тебе, прилетит, пожалуй!

Впоследствии я узнала, что действительно жившая с мамой во время моего отсутствия Клавочка совсем было собралась ехать ко мне в Рыбинск, но что-то задержало ее в последнюю минуту.

Затем старица Ксения посоветовала мне поступить на работу в Рыбинске хотя бы временно и получить трехмесячное удостоверение личности, предостерегая не возвращаться сразу в Питер. «А то в Сибирь попадешь!»

Я сказала, что мне предложили поступить на работу по своей специальности в Крыму, но далеко переезжать туда, и пришлось бы сперва ехать устраиваться без мамы.

Старица Ксения очень этого испугалась, разволновалась даже.

— Очень тебя прошу, Ниночек, не езди ты в эту Кимру! (Так Матушка назвала Крым). С матерью нельзя разлучаться, а похоронишь ее — тогда еще наездишься. И будешь со звездою пе-ше-ше-ствова-ти! — пропела она последние слова. И начала быстро и вдохновенно говорить мне о моем будущем, то радуясь, то со скорбью качая головой:

— Сколько еще скорбей впереди!

Я почти ничего не поняла из сказанного ею. Она заметила это.

— Или не разумеешь, что говорю?

— Нет, Бабушка, ничего почти не поняла!

— Ну, ладно! На этот раз довольно! — произнесла она в изнеможении, как бы упав на землю с высоты своего пророческого вдохновения.

— Так ищи работу-то себе и о прописке не забудь!

Потратив бесплодно несколько дней на поиски работы счетовода, я попросила разрешения снова посетить старицу, чтобы посоветоваться с ней.

— А ты сходи на Машиностроительный завод, тут недалеко, тебя там ждут... Вот начальник и стол тебе приготовил, белой бумагой накрыл, и карандаши, перья положил. Сходи, Ниночек, сегодня же!

Я последовала ее совету, и меня сразу приняли и предложили оформиться. Когда я впервые пришла на работу, меня поразило, что предназначенный мне письменный стол покрыт не розовой промокательной бумагой, как обычно, а белой глянцевитой, и что на нем лежали уже приготовленные для меня карандаши и ручка. Не могла, конечно, старица Ксения знать об этом ни от кого, как и о свободной должности счетовода на этом заводе.

Жила она без прописки, ее присутствие скрывали даже от соседей. Приезжали к ней только хорошо знакомые ей девушки и семейные люди из деревень, которых она направляла уж много лет, живя в своем лесном уединении.

Заметила я, что здесь существовала связь с ссыльными епископами и священниками, что по благословению старицы одним отправляли деньги и посылки, другим она советовала хлопотать об освобождении. Авторитет ее был очень велик.

Время шло, меня оценили на работе, я получила трехмесячное удостоверение личности и прописку, ради чего и приехала в Рыбинск. Мама присылала мне телеграммы, приглашая вернуться в родной го-

род, где мне было уже обещано получение паспорта и прописка, но старица долго меня задерживала, опасаясь новых осложнений. Да и на работе надо было закончить годовой отчет.

— Тебя выручили, приняли тебя, когда надо было, и ты теперь не должна бросать их, пока не закончишь! — говорила мне старица Ксения.

Наконец годовой отчет был сдан, и Матушка благословила меня увольняться и ехать к маме.

С большой грустью расставалась я с этой дивной, маленькой, как бы светящейся старицей, которая с такой любовью давала мне последние наставления:

— Смотри, Ниночек, избегай высоких должностей и похвал, будь всегда в тени, незаметна. Вот и вербочка ветви свои к земле клонит, и Спаситель наш на осляти смиренно ехал.

— Молитесь обо мне, Матушка! — просила я ее, уже не смея называть «бабушкой».

— Да за тебя если бы не молиться, так ты погибла бы, как таракан! — рассмеялась она.

Возник вопрос о том, где мне причащаться? Старица знала о том, что я «иосифлянка», и сочувствовала этому. Правда, своих послушниц, многие из которых были одержимы, она посылала причащаться в «сергианскую» церковь, чтобы не оставлять их долго без принятия Святых Таин. Но мне она этого не советовала, а разрешила лишь под Рождество пойти в собор, но поминать там мысленно митрополита Петра, когда будут возглашать молитву о Местоблюстителе митрополите Сергии.

Мой прежний духовник по Рыбинску, архимандрит Макарий, к этому времени уже скончался и неизвестно было, сохранилась ли хоть одна иосифлянская церковь в Петрограде. На мой вопрос об

этом матушка Ксения, подумав некоторое время, ответила:

— Вот что! Ты поезжай в Лесной, там есть церковь, где служит отец Александр. Кланяйся ему от меня, да там и причащайся!

Я подумала, что она лично знает отца Александра, и очень обрадовалась. Но когда я вернулась к маме, отыскала через некоторое время церковку в Лесном, действительно единственную, остававшуюся еще иосифлянской, и обратилась к о. Александру, ее настоятелю, с поклоном от «старицы Ксении», то он очень удивился и сказал, что никогда о ней не слыхал. Тогда я поняла, что Матушка знала его только силой своей прозорливости.

В этой церкви я причащалась несколько раз, в последний раз — в родительскую субботу перед масленицей 1935 г., за несколько дней до своего второго ареста.

Была прекрасная заупокойная служба, никого в этот день не исповедовали, но я сказала, что жду неприятностей с минуты на минуту, и мне в виде исключения была предоставлена возможность исповедаться и причаститься.

А 5 февраля меня уже взяли, как и очень многих других по «делу об убийстве Кирова» (которого я никогда не видела), отвезли в «Кресты» в шикарной машине под надзором высоченного красноармейца и присудили нас с мамой к ссылке в Уфу. Старица была права, что неохотно отпускала меня на родину...

Из Уфы я писала старице Ксении, спрашивая ее совета о том, переезжать ли мне в Среднюю Азию, на обсерваторию в Китаб близ Самарканда, куда меня приглашали друзья, чтобы там наблюдать любимые мною звезды, так как по своей специальности астронома я не могла найти работы в Уфе. Я думала, что

Матушка отнесется к такому проекту отрицательно, как было раньше в отношении Крыма, но теперь ответ ее был другой.

— Пусть обязательно соглашается ехать в Среднюю Азию, — писала мне ее ответ послушница-монахиня, — это — ее путь! Но пусть едет сразу вместе с матерью, берет ее с собою, как свои собственные телеса.

Из-за такого строгого ее наказа я совсем не попала в Китаб, так как разрешение на переезд пришло ошибочно только для меня лично, а пока хлопотали о разрешении для мамы, в обсерватории не оказалось уже штатной единицы, а затем сменили там и директора, и все это дело замерло... Впрочем, к счастью, так как с переменой начальства там изменилось многое, и мы очень бедствовали бы, попав туда.

Но предназначенного мне Богом пути в Азию я все же не миновала. Однако перед этим пришлось мне испытать в течение трех лет тяжелое пребывание в лагерях близ Соликамска, где я действительно могла бы погибнуть, «как таракан», если бы не молитвы за меня старицы Ксении.

Вскоре после моего освобождения и возвращения в Уфу началась война 1941 г. Мне удалось все же устроиться на работу. Для улучшения питания больной мамы в годы войны необходимо было получить степень хотя бы кандидата наук, которой у меня тогда еще не было. Я написала знакомым мне прежде по совместной работе академикам в Алма-Ату, куда они были эвакуированы, прося их содействия в смысле темы и инструмента. В ответ я получила приглашение приехать в Алма-Ату для работы в Академии Наук.

Мама, измученная недоеданием, ужасными квартирными условиями и отсутствием друзей, стала

мечтать о переезде в Азию. Но разрешения на переезд долго не приходило. Оно пришло уже после смерти мамы, которая скончалась 25 мая 1944 г. на Вознесение.

Я стала собираться в далекий путь одна, сама очень слабая после перенесенной тяжелой болезни. Знакомые пытались отговорить меня от этого переезда, но я твердо верила словам старицы Ксении, что «это — мой путь», и ничто не могло поколебать моей решимости.

После долгого путешествия с мучительной пересадкой в Новосибирске, где пришлось две ночи спать на вокзале на полу, я добралась до Алма-Аты.

Было поздно, трамваи уже не ходили. В здание вокзала пускали «только студентов». Я бродила по темной привокзальной площади, попадая иногда с непривычки в арыки с водой, любовалась на прекрасные, близкие, яркие звезды, а в душе моей радостно пели слова дорогой матушки Ксении: «И будешь со звездою пе-ше-ше-ство-ва-ти!»

Потом мне удалось убедить сторожа вокзала, что хотя я и «не студент», но буду преподавать студентам, поэтому меня надо впустить внутрь вокзала. Он согласился. А ранним утром я направилась пешком на квартиру знакомого мне по Москве академика Фесенкова, и начался счастливый, благодатный, богатый духовной радостью период жизни моей в Алма-Ате.

Воссоединение с Православной Церковью. Знакомство с архиепископом Николаем

В Алма-Ату я приехала в сентябре 1944 г. На мои расспросы о существующих в городе храмах я узнала, что все они несколько лет были закрыты и

что сейчас открывается Казанская церковь в Малой Станице. Это уже было утешительно, я могла хоть изредка там бывать. Однако приступать самовольно к причастию я не решалась и ощущала большую тоску по Святым Тайнам.

Осенью 1945 г. я услышала, что в Алма-Ату приехал архиерей, чудесный, доступный всем старец архиепископ Николай.

Впервые увидела я его весной 1946 г. во вновь открывшемся Никольском соборе. Его проповедь в воскресный день была прекрасна, она обнаруживала и высокую духовность Владыки, и образование, и умение просто и понятно излагать свои мысли слушателям. Главное же, что пленило меня в нем — это такая же детская простота и всеобъемлющая любовь, какие мне были уже знакомы по встречам со старицей Ксенией.

«Да, — подумалось мне, — люди различны, а благодать Божия одна и та же, и вот светится она в этом Святителе при каждом его слове, при каждом движении».

С огромной силой вспыхнуло во мне желание присоединиться к этой Церкви, чувствовать себя в этом храме не гостьей, а полноправным членом духовного братства, не раздваиваться мыслью и чувством. Если бы Владыка был иным, то, возможно, что еще несколько лет провела бы я бесплодно вне Церковной ограды, так как иосифлянских церквей или хотя бы священников я обнаружить в Алма-Ате не могла. Но мне было очень страшно своей волей переступить заповедь своего духовника и отчасти матушки Ксении, сочувствовавшей иосифлянам.

Наконец я решилась сделать «опыт»: после Богослужения подойти в числе прочих богомольцев под благословение к Владыке, «рассмотреть» его хоро-

шенько и, в зависимости от впечатления, решить так или иначе свою дальнейшую судьбу. Вероятно, это своеобразное намерение было в духе научного работника, но оно было искренним, и Господь его не презрел.

Когда я подошла к Владыке, то совсем бесцеремонно «уставилась» на него своими близорукими глазами, всеми силами стараясь впитать в себя аромат этой души, от которой зависел мой дальнейший духовный путь. Я стояла, не складывая рук для принятия благословения, — секунду, пять, десять секунд, может быть, полминуты. И без малейшего признака раздражения, нетерпения или торопливости на меня спокойно взирал с высоты амвона благостный старец, возможно, видевший и понимавший то, что происходило в моей душе... И «бабушки» сзади, хотя их было довольно много, притихли и не торопили меня.

«Да, такому человеку можно доверить свою душу!» — пронеслось у меня в уме, и я с великой радостью приняла благословение Святителя.

После этого я стала чаще посещать Никольский собор, приступать к исповеди и причастию.

Какое же это великое счастье и богатство — не только верить в Бога, но и принадлежать к Его Церкви! И как долго я была лишена этого — то по своим собственным сомнениям, то по обстоятельствам жизни в заключении! Теперь я обрела то, чего жаждала моя душа. Но мне очень хотелось иметь постоянного духовного отца, и об этом я хотела посоветоваться с Владыкой.

...В 1948 г. мне удалось наконец впервые побеседовать с Владыкой. Это было в понедельник 3 сентября. Я взяла однодневный отпуск с работы ради того, чтобы помочь присоединиться к Православию

одной уже взрослой лютеранке. А для этого, как мне сказал в храме священник, необходимо было лично повидать архиерея и получить его благословение.

Мы поехали с Аней в Епархиальное управление, и после недолгого ожидания меня пригласили к Владыке. С первых же слов я почувствовала, что говорить с ним очень легко. Он обрадовался желанию девушки присоединиться к Православию, подробно стал расспрашивать о ней и выразил желание видеть ее лично. Тогда я сказала, что у меня есть к нему еще и свое дело, имея в виду желание иметь духовника. Он одобрил его, сказав, что это так же полезно, как иметь постоянного врача телесного. Я была скромно одета, голова покрыта косынкой, и мне казалось, что ничто не обнаруживало во мне научного работника. Однако Владыка поднял на меня свой спокойный взор и сказал:

— Из всех наших священников я могу рекомендовать вам только архимандрита Исаакия, другие вас не удовлетворят. Он служит в Казанской церкви. И девицу вашу (Анна, говорите, ее зовут?) он в Православие переводить будет, это дело ему хорошо знакомо.

Тут мне пришло в голову, что и сама-то я много лет находилась вне Церкви, так как не причащалась Святых Христовых Таин. Сказала об этом Владыке, а поскольку весь его вид располагал к откровенности, то добавила:

— Вот я самочинно решилась ходить в эту церковь, без благословения своего духовника, и это меня тяготит.

С большим сочувствием и успокоительно Владыка ответил:

— А, может быть, он и сам теперь уже присоединился к Церкви, — и посмотрел на меня, как уже на старую свою знакомую.

— Теперь пусть войдет ко мне ваша Анна. Восприемницей, наверное, вы будете? А я, когда побеседую с ней, пошлю кого-нибудь к архимандриту Исаакию (он здесь недалеко живет) предупредить его, что вы обе зайдете сегодня к нему по этому делу.

Я приняла благословение и вышла в сенцы, где уже заждалась меня моя спутница. Аня пошла к Владыке, и теперь настала моя очередь ждать, так как пробыла она у него еще дольше, чем я.

От Владыки Анна вышла сияющая от радости. Затем вышел и Владыка, закончив свой прием, и предложил подождать нам в садике, пока придет архимандрит Исаакий, которого не оказалось дома.

Мы долго сидели в садике и наблюдали, как ласково, с отеческой любовью разговаривал Владыка с пришедшими к нему молодыми людьми, желавшими поступать в Духовную Семинарию. Тут же и варили ладан.

Владыка в своей белой рясе, с белоснежными прядями волос и сказочного вида бородой, в саду среди цветов, благостный, улыбающийся казался пришедшим совсем из другого века, из древней старины, когда не было ни трамваев, ни самолетов, ни изучения стратосферы... Я боялась, что моя спутница не выдержит долгого ожидания и убежит домой, но она мне призналась позднее, что забыла обо всем на свете, так ей было сладко и уютно в атмосфере тишины, покоя и доброжелательства.

Наконец нам сообщили, что пришел архимандрит Исаакий. Когда мы обе вошли в приемную Владыки, там на кушетке, откинувшись на спинку, полулежал монах, как мне показалось, с суровым и скорбным лицом. Вероятно, он очень устал оттого, что много ходил сегодня пешком, исполняя требы.

Поразила меня глубокая морщина у него на лбу. Стало немного страшно...

Вошедший Владыка познакомил нас и рассказал о цели нашего посещения. Отец Исаакий оживился, заговорил, улыбнулся, и все лицо его осветилось от этой доброй улыбки и совершенно изменилось. Он предложил Ане написать заявление на имя архиепископа о своем желании перейти в Православие. Владыка предоставил нам для этого свой письменный стол и вышел. Когда через несколько минут он вернулся, отец Исаакий сам уже писал заявление, убедившись, что даже под диктовку Анне не удастся написать достаточно правильно малознакомые ей слова.

— Мы тут запутались в высоких титулах... — с улыбкой пояснил он Владыке. Какой-то особый мир царил в этой комнате, и чувствовалось в отношениях между этими двумя высокими духовными лицами и большое взаимное уважение, и братская простота, и нежная друг ко другу любовь.

Условившись с отцом Исаакием о времени встречи, мы вышли из домика епархии как бы из другого мира, радостные, освеженные, успокоенные.

В ближайшее посещение архимандрита Исаакия, во время которого он разъяснял моей будущей крестнице разницу между лютеранским и православным исповеданиями, мы узнали от него, что Владыка выразил желание тоже быть восприемником Ани.

В назначенный день и час мы обе были у отца Исаакия, и он повел нас кратчайшим от своего дома путем, по тропинкам и оврагам, к Казанской церкви. В этот будний день службы там не было. Вскоре приехал Владыка, которого встречали тихо, без звона.

Мы приняли благословение и встали на указанные нам о. Исаакием местах, недалеко от входных дверей: Аня — впереди, Владыка со свечой сзади нее справа, я — слева. Выученный заранее чин-диалог отречения от заблуждений лютеранства и принятия Православного вероисповедания прошел благополучно, без особых запинок. Архимандрит Исаакий был в мантии, строгий, торжественный.

После совершения Таинств миропомазания и причащения Святых Таин, что совершал о. Исаакий уже на амвоне, он поставил Аню лицом к народу, понемногу просочившемуся в храм, и пригласил всех присутствующих подойти и поздравить ее.

Затем Владыка подвел Аню к иконе Казанской Божией Матери и со слезами на глазах сказал, что поручает ее покровительству и заступничеству Царицы Небесной, к Которой и должна она обращаться за помощью в скорбях и болезнях.

Растроганная Аня опустилась на колени пред иконой. Владыка так благостно смотрел на нее, что Аня, поднявшись с колен, в порыве благодарности и радости потянулась к нему и, как дитя, чмокнула его в щеку... Видевшие это бабушки весьма смутились, а Владыка улыбнулся, но ничего не сказал.

Таковы были мои первые впечатления от Владыки.

1952 год

...Запомнилось еще одно посещение Владыки в середине августа 1952 г. Поводом к нему послужила просьба моей 16-летней крестницы Музочки, проводившей это лето в Алма-Ате и много слышавшей о доступности и о благости Владыки: ей очень хотелось увидеть его в домашней обстановке.

Когда мы пришли, Владыка с Верой Афанасьевной пили чай на терраске. Посадили и нас.

Владыка стал задавать Музочке вопросы, но, заметив ее застенчивость, перевел разговор на предстоящий отъезд архимандрита Исаакия в Казань. Сказал, что он давно уже замечает переутомление о. Исаакия и считает необходимым дать ему отпуск. А где ему лучше отдыхать, как не в Казани, около горячо любимого «братика», Владыки Сергия?

Я сказала, что просила разрешения моего духовного отца (архим. Исаакия) во время его отсутствия съездить в Москву, куда меня давно уже зовут друзья, и что он не возражает даже против того, чтобы до Москвы нам лететь с ним вместе самолетом.

Владыка очень одобрил такой план.

По этому поводу Владыка стал рассказывать о тех полетах, которые он сам совершал.

— Мне пришлось однажды даже управлять самолетом. Летчик посадил меня на свое место и объяснил: «Смотрите на эти приборы, и если стрелка отклоняется вправо, вы и руль поворачивайте вправо, а если стрелка идет влево, вы и рулем туда же двигайте». Я так и делал, и несколько минут вел самолет.

А один раз была большая неприятность, и мы вынуждены были сесть не на аэродром, а в какое-то болото. Потом пригнали туда лошадей с повозками, и всех нас доставили из леса на аэродром. Меня даже в первую повозку посадили — считали, что по моим молитвам Бог избавил нас всех от большой опасности. Но это было всего один раз, а вообще летать очень приятно и совсем не страшно.

Потом мы стали прощаться и Владыка спустился со ступенек крыльца во дворик нас проводить.

Билет на самолет мне достали на 20 августа, и по молитвам Владыки, поездка была исключительно удачной: я имела радость познакомиться в Казани с другим благостным Архиереем — архиепископом Сергием, затем поехать поездом в Москву, пожить у друзей и снова вернуться в Казань, чтобы по желанию Владыки Сергия сопровождать архимандрита Исаакия в его обратном путешествии в Алма-Ату.

К празднику Рождества Богородицы мы уже были дома. Здесь узнали мы, что Владыка накануне уехал в Семипалатинск до праздника Покрова, чтобы там отдохнуть.

После нашего возвращения «завхоз» мой Нюрочка тоже пожелала отдохнуть. В Семипалатинске у нее была двоюродная сестра, которую она не видела уже 6 лет. Но думаю, что она не особенно стремилась бы к ней, если бы не было там Владыки, узнав которого, трудно было не скучать по нему и не тянуться к нему душой.

И вот наш Медвежонок (как ласково прозвали друзья Нюру за ее неуклюжесть) 26 сентября наконец «отчалил» от вокзала Алма-Ата II, проливая слезы и уверяя меня, что если бы не Владыка, то ни за что не оставила бы меня одну. За время своего пребывания там прислала она три письма, из которых стало ясно, что возвращаться она будет вместе с Владыкой. Наконец в Епархиальном управлении была получена телеграмма, извещавшая о том, что в ночь на 8 октября (на день преп. Сергия) они выезжают из Семипалатинска.

В день прихода поезда я поджидала Нюрочку дома, но по приезде их сразу отвезли к Владыке домой, где сперва отслужили краткий молебен для возвратившихся из путешествия, а потом завтракали с отцом Анатолием. Пили даже вино (что у Вла-

дыки бывает крайне редко), разливать которое поручили Нюре.

Владыка за завтраком рассказывал, как полезна была ему Нюра, какие у нее приятные и внимательные родные, доставшие ему заранее билеты, и предложил ей самой рассказать о своих впечатлениях. Она сказала, что ее поразила холодность семипалатинского духовенства. Тогда как нищая на паперти вся затряслась от волнения и радости, что идет давно не бывавший в их городе Архиерей — батюшки совершенно равнодушно относились к его появлению и не устраивали ему такой торжественной встречи, какие бывают обычно в Алма-Ате. Владыка рассмеялся и сказал, что это верно.

Ободренная и обласканная вниманием Владыки и Веры Афанасьевны, Нюра целый день была, как именинница, и, чувствуя себя героем дня, попорядку рассказывала нам о пребывании Владыки в Семипалатинске. Куда девалась нескладность ее речи, неуклюжесть и малограмотность! Мы живо могли себе представить Владыку в той обстановке и угадать, что многое для его любящего сердца было там и горестно, и неприемлемо. Выносят, например, из алтаря Святые Дары. И ни один человек не делает поклона. Владыка объясняет, что все должны пасть ниц перед Святыми Дарами.

Стоит он на амвоне с иконой свв. мучениц Веры, Надежды, Любви и Софьи, чтобы благословлять ею каждого подходящего ко Кресту, приложиться к которому дает настоятель, и некоторые совсем минуют это благословение, другие же идут навстречу потоку. Идет ли Владыка к выходу — едва расступается народ, совсем не так, как у нас, когда с такой любовью и вниманием ждут почти все, пока Владыка выйдет и сядет в машину. Некоторые там даже

считают, что архиепископ Николай «не их Владыка...» В архиерейском доме бывало нетоплено, Владыка стал кашлять. Так как Нюра остановилась у своих родных, живущих далеко от храма, то иногда, чтобы успеть утром на Литургию, она, по благословению Владыки, ночевала в непротопленном архиерейском доме, где дрогла от холода и слышала, как Святитель кашлял всю ночь в соседней комнате.

Обратно ехали очень хорошо, только Нюра, покупая рыбу на одной из станций, чуть не отстала от поезда. Вскочила уже на ходу в последний вагон. Когда вошла в купе, Владыка ласково и весело сказал ей:

— А я хотел бы, чтобы ты осталась!

Когда же я пришла на другой день проведать Владыку, он сказал мне:

— Чуть не осталась Нюра на станции, я очень испугался!

Я подумала при этих словах: «Какая выдержка! Вместо укора или выговора за неосторожность — веселая шутка. Вот у кого надо поучиться самообладанию!»

Очень нам было приятно, когда Нюра показала небольшой пучок серебристых волосков Владыки, которые она, обчищая его рясу, собрала как святыню и привезла домой. Все мы их поцеловали.

1953 год

...18 января с утра меня очень тянуло к Владыке. Но я недавно была у него, и сейчас не могла придумать повода, чтобы навестить его. Наконец вспомнила, что уже больше года находится у меня его книга «Толкование на Деяния и Апокалипсис» Барсова, и решила ему ее отнести. Приезжаю, Шура с веселым видом распахивает дверь, и еще в передней я

слышу необычное оживление и веселый разговор в столовой. Вера Афанасьевна выходит ко мне и с напускной суровостью шутя спрашивает:

— Скажи, ты зачем пришла?! Знаешь, верно, что Владыка кофей пьет?

— Я книгу принесла, — отвечаю.

— Нет, не из-за книги ты пришла, а кофей пить!

Вхожу в столовую, все действительно пьют кофе, а медсестра Александра мне поясняет:

— Владыка сегодня с утра велел сварить такой кофе, чтобы запах его был слышен на улице Никитина (где я и жила).

Как будто он почувствовал мое стремление к нему и заочно благословил мой путь к себе.

Болезни

...Когда я пришла к Владыке в намеченный день и принесла составленные по его просьбе письма, он неважно себя чувствовал, и меня к нему не допустили, тем более, что предстояло освящение воды в Крещенский сочельник и в самое Крещение, и Владыке необходимо было поберечь свои силы.

Затем, простудившись на водоосвящении, Владыка получил бронхит и слег в постель, так что две недели я его не видала.

Наконец в день своего Ангела, 27 января, я собралась к нему, надеясь, что в такой день пропустят хотя бы принять благословение. Поехала сразу после обедни, причастившись Святых Таин. Владыка уже позавтракал и сидел на постели, спустив ноги. Перед ним стоял небольшой столик с письменными принадлежностями, и он с видимым усилием писал телеграмму какой-то имениннице в Москву.

Вид у Владыки был неважный: он показался мне осунувшимся и потемневшим с лица. Но когда он окончил писание и Вера Афанасьевна подняла ему ноги на кровать, то, немного отдохнув, стал выглядеть получше. Сказал, что в воскресенье хочет приобщаться Святых Таин, а в субботу позовет нескольких певчих почитать и попеть во время Всенощной. Я поняла, что и мне можно будет прийти к нему помолиться.

Подъехала к домику машина, и Вера Афанасьевна вошла предупредить, что приехал отец Анатолий. Столик с письмами был отставлен в сторону, в комнату вошел о. Анатолий.

— Именинница сегодня, — показывая на меня, ласково сказал Владыка.

— Знаю, знаю! — ответил тот, благословляя меня.

Я не садилась, стоя около своего стула. О. Анатолий прошел к письменному столу и без приглашения сел в кресло Владыки. Владыка показал мне на стул, приглашая сесть.

— Я ненадолго, — сказал начальник канцелярии.

Не желая мешать их деловому разговору, я спросила разрешения идти домой.

— Хорошо, но приходите в пятницу помочь мне написать несколько писем под диктовку, так строчек по пять-шесть! — смиренно попросил Владыка и как будто робко взглянул на о. Анатолия.

«Ну, — думаю, — ничего из этого дела у нас в пятницу не получится: о. Анатолий даст распоряжение Вере Афанасьевне не пропускать меня, чтобы не утомлять Владыку».

Так оно и вышло. В пятницу Владыка «спал», хотя время для сна было неподходящее. Я все же набралась дерзости и спрашиваю Веру Афанасьевну, мож-

но ли прийти в субботу вечером, что Владыка позволил.

— Ну ладно, приходи к пяти часам, да никому не говори только!

В субботу, 31 января, я поехала к Владыке задолго до начала Всенощной, которую должны служить в его доме. Никто об этом не знал, даже очень близкие к нему люди.

Я потихоньку поплелась от трамвайной остановки к дому Владыки. Какая-то прихожанка собора, встретившаяся мне по дороге, расцеловала меня и с удивлением посмотрела, что я иду не к трамваю, чтобы ехать в церковь, а в обратном направлении. Встретилась Стеша (домработница о. Исаакия) с ведрами:

— Вы к нам?

— Нет, — говорю.

— К Владыке, значит?

— Да, зайду на минутку, узнать о здоровье.

— А здоровы ли Вы сами — что так тихо идете?

Я промолчала, а про себя думаю: как же мне быстро идти, если полчаса времени девать некуда? Двигаюсь по-черепашьи дальше. Нагоняет меня квартирная хозяйка о. Исаакия.

— Вы не к Владыке? Пойдемте вместе!

Вижу, что скрывать уже нельзя, в одно место идем.

Подошли к калитке, а от остановки навстречу нам торопятся певчие, три Марии (наверное, нарочно так Владыка выбрал их из любви своей к троичному числу). Вошли все вместе. Сели в столовой.

Слышим, Владыка командует: «Дай мне мантию и скуфеечку!» Значит, встал с постели. Через несколько минут вышел в столовую. Все приняли благословение, поклонившись ему в ноги.

— А вы у нас басом будете сегодня петь — у нас баса не хватает! — шутит Владыка, обращаясь ко мне.

Вошли в его келью. Вера Афанасьевна зажгла свечи у большой иконы Святителя Николая, принесла кадило. И началась Всенощная, которую служил сам Владыка, еле стоя на своих слабеньких ногах. Голос его вначале был очень слабым, но чем дальше, тем все больше креп, и к концу службы стал звучным и уверенным.

Во время шестопсалмия и в некоторые другие моменты службы Владыка садился на стул. Пели и «Покаяния отверзи ми двери», и «На реках Вавилонских», и «Объятия Отча». Временами я переносилась мыслью в наш Никольский собор с его прекрасным хором, с тысячной толпой богомольцев, с проникновенным служением архимандрита Исаакия, и как бы сравнивала между собой эти две Всенощные. И было что-то такое умилительное в этом тихом служении нашего больного Святителя у себя в келье, в слезах его (может быть, струившихся от того, что не мог он быть в храме вместе со своей паствой и слушать любимые им великопостные песнопения в исполнении соборного хора, а вынужден был довольствоваться скромным пением трех второсортных певчих), что я радовалась тому, что пришлось и мне разделить с любимым Владыкой эту скорбь его. С каким-то особенным выражением произносил Владыка некоторые возгласы, читал Евангелие, и легко, от всей души неслась наша молитва к Богу о даровании ему сил и здоровья.

Все мы приложились к перламутровой Иерусалимской иконе Воскресения, лежавшей на большом Евангелии, и приняли благословение. По окончании

Всенощной Вера Афанасьевна распорядилась, чтобы в столовой накрывали к чаю.

Последний год

...Наконец в субботу 11 июня, в канун дня Ангела архимандрита Исаакия, я попала к Владыке. Когда я пришла, он еще читал утренние молитвы, сидя в саду. Владыка посадил меня рядом с собой и велел вслух дочитывать ему молитвы, а затем еще почитать акафист Пресвятой Богородице. Он прерывал чтение, спрашивая, как я понимаю то или другое выражение акафиста.

Если Владыка был величествен и могуч в храме, то дома он был обаятельно прост, миролюбив, смирен. И тут и там, произнося свои слова обдуманно и мудро, он производил впечатление тонко воспитанного человека и, несмотря на преклонный возраст, вполне владеющего собой.

Потом, сидя на терраске, Владыка с огорчением рассказывал об иподиаконе Георгии, который настойчиво требует рукоположения во диакона. Между тем, Апостол Павел пишет: «Скоро руки не возлагай ни на кого». И венчался Георгий с нашей певчей Тамарой, не спросив на то благословения Владыки. Говорил об этом Владыка со слезами на глазах.

Много и других огорчений оказалось в то время у Владыки, о которых он откровенно поведал мне. Мне показалось, что значительная часть их не имела реальной причины, а возникли они в результате сплетен и клеветы, которые, к сожалению, имели доступ в его домик через Веру Афанасьевну. Было мне это слышать очень грустно и тяжело, особенно при сознании своего бессилия.

Потом речь зашла о том, что после именин архимандрита Исаакия Владыка будет отдыхать у себя дома, а на субботу и воскресенье уезжать в Каскелен, чтобы переменить обстановку и послужить там в сельском храме. В этом будет заключаться его «отпуск», а в августе он даст отпуск и архимандриту Исаакию.

Позвонили по телефону из епархии, приглашая Владыку к завтраку. Отправились пешком, так как расстояние от квартиры Владыки до помещения Епархиального управления не превышает двух кварталов. Там был сперва краткий молебен, а затем очень основательный завтрак. Архимандрит Исаакий как обычно рассказал что-то очень интересное; присутствовал весь состав сотрудников Епархии до сторожа включительно. Было уютно и задушевно.

Следующая встреча с Владыкой была в субботу 2 июля. Я приехала в Каскелен, чтобы помолиться с отдыхавшим там Владыкой, надеясь переночевать в доме диакона. Но оказалось, что в этом доме разместился и сам Владыка. Вера Афанасьевна велела мне войти взять благословение у Владыки, который отдыхал в спальне на большой деревенской кровати. В углу висели иконы, в комнате стоял некрашеный стол и две табуретки. Владыка благословил меня, не вставая, и велел сесть рядом на табуретку. Разговор зашел о крестнице его Лидочке, которая недавно зарегистрировалась в Питере с одним молодым человеком, за которого так не хотел выдавать ее Владыка. Вера Афанасьевна вмешалась в разговор и заявила, что венчаться они не будут. Но Владыка был другого мнения. «Теперь пост, все равно не венчают, а зарегистрироваться надо заранее. Повенчаются...» — выгораживал Владыка свою люби-

мицу-хохотушку. Он оказался прав — вскоре они повенчались.

Затем говорили об отпуске архимандрит Исаакия.

— Он хочет поехать в Киев, где никогда еще не бывал, а может быть, и в Казань — поклониться могилке друга своего, владыки Сергия. А мне тогда придется потрудиться побольше — я буду его замещать по собору, бывать на всех наших акафистах...

— Да уж вы не утомляйтесь, Владыка, были бы вы здоровы, а с нами помолиться и раз в неделю хорошо! — говорю я ему, — а если поедет отец Исаакий в Киев, это доставит ему много радости. Дорога, правда, длинная, но если ехать в международном вагоне, то можно даже отдохнуть, а не утомиться.

— Ну вот, и поезжайте, поезжайте с ним! — неожиданно высказал Владыка мое заветное желание.

Вскоре пришел диакон, и всех нас пригласили к обеду. После обеда все пошли ко Всенощной.

Владыка довольно бодро шел пешком, опираясь на свой посох, по песчаной лесной дорожке. За Всенощной говорил слово. Вернулись в дом диакона, где уже был приготовлен чай на свежем воздухе. Тем временем подъехали из города новые богомолки — лечащий его врач Нина Алексеевна и мать с двумя молодыми дочерьми, которые должны были исповедаться у Владыки и завтра причаститься, по какимто соображениям остерегаясь сделать это в соборе в Алма-Ате.

За чаем мать спросила Владыку, как ей бороться с посторонними мыслями в храме? Иной раз привяжется какая-то неотступная, ненужная и даже глупая мысль, которая, как назойливая муха, мешает сосредоточиться на молитве. Владыка рассмеялся и сказал, что это — «от вражонка». Бороться с этим можно, стараясь не глядеть по сторонам, а выбрать

8 Зак. 27082

себе какую-нибудь точку — свечку или лампадку около иконы, и только на нее и смотреть, когда молишься. А в молитве подняться выше всех житейских забот, как бы оставив землю далеко внизу.

— Можно закрыть глаза, но тогда соседки подумают, что вы спите, начнут толкать в бока и развлекут еще больше, — не без юмора закончил Владыка.

После чая все вместе читали правило ко Причащению и вечерние молитвы. После этого Владыка сам исповедовал своих близких и приезжих гостей.

На другой день утром опять была общая молитва до Литургии. Во время Литургии Владыка два раза говорил слово и сам всех причащал. Так проводил он свой «отдых», уже тяжело больной, за месяц до того, как слег окончательно.

После Литургии снова обедали у диакона, а затем Владыка еще отслужил в храме вечерню и произнес очень длинную проповедь, прощаясь с каскеленскими прихожанами до их престольного праздника Архистратига Михаила, до которого, однако, не суждено было ему дожить... Эта проповедь была последней, которую удалось мне записать.

Вскоре выяснилось, что мой духовный отец архимандрит Исаакий, к великой моей радости, решил взять меня с собою в путешествие по святым местам. Готово было исполниться благословение Владыки: «Поезжайте, поезжайте с ним!» — оброненное им в Каскелене. Я была совершенно уверена в согласии на это Владыки, а так как он недомогал, то и не стала беспокоить его своим посещением, предполагая сообщить ему эту новость перед самым отъездом, который назначен был на Ольгин день, 24 июля.

19 июля утром, после Литургии, Владыка освящал в храме киот для новой иконы — святителя

Иоанна Тобольского с частицей его мощей, что было прислано в дар нашему собору из Тобольска, а затем читал акафист ему. Подходя к Владыке для елеопомазания, я была поражена его недовольным видом.

— Едешь? — спросил он меня, впервые обратясь на «ты».

— Да, Владыка!

— Бери благословение у Святителя! — показал он глазами на икону Митрополита Иоанна, к которой я только что приложилась.

— Уже взяла, — ответила я, не совсем еще осознавая, что Владыка обижен до такой степени, что даже не хочет сам благословить меня на дорогу, а отправляет к митрополиту Иоанну.

— А почему мне не сказала об этом?!

— Простите, Владыка, как раз хотела сейчас спросить Вас, когда можно прийти проститься?

— Раньше надо было сказать!

Я поняла, что Владыка чем-то очень расстроен. Придя домой, написала ему письмо с просьбой простить меня Христа ради, напомнила нашу беседу в Каскелене и его слова: «Поезжайте, поезжайте с ним!» — которые он, очевидно, забыл. Письмо бросила в почтовый ящик у ворот Владыки, не заходя во двор.

Через два дня решилась поехать к нему после Литургии. Он завтракал с Верой Афанасьевной в маленькой кухоньке-прихожей. Оба были приветливы. Усадили сейчас же и меня завтракать. Спросила я Владыку, получил ли он мое письмо.

— Спаси вас, Господи! — с умилением отвечал Владыка. — Да я, собственно, и не на вас обиделся, а на то, что вообще ничего не знаю. Все «секреты» какие-то, а это только дает повод к неверным слу-

хам. Такие вы все «секретари»! — уже добродушно проворчал Владыка.

Тут вмешалась Вера Афанасьевна:

— Говорят, что Вы только для виду поедете с о. Исаакием до Москвы, а там заменит вас другое лицо, помоложе.

Владыка оборвал ее, сказав, что это сплетня.

— Ну, ну, все же расскажите, как же это произошло, что вы едете? — с большим интересом и живостью стал расспрашивать Владыка, видимо, очень довольный этим обстоятельством. Вкратце я ему все рассказала.

— А все же вы — храбрый человек, не испугались такого далекого пути. Пойдемте, помолимся теперь! — и отслужил мне дорогой Владыка полный напутственный молебен в своей келье перед большой иконой Святителя Николая, окропил святой водой и благословил большой просфорой, сказав при этом:

— Вы ее не кушайте, а берегите в пути туда и обратно, это — мое вам благословение!

Долго берегла я эту последнюю просфору, подаренную Владыкой...

В воскресенье 24 июля после Литургии был отслужен в соборе напутственный молебен для архимандрита Исаакия. За молебном и Владыка, и о. Исаакий сильно плакали.

После вечерни мы отправились на вокзал и благополучно выехали из Алма-Аты в Москву и далее на Киев и Почаев. В Почаевской лавре, куда мы благополучно прибыли, предполагался отдых о. архимандрита Исаакия, но эти планы были внезапно нарушены полученным в день Преображения известием о тяжелой болезни нашего Владыки. 20 августа, помазывая меня елеем во время субботней Всенощной, отец Исаакий сказал:

— Дело плохо! Надо возвращаться.

В понедельник 29 августа мы вернулись в Алма-Ату и на присланной на вокзал соборной машине как были с дороги, со всеми вещами, поехали прямо к Владыке.

Встретивший нас о. Михаил из Покровской церкви рассказал, что Владыка очень ждал приезда архимандрит Исаакия, даже бредил этим, и что его поддерживали уколами и другими сильными средствами.

Подъехали к заветному домику. Во двор пропустили всех троих, а к Владыке позвали сперва только о. Исаакия.

Владыка сидел на постели и плакал от радости: «Сын мой, сын мой вернулся, и навсегда!» А отец Исаакий опустился на колени около кровати и от слез ничего не мог говорить.

Через некоторое время разрешили и мне войти к Владыке. К постели придвинули обеденный стол, и Владыка пожелал напоить путешественников чаем, даже пытаясь сам нас угощать. Отец Исаакий сидел близ него и потихоньку рассказывал о нашем паломничестве. Я сидела напротив и молчала.

— Так вот как много было у Вас интересных переживаний, — обратился ко мне Владыка еле слышным голосом, и, пододвинув блюдечко с маслинами, добавил, — Вы, кажется, их не особенно любите... Но привыкайте к монашескому кушанью!

Через день, 31 августа, я снова проникла к Владыке, на этот раз почти насильно. Я узнала в храме, что над ним будет совершено таинство соборования, но без присутствия посторонних, так как одного духовенства должно быть 7 человек, да певчие, да домашние, а потолки в доме низкие, и погода еще жаркая, так что больному очень трудно дышать.

И все же я постучалась в ворота и попросила пропустить меня в нижний полуподвальный этаж, где хорошо слышно пение из кельи Владыки, чтобы там помолиться при совершении таинства.

Когда началась служба, кто-то из домашних позвал меня на террасу, где я и молилась не только во время елеосвящения, но и всю Всенощную, которую затем служил архимандрит Исаакий. Во время Всенощной после чтения Евангелия все присутствующие подходили под благословение к Владыке и поздравляли его с совершившимся над ним таинством. Он сидел умиленный на кровати, свесив ноги. Я сказала ему то, что чувствовала — что здоровье его теперь будет лучше, и он взглядом и улыбкой поблагодарил меня. Действительно, в ближайшие дни он чувствовал себя гораздо бодрее.

Однако 7 сентября Александра Андреевна пришла к нам очень расстроенная и рассказала, что ночью у Владыки был тяжелый сердечный приступ. Причину этого она видит в том, что накануне Владыка вставал с постели и принимал у себя епископа Ташкентского Ермогена. Деловая беседа затянулась у них на целых три часа, чего по состоянию здоровья Владыки делать было нельзя. С этого дня его состояние пошло на ухудшение.

Тоска моя по Владыке и желание видеть его достигли предела, когда наконец во вторник 20 сентября архимандрит Исаакий неожиданно после акафиста св. великомученице Варваре увез меня к нему. Оказывается, Вере Афанасьевне пришло в голову пригласить меня, чтобы написать письма сестрам Владыки, по его желанию.

Владыка сильно ослаб за те три недели, что я его не видела, но был еще в полной памяти. Гово-

рил он неразборчиво, так что мне без привычки было трудно понять его. Отец Исаакий скоро уехал, а я осталась и пробыла около Владыки 6 с половиной часов. Писание сестрам было пока отложено из-за слабости его состояния, и я могла быть только полезна тем, что отгоняла мух по поручению Веры Афанасьевны. Нечего говорить, что и это было мне в радость. Но когда Владыка попытался поговорить со мной и задал вопрос: «Что поведаете мне доброго о своем житии?» — то Вера Афанасьевна внушительным пинком в спину дала мне понять, что беседа сегодня отменяется.

Это был праздник Рождества Богородицы. Я приехала к Владыке еще до 9 часов и узнала, что ночью с ним был очень тяжелый приступ и сейчас он находится в тяжелом забытьи. Меня попросили поскорее сообщить об этом о. Исаакию, пока он не уехал в храм служить Литургию. Он поручил мне передать, чтобы Владыку не будили и ничем не кормили, пока он не приедет после Литургии со Святыми Дарами.

Когда мы вернулись после Литургии, Владыка все еще спал. «Не просыпался еще!» — развела руками Вера Афанасьевна. Мы сели около постели, и отец Исаакий сказал:

— Я никуда не тороплюсь и могу ждать, сколько угодно, пока Владыка сам собою не проснется. Не тревожьте его!

Но непослушная Вера Афанасьевна сейчас же стала окликать и даже тормошить Владыку:

— Владыка, а Владыка! К Вам отец Исаакий приехал со Святыми Дарами. Причаститься надо! Просыпайтесь!

Но это мало помогало и, видимо, только тяготило полупроснувшегося Владыку. О. Исаакий уже

не вмешивался, чтобы не вышло крупной неприятности. Наконец Владыка как будто проснулся, узнал о. Исаакия, улыбнулся ему и хотел даже пошутить. Спустили с постели его ноги, за спину положили подушку, спереди поставили небольшой столик, о который он мог бы упираться руками. О. Исаакий совсем уже приготовился причастить его... но Владыка вдруг опустил свою белоснежную голову на руки, опиравшиеся на столик, и снова крепко заснул...

Вера Афанасьевна опять начала резко будить его и давать советы о. Исаакию, как причастить Владыку. О. Исаакий наконец вышел из терпения и попросил всех удалиться из комнаты и оставить его одного с Владыкой. В помощь себе попросил остаться врача Александру Андреевну. Но Вера Афанасьевна выпроводила ее за дверь и осталась сама.

Через несколько минут дверь открылась, и о. Исаакий сообщил, что Владыку причастил и теперь надо напоить его чаем. Мы вошли поздравить Владыку, затем наскоро пообедали на терраске и почти все разошлись.

В пятницу 7 октября я собралась с духом и поехала к Владыке к 5 часам в надежде на то, что по случаю дня преп. Сергия у него будет служиться Всенощная. Со мной к воротам подошли 2–3 монахини. Нас пропустили во дворик и там велели подождать, пока уедет врач-гомеопат, который последнее время лечил Владыку.

Затем была Всенощная, которую служил о. Анатолий, обещавший завтра отслужить в келье Владыки и Литургию. Ввиду этого меня оставили там ночевать. Да и Владыка был так слаб, что врачи ожидали конца с часу на час. Врачей было двое: Нина Алексеевна и Александра Андреевна, которые дремали до

полночи на большой кровати, стоявшей в столовой. На этой же кровати положили и меня. Но заснуть я не смогла ни на минуту: новизна обстановки, сознание, что я нахожусь так близко от Владыки, его бред и стоны, страх и горесть перед предстоящей разлукой с ним сделали эту ночь и для меня мучительной.

Пока сидела около Владыки Нина Алексеевна, он метался и бредил. Когда сменила ее Александра Андреевна, он затих и успокоился. Но тут помешала ему заснуть Вера Афанасьевна, пожелавшая устроить ему купанье в 2 часа ночи. После этого он, конечно, потерял сон окончательно.

В 5 часов все мы уже поднялись. Одна из монахинь читала Владыке утренние молитвы. С первым трамваем приехал о. Даниил, слепенький духовник Владыки, чтобы исповедовать его. Но Вера Афанасьевна решительно воспротивилась этому, сказав о. Даниилу, что Владыка очень слаб и исповедоваться не может. О. Даниил кротко выслушал это и отправился в собор исповедовать прихожан.

К 8 часам приехал о. Анатолий и стал готовиться к служению Литургии. В столовой пели и читали человек 5 монахинь. Владыка был в сознании и иногда даже давал возгласы слабым голосом. После причащения он окреп настолько, что после обеда попросил меня сесть около его постели и почитать ему вслух небольшие повести из Пролога.

Это была суббота, и около 5 часов в келье Владыки началась Всенощная, которая длилась, впрочем, не очень долго — много скорее, чем когда служил ее сам Владыка в прежние годы. Так закончился день преп. Сергия Радонежского, и я поехала домой с глубокой благодарностью в душе к Преподобному, который послал мне радость пробыть около Владыки больше суток.

В субботу 22 октября перед Всенощной я заехала к Владыке — опять не приняли, но узнала, что ему плохо, поехали за Зотовым, и Вера Афанасьевна спрашивала меня, куда делась Александра Андреевна. А она в ту ночь отсыпалась у нас после многих бессонных ночей, проведенных у постели Владыки.

Все воскресенье до вечерни я была в полном неведении, а после вечернего акафиста удалось узнать кое-что: утром было Владыке очень плохо; затем он причастился Святых Таин из рук архимандрита Исаакия и стал готовиться к смерти, отказываясь от еды и от лекарств.

В субботу, оказывается, побывали у него одновременно два врача — и Зотов, и гомеопат, и согласно пришли к выводу, что жить осталось Владыке не больше трех дней, о чем сообщили только Александре Андреевне и медсестре Александре. Меня поразило это известие, и большого труда стоило мне послушаться Александру Андреевну и не ехать сразу к Владыке, а отложить свое посещение до раннего утра следующего дня.

В 8 часов утра 24 октября я была там, когда заканчивалось чтение утренних молитв. Владыку уговорили выпить немного теплого молока и для этого посадили его на кровати. Меня он узнал и благословил. Слабым голосом попросил мандарин, но их в доме не было, да и в городе достать их в то время было невозможно.

Вскоре приехал гомеопат, изготовил какое-то лекарство и велел давать его Владыке через определенные промежутки времени.

Но вскоре у Владыки снова случился приступ с острой сердечной болью, такой, что он даже вскрикнул.

Заходила навестить его врач Александра Яковлевна, и он попросил ее подежурить у него в эту

ночь. Я бы тоже охотно подежурила там, но Вера Афанасьевна, как бы угадав мои мысли, довольно резко сказала: «Поезжай домой, сегодня здесь и так много народу». Конечно, в таких обстоятельствах обижаться не приходится, да и жаль было ее, начинавшую понимать надвигавшуюся грустную неизбежность...

Я подошла к Владыке пожелать ему спокойной ночи. Он задержал свою руку в моих, принимавших его благословение, крепко пожал их и долго не выпускал...

— Будешь сегодня дома ночевать?

И в этих словах как будто звучала мольба не покидать его в предсмертный час.

— Я утром с первым же трамваем приеду! — еле живая ответила я. Второй раз в жизни назвал меня Владыка на «ты» — тогда, перед поездкой в Почаев, обидевшись на меня, и теперь — перед разлукой (не хочется говорить «вечной», но, может быть, и очень длительной, до встречи — буду надеяться — за гробом).

На другой день я побоялась даже войти в квартиру Владыки, а попросила вызвать мне Александру Андреевну. Но мне сказали, что там читают акафист св. великомученице Варваре (был вторник, когда в соборе обычно читают этот акафист). Владыка лежал с закрытыми глазами и ничего не говорил.

После акафиста Александра Андреевна попросила меня не отлучаться весь день, так как с ночи появились хрипы, и вряд ли Владыка доживет до следующего дня, а ей и сестре Александре надо было с утра идти на работу.

Приехали к Владыке о. Исаакий с о. Анатолием. Пришлось им осторожно предупредить Веру Афа-

насьевну о близкой кончине и дать ей некоторые указания.

Владыка по-прежнему лежал с закрытыми глазами. О. Исаакий сказал мне, что лишнего народу не надо допускать к Владыке, оберегая покой его души, кормить тоже не следует, а читать ему акафисты, что он вообще очень любил. Вскоре в столовую проникло несколько монахинь. Мы стали читать акафист Святителю Николаю. Вера Афанасьевна зажгла свечи у большой иконы Святителя в келье Владыки и со слезами на глазах, присмиревшая и кроткая, молилась со всеми вместе. Почти все плакали. Владыка лежал по-прежнему с закрытыми глазами, но как будто улыбающийся и довольный.

Закончив, я поцеловала его руку, лежавшую на одеяле. Мне было досадно на свое бесчувствие: я точно окаменела, и не только не пролила ни одной слезинки, но была как будто во сне, и только сознание регистрировало происходящее, без участия сердца.

Потом читались и другие акафисты. Так прошло время до 4 часов, когда неожиданно появилась сестра Александра.

Вера Афанасьевна пожаловалась ей на то, что Владыке трудно дышать «из-за того, что у него заложен нос», и Александра мазью смазала ему ноздри, а проходя мимо меня, шепнула: «У него полный отек, и горло, и все опухло!»

— Горячего молока, Владыка, выпей-ка! — предложила Вера Афанасьевна, стоя около него с чашкой молока.

— Выдумала тоже, молока! Да он сразу захлебнется! — не выдержала Александра. Дыхание стало тяжелым.

— Отойдите все! Дайте воздуху Владыке! — скомандовала Александра.

Более послушные отступили, монахиня Анна, приехавшая к Владыке из Орла, начала читать канон на исход души. Зажгли свечу и дали ее в руку Владыке, Вера Афанасьевна ее придерживала. Певчая Мария слегка придерживала голову Владыки. С последними словами канона наклонившаяся над Владыкой сестра Александра произнесла:

— Все кончено!

Скончался Владыка тихо, будто уснул. Мне не верилось. Почему она знает, что все кончено?! Ведь сколько раз уже врачи предполагали близкий конец, а Владыка, бывало, через некоторое время приходит в себя и даже запоет: «С нами Бог!» Может, и теперь еще откроет глаза...

Комната тем временем наполнилась плачущими. Дав некоторую волю общим слезам, монахиня Анна велела всем положить по 12 поклонов и затем приложиться к Владыке.

В 6 часов началась первая панихида, которую служил архимандрит Исаакий с прочим духовенством. Владыка лежал на столе в полном архиерейском облачении, спокойный и прекрасный, с непокрытым еще лицом. Рыдания прерывали пение. После панихиды я поехала домой.

На другое утро я вышла из дому, когда не было еще 6 часов. Успела к утренней панихиде. Народ все прибывал, образовав огромную очередь и даже давку у дверей домика Владыки.

В половине четвертого пополудни состоялось перенесение тела в собор. Шествие было грандиозное, многие несли зажженные свечи, пели: «Святый Боже...» И далеко виднелся несомый на руках и ко-

лышущийся над головами огромной толпы гроб, и горел на солнце алмазный крестик митры.

В пятницу 28 октября было отпевание, которое совершал приехавший из Ташкента епископ Ермоген соборно с духовенством.

Шествие на кладбище было несравненно более грандиозным, чем из квартиры в собор. Владыку провожало около 40 тысяч человек, 30 священников, 5 диаконов во главе с Владыкой Ермогеном.

Гроб опускали в могилу, когда уже начало темнеть и светила луна. Настроение было приподнятое и от обилия народа, и от того почтения, которое оказывали процессии даже непричастные к Церкви люди.

«Радуйся, благая Вратарнице, двери райския верным отверзающая...» — звучал над засыпанной могилой припев к акафисту любимой Владыкой иконе Иверской, в канун дня празднования которой, под благовест к вечерне, он и скончался.

Мир праху твоему и Царствие Небесное светлой и любящей душе Твоей, незабываемый Владыка!

Валентина Павловна Хитайлова,
г. Елец

Однажды мой духовный отец архимандрит Исаакий уехал в отпуск по святым местам, а владыка Николай пригласил меня в свою виноградную беседку. Это было в 1946 году, я была тогда молодая и только начинала ходить в церковь. Владыка стал показывать мне церковные книги, объяснять устав богослужения, рассказывать о гласах в церковном пении. Я думаю: «Зачем он это мне говорит? Разве мне нужно это?»

Потом показал очень красиво от руки переписанный акафист. Я спрашиваю: «Неужели это от руки писали?» А он: «И ты так будешь».

Так Владыка предсказал, что я и переписчицей стану, и переплетчицей — церковные книги буду переписывать и переплетать. Потом и на клирос меня взяли, и всю жизнь я на клиросе читала и пела. А когда Владыка умер, в день его погребения я читала на клиросе третий час перед началом заупокойной Литургии.

Владыка сам часто с нами стоял на клиросе, он любил с левым хором петь раннюю обедню. Сам тон задавал. У него был бархатный баритон, очень мягкий, красивый. Когда Владыка пел, он пронизывал душу своим пением. Особенно в Великий пост — он выходил на кафедру и пел «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный...» — пел задушевно, тоскующе. Его голос лился по храму, стояла гробовая тишина, лишь слышно, как бряцают звонцы кадила и как люди плачут. И ты сама как будто невесомой делаешься, будто отлучаешься куда-то, словно нет тебя — такое было ощущение, такое состояние души.

А сам Владыка всегда плакал. Особенно видны были его слезы на бархатном постовом облачении при вечернем электрическом освещении — как жемчужные нитки блестели слезы на его саккосе. И что замечательно — если плачем мы, мы ни петь, ни читать при этом не можем. А Владыка плачет и ясным голосом подает возгласы. Отец Исаакий тоже был слезоточивый. Они вымаливали своими слезами такую благодать и с нами ею делились. А мы-то ведь не понимали тогда, что такая благодать бывает по их святым молитвам, мы-то думали, что так и должно быть.

Владыка никогда не смеялся так, чтобы были видны его зубы. Лишь только белая полоска, как ниточка. А глаза смеются! Глаза смеются, а рот закрыт.

А после службы выйдет, обопрется на свой посох и что-нибудь начинает говорить народу. А потом скажет: «Хотел бы я, когда приду ко Господу, сказать: Господи! Вот — я, а вот — моя паства!» И так он обращался к нам: «Други мои! Хотел бы я всегда быть с вами!»

А нам, конечно, надо благодарить Бога за то, что мы видели таких старцев, как митрополит Николай и архимандрит Исаакий. Но мы, как говорится, далеко не их ученики. Господи, помилуй нас и прости!

Еремина Валентина Даниловна,
г. Алма-Ата

В 1948 году моя бабушка впервые привела меня в Никольский собор. В соборе в то время служил владыка Николай, и помню, как на его богослужениях весь народ пел. Я тоже стала громко петь вместе с народом, а Владыка, услышав мое пение, поманил меня пальчиком и сказал регенту левого хора матушке Марии: «Вот девочка на твое попечение, учи ее, пусть она поет». Так с 14-ти лет я стала петь в хоре на левом клиросе.

Сам Владыка тоже пел и любил петь. Когда он читал в соборе акафисты, наш хор всегда стоял у него с левой руки, он сам задавал тон, и бывало, что припевы на акафисте и народ, и хор, и Владыка пели на 3–4 различных напева.

Владыка очень почитал Божию Матерь. В день празднования какой-либо Ее иконы в той части хра-

ма, где находилась эта икона, ставили кафедру и Владыка читал перед этой иконой акафист. Он читал акафисты абсолютно всем иконам Матери Божией: и «Владимирской», и «Всех скорбящих радости», и «Взысканию погибших», и «Иверской» — и все пел, пел, и пел. И с ним пел весь народ — был один огромный хор. Годы служения митрополита Николая — это были годы пения. Где бы мы ни собирались, куда бы мы ни шли и ни ехали — мы все пели и пели.

Вот, допустим, сегодня Владыка служит в соборе — собор переполнен, перекреститься невозможно. «Завтра, — объявляют, — Владыка служит в Казанском храме» — и вся эта масса людей завтра молится с Владыкой в Казанском храме. (Что в маленьком Казанском храме делается — передать невозможно, людей полный храм и полный двор). Так же и в Покровской церкви. А если Владыка ехал в Талгар на 9-ю пятницу[1] (Владыка очень чтил этот местный праздник), то и туда было целое паломничество. Чуть свет — в половине пятого утра — мы выходили из города и вереницей шли по дороге в Талгар и пели. Нас обгоняют казахи — на лошадях, на ослах, удивляются нашему шествию. А мы, пока идем 25 км до Талгара, перепоем все, что знаем, чему нас научил Владыка. К девяти часам утра мы приходили в талгарскую церковь и по окончании Литургии снова пешком возвращались в Алма-Ату. С пением мы дороги не замечали, было такое вдохновение, что и дальний путь был нам в радость.

На Пасху, на Рождество торжества в соборе были особые. На Пасху приходило столько народа,

---

[1] Местночтимый праздник, установленный в 80-е годы прошлого столетия в память об избавлении местности от саранчи по молитвам к мученице Параскеве в 9-ю пятницу по Пасхе.

что после крестного хода Пасхальную утреню и Литургию служили одновременно в трех местах — в Центральном приделе собора, в нижнем Успенском храме и на улице на крещатике. Обычно на второй день праздника на праздничное поздравление в собор приезжали хоры из Казанской и Покровской церквей. Они размещались на правом и левом клиросе, а соборный хор — наверху. И вот начиналось пение. Сначала соборный хор поет тропарь или ирмос, затем этот же тропарь, но в композиторской обработке, поет хор Казанской церкви, и после него покровский хор поет тот же тропарь, но уже на другую мелодию. Так в перекличку проходило славление.

В эти праздники все ходили друг к другу в гости, к духовенству ходили, а уж к Владыке ходили обязательно. Ходили хоры, славили Христа, потом группами ходили прихожане, и дети — группа девочек, группа мальчиков. Владыка очень радовался, когда к нему приходили в праздники, двери его дома были открыты для всех. У него не было пышных застольев — простой стол, простая обстановка. Но все были им обласканы, согреты его любовью.

Владыка был необыкновенной доброты. Когда он выходил из своего дома, детвора сбегалась к нему с криком: «Дедушка Мороз вышел!» А он гладил детей по головкам, конфеты раздавал, спрашивал об учебе. Он не мог обидеть даже мухи. Запомнилось мне, как однажды во время обеда в его доме нам докучали мухи и мать Вера стала бить их полотенцем. «Матушка, — говорит Владыка, — ну что ты делаешь, успокойся!» Потер арбузом краешек стола, посыпал туда сахарного песку, и все мухи, как сговорившись, туда слетелись. «Ну вот видишь, — сказал он, — и мы кушаем, и они».

Владыка имел любовь ко всем, и у всех была общая любовь к нему. За его доброту, за молитвенность его любил весь народ. Он молился слезно и когда говорил проповеди — особенно в Страстную седмицу, — плакал сам и с ним все плакали. Он обращался к нам: «Други мои!» Он говорил, что не оставит нас и после смерти.

Последние годы Владыка часто болел, но и тогда стремился быть в церкви. Бывало, мать Вера просит его:

— Владыка, останьтесь дома, ведь Вы так больны!

А он отвечал:

— Вот уж в церкви-то я и вылечусь! А дома-то заболею еще хуже.

С ним было весело, хорошо — ведь он служил почти каждый день, славил Бога от всей души и от всего сердца, и каждый день был для нас праздником. А когда Владыка умер, было чувство, что мы потеряли дорогого отца и что вместе с ним что-то ушло из нашей жизни — ушла наша радость, мы стали недоумевать: куда праздники делись?

Когда Владыку хоронили и многотысячная масса народа шествовала за его гробом, казахи говорили: «Русского бога хоронят». И после его смерти могила Владыки стала местом паломничества, тропа к которому никогда не бывает пустой. Потому что Владыка остался верен своему обещанию — не оставить нас по смерти и, предстоя у Престола Божественной благодати, все наши беды, печали и скорби доныне облегчает своей любовью.

Романова Евдокия Ивановна, г. Алма-Ата

С митрополитом Николаем я не была знакома лично, но я знала его через своего духовного отца архимандрита Исаакия, была много наслышана о нем от своих друзей, видела его в церкви на богослужениях и, конечно, очень любила Владыку. Но сам Владыка меня, как таковую, не знал.

В то время (а это было при Сталине) я работала в Министерстве Финансов и занимала высокую должность. Это была строгая организация, где человека проверяли на все лады, и мне приходилось скрывать, что я верующая, иначе у меня были бы большие неприятности. О. Исаакий это знал. И когда у него возникали с Минфином серьезные налоговые проблемы, он никогда меня не подключал к их разрешению. И даже когда сам приходил в Министерство, то предупреждал меня, чтобы я из своего кабинета не выходила.

О. Исаакий меня на дому исповедовал и причащал, но все-таки иной раз я, рискуя своим благополучием, приходила помолиться в Никольский собор, где служил Владыка Николай. И я впитывала в себя благоухание его прекрасных богослужений и проповедей.

В 1955 году я видела, как Владыку хоронили. Министерство Финансов располагалось на проспекте Коммунистическом, и как раз по этому проспекту 28 октября проходила похоронная процессия. Я выбежала тогда из Министерства и присоединилась к шествию. Я провожала Владыку до улицы Ташкентской, где процессия свернула в сторону кладбища, а я бегом побежала обратно на работу.

Что это было за шествие — передать невозможно. Стоял чудный день, сияло солнце, был осенний листопад. И это огромное шествие перекрыло все движение на центральных улицах, а люди все присоединялись, и даже залезали на деревья, чтобы увидеть виновника этого торжества. А Владыку несли на руках, пели хоры. Его фиолетовая мантия, покрывавшая гроб, как бы ниспадала, спускаясь с гроба, и плавно, мерно колыхалась в такт движения несущих. Все это произвело на меня потрясающее впечатление. Шествие это было подобно шествию ангельскому, неземному.

Я много видела в жизни своей похорон знаменитых людей, но никогда не видела ничего подобного этому шествию, и ничего подобного в жизни своей я больше не переживала. И поэтому с тех молодых лет, сохраняя в сердце своем светлый образ Алма-Атинского Святителя, я всегда, в самые тяжелые минуты своей жизни прибегала к нему на могилу.

Прошло уже много лет. У меня выросли сыновья. Один из них, Евгений, после окончания в Алма-Ате института был направлен на работу в Мангышлак. В Мангышлаке он получил квартиру, но, проработав три года, вернулся в Алма-Ату, сдав эту квартиру предприятию с тем условием, чтобы получить от предприятия квартиру в Алма-Ате.

Но за эти 3 года Женя мой приучился пить и пил сильно. И когда в Алма-Ате подошла его очередь на получение квартиры, он превратился в алкоголика и как работник стал предприятию не нужен. Жене в квартире отказали.

И вот в тот день, когда ему отказали, мне стало об этом известно. Я позвонила ему в общежитие, и он мне в этом признался. «Мама! — сказал он, — если можешь — помоги!»

Но чем я могу помочь? Что нам делать? «Надо, — решаю, — на кладбище, к владыке Николаю». Но как доехать до кладбища? Зима, снег глубокий. Я больная, только что перенесла простуду, давление высокое, из дома не выхожу. Но здесь узнаю, что умер сосед Чуланов и сегодня будут его хоронить. Иду к Чулановым, спрашиваю: «Где хоронят?» — «На Центральном кладбище», — отвечают. Обрадовалась, села в катафалк, поехала на кладбище.

Приехали, я сразу к могиле владыки Николая. Бегу к нему, плачу. Снег идет, я проваливаюсь в сугробы, но бегу — надо быстро успеть вернуться, пока Чулановы не уехали. Бегу, в груди все сдавило, едва дышу, мне страшно, я одна, далеко от похорон, смотрю на небо, прошу Бога помочь Жене да еще чтобы мне не упасть здесь и не умереть!

Добежала. Упала у могилы на колени, прошу: «Ты меня не знаешь, Владыченька, но я прошу тебя, помоги! Вот сейчас у сына моего решается вопрос. А он пьет! У него семья, дети, жизнь не ладится, а он без квартиры, он скоро пропадет, семья рушится, и вообще все рушится! И мое благополучие рушится, потому что я должна буду принять их к себе, а я больная! Владыченька, если можешь — помоги!»

Минуты 2–3 я так горячо молилась от всей души. Дыхание сдавило, валидол под язык и бегом к автобусам. Успела, приехала домой.

Это было 28 января 1992 года.

31 января мне звонят домой (почему-то не сыну, а мне) и говорят, чтобы сын пришел в 5 часов вечера в исполком получить ордер на квартиру. Я не верю, прошу второго сына поехать с Женей. Поехали, получили ордер. Глазам не верю. А на другой день произошло так, что и ключи от квартиры принесли мне,

а не сыну. И я поехала на эту квартиру с обоими сыновьями.

Мы зашли туда, квартира была после строителей грязная, я вымыла пол, поставила икону Божией Матери, окропила все святой водой. И так мы были рады с моими сыновьями, квартира показалась нам дворцом!

И я вам скажу — вот уже семь лет, как Женя мой в рот не берет водки. И теперь мои сыновья каждый год на Пасху рано утром приезжают на могилу митрополита Николая и поют «Христос Воскресе!» И я верю, что все это произошло по молитвам дорогого Владыки.

Окунева Алевтина Яковлевна,
г. Москва

Мне было 8 лет, когда мои родители переехали в Алма-Ату. В Алма-Ате у нас в доме о. Исаакий совершил надо мной таинство Крещения, став при этом моим крестным отцом. С тех пор вместе с родителями я стала посещать Никольский собор.

В собор на богослужения приходило много детей, и все мы, собравшись в кучку, стояли и молились. А когда служба заканчивалась и все шли под благословение к владыке Николаю, мы, дети, бежали бегом и умудрялись, обойдя всю очередь, первыми к нему подойти. Иногда, еще не начав благословлять, Владыка обращался к народу с каким-либо словом или делал объявление. А поскольку мы у амвона вертелись, Владыка клал свою руку на голову кого-либо из нас, и мы утихали. И когда Владыка благословлял детей, всегда после благословения тоже клал свою руку на голову каждого ребенка. И для

нас вся радость при благословении заключалась в том, что Владыка клал свою руку. Я помню возникавшее тогда чувство, что именно тебя Владыка выделил, и помню то тепло, которое передавалось душе от его руки. Мы отходили от него сияющие и полные радости.

Мы, дети, как, впрочем, и все прихожане Никольского собора, благоговели перед Владыкой. Он был для всех авторитетом непререкаемым. И даже если мы иногда баловались, бабушки говорили нам: «Вот Владыке-то скажу, как вы тут вертитесь!» И это действовало безотказно, мы прекращали свое баловство.

Владыка был полным хозяином храма, и это чувствовалось во всем — и на богослужениях, когда Владыка руководил общим пением народа, и в хозяйственных делах. Если он что-то говорил, это исполнялось мгновенно, ему не приходилось повторять, каждое его слово хваталось на лету. Так было не потому, что его боялись, а потому, что любили. И хотя после войны народ был довольно грубый, и толкались, бывало, и ругались, но в присутствии Владыки все утихали, успокаивались.

Я никогда не слышала, чтобы Владыка повышал на кого-нибудь голос. Он всегда был спокойный, выдержанный. Но если Владыка улыбался тихой улыбкой в свою красивую белую бороду — все это сразу чувствовали, и весь народ в храме тоже начинал улыбаться.

Когда Владыка болел, о. Исаакий всегда говорил народу: «Давайте помолимся, наш Владыка болен». Он служил молебен о здравии, все молились коленопреклоненно и плакали — лишь бы Владыка поправился. О. Исаакий тоже становился на колени и со слезами в голосе просил за Владыку. А если о. Исаа-

кай поздравлял Владыку с днем Ангела, он такие теплые от души слова говорил, что тоже всегда плакал, а за ним плакал и Владыка, и весь народ.

О. Исаакий любил Владыку искренно, по-сыновьи, и после его смерти ежегодно ко дню его памяти писал стихи. Это было и на годовщину, и на 10-летие и на 20-летие, и так писал до самой своей кончины. И когда о. Исаакий в день памяти Владыки читал эти стихи, он говорил: «Это святой человек! Это мой любимый покровитель!» — и всегда в глазах стояли слезы, хотя прошло уже много лет.

Это была удивительная любовь к митрополиту Николаю. И в Ельце в келье о. Исаакия висели портреты митрополита Евлогия (Георгиевского), архиепископа Сергия (Королева) и митрополита Николая (Могилевского). А у монахини Нины в келье (она жила в доме о. Исаакия в Ельце) висел на стене небольшой красивый плакатик примерно такого содержания: «Господи, дай мне прожить день и никого не осудить. Митрополит Алма-Атинский Николай».

И эта любовь архимандрита Исаакия передавалась всем его духовным детям. Он нас так воспитывал, и после его смерти мы продолжаем молиться за приснопамятного митрополита Николая.

Но все-таки, возрастая между этих двух светильников, я была ближе к своему крестному — архимандриту Исаакию. Он был моим духовным руководителем, у него я исповедовалась, к нему ходила в гости, и в дальнейшем каждый год я приезжала к нему в Елец.

После кончины о. Исаакия, благоговейно сохраняя память о нем и дорожа всем тем, что он оставил после себя в жизни, многие годы я собирала о нем материал: документы, письма, его проповеди, стихи, фотографии.

В 1997 году об этом стало известно в одном из издательств православной книги в Москве, и от этого издательства мне поступило предложение написать свои воспоминания об о. Исаакии с целью издать о нем первую небольшую книгу. Об этом же меня просили алмаатинцы и ельчане. Но когда я посоветовалась с духовными детьми о. Исаакия, живущими в Москве, мне были выражены сомнения и протесты относительно этого начинания. Они заключались в том, что я — не писатель, что среди духовных чад о. Исаакия есть люди умнее и значительнее меня и что для того, чтобы браться за такое дело, надо иметь благословение высокого духовного лица — Епископа или Патриарха. Конечно, я была согласна с их доводами и решила уже отказаться от написания книги, но в издательстве продолжали настаивать, а ельчане буквально со слезами умоляли издать хоть что-нибудь о дорогом их сердцу отце (как они его называют).

После долгих колебаний я решила, что хоть я никогда ничего не писала, но, поскольку любовь наша не может допустить, чтобы имя архимандрита Исаакия находилось в тени и забвении в тот период, когда Русская Православная Церковь особенно плодоносит открытием новых имен св. мучеников, исповедников, подвижников веры и благочестия, то я начну писать, а там — что Бог даст. И я взялась за работу; усилила молитву, работала утром натощак, а вечером, когда домашние засыпали, я, уединившись в своей комнате, пыталась воспоминания о своем крестном изложить на бумаге.

Но одна мысль беспокоила меня: «Угодно ли это Богу?»

После смерти о. Исаакия у меня уже не было другого духовного отца. Я ходила в церковь, исповедо-

валась у разных священников, но никому не открывалась и ни к кому не тянулась душа так, как прежде к о. Исаакию. И поскольку я не была близко знакома ни с одним священником, ни тем более с архиереем, мне не у кого было взять благословение на написание книги. Я очень этим смущалась, на душе было неспокойно. И в таком расстроенном состоянии, почти в унынии я молилась: «Господи! Что мне делать? Я же не могу поступать самочинно!»

И вот однажды вечером (а это был ноябрь 1997 года, было очень холодно и на улице, и в моей московской квартире) я, сидя в своей комнате, в своей кровати, закутавшись от холода в одеяло, записывала то, что помнила об о. Исаакии. Было уже поздно, помню, я прикрыла глаза и, видимо, погрузилась в легкий сон, в полузабытье. И увидела, что я — в Алма-Ате, бегу по улице Уйгурской к Никольскому собору. Я вбегаю в собор, а он полон народа — идут похороны митрополита Николая. (А надо сказать, что в 1955 году я уже не жила в Алма-Ате и поэтому не присутствовала на погребении Владыки). Владыка лежит посередине храма в гробу — белый, благообразный, такой же изумительной красоты, какой он был при жизни. И я, увидев его в гробу, начинаю плакать: «Господи, как же так?! Он умер, а я не получила благословение! А мне-то ведь надо... (я не говорю «писать», а только в уме думаю). Мне-то ведь надо от владыки Николая благословение!» И в ужасе я начинаю рыдать. И вижу — Владыка поднимается, встает из гроба, подходит только ко мне, крестообразно, четко меня благословляет и говорит:

— Я тебя благословляю!

Я замерла от радости. «Спасибо, — говорю, — спасибо! Я Вас благодарю!» Я поворачиваюсь ко все-

му народу и говорю: «Ну вот, видите, я получила благословение!» И открыла глаза...

Я в своей комнате, сижу в своей кровати... Но продолжаю ощущать присутствие здесь митрополита Николая. А на душе такая радость, что я не могу сдержать радостных слез. Что это? Сон? Видение? Но какое-то дуновение в комнате, что он еще здесь, дух его здесь. Я подошла к его фотографии: «Владыка, неужели Вы благословили меня?» Я стала плакать, молиться, благодарить. Как камень свалился с моей души, у меня исчезли всякие сомнения, со спокойной совестью я вплотную принялась за работу и уже в марте 1997 года сдала готовый материал в издательство[1].

Иподиакон Павел Васильевич Уржумцев, г. Москва

Владыку Николая я помню с 1947 года. Тогда в Пасхальные дни я впервые пришел в Никольский собор. А в 1949 году по благословению Владыки я поступил в Саратовскую Духовную Семинарию, по окончании которой был направлен в Ленинградскую Духовную Академию. И хотя за время своей учебы я приезжал в Алма-Ату только на каникулы, все-таки многое осталось у меня в памяти о митрополите Николае и его служении, поскольку служения его были поистине служения необыкновенные.

Вот — Всенощная. Звучит благовест, народ давно собрался в храме, толпится на улице у крыльца собора, духовенство в ожидании архиерея находит-

[1] Книга А. Окуневой «Под сенью любви» вышла в 1999 году в издательстве «Паломник», Москва.

ся в алтаре. Но вот на улице Мещанской показалась архиерейская «Победа», зазвучал трезвон, чинно проходят из алтаря к притвору священники, а мы, иподиаконы, с архиерейской мантией и посохом мчимся через расступившийся народ навстречу Владыке. Благостный старец, приветливо и просто улыбаясь встречающему его народу, выходит из машины, степенно поднимается по ступеням крыльца. Поет хор, мы облачаем Владыку в мантию, он проходит на середину храма, прикладывается к иконам, поднимается на солею, открываются Царские врата, Владыка заходит в алтарь, начинается Всенощная.

В первые годы своего служения в Алма-Ате Владыка много занимался с народом, вечерами после службы разучивая различные молитвы и песнопения. И уже в дальнейшем большую часть Всенощной пел народ. А когда поется величание, Владыка обязательно обратится к народу: «Пойте все, други мои, величание» («други мои» — это было его излюбленное обращение к народу). Обязательно скажет текст величания, сам задаст тон, правой рукой подает (как говорил иногда о. Исаакий) меру пения. И величание поется всем народом.

Когда Владыка служил, когда он молился, люди не замечали, как идет время. Всенощные бдения продолжались более 4-х часов, но никто не утомлялся и не уходил. Владыка горел духом, и это горение передавалось духовенству и всему народу, которого в то время в храм ходило очень много. И бывало, что по причине крайней тесноты люди взбирались на архиерейскую кафедру, но Владыка на мое усердие оттеснить от кафедры народ возражал: «Что ты делаешь? Не оттесняй, надо радоваться, что народа так много!»

После 1-го часа он в мантии выходил на солею и по отпусте обращался к пастве:

— Споемте, други мои, «Совет предвечный...»

И весь народ пел киевским распевом, а Владыка стоял и очень мягкими, чуть заметными движениями руки очень плавно управлял пением.

Затем Владыка спускается за солею, где слева от амвона стоит чтимая им икона Скоропослушницы, становится перед ней на орлец на колени, весь народ становится на колени, и все поют «Под Твою милость...» Потом Владыка поднимается и перед Царскими вратами «Пресвятая Богородица, спаси нас!», тоже и «Святителю отче Николае, моли Бога о нас!», направо: «Святый Великомучениче и целителю Пантелеимоне, моли Бога о нас!», налево: «Святая Великомученице Варваро, моли Бога о нас!», опять прямо: «Вси Святии, молите Бога о нас!» Владыка дает общее благословение, хор поет «Ис полла эти, дэспота», в мантии идет к притвору, таким же порядком снимается мантия, он спускается по ступеням на улицу к ожидающей его машине. А ночи южные темнехонькие, все звезды высыпали, и вот уже в темноте, в 11-м часу ночи он что-нибудь у машины народу скажет.

Так же воодушевленно служилась Литургия. Я, хотя был старшим иподиаконом, очень любил, отдав старшинство второму, встать на место книгодержца. Владыка обладал даром молитвенных слез, и при совершении Литургии, особенно на Евхаристическом каноне, слезы струились у него по щекам, и бывало так, что его слезы падали на мои державшие книгу руки. А однажды, после «Изрядно о Пресвятей...», прочитав тайную молитву «О святем Иоанне Пророце... о всехвальных Апостолех... о всех святых и... о усопших», где далее «Еще приносим Ти

словесную сию службу о вселенней...» — Владыка, показывая рукой на текст молитвы, сказал: «Вот видишь, мы молимся о всей вселенной!» И такие моменты, конечно, были для меня очень отрадны. Поэтому я всегда старался быть около него с книгой — чиновником архиерейского служения.

Проповеди Владыки были очень простыми, доходчивыми. Его речь, даже в домашнем обиходе, отличалась четкостью, грамотностью. Тем более проповеди — ничего лишнего, все на месте, все понятно и доступно.

Во дни воскресные после Литургии Владыка благословлял народ. Благословение длилось иногда более часа, и в течение этого времени народ пел и Владыка пел вместе со всеми. Начинали с простейшего: «Воскресение Христово видевше...» — и пели все, что относится к Воскресению. Затем Владыка начинал, а народ подхватывал другие песнопения, преимущественно Богородичные тропари и кондаки. Я удивлялся — какая память у этого старца-святителя, сколько он смог их вместить! И это пение не прерывалось до тех пор, пока Владыка не благословит весь народ.

Потом провожаем его до притвора, перед притвором снимаем мантию. И когда мантию снимаем, он обязательно что-то народу скажет. Младшие уносили мантию в алтарь, старшие провожали его до машины. А люди, хотя он только что благословил всех и каждого в отдельности, снова тянут к нему для благословения руки. А я-то, учась в Семинарии и Академии, часто видел, как архиерей властно идет, а иподиаконы всех оттесняют, и тоже пытаюсь оттеснить народ, но Владыка снова: «Не надо, что ты делаешь?» И пока через притвор проходит, опять с чем-то к народу обратится. Потом спускает-

ся со ступеней к машине, а там народа — тьма! Окружили машину, он еще им что-то говорит, а потом добавит: «Жаль мне вас отпускать!» (А времени уже третий час дня). Сел в машину, поехал. И так каждый раз.

Помню, как на Крещение ходили воду святить. Громаднейшее многотысячное шествие, преградив дорогу транспорту, следовало по улицам города на реку Весновку. Впереди мужчины несли хоругви, протодиакон о. Михаил Попенко своим мощным басом-profundo читал паремии, Владыка нес на воздухе на голове крест. Было скользко, мы поддерживали его под руки.

Потом я стоял на высоком берегу этой мчавшейся с горных вершин реки, но мне было слышно каждое слово совершавшего Великое водосвятие Владыки. «Во Иорда-ане крещающуся Тебе, Го-осподи-и, — запел, погружая крест во Иордань, Владыка. «Троическое явися поклоне-ение-е...» — подхватили тысячи голосов. Загремели ружейные выстрелы, полетели пущенные в небо голуби.

Обратный путь Владыка тоже шел пешком со всем народом. Он был уже в митре, с жезлом. Справа от дороги велось строительство какого-то здания, на котором работали пленные японцы и наши русские рабочие. И Владыка, несмотря на то что расстояние от дороги до стройки было довольно значительным, увидел, как эти рабочие просят у него благословение, и благословил их.

Крестный ход возвратился в Никольский собор, Владыка закончил службу и затем до четырех часов дня благословлял свою паству.

Еще помнится, как в Великий Четверг 1948 года Владыка совершал чин омовения ног. Это была долгая и дивная служба. Со всех городских церквей и

из области приехали священники — 12 человек. А Апостола Петра изображал тогда о. Исаакий. Ох, народ плакал! «Владыченька-то батюшкам-то ноги умывает!»

Очень благостный был Владыка, очень добродушный. Хотя строгость, сдержанность чисто церковные были ему присущи. Однажды, помню, перед Всенощной ризничные монахини принесли нам, иподиаконам, архиерейскую мантию неправильно сложенной, скрижалями наверх. Мы не обратили на это внимания и, торжественно встретив Владыку, при всем народе надели на него мантию, которая оказалась на нем наизнанку. Мы сняли и надели снова и — та же история. Владыка это терпеливо вынес, лишь сказал нам: «Испытываете архиерейское терпение!» Здесь протодиакон о. Михаил, догадавшись в чем дело, вмиг вывернул мантию и как положено надел на Владыку.

Весь облик митрополита Николая был прекрасным, одухотворенным. Белая небольшая, но окладистая борода, такие же седые и густые брови, длинные до поясницы волосы. И, бывало, когда мы облачали его на кафедре, я любовался белоснежностью этих волос.

Иной раз в будничные дни на утрене Владыка сам читал каноны — нараспев, неспешно. Особенно красиво читал Евангелие, очень осмысленно выделяя слова. У него было продумано все до мелочей. Если читал молитвы, он произносил их с такой проникновенностью и верой, что возникало чувство — на такую молитву должен быть ответ.

Часто просил молиться о своих родителях. Так и говорил: «Прошу молиться о моих родителях протоиерее Никифоре и Марии. Всех близких ваших просите». (А у о. Исаакия родителей звали Василий и Анна).

9 Зак. 27082

Владыка служил почти каждый день. Однажды под праздник пророка Илии у него разболелся глаз, и он поехал на Всенощную с перевязанным глазом. «Владыка, может, Вам не служить?» — говорю ему по дороге в собор. «Ну как же, — отвечает, — пророк Илия накажет».

Часто сам становился на левый клирос, управлял хором, канонаршил. Однажды в Пантелеимоновом приделе совершалась полиелейная служба, и Владыка не служил, а управлял левым клиросом. Проканонаршив «На горах станут воды...», он показал мне на виднеющиеся через окно собора снежные вершины Заилийского Ала-Тау: «Посмотри, и в самом деле воды на горах стоят!» И на акафисте Святителю Николаю любил канонаршить с левым хором стихиру «Человече Божий...» Владыка начинал своим бархатным сильным баритоном, хор вторил ему. Это были такие прекрасные и воодушевленные службы, каких я не видел более нигде и никогда, хотя в жизни своей много слушал церковного пения и участвовал во многих торжественных богослужениях в разных российских соборах.

До приезда владыки Николая в Алма-Ату все православные храмы в городе были закрыты и последний преданный Православию святитель архиепископ Алма-Атинский Тихон (Шарапов) расстрелян в 1937 году. С этого времени и до 1944 года в Алма-Ате действовала только обновленческая церковь. Существовавшая в то время атмосфера страха, подозрительности заставляла людей если не забыть о Боге, то глубже в душе хранить и прятать память о Нем.

Когда в 1944 году после встречи в Кремле трех митрополитов Церковь получила возможность назна-

чать епископов на пустующие кафедры, на Ташкентскую кафедру был назначен епископ Кирилл (Поспелов). Он приехал в Алма-Ату в Пасхальные дни 1944 года и, за неимением храма, служил на Радоницу панихиду под открытым небом на Центральном городском кладбище. И люди, много лет не видевшие не только архиерея, но и простого священника, на этой светлой панихиде плакали навзрыд.

И вот после войны, после разрухи, гонений, после того, как все, казалось бы, сошло на нет и последнее, что было, дорубали обновленцы, приехал владыка Николай и то, что в народе, в сердцах человеческих сохранялось, ту искру любви к Богу и веры в Него разжег на всю Казахстанскую епархию. При владыке Николае души человеческие раскрылись, и тот огонек, что тлел еще в душе народной под каким-то налетом, под пеплом, вновь разгорелся. Вот это была задача митрополита Николая. И он это сделал, он добился этого, он все воспламенил, зажег своей молитвой, горением своего духа. Он проявил себя, как действительно заступник, ходатай, молитвенник. И это чувствовалось не только в Алма-Ате. Я помню, люди из областей приезжали и говорили, что после посещения их владыкой Николаем у них все стало по-другому, все ожило. И уже после его кончины я с архиепископом Иннокентием[1] ездил по епархии, и не раз приходилось слышать на приходах, что при владыке Николае все загорелось — стали служить, стали с душой молиться.

Владыка Николай приехал в Алма-Ату в 1945 году под Иверскую осеннюю. И сам он рассказывал, что всю жизнь почитал Иверскую икону Божией Матери.

[1] Архиепископ Иннокентий (Леоферов) с 1958 по 1960 гг. управлял Алма-Атинской и Казахстанской епархией.

И умер он ровно через 10 лет — вечером в канун Иверской. О. Исаакий говорил, что такие совпадения неслучайны — провиденциальны. И когда его хоронили, когда чуть не весь город провожал Владыку в последний путь, помню, о. Анатолий Синицын сказал в прощальном слове: «Владыка Николай как свеча горел на церковной свещнице, пламенел смирением, кротостью, любовию, верою и молитвою — горел, догорал, погас. Теперь уже вы, дорогие мои, больше не услышите: «Пойте, други мои!» Все плакали тогда навзрыд.

А мне самому думается, что как Владыка пел и любил петь «Богу моему, дондеже есмь...», так, наверное, Господь и там, на Небе, дал ему хорик. Наверное, со всеми алматинцами так же и поют непрестанно. «Пойте, други мои, пойте!»

P. S. Служивший на Алма-Атинской кафедре в период с 1960 по 1975 гг. митрополит Иосиф (Чернов) благоговейно чтил память своего почившего предшественника, и это почитание выражалось, бывало, довольно своеобразно, с некоторым свойственным ему юродством. Будучи еще в сане архиепископа, владыка Иосиф на богослужениях в Кафедральном соборе иной раз надевал митрополичью мантию покойного владыки Николая.

— Мы здесь далеко-о-о от Москвы! — говорил при этом владыка Иосиф, — похулиганить можно!

— Дух владыки Николая на мне! Дух владыки Николая на мне! — продолжал фальцетом владыка Иосиф, похлопывая ладонями по скрижалям надетой на его плечи мантии митрополита Николая.

◇◇◇◇◇◇

Архимандрит Исаакий (Виноградов)

Избранные стихи

Ко дню 4-й годовщины
приснопамятного владыки нашего
митрополита Николая

(† *12–25 октября 1955 г.*)

«Радуйся, благая Вратарнице,
двери райския верным отверзающая»

Посвящается б. его духовнику
и усердному чтителю и частому
его могилки посетителю
о. протоиерею Даниилу Ушакову

Мы над могилою твоей
Воспели песнь твою любимую...
О, сколько сам ты в жизни сей
Пел «Купину неопалимую»,

«Скорбящих Радость», «Умиление»,
Нечаянной утехи Дарницу,
Сердец недобрых Умягчение,
Благую райскую «Вратарницу»!

Мы Ей твое вручаем шествие
В небесно-светлые обители,
Где ждали твоего пришествия
Давно отшедшие святители.

Ты с ними вкупе славишь Чистую,
Как на земле Ее прославил ты.
Осиротелым же — лучистую
Святую память нам оставил ты.

А. И. 1959 г., г. Елец

К пятилетию со дня кончины митрополита Николая

Прошло пять лет, как с нами нет
Тебя, Отец, учитель.
Но из-за гроба шлешь привет
И как лампада льешь нам свет
Ты — добрый просветитель.

Мы сердцем слышим голос твой
Проникновенный и живой,
Зовущий нас ко благу.
Мы как бы видим пред собой
Тебя, о Лебедь наш седой,
В очах таящий влагу

За нас готовых литься слез
С мольбой: избавить нас от гроз,
От злых волнений моря
Житейского; чтоб Сам Христос
Нам избавление принес
От бед, скорбей и горя.

Мы вспоминаем: ты учил
И сам тому пример явил,
Как славить Приснодеву:
«С поклоном,» — мерно ты твердил
И первый голову клонил
Ты к каждому припеву.

Ты нам желание свое,
В него влагая сердце все,
Поведал многократно:
Чтоб стадо верное твое
С тобой в иное бытие
Вошло и там приятно

Воспело Господу хвалу,
Земли оставив мрак и мглу,
Во светлостех сияя
Святых, далеких мира злу,
Поправших ересей хулу,
Вкусивших сладость рая.
И молим мы, о наш Отец,
И пастырь верных ты овец,
И Божий друг: халуги[1],
Распутья жизненных путей
Исправь ты для своих детей,
Ведь мы же... твои други!

А. И. 1960 г., г. Елец

К семилетию со дня
кончины митрополита Николая

(25) 12. X. 1962

Семь лет — священное число —
От тех печальных дней прошло,
Когда в далеком Верном граде
В церковной пели мы ограде
Канон «Помощник, Покровитель»
И покидал нас наш Святитель...

Он обошел Господень дом,
Где прослужил десятилетье,
И вот уже не многолетье,
Но память вечную поем
Мы со слезами все о нем.

[1] Халуги — изгороди (Ев. Луки, 14, 23).

Торжествен был последний ход
По стогнам града на кладбище.
Сорокатысячный народ
К его последнему жилищу
Владыку-старца проводил.
И день к закату подходил,
Когда над тихою могилой
Со умиленьем спето было
Его завета в исполненье
Любимейшее песнопенье,
Дабы отверзла двери рая
Ему Вратарница благая!

Теперь — чрез 7 печальных лет
Он из-за гроба шлет привет[1]
Мне — сыну — мантией своею,
Как Илия слал Елисею.
Я эту «милоть» получил
И с ней отца благословенье,
Ему в ответ благодаренье
Воздать хочу я, ощутив
В душе тепло и умиленье.

Святитель верный и благой
И Господом благословенный!
Ты в сердце нашем — все живой,
И благостный, и незабвенный!
И мы к тебе опять стремим
Свои мольбы и пожеланья;
Склонись к нам, сиротам своим,
И утоли наши страданья;
И Господа моли за нас,
Да даст нам в эти дни терпенья,

---

[1] Мною получена из Киева от монахини Варвары (Веры Афанасьевны Фомушкиной) мантия Владыки на молитвенную память.

Наставит нас на путь спасенья
И сократит мучений час.
А по кончине даст нам радость:
За гробом, в жизни неземной
Нам неразлучно быть с тобой!

А. И.

К тринадцатилетию
кончины митрополита Николая
Алма-Атинского и Казахстанского

Не меркнет память о святителе,
Кому был верен Верный град,
Кого Господь в Свои обители
Призвал 13 лет назад.

Звучит надгробное рыдание
Над местом, где он мирно спит,
И светлое воспоминание
Народ о нем в душе хранит.
Оплакан паствой своей верною,
Он духом жив, он сердцем с ней.
Нам жизнью послужив примерною,
По смерти стал еще родней.

И верим: у чертога Божия,
О коем пел в страстные дни[1],
И у Господнего подножия
За нас он льет мольбы свои...

Октябрь 1963 г., Елец

[1] Кто может забыть, как в дни Страстной седмицы Владыка сам воспевал в храме «Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный»?

К шестнадцатой годовщине кончины приснопамятного владыки митрополита Николая

16 лет умчалось в вечность
Со дня кончины дорогого...
Но не уменьшилась сердечность
Воспоминания живого.

О нашем старце седовласом,
Наставнике любви и света,
Который величавым гласом,
Звучавшим теплотой привета,

Нас призывал к объединенью
Во Имя Троицы Священной
И общему учил нас пенью
Во время службы вдохновенной.

Колена сердца преклоняем
Мы пред заветною гробницей
И со слезами умоляем:
«Не перестань нам быть зарницей,

Мглу прегрешений разгоняя
И наши сумрачные лица
Своей улыбкой озаряя.

Учи нас правде из-за гроба,
Чтоб жизнью Богу мы служили,
Чтобы и ненависть, и злоба
От нас далече отступили.

Твои мы преданные чада
В своем усердии убогом,

Ты ж — негасимая лампада,
За нас горящая пред Богом!..»

А. И.

20. X. 71 г., Елец

К семнадцатой годовщине кончины митрополита Николая Алма-Атинского и Казахстанского

Хотя стоял осенний листопад,
Но солнечная выпала погода,
Когда воистину «весь потрясеся град»[1],
И тысячи, и тысячи народа

Сопровождали «в путь всея земли»
Вождя духовного, светильника пред Богом,
И гроб его, сменяясь, несли
От церкви к кладбищу в порядке строгом.

Потоки теплых слез струились из очей
Его духовных чад осиротевших,
Надгробное рыдание ему воспевших,
Особо же — у запертых дверей

Монастыря, что Иверским когда-то звался
И по пути на кладбище стоял.
И мнилось: глас Вратарницы призвал
К Себе того, кто в жизни к Ней так рвался.

Желание почившего творя,
Мы песнь последнюю пропели над могилой
С особой верой и духовной силой,
С надеждой на грядущее смотря.

[1] Ев. Матф. 21, 10

Небесная Вратарнице Благая!
Слуге изшед навстречу Своему,
Отверзи благостные двери рая!
Да будет память вечная ему...

А. И.

Октябрь 1972 г., Елец

◇◇◇◇◇◇

К девятнадцатилетию со дня кончины митрополита Николая

Уж скоро два десятка лет
Отделят нас от дней прекрасных,
Когда светил нам тихий свет
Очей глубоких, мирных, ясных

Владыки нашего святого,
Который ласково, не строго
О Вечной Правде нам вещал
И всех к любви и миру звал.

«О, други!» — так нас называя,
Всех к пенью в храме приглашал,
И сам стихиры запевая,
Пример усердия давал

В служеньи Божию Престолу,
Сам воспаряя к высоте,
Но и поверженных, нас, долу
Не покидая в суете...

Богатство духа нам оставил
Наш архипастырь и отец
И много к Господу направил
Смятенных горестных сердец.

И вновь колена преклоняем
Мы перед Иверской святой,
Когда печально вспоминаем
Разлуку горькую с тобой.

О, пусть Вратарница благая
Приимет верного слугу
Господня в сень и кущи рая,
Седую увенчав главу

Венцем нетления и чести.
А мы все, собранные вместе,
Во умилении сердец
Воскликнем: «Добрый наш отец!

Всегда твой образ с нами будет,
И дивной доброты твоей
Никто, никто не позабудет!..»
А я, последний из детей

Твоей семьи, такой обширной,
Утешен в эти дни и рад,
Что в знак благословенья мирный,
Превысший всех иных наград,

Приял привет твой в назиданье:
То — митру старую твою![1]
И в ней служа, я воспою
Тебе надгробное рыданье!..

А. И.
12.X./29.X.1974 г.

[1] По кончине в Киеве «душеприказчицы» покойного владыки Николая [монахини Варвары (Веры Афанасьевны Фомушкиной)], я в эти дни получил на память о нем митру.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ УФСБ РОССИИ, ДЕЛО № Р-37614

Народный комиссариат внутренних дел СССР

Протокол допроса

1941 года июля 7 дня, я, следователь НКГБ СССР Кузнецов, допросил в качестве обвиняемого Могилевского Николая Никифоровича.

В.: За какие преступления вы были арестованы в 1932 году?

О.: В 1932 году меня обвинили в проведении антисоветской работы.

В.: В каком году вы отбыли срок наказания?

О.: В 1937 году.

В.: Чем вы занимались с 1937 года?

О.: С 1937 года по день ареста я нигде не работал.

В.: На какие средства вы жили, если нигде не работали?

О.: Мне помогали сестры и родственники.

В.: Вы арестованы за проведение антисоветской деятельности, направленной против Советской власти. Расскажите следствию о всех ваших преступлениях, которые вы совершили на протяжении ряда лет.

О.: Никакой антисоветской деятельностью я не занимался и преступлений перед Советской властью я не совершал.

Протокол допроса
от 14 августа 1941 года

В.: Объясните, почему вы не работали?

О.: Я несколько раз просил у митрополита Сергия назначить меня в епархию, но он всякий раз мне отказывал, объясняя это тем, что я был в лагерях.

В.: Скажите, на какие средства вы существовали?

О.: Источником средств моего существования были — присылка денег верующими гг. Москвы и Орла, а также периодическая материальная помощь, которую мне оказывал митрополит Сергий и мои родственники.

В.: Расскажите о своей антисоветской деятельности.

О.: Я признаю себя виновным в том, что неоднократно в присутствии ряда лиц из среды духовенства и верующих в антисоветском духе высказывал недовольство политикой партии и советской власти в отношении церкви. Считал политику партии и советской власти неправильной и заявлял, что советское правительство против воли верующих закрывает церкви и применяет репрессии к невинному духовенству в целях разгрома церкви. Мне, посвятившему всю свою жизнь церкви, было больно это [видеть], в связи с чем я так болезненно реагировал.

В.: Вы многое недоговариваете. Расскажите, какую еще антисоветскую деятельность вы проводили?

О.: К тому, что я показал выше, больше сказать не могу. Протокол записан правильно, с моих слов, мною прочитан.

Могилевский

Допросил следователь 5 отделения следчасти НКГБ СССР лейтенант госбезопасности Солошенко.

Протокол допроса
от 20 августа 1941 года

В.: Вы встречались с епископами, приезжавшими в г. Москву из западных областей Украины, Белоруссии и Прибалтийских республик?

О.: Да, встречался.

В.: При каких обстоятельствах вы с ними встречались?

О.: В марте 1941 года митрополитом Сергием были вызваны митрополиты и епископы западных областей Украины, Белоруссии и Прибалтийских республик для решения церковных вопросов. Я был также приглашен.

В.: Назовите фамилии приехавших священнослужителей.

О.: Я знаю, что на приеме у митрополита Сергия были:

Митрополит Николай (Ярушевич).

Митрополит Александр (фамилию не знаю) ...[Паулус (К. В.)]...

Митрополит Августин (фамилию так же не знаю) ...[Петерсон (К. В.)]...

Архиепископ Алексий (Громадский).

Епископ Симон (Ивановский).

Были еще два архимандрита, которых я не знаю.

В.: С кем из вышеуказанных вы вели беседы о положении церкви в СССР?

О.: Я беседовал почти со всеми, но чаще всего мне приходилось беседовать с митрополитом Августином и епископом Симоном.

В.: Расскажите о содержании этих бесед.

О.: Приезжие священнослужители задавали очень много вопросов о положении религии в Советском Союзе, о чем я их информировал.

В.: Вы вели с ними антисоветские клеветнические разговоры о положении религии в СССР?

О.: Антисоветских клеветнических разговоров я с ними не вел.

В.: Вы говорите неправду. Следствию известно, что вы приезжих священнослужителей снабжали антисоветской клеветнической информацией о положении религии в Советском Союзе. Вы этот разговор подтверждаете?

О.: Нет, не подтверждаю. Правда, я в беседе говорил, что большинство епископов в СССР находятся в тюрьмах и ссылках, но я считаю, что это не клевета, а, по моему убеждению, действительное положение.

В.: В этой беседе вы с антисоветских позиций заявляли приезжим священнослужителям о том, чтобы они готовились к разгрому церкви, к террору над духовенством и колхозным насилиям. А этот разговор вы подтверждаете?

О.: У меня не было такого разговора, я его отрицаю.

Протокол записан правильно, с моих слов, мною прочитан.

Могилевский

Допросил следователь 5 отделения следчасти НКГБ СССР лейтенант госбезопасности Солошенко.

Протокол допроса
от 23 августа 1941 года

В.: Расскажите подробно, за что вы были арестованы в 1932 году?

О.: Я не помню, за что был арестован, т. к. прошло много времени.

В.: Вы говорите неправду. На допросе 7 июля 1941 года вы показали: «В 1932 году меня обвинили в проведении антисоветской работы». Объясните, почему вы хотите скрыть причину своего ареста?

О.: Я виноват, моя попытка скрыть от следствия причины ареста объясняется тем, что я не хотел рассказывать о своей прошлой преступной деятельности.

В.: В таком случае расскажите подробно, за что вы были арестованы и в чем вы себя признали виновным?

О.: Меня арестовали в 1932 году за проведение антисоветской работы среди церковников. В предъявленном обвинении виновным себя я не признал.

В.: Следствию известно, что вы до дня первого ареста, т. е. до 1932 года, являлись руководителем и организатором антисоветской церковно-монархической группы «Ревнителей Церкви» в г. Орле. Вы в этом признаете себя виновным?

О.: Виновным себя в этом не признаю, т. к. никогда не был руководителем антисоветской церковно-монархической группы «Ревнители Церкви».

В.: Следствию также известно, что вы, будучи руководителем антисоветской церковно-монархической группы «Ревнителей Церкви», насаждали антисоветские церковные ячейки, организовывали подпольные монастыри, церкви и проводили тайное пострижение в монашество.

А эту антисоветскую деятельность вы подтверждаете?

О.: Нет, не подтверждаю, т. к. антисоветской деятельности я не проводил.

В.: Вы говорите неправду. 12 февраля 1941 года вы собственноручно в своей автобиографии писали,

что в 1928–29 годах вы давали разрешение на пострижение монашек.

Будете вы после этого отрицать свою подпольную церковную деятельность?

О.: Я отрицаю подпольную церковную деятельность и тайные пострижения в монашество. Что же касается моей записи в автобиографии, то я действительно давал разрешение на пострижение монашек, причем эти пострижения совершались открыто в храме.

В.: По отбытию наказания с кем из духовенства и монашества вы установили связь?

О.: Кроме упомянутых мною лиц на допросе 14 августа 1941 года других связей я не имел.

В.: Кого вы знаете из духовенства и монашествующих бывшего Даниловского монастыря?

О.: Хорошо знаю по Даниловскому монастырю епископа Феодора по фамилии Поздеевский, других же никого не знаю.

В.: Расскажите, как вы знаете Поздеевского?

О.: Поздеевского имя и отчество не помню, знаю, что священное имя он имел Феодор, знаю его с 1908 года как ректора Московской духовной академии, я в то время был студентом этой академии. В 1923 году я встречался с Поздеевским на его квартире, в то время он был настоятелем Даниловского монастыря. В 1924 году Поздеевского я случайно встретил в Бутырской тюрьме — я и он в то время были арестованы.

В.: За что вы были арестованы в 1924 году?

О.: В 1924 году я был с группой епископов арестован органами ОГПУ за что именно, я не знаю, т. к. просидев в Бутырской тюрьме две недели, меня не допрашивали и не предъявляли обвинения и вскоре выпустили.

В.: Вы и здесь говорите неправду. Вам хорошо известны причины вашего ареста. Прекратите запирательство и отвечайте, за что вы были арестованы?

О.: Я еще раз заявляю, что мне не известны причины моего ареста.

В.: Вы были осуждены в 1924 году?

О.: Нет.

В.: Скажите, какого религиозного направления придерживался Поздеевский?

О.: Мне известно, что Поздеевский с 1928 года был противником Сергиевского направления, т. к. считал, что митрополит Сергий советской ориентации, он же, Поздеевский, был антисоветской реакционной ориентации и придерживался линии Петра, который стоял на контрреволюционных позициях и перехода Церкви на нелегальное положение.

В.: Откуда вам это известно?

О.: Обо всем вышесказанном мне стало известно от митрополита Сергия, с которым я неоднократно беседовал по этому вопросу.

В.: Где в настоящее время находится Поздеевский?

О.: Мне известно, что Поздеевский неоднократно арестовывался и осуждался и где находится в настоящее время — я не знаю. После 1924 года я с ним не встречался и переписки не имел.

В.: Вы разделяли антисоветские взгляды Поздеевского?

О.: Нет, не разделял.

В.: Кто еще вам известен из священнослужителей и монашествующих бывшего Даниловского монастыря?

О.: Больше я никого не знаю.

В.: Не говорите неправду. Следствию известно, что вы имеете связи с бывшими монахами Даниловского

монастыря, совместно с которыми являетесь сторонником перехода Церкви на нелегальное положение.

Перестаньте скрывать и рассказывайте о вашей связи с монахами бывшего Даниловского монастыря.

О.: Я заявлял и заявляю, что по Даниловскому монастырю больше ничего не знаю.

В.: Следствию известно, что вы, будучи враждебно настроены к существующему советскому строю, проводили активную работу среди верующих за переход Церкви на нелегальное положение.

Вы это подтверждаете?

О.: Как ранее я показал, признаю себя виновным в том, что неоднократно в присутствии духовенства и верующих высказывал антисоветские разговоры, направленные против политики ВКПБ и Советского правительства, что же касается работы среди верующих за переход церкви на нелегальное положение, то я это отрицаю.

В.: Следствию также известно, что вы, создавая подпольные монастыри и церкви, совершали там религиозные служения.

А это вы признаете?

О.: Нет, не признаю.

В.: В таком случае объясните, на какие средства вы существовали?

О.: На прошлых допросах я показал, что источниками моих средств являлись: периодическая присылка денег от верующих гг. Москвы, Орла, помощь митрополита Сергия и родственников.

В.: Вы опять не хотите сказать правду.

Следствию известно, что источником вашего существования являлась подпольная церковь.

Намерены ли вы после этого говорить правду?

О.: Я заявляю правдиво, что никакой подпольной церковной деятельностью не занимался и, сле-

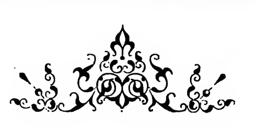
довательно, других источников средств, кроме сказанных выше, у меня не было.

Протокол записан с моих слов верно.

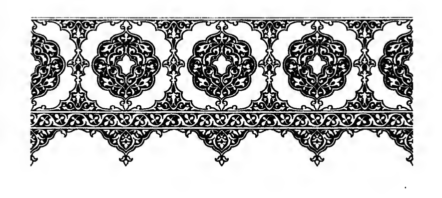
Могилевский

Допросил следователь 5 отделения следчасти НКГБ СССР лейтенант госбезопасности Солошенко.

Могилевский Ф. Н. реабилитирован 4 июля 1989 г. *«Подпадает под действие* ст. *УК Президиума Верховного Совета от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начала 50-х годов».*



ДНЕВНИКИ



1945 год

Господи, благослови!

18-го июня был освобожден.

5-го июля получил назначение быть мне Архиепископом Алма-Атинским и Казахстанским.

С 21-го августа был в Москве до 17/IX.

22 октября выбыл в Алма-Ату, куда прибыл 26-го X. Был встречен о. благочинным Михаилом Серебряковым, протодиаконом о. Михаилом и членом ц/с. Накануне 28-го служил первую Всенощную и Литургию в Казанской церкви. Вступительная речь — о трудностях служения пастырского; просьба молить-

ся за нас, пастырей, приглашение сделать сбор на сирот Священной войны. Собрано 1200 р.

Ноябрь

8. Среда. Престольный праздник в селе Тургень, куда был приглашен послужить. Туда и обратно ехал на грузовой машине, в грязи и пыли. Слово: о сотворении Ангелов; их служение роду человеческому в Ветхом Завете и Новом; случай служения. Они укрепились в святости и не могут согрешить. И мы должны стремиться к этому. Нужно веру соблюдать крепко, [неразборчиво]; надежду, любовь. Смирение и под<обное>.

19. Воскресение. Служил Божественную Литургию в Казанском храме. Слово: среди болезней самая тяжелая — беснование: теряется образ Божий у одержимого; исцеление б<есноватого> гадаринского — это один из случаев подобных исцелений. Как народ к этому отнесся? Как книжники? Слова Иисуса Христа о хулении на Духа Святаго (см. Мф. 12). Что есть хула на Сына человеческого? Что хула на Духа Святаго? Примеры: Арий, Несторий и др. еретики. И мы можем не похуляя Господа впадать в сей грех: пьянство, разврат и под., если делаем сознательно и не каемся. Может ли Господь простить хулу? Да! При условии покаяния; Господь и Иуду простил бы, и демона, если бы покаялись. Как мы должны относиться к неверующим (ближним нам) или впадшим в грех хулы? Убеждать кротко, силою Истины и слезной молитвой. Пример: молитва Моники[1] об Августине. Не гоните их, не оставляйте их, молитесь о них, «всяк просяй приемлет». Сие буди, буди...

[1] Мать блаж. Августина — *прим. ред.*

Декабрь

31. Воскресение. Служил Литургию в храме Казанской Божией Матери. Отдание Рождества Христова. Как во время Святок вспомнилось детство милое, как впервые вошел в храм на Рождество Христово, обстановка храма — чудное состояние души — почему этих переживаний у нас нет теперь? Суета, грехи, мир и т. п. похитили.

1946 год

Январь

21. Воскресение. Служил Божественную Литургию в Казанском храме в сослужении шести иереев. Слово: история защиты Православия Максимом Исповедником; его страдания за Истину и мученическая кончина; он образец исповедничества. Слова Иисуса Христа «кто исповедует Мя...» и обратное: «кто постыдится Мене...» Не подпадаем ли мы под 2-й приговор? Мы стыдимся многого: и ходить в храм, и звания христианина, и крестного знамения, даже иерей <стыдится> своего звания, рясы и под<обное>. ...вера есть мудрость, превышающая человеческую всякую — а мы ее стыдимся; вера есть дар Божий; за нее умирали сонмы мучеников, она открывает истину бытия, Царство [Божие] и др., а мы стыдимся и считаем себя верующими... и бесы веруют... Мы стыдимся Христа, а Он не постыдился принять плоть, ясли, пелены, крест и пр.

Если так, мы напрасно носим имя Его — оно нас осудит; участь таких за гробом: Макарий преп. и череп. Чада мои! Не стыдитесь звания и веры, стыдитесь греха, худых дел, лжи, измены супругам, блуда и пр. Этот стыд приблизит вас ко Христу. «Буди милость Его на нас, якоже уповаем... да не постыдимся во веки веков. Аминь».

Февраль

18. Прощеное Воскресение — Литургия в Казанск. ц<еркви>. Слово о посте — пост телесный и духовный. Сила Божия в немощи совершается. Вечерня торжественна — обряд прощения — основанием прощения обид <является> молитва Господня и «Аще отпущаете...» Сила прощения обид; злоба лишает всякой к нам милости Божией — пример из Саприкия и муч. Никифора 9 февраля. Древний обычай вселенских отец просить прощения и т. д. И я прошу у вас, чада, себе прощения. То же делали и священники, что со мною служили.

25. Воскресение — Неделя Православия. Литургия, Всенощное бдение в Казанской церкви. Об иконопочитании — в духе человека и в его ограниченной природе ума лежит стремление к истине небесной в образе воспринимаемом — изображения (иконы) раскрывают азы истины — Тайну воплощения (И. Хр.), тайну искупления (крест — голгофа). Изображение святых раскрывает красоту Божественную, красоту добродетелей — Иосиф целомудренный, Иов многострадальный и др. Отводят от греха: блудница у ног Христа; Ап. Петр со слезами; картина Страшного суда обратила князя Владимира ко Христу. Неделя православия: прославили Иисуса

Христа, Матерь Божию и святых. Ковчежец с мощами передали в Ник. храм.

Апрель

1. Вербное Воскресение.

Первая служба в Никольском Соборе Алма-Аты.

Радость о молитвенном единении. Что такое молитва. Сей храм есть «дом Божий» — как мы должны вести себя в нем, чтобы достичь результатов молитвы. Значение свечей и вербы. Призыв к благоговейному стоянию.

Литургия. Слово — картина Царского входа Иисуса Христа. Почему «Царский». Иисус Христос творил чудеса и Его не поняли, как Сына Божия. Торжественным входом Он себя открыл как Сына Божия, и все же не поняли. А мы?..

Великая Пятница у плащаницы:

Слово Христа смолкло — нет места моему слову — язвы Его вопиют: «Людие мои! Чем досадил вам?..» Прости нас, Господи, повинных в Твоих Страданиях!

Великая Суббота — Утреня в 1 ч. ночи.

Сентябрь

26. Среда. Иоанна Богослова. Всенощная с акафистом; Литургия — слово о величии Иоанна Богослова; случай с юношей; урок нам, духовным, не оставлять без попечения вверенные нам души чад духовных, дабы не уподобиться нерадивому Епископу. Чада духовныя! Пока юноша был под руководством, то шел путем спасения, и наоборот. Не пренебрегайте пастырями и их наставлениями. Все вместе творите

дело спасения: назидайте, окормляйте! Чада, в послушании пребывайте, да совершенство благодатию Божиею приемлете! Аминь.

Ноябрь

25. Воскресение. Освящение престола в Никольском соборе в приделе Св. Великомученицы Варвары. Слово: порядок освящения и его чин.

Декабрь

2. Воскресение. Освящение престола главного во имя Св. Николая в Никольском соборе. Слово: приветствие-благодарность певчим и всем жертвователям на ремонт храма.

1947 год

Январь

1. Вторник. Всенощное бдение. Слово 1-е о праздн. Обрезания — для чего Господь обрезался? а) исполнить волю Божию и нам образ дать ко исполнению заповедей Божиих; б) доказательство Его человечества; если Он не человек, кого обрезывал Иосиф?.. в) оно есть образ духовного обрезания по Ап. Павлу; г) обрезание Иисуса Христа — показатель пророческий Его будущих страданий: здесь нож, там копие; здесь кровь и там кровь; здесь страдание, и там...

Прославление Его Снисхождению...

Призыв стоять с зажженными свечами. Второе по окончании службы: поздравление. Начало жизни Иисуса Христа в скромных условиях и конец Его; здесь ясли, там крест; здесь ночь Вифлеема; там тьма и др. Вся жизнь Его в тернии и страдании. И наша жизнь от колыбели до гроба вся в страданиях: беды от страданий, беды на море... Христос терпел, и мы должны терпеть. Христианину не свойственно уныние: с нами Христос! Мы должны быть бодры духом — мученики, подвижники... Претерпевый до конца той спасен будет...

Март

24. Вербное Воскресение. Вечер — поздравление. Литургия: освящение вновь устроенного в нижнем этаже храма в честь Успения Божией Матери. Освящение малое. На дворе окропление водой — за теснотой в храме. Радость об открытии храма — еще ближе потому будет к нам Божия Матерь.

Ноябрь

17. Воскресение. Вечер. Притча о путнике, шедшем во дворец (пост, чистота души и милосердие). Литургию служил со мною Палладий, Архиепископ Семипалатинский и Павлодарский. Слово новорукоположённому иерею Петру Кедрову и о богаче притча: кто богатеет в себя и в Бога...

Декабрь

19. Четверг. Начало гражданского года. Благодарственный молебен. Слово пред молебном сказал священник, он же и благочинный, о. Петр Соколов. По

молебне — мое приветствие. Слово — канул год в вечность, прошли месяца, недели, часы, секунды. С ними связаны наши мысли, дела — или добрые, или худые. Мы перед правдою Божественною и перед Его любовию: правда осудит, любовь помилует. Каков будет 48 год — Богу ведомо; какой был, и мы знаем. Проверим себя и увидим во всем Его Св. Промысел. А он направлен только ко спасению нас. Как примирить Его благость с теми несчастиями, какие выпадают на нашу долю? Бог есть Любовь, и все, что совершается с нами по Его воле — выражение любви. Скорби нас делают близкими к Богу. Разными путями нас Господь ведет ко спасению: одному — скорби, другому — болезни и т. д., и все это пути к Богоподобию. Тайна Его промысла: два примера — богач и инок, растерзанный зверем, и блюдо серебряное. Надо быть Его воле преданным и нестрашно идти сим путем. Благодарите Бога за все — Иов многострадальный, Иоанн Златоуст — Слава Богу за все!

1948 год

Январь

14–25/I — в г. Актюбинск, Челкар, Ново-Казалинск, Кзыл-Орда, Чимкент и Джамбул, предположено в них освящение храмов и молитвенных домов. Господи, помози нам!

С 14 и по 20-е февраля был в поездке по Епархии. Посетил города: Актюбинск, Челкар, Ново-Казалинск, Кзыл-Орда, Чимкент, Чапаевка, Тюлькубас, с. Ванновка и Джамбул. Освящал: в Актюбинске храм во имя кн. Владимира и там же придел во имя

Архистратига Михаила; в Челкаре вновь выстроенный храм во имя Вознесения Господня; в Ново-Казалинске м<олитвенный> дом во имя Св. Троицы; в Сахарном заводе — м<олитвенный> дом новоустроенный во имя Покрова Божией Матери. Сменил за [неразборчиво] в г. Чимкенте благочинного протоиерея Петра Ушакова, на его место назначен о. Николай Ширяев из Чапаевки. Слава Богу меня укрепившему! Аминь!

Апрель, 19

С В Я Т А Я   П А С Х А!
Х Р И С Т О С   В О С К Р Е С Е!

Народа было вдвое больше, чем в прошлом году. Порядок был хороший. При моем возглашении в притворе (начало Св. Утрени) кто-то крикнул «пожар-горим»... Создалась необычайная паника, народ из храма ринулся в притвор. Смяли духовенство. Пострадали, скатившись со ступеней храма, настоятель храма Анатолий Синицын, т. ч. не мог участвовать в служении Утрени и Литургии. Пострадало и еще 7–12 человек. Была вызвана скорая помощь, и пострадавшие увезены в больницу. Скоро водворился порядок, и служба прошла далее торжественно. Окончили службу в 4 ч. 15 м.

Сентябрь

25. Пятница. День преп. Сергия Радонежского чудотворца. Лития и акафист ему. Вместо кафизм читал я житие преп. Сергия, составленное Алексием Патриархом.

Литургию совершал с о. Архимандритом Исаакием, без диакона; в священнических облачениях; без

10 Зак. 27082

митры, панагии, с крестом на груди, в котором находится частица Св. мощей преподобного; после отслужил молебен Св. Вел. Пантелеимону и преп. Сергию. Слово — о. Арх. Исаакия. Служба и Литургия прошла с особым подъемом духовным. Такой службы я за все годы Епископства не испытывал. Слава Богу! Пели свои любители, молитвенно-прекрасно. Далеко Казахстан от Лавры Преподобного, а как хорошо был почтен преп. Сергий!.. Настроение и у молящихся было особенно хорошее — молитвенное.

1949 год

Январь

1. Пятница. Всенощная — благословение хлебов. Народа было в храме достаточно, помазывали в 2-х пределах. Пели певчии правого клироса. Слово: об обрезании Господа нашего Иисуса Христа.

Литургия. Обрезание заменено Св. Крещением — там даются имена и здесь. Значение имен христианских: они нас усыновляют с Богом; они делают нас участниками небесной *чести*, т. е. Святой небесной Церкви, общниками отдельно тех святых, имя коих носим. Если таково назначение Св. Имени, то их не должно искажать — напр. «Кока», «Туся», «Муся»... Это оскорбление нашим святым. Они несут послушание пред Богом за нас.

О гадании на картах, о гадалках и пр., о «заговорах» болезней... Это не христианское дело, а сатанинское: что сокрыто Богом, того не домогайся; Апостолы» не [неразборчиво]... не ваше дело... чит. Евангелие — подчиняться надо Его промыслу. Га-

дания, обращение к знахарям приводят к сближению с диаволом — случай из жизни Св. Василия с юношей... Итак — не гадайте! А гадалки — не занимайтесь...

2. Суббота. Акафист преп. Серафиму; Желаю иметь кротость преп. С., его смирение. Разбойники — явление Божией Матери и его конец жизни.

Лит. Я не служил — во время запричастна беседовал о преп. Серафиме — почему он и преп. Сергий так любимы православным русским народом?.. Его близость и простота обращений — «Радость моя»... Сухарики... «Лошадка пропала»... Старуха заблудилась в лесу и с нею «Мишенька» и др. Случай — источник его.

Февраль

2. Вторник. Вечер: Лебединая песнь св. преп. Симеона: «Ныне отпущаеши»... Почему он радостно встречает смерть? «Праведен и благочестив бе...» Христианин всякий должен тоже радостно встречать свою кончину, напр. ап. Павел — «Хочу отрешиться ... и со Христом быть», кончина преп. Серафима, — а мы боимся, ибо неправедны и неблагочестивы. Какова жизнь — такова и кончина. Смерть грешникам люта, а для праведника вожделенна.

Март

21. Воскресение. При взгляде на картину спасения ап. Петра: его первичная вера, державшая его на водах моря; его маловерие. « И в море житейском и в жизни земной...» Верой крепкой по морю ходили мученики, преподобные, и нам надо держаться веры, силы ея: преп. Мария Египетская. Бури, вих-

ри — это наши грехи, страсти... При упадке духа восклицай: «Господи! Спаси, я погибаю!»...

25. Четверг — Благовещание Божией Матери.

Вечер: После 6 песни пели 1-й икос нараспев. Народу было весьма много; Канон читали о. Анатолий и о. Петр; конец утрени по уставу. Утро: Часы по уставу; Народ пел «Слава» между кафизмами; входные молитвы после отпуста изобразительные, общее благословение.

Вечер — слово: «Радуйся...» Первое «радуйся» и Божией Матери приветствие. Ни одна из жен не удостоилась слышать когда подобное приветствие, ни Сарра, Ревекка, Рахиль, Елисавета — почему? Они не дошли до Святости Бого-Отроковицы Марии (Ея пламенная любовь, смирение, чистота, девство). Это приветствие — приветствие Неба: Отец — Невесту, Сын — будущую Матерь, Дух Святый — Святость девства. В нем — тайна Боговоплощения — «Сын Божий Сын Девы бывает...» Небо хвалит, и мы Ее восхвалим «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою!»

Май

14. Пятница. Молебен и Акафист Вмч. Пантелеимону, собрался большой собор Священнослужителей — десять иереев. Явление редкое — первый случай.

Июнь

6. Неделя всех Святых. Литургия. О всех Святых: почему их день связан с праздником Св. Троицы? О различных действиях Святаго Духа: в апостолах, мучениках, преподобных и др. праведниках. Свя-

тые — наши проводники в землю обетованную. Они даны нам в подражание — каждому дается от лика Святых покровитель — надо им подражать — они украсили Св. Церковь — Невесту Христову: апостолы — благовестием Евангелия, мученики — кровью, преподобные — потом и слезами — и сейчас со Женихом-Христом. И всех, подражающих их жизни, они устроят в дому Отца Небеснаго. Будучи искушены страданиями — могут и нам помочь, так как Царство Божие дается усилиями и скорбями.

Июль

25. Воскресение. Кратко о Св. Николае ввиду предстоящего освящения его образа. Слово о. Иоанна Певунова. Мое: разъяснение о т. н. «Святом ключе», поскольку он не освящен — то обыкновенный ключ.

После часов освящал образ Св. Николая, что находится на [неразборчиво] храма (Алтарной части). После Литургии устанавливали на место.

Сентябрь

19. Воскресение. Международный день мира. В пятницу к нам прибыл владыка Варсонофий Семипалатинский. Всенощную он один служил. Литургию оба служили. После Литургии отслужили молебен о даровании мира всему миру. Пред молебном о. Анатолий прочел обращение Патриарха. Пред многолетием мое обращение (доклад); после этого слово Вл. Варсонофия; вечер — акафист Матери Божией Скоропослушнице. Слово Вл. Варсонофия.

25. День преп. Сергия Радонежского. Канун: Всенощная. Литии не было. Вместо кафизмы о. Архим.

Исаакий прочел составленное Патриархом Алексием житие преп. Сергия. Акафист ему. Конец завершил о. Арх. Исаакий. Литургию совершали мы оба (я и о. Арх. Исаакий) без диакона — я в иерейской фелони; без митры, без панагии; с крестом, в коем находится частица св. мощей преп. Сергия, с непокрытой головой. Молебен с духовенством в покровении главы клобуком, кратко о преп. Сергии — «печальник» — о чем он печалился? О нас: о вере нашей; о любви к ближним, о смирении, нищелюбии. Случай посещения крестьянином его обители. Пожелание ему подражать. Чувство умиления, слезы радости, полно было сердце. Верующие плакали некоторые, видя Епископа в скромном одеянии иерея подражанием смирению преп. Сергию. Слава Богу за Его милость!

1950 год

Март

20. Вербное Воскресение. Народу, молящихся храм не вмещал — много стояло вне храма. Раздачи верб от руки священников не было — порядок был по прошлому году (см. за 1949). Давка была невероятная поначалу — после водворился порядок. Служба была весьма торжественная, вместо кафизмы пели концерт «Осанна, осанна...»

Литургий ранних было две. Приветствие и пожелание, чтобы наши частые «Осанна» не были похожи на «осанна» книжников и фарисеев, а на то «осанна, благословен грядый», каким будем встречать Господа Иисуса Христа во второе Его пришествие.

ПАСХА КРАСНАЯ

27 марта. Служба была в 3-х местах. Освящение куличей производилось в храме и вне. Народу было 20000. Порядок был образцовый. Погода тихая, чудная! В 3 час. 30 мин. все было окончено, кроме освящения куличей.

30. Служил литургию о. Арх. Исаакий соборне. По случаю выпавшего снега крестный ход совершен по храму с мощами вмч. Пантелеимона и Варвары, коими осеняли в их приделах; у западных дверей осеняли иконой Божией Матери Скоропослушницы, с кафедры облачальной — иконой Св. Николая. Потом подходили под раки св. мощей. Впечатление было у всех приятное. Весь день идет снег — опасность, что распускающиеся деревья пострадают.

Май

27. Пятница. День памяти преп. Нила Столобенского. Литургию совершал в Священническом облачении, без диакона (скромно) с. о. Архимандритом Исаакием. После Литургии чудный Акафист вмч. Пантелеимону. Вечером преп. Нилу был прочитан Акафист; канон сам читал.

Июнь

26. Воскресение. Вечер. Акафист Тихвинской иконе Божией Матери. Сказание о явлении сей иконы по Димитрию Ростовскому. Высказано желание иметь в Соборе сей образ, и более потому, что в сей день в 21 году было гибельное наводнение. И в сию ночь (под 26-е) был страшный ливень ночью, кое-где во-

дой снесло мосты, и вообще не без ущерба прошел этот ливень. Сделан сбор на устроение образа Тихвинской Божией Матери. Мы с о. Архимандритом Исаакием держали сей образ, а верующие подходили под Него.

Чудно было! Народа масса...

Июль

3. Воскресение. Нед. 7-я, гл. 6-й.

Исцеление немого-бесноватого дало повод говорить о Слове — как даре Божием. Как мы злоупотребляем сим даром. «Слово гнило да не исходит...» А мы сколько их произносим?.. Образцы «гнилого» слова... О всяком слове праздном дадут люди отчет Богу. Что такое слово «праздное»? Примеры святых, предпочитавших молчальничество глаголам. Иные клали в рот камни... а мы? «Положи, Господи, хранение...»

Август

7. Воскресение.

Вечер: читал акаф. Спасителю.

После этого читал о семи Эфесских отроках по Димитрию Ростовскому.

Во время акаф. в св. Алтарь вокрался хулиган; одел мою митру и подризник мой и вышел в Царские врата Никольского придела. Его схватили и передали милиции. Составили по сему акт со многими подписями и передали милиции. Неприятное, тяжелое явление. Сделано все это было обдумано с тем, чтобы оскорбить святыни и верующих, и религиозное чувство.

1951 год

Январь

5. Четверг. Сочельник. Литургию совершал Архим. Исаакий соборне.

Освящение воды совершал Ego[1] с духовенством в ограде. Воды было приготовлено много, а т. как порядка не было — побили много стеклянной посуды, бак с водой опрокинули... безобразие полное! Грустно: пред освящением о. Арх. Исаакий много говорил о святости воды, призывал к благочинию и порядку и... его не оказалось...

6. Пятница. Вечер прошел обычно. Народа было хорошо — достаточно. А за Литургией и весьма много. Так как в ограде, близ храма был устроен высокий для духовенства помост; устроены два корыта, в которые подавалась чрез трубу вода — то хотя и была давка, но все были водою удовлетворены. Собор Иоанна Крестителя — служба ему по уставу... О Таинстве Крещения и о крещенской воде говорил.

Апрель

1 (14). Суббота. Похвала Божией Матери. Пред Акафистом о. Архим. Исаакий прочел (по Дебольскому) сказание о сем празднике. Акафист весь был пет народом и припевы к канону. Канон читался духовенством по очереди. Народа было много. Икону Божией Матери «Иверскую» чествовали.

2. Вечер. Пассия. Много пришлось говорить. Еванг. Иоанн как зритель страданий Иисуса Христа пол-

[1] Ego — я (лат.) — *прим. ред.*

нее других передает нам о страданиях; вся предшествовавшая страданиям Его жизнь — была сплошной крест: о злобе иудеев... Высшая точка страданий — это «Боже, Боже мой...» Оставление Сына Отцом ради наших грехов. И мы часто находимся ради собственных грехов в оставлении Богом нашим, т. к. грехами нашими распинаем Его Сына. Что нужно для восстановления единения? Покаяние, молитва, слезы... Примеры: мытарь, блудница, разбойник и блудный сын. Наконец, Крест Господень, им же мир Богу примирися.

Народу было много. Устал изрядно.

9. Неделя Ваий. Литургия. Почему Вход называется «Торжественный»? Смирение Христа: на осленке едет сидящий на престоле со Отцем; окруженный Ангелами — имеет 12 Апостолов. Идет [неразборчиво] Куда Ты, Господи, идешь?.. На Голгофу, на крест, искупать род человеческий... Разве Ты прегрешил?.. Иду добровольно умертвить змия, соблазнившаго Еву и погубившаго род человечий. Вчера мы сорадовались входу, а сегодня пойдем за Христом и будем Ему сострадать... Приглашение к хождению в эти дни [в храм] — кто сим пренебрежет, сей подобен бежавшим от Господа Апостолам; и тем неблагодарным исцеленным...

Вечер. По окончании: с миром изыдем, подражая целом<удренному> Иосифу, и боясь осуждения подобно смоковнице. Кратко о том и другой. Народа было достаточно. Служба прошла хорошо!

Июль

16. Воскресение. Нед 6-я. Ego: «Покайтеся, приблизилось царствие Небесное!» Metana ite — это со-

стояние сердца должно быть достоянием всей нашей жизни. Мы прилепились к земному; о небесном не думаем — не каемся, ибо не исправляемся — пример к призванию к покаянию — мытарь, Петр (чит. его житие 22 сент.) Нас Господь часто к покаянию призывает — то: болезнями, то бедствиями — «восстани спяй и»... «Душе моя, что спиши?»... Бодрствуйте, ибо не весте ... егда Сын человеческий приидет: се призыв к покаянию.

Август

7. Понедельник. По случаю рукоположения во диакона студента Московской Д. Академии Алексия Вас. Глушакова служил раннюю Литургию, за которой и совершил сие рукоположение.

Того же дня (в 1 ч.) отправились в поездку по Епархии, конечный пункт — г. Акмолинск. В пути были 4 суток. В г. Омске на вокзале имели приятную встречу с Омским Святителем Архиепископом Иувеналием, и обратно тоже были приятно порадованы его вторичным посещением.

Сентябрь

25. Понедельник. Служба преп. Сергию с акафистом ему вечером.

Сослужили мне 7 священнослужителей.

Утро. В 1/2 9 звон. Служили мы вдвоем с о. Архимандритом: я просто в иерейской фелони с малым омофором, без митры и панагии, с крестом на груди. Евангелие читал от Матфея 5-я глава. На клиросе пели одни Священнослужители (12) человек под управлением регента Шевченко. Пение было

до слез умилительное. Великий вход тако: о. Архимандрит нес дискос и чашу (дискос на главе, чашу на груди). Приняв от него дискос я поминал Патриарха, а о. Исаакий — меня и «всех христиан»... Приобщал я причастников. На молебен вышло 7 священнослужителей. Молебен полный. Припев пело одно духовенство. Служил в клобуке. По разоблачении сказал о смирении преп. Сергия (крестьянин). Благословил иконой с облачальной кафедры. Подход верующих под образ. Чудная, небывалая служба. Народа было достаточно.

26. Вечер: вечерня с пением 102 пс. по Афонски. Слово о. Арх. о любви Ап. Иоанна. Во время благословения пропели «Хвалите Имя Господне»... Глинским напевом по псалтири почти полностью.

Октябрь

15. Воскресение, гл. 2-й. Служил у себя. Сегодня водружали на вновь заканчивающуюся колокольню Св. Крест. Погода на все дни весьма дождливая, но на момент поднятия креста стало тихо и даже солнышко проглянуло и 3 голубка, облетая храм, как бы разделили нашу радость. Народа было очень много — торжество велие! Во время поднятия народ весь пел многое кресту. За все слава Богу! Ego после: о силе Креста Господня. Вечер: акафист «Иверской иконе Божией Матери», по окончании Ego читал сказание о сей иконе, здесь же перед Ея Св. образом. Народа было много.

20. Пятница. День моей хиротонии во Епископа — спустя ровно 32 г. (1919 октябрь 20 (2/XI).

Посему служил литургию в скромных условиях (Я, о. Архим. Исаакий и Протодиакон). По окончании

Акафиста св. вмч. Пантелеимону было произнесено Многолетие. Пред сим о. Архим. сказал прочувствованное слово, чем довел меня до слез, т. что я и слова не мог в ответ сказать. Слава Богу за все: за дар Епископства, за любовь моих чад духовных, любовию покрывающих мои немощи.

22. Воскресение. В 1950 г. Накануне 22-го я заболел и не мог служить.

Ныне я удостоин чести от Матери Божией послужить в Ея храме. Сугубая радость!

29. Воскресение. Гл. 4. Служил у себя в Соборе. Лит<ургия>: Притча о сеятеле: объяснение, что есть семя (Божественная Истина), Сеятель — Господь наш Иисус Христос. 3 1/2 года Он сеял живые семена — но не одинаковые имели всходы и плоды по состоянию сердец слушателей. Слушателей было много (5000 [неразборчиво] напитал хлебом и «много многое число»...) Господь не оставил и последующие поколения — через Апостолов продолжает Сеяние — во Евангелие. В нем Истина превосходящая всякую земную истину. «Аз есм Путь и Истина». В нем путь нравственного совершенства — «Аз есм «Путь» — раскрытие в нем Жизни...

Если так велико значение и спасительно содержание Евангелия, то любите Евангелие, читайте. Преп. Серафим носил всегда в котомке за спиной Евангелие. Мы счастливы, что теперь слышим Святые глаголы Господа — посему «вонмем»! Он с нами, как на горе блаженства... Как там Он: одних звал утомленных — «приидите ко Мне...», других устрашал «Тьмою и скрежетом зубов». Иных зовет «приидите, ядите» — то же и сейчас слышим, ибо «где 2 или 3 ту и Аз»... Будем не расставаться с Евангелием. «Пусть эта книга Священная...»

Ноябрь

21. Вторник. Пение «Христос рождается...» предварил несколькими словами.

Лит<ургия>. Молебен краткий. Слово о храме: храм — училище веры и благочестия. Матерь Божия училась и изучала Св. Писание. В новозаветном храме нас учат: иереи Божии, Апостолы и Сам Христос Спаситель в Евангелии. Матерь Божия научилась молитве, и наш храм «Дом Мой — дом молитвы»; там швенные херувимы — здесь живые Ангелы: прежде всего наши (с нами) Ангелы хранители и сонмы Свв. Ангелов, входящих в Алтарь со Свящ. Служителями «сотвори со входом нашим... [входу святых ангелов быти...]» И — Сам Христос с нами, ибо «где два или три...» Матерь Божию питал Ангел небесною пищею, а нас Христос питает Своим Телом и Кровию. Вообще преимущество новозаветного храма пред Ветхозаветным. Храм свят! Любите его! Ходите пока ноги носят.

26. Литургия. Было совершено рукоположение во диакона Андрея Васильевича Хмелевского, назначенного в г. Чимкент. Слово: по поводу притчи о милосердном Самарянине. «Заповедь новую даю вам...» Преимущество сей заповеди о любви пред ветхозаветной. Здесь и заповедь <о любви> ко врагам. Христос ее проявил собою — особенно смертию за род человеческий, каковой был во вражде с Богом. Притчей о милосердном Самарянине показал — как мы можем исполнять эту заповедь (ко врагам). Есть ли у нас Самарянин? Мы подвергаемся нападению невидимых разбойников. Он — Христос, наш небесный Самарянин. Особенно во время исповеди ощущается

Его участие. Сюда для пояснения сказание о «блудном сыне». Следует очищать совесть и говеть во вся дни сего Св. поста. Пример покаяния некоего Епископа пред Паствой.

Декабрь

31. Воскресение. Служил у себя. Вспоминание о Вифлеемской ночи: «Тиха ночь Вифлеема...» О святой звезде, приведшей из Персиды волхвов... Указавшей нам пещеру... Матерь Богомладенца, принесшую миру радость. О радости Самой Матери Божией... Пастушки, волхвы — небо, земля — несли одну радость Матери Божией. Но... «радость с горем дружатся, как брат с сестрой: одно лишь обнаружится — другое за спиной». Горе сменяет радость для Матери Божией. Ирод ищет убить Христа. Тревога. Дальний неведомый путь... Разбойники... и прочие страхи. Зачем эти скорби родившей Христа? Ради нас: как и Сам Христос страдал, и пострадал, дабы, быв искушен Своими страданиями, мог страдающим помочь, так и Свою Матерь поставил в условия страданий и скорби.

Спешите вы все, скорбные души, ко «всех скорбящих Радости» — старые, малые, больные, все — в Ней найдете покой и отраду. «Радуйся, благодатная Богородице Дево! Погибших взыскание и всех скорбящих РАДОСТЕ»!

КОНЕЦ ЦЕРКОВНОМУ 1951 ГОДУ —
И БОГУ НАШЕМУ СЛАВА!

1952 год

Январь

7. Воскресение. Служба вечера прошла торжественно. За Литургией благовествовал о. Благочинный и я. Я — о том, как возвеличена река Иордан ради крещения в ней Господа нашего Иисуса Христа. «Днесь вод освящается естество...» Освящено оно: крещением, гласом Отца и Святым Духом. Установление таинства Крещения. Что дает крещение? Видение Святителем Нонном голубицы.... Пелагия блудница — ее крещение. Мы подобны сей сперва черной голубке и потом чистой. Мы святы... «Елицы во Христа крестистеся...» А теперь? Обет «сочетаваюсь» мы забыли... «Отрицаюсь» относим ко Христу. «Мы лишаемся спасения»... Что же нужно? Слова и призыв «покайтеся»... Что дает покаяние?.. «Измыйтеся и чисти будете»... Слезы смывают греховность... Примеры : блудницы и др. Христос снимет одежду — лохмотья греховные, и, как блудного сына, оденет во одежду чистоты. Исповедуйтесь, кайтесь, плачьте ...и спасены будете.

Февраль

ВЕЛИКИЙ ПОСТ
25-е. НЕДЕЛЯ ПРАВОСЛАВИЯ

За Литургией слово о. Архимандрита Исаакия: история Православия. Он же объявил верующим, что «Чин Православия» будет совершен не после Литургии, а после вечерни. «Щабаздоровье «Старца», т. е. Меня убогаго.

Согласно объявления — этот чин совершен вечером, но к глубокому огорчению моему и большинства богомольцев бледно, не оставив и не создав нужнаго торжественнаго настроения. Это была неудачная «проба» — да не повторится сия ошибка, о которой пишу сейчас — **никогда!..** Повинен есмь всецело: не советники виню, а себя всецело...

За Литургией молящихся храм не вмещал: все ждали совершения этого чина. Когда Литургия кончалась, народ массами входил — очевидно, для участия в торжестве «Православия»... и — о печальное разочарование! Вечером народа было немного, как в обычный воскресный вечер. Храм не был освещен — как в будни. Чтение протодьякона не удовлетворило молящихся: спешное, невыразительное. Чтение Символа веры — слабое. На будущее время сей чин да совершается точию после Литургии — се мой завет!

Символ веры после произнесения Протодиаконом с амвона «Веруем» — пусть поет вся церковь — это создаст торжественный момент в сердцах молящихся.

Грущу, что так вышло!

Даже величественное пение «Тебе Бога хвалим» не покрыло бледности всей Службы.

Да простит мне Господь мою непредусмотрительность! А правильность совершения сего чина на будущее время после Литургии, согласно моего желания — искупит мою вину. Аминь.

Март

31. Вербное Воскресение. Народу было так много за всенощной, как никогда. Очень пожалел, что не

устроили 2-й ранней Литургии. За Литургией было еще больше народа. На дворе еще больше. Погода прекрасная — летняя. Ego: не выдержал и слово сказал: почему вход в Иерусалим именуется «Торжественный»? Почему плакал Иисус Христос? Его плач и о нас, грешных.

Вечер. С трудом, но Чертог Твой пропел.

За Литургией вручил прот. Марку Сидневу патриаршую грамоту с кратким приветствием. Службы прошли весьма торжественно. Слава Богу!

Апрель

ПАСХА КРАСНАЯ

7. Апреля.

Служба вся прошла весьма торжественно и величественно. Народа было вельми много, но дождь помешал со второй половины службы. Прочее все прекрасно. Литургий было отслужено три. Все кончено в 3 ч. 30 м.

Слава воскресшему **Господу**!

17. Вторник — Радоница. Погода была очень дождливая; молились в храме. Хотя и на кладбище были службы. Желая дать возможность помолиться над могилками родных, мы объявили, что в субботу пойдем служить на кладбище; погода была хорошая, народа было очень много. И я служил там. Слава Богу!

Ноябрь-декабрь

27. Среда. Служил обедню.

С этого числа и до (23 дек) т. е. по 10 [дек. ст. ст.] не был в храме по болезни.

Во дни 4 и 6-го (престольные дни) Службы совершались в моей квартире ради постельного ре-

жима. В день 6-го облачился и часть Литургии сам провел. Молю Господа да дарует мне силы к послужению в храме на день Святого Рождества Христова. Сие буди!

19. Четверг. Новый Гражданский (1953-й) год.

Обычная в среду вечерня; утреня с чтением Акафиста Св. Николаю. После 1-го часа Новогодний молебен, возглавляемый мною, при участии певчих правого хора.

Пред началом молебна слово о. Архимандрита Исаакаия; в нем он передал содержание прошений на ектениях этого молебна с некоторыми пояснениями. По окончании молебна — «Тебе Бога хвалим»... И мое краткое поздравление с пожеланием, как говорят: «С новым счастьем»...Что есть счастие земное? Ни богатство, ни здоровье, ни семейное благополучие и тому под. не составляют «Счастия», ибо они временны. Истинно счастливыми (по земному) можно назвать, как и Господь называет: «Блаженны нищие...» и т. д. Сего счастия и я желаю для Нового года.

1953 год

Февраль

Первая неделя Св. Великого поста прошла прекрасно. Говеющих было чрезвычайно много. Я служил в среду Литургию Преждеосвященных даров. Прочие Литургии возглавлял о. Архимандрит.

9. 1-я неделя. Воскресение. Я служил Божественную Литургию, после которой был совершен Чин Православия. Т. к. у нас не имеется протодиакона

(баса), его роль исполнил протоиерей о. Даниил Шевченко.

Прекрасно, отчетливо, громко, с настроением исполнил о. Даниил ему порученное (во многом лучше бывшего у нас протодиакона Попенко).

Слава Богу: первая неделя и лично для меня прошла хорошо! Я боялся за свои слабыя силы. Правда, за службами я много сидел в Варваринском приделе.

Апрель

13. Воскресение. Неделя о расслабленном. 38 лет лежал расслабленный с верой в исцеление. Эта вера приблизила к нему Христа и дала ему здоровье.

Болезни в человечестве — плоды греха. Болезнь не нормальное явление в человеке — почему он старается ее избавиться путем лечения: вера с молитвой и лечение врачами. Христос исцелял одних — словом: «Вера твоя спасе тя», других — лечебными приемами: «...сотвори брение и помаза»... «иди умойся в купели Силоамской» и др. подобные случаи. Отсюда: лечение у врачей не противно нашей вере. В ветхом завете и лечение, и врачевства признавали — читай «Премудрости Соломона». Нельзя лечиться у знахарей, у бабок — почему? Господь дал целебную силу растениям, коими мы лечимся, а врачам — мудрость и понимание врачебного искусства. Вникните в сие и не пренебрегайте лечением. Соединяйте веру с молитвой и веру во врачевание.

Вечером Акафист Воскресению Христову (М. Сергия). Пока я благословлял (сидя) о. Димитрий беседовал. А далее и я немного: «Больные не должны говорить «я одинок, я оставлен...» Христос Спаситель, оставленный всеми, говорил: «Я не один, со Мною

отец мой Небесный...» И мы такожде <должны> мыслить в болезни и несчастье. Пример инока, пролежавшего 30 лет в болезни. Вывод отсюда: если у нас есть вера, мы не будем оставлены Господом. «Дерзайте! Не бойтесь: Я с вами!..» Приятно быть со Христом в болезни и горе. Аминь.

Май

23. Пятница. Это 9-я «Пятница». Служил Литургию в Талгаре, где особенно чтится сей день 9-й «Пятницы». Со мною служили 4 священника и 3 диакона. Ego: Св. муч. Параскева любила крест Господень, и мы должны ей подражать в этом.

О значении креста в общем, о нательном кресте и неснимании его с груди.

Народа было весьма много. Накануне был всюду проливной дождь. На время Богослужения Литургии погода была хорошая, а к вечеру снова дождь.

Октябрь

26. Воскресение. Служил обедню.

Кратко об исцелении жены кровоточивыя. Своею верою она вызвала целит<ельную> благодать у Господа. И вообще из Евангелия видим: где была вера — там и чудесная помощь от Господа. Подобное сему и мы видим при прикосновении ко Свв. Иконам Господа и Его Матери Пречистой. Много имеется чудотворных икон. Многие к ним прикасаются (целуют). Но не все получают милость Господню, ибо не все приступают с нужной верою. Приступайте, верующие, к образу Спасителя, Божией Матери или Кресту только с верою. Несите ваши скорби Господу у Его Св. Креста: Он будет и для Вас Симоном Кири-

нейским, и поможет Вам донести свой жизненный крест до своей Голгофы жизненной и чрез то войти во Славу Божию, якоже и Он вошел во Славу Отца Своего чрез крест и Голгофу.

Вечер: Акаф. преп. Иову Почаевскому. Ego благословлял; а о. Владимир по Дм. Ростовскому читал повесть о седми Еффеских отроках. Народа было достаточно.

1954 год

Май

4-я Неделя о расслабленном.

Литургию служил у себя в Никольском соборе. Ego: происхождение болезней в мире (род человеческий). Падение Адама — грех — болезнь.

Лечение болезней есть естественное желание возвратиться в дарованное Богом состояние здоровья — «вся добра бысть зело...» Два способа Лечения показал нам Господь наш Иисус Христос: словом — «се здрав, иди и не согрешай» и др. под. выражения. 2-й способ — чрез физические воздействия: помаза очи слепому брением. И мы имеем эти 2 способа: вера, молитва, прикосновение к Святыням, мощам и под. 2-е лечение чрез Богом установленных врачей — лекарствам дана целебная сила от Господа — архиепископ Лука, епископ Тихон и др. Лечиться не грех; надо избегать «бабок» и «знахарей».

17. Неделя о слепом. Служил у себя. «Кто согреши, сей ли...» Не надо дурно судить о долгонедугующих, будто их болезни — суть следствие их гре-

ховности, и посему иметь к ним нехристианские чувства. Часто Господь посылает болезни во спасение души, а мы ими пользуемся себе во осуждение. И над таковыми совершаются «дела Божии».

Сентябрь

25. Преп. Сергия Радонежского.

Литургию совершали я, по традиции в фелони, без митры и панагии, со мною — о. Архим. Исаакий и старец о. Даниил — без диакона. Духовенство свободное пело на левом клиросе. Молебен с Акафистом преп. Сергию вместо череднаго вмч. Пантелеимону (т. к. день была Пятница). На 13-м икосе я почувствовал себя слабо; подали сидение... а к концу молебна — лучше. Сам даже помазывал сидя богомольцев. Это все произошло за счет моего переутомления.

Октябрь

11. Воскресение. Литургию служил у себя. После нея служил панихиду по р. б. Вере (моей сестре, ей 40 день по кончине). Со мною о. Анатолий по дочери своей Елене.

17. Суббота. Родительская. По случаю приезда в этот день Епископа Ташкентского и Средне-Азиатского Ермогена (для участия в предстоящем торжестве моего 35-летия епископскаго служения) в совершении общей панихиды не участвовал.

18. Воскресение. Всенощную и Литургию совершал прибывший гость Епископ Ермоген. Слово назидания было его. После обедни отбыли в дом о. Анатолия, где по случаю кануна 9-го дня кончины его дочери Елены отслужили литию по ней, и утешились братской трапезой.

Вечер: Владыка Ермоген служил акафист «Иисусе Солнце любви...», а о. Арх. Исаакий провел беседу об Еванг<елисте> Луке. Сам (Вл. Е.) благословил народ.

19. Понедельник: осмотрели отремонтированную канцелярию, готовились ко всенощной. Владыка имел покой в моем скромном уголке, не пожелав остановиться в гостинице.

20. Вечер — канун торжества.

Литию совершал Еп. Ермоген, полиелей совершали мы вдвоем в сослужении нам 18 Священников, прибывших на торжество из епархии, и 6 диаконов.

Литургия: Совершали оба мы в сослужении 26 иереев и 6 диаконов.

Прибыли из епархии: из Актюбинска, Акмолинска, Семипалатинска, Чимкента, Джамбула, Сах. Завода, Караганды и ближайших приходов. После Литургии Благодарственный молебен, речи и поздравления. Первым приветствовал юбиляра Вл. Ермоген. Он поднес чудный образ (от себя и епархии своей) Св. Николая. Далее — сидя на облачальной кафедре, я принимал приветствия: о. Архим. Исаакия, о. Анатолия, поднесшаго от епархии чудную светло-небесного цвета мантию, и др. Отцов устныя и письменныя. Зачитаны были телеграммы от Свят. Патриарха, Митрополита Николая и других восьми Святителей и др. Священнослужителей. Торжество закончилось многолетиями и пением «Тебе Бога хвалим...» и «Аллилуйя» муз. Моцарта.

После сего весь сонм Священнослужителей со Епископы участвовал в братской трапезе, устроенной в канцелярии. Торжество бысть велие и для Алма-Ата небывалое.

Слава Богу за все!

Юбиляр чувствовал себя в подъеме духа и мало утомленным. В 6 часов сего же дня большая часть духовенства (не уехавшаго) устроили со мною собрание в канцелярии, где обсуждали многие вопросы Богослужебнаго порядка.

22. Четверг. Служение в храме Казанской иконы Божией Матери. Всенощную служили: я у себя в Соборе; Владыка Ермоген в Казанском храме. Литургию оба служили в том же храме. Молебен Божией Матери, многолетия и трапеза у о. Настоятеля.

23. Пятница. Владыка Ермоген и я осмотрели храм Успения Божией Матери, просфорню. Побывали на 1-я Алма-Ата, осмотрели молитвенный дом. Настоятеля дома не было.

В 7 ч. 15 м. Владыка Ермоген отбыл поездом в Москву на Синодальную Сессию. Его провожали: я, о. Архим. Исаакий, о. Анатолий и др. Священнослужители. Прощание было теплое, братское, видимо, Владыка остался доволен нашим общим приемом.

Р. S. Владыке в дар поднесена прекрасная материя для его архиерейскаго облачения. Sik[1].

25. Воскресение. Советский праздник.

О. Архим. Исаакий служил в моей комнате Литургию, а Ego приобщался Святых Христовых Тайн.

Ноябрь

21. Суббота. Введение во храм Богородицы. Служил Литургию, но с великим трудом...

22. Воскресение. Приобщался Святых Христовых Тайн у себя за Изобразительными. Сказание о Введении читал по Дм. Р. о. Георгий.

[1] Sic — так (лат.) — *прим. ред.*

Вечером пели уже 12 псалмов в храме, а я у себя дома пел. Ослабел телом ввиду бронхита (кашли беспрерывные).

Декабрь

Ко дню наших престольных торжеств, по собственному желанию, к нам прибыл Новосибирский и Барнаульский Митрополит Варфоломей, усугубивший наши духовныя торжества своим участием в Богослужениях. А возраст его 89 лет. А слаб он ногами.

2-го во Вторник Владыка отслужил Акафист Божией Матери Ея Успению в нижнем храме.

3-е и 4-е в праздник Св. Вмц. Варвары совершали Богослужение оба — сослужили нам 12 Иереев и 4 диакона.

За Литургией Владыка Варфоломей сказал поучение. Акафист за всенощной был прочитан.

5–6. (Суббота и Воскресение). Служение обоих Святителей. Вечером Акафист. После Литургии краткий молебен. Перед молебном патриотическая речь о. прот. Синицына в связи печатнаго (в газ. Известия) обращения Патриарха от лица верующих о поддержании совещания в Москве (см. Известия за 11.XII). После молебна чествование именинника. Первые поздравления принес Вл. Варфоломей. Краткий благодарственный ответ ему Вл. Николая и поднесение от Именинника Гостю Иконы Божией Матери «Владимирская» в серебр. ризе — в знак его (Вл. Н.) сыновней любви. Речи о. Анатолия с поднесением от причта Усть-Каменогорска панагии Божией Матери «Знамение». От собора речь — о. Настоятеля Арх. Исаакия.

От Собора поднесено желтое новое облачение. От Казанской общины поднесен образ Спасителя в ризе. Речь настоятеля Покровской, что на 1-я Алма-Ата,

общины. Регент Соборнаго хора приветствовал. Многолетие, «Тебе, Бога, хвалим...» и братская трапеза в канцелярии Епархии.

7. Понедельник. Отдыхал Владыка.

8. Владыка посетил храм Казанский, что в м. Станице, и настоятеля.

Вечером посетил молитв. дом на 1-я Алма-Ата и настоятеля.

9. В час дня Владыка, провожаемый нами, отбыл во «Свой град», довольный приемом.

Приятное посещение!..

БЛАГОСЛОВИ, ГОСПОДИ, НАСТУПАЮЩИЙ ЦЕРКОВНЫЙ ГОД

1955 год

Январь

3. Воскресение. Литургию совершал Ego. Проповедь — о. Георгий. Ego: кратко о страданиях муч. Гордия. Об исповедничестве. Их два: одно в условиях гонений, другое — в мирных условиях; страха ради в храм не ходят и т. под. Надо всегда быть исповедником.

5 и 6. Вторник и Среда.

В Сочельник Литургию служил соборне о. Арх. Исаакий. Водоосвящение совершал Аз с духовенством.

6-го Литургия была одна в 9 ч. На освящение воды выходил Аз с духовенством. Погода эти 2 дня была мягкая. Народа было не менее как на Святую Пасху.

Отрадное явление!

К концу службы я ослабел: первый раз погружения в воду креста сам делал, а второй и третий раз

поручал погружения о. Арх. Исаакию. Молитвы на освящение читал сам, но речитативом полуцерковным: сие от слабости горла. За все слава нашему Богу, благоволившему мне послужить сии Святые Дни!..

17. Воскресение. Гл. 8. Ради болезни ног всенощную у себя келейно служил, а Литургию в Соборе. Горло плохо работало — хрипело.

24. Воскресение. Нед. о Мытаре и Фарисее.

И всенощное бдение и Литургию служил. Так как в Синоде состоялось постановление о награждении меня, убогаго, саном Митрополита в связи с десятилетним юбилеем Патриарха и его интронизации, то и пришлось это возведение сделать во время нынешней Божественной Литургии, после молебна о Святейшем Патриархе Алексии. После ряда Многолетствований Патриарху и мне — последний был усажен Архимандритом и прот. Анатолием в большое, поставленное на Амвон кресло. Духовенство и служители Алтаря попарно подходили под благословение с приветствием и коленопреклонением. За ними и весь народ сие творил, правый хор пел «Тебе Бога хвалим»... и другое. После пел весь народ разное. Пришлось всех до последняго благословлять. Радость и ликование выражалось на лицах молящихся. Народа было очень много — полон храм. Слава Богу, мне благо деющему!

Февраль

2. Вторник. Литию совершал о. Архимандрит. Литургию Ego совершал.

Какую блаженную радость испытывал Св. Праведный Симеон, приняв на руку Богомладенца. Эту радость дает Господь и тем, кто приобщается тела

Христова с верою — ее особенно переживают пред смертию отходящие за гроб. Вывод отсюда.

6. Поминальная Суббота. Ego служил панихиду вечером на дому и немощи ради не был за Литургией сего дня.

7. Неделя Мясопустная. Литургию служил о. Архим. Исаакий. Слово о страшном Суде. Ego (через силу) кратко: почему сей Суд именуется «Страшным»? Сопровождающие его условия... Суд Совести и приговор для грешников. Вечером Акафист Иверской Божией Матери.

О. Александр прочел слово Ефрема Сирина о стр. Суде (См. Деяния). После сего о. Архим. Исаакий прочел сказание об иконе «Иверской». Народу было много. О любви нашей к благой «Вратарнице»...

12. Пятница. День Ангела Святейшего Патриарха Алексия. По болезни моей не был в храме. Моление о Патриархе служил о. Архимандрит Исаакий с соборным духовенством.

СВ. ПОНЕДЕЛЬНИК В. ПОСТА

15-е Февраля. Службы всей седмицы по прошлому году (См. 1954 г.)

По состоянию моего здоровья я канона Великаго не читал — читали его по очереди Иереи. Литургию Преждеосвященных даров с трудом отслужил. Остальные дни до Воскресения по слабости сил дома все вычитывал.

В Воскресение приобщался Святых Христовых Тайн. На молебен (чин Православия) выходил. Читал Евангелие, а молитву — о. Исаакий.

Молебен прошел торжественно. По случаю дня «выборов» в Верх. Совет, народа было меньше прошлогодняго. Ego — поздравил. Пением «Вечная па-

мять» Св. Церковь чтит и будет чтить всех усопших исповедников Православной веры. Она не забывает и об отступивших, колеблющихся, — молится и об их обращении. Многолетствует здравствующих исповедников... Пребудем и мы в вере непоколеблемы, неизменны... Неослабны.

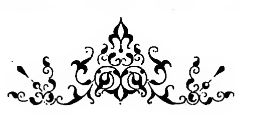
Июль

20. Илии Пророка. Литургию Соборне совершал о. Пр. Д. Млодзяновский. Ego — проповедь и Пророку Илии Акафист. Ego: о ревности Пр. И., о его Славе, о Преображении и Втором его пришествии.

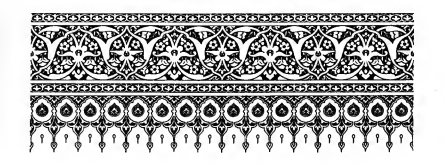
Вечер: Ego подвигнулся духом — отслужил Акафист «Всех скорбящих Радости» пред Ея Иконой «С копеечками». Ego пред Акаф. прочел сказание о сем образе «во Славу Божией Матери». Канон читал из службы Божией Матери Московской, что на Ордынке.

Вместо стихир на «Стиховне» вечером пели «Высшую Небес». Народу не было объявлено и было его немного. Но тепло молились...

На этом заканчиваются записи в дневниках митрополита Николая.



ПРОПОВЕДИ, СЛОВА, ПОУЧЕНИЯ



От составителя

Предлагаемые слова и проповеди высокопреосвященнейшего Николая, Митрополита Алма-Атинского и Казахстанского, относятся к периоду времени с 1952 по 1955 год, когда Владыка уже сильно недомогал, а зачастую и болел. Поэтому они дают слабое представление о том, каким обильным словом поучал он свою паству до этого времени. Случалось, что, направляясь уже к выходу из храма, он останавливался несколько раз, еще и еще обращаясь к окружавшим его со словами наставления и утешения, и мощный голос его разносил эти слова во все уголки храма.

11 Зак. 27082

Не знавшим Владыку Николая эти наброски его поучений лишь в малой степени помогут представить себе эту исключительную личность, но тем, кто его знал и слышал, напомнят его слова, мысли и чувства, уже в ожидании близкой разлуки со всеми нами высказанные. Посеянные им семена добра да принесут свой плод в душах, чтущих его светлую память!

Грешная раба Божия
монахиня Нина

1952 год

25.V/7.VI.1952
Канун Троицы. После всенощной

Мне представляется картина: Апостол Петр был арестован, но по молитве верующих Ангел освободил его. Так и я, понадеявшись на молитвы ваши, вышел сегодня сюда, хотя некоторые советовали подождать. Месяц назад были именины отца Марка, мы были там, а на другой день доктора предписали мне полный покой на некоторое время.

Вспомним, сколько радости и благодеяний приносит нам праздник Святой Троицы! Как хотел бы я знать, что и после смерти будем мы с вами все вместе славить Пресвятую Троицу, как славили Ее сегодня! Сие по милости Божией нам буди, буди! Аминь.

16.VI/29.VI
После Литургии

«С миром изыдем!» — «О имени Господнем!»

Пожелание мира из уст священника часто слышим мы в церкви: и перед чтением Апостола, и перед чтением Евангелия, и в другие моменты службы, и при благословении вас на выход из храма. И вы в ответ на это, громко или только про себя, отвечаете: «И духови твоему!» Что это, только личное пожелание священнослужителя? Нет, други моя, это — гораздо больше.

Все мы нуждаемся в мире душевном. У каждого есть свои огорчения, недуги, обиды, так что иной раз и места себе не находим. По-разному ищут люди, как восстановить свой мир душевный: иные развлекаются, чтобы только забыться, некоторые даже обращаются к вину. Но не находят они таким образом прочного мира. И только в храме могут люди действительно сложить с себя все горести и получить этот желанный мир. Вы знаете, что сказал Христос: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них». Мы верим и знаем, что с нами в храме невидимо присутствует Сам Господь. И это Он через священника подает нам мир, подобно тому, как пришел Он к Апостолам и сказал: «Мир вам!» И этот мир, это утешение совсем не такие, какие можем мы найти временно среди суеты мирской. «Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не как мир дает, даю вам».

Этот небесный мир является началом того блаженства, которое испытывают любящие его в загробном мире. Желаю же и вам всем такого прочного мира, и провозглашаю это вам, как священнослужитель.

Итак, мир вам! С миром изыдем!

29.VI/12.VII
После Литургии.
Праздник свв. Апостолов Петра и Павла

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Поздравляю вас с праздником!

Каждый день на литургии мы слышим: «Послание к Коринфянам», или «Послание к Галатам» св. Апостола Павла, или «Соборное послание» св. Апостола Петра. Так исполнилось Ветхозаветное пророчество: «Во всю землю изыде вещание их, и во все концы вселенныя глаголы их».

Но в жизни этих великих Апостолов Христовых были моменты, на которые хочу я обратить ваше внимание.

Когда спрашивал Господь наш Иисус Христос Своих учеников: «За кого вы почитаете Меня?» — ответил Ему Петр: «Ты Христос, Сын Бога Живаго!» Таким образом, явился Петр первым благовестником для людей явившегося во плоти Сына Божия, впервые исповедал Его таковым. И сказал ему Христос: «Не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Небесный». Но затем, когда был Господь на суде у первосвященника Каиафы и Петр был при дворе, одна женщина спросила Петра: «И ты не из учеников ли Этого Человека?» — Петр отрекся и сказал, что не знает Его. И второй, и третий раз отрекся, и даже с клятвою уверял: «Не знаю Человека сего!» Такой великий грех он сделал — отказался от Христа, Которого сам же первый исповедал Сыном Божиим! Так говорит, как будто Он теперь для него только простой человек. Конечно, други мои, я полагаю, что в душе он не отрекался от своего Господа, а в эту минуту только граждански струсил. Но

все же — грех великий! И хотя простил ему Сам Христос, однако горько плакал потом всю свою жизнь Апостол Петр каждую ночь при пении петуха.

Другой великий Апостол, Павел, был сперва гонителем христиан. У него были письма в Дамаск к тамошним властям, чтобы заключать в темницы всех верующих во Христа. Но по дороге, когда шел туда Савл (так звался раньше Ап. Павел), осиял его свет великий и голос с неба раздался к нему: «Савл, Савл! Зачем ты Меня гонишь?» — «Кто ты, Господи?» — спросил Савл. И в ответ услышал: «Я — Иисус, Которого ты гонишь!» Знал Господь, что этот гонитель будет потом великим благовестником Царствия Божия, почему и обратил его к раскаянию. Одновременно с духовным прозрением напала на Савла слепота телесная. В Дамаске он крестился от Ап. Анании и прозрел и телесными очами.

Многому научают нас эти два случая. Прежде всего — не надеяться на свои силы. Ап. Петр был самонадеян. Когда Христос шел по воде, то Петр, лишь один из всех учеников, захотел так же пойти по воде, понадеясь на свои силы. Он же говорил Господу после Тайной Вечери: «Если и все оставят Тебя, то я никогда не оставлю, хотя бы мне пришлось и умереть с Тобою». Опять надеялся на себя. Во-вторых — никогда не отчаиваться, какой бы тяжкий грех вы ни совершили. Я так полагаю, что даже и в жизни праведников бывают падения и искушения, но за искреннее горячее покаяние прощает их Бог. Если, может быть, не дай Бог, кто-либо из вас тоже отрекался от Христа — покайтесь в этом, поплачьте, поисповедуйтесь, и простится вам этот грех. Не хочу этого про вас думать, но если даже и хулу какую произнесли вы на Бога — не впадайте и тогда в отчаяние. Вот, Апостол Павел сперва был гоните-

лем, а потом стал великим учителем и созерцателем Таин Божиих. Все омывает искреннее покаяние.

Во всех искушениях да помилует вас Господь по Своей великой милости и по молитвам святых Апостолов Своих Петра и Павла! Аминь.

С миром изыдем!

4.VII/17.VII
После всенощной, при выходе из храма. Канун дня памяти преподобного Сергия

...Икона эта попала ко мне следующим образом. Была у меня знакомая женщина, потом стала она моей духовной дочерью. Звали ее Екатериной. Жила она в богадельне, очень любила молиться утром и вечером, а соседки смеялись над ней и дразнили ее: то крысу дохлую ей под подушку сунут, то еще какую-нибудь неприятность устроят, то молиться мешают. Приходит она ко мне и так попросту рассказывает, жалуется на соседок. «Я ведь с ними даже ругаюсь за это», — говорит. «Ну, — говорю, — ругаться не стоит, а ты лучше вот что делай: уходи молиться подальше от них, чтобы не видели, хоть на кухню куда-нибудь». Вот она и стала молиться на кухне, а там под самым потолком висела старинная, вся почерневшая икона. И вот однажды молится она и слышит оттуда голос: «Отнеси эту икону Архиепископу Николаю». Приходит и рассказывает мне об этом. «Так неси же, — говорю, — раз такая воля Божия». — «Да высоко, мне не достать». — «Ну, лестницу найди, что-нибудь да надо сделать...» Прошло несколько дней, и опять слышится ей голос, говорящий то же самое. Помог ей кто-то достать икону, и принесла она мне ее — всю в пыли и паутине, черную до того, что нельзя даже рассмотреть, Кто на

ней изображен. Стали мы промывать икону, как принято это делать. Старались, старались — ничего не помогает. Тогда я говорю: зажжем перед ней лампадку, и если есть воля Божия узнать нам, чье здесь изображение, то оно появится. Погорела лампадка с полчаса, и ясно выступил лик преподобного Сергия Радонежского, а потом и все остальные подробности, как теперь сами их ясно видите. А частицу мощей вложили в нее уже позднее. Была у епископа Варфоломея, викария Московского, довольно большая частица мощей преподобного Сергия, и когда стал я лобзиком отделять от нее небольшую частицу, аромат разлился по всей комнате, как от лучших духов. Пришел ко мне один батюшка и говорит: «Что это у Вас, Владыка, духами пахнет?» А я ему говорю: « Это аромат благодати Сергиевой». С тех пор икона эта всегда в моей келье находится.

20.VII/2.VIII
После Литургии. Ильин день

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Вот мы помолились с вами, други мои, святому и славному пророку Божию Илии. Некоторые считают его суровым и даже грозным. Наказывает он, правда, тех, кто не соблюдает праздников Православных. Много известно случаев, когда пострадали те, кто не чтит его памяти. Это потому, что: кто не чтит угодников Божиих, тот недостаточно почитает и Самого Бога, Которому эти угодники — как любимые чада Его. Но к благочестивым людям пророк Илия милостив. И особенно охотно помогает он неимущим. Вспомните вдовицу в Сарепте Сидонской.

Я знаю одну бедную вдову, у которой был большой образ пророка Илии. Она всегда молилась перед

ним в трудных обстоятельствах, и всегда получала помощь. Но однажды она поссорилась со своей соседкой, наговорила ей неприятных вещей. Когда после этого она по своему обычаю обратилась к пророку Илии с молитвою о помощи, то ей показалось, что лик его на иконе грозный и даже как бы закрыл глаза и не слушает ее. Она поняла свой грех, помирилась с той женщиной, плакала перед иконою, и тогда снова пророк Илия стал к ней внимателен и милостив.

Наказывает он за неверие, как наказал бездождием на 3 года и 6 месяцев свой родной народ Израильский. Придет и перед Вторым Пришествием Господа нашего Иисуса Христа во время антихриста и пострадает от него. Его пламенная вера и ревность к Богу делают его грозным к хулителям имени Божия, к отступникам веры. Но вы не бойтесь обращаться к нему с молитвою, и он всегда придет к вам на помощь в нужде. Аминь.

17.XI/30.XI

...Так наказывает Бог кощунников. Страшный это грех — кощунство! Каждый раз, когда люди обращают в шутку священные предметы или действия, недостаточно почитают святыни и все имеющее отношение к храму, поносят священнослужителей или клевещут на них — это и есть кощунство. Остерегайтесь этого великого греха! Вы мне скажете: «Владыка, мы же не кощунники!» Так это хорошо! Но много есть среди нас такого, что близко к кощунству. Возьмем такой пример. Приходим мы в православный дом и видим: висят на стенах портреты родных и знакомых, висят в чистоте, и все это красиво. А рядом, в углу, висит почерневшая от пыли ико-

на, на которой прикреплены старые-престарые, выгоревшие, измятые цветы. Угодно ли это Богу?

Бывают и батюшки, которые недостаточно следят за чистотою в алтаре и на Престоле, на этом страшном месте, на которое и Ангелы взирают со страхом и любовью. Был у меня такой случай: поехал я по епархии. Приезжаю в один город, благочинный и говорит мне, что такой-то батюшка неряшлив и надо бы его подтянуть. Прихожу сам в храм, и что же вижу?! На Престоле — слой пыли, на иконах — цветы, которые уже года два не меняли. «Где же у вас чудотворная икона?» — спрашиваю. «Вот она!» — «Не вижу!» — говорю. «Да вот здесь, Владыка!» — «Нет! — говорю. — Иконы я не вижу за слоем пыли, которая наросла на стекле». Просил прощения священник, обещал исправиться и каждую неделю сообщать мне, как он поддерживает порядок в храме.

Или вот еще такая картина. Пасха. Отстояли вы заутреню и Литургию, сели разговляться. Съели кусочек пасхи, или сырной пасхи, похристосовались освященным яичком, разбили его, съели. Все сделали хорошо и благоговейно. «А куда скорлупу яичную деть?» — спрашивает прислуга. «В помойку, конечно!» И вот ту скорлупку, которую только что окропили в храме святой водой, над которой пели много раз «Христос Воскресе!» — выбрасывают на помойку. Это ли уважение к святыне и к храму Божию?! Запомните хорошенько, что все, относящееся к богослужению и к храму Божию, есть святыня, через которую на вас изливается благодать и любовь Божия и к которой вы сами поэтому должны относиться с великой любовью и благоговением. Хотел я на этом закончить, да вспомнился мне еще один случай, который надо вам рассказать. Было это в оби-

тели св. Нила Столобенского на озере Селигер. Там почивают мощи этого святого, теперь в новой раке, а прежняя рака с изображением преподобного на крышке стояла в храме пустая. Однажды приехала в эту обитель поклониться святым мощам одна благочестивая женщина с двумя малыми детьми. Пока женщина молилась в храме, дети побежали по саду, нарвали спелых ягод рябины, которой там растет очень много, и проникли в тот пустой в то время храм, где стояла прежняя рака преподобного. Они затеяли игру: бросать ягодами в изображение святого. И вдруг, при ясном небе, все бывшие в обители услышали страшный удар грома, от которого потряслись все здания. Женщина та, не видя около себя детей, бросилась искать их везде ввиду такой опасности и наконец нашла их лежащими без сознания около пустой раки. Собрались туда иноки, стали приводить детей в чувство. Когда они наконец пришли в себя, мать спросила их, что с ними случилось? Они откровенно рассказали, как затеяли игру — бросать ягодками в «дедушку», и как они вдруг увидели, что «дедушка» приподнялся и погрозил пальчиком», после чего блеснула молния, раздался удар грома, и дальше они ничего не помнят. Видите, как даже малых, неразумных детей наказывает и вразумляет Бог за непочтение к Своим Угодникам. Вразумляйте же детей своих, предостерегайте их от этого.

Молитвами Святителя Григория Чудотворца да пошлет Господь нам и детям нашим дар благоговейного почитания икон и святынь наших. Аминь.

20.XI/3.XII
Во время всенощной. Канун Введения во храм Пресвятыя Богородицы

Дорогие отцы и братия! Когда мы долго не слышим какого-либо священного песнопения и затем оно раздается в храме, какой духовный восторг испытываем мы тогда, какие глубокие переживания! Вспомним, как ликует душа наша, когда на Пасху первый раз раздается пение: «Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть поправ...» Так и сейчас услышали мы из уст нашего хора ту прекрасную песнь, которую уж год мы не слыхали: «Христос раждается, славите! Христос с небес, срящите! Христос на земли, возноситеся!»

Почему должны мы так ликовать? — Потому что ради нас оставляет Сын Божий Престол Свой на небесах и снисходит к нам, грешным. Ради чего, други мои? — Нашего ради спасения. Для нас готов Он родиться в вертепе, быть гонимым, претерпеть распятие на Голгофе. Как же нам не радоваться, как не славословить, как не благодарить Его! Забудем же в эту священную минуту все наши горести, все наши заботы, обратимся всем сердцем к Тому Господу, Который сходит на землю из-за безмерной любви Своей к нам и встретить Которого мы сейчас уже заранее готовимся постом и молитвою.

А вы, певцы, прославьте рождающегося Христа, да родится Он и в душе каждого из нас! «Христос раждается...»

21.XI/4.XII
После Литургии. Введение во храм Пресвятыя Богородицы

Молитвами Пречистыя Твоея Матери, Пресвятыя Девы Богородицы, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас! Аминь.

Еще раз поздравляю всех вас с Праздником! Вы все знаете, что родители Пресвятой Девы, святые Иоаким и Анна, не имели детей до глубокой старости. А в то время бесчадие считалось позором и наказанием Божиим. Все ждали рождения Спасителя, и каждая женщина и девушка надеялись на то, что от нее произойдет обещанный пророками Мессия. И когда Ангел благовестил Анне рождение от нее дитяти, то престарелые уже тогда Иоаким и Анна обещали посвятить Богу это дитя, отдать его в храм Божий.

Когда исполнилось Деве Марии три года, родители повели Ее из Назарета в храм Иерусалимский, а расстояние это довольно велико, по нашему счету около 100 километров. Вели ее с великим торжеством. Все родственники и друзья сопровождали их. Девицы в прекрасных одеждах со светильниками принимали участие в этом шествии. Шли с пением псалмов. И не только пели хоры человеческие, но слышны были всем и ангельские голоса, славившие Бога и благодарившие Его за великую милость к людям и за приближение момента Рождества Спасителя в мир. Так дошли они с ликованием до Иерусалима, где встречные толпы народа присоединились к ним, и все вместе направились, славя Бога, ко храму Иерусалимскому. Там встретил их сам первосвященник, стоя на верхней, 15-й ступени храма.

Пресвятая Отроковица так стремилась в храм, что никем не поддерживаемая быстро поднялась по всем 15 ступеням, и первосвященник Захария, по особому внушению Духа Святаго, ввел Ее не только во Святилище, но даже во Святая Святых, в самую внутреннюю часть храма, куда мог входить только один первосвященник, и то однажды в год. Вот только что слышали вы, как мы пели: «Ангели вхождение Пречистыя зряще, удивишася: како Дева вниде во Святая Святых?»

Там пребывала Она потом в молитве, там наставлял Ее Архангел Гавриил и питал Ее хлебом небесным, там воспитывалась Она до 14-летнего возраста. Когда по исполнении 14 лет понадобилось уже Ей покинуть храм, то священники хотели выдать Пречистую Деву замуж, но Она не захотела нарушить Своего обещания Богу — остаться Девою и исполнила этот Свой обет до конца дней Своих. Она была первою Девицею в мире, Которая дала такой обет Богу. Тогда Ее обручили старцу Иосифу, в дом которого Она переселилась и где вскоре получила извещение от Ангела о Рождении от Нея Господа нашего Иисуса Христа.

Я вот думаю, други мои, как трудно было Иоакиму и Анне расстаться со своим единственным детищем, так чудесно в конце их жизни им от Бога дарованным. Но они все же исполнили то, что обещали. Так поступали и другие угодники Божии, дав обет — исполняли его до конца дней своих.

А вот мы не всегда так поступаем. Часто даем мы необдуманные обещания Богу, которые не можем выполнить, и тогда бывает у нас тяжесть на душе и вменяется нам это во грех. Если мы человеку что-либо пообещаем и не исполним, то называют нас за это нечестными людьми, а как назвать

нас, если мы не исполняем своих обетов Богу? Некоторые дают обещание, скажем, не пить вина, или класть по столько-то поклонов, или поститься сверх положенного Церковью, или сходить на богомолье — раньше в Иерусалим, а теперь, когда это стало недоступным, в Киев или в Почаев, а потом, по каким-то причинам не исполнив этого, приходят к духовнику и каются. А надо было посоветоваться с ним прежде, чем давать обет, и самой наперед все хорошенько взвесить и рассудить. Одна женщина говорит: «Я всю жизнь пощусь по средам и пятницам». Ну, и хорошо! А другая, помоложе, отвечает: «Это-то и все делают. А я буду еще поститься по понедельникам, подражая Силам Бесплотным». Сперва соблюдает этот пост, а через полгода и бросит, рассуждая так: «Ведь среда и пятница обязательны, а понедельник — это была моя добрая воля». Так зачем же было начинать?!

Вы скажете мне: «Владыка, а ведь обеты все же бывают нам на пользу! Они помогают нам укрепляться в добре, сделать усилие». Верно, отвечу я. Если вы пообещаете не ссориться, прощать всякие обиды — это очень хорошо. Иные табаководы дают обещание не курить. Тоже хорошо. Но всегда надо сперва рассудить хорошенько, исполните ли обет в условиях вашей жизни, и взять благословение вашего духовного отца.

Одна женщина исповедуется перед батюшкой в тяжких грехах. Он говорит: «Придется тебе дать епитимию — класть поклоны». — «Сколько, батюшка?» — «Да три поклона в день». — «Ну, это что! Я по триста кладу!» — «То твоя собственная воля, а еще три поклона за послушание клади ежедневно». Ушла она и думает: «Три поклона я всегда успею положить. Отложу уже до завтра, сразу шесть

сделаю». Наступает следующий день, опять что-то ей мешает: никак не может она три поклона положить. Через несколько дней приходит она к духовнику. «Не могу, — говорит, — ничего не получается!» — «Вот видишь, как трудно слушаться-то! А три поклона эти были бы для души твоей полезней, чем триста по своей воле».

Так вот, други мои, будьте осторожны и осмотрительны, когда даете обещания Богу, посоветуйтесь прежде со своим отцом духовным, а если уже дали обет — всеми силами старайтесь исполнить его. Молитвами Своея Пречистыя Матери и праведных Иоакима и Анны спасет тогда нас всех Господь. Аминь.

23.XI/6.XII.
После всенощной

Если ваш Владыка будет здоров, то он прочитает вам завтра вечером житие св. Великомученицы Екатерины.

Забыл я вам рассказать одну вещь. В отрывном календаре давнишнего-давнишнего года прочитал я рассказец. Есть в Финляндии большой водопад Иматра. Вода падает там с огромной высоты. И вот весной неслись по воде льдины к этому водопаду. На одной льдине была замерзшая овечка. Орел с высоты усмотрел эту добычу, бросился на нее и начал ее терзать. Льдина с овечкой и орлом на ней продвигалась все ближе и ближе к пропасти, в которую низвергается вода. Заметив опасность, орел хотел улететь. Но когда попробовал расправить крылья, то они его не слушались, так как примерзли ко льду, пока он терзал овечку. Так и помчалась в водопад эта льдина с мертвой овечкой и живым орлом, низверглась в пучину.

Какой урок для нас в этом? Если мы не позаботимся вовремя избавиться от грехов, то они обратятся в страсть и свяжут нашу душу так, что потом она уже будет бессильна освободиться от них, и повлекут они ее на дно ада. Имеющий уши слышати, да слышит!

14.XII/27.XII
После всенощной

Хотя и поздравил вас только что отец Архимандрит с моим приходом, но можно поздравить и меня, потому что я сам очень рад этому. Пользуюсь случаем поблагодарить вас за ваши молитвы о моем здоровье, силу которых я ощутил на себе, особенно в дни наших праздников: св. Великомученицы Варвары и Святителя Николая. В последний раз я был в храме 27 ноября в день празднования иконы Божией Матери, именуемой «Знамение». После этого по совету моих духовных руководителей, отца Архимандрита и отца Анатолия, и домашних моих я решил показаться доктору. Хороший, знаменитый доктор, знающий состояние моего здоровья, после осмотра предписал мне полный покой по крайней мере до Рождества. Он нашел у меня сильное переутомление сердца. Я говорю ему: «Чем же я могу быть переутомлен? Дров я не рубил и снега не сгребал». Он говорит, что это переутомление от длинных церковных служб, от стояния в храме, от проповедей... И предупредил, что если не послушаю его, то придется меня уложить в постель на очень долгий срок. А тут как раз подошли наши храмовые праздники. Тяжело мне было подчиниться, но волей-неволей, volens-nolens, как говорится, пришлось мне сидеть дома.

Как трудно было лишиться церковных служб и святого Причащения! Но у меня два раза на дому

совершалась всенощная и Божественная Литургия, и я смог приобщиться Святых Таин в свои именины. Я знал, что и вы все молились о моем здоровье. И действительно, после этого дня стало мне значительно лучше, и вот сегодня я решился побывать в храме. Теперь у меня к вам просьба. Я знаю, что среди вас много есть добрых людей, есть и люди с христианским настроением. Помолитесь еще обо мне Богу, чтобы дал Он мне силу послужить с вами в храме на Рождество, чтобы не разлучаться нам с вами в этот великий праздник. Вы так просите Бога: «Господи, ведь Ты же Сам обещал нам — просите и дастся вам!» (Владыка плачет). И верю, что по молитвам вашим помилует меня Господь. А завтра приходите вечером прослушать в последний раз в этом году чин 12 псалмов. А теперь — с миром изыдем!

15.XII/28.XII
После Литургии

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Мои голосовые ресурсы не позволяют мне много говорить, да и отец Архимандрит так прекрасно изъяснил притчу о званных и избранных, что мне остается добавить лишь немногое. Кто это — «званные» на пир? — Все крестившиеся во имя Отца и Сына и Святаго Духа. В тот момент, когда дитя погружается в крещальные воды и священник произносит формулу крещения, Господь уже призывает к Себе на вечное торжество, на бесконечный пир эту душу, если она выполнит со своей стороны те обеты, которые за нее дают Богу восприемники. Когда после крещения все члены тела помазываются священным миром — это означает, что Бог запечатлевает Свой призыв к вечному Блаженству. Рассудите теперь, кто же мы с вами? «Званные», да? — Да,

други мои! Но для того, чтобы попасть на пир, надо еще оказаться и в числе избранных, а это зависит уже от нас самих. Кто же будет таким избранником? Скажу вам, что если вы сохраните веру свою в Господа нашего Иисуса Христа до конца дней своих, то по заслугам возлюбленного Сына Своего помилует вас Бог. Если возлюбите Господа Бога всем сердцем своим, и всею крепостию своею, и всем разумением своим, и ближнего своего, как самого себя — то есть вам надежда войти в Царство Небесное. Кто будет стараться жить по заповедям Господним, а если нарушит их невольно — чистосердечно каяться перед священником и с благоговением приобщаться и Святых Тайн, — тот будет в числе «избранных». Господь «всем хощет спастися и в разум истины приити». Молитесь так Господу Иисусу Христу: «Господи, Ты для меня грешного пришел в мир, возлюбив меня еще до моего рождения. Во имя этой любви Твоей взываю к Тебе — спаси меня!» А Богу-Отцу говорите так: «Ты Сына Своего возлюбленного отдал на страдания ради меня, грешного. Сделай же, чтобы не бесплодна была для меня Жертва эта, причти и меня к числу уже спасенных, Тебе бо все возможно, как Богу!»

Не для праведников приходил на землю Христос, а сошел Он на землю ради блудников, злых, маловерных, пьяниц, дерзких, ленивых — таких, как я, грешнейший из всех окружающих. Я так думаю: недостойны мы и помыслить быть со Апостолами, пророками, мучениками, праведниками. Но Ты, Господи, хотя как малую песчинку приими меня (Владыка плачет) в Свое Царство, дай и мне напитаться хотя бы крохами с Твоей вечери, не разлучай меня с Тобою! (плачет). Как тяжело быть даже вдали от храма в большой праздник!

Усильте же свои молитвы о моем здоровье! Мне уже значительно лучше, почему и мог я сегодня приехать сюда. Еще немного постарайтесь, и тогда мы с вами вместе сможем прославить Родившегося Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

15.XII/28.XII
После вечерни и литии о новопреставленном Архиепископе Сергии

Мне очень приятно, что вы с таким усердием посещаете наши вечерние воскресные службы. Когда читали здесь сейчас 12 псалмов, и я в алтаре читал их также (и должен сказать, что никогда еще не открывались мне в такой мере глубина и красота этих покаянных псалмов, как сегодня!) Многие из вас имеют у себя Псалтирь и читают ее. Я и хочу напомнить: не забывайте читать эти 12 псалмов, особенно на ночь, когда мы молимся: «Владыко, Человеколюбче, неужели мне одр сей гроб будет?» Когда мы думаем: «Неужели завтра не увижу я ни солнца, ни земли с ее красотою, расстанусь с близкими (плачет) и предстану страшному Престолу Божию?» Если почему-либо нельзя прочитать все эти 12 псалмов, то читайте обязательно на ночь хотя бы молитву св. мученика Евстратия, которую вы только что слышали. Он произнес ее перед своею мученическою кончиною и просит в ней Бога, чтобы приняли его душу Ангелы светлые и пресветлые, защитили ее от злых демонов и представили невредимо к престолу Божию.

Благодарю вас и за то, что вы приняли сейчас участие в нашей молитве о упокоении души собрата нашего, Архиепископа Казанского Сергия. Это был прекрасный Архипастырь, ревностный в слу-

жении Богу, милостивый к людям, доступный всем. Я знал его еще молодым архимандритом, и тогда уже он выделялся среди остальных. Это был духовный отец, друг и благодетель нашего отца Архимандрита Исаакия, с которым они служили вместе, тоже в Никольском храме, 17 лет. Их связывала такая нежная дружба, что Владыка Сергий в письмах и телеграммах называл отца Архимандрита не иначе, как «братиком»; это показывает особенную их близость. Я надеюсь, что милостивый Бог примет его в свои вечные обители, а за ваши молитвы о нем воздаст вам незримо еще и в этой жизни, а в будущей удостоит встречи с ним в Царствии Небесном. Аминь.

18.XII/31.XII
После всенощной и новогоднего молебна

И я поздравляю вас с новым годом. Люди привыкли в этот день говорить: «С новым годом, с новым счастьем!» Этим они показывают, что прежнее «старое счастье» их как бы не удовлетворяет, что они хотят теперь «нового». Но что же такое — счастье?

Обычно разные люди понимают его по-разному. Один видит счастье в безбедном существовании, в обеспеченности, другой больше всего дорожит своим положением в обществе, на службе. Третий скажет: «Мне бы только иметь здоровье, и с ним я всего добьюсь, все тогда хорошо будет». Иные особенно ценят свое семейное счастие или общение с друзьями. Есть и такие люди, и их немало, для которых счастье заключается в возможности трудиться на пользу других людей. Все это неплохо, други мои, само по себе, но дает ли что-либо из перечисленного мною

сейчас длительное, прочное и ничем не омрачаемое счастие? — Нет, вы отлично знаете, как это все непрочно. Вчера человек был здоров, а сегодня он заболел, и надолго. И положение, и обеспеченность, и семья, и друзья — это все временное и скоропреходящее. Одно то, что каждый человек знает, что он рано или поздно должен умереть, уже вносит свою горечь в наслаждения всеми этими благами, с которыми вот-вот придется навеки расстаться.

Что же может дать нам прочное и безмятежное счастие? Только одно — это единение со Христом, Который пребывает вовек. Для этого же единения с Ним что нужно делать? — Он сам говорит об этом в Своих заповедях блаженства. Блаженны (то есть счастливы) нищие духом, то есть смиренные, не гордые. Блаженны плачущие от раскаяния во грехах своих (но не от обиды плачущие, конечно) — они получат утешение. Блаженны те, кто примиряет враждующих между собою — их счастье в том, что они уподобляются Самому Сыну Божию, пришедшему примирить Бога с людьми. Блаженны гонимые за правду — их ожидает вечное блаженство в Царстве Небесном. Вот каких людей Господь наш Иисус Христос называет счастливыми.

Вот такого именно прочного счастья в общении со Христом здесь на земле, которого не могут отнять никакие люди и обстоятельства и которое является началом и залогом вечного блаженства на небе — я вам всем, други мои, молитвенно желаю! Сие по милости Божией нам всем буди, буди! Аминь.

1953 год

22.XII/4.I
После Литургии

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Вы, наверное, заметили, как украсилось Богослужение сегодня вечером исполнением песнопения «Волною морскою...»? Вы помните, что это же самое поется, с несколько измененными словами, еще в Великую Субботу перед Пасхой?

Но что же общего между Рождеством и Пасхой?! Духовные писатели и составители богослужебных песнопений находят нечто общее. Христос лежит в тесном Гробе, но Церковь уже заранее торжествует Его Воскресение, победу над смертию. Младенец Христос находится еще в Девственном чреве Богоматери и, как из пещеры, должен появиться в мир, чтобы принести нам прощение и спасение. И тут, и там враги: в одном случае — распинавшие Христа фарисеи, книжники и первосвященники, которым как будто удается даже временно одержать победу; в другом — царь Ирод, который ищет погубить Младенца Христа, так что приходится Пречистой Деве с Иосифом и Младенцем бежать ночью в Египет. Но Бог Отец сохраняет Христа от злобы Иродовой и воскрешает Его после Крестных страданий. Оба эти события прообразовало в Ветхом Завете одно и то же чудо — переход евреев через Чермное море и гибель фараона, мучителя-гонителя.

Уже слышали мы с вами в стихирах Праздника, что идут волхвы поклониться новорожденному Христу, несут Ему подарки. Через два дня и мы с вами будем поклоняться Богомладенцу, лежащему в яс-

лях. Что же мы подарим Ему? Что Творцу вселенной может быть приятно получить от нас? — Ничего ему не нужно, кроме любви нашей: «Даждь ми, сыне, твое сердце!»

С каким же чувством будем мы подходить и лобызать Его, лежащего в яслях? — Если подойдем с сердцем, очищенным покаянием и приобщением Святых Тайн, с благоговением и любовью, то уподобимся волхвам, принесшим Ему дары и поклонившимся Ему, как Богу. Если же будем поклоняться Ему с сердцем злым, нечистым, завистливым, исполненным гордости, то не уподобимся ли мы царю Ироду, который тоже говорил, что хочет поклониться новорожденному Царю? Берегитесь этого, други мои!

Осталось еще два дня: позаботьтесь очистить свое сердце покаянием! Вы скажете, что это слишком короткий срок для покаяния. Но, други мои, вспомните разбойника, который раскаялся в течение нескольких минут, и был прощен, и первым вошел в рай. Вспомните блудницу, омывшую слезами ноги Спасителя; мытаря — разве они долго каялись? Важно искренно почувствовать свой грех, возненавидеть его, оплакать и стараться впредь его не совершать. Также и в Евангельской притче — блудный сын едва лишь подошел ко Отцу своему, только отверз уста свои, чтобы покаяться, как уже был прощен Отцом, который сам вышел к нему навстречу и с радостию принял его в свои «Объятия Отча».

Покайтесь горячо со слезами и идите смело к тому, Кто сам сказал нам: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии (грехами), и Аз упокою вы...» Вы увидите сами, что праздник тогда будет у вас светлым и пресветлым, чего я вам всем молитвенно желаю. Аминь.

25.XII/7.I
Рождество Христово. После Литургии

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Хочу хоть в самых кратких словах еще раз приветствовать вас с радостным праздником Рождества Христова. Не забывайте, други мои, какую великую радость принес Господь нам грешным Своим воплощением и Рождеством — Он пришел для того, чтобы всех людей призвать к Себе на небо. Хочу я еще поблагодарить тех из вас, которые (знаю я это!) молились о моем здоровье, и вот за молитвы их смог я прийти сюда и помолиться со всеми вами. Желаю вам эти дни и в течение всей вашей жизни вкушать тот небесный мир, который принесен Господом на землю и о котором Он Сам сказал: «Мир Мой даю вам; не так, как мир дает, даю вам». Мир с Богом, со своею совестию, со всеми окружающими, да покрывает вас и здесь, и дома, и на работе вашей. Аминь.

29.XII/11.I
В Покровской церкви после Литургии

Приветствую вас всех с радостным, торжественным Праздником Рождества Христова, с наступившим новым 1953 годом. В минувшем году много было у меня болезней, и сейчас чувствую я себя еще очень слабым, так что советовали мне сегодня побыть дома, но я все же решился приехать сюда поздравить вас с Праздником. Правда, благословить каждого в отдельности мне на этот раз не придется. Знаю я, что молились вы в этом храме о моем здоровье, когда я хворал, и за эти-то молитвы дал мне Бог радость

вместе с вами помолиться сегодня. Благодарю вас всех за эту вашу любовь ко мне.

Храм ваш посвящен Покрову Божией Матери. Не забывайте же прибегать к Ней, общей для всех нас Матери, во всех своих горестях и нуждах, и Она, Сама испытавшая столько горя в земной Своей жизни, никогда вас не оставит без помощи. Вы представьте только Ея страдания и страх, когда Ирод-царь хотел умертвить Ея Божественого Сына, когда пришлось Ей бежать с Ним и со старцем Иосифом Обручником в Египет! А сколько боли Ея любящему сердцу доставило известие об избиении 14 тысяч младенцев и плач 14 тысяч матерей, и сознание, что это за Ея Младенца, Христа, они пострадали. Конечно, причислила Церковь этих младенцев к лику святых, как пострадавших за веру Христову. Для того, может быть, и было послано Пресвятой Деве столько горя, чтобы всякое наше горе было Ей близко и понятно. И если земная мать наша всегда накормит нас, когда мы ее об этом попросим, всегда утешит в горе и отрет наши слезы, постарается вылечить в болезни — тем более сделает это для нас наша Небесная Матерь, Мать Самой Любви и Милосердия, если мы к Ней обратимся за помощью.

Во многих храмах, и у вас в том числе, имеется икона «Всех скорбящих Радость». Это — список с чудотворной иконы, которая с давних пор и доныне находится в Москве на Большой Ордынке. В XVI веке произошло исцеление от этой иконы одной благочестивой женщины по имени Евфимия. У нее была рана в боку, которая не заживала много лет, не поддавалась никакому лечению. Однажды больная увидела во сне Божию Матерь, Которая приказывала принести на дом из церкви Преображения Свою икону и отслужить перед нею молебен. Это было исполнено,

и больная сразу выздоровела. После того от этой иконы происходило много исцелений.

Очень многие прибегают к другой чудотворной иконе Божией Матери, которая называется «Нечаянная Радость». Когда-нибудь я вам подробно расскажу об этой иконе. Она называется так потому, что Божия Матерь вымолила у Сына Своего одному грешнику «Нечаянную радость покаяния» — здесь уже было исцеление души его подобно тому, как в других случаях исцеляется тело.

Но, скажете, все это было давно! А я сейчас расскажу об одном чуде, которое было совсем недавно и совершено Пресвятою Богородицею за почитание именно этой Ея иконы, именуемой «Нечаянная Радость». Есть один старенький батюшка, отец Василий Мухин из Актюбинска, большой друг отца Архмандрита, и вот он описал в письме к нему и ко мне, что с ним произошло около месяца тому назад. Вызвали его на требу. Надел он свой большой тулуп, валенки и пошел. Совершил, что надо. Возвращаясь домой, пошел не по мостику, а через полотно железной дороги, по которому маневрировал поезд. Незаметно для себя очутился он сперва под паровозом, а затем над ним прошел и весь состав. Его заметили, начали кричать: «Человек под поездом!» Остановили поезд, и вылез он из-под него совершенно невредимый, даже на тулупе ни одной царапинки не было. А вы ведь знаете, сколько под паровозом всяких рычагов, крючьев, как легко там могли они его зацепить и втянуть под самые колеса! Он долго не мог прийти в себя от пережитого. Кто же его сохранил невредимым в такой беде? — Конечно, Божия Матерь, потому что он имел обыкновение неуклонно каждую пятницу служить Ей всенощную, а в субботу утром читать акафист перед

иконою Ея «Нечаянная Радость». Трудно выразить его благодарность Царице Небесной за такое избавление от внезапной смерти. Оно и произошло как раз с пятницы на субботу.

Скоро мы с вами, Бог даст, опять увидимся. В этом году мясоед будет очень короткий, а на третьей неделе Великого Поста мы обычно служим у вас пассию.

Да покроет же вас всех Своим Покровом Пресвятая Дева и да сохранит в мире и здравии на весь этот год! Аминь!

1.II/14.II
После всенощной. Канун Сретения

Приветствую и я вас с праздником Сретения Господня!

Я знаю, что вы молились о моем здоровье, и особенно угодно — в прошлое воскресенье, так что многие даже источали слезы. Да воздаст же Господь вам Своею милостию! Я молю Бога: «Господи! За каждую пролитую в молитве за меня слезу, за каждый вздох воздай Ты Сам чадам моим если не в этом веке, то в будущем!» И верю, что воздаст Господь (плачет...)

Вот мы с вами привыкли молиться Богу о том, чтобы Он послал нам кончину живота нашего безболезненну, непостыдну, мирну, Святых Таин причастну, и в молитвах об этом помогает нам св. Великомученица Варвара, которой за ея страдания дана от Бога благодать избавлять обращающихся к ней от внезапной смерти. Но я уже год назад вам говорил и теперь повторяю, что надо молиться об этом еще и св. Симеону Богоприимцу: кто из нас не пожелает себе такой мирной кончины, какая была у него! Больше трехсот лет ждал он Спасителя, так как ему

обещано было Богом через Ангела, что он не увидит смерти, пока не встретит Христа Господня. И хотя он был уже очень стар, и, казалось, уходила надежда на исполнение этого обещания, но он, праведный и благочестивый, не сомневался в словах Господних, и все ждал их исполнения. И дождался этой радости — подержать на руках своих Младенца Христа. Блаженной после этого была его кончина. Но, пожалуй, скажу — еще блаженнее бывает смерть того человека, который удостаивается перед смертью не только подержать в объятиях Христа, но с верою принять Его в недра свои в Святых Тайнах. Такой спокойной и мирной кончины я вам всем и себе самому молитвенно желаю. Аминь.

9.II/22.II
После Литургии

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Обратили ли вы внимание, други мои, на те моменты, в которых молится Церковь о тех, кто был с ней, но потом покинул ее? (Владыка плачет...) А я обратил внимание, как заботливо она зовет их вернуться и ждет их, готовая 70 раз седмерицею отпускать грехи. Не проклинает Церковь отступников, а жалеет их. Среди вас есть много отцов и матерей, дети которых, во младенчестве крещенные и посещавшие в детстве Церковь Христову, теперь отошли от нее, пришедши в возраст. Говорят: «Церковь нам не нужна, и в Бога мы не верим!» (Владыка плачет. Постепенно, один за другим, начинают плакать молящиеся). Молитесь о таких заблудших детях, как и Церковь это делает, но никогда не проклинайте их! Некоторые родители выходят из терпения и го-

ворят: «Чтоб тебе не было удачи и счастия на земле за то, что ты забыл Бога! Чтоб тебя не приняла земля!» И подобное тому.

Великий грех — так говорить. Вспомните, что ни одна слеза, ни один вздох не забыт у Бога. Если будете вы умолять Бога ежедневно со слезами — не может быть, чтобы погибло чадо ваше! Одной женщине, скорбевшей о своем сыне-отступнике от веры, св. Амвросий, епископ Медиоланский, ответил так: «Не может погибнуть дитя стольких слез и молитв». И действительно, юноша этот впоследствии обратился к Богу и даже стал епископом.

Верю, что и с вашими детьми так будет, не могут погибнуть их души, если будете усердно молиться. А теперь вы меня отпустите, а сами спойте: «Верую во Единого Бога Отца...

15.II/28.II
За Литургией

Сейчас отверзутся Царские Врата и Церковь будет приглашать вас: «Со страхом Божиим и верою приступите!» Разный бывает страх. Когда человек, например, совершит какое-либо преступление, то он испытывает страх пред судьею своим в ожидании положенного ему по закону наказания. Испытывает страх и стыд и перед всеми людьми, которые узнали о его злых делах. Но это — страх человеческий! И не дай Бог вам испытать его! Здесь говорится о «страхе Божием», о том страхе, с которым предстоят Престолу Божию Ангелы и Архангелы, закрывающие лица свои от величия славы Божией и боящиеся чем-либо оскорбить Бога. Такой же сыновний страх, благоговение испытывают и святые

Божии человеки. Этот страх Божий — лишь проявление любви к Богу. Вот такого именно «страха Божия» я вам молитвенно желаю.

И еще говорит Святая Церковь: «С верою приступите!» С верою в то, что во Святой Чаше действительно находятся Животворящие Тайны — Тело и Кровь Христовы, что Господь Иисус Христос для того и приходил на землю, чтобы нас всех, грешных, спасти. Если с таким настроением будете вы приходить к Святым Тайнам, то причащение их будет вам во спасение. Постарайтесь же сосредоточиться сейчас на этих мыслях и чувствах.

Должен я еще сказать, что очень скорблю, когда вы сразу после причащения, не выслушав благодарственных молитв, уходите домой. Так было в прошлую субботу. Причащалась вся Церковь, а затем половина разошлась. Неужели мы будем так неблагодарны, что, вымолив себе у Бога это великое сокровище, не поблагодарим Его за это?!

Положите все сейчас земной поклон! Земной поклон Самому Господу Иисусу, идущему вам навстречу во Святых Своих Тайнах. Аминь.

16.II/1.III
После Литургии

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Каждый день всякий верующий христианин читает у себя дома Символ Веры. И в храме ежедневно поется он или читается. В нем исповедуем мы свою веру словами: «Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым...»

Бог Отец назван здесь Вседержителем потому, что Он все существующее содержит в Своей длани (ина-

че можно сказать — «в руке»), все: и людей всех, и тварей дышащих и недышащих. Всех их Он сотворил, всех и питает, от человека до маленькой зверюшки какой-нибудь, обо всех промышляет. Всех направляет Он ко благой цели: людей ко спасению и жизни вечной, а прочих тварей к тому, чтобы они исполняли волю Божию, как им предписано. Потому мы и зовем Небесного Отца Вседержителем и Промыслителем.

Один человек, верующий, просил меня разъяснить ему, как надо понимать эти слова: «Вседержитель» и «Промыслитель». Я, насколько хватило сил, исполнил эту просьбу, и он в ответ прислал мне один рассказ, который я слышал еще в детстве, но потом забыл. Его я сейчас вам и расскажу.

Накануне Рождества Господь послал Ангела Своего взять душу одной бедной вдовы, у которой было трое маленьких детей. Ангел спустился в бедную избушку, стоявшую в лесу, и увидел там лежащую на одре тяжело больную женщину и около нее троих малых детей, которые горько плакали. И пожалел их Ангел. Кто накормит сироток, когда не будет матери, кто их приласкает, утешит, к добру приучит? И вернулся Ангел к Богу, не исполнив Его повеления, и говорит Ему: «Господи, отмени Свое постановление, не призывай к Себе душу этой женщины ради малых детей ее!» Но Господь повелел Ангелу спуститься на дно моря, взять оттуда камешек, разбить его и сказать, что там окажется? Ангел исполнил это, и когда разбил камешек, то внутри него оказался живой червячок, который питался через стебель травы, вросший в камешек. Понял Ангел, что Господь сможет пропитать всех, кого захочет, и полетел исполнить волю Его: взял душу вдовы из тела ея и принес к Богу. А Бог в тот

же день, в который отнял от малюток мать, послал им отца. В том же лесу заблудился в это время ехавший мимо богатый человек. Была сильная метель, наступал вечер, и в темноте путнику угрожала неминуемая смерть. Но он обратился к Богу с горячей молитвой о своем спасении и дал обет — если останется жив, сделает какое-либо доброе дело. Не успел он окончить эту молитву, как блеснул в лесу огонек. Путник поехал в ту сторону и нашел ту избушку, в которой только что скончалась вдова. Увидел он жестокую нищету кругом, похолодевшее тело и троих детей, плачущих и испуганных, жмущихся к умершей матери. И вспомнил этот человек свое обещание Богу, и понял, какое именно доброе дело должен он теперь сделать. Он взял к себе всех троих детей, заменил им отца, воспитал их и обеспечил.

Вот видите, как заботится о всех нас Господь, особенно о сиротах! Поэтому, други мои, никогда не говорите: «Бог меня забыл! Бог меня оставил!» Мы Бога иногда забываем и оставляем, а Он никогда не прекращает заботиться о нас. Он и червячка в камушке на дне моря питает, и нас всех может сохранить и пропитать. Аминь.

Сегодня в 5 часов будет вечерня, а после нея — Пассия, о чем вам вчера рассказывал отец Архимандрит. Постараемся устроить это поторжественнее, вроде того, как было в прошлое воскресенье. И так как вспоминать будем мы страдания Христовы, как в Великий Четверг, когда со свечами в руках слушаем мы чтение 12 Евангелий, то я хотел бы, чтобы и сегодня вы стояли на Пассии с зажженными свечами. А теперь — с миром изыдем!

1955 г.

Архиепископ Николай и епископ Ермоген (Голубев) с причтом на крыльце Никольского собора. Алма-Ата

Владыка Николай и архимандрит Исаакий с паствой. Алма-Ата

Митрополит Николай, архимандрит Исаакий (Виноградов), протоиерей Анатолий Синицын и левый клирос Никольского собора во дворе епархиального управления на Кавалерийской улице

Митрополит Николай с коллективом епископской канцелярии, Алма-Ата, 19 апреля 1954 г.

↑*В одном из поселков Казахстана. 1940-е — 1950-е гг.*

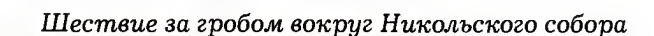
Моленный угол в келье владыки Николая

Дом митрополита Николая в Алма-Ате на Джетысуйской улице

Владыка Николай на смертном одре

Скорбный путь на кладбище

После панихиды по митрополите Николае.
27 (14) октября 1955 г.



Шествие за гробом вокруг Никольского собора

Первый крест на могиле митрополита Николая. Октябрь 1955 г.

Архимандрит Исаакий в дни после кончины митрополита Николая

Место упокоения владыки Николая.
Фото 1956 г.

Протоиерей Даниил у могилы митрополита Николая.
Фото конца 1950-х гг.

Патриарх Московский и всея Руси Алексий II
у могилы святителя Николая,
митрополита Алма-Атинского и Казахстанского

23.II/8.III
После Литургии

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Поздравляю вас, Боголюбивые, с праздником Креста Господня! Не только у нас ему поклоняются, но куда бы мы ни поехали, во всяком уголке вселенной, где живут православные верующие, почитается и Крест Господень. Почему так? — Потому что на нем совершил Господь Иисус Христос наше спасение.

Теперь Крест, напоминая нам об искуплении наших грехов, приносит нам радость и утешение. А было время, когда он возбуждал только ужас: на кресте распинали самых тягчайших преступников — убийц, предателей родины. Поэтому самый вид его, даже название его, вслух произнесенное, приводили людей в трепет. После же Крестных страданий Спасителя нашего Крест стал утверждением верных, украшением Церкви, он есть слава Ангелов и устрашение, язва демонов. Теперь Крест сопровождает нас всю жизнь: родится младенец — его благословляют Крестом; при Крещении надевают на грудь его Крест на всю жизнь; во многих трудных обстоятельствах сила Крестного знамения оберегает нас и спасает. И после кончины нашей что ставится на могиле? Опять Крест.

Животворящая, непобедимая и непостижимая сила Креста Голгофского сообщается каждому Кресту — большому и малому. Со слов самих бесов можно заключить, что страшнее всего для них Крест Христов, как пишут об этом древние подвижники православные. Я уже рассказывал вам, но и еще раз хочу повторить, какое значение имеет нательный Крест. Умерла одна девочка. Ее отпели, как по-

12 Зак. 27082

лагается, но второпях и в огорчении мать ее забыла надеть на нее Крест. Ночью во сне является эта девочка матери, с плачем говорит ей: «Мама, как мне тяжело!» — «Отчего же тебе тяжело, доченька? — спрашивает мать. — Ведь мы тебя по-христиански похоронили, все, кажется, сделали, что полагается». — «Нет, мама, ты забыла надеть на меня Крестик, и теперь мне очень тяжело!» Мать, проснувшись, стала припоминать, и действительно вспомнила, что Креста не надела, да и самый крестильный Крест дочери нашла около икон. Она пошла тогда к гражданским властям, попросила разрешения раскопать могилу, открыла гроб и надела на девочку ее Крест. В следующую же ночь явилась эта девочка снова матери, светлая и радостная, и говорит: «Теперь, мама, мне хорошо! Я с Крестом, и иду ко Христу». Запомните же это, други мои!

Я всегда говорил вам, говорю и буду говорить, что нельзя с себя снимать Крест, а носить его надо до конца своей жизни. Господь принял за нас жестокие страдания и позорную смерть на Кресте, а мы стыдимся даже под платьем носить свой Крест, из опасения насмешек или осуждения со стороны неверующих. Какие же мы после этого христиане?! И чем мы отличаемся от неверующих? На Страшном Суде что скажем мы в оправдание того, что будучи крещены — отреклись от Христа?

Также и Крестное знамение, которое имеет великую силу (что вы на себе не раз, наверное, замечали), надо совершать очень внимательно и неторопливо, как говорится — «истово». Тогда оно и будет страшно демонам, так что даже взирать на такого человека они не смеют. А небрежно совершаемое Крестное знамение доставляет бесам только радость. Мы знаем примеры того, что с верою

совершенное Крестное знамение может даже яд сделать безвредным: когда во время гонений св. Апостолу Иоанну Богослову по приказанию мучителя подали чашу с ядом, то он знаменовал ее Крестом и безбоязненно выпил, не испытав затем никакого вреда. Еще со времен апостольских известно, значит, употребление Крестного знамения.

Тогда же почитали уже и изображение Креста, и в римских катакомбах, около гробниц мучеников II и III веков, оно часто встречается.

Как мы должны дорожить своим крестильным Крестом! Утром при пробуждении прежде всего надо поцеловать его и сказать: «Господи Иисусе Христе, благослови день этот и сохрани меня силою Креста Твоего!» И ночью, ложась спать, опять поцеловать и сказать: «Благослови ночь сию и сохрани меня невредимым силою Креста Твоего!» Как много раз я вам говорил, так и еще раз повторяю: кто любит Христа, тот никогда не снимет с себя Креста! Аминь.

2.III/15.III
После Херувимской

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Сегодня в нашем храме будет совершена хиротония, что значит рукоположение во иереи, то есть во священники. Не все знают, как совершается это таинство. Из района посылают, например, в город псаломщика, а возвращается он оттуда в свое село уже священником, а как это произошло — для многих непонятно. Да и из здесь стоящих городских богомольцев есть такие, которые не видали этого.

В нашей православной Церкви три степени священства: епископ, иерей и дьякон. Для того чтобы рукоположить нового епископа, требуется присут-

ствие по крайней мере двух других епископов, а иногда это совершается пятью, шестью и даже двадцатью епископами. Все они возлагают руки свои на главу будущего епископа, и тогда передается ему благодать Всесвятаго Духа и он получает силу и право не только совершать все таинства, которые совершают иереи, но и рукополагать священников и дьяконов.

Посвящение во иереи происходит во время Литургии, сразу после пения Херувимской песни, то есть именно сейчас. Рукополагаемый становится перед амвоном, между двумя иподиаконами, а епископ садится в алтаре около Престола. Иподиаконы возглашают: «Повели!» «Повелите!» — обращение к епископу и к народу: можно ли ввести рукополагаемого в алтарь через Царские Врата? Кандидата вводят, он падает ниц перед Престолом и отдает земной поклон епископу. После этого старший из священнослужителей обводит его трижды вокруг Престола, а певчие поют: «Святии мученицы» и «Исаие, ликуй!» — то самое, что поется при венчании, когда брачующихся обводят кругом аналоя. Таким образом, таинство священства напоминает таинство брака, только здесь невестою является как бы вся паства, все то Христово стадо, которое отныне будет пасти новый иерей. Затем рукополагаемый становится на колени у правого угла Престола, полагает на него крестообразно руки, а на руки главу свою в знак полной своей покорности Церкви и епископу. Епископ покрывает склоненную главу своим омофором и полагает на ней крестное знамение со словами: «Божественная благодать, всегда немощная врачующая и оскудевающая восполняющая, пророчествует благоговейнейшего диакона (такого-то) во пресвитера. Помолимся убо о нем!» В этот момент и сходит на рукополагаемого Дух

Святый, и благодать священства будет пребывать с ним до гроба, так что никто уже не может отнять ее. Если даже священника лишили сана, и то благодать остается при нем, хотя на Страшном Суде может оказаться ему в осуждение.

Я уже говорил вам не раз, что священнику дается благодать совершать то, что не доступно даже Ангелам — претворять хлеб и вино в Тело и Кровь Христовы. Будет он отныне совершать и другие таинства, а также проповедовать слово Божие. После рукоположения облачают нового иерея в священнические одежды и при этом каждый раз возглашают: «Аксиос», то есть «Достоин»!

Просьба к вам, присутствующим здесь, горячо помолиться с нами о том, чтобы послал Бог нового достойного делателя на жатву Свою. Вы знаете, что жатвы очень, очень много, а делателей мало, по слову Господню. Молитесь убо Господину жатвы, да потрудится новый делатель во славу Божию до конца дней своих. Аминь.

2.III/15.III
После Литургии

Возлюбленный о Господе брат наш, иерей Владимир! Поздравляю тебя с принятием благодати священства, и да пошлет тебе Бог силу трудиться достойно в новом звании твоем всю твою жизнь. Ты отныне будешь предстоять страшному Престолу Божию. Служи же Богу всегда со страхом и трепетом и помня, что и Ангелы безгрешные не смеют взирать на Славу Божию, а закрывают лица свои. Мы же, грешные, как должны быть всегда внимательны, как смиренны, как должны всегда готовиться к совершению страшного таинства! Будешь ты и наставлять стадо

свое Словом Божиим. Старайся, чтобы речь твоя была всем понятна, говори просто, чтобы и пожилые люди тебя поняли, и молодые, и даже младенцы кое-что могли вынести из твоих поучений. Бывали случаи, что трехлетнее дитя приходило домой и пересказывало слова священника. Когда будешь совершать требы, не оставайся безразличен к горю и радости твоих прихожан: можно ли остаться пастырю равнодушным во время отпевания, когда вся семья умершего скорбит?! Также и радость старайся разделить, особенно же сочувствуй в горе.

Я знаю, что ты не сребролюбив. И оставайся таким до конца дней твоих! Недуг сребролюбия заражает многих пастырей, и дадут они за это ответ на Страшном Суде Господнем!

Да, еще одно упустил напомнить тебе. Многие теперь стыдятся своей пастырской одежды в обществе: не носят рясы, подстригают волосы и бороду. Ты не следуй их примеру! Нам ли стыдиться рясы, когда она должна напоминать нам ту хламиду, которую надели на Христа воины, когда надругались над Ним, и Он не стыдился претерпеть ради нас этот позор и унижение!

А теперь надо бы мне всех вас благословить, но вместо меня сделает это отец Владимир, обновляя вновь полученную благодать священства. Хоть и не стареется благодать Святаго Духа, но особенно дороги нам ее первые проявления.

16.III/29.III.
Вербное Воскресенье. После Литургии

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Поздравляю всех вас, боголюбивые прихожане нашего Никольского собора, с большим праздником

торжественного Входа в Иерусалим Господа нашего Иисуса Христа. Много раз приходил в Иерусалим Господь, но всегда это было незаметно, Он шел с небольшою толпою Своих ближайших учеников. Теперь же, перед Своими страданиями, Он шел торжественно, как Царь, как обещанный Мессия. Всегда народ любил Его и ходил за Ним, ожидая получить от него милость: исцеление от болезней самых ужасных и неизлечимых, избавление от нечистых духов, утешение в скорби, наставление о том, как получить жизнь вечную. Мы знаем и о том, что насыщал Он голодных, питая досыта пятью малыми хлебцами 5 тысяч мужей, не считая жен и детей; а в другой раз напитал 7 хлебцами 4 тысячи мужей, не считая жен и детей. Поэтому любил Его народ, и самые враги Его, книжники и фарисеи, не решались открыто взять Его и убить, боясь возмущения народного. Многие признавали Его уже Сыном Божиим, тем обещанным Царем из рода Давидова, о Котором предсказывали все пророки. Но Он запрещал говорить об этом и ученикам, и тем злым духам, которых Он изгонял Своим словом и которые Его открыто исповедовали Сыном Божиим. Теперь же ввиду Своих страданий Он особенным образом показывает народу, что Он есть Мессия: Он посылает, подходя к Иерусалиму, двух из учеников Своих привести Ему из ближайшего селения осленка неезжалого, на которого еще ни один человек не садился. Ученики приводят осленка с ослицей, покрывают своими одеждами, Иисус садится на осленка и так движется к городу, показывая исполнение пророчества, что Он и есть Христос: «Ликуй, дщерь Сиона! Се Царь твой грядет к тебе кроткий, сидя на молодом осле, сыне подъяремной!»

В это время, за шесть дней до Пасхи, к Иерусалиму двигались тысячи богомольцев. Ведь это был

единственный город в мире, в котором был единственный храм истинного Бога, где должны были поклоняться Ему иудеи, уже и тогда рассеянные по всем странам света. Поэтому в праздники Пасхи, Кущей и Обновления собиралось туда народу до 3 миллионов. Особенно торжественно праздновалась Пасха. И вот все эти толпы паломников, увидав едущего на осленке Учителя, окруженного толпою Своих галилейских учеников и услышав о великом чуде, недавно совершенно Им — о воскрешении четверодневного разлагающегося мертвеца Лазаря (чего еще никто никогда не делал), стали приветствовать Его криками: «Осанна!» Некоторые срезали ветви деревьев и постилали их под ноги осленку (и мы, подобно им, стоим с ветвями верб в руках), другие же снимали ризы свои и чтобы проявить любовь свою, постилали их по дороге. И ехал Господь наш Иисус Христос, окруженный миллионной толпою. Не только взрослые ликовали и пели, но и отроки приветствовали Его, и даже грудным младенцам дал тогда Господь голос и вложил в уста их слова псалмов, так что они хвалили Бога вместе со взрослыми. И когда фарисеи настаивали на том, чтобы Христос запретил детям прославлять Его, то Он ответил им: «Истинно говорю вам: если сии умолкнут, то камни возопиют!» Такова была радость, такое было ликование у народа, так как он думал, что Христос теперь будет царем у них.

Но Сам Христос при этом всеобщем ликовании становился все задумчивее и печальнее. Почему? Потому, что Он знал, что через три дня этот же народ отвернется от Него, будет просить освободить Варавву вместо Него, а Его предадут на смертную казнь. И даже ближайшие ученики Его все разбегутся. Так и было на Голгофе. Кого мы видим у Кре-

ста Его? — Пречистую Матерь, Которая могла ли покинуть Возлюбленного Сына Своего в несчастии? Жен-Мироносиц, которые еще из Галилеи сопровождали Его, невзирая ни на какие опасности — и мы знаем, как дорога была Господу эта их преданность: по Воскресении Своем явился Он им даже прежде, чем Апостолам. И еще видим у Креста любимого ученика Иисусова, святого Иоанна Богослова. Но все это — лишь несколько человек из той миллионной толпы, которая окружала Господа при Входе Его во Иерусалим.

Перенесемся мыслию в наше время. Вот вчера вечером и сегодня радуете вы мое сердце тем, что пришли сюда в таком большом количестве. Но так ли будет завтра и послезавтра, когда будем мы вспоминать Страдания Христовы, или вас тоже окажется только горсточка верных, как на Голгофе? Да не будет этого! Неужели ради своих хозяйственных дел оставите вы одного Страдальца и не разделите с Ним скорби Его, не откликнетесь на призыв Его?! Раньше бывало, что мешала пойти в Церковь лишний раз большая стряпня, подготовка к празднику. Теперь, слава Богу, и эта причина отпадает! Оставьте же все свои дела! Они таковы, что чуть закончишь одно, как следом за ним требует вашего внимания уже другое, и конца им никогда не будет!

Хотел бы я знать, что в таком же количестве, как сейчас, будете вы приходить всю неделю, поклониться Страстям и Гробу Христову, чтобы затем войти нам всем вместе и в радость Святого Воскресения Христова! Сие по милости Божией со всеми нами буди, буди! Аминь.

21.III/3.IV
Погребение Плащаницы

...Тихо на Голгофе... Кончен беззаконный, неправедный суд над Праведником. Смолкла злоба врагов Христа. Кончились страдания Великого Страдальца за род человечь. Святая душа Его тихо отошла и предалась в руки Отца Небесного. Безгрешное, Девственное Тело почило сладким сном на кресте, как «жертва живая», принесенная и закланная за весь мир.

«Совершилось»... Совершилось, братие, великое дело спасения: сыны Адама (род человеческий) из сынов проклятия призваны в великое достоинство «Сынов Божиих». «Авва Отче» — они взывают Ему теперь... «Отче наш, Иже еси на небесех» — и мы сыновне глаголем. Совершилось... Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа? Смерть — ты умерщвлена смертию Сына Девы. Ад, и ты не устоял, ибо разрушен Его схождением... Отдавая Ему своих мертвецов, ты стенаешь рыдая... «Смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав...»

«Совершилось...» Окончив Свой великий подвиг — подвиг Победы, Победоносец Христос возлег и почил, как Лев от Иуды» во гробе, возлег, да почиет мало. И вот мы, дети Его, у светоносного Гроба Отца нашего стоим и окружаем его. Вот Он — радость наша! Вот Он, наш Спаситель!... Сын Отца Небесного и Сын Девы нами зрится мертв, повитый плащаницею... Что же, други мои! Плакать нам теперь у Его Гроба так, как часто мы плачем над гробом близких и родных?! Нет! В Его смерти мы имеем повод к светлой надежде и радости... Что мы видим там, у гроба близких наших? И здесь? Там, от гроба мертвеца, хотя бы и близкого нам, на нас веет смрадом тления.

Здесь же «Его Святая Плоть не виде истления». Там плод греха — смерть, здесь же «Жизнь во Гробе положился еси...» Там холод и мрак — здесь Свет грядущего Его Воскресения.

Размышляя так о Лежащем во Гробе Сладчайшем за нас Страдальце Христе, изменим скорбные наши слезы, и утешим себя ожиданием радостного дня Его из Гроба Воскресения. Мы следовали за Ним от Гефсимании до Голгофы. Мы поливали этот Его многотрудный путь слезами глубокой скорби, а теперь восплачем плачем, исходящим из глубин наших благодарных сердец за дарованную нам Его любовию вечно-блаженную жизнь. На любовь Его к нам ответим любовию того ученика, его же возлюби Иисус...

Други мои! Плотию уснув яко мертв, спит Христос во Гробе. Подойдем ближе! Подойдем тихо к этому Гробу, не страшась в нем лежащего и не нарушая Его покоя. Облобызаем Его Святые язвы, ибо в них дышит воня́ духовная; в них — жизнь Божественная. В чувстве же благодарности за данное нам спасение каждый из нас пусть скажет в сердце своем: Слава Тебе, Дражайший наш Спаситель! Слава Страстем Твоим, Господи, и долготерпению! Слава и возлежанию Твоему во Гробе!

Покажи же нам преславное Твое Воскресение. Аминь!

25.III/7.IV

Благовещение. После Литургии

Христос Воскресе! Поздравляю вас всех, други мои, с двойным Праздником! Еще не прошли первые дни ранней в этом году Пасхи, и встретили мы сегодня другой Праздник — Благовещение Пресвятой Девы Марии; праздник, который особенно лю-

бим был всегда русским народом. Поэтому и есть у нас сегодня сугубое торжество.

Когда Архангел Гавриил получил повеление Божие известить Святую Деву в Назарете о рождении от Нея Спасителя мира, то он стал размышлять, как лучше сделать это, чтобы не смутить и не испугать Ее. Если бы он сразу объявил Ей об этом — Она бы испугалась, как праведный Захария, которому было возвещено о рождении Предтечи, могла бы не поверить, как он. Поэтому Архангел решил подготовить Ее к такому необычайному известию и особым приветствием: «Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою! Благословенна Ты между женами!» И лишь после того, как Пресвятая Дева Мария стала размышлять об этом приветствии, которое ставило Ее превыше всех женщин мира, он объяснил Ей его значение и сказал, что не нарушит это Святое Рождение данного Ею Богу обета девства: «Дух Святый найдет на Тебя, и сила Всевышнего осенит Тебя». Спокойно ответила тогда Мария: «Се раба Господня! Да будет Мне по слову твоему!»

Эта радость Пресвятой Девы, о которой возвестил Ей Архангел, относится не только к ней Самой. Через воплощение Сына Божия спаслись и спасутся миллионы миллионов людей, могут спастись все люди, весь мир. Это — радость всех людей. Вот, когда в семье бывает у матери торжество, то все члены семьи, все дети разделяют эту радость, и каждый приветствует мать. Все мы — дети Пречистой Богоматери, Ей усыновил нас Сам Господь на Голгофе. И хотя принимает Она теперь хвалу безгрешных Ангелов и Архангелов и славословят Ее Силы Небесные, но поклонение и нас грешных Ей приятно, так как это показывает, что помним и любим мы Сына Ея, за нас пострадавшего. Слышит Она каждый мо-

литвенный вздох наш. Возрадуемся же сегодня вместе с Нею и прославим Бога за Его великое к нам милосердие!

Вчера вечером служба была очень сложная из-за соединения Праздника Пасхи с Благовещением. Поэтому не было совершено помазания елеем. Сейчас вы будете подходить прикладываться к иконам Праздника и вас будут помазывать елеем, вчера освященным.

Сегодня у нас знаменательный день вот еще почему: 6 лет тому назад была в этом храме, нами вновь тогда полученном, совершена первая служба в день Благовещения Пресвятыя Богородицы. Ея молитвами да сохранится храм сей и град сей на многая лета! Аминь.

27.III/9.IV
После Литургии и молебна по случаю дня рождения Владыки

Да! Много уже лет прожил я на свете и много всего испытал! Были, скажу прямо — очень тяжелые, трудные минуты, но много было и утешения, и радости, особенно во время совершения Богослужения, как отметил это сейчас отец Архимандрит. Но за все это я благодарю Бога. Подобно тому, как святой Иоанн Златоуст в конце своей жизни произнес: «Слава Богу за все!» — так и я готов от сердца благодарить Бога. Хотел бы я, чтобы и каждый из вас пришел в такое настроение, чтобы мог за все благодарить Его. Посылает ли Бог нам радость: «Слава Богу!» Но если встречаются трудности и огорчения — и это ведь от Бога, от Его любящего нас отеческой любовью сердца. Вспомним праведного Иова, еще во времена Ветхого Завета жившего! Все было у

него — и богатство, и большая дружная семья, и здоровье. И всего этого лишился он в один день, и лежал больной за городом. Но он говорил: «Бог дал, Бог и взял. Благословенно имя Господне!» И когда на вашем пути встретятся горести, вспомните, что и они исходят от любящего Отца, Который все посылает нам на пользу и во спасение. А перед концом жизни своей скажите: «Слава Богу за все!» Аминь. Больше ничего не в силах я вам сказать сегодня.

30.III/12.IV
После Литургии

Христос Воскресе! Христос Воскресе! Христос Воскресе!

Поздравляю вас, Боголюбивые, с настоящим праздничным днем, который по имени почитаемого сегодня Апостола Фомы называется «Фомино Воскресенье».

Это было важнейшее событие в жизни Церкви Христианской — утверждение в вере этого Апостола, по характеру своему подпадавшего временному сомнению в истине Воскресения Христова, но затем убедившегося и на весь мир, и на все времена громогласно произнесшего свое исповедание: «Господь мой и Бог мой».

Спаситель еще при жизни Своей в самые торжественные моменты: после преображения на Фаворе, после совершения Им великих чудес, когда народ хотел провозгласить Его Царем своим (земным, конечно), — внушал ученикам, что надлежит Ему пострадать, быть убиту и в третий день воскреснуть. Но это было для них совершенно непонятно, особенно чужда им была мысль о Воскресении Христа, они не могли себе этого представить. И когда один

из них, сделавшись предателем, привел стражу в сад Гефсиманский, все они пугливо разбежались, оправдывая пророчество: «Поражу Пастыря, и рассеются овцы стада». И вот, когда жены-мироносицы, первыми удостоившиеся видеть Воскресшего Господа, принесли Апостолам эту радостную весть, то слова их показались «яко лжа». Ученики женам-мироносицам не поверили. Они продолжали горевать и, собравшись в Сионской горнице в числе 10 человек (Иуда отпал, а Фомы с ними не было), заперли наружные двери, боясь, что их могут здесь обнаружить, арестовать или как-то повредить и испортить их настроение.

И в это время Господь стал посреди них со словами: «Мир вам!» Некоторые говорят, что это было видение, призрак. Так подумали и сами Апостолы в ту минуту и испугались. Но Он показал им руки и ноги Свои, пронзенные гвоздями, и глубокую рану в боку, дал даже потрогать Себя. Наконец попросил какой-нибудь пищи. Ему дали рыбы печеной часть и от пчел сот, и Он ел пред ними. Этим Он и всех Апостолов убедил в истине Своего Воскресения, и нас в вере укрепил. Если я сказал бы вам, что призрак, видение поглощает пищу, что рыба и мед при этом убавляются, то вы сказали бы на это: «О, безумие твое! О, в каком ты находишься заблуждении! Как может призрак уничтожать пищу?!» Да и потому еще не могло только показаться Апостолам, что они видят Христа, что они в Воскресение Его до тех пор не верили. А показаться может лишь то, чего ждешь и во что веришь.

А потом явился Господь одновременно более чем 500 мужам, все они видели Его и слышали слова Его.

Когда Апостол Фома вернулся, остальные Апостолы сообщили ему, что видели Господа, но он и им

не поверил и даже сказал: «Пока не дотронусь до язв Его и не вложу руки моей в ребра Его — не поверю!» Через неделю снова были Апостолы в Сионской горнице, и Фома с ними, и снова при затворенных дверях стал среди них Господь Иисус Христос со словами: «Мир вам!» И прежде всего обратился к Апостолу Фоме, проявляя свое всеведение, и сказал: «Подай перст твой сюда и посмотри руки Мои! Подай руку твою и вложи в ребра Мои. И не будь неверующим, но верующим!» И не отказался Ап. Фома «любопытною десницею» потрогать язвы Господа, и укрепившись в вере сам, и нас в ней утвердил на все времена.

И в самом деле, други мои, невозможно не верить Воскресению Христову, и те, кто отрицают его, проявляют высшее неразумие. Некоторые говорят еще и теперь, что Апостолы могли украсть тело Господа и сказать всем, что Он воскрес, а на самом деле Он будто бы не воскресал. Но мы видим из Евангелия как раз обратное: Апостолы упорно, долго не хотят верить Его Воскресению, да и искренний характер записей Евангелистов, святая чистота и честность учеников Христовых исключают возможность какого-либо намеренного обмана. Вскоре, после Сошествия на них Святаго Духа, они начали смело проповедовать и утверждать везде, что Христос Воскрес. Много гонений испытали за это и все окончили свою жизнь, получив мученический венец за такое исповедание. Слыханное ли дело, чтобы за ложь, за неправду человек отдавал жизнь свою? Нет! Они потому и шли смело и радостно на смерть, что знали твердо о Воскресении Христовом и верили в будущую загробную жизнь.

Потом еще доказательство — для меня очень убедительное, не знаю, как вам покажется. Вот мы го-

ворим: понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота... А за субботой какой день идет? — Воскресенье! Не называем ведь мы его седьмым днем или как-нибудь иначе, а у всех народов на земном шаре, и у верующих во Христа, и у неверующих, зовется он Воскресеньем. Кто же воскрес, как не Господь наш Иисус Христос?!

Почти две тысячи лет стоит вера Христова, и никто не может поколебать ее, если бы и хотел. Вот я служу здесь 6 лет и могу засвидетельствовать, что с каждым годом на праздник Пасхи приходит все больше и больше народу, и вообще число верующих растет. Рассказывают, что на одном собрании, где должны были выслушать доводы за веру Христову и против нее, один докладчик обстоятельно изложил свою точку зрения, что Христа никогда не было, что Он — лишь миф, как это говорят; а если и жил подобный Человек, смертный, как все прочие люди, то умер на Кресте и не воскресал. Изложил он все это по-ученому, а возразить ему никто не умел. Предлагает председатель: «Не хочет ли кто возразить?» — желающих не находится. Вдруг встает один простой седенький старичок и просит слова. Его толкают: «Куда ты, мол, с ученым спорить будешь?!» Он не унимается. «Хочу, — говорит, — сказать слово!» Выпустили его на кафедру, ждут, что он скажет? А он поклонился на все стороны и говорит (время было как раз на Пасху): «Христос Воскресе!» Ему весь зал как загудит в ответ тысячью голосов: «Воистину Воскресе!» Рассмеялся старичок, сошел с кафедры, и все засмеялись и пошли расходиться по домам: спорить, оказывается, незачем.

Когда исповедал Фома свою утвердившуюся веру в Господа словами: «Господь мой и Бог мой!» — то заметил ему Господь: «Ты поверил, потому что уви-

дел Меня. Блаженны не видевшие и уверовавшие». Ведь это и мы с вами, други мои! Мы поверили в воскресшего Христа, хотя никогда Его не видели. Сохраним же эту веру до последнего вздоха своего, и когда на Страшном суде Господь наш Иисус Христос спросит: «Кто вы?» — мы ответим: «Господи! Мы — те, которые поверили в Твое Воскресение, и мы вместе с апостолом Фомою воскликнули Тебе: «Господь мой и Бог мой!» Аминь.

Вечером в 5 часов сегодня будет вечерня, а после нея акафист Воскресению Христову с припевом «Христос Воскресе из мертвых...» Приходите продолжить наше молитвенное собрание! Завтра будет обычная вечерня, но с панихидой, конечно. А во вторник что у нас? Верно, Радоница. Значит, вы помните своих усопших отцов, и матерей, и братий, и мужей, и чад своих.

Иногда меня спрашивают: «Владыка! А слышат ли умершие наши молитвы?» Да, скажу вам уверенно, что слышат. И сами за нас молятся. И даже больше того: видят нас, какие мы есть в глубине сердца нашего, и если мы живем благочестиво, то радуются, а если нерадиво живем, то печалятся и молятся о нас Богу. Связь наша с ними не прерывается, а лишь временно ослабляется.

Я вам расскажу сейчас случай, даже два, которые показывают, что наши близкие умершие видят нас и готовы помочь в несчастии. Был один священник, молодой, который овдовел и остался один с двумя малыми детками. Жену свою он очень любил, и как оставила она его — он так затосковал, что начал выпивать. И стал он сам с собою рассуждать так: «Все равно я уже при слабости моей не могу быть хорошим священником, лучше уж я сниму с себя сан, женюсь снова, и у детей по крайней мере мать

будет!» Когда он уже совсем было решился так поступить, то помолился в алтаре у Престола Божия, пришел домой, сел на диван, зажал в горести голову руками и крепко задумался. И вдруг чувствует: кто-то положил руку на его плечо. Оглянулся он — это его любимая покойная жена сидит рядом с ним на диване и тихо с укором говорит ему: «Друг мой! Что ты задумал?! Опомнись! Ведь ты же священник! Не снимай с себя сана, не совершай этого великого греха! Я знаю — тебе тяжело. Но, друг мой, проси помощи у Бога, и Он укрепит тебя. И я за тебя молиться буду». Сказала, встала и прошла в соседнюю, детскую, комнату. Священник бросился за нею, зажег свечу — дети проснулись. «Где мама?» — спрашивает их. Они, сонные, никого не видели, не понимают. Взял он после того себя в руки, бросил пить. Он продолжал свое служение в священном сане, воспитал сам детей своих, и всю жизнь помнил этот случай.

Другой случай вам уже рассказывал раз отец Анатолий, но я его еще повторю, тем более, что я лично знал того священника, отца Владимира Страхова, о котором будет речь, и сам он мне про это рассказывал. Служил он в одной из московских церквей. Окончив Литургию, он задержался в храме. Все молящиеся разошлись, оставался лишь он да псаломщик. Входит старушка, скромно, но чисто одетая, в темном платье, и обращается к священнику с просьбою пойти и причастить ее сына. Дает адрес: улицу, номер дома, номер квартиры, имя и фамилию этого сына. Священник обещает исполнить это сегодня же, берет Святые Дары и идет по указанному адресу. Поднимается по лестнице, звонит. Ему отворяет дверь человек интеллигентного вида, с бородкой, лет тридцати. Несколько удивленно смотрит на ба-

тюшку. «Что вам угодно?» — «Меня просили зайти по этому адресу приобщить больного». Тот удивляется еще больше. «Я живу здесь один, никого больных нет, и в священнике я не нуждаюсь!» Изумлен и священник. «Как же так? Ведь вот адрес: улица, номер дома, номер квартиры. Как Вас зовут?» Оказывается, и имя совпадает. «Позвольте все же войти к вам». — «Пожалуйста!» Входит батюшка, садится, рассказывает, что приходила старушка приглашать его, и во время своего рассказа поднимает глаза на стену и видит большой портрет этой самой старушки. «Да вот же она! Это она и приходила ко мне!» — восклицает он. «Помилуйте! — возражает хозяин квартиры. — Да это моя мать, она скончалась уже лет 15 тому назад!» Но священник продолжает утверждать, что именно ее он сегодня видел. Разговорились. Молодой человек оказался студентом Московского Университета, не причащался уже много лет. «Впрочем, раз Вы уже пришли сюда, и все это так загадочно, я готов исповедаться и причаститься», — решается он наконец. Исповедь была долгая, искренняя — можно сказать, за всю сознательную жизнь. С большим удовлетворением отпустил ему грехи священник и приобщил его Святых Тайн. Ушел он, а во время вечерни приходят сказать ему, что студент этот неожиданно скончался, и соседи пришли просить батюшку отслужить первую панихиду. Если бы мать не озаботилась из загробного мира о своем сыне, то он так и отошел бы в вечность, не приобщившись Святых Таин.

Видите, как молятся о нас там наши близкие, особенно матери о детях своих! Но ждут и сами наших молитв отсюда. Во вторник сперва мы здесь помолимся, а потом, Бог даст, поедем на кладбище.

3.IV/16.IV
После Литургии и акафиста перед новой Козельщанской иконой Божией Матери

Спасибо вам, что пришли сегодня помолиться со мною перед этою иконою. Она была пожертвована в наш храм следующим образом. Находилась она у одной женщины, которая ее совсем не почитала. Одна старушка, прихожанка нашего храма, увидела ее и попросила хотя бы на время повесить ее у себя в доме. Через некоторое время она обратилась к обладательнице иконы с просьбой продать ей эту прекрасную икону. Та назначила за нее сумму в пять тысяч рублей. Старушка в слезах пришла ко мне и рассказывает это. «Откуда я возьму пять тысяч? А я хотела купить и в наш храм пожертвовать!» — «Молись, — говорю, — крепко Царице Небесной, чтобы благословила Она через тебя войти в храм наш. Не понадобится и пяти тысяч, даром получим эту икону!» И что же? Прошло несколько месяцев, и обладательница ее приходит к старушке и говорит: «Вы хотели купить эту икону. Ладно, берите ее даром, и денег мне не надо!» Поблагодарили мы Бога, и старушка по обещанию принесла ее сюда. Сперва висела она в Варваринском приделе, где служат панихиды. Но приложиться там к ней было невозможно. Спустили ее пониже, до уровня стола, но и это не очень удобно. Тогда решили мы с Никитой Васильевичем сделать для нее киот и поставить сюда. Оба мы с ним украинцы, и икона эта оттуда. Назначили мы день — именно сегодня, чтобы почтить эту икону акафистом. Но сегодня в ночь Никита Васильевич серьезно заболел. Надеюсь, впрочем, что приведет его Царица Небесная сюда поклониться Себе. И мо-

лились мы сейчас о здравии наших болящих: Архимандрита Исаакия, трех протоиереев и раба Божия Никиты.

Сказание об этой иконе следующее: в Полтавской епархии, а теперь — в Полтавском округе, есть небольшое село Козельщаны. Там было имение графа Капниста, у которого и была эта икона. У этого графа была единственная дочь Мария, учившаяся в Харьковском Институте Благородных Девиц. Училась она отлично и была прекрасного поведения. Но вдруг отец ее получает из института телеграмму: «Ваша дочь тяжело заболела, возьмите ее домой». Поехал он за ней, привез в Козельщаны, и оказалось, что она не может ступить на одну ногу: ступня совершенно скривилась и вывернулась. Стали показывать ее врачам-хирургам. Те велели сделать ей особую обувь — «стальной сапог», но это не помогло. Вскоре заболела таким же образом вторая нога. И на нее сделали стальной сапог. Стали девочку лечить все знаменитые врачи того времени, но помощи ей оказать не могли. Наконец выписали из Парижа знаменитого в то время врача Шарко. Он должен был приехать в Москву и осмотреть там Марию. Родители велели ей собираться ехать в Москву. Не хотелось этого девочке: опять врачи, опять лечение! Но родителей приходится слушаться. Попросили они ее перед отъездом почистить имевшуюся у них икону Богоматери, итальянской работы. Мария стала делать это с благоговением, тщательно, с горячей молитвой к Царице Небесной о том, чтобы исцелила Она ее больные ноги Сама и избавила от мучительного лечения докторов. И вдруг почувствовала она себя совершенно здоровой, сбросила свои стальные сапоги, стала прыгать и крикнула в соседнюю комнату родителям, что совершенно здорова. Те в первую минуту подумали, что

дочь их лишилась рассудка, но потом убедились в том, что она действительно выздоровела. В Москву они все же поехали, но не для лечения, а для того, чтобы рассказать об этом чуде тем врачам, которые девочку так долго и безуспешно лечили. На вокзале встретила их тысячная толпа. Все стремились убедиться собственными глазами, что девочка здорова. Все лечившие ее прежде врачи подтвердили факт исцеления. Осмотрел Марию и знаменитый Шарко. Он сказал: «Я думал, что могущественнее медицины нет ничего. А теперь я вижу, что вера ваша сильнее медицины!»

После этого чуда икону стали носить по домам, служить перед ней молебны. Маслом из лампадки мазали при этом больных, и произошло еще очень много исцелений. В Козельщанах был основан монастырь, где и находилась эта икона, прозванная Козельщанскою. С тех пор стали ее там особенно почитать. Особенно часты случаи исцеления больных ног. На иконе в левом углу вы видите изображение чаши с ложечкой — это Пресвятая Дева как бы готовится кормить этим Своего Божественного Младенца. Молятся перед этой иконою поэтому те матери, у которых не хватает молока для кормления или вообще нечем питать своих малюток.

Мое желание, чтобы вы почитали эту икону, обращались к Царице Небесной за помощью в бедах и болезнях, и да исполнит Она всякое благое прошение ваше! Аминь.

20.IV/3.V
После Литургии

Христос Воскресе! Христос Воскресе! Христос Воскресе!

Вы только что слышали толкование сегодняшнего Евангелия, и мне нечего добавить к этому. Хочу только обратить свое и ваше внимание вот на что: как постепенно приближается ко Христу и к вере в Него душа этой женщины-самарянки.

В первую минуту она видит в Нем только путешествующего иудея, почти врага самарянского народа: настолько была в то время сильна неприязнь между иудеями и самарянами. Она первая никогда бы не заговорила с Ним. Но когда Он скромно попросил у нее пить, она удивилась, что нет с Его стороны никакой к ней враждебности. Когда во время беседы Иисус обнаружил, что знает ее жизнь и недостойное поведение — она увидела в Нем пророка. А затем, когда мысль ее обратилась к грядущему Мессии и Христос Сам открыл Себя ей, она сразу поверила в Него и побежала в город рассказать об этой встрече своим знакомым. Кто, по существу, была эта женщина? — Блудница первого разряда! Что же Христос: отверг ее или, может быть, проклял? — Нет! Он постепенно обратил ее, из грешницы, из блудницы сделал как бы Апостолом Самарянского народа.

Не так ли и мы должны поступать, если хотим именоваться учениками Христовыми? Есть среди нас родители, которые отталкивают от себя своих грешных чад, иные даже дерзают проклинать их за неверие в Бога или за распутную жизнь. Други мои, не делайте этого, прошу вас! Пожалейте эти бедные, погибающие души! (Владыка плачет...) Своею молитвою вы можете еще спасти их. Вы знаете, как горячо молилась мать блаженного Августина, пока он был неверующим юношей и вел распутную жизнь. И помните, как утешил ее епископ словами, что не может погибнуть дитя стольких слез и молитв. И действительно, сын ее уверовал в Бога, принял даже

монашество и был впоследствии епископом и причислен к лику святых. То же и я говорю вам: молитесь неотступно и надейтесь, что Бог силен спасти чад ваших. Но не отвергайте их, не ожесточайте тем сердец их и своих собственных. Вот вам завет мой. Аминь.

А теперь пропоем: «Воскресение Христово видевше...» Вас, наверное, интересует, что же стало потом с этой женщиной-самарянкой? Это — святая Фотина, она приняла впоследствии мученическую кончину за имя Христово.

20.IV/3.V
После вечерни

Христос Воскресе! Христос Воскресе! Христос Воскресе!

Вам было сейчас подробно и ясно рассказано о силе молитвы и о значении ея. Мне почти нечего к этому добавить — разве несколько слов. Всякую ли молитву принимает Бог, — как внутреннюю, лишь в душе творимую, так и словесную? — Всякую — если она искренна и если перед тем мы примирились со своими врагами. Когда стоите вы в церкви — оглянитесь назад и подумайте, нет ли среди этой толпы таких лиц, которых вы чем-нибудь обидели или которых не вполне простили за причиненную вам обиду, и если нет — смело просите у Бога с верою, и получите. Он Сам говорит: «Просите, и дастся вам!» Но тут же прибавляет и о необходимости примирения с ближними своими: «И когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого, дабы и Отец ваш Небесный простил вам согрешения ваши».

Молиться можно везде. Сам Господь наш Иисус Христос молился не только в храме Иерусалимс-

ком, но любил уединяться для этого на высокие горы, или на берег моря, или даже в бесплодную каменистую пустыню. Молился Он и в горнице Сионской, и в саду Гефсиманском. Но больше всего молился Он на Голгофе, вися на Кресте, молился из глубины преисполненного любовию ко всем людям сердца Его. И несмотря на жестокие муки Его, вылилась прекрасная молитва о Своих врагах: «Отче, прости им! Не ведят бо, что творят...» (Владыка плачет...) Так и вы, стоя на молитве, прощайте друг другу взаимные обиды ваши. Помните всегда слова Господа нашего Иисуса Христа: «Если же не прощаете, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших». С этими словами отпускаю я вас сейчас в домы ваши. Аминь.

27.IV/10.V
После вечерни

Христос Воскресе! Христос Воскресе! Христос Воскресе!

Вот вам много сейчас говорилось о слепоте духовной, о том, как важно сохранить веру православную до конца дней своих. Хочется мне рассказать вам по этому поводу два случая. Был я еще студентом духовной Академии, и пошли мы, несколько человек, к нашему профессору купить некоторые книги, которые имели мы право покупать по льготной цене, — например, творения Св. Иоанна Златоустого, и другие. А профессор этот был слеп и 11 лет не видал света Божьего. Я ему и говорю: «Зато на том свете увидите Вы славу Божию». А он мне вдруг отвечает: «На том свете-то еще неизвестно, что будет!» Нам даже жутко стало. Профессор Духовной Академии, и вдруг такое неверие! Но мне

все же послал Бог утешение через несколько лет присутствовать на похоронах этого ученого, после того, как он укрепился в вере и с миром отошел ко Господу.

А другой случай относится к тому времени, когда я только что принял сан иеромонаха. Я ехал заместить моего брата-священника в его приход, пока он уезжал лечиться. Проезжать пришлось мне мимо того села, где я учительствовал в двухклассной школе еще до пострижения своего в монашество. Я и решил: дай, заеду навестить одного своего приятеля-слепца, с которым мы, бывало, вместе коротали вечера. Он приходил со своей скрипицей, и я играл немного, так мы вместе и утешались. Приехал я туда, спрашиваю: «Жив ли Василий Иванович?» А был он уже глубокий старик. «Жив!» — говорят. Встретились мы. «Узнаете ли меня?» — спрашиваю. «Что-то голос как будто где-то я слыхал, но точно не вспомню». Потрогал он мое лицо — не узнает! Я тогда назвал себя. Обрадовался он очень. Поговорили мы по душам, узнал он о моем пострижении. И вдруг спрашивает: «Скажите мне по совести, как Вы считаете, есть ли загробная жизнь? Я Вам верю, да и лицо вы теперь духовное». Удивил меня этот вопрос: всегда знал я его раньше как человека верующего, а теперь вдруг, можно сказать — накануне смерти, начал колебаться. Оказывается, смутил его какой-то дьякон, который и сам поколебался в вере, и ему наговорил, что сгнием мы в могиле, как животные, и все тут! Я, сколько было сил и умения, начал его уговаривать, разъяснял ему, что есть будущая жизнь, и что после смерти одни будут ликовать вместе с Господом, а другие — страдать за свои грехи. Кажется, убедил. Советовал ему пойти к священнику, исповедать свой грех сомнения и причас-

титься Святых Таин. Потом я узнал, что он так и сделал и вскоре с миром отошел ко Господу. Больше мы с ним не встречались. Я еще брату своему тогда рассказал этот случай и убеждал его следить внимательно за настроением своих пасомых. Ведь сколько душ может так погибнуть, если к моменту смерти появятся у них сомнения!

И мы с вами запомним эти два случая, которые я рассказал вам сегодня о слепцах телесных, но которые прозрели духовно к моменту кончины своей, и будем молиться о том, чтобы и нам послал Бог прозрение духовное и с ним вместе кончину безболезненну, непостыдну, мирну. Аминь.

12.V/25.V
Духов день. После молебна

Если когда, то именно сегодня следует начать наше поучение словами: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Вы хорошо знаете, что при начале всякого дела, перед каждым Богослужением, прежде чем просить о чем-либо Бога, мы всегда прославляем Его. Произносим: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно, и во веки веков. Аминь». Или: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа». Так начинаются наши церковные службы. А как начинаются домашние вечерние или утренние молитвы? Вы говорите: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь». Затем произносите: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе!» После молитв «Царю Небесный» и «Святый Боже» снова говорите: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу и ныне и присно, и во веки веков. Аминь». После, как прочитаете «Пресвятая Троице», опять говорите: «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу». А какая, други мои, самая коротенькая молитва, кото-

рую все знают, и даже иногда неверующие произносят? — «Слава Богу!» Почему же это так, почему у нас такая потребность прославлять Бога? Да потому, что мы и предназначены к этому, сотворены для того, чтобы вечно в загробном мире славить Бога вместе с Ангелами и Архангелами, которые и теперь неумолчно воспевают Ему хвалу. Будем же навыкать этому еще здесь, на земле, и не устами только, но и всем сердцем. И часто Бог за одно славословие подает нам потребное для души или тела без всякой с нашей стороны просьбы. Перед многими иконами Божией Матери служат акафисты и получают после них исцеления — слепые, глухие, хромые — не потому, что они просили специально об этом (иногда они и не думают о возможности своего исцеления), а только за то, что взывали от чистого сердца: «Радуйся, Невесто Неневестная!»

В заключение своего слова напомню вам о св. Иоанне Златоустом, что вы уже неоднократно слышали. Умирая в ссылке вследствие клеветы своих врагов, он не просил у Бога Царствия Небесного, и даже не каялся во грехах своих и не просил у Него прощения, а с благодарностью к Нему взывал: «Слава Богу за все!» Желаю и вам всем стяжать себе такое настроение, други мои, чтобы и в радости, и в печали от души могли вы сказать: «Слава Богу за все!» Аминь.

27.V/9.VI
После акафиста св. Вмчц. Варваре

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Сегодня Церковь чтит память св. преподобного Нила, который подвизался на острове Столобное на озере Селигер.

...Ниловская обитель особенно дорога мне: там принял я монашество. В сегодняшний день, 27 мая, собирались туда десятки тысяч богомольцев, особенно из ближайших губерний — Тверской и Новгородской. Одного духовенства съезжалось до 500 человек. Особенно много их приезжало из соседнего города Осташкова. Целые крестные ходы направлялись оттуда. Перевозили их по озеру Селигер на баржах, которые тянули пароходики. Я обычно ездил в этот день кассиром на этих пароходах. После Литургии мощи преподобного обносили кругом всей обители с великим торжеством, а затем всех приезжих бесплатно угощали обедом. Расставляли десятки длинных столов. Подавали уху из той рыбы, которая в большом количестве ловилась на озере. Хлеба выпекали сотни пудов. Так проходил праздник обретения мощей преп. Нила Столобенского. На иконе, к которой вы только что прикладывались, он изображен не один, а рядом находится другой святой — Святитель Амвросий Медиоланский. Это потому, что другой день памяти преп. Нила, 7-го декабря, когда совершилось его преставление, совпадает с днем почитания и Святителя Амвросия.

Вы помните, как в прошлом году мы с отцом Архимандритом служили в этот день Литургию в простых священнических ризах? В этом году отец Архимандрит болеет... Впрочем, теперь ему уже получше. Вчера он встал на ножки и впервые дошел от своей постели до письменного стола. Но помолиться с нами в день своего Ангела, в эту пятницу, он еще не сможет. Я спрашивал его, может ли он в этот день принять посетителей, которые пожелали бы поздравить его? Он ответил, что ненадолго, на 1-2-3 минуты можно зайти к нему. Здесь в храме мы усиленно помолимся с вами, чтобы Бог укрепил окон-

чательно его здоровье, а потом поедем служить молебен у него. И по вашим молитвам да исцелит его окончательно Господь! Аминь.

1.VI/14.VI
После Литургии

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

<...> Господь говорит: «Ищите прежде всего Царствия Божия и правды Его, и остальное все приложится вам». Что же именно приложится? Да все, что требуется для души и тела. Сказано: «Не заботьтесь о том, что вам есть и что пить или во что одеться! Ибо всего этого ищут язычники. Не пекитесь о завтрашнем дне; достаточно для каждого дня своей заботы».

Но вы скажете: «Как же мы можем жить, не заботясь о завтрашнем дне? Кто мне приготовит пищу, если я сам не запасу ее? Кто даст мне плоды земные и хлеб, если я не буду обрабатывать землю? Кто покроет дом мой, если я не позабочусь сделать на нем крышу? Конечно, други мои, пока живем мы на земле и носим тело тленное, необходимо нам и позаботиться о том, чтобы пропитать и согреть его. Не эту заботу о необходимом запрещает Господь. А учит Он нас не заботиться о теле больше, чем о душе своей, в ущерб ей.

Посмотрите, чем мы заняты целый день, и скажите по совести, много ли времени мы уделяем бессмертной душе своей? Целые дни и недели, даже месяцы и годы только и заняты мы заботой о своем теле: о пропитании его, об одежде, о жилище. Некоторым из вас только лишь раз в полгода удается найти время прийти на часок в церковь. Неужели все это время заботимся о самом необходимом? Едва

ли. Без многого можно было бы обойтись. Но нас часто пугает мысль, лукавым внушенная, как и чем будем мы жить в старости? И начинаем мы копить себе деньги на «черный день».

...Подойдите к могиле вашего отца, или дедушки, или иного родственника и спросите его: «Много ли взял ты с собою добра на тот свет?» Тот ответит вам: «Ничего не взял, кроме той одежды, которою прикрыт ныне прах мой». Так зачем и копить тогда, други мои?! Будем же искать прежде всего Царствия Божия и правды Его, и прочее все приложится нам! Аминь.

Пропоем теперь «Воскресение Христово видевше...», «Свят Господь Бог наш!» Вечером в 5 часов будет вечерня, а после нее акафист Господу нашему Иисусу Христу с припевом: «Господи мой, Господи! Радосте моя! Даруй ми, да возрадуюся о милости Твоей!» А кем составлен этот акафист скорбящей души? Святым Тихоном Задонским. У кого из нас нет скорбей? Этот акафист очень успокаивает душу. Вот приходите и проверьте, правду ли говорит ваш Владыка, что успокаивает?

А теперь я вам устрою экзамен (смеется)... Почему мы с вами поем после литургии «Свят Господь Бог наш?» Ведь это песнопение относится к вечернему Богослужению? — А потому, други мои, что Ангелы и Архангелы на небесах непрестанно взывают так Богу: «Свят, Свят, Свят!» И мы в подражание им хотим непрестанно славить Бога — не только вечером, отходя ко сну, но и в течение целого дня.

А что значит слово «Аллилуиа»? Не знаете? — Это значит «Хвалите Бога». Тоже ангельская песнь, потому так часто и повторяется она в нашей церковной службе. Ну, а теперь — с миром изыдем! Аминь.

4.VI/17.VI
После акафиста
Успению Божией Матери

Молитвами Пресвятыя Девы Богородицы Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас! Аминь.

Вот вы только что неоднократно слышали припев: «Радуйся, Обрадованная, во Успении Твоем нас не оставляющая!» Почему мы так обращаемся к Матери Божией: «Радуйся, Обрадованная!» Кем и чем Она была обрадована? За три дня до Успения Ея явился Ей Архангел Гавриил и обрадовал известием, что вскоре отойдет Она от земли на небо к возлюбленному Сыну Своему. В удостоверение этого вручил он Пресвятой Деве ветвь райского дерева, которую Апостол Иоанн Богослов нес перед гробом Ея во время погребения. Вы слышали в акафисте, что ко дню Успения собрались на облаках небесных все Апостолы, и Божия Матерь, хотевшая их всех повидать при расставании с земной жизнью, была обрадована встречей с ними. А к моменту кончины разверзлись небеса, раскрылась кровля дома и Сам Христос, Возлюбленный Сын Ея, пришел со славою принять Божественную душу Своей Матери в Свои объятия. Как же нам не взывать к Ней: «Радуйся, Обрадованная!» Вознесенную на небеса с телом Пресвятую Деву, по учению отцов Церкви, короновал Господь Бог (Отец, Сын и Дух Святый) короною, как Царицу Небесную, Владычицу всех Ангелов и Архангелов, как Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим. Как же не петь нам Ей: «Радуйся, Обрадованная!» Еще на Голгофе Господь наш усыновил в лице любимого ученика Своего, Иоанна Богослова, Пресвятой Деве весь род

13 Зак. 27082

человеческий, особенно же тех, кои почитают Ее как Матерь Божию и обращаются к Ней за помощью. И во все века отзывается Она на прошения людей о помощи, подавая им множество исцелений от чудотворных икон Своих. Как же не взывать нам к ней: «Радуйся, Обрадованная! Во Успении Твоем нас не оставляющая!»

В Прологе рассказывается такой случай. Двое монахов в нетрезвом виде проходили мимо часовни, где была икона Божией Матери. Все же они захотели почтить Ее: подошли к образу, приложились к нему, но (так как нетвердо держались на ногах) оба свалились друг на друга. Проходивший мимо язычник осудил их: «Вот свиньи какие!» И вдруг в это время загремел гром, и он ясно услышал голос: «Хоть и свиньи, да Мои». (Владыка плачет...) Вот и я сейчас стоял за акафистом и думал: «Пусть мы все даже хуже свиней, потеряли почти образ Божий! Но все же мы обращаемся за помощью к Матери Божией, почитаем Ее. Неужели Она не сжалится над нами, Своими детьми?! Какая мать земная бросит дитя свое без помощи? Тем более не оставит нас Небесная Матерь, и Ея святыми молитвами да приведет нас всех ко спасению Господь! Аминь.

8.VI/21.VI
После Литургии

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Сегодняшний проповедник, отец Владимир, уже достаточно разъяснил вам ныне чтенное Евангелие, в котором говорится об исцелении Господом нашим Иисусом Христом слуги сотника в Капернауме. Я только хочу обратить ваше внимание вот на что. Сотник проявил особую свою веру во всемогуще-

ство Божие, и именно — в силу Слова Божия. А ведь Словом Божиим весь мир сотворен был. Сказал Бог: «Да будет свет!» — и стал свет. Сказал: «Да произрастит земля всякое былие травное!» — и появились растения. Сказал: «Да появятся рыбы морские, и да полетят птицы над землею!» — и было так. Все, что мы видим вокруг себя — все сотворено Словом Божиим: и солнышко, и звезды, и сами люди, которые размножаются на земле, повинуясь слову Господню. А когда Слово Божие воплотилось на земле от Пресвятой Девы Марии, то Оно творило великие чудеса, и природа повиновалась Ему. Сказал Господь: «Умолкни, перестань!» — и вместо бури на море Галилейском наступила великая тишина. Говорил больному: «Возьми одр твой и ходи!» — и болезнь оставляла человека, хотя врачи не могли этого добиться своими усилиями в течение многих лет. Воззвал Христос к умершему Лазарю, уже разлагающемуся мертвецу: «Лазаре, гряди вон!» — и он вышел из гроба, весь повитый погребальными пеленами. И вот капернаумский сотник, хотя и язычник, но понял могущество Слова вообще и Всемогущество Христа в особенности, уверовал в силу Его Слова, и по вере своей получил просимое. Да поможет же и нам Господь иметь такую же крепкую веру! Аминь.

Сегодня в 5 часов будет вечерня, а после нея — акафист. Когда я обдумывал, какой акафист прочитать сегодня, то мне захотелось почтить Матерь Божию акафистом Покрову. Читается он редко, всего раз в год, на праздник Покрова. А кто из нас не нуждается в том, чтобы защитила нас Пресвятая Дева Своим Покровом от всякого зла? Приходите же помолиться!

15.VI/28.VI
После вечерни

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Пресытившись сейчас (так скажу) и церковной службой, и прекрасным акафистом Страстям Христовым, и словом проповедника — идите с миром в домы ваши! Я не собираюсь вас сейчас назидать: лучше всего нас назидает, и поучает, и спасает размышление о Страданиях Христовых, чем вы сейчас и насладились. Старайтесь же сохранить в себе то настроение, которое у вас сейчас. У нас была сегодня как будто вторая пассия, не правда ли? А что спасаемся мы язвами Христовыми, об этом и Ап. Павел говорит: «Аз язвы Господа моего на теле ношу».

В один монастырь приехал епископ и захотел испытать настроение монахов. Призвал одного из них к себе и спрашивает: «Чем ты думаешь спастись?» Тот отвечает: «Смирением». Другого спросил, он ответил: «Терпением». А третий сказал: «Язвами Господа моего Иисуса Христа». — «Вот это и будет настоящий монах у вас», — заметил епископ настоятелю. В самом деле, первые двое как бы на себя надеялись: один своими силами хотел получить смирение, другой надеялся выработать в себе терпение, а третий ни о чем этом не думал, а всецело положился на Христа, на спасительные страдания Его. И нам всем да поможет Господь спастись Его язвами! Аминь.

17.VI/30.VI
После акафиста св. Вмчц. Варваре

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Други мои! Все на свете имеет свое начало и имеет свой конец. Начало жизни человеческой — в

утробе матери, а конец ея — в утробе Матери-Земли. Но всякого человека занимает вопрос: а потом что? Неужели этим все и кончается, и подобно растениям и животным от человека ничего не останется после смерти? Бессмертная душа человека, дыхание Вечного Бога, может ли исчезнуть совсем, как думают иные люди? Конечно, нет, други мои! Смерть — это не конец нашей жизни, а переход в лучшую жизнь, это — расцвет духовной жизни. Но для того чтобы душа после смерти пошла ко Христу, должны мы заранее готовиться к смерти. Никто из нас не знает, в какой день и час призовет его к Себе Господь. Многие неожиданно умирают от разрыва сердца или другой болезни. Хорошо, если кончина настигнет нас во время молитвы и в благих и святых чувствах! Господь говорит: «В чем застану, в том и сужу». Но горе нам, если застанет нас последний час беспечными, злобными, враждующими с другими людьми! Что будет с такой душой, когда она отрешится от тела?! Я до сих пор не могу забыть одного ужасного случая, которому я был свидетелем уже много лет тому назад. Это произошло в Ниловой пустыни, и был я тогда еще простым монахом. Ловили мы зимой рыбу на озере. Невод застрял подо льдом, за что-то зацепившись. Начальник рыбацкой артели вызвался отцепить его, влез в воду, но не мог ничего сделать. В досаде он выругался на Бога матерным словом. И едва успел он произнести это богохульство, как пал бездыханным. Все мы были в ужасе и не посмели даже похоронить его по-христиански. Вы подумайте только, что сталось с душой этого безбожника?! Церковь часто молится о всех нас Богу, чтобы послал Он нам кончину живота нашего «безболезненну, непостыдну, мирну, Божественных Тайн причастну». Блажен тот человек, кото-

рый сможет в последние часы свои приобщиться Святых Тайн, а перед тем поболеть, подумать о грехах своих, покаяться в них. По Своему милосердию отпустит Бог грехи такому человеку ради Крестных Страданий Возлюбленного Сына Своего. О такой кончине следует молиться святой Великомученице Варваре. Вы знаете, что после перенесенных ею великих страданий перед самой смертью своей обратилась она к Богу с молитвою, в которой просила нам, грешным, почитающим память и страдания ея, даровать такую блаженную и мирную кончину. Изображают св. Варвару часто с Чашею в руках. Это и должно напоминать нам о том, что по молитвам ея дарует Господь нам перед смертию приобщиться Святых Таин. Молитесь же св. Варваре, и она избавит вас от неожиданной, внезапной кончины, когда не успевает человек покаяться и приобщиться Святых Таин! Я не раз рассказывал вам о том, как молитва у раки святых мощей ея избавляла многих, и меня грешного в том числе, от неминуемой, казалось бы, смерти. Обращаться почаще с молитвою к св. Великомученице Варваре и получать помощь ея и вам всем, други мои, молитвенно желаю! Аминь.

13.VII/26.VII
После вечерни и акафиста

Вот сейчас, други мои, вы прослушали житие св. Равноапостольного князя Владимира. Обратили ли вы внимание на два момента в этом житии? Я хочу их вам сейчас отметить. Первое: когда посланные св. князем Владимиром люди побывали в разных странах и увидели Богослужения различных народов, то больше всего понравилась им

служба в Цареградском храме. Они говорили, что забыли даже, что находятся на земле, думали, что перенеслись на небо. Хотя и не понимали греческого языка, на котором совершалось это Богослужение. Как же надо нам любить свой храм, как крепко надо держаться веры Православной, которую уже тысячу лет с тех пор исповедуют наши предки! И Богослужение совершается на понятном нам церковно-славянском языке, и тысячи наших, родных нам по крови, святых прославили Бога на нашей земле своею праведною жизнию. Другое обстоятельство вот какое: св. Владимир уже решил в душе принять «веру греческую», когда рассказали ему посланные им люди (как бы глаза и уши его) свои впечатления. Но окончательно созрело это решение, когда увидел он картину Страшного Суда и греческий проповедник объяснил ему ее и указал, что на правой стороне будут стоять поверившие во Христа, крестившиеся и своею жизнию доказавшие преданность Богу. Это произвело очень сильное впечатление на князя Владимира. Так размышление о Страшном Суде каждого из нас может подвигнуть на покаяние. Известно, что после своего крещения князь Владимир совершенно переменился: из жестокого сделался милосердным до такой степени, что не хотел наказывать даже преступников, из похотливого стал целомудренным, вместо прежней воинственности появилась и укрепилась у него забота о просвещении народа. И теперь предстоит он пред Богом ходатаем за всех нас, чад своих. Его же молитвами да сподобит нас Господь покаяться и изменить свою жизнь, чтобы на Страшном Суде стать вместе с отцом нашим, св. князем Владимиром, одесную славы Его! Аминь.

19.VII/1.VIII
После Литургии

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Еще раз поздравляю всех вас с Праздником преп. Серафима! Если бы вы все стояли близко к этой иконе, то увидели бы, какие у него добрые, милые, кроткие, замечательные глаза! В них так и светится та любовь, которую источал он на всех, приходивших к нему. Смирение его было столь велико, что каждого приходившего к нему встречал он словами: «Радость моя!» И кланялся ему в ноги. А между тем не только праведные с чистою душою приходили к нему, а много было среди посетителей и грешников; и каждому мужичку кланялся он и целовал его грязные от далекого пути лапти. И когда спрашивали его: «Отче, зачем ты это делаешь?» — он отвечал: «Я почитаю в каждом человеке образ Божий. Каждый христианин есть сосуд Духа Святаго!»

Есть ли у вас такое смирение? Нет, други мои! Если бы оно было, мы никогда не оскорбляли бы друг друга. Как страшно — оскорбить какого бы то ни было человека! Это значит — оскорбить образ Божий. А тем более — христианина! Он является храмом Божиим, и Дух Божий живет в нем, как говорит Ап. Павел. Он приступает к таинствам Церкви, соединяется с Самим Христом в Таинстве Причащения. А мы готовы плюнуть ему в лицо. Вы скажете: «Владыка, ведь мы же не плюем!» Так. А не говорите ли вы иногда: «Наплевать мне на него!» Или даже: «Наплевать мне на тебя!» Бывает это или нет? Если бы мы помнили, что в каждом человеке надо чтить образ Божий, то не осуждали бы друг друга, не злословили бы, не ссорились, а покрывали все

любовью. Возьмем же пример с преподобного отца нашего Серафима, будем так же смиренны, так же любвеобильны, как он, и по его святым молитвам тогда удостоимся вместе с ним славить Бога в селениях праведных! Аминь.

20.VII/2.VIII
Ильин день. После Литургии

Поздравляю вас, Боголюбивые, с днем памяти св. славного Пророка Божия Илии. Он жил на земле в древнее время и смело обличал нечестие. Не боялся ни нечестивого царя Ахаза, ни еще более нечестивой царицы Иезавели, ни жрецов Вааловых. За свою ревность к славе Божией удостоился он необычайной кончины: живым был взят на небо на огненной колеснице. Русский народ полюбил пророка Илию за его смелость, за его горячую любовь к Богу, за его строгость: он и теперь карает людей за богохульство, за непочитание праздников, установленных Церковью. Он ниспосылает дождь на наши посевы, он может наказать нас и засухой. Каждый год в день его праздника собирается народ в храмы в большом количестве. И сегодня вас здесь так много не только потому, что день воскресный, но главным образом потому, что чествуем мы св. Пророка Илию. Но он не только грозный обличитель нечестия и неправды — он в то же время милостив к бедным и нуждающимся. Вспомните, как питал он бедную вдову в Сарепте Сидонской! Я знал одну бедную женщину, у которой не было других образов, кроме небольшой иконочки Пророка Илии. Соседки говорили: «Какая маленькая у тебя икона!» — «Но зато великий Пророк Илия на ней изображен, и он часто помогает мне», отвечала она. Один раз она была в большом затруднении: у нее совсем не было

денег и не предвиделось, откуда бы они могли явиться. По своему обыкновению она обратилась с горячею молитвою о помощи к Пророку Илии перед своей иконой. Едва успела она закончить эту молитву, как в дверь постучались. Отворяет она, видит — старушка вроде нея. Входит она, садится и говорит: «Еще очень давно занял мой муж у вашего мужа 25 рублей. Я все собиралась отдать Вам, да все что-то мешало или денег свободных не было. Сегодня же я почувствовала, что непременно надо это сделать». И передает 25 рублей. Тогда это были большие деньги. Ну, скажите, други мои, разве это не чудо? И это — не единственный случай. Обращайтесь же смело к Пророку Илии, и он никогда не откажет вам в помощи, если вы стараетесь жить благочестиво и соблюдать закон Божий. Молитвами святого и славного Пророка Илии да поможет нам всем Господь до конца дней своих сохранить в чистоте веру нашу! Аминь.

Вы знаете, что ждет Пророк Илия только повеления Господня, чтобы снова появиться на земле, обличить нечестие и самого антихриста, затем пострадать от него, быть убиту и в третий день воскреснуть. Это будет перед Вторым Пришествием Господа нашего Иисуса Христа. Ну, а теперь — с миром изыдем!

20.VII/2.VIII
После вечерни

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Не знаю, обратили ли вы внимание на одну подробность в житии преп. Макрины? Я говорю сейчас вот о чем: когда эта подвижница была еще совсем юной девицей, на груди у нее сделался веред (мы бы теперь сказали «рак»). Мать ее, которая тогда была еще жива, умоляла ее показаться искусному врачу и дать выре-

зать этот веред, чтобы болезнь не распространялась дальше. Но св. Макрина предпочитала лучше страдать и даже умереть от этой болезни, чем показать свою обнаженную девственную грудь и позволить дотронуться до нея врачу-мужчине. Мать продолжала настаивать, умоляя дочь со слезами. Тогда святая встала с вечера на молитву и провела на ней всю ночь, слезно прося Господа избавить ее от исполнения желания матери. Слезы ее лились в таком изобилии, что омочили землю у ее ног. Тогда она взяла горсть этой увлажненной ея слезами земли и приложила к больному месту. Встав утром, св. Макрина обратилась к матери с просьбою перекрестить этот веред на груди ея, говоря, что этого будет достаточно для исцеления. Но когда мать хотела сделать это и для исполнения опустила руку свою на грудь дочери под одежду ея, то обнаружила, что болезни уже нет и вместо вереда остался лишь небольшой след его, совершенно безболезненный. К чему я об этом еще раз говорю вам? Для того чтобы вы все, девушки в особенности, брали пример целомудрия с преп. матери нашей Макрины. Так надо беречь себя от взоров и прикосновений мужчины! К сожалению, теперь у нас часто смотрят совершенно иначе. Молитвами св. Макрины да поможет Господь девам сохранить свою чистоту, а замужним и женатым — ложе нескверно! Аминь.

27.VII/9.VIII
День св. Целителя Пантелеимона. После вечерни

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Еще раз поздравляю вас, Боголюбивые, с престольным Праздником нашего храма! Вот, многие из вас

горячо молились сегодня, и видел я даже — проливали слезы умиления. Но хорошо это только в том случае, если при этом стараемся мы и исправлять свою жизнь, напрягаем силы к тому, чтобы творить волю Божию: никого не обижать, не осуждать, не сплетничать, не злословить. Так ли это у нас?! Два дня был у нас праздник в храме, и глядя, как вы молились, можно было подумать, что отрешились вы от всего земного, чтобы всей душой предаться Богу. А на самом деле (не стоило бы, может быть, сегодня говорить вам об этом), едва вышли вы за порог храма, как уже начинаются у вас сплетни, пересуды, даже прямая клевета. И на кого же вы клевещете? — На своих пастырей, на духовных руководителей, которые ведут души ваши ко спасению! Вот хворал отец Архимандрит, и вы не раз спрашивали меня здесь, а я не раз сообщал вам о его здоровье. И находятся все же люди, которые пишут мне безымянные (как называют их «анонимные») письма, что я будто бы виновен в его болезни, что я — его убийца! (Владыка плачет...) Пишут постоянно и в Москву разные небылицы. Был у нас протодиакон Попенко. Сам он захотел уехать в другой город, а теперь обвиняют нас, что мы его удалили отсюда. Други мои! Если вам что-нибудь не нравится в поведении моем или отца Архимандрита (и мы ведь «человеки», и можем ошибаться!), имейте мужество прийти к нему или ко мне и лично объясниться: так и так, то и то мне не нравится. И мы разъясним вам недоумения ваши и ответим на вопросы, которые вы нам зададите. А если пишете письмо, то указывайте свой адрес и фамилию, и мы опять-таки вызовем вас для беседы. Это будет и честно, и обоюдно полезно. Но писать без подписи, это значит — прятаться в кусты. Недостойно это верующего человека! Это ли — дух христи-

анского милосердия и святой любви? Как же мы надеемся сами получить у Бога милость и прощение грехов, если питаем такую непримиримую злобу на другого человека? Да не будет же у нас этого больше! Умоляю вас, други мои, подумайте об этих словах моих, и молитвами св. Великомученика и Целителя Пантелеимона да исцелит Господь наши душевные недуги! Аминь.

31.VII/13.VIII
Канун Первого Спаса.
После всенощной

Да сохранит нас всех в мире непобедимая, непостижимая сила Креста Господня! Уповая на нее, да преодолеем мы все искушения и соблазны, кои окажутся на пути нашем! Да пошлет нам Господь ради крестных страданий Возлюбленного Сына Своего здравие телесное и душевное. Да даст нам небоязненно встретить кончину живота нашего безболезненну, непостыдну, мирну, Божественных Таин причастну! И на Страшном Суде, когда все человеки, и верующие, и неверующие, увидят на небе знамение Креста Господня и восплачут все племена земные, да поставит Господь наш Иисус Христос всех нас по правую руку Свою с избранными Своими! Аминь.

5.VIII/18.VIII
Канун Преображения.
После всенощной

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Позвольте поздравить вас всех с Праздником! Из чтения синаксария вы поняли уже, какое значение имело это событие Преображения Господня для Апостолов, а сле-

довательно и для всех нас. Перед крестными страданиями особенно надо было укрепить веру ближайших ко Господу Апостолов, так как им предстояло проповедать Его как Сына Божия по всей земле. И вот троим из них было дано увидеть заранее ту славу, которую Господь Иисус Христос должен был воспринять как Человек после Своих страданий. Как Бог ведь Он всегда имел ее и никогда не лишался. Предстали Ему при этом два пророка: Моисей от умерших людей и Илия от небожителей, и эти два великих Пророка, при жизни своей удостоившиеся беседы с Богом, но не могшие лицезреть Его славы Божественной лицом к лицу, теперь беседовали с воплощенным Словом Божиим, а глас Божий из облака свидетельствовал Апостолам, что это воистину есть Сын Божий. И Апостолы сохранили это видение в сердце своем, и оно укрепило веру их, хотя и не рассказывали они о нем по повелению Господа до дня Его славного Воскресения. А потом пронесли проповедь свою по всей вселенной, обратили к вере Христовой многие народы, и наши предки приняли эту веру Христову, проповеданную Апостолами. Да воссияет же и нам, грешным, свет Твой присносущный, молитвами Богородицы, Светодавче, слава Тебе! Аминь.

6.VIII/19.VIII
Преображение Господне.
После вечерни

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Я уже говорил вам вчера о значении Праздника Преображения Господня, но и сегодня хочу еще отметить, как он радостен для каждого из нас. Други мои! Как много у каждого скорбей, болезней, как тяжела иным жизнь! Что бы мы делали, если бы не

было у нас надежды на то, что в загробном мире получим мы утешение, если здесь терпеливо и с благодарением Бога перенесем свои страдания?! Во время Преображения на горе Фавор Господь явился в той славе, которая была уготована Ему по человечеству и которой причастны будем и все мы после смерти, если будем жить достойно своего звания христианина. Вы подумайте только, какая блаженная вечная жизнь, какая радость нас ожидает! Поддерживайте себя этой мыслию, и да сохранит нас всех в мире Господь! Аминь.

10.VIII/23.VIII
После вечерни и чтения жития св. Лаврентия

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Не знаю, обратили ли вы свое благосклонное и духовное внимание на одну подробность в житии Св. Лаврентия? Когда Святителя Сикста, папу римского, вели на казнь, тогда дьякон Лаврентий опоздал и встретил Сикста на дороге. Он стал со слезами взывать к отцу своему духовному: «Куда же, отче, идешь без сына своего? Разве не вместе мы служили с тобою у Алтаря Господня, не вместе ли приобщались Святых Таин, а теперь ты идешь получать один без меня венец мученический! Возьми и меня с собою!» И Святитель Сикст утешил св. Лаврентия, пообещав ему, что и он через три дня сподобится пострадать за Христа и принять венец мученический. Такова и должна быть любовь духовного сына к своему отцу, чтобы не мыслить даже существования без него, желать лучше умереть с ним вместе, чем жить без него. Так и случилось, и Церковь почитает сегодня память и Святителя Сикста, папы Римского, и

архидьякона Лаврентия, через три дня после св. Сикста пострадавшего. Это особенно надо запомнить нам в связи с тем, что только что говорил отец Анатолий о почитании отцов духовных. Други мои! Ведь духовная связь должна быть крепче родственной. Мы не уверены, что встретимся на том свете с родителями нашими, с мужьями или с детьми. Но отец духовный обязательно будет около нас на Страшном Суде, чтобы дать отчет Богу за душу каждого пасомого. Велика и на земле честь епископу и священнику; достойные из них получат и великую славу на небе. Но очень велика и ответственность их перед Богом. Доверено им такое служение, которого не удостоены даже Ангелы: они возрождают людей крещением, очищают души их в Таинстве покаяния, претворяют хлеб и вино в Святые Тайны Тела и Крови Христовой, питают ими людей. И когда кончаем мы дни жития своего, кто провожает нас в будущую жизнь? Тот же отец духовный! Как должны мы любить и почитать его, поставленного Самим Богом для спасения души нашей! Он станет некогда пред Страшным Престолом Божиим и скажет Ему: «Се аз, и се дети мои, иже даде ми Бог!» (Владыка плачет...) Как хотел бы я знать, что не разлучимся мы с вами и на том свете, а будем и там едиными усты и единым сердцем славить Пресвятую Троицу во веки веков! Аминь.

15.VIII/28.VIII
Успение Божией Матери.
После Литургии

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Поздравляю вас, Боголюбивые, с Праздником Успения Пресвятыя Богородицы! Ничего я так вам всем

и себе лично не желаю, как того, чтобы при кончине нашей посетила нас и благословила в загробный путь Сама Пречистая Матерь Божия. Как была Она обрадована явлением Ангела, возвестившего Ей о пришествии Сына Ея Возлюбленного! Как ждала Она Его, уже лежа на смертном одре Своем! Как взывала к Нему: «Готово сердце мое, Боже!» И помня эту радость Свою, Она и нас может обрадовать Своим явлением в час смертный. Я вам рассказывал об одной монахине, которая часто при жизни взывала к Богородице: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою!» И когда она уже отходила к Господу, все сестры видели, как просияло лицо ея светом солнечным, и она ответила: «Иду, Госпоже, иду!» Значит, Сама Пресвятая Дева явилась принять душу ее. Навыкайте прославлять Царицу Небесную, и Она, Милосердная, не оставит вас Своим заступлением и в жизни сей, и в час смертный. Сие по милости Божией вам буди, буди! Аминь.

31.VIII/13.IX
После Литургии

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

Каждый день на литургии перед выносом Евангелия поются Заповеди Блаженств, которые дал нам Господь Иисус Христос. Первая из них гласит: «Блажени нищии духом, яко тех есть Царство Небесное!» Я уже не раз объяснял вам, что «нищии духом» — это не те нищие, которые стоят у порога храма. То — бедные, неимущие, но не всегда они бывают нищими духом. «Нищие духом» — это смиренные, негордые, которые ни на что не обижаются, так как считают себя последними из людей и грешнейшими всех окружающих. Некоторые говорят:

«Смирение — это признак слабости характера», человек будто бы должен иметь собственное достоинство. Но высшее проявление собственного достоинства и есть именно смирение. Самые богатые, мудрые, образованные люди не имеют той нравственной силы, которую дает Бог смиренным. Бог кому противится? Гордым. А смиренным дает благодать. Многие святые удостаивались получить дар чудотворений именно за свое смирение.

Но при этом они всегда старались скрывать этот дар. Многие монахи в древности приходили в города продавать на рынках свои изделия, корзины, например. Верующие покупали этот товар, но денег сразу не платили, а приглашали такого монаха к себе домой для расплаты, и здесь просили его помолиться о ком-либо из болящих; делали это тайно, иначе бы он не согласился из-за смирения. Был известный подвижник, св. Варсонофий, он имел дар от Бога чудотворений, но по смирению и скромности своей не любил, когда к нему обращались. Однажды в тот монастырь, где он спасался, отец принес издалека своего скончавшегося сына в надежде, что по молитвам преподобного Господь воскресит его. Монахи посоветовали положить отрока на полу в храме, на том месте, где обычно стоял св. Варсонофий. Когда он пришел к богослужению и увидел лежащего на полу мальчика, то начал будить его: «Вставай, чадо, довольно уже спать-то!» Он думал, что тот действительно спит. Но мальчик от этих слов преподобного воскрес и встал на ноги. А явно св. Варсонофий никогда бы не решился воскресить кого-либо.

Помните же, други мои, как дорого смирение в очах Божиих, и старайтесь украшаться им, да будете и вы, по обетованию Божию, наследниками Царства Небесного. Аминь!

Теперь пропоемте «Воскресение Христово видевше...», «Свят Господь Бог наш...» Вечером будет акафист, вероятно, Божией Матери. С миром изыдем!

1955 год

6.II/19.II
После всенощной

По скромности своей отец Архимандрит не упомянул, что в этот день 12/25.II будем мы молиться не только о Святейшем Патриархе Алексии, но и о нем самом. В этот именно день дорогому настоятелю нашего храма, отцу Архимандриту Исаакию исполнится 60 лет, и мы все вместе помолимся о том, чтобы укрепил Бог его здоровье и дал силы трудиться на пользу нашего храма.

Вы знаете, что среди вечерних молитв есть такая, которая начинается словами: «Владыко Человеколюбче, неужели мне одр сей гроб будет?» В ней мы просим Бога простить наши грехи и спасти нас, будучи неуверены в том, что доживем до завтрашнего утра и увидим следующий день. Если когда, то именно сегодня следует нам прочесть эту молитву и перекрестить постельку свою на ночь. Ведь сегодня вспоминаем мы с вами день Страшного Суда, который придет неожиданно для всех.

Если представим мы себе, что, может быть, уже сегодня предстанет душа наша страшному Престолу Божию, то, конечно, явится у вас вопрос: «С чем же, Господи, я предстану пред Тобою?» И невольные слезы умиления и раскаяния прольются на подушку вашу. Да отверзет же нам всем милостивый Господь двери покаяния! Аминь.

14.II/27.II
Прощеное Воскресенье. После Литургии

А как называется сегодняшний день, други мои? Верно, Прощеный день! А почему он так называется? — Потому что со времени Самого Христа Спасителя вошло в Церкви Православной в обычай просить в этот день друг у друга прощения. Он Сам ведь сказал: «Если кто простит ближнему своему прегрешения его, то простит тому грехи Отец Небесный; а кто не отпустит ближнему своему прегрешений его, не отпустит тому и Отец Небесный грехов его!»

Сегодняшний вечер этому и посвящен, являя нам умилительную картину: кто кланяется другому в ноги, кто целует обидевшего, проявляя всячески любовь друг ко другу. «Прости меня, Христа ради!» — говорит один. Другой отвечает: «Бог простит! И меня, грешного, прости!»

Иной скажет: «А зачем мне идти в церковь смотреть, как женщины кланяются друг другу?! Разве не могу я и дома попросить прощения у близких и примириться, если кого чем обидел?» Конечно, можешь, друг мой! Но никогда не будет это в такой обстановке, как в храме. Ведь тут мы не одни. С нами присутствуют и Ангелы-Хранители наши. Не удивляйтесь тому, что я это говорю, я глубоко убежден в этом. Вы ведь знаете, что при крещении каждому человеку дается Ангел-Хранитель, который неотлучно пребывает с ним до конца дней. Мы отгоняем его иногда нечистою жизнью и дурными делами, но когда идем в храм, он с особенной радостью идет вслед за нами.

Вот сейчас, например, сколько здесь народу! И столько же и Ангелов-Хранителей. И даже еще го-

раздо больше, потому что Архангел Селафиил, руководитель молитв, посылает слуг своих, святых Ангелов, и они тоже заполняют сейчас этот святой храм.

С икон смотрят на нас лики святых. И они на небе тоже радуются, когда видят людей молящихся и мирящихся друг с другом. А Пресвятая Божия Матерь, Покровительница наша, а Сам Господь Иисус Христос разве не благословляют нас невидимо в этом храме? Ведь когда дети живут мирно, это самая большая радость отцу и матери. У иного человека слезы на глазах. Его спросят: «Что у тебя, горе какое-нибудь?» А он отвечает: «Нет, это от радости, что у меня хорошие дети и что они живут в мире между собою!»

Вот видите, други мои, как много благодати в храме. А дома этого нет. С такими мыслями и настроениями и приглашаю я вас сегодня прийти к вечерней службе и, отложив в сторону все обиды, примириться друг с другом. Аминь.

14.III/27.III
После Пассии

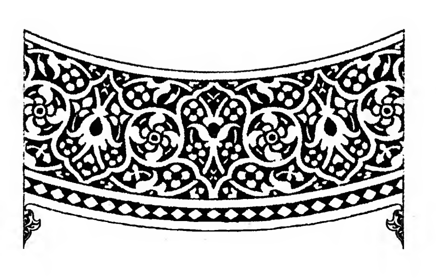
...Как вы уже слышали, есть у нас большая радость: для нашего храма прибыла из Тобольска икона святителя Иоанна с частицей его мощей. Мы всегда считали его своим небесным покровителем. Когда ремонтировался храм в Тобольске, мы оказали тобольчанам посильную материальную помощь, как вы помните. И вот теперь святитель Иоанн Тобольский пожелал сам явить нам свою милость. Есть ему и служба, и акафист, составленный Преосвященным Варфоломеем. Мы постараемся почаще совершать ему здесь служение. Я верю, что как святитель Николай пребывает с нами в этом храме и слышит наши

молитвы и благодарение, так будет и святитель Иоанн пребывать постоянно с нами. Пропоем же ему сейчас вместе величание: «Величаем Тя, Святителю отче Иоанне и чтим святую память Твою. Ты бо молиши за нас Христа, Бога нашего...»

17.III/30.III
После стояния Марии Египетской

Вот вы слышали сегодня много раз кондак: «Душе моя, душе моя! Восстани, что спиши?! Конец приближается, и имаши смутитися...» Какие прекрасные слова! Редко мы, други мои, сознаем свою греховность, не понимаем, что мгла неправды нашей окутывает нас со всех сторон; и тогда Церковь, как любящая Мать, как нежная няня, старается разбудить душу нашу к покаянию и деятельному исправлению. «Что спиши?! Конец приближается, и имаши смутитися...» Каждому из нас одинаково предстоит этот конец, и с чем мы предстанем на Суд Божий? «В чем застану, в том и сужу», — говорит Господь. Не забывайте же этого никогда, други мои! Многие подвижники ежедневно на ночь читали этот кондак, и он побуждал их к исправлению и к памятованию о смерти. А теперь — с миром изыдем! Аминь.

КОНСПЕКТЫ ПРОПОВЕДЕЙ, СОСТАВЛЕННЫЕ МИТРОПОЛИТОМ НИКОЛАЕМ



Не в приточной форме Господь наш Иисус Христос на сей раз говорит о Страшном Суде, а изображает его действительность.

Страшный Суд предварят чрезвычайные события, которые совершатся по Вселенной по Слову Божьему: «Придет же день Господень, как тать ночью, и тогда небеса с шумом прейдут, стихии же, разгоревшись, разрушатся, земля и все дела на ней сгорят» (II Пет. 3, 10).

«...Солнце померкнет и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются» (Мк. 13, 24–25), наступит тьма, правда, на самый малый миг.

Солнце уступит свой свет грядущему во Вселенную Пресветлому Солнцу — Христу, от Которого возгорится Божий Свет и осветит весь мир блистанием Божества и Его славы.

И все это совершится в мгновение ока. Затем вострубят трубы. Звук сильный, будет слышан во всей Вселенной.

Земля отдаст своих мертвецов, воды и моря — своих, прах сожженных обратится в тела. Но тела будут не те тленные, а нетленные, ибо тленное, по слову ап. Павла (I Кор. 15, 53), обратится в нетленное, и смертное в бессмертное. Каждая душа соединится со своим телом. Смерть уже не будет иметь над ними власти, ибо сама она будет уничтожена победой. «Смерть! где твое жало? Ад! где твоя победа?» (I Кор. 15, 56).

«Воскресе Христос, и ты низвержен еси. Воскресе Христос, и падоша демони. Воскресе Христос, и радуются Ангели. Воскресе Христос, и жизнь воцарися» (из слова св. Иоанна Златоуста на Пасхальной заутрени).

Воскресе Христос, и все возрадовались! Мертвые восстанут с нетленными телами, а оставшиеся в живых тогда изменятся, сбросят с себя тленную телесную оболочку и оденут души в нетление!

Все примет новый вид — соответственно новым условиям нового бытия.

Как зерно пшеницы, брошенное в землю, сперва истлевает, умирает, а потом оживает, растет и является снова зерно пшеницы, и мы видим мудрейшее обновление жизни, вышедшей из тления, но не другую <жизнь>.

Други мои, и мы все по воскресении будем иметь новый вид. Тела будут сиять светом солнца, лица покроются славою Божества. Говорю сие о славе праведных святых.

Тела же нераскаянных грешников, богоотступников, распинателей Христа, поносителей Его Святаго Имени — будут лишены этого сияния. Наоборот, они подобно <движущейся> головешке покроются нечистотой греха.

И все, которые в своем виде явятся на Суд Божий, понесут на этот суд все свои дела: праведные — добрые дела, как приятные зрелые плоды; грешники поневоле понесут, ибо не смогут утаить своих скабрезных дел: прелюбодеяний, убийств, краж, матери-убийцы явят <несовершенный плод своего нрава>, все они вместо славы покроют тогда весь грешный мир своими смрадными телами. Люди будут находится в этом смраде. Будут искать себе смерти, но ее уже не будет, будут просить облегчения в страданиях, но не получат.

Никто тогда не придет грешнику на помощь — ни отец, ни мать, ни друг, которые так же предстанут пред судилище Божие, ни наши просьбы к Святым не услышатся, ни горькие слезные вопли нам тогда уже не помогут. Поздно. Время милости прекратилось. Пришло время суда. «Страшен суд Твой, Господи!»

Тяжки грешнику его окаянства! Пока еще есть время земного бытия — надежды и покаяния, — надо покаяться!

Но суда Божьего пока не было. Не разбирались дела ни праведников, ни грешников — это предварит суд совести каждого. Совесть раскроет пред всем миром дела каждого из нас. Все мельчайшие моменты нашей земной жизни совесть откроет нашему сознанию.

То, что мы утаивали здесь от людей, станет ясным для всего мира: нет ничего тайного, что не стало бы явным. Отцы увидят сокрытое в сердцах де-

тей, женам будут ясны все прелюбодеяния мужей. Умерщвленные во утробе дети на весь мир будут вопиять, жалуясь на безумных своих матерей, отнявших у их Божественный дар — жизнь.

Какие поражающие страшные зрелища! Божий суд совести для каждого — прежде суда и приговора!

Что же ты, грешник, скажешь теперь? О, — скажешь, — аз трепещу страшного суднаго дня! Боюсь приговора Праведного Судии, ибо Суд Его будет без милости, приговор Его не изменится на всю вечность.

Горе нам, увы нам грешным, боимся мы громового голоса Судии, Христа Спасителя: «...Идите от Меня проклятые...»

Тогда обратит наш Господь Лице Свое к праведникам, по правую сторону Его престола, и радуясь скажет им: «Приидите, благословенные...» Приидите, наследники Моей славы, войдите в Мою радость, ибо все то, чему я Вас учил при жизни Своей на земле, вы исполнили.

Одни из вас были, как и Я, гонимы за Имя Мое, другие мучимы, иные ради Меня напасти терпели. Приидите милостивые, приидите все, возлюбившие Меня, и за любовь ко Мне приидите в Мою славу, Мое Небесное богатство, в Мое Царство.

Приидите ко Мне, Я соделаю вас участниками брачного пира в дому Отца Моего, ибо Я Ему Сын, а вы Мои сыны...»

И пойдут все праведные в живот вечный, где вечно они пребудут, радуясь, со Христом и во Христе. И радости сей никто от них не отнимет, ибо там нет и не будет ни печали, ни скорби. Все там блаженно, все там свято, все там — слава Божия. Все там пребудут в Боге, и Бог будет почивать в душах праведных.

С трепетом выслушают себе приговор грешники: «Идите от Меня...»

Там — оправдание, здесь — осуждение; там дается сладость Царства Отца; здесь — ад и вечные муки с диаволом; там — свет, здесь — тьма; там — вечная радость; здесь — вечный скрежет зубов и вечное проклятие над головою — «Идите от меня...» все оставивщие Меня, все нелюбящие Меня, все хулители Моего Имени, все жестоковыйные, вы не Мои рабы, а рабы диавола, ибо всей своей жизнью вы ему служили, идите же от Меня в его царство на страдания и вечные муки».

Опозоренные пред всем миром идут грешники в безбрежный океан страстей, в царство диавола.

Грозен приговор и кто его отменит?! Мрак ада, смрад его темниц покроет своих несметных жителей. Пройдут века, а скорби не уменьшатся, а все более будут возрастать.

Пройдет много веков, и ни один луч света и радости не пробьется сквозь толщу адского мрака и ни на одну секунду не облегчит страдающего там мира: «Горе, горе нам, увы, увы нам, бедным!» — со скрежетом зубовным будут вещать грешники. И вопли их будут вечны и неизменны.

Други мои! Кто из вас не устрашится сего приговора неизбежного Судии Христа? Кто из нас не пожелает избегнуть участи грешников и наследовать славу Святых?

Все желаем сего, все живем мыслью наследовать Царство Христа, помня Его слова, что только «чистые сердцем Бога узрят». Очистим в себе покаянием греховные наши сердца, омоем их нечистоту слезами. Дадим пищу голодному, оденем раздетого, посетим больного, не осудим брата, претерпим, ради Господа, всякую нужду, обиду, унижение.

Принесем Богу молитву мытаря, покаяние разбойника, слезы блудницы, и будем иметь веру с надеждой, что любовь и благодать Отца нашего Небесного не отвергнет нашего смирения в день судный.

«Помните же Страшный суд!» Но еще страшнее он для тех, кто о нем забывает и не имеет памяти о нем в сердце своем. Аминь.

***

Основная тема: «Взгляд на душу с точек зрения христианства и материализма».

Человек задается вопросами о происхождении вселенной и, в частности, человека. Но среди научных данных человек ответа на этот вопрос не находит. Поэтому, естественно, начинает задумываться о том, как христианство объясняет и происхождение вселенной, и происхождение человека и всей твари.

Возникают вопросы:

Как образовалась душа?

Как душа остается по существу неизменной, производя другую душу? Как Отец рождает Сына, изводя Святаго Духа?

Душа — творение Бога — вот как свята душа! Рождение человека — это акт духовный, а не физический.

***

Что есть Промысл Божий?

Промысл Божий — это Отеческое попечение, сбережение всего человека — его души и тела. Промысл Божий имеет попечение о душе, так как человек отпал от Бога, впал во власть диавола. Средства спасения — ТАИНСТВА!

Ты вне веры в Бога. Ты хочешь узнать Истинного Бога — возьми Евангелие — это книга, где ты увидишь, Кто есть Бог.

Ты услышишь призыв: «Приидите ко Мне...»; «Аз есмь Путь, Истина и Жизнь».

И если хочешь познать Истину — приклони колени и взмолись: «Я знаю, Ты пришел спасти весь род человеческий, Ты не различаешь ни имен, ни полов... Откройся мне, как Истина, укажи путь ко спасению, дай жизнь истинную».

И молитва твоя, и страдания души приблизят тебя к Истине, ибо Он сказал: «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные и Я упокою вас».

Но с другой стороны, не забыл Бог и о земном благополучии человека. Он дал человеку все — свет, росу, дождь, произрастание злаков и плодов, служение животных — мясо, молоко, шерсть. Но благополучие может быть только при условии участия самого человека. Человек трудится, и Бог благословляет его труды и дает все необходимое.

Господь осуждает воров, дармоедов, проходимцев.

Бог повелевает человеку добывать хлеб свой «в поте лица». Это закон. Закон нарушать нельзя. Из-за нарушения закона человека постигают скорби.

Спасительный труд Матери Божией, Апостолов и Святых — пример исполнения закона.

Божественный Промысл привлекает к Господу грешные души через болезни, скорби и другие лишения, чтобы человек перестал грешить. «Всем хочет спастися...»

Помня о том, какое Господь имеет о нас попечение, не будем Ему неблагодарны. Нужно за все благодарить — и за радости, и за страдания. Все, что дает Бог, — нам только на пользу, если твердо и не сопротивляясь будем выполнять Его святую волю.

◇◇◇◇◇◇

Притча о Лазаре и богаче из уст Спасителя есть наилучшее доказательство бессмертия души и загробной жизни. Мы не берем положение Лазаря и богача за гробом, а смотрим только на то, что они оба, совлекшись плоти, существуют за гробом, оба они живут не телами, а душами — значит есть бессмертие! Значит идея бессмертия души не есть теория — бесплодная истина, — нет, мы на основании слов Истины, Логоса, имеем право сказать, что бессмертие — положительно неоспоримая истина.

Ввиду неодинакового отношения к ней Лазаря и богача — мы видим и *обретенное* ими вследствие этого их состояние за гробом.

Какая зависимость жизни от идеи бессмертия? Без высшей идеи человечество не может существовать. Такова идея бессмертия души — Бог — загробная вечность.

Через знание идеи бессмертия человек постигает всю разумную цель жизни. А если она — дар случайный — то тысячи вопросов мрачных появляется у человечества — и как вывод отсюда — самоубийство.

Как решают вопрос о смерти неверующие в бессмертие? Л. Толстой — «Анна Каренина» — «Жить смысла нет». Много сему помогает пессимизм. А наука говорит — «Бытие хуже небытия».

Наш индифферентизм — отсутствие высших запросов. Не понимаем — как мы относимся к высшим вопросам?

Другая крайность — забвение доброты. — Гончаров «Обрыв». Но дает ли такая жизнь человеку счастье? Нет! Если даже слезы отрезвят его и страх — это не решение высших вопросов.

Огня не избежал и богач, он посылал Лазаря, но поздно.

Помня, что идея бессмертия ведет ко благу, что сын земли будет гражданином Неба — будем устроять первую ступень жизни — исполнение заповедей!

1. Царский вход... — «Се Царь твой... Сиона...» Изгнание из храма... исцеление больных.

2. Царь... кроткий... смоковница...

3. Это торжество было предварением Его страданий — Голгофы — Креста — Его величие смерти... Он идет умирать — и умрет на Кресте, как на ложе почиет — ни мускулы не дрогнут, ни проклятия не произнесет — молитва: «Прости их...» Он умирает с огнем любви к роду человеческому. Неповинен... «Жажду»...

4. Это «жажду» должно проникать глубины нашего сердца и нашей души.

5. Христос победил смерть — Его смертью Он всегда с нами — и чувства наши и надежды с Ним.

6. Мы грехом распинаем Его, возводим на Крест, — и Он молит за нас... и «жажду»...

7. Стань, служитель Божий, послушай, — Он алчет — «Жажду»...

8. «Стань у Креста муж науки — ты познал природу — ее тайны — ты поднялся в высь неба... ты созерцаешь глубины океана — красоты его дна. Ты в глубинах земли — ты многознающий, — а познал ли ты Мою любовь, поднялся ли мыслью твоею к высотам духовного неба? А Я жажду твоего прихода. Иди ко Мне!

Ты утратил Мой образ — приди ко Мне, Я жажду твоего обновления, Я воскрешу в тебе Свой образ — приди ко Мне».

«Юноша, чистая дева — как юны, чисты твои идеалы. Как хорошо твое стремление к обогащению

14 Зак. 27082

светлыми идеалами, чистыми познаниями!... Приди ко Мне! Я помогу тебе их найти во Свете чистой Истины, в мире чистых, небесных идеалов... Ты не тронута жизнью, не больна ее страданиями — ты чиста...»

«Приидите же ко Мне вси...»

Слышите! Он любит, наш Христос зовет к Себе всех, в Нем наш мир и покой, в Нем Истина Святая, в Нем новейшая Истина, в Нем недостижимые идеалы — разрешение проблем нашего бытия.

Идемте все на Его зов — идемте охотно, радостно! Аминь.

На погребение О.

Вырыта заступом яма...

Да, замерла земная жизнь О. ... Открылся бесконечный простор жизни небесной, вечной...

Ее душа сейчас на грани земли и неба; скоро она, как птица, полетит в гнездо Орла Небесного; когда мы отдадим ее тело земле, дух ее отойдет к Богу.

А сейчас она с нами; она видит нас не земными, телесными очами, а очами души. Она обоняет воню нашей любви, она дышит благодатью Святой Жертвы, которая принесена за нее.

Она услаждается святым храмом. Она слышит плач и рыдание окружающих гроб. Она видит скорбных сродников. Она еще с нами пока, но скоро отойдет на зов Святаго Создателя.

Он устами Святой Церкви говорит: «В путь узкий... путь сестры нашей О. был усеян не розами, а терднием, крест ее состоял и в долгой болезни.

И ее она несла терпеливо. Я уже год здесь и знал все ее недуги — она верила, что в болезни ее дух и душа чище делаются. Она чувствовала, как Господь сей болезнью приближал ее к Себе. Я это понял из

ее свидетельства. Как человеку ей тяжела была ее болезнь. Скорбела она не за себя, а за тех, кому болезнь доставляла тяжесть — мужу и детям.

Как христианка, она готовилась к исходу в загробный мир и спокойно об этом говорила и тихо уснула. Она желала быть отпетой в храме. Она собрала собою всех нас, ее любящих, которых оставила для вечной жизни, для вечной любви.

Возлюбленная сестра О. С.! Ты прошла свой путь как истинная христианка. Ты пошла за Христом, иди же и сегодня по этому пути, уже там, где дух твой встретит Христа — ты увидишь Того, Кому служила и Кем жила. Аминь.

Крестопоклонная неделя

Вы увидите на главе Крест Господень. Для чего на главе? Чтобы видеть — поднимая его на главу, мы как бы снова водружаем его на Голгофе!

Кто сей, исходящий из Едема? Имеет ризу окровавленную? Сей есть Христос... Се Агнец Божий... Се наш и всего мира Спаситель, пригвожденный ко кресту нашими грехами...

Поднятие Креста возвышает наши мысли и возносит сердца к Тому, Кого видим на Кресте.

О, таинственнаго Твоего шествия! Приидем, людие, Ему навстречу; Он несет радость миру; Он избавляет мир от скорби, и Своими страданиями от страха смерти.

Пусть в эти таинственные минуты смолкнет все в душе земное, суетное, грешное. Станем добре... Откроем сердца... Да молчит всяка плоть человеча..

Возжигайте свечи... Держите в руках... Свет их поведет души наши, так же горящие, как свечи, ко Христу.

Неделя Ваий — Вход Господень

Картина входа — осанна! Благословен Грядый... Но восторг не долог — Иуда — Суд — Распни, распни Его...

Непонятно, почему такая перемена? — Люди прилепились к земному — не надо неба, не надо Христа! Распни, распни Его! Два мира боролись: небесный и грубо земной. Как бы победа на стороне неправды — осужден, унижен...

Но воскрес Христос — и правда восторжествовала и тьма не объяла Его.

Пред нами история христианства — мы были свидетелями Его жизни — Он принес Свет, а мы любим тьму — не надо света, не надо Христа, распнем Его.

Он приходит и ныне — несет слово — распространяется Евангелие. Он требует подвига — широкий путь — путь греха, и мы распинаем Его. Он искупил нас, оживотворил Своею Кровью, а мы Его распинаем! Он нес наш крест, а мы...

О, как повинны мы перед Ним! Ты руки к чужому простираешь, а Он простер их на Кресте — уста, очи, ноги, — весь. А ты?

Мы стали в ряды распинателей... Правда Его — тебе дает жизнь, — христианство не ушло. — Свет в Нем и Вечность.

Идите к Свету, идите к Любви, идите к Солнцу! Познай же Его! Аминь.

В Неделю Жен-Мироносиц

1. «Мироносицы» — от слова «миро»...
2. Их неустрашимость и любовь к Иисусу Христу.

3. Ответ на любовь Христа: они первые удостаиваются видеть Воскресшего Христа.

4. Что делает любовь жен-мироносиц к Иисусу Христу? Они стараются нести подвиг апостольства: равноапостольные — Магдалина, Фекла, Елена, Нина, Ольга, Нонна, мать св. Григория Богослова.

5. У нас в России — родители преп. Сергия: схимон. Кирилл и Мария, мать преп. Серафима — Агафия.

6. Что делали жены-мироносицы, то может сделать мать-христианка — это ее подвиг.

7. Какой корень — такой и плод. Плод — вера, любовь к Богу и ближнему, любовь к родине...

8. К мужу: побеждать грубость скромностью, веру всеевать и прочее.

9. А мужьям? Любить своих жен, как себя. Жестокое обращение мужа — не евангельский завет.

Подвиг тех, которые подражают женам-мироносицам, ведет в Царство Небесное.

Если грех делает рабами диавола, если нас за то ожидает одна участь с ним, то не думай, что грех маловажен.

Спеши его избыть средствами, данными Богом. Не запускай его. Аналогии — из болезней. Гони его в прилоге. Опасно собеседование — услаждение сердца и после этого падение. «Бдите и молите Дух Божий», «Яко лев ходит...» (I Пет. 5, 8). Божественная благодать всегда да будет со всеми вами. Аминь.

Неделя о расслабленном

Господь исцеляет в дому. Мы тоже расслабленные — приходим в дом — храм. Там Христос и здесь

Он же. «Где двое или трое...» Тело Христово, иконы Иисуса Христа, Евангелие, Чаша. Все это свидетельство Его... Ангелы напевают нам молитвы.

А как мы ведем себя в храме? Толкаемся, только бы пройти вперед... Поклоны перед иконами кладем во время службы. Разговариваем громко, сидим и разговариваем, не слушаем службы, переходим с места на место. Толкаемся, когда подходим к Чаше.

Тяготимся службой...

Получаете ли вы милость Божию? Нет! Нет, таким поведением мы оскорбляем Господа. «Со страхом Божиим...» А мы?!

Неужели наша служба непонятна? А мы хотим милости вам. «Всякое ныне житейское...» Подумайте, кто мы? Где мы? К Кому приходили?

Готовьтесь, вспомните изгнание Христом из храма. Просьба: совлечитесь тленного человека, возродитесь духом.

День Святаго Духа

Показать плоды и действия Святаго Духа разно во апостолах, святителях, мучениках, праведниках и др.

Все они пришли к славе. Один и Тот же Дух Святый — а действия разные. Они собою украшают Св. Церковь, как невесту: Апостолы — благовествованием Евангелия; Святители — проповедью и служением; Мученики — кровью; Преподобные — святостью жизни, Девственники — красотою девства и чистотою тела — и каждый из них принес цветы святости и веры — и встретили Жениха Христа.

Они проводники наши в страну Отеческую, доведут, указав пути. Мы видим там Святителей, Мучеников, гонимых — они жили в равных с нами условиях.

Как братья во Христе, они зовут нас к себе — идите, идите, мы укажем вам путь. Каждый просит святых о заступлении. Вот сонмы епископов, пресвитеров, диаконов, иноков, девиц, мирян, — каждому из нас есть образ подражания. Только иди за ними.

А что нужно? Они верили — и ты верь; они смирялись — и ты смирись; они были кротки — и ты стань кроток; они имели надежду — и ты надейся.

Все сие нам доступно и возможно. Если трудно — Церковь Божия поможет, им также было трудно, но если трудились и шли вперед, они помнят о тебе — подвиг любви — святая святых!

⁂

«Днесь вод освящается естество...»

Вода освятилась погружением Иисуса Христа, гласом Отца и парением Святаго Духа.

Это освящение происходит во время Крещения во Имя Отца, во имя Сына, и во имя Святаго Духа.

Вода приобретает особую спасительную силу. Что происходит во время Крещения? Грешник из купели выходит святым.

Мы облекаемся в одежду славы и чистоты: «Елицы во Христа крестистеся...»

После крещения мы одеты в брачные одежды и Христос желает видеть нас на пире Своем.

Как мы должны оберегать чистоту одежды своей? А мы ее меняем на греховную одежду блуда — не брачную, а поэтому мы лишаем сами себя вечной жизни. Нам места там не будет.

Что делать? Убелять ее. Чем и как? Как грязную земную одежду омывает и очищает вода, так и духовную одежду — слезы покаяния.

Пример блудницы и мытаря евангельских. Братия, не забывайте слов «отрицаюся» и «сочетаюся».

Теперь мы обрастаем грехами, сочетаемся с диаволом, а от Христа отрекаемся.

Что же, остаться работать диаволу через грех? Нет!!! Согрешили — покаемся, и Господь нас грешных к Себе призовет.

Утеряли чистоту души — покаянием смоем не в купели водой, а в купели слез: «Измыйтеся и чисти будете», и Господь по милости Своей снова соделает нас сынами Света и причастниками Царства Небесного.

⁂

Повествование евангельское

О расслабленном (Ин. 5, 1–15)

Уроки: Наши болезни суть следствие греховного состояния души. «Иди и не греши». Болезнь вошла в мир вследствие греха Адама, и у нас то же самое.

Связь душевного настроения и болезни. — Проверь себя, посмотри на мир — болезни увеличиваются. Медицина идет вперед и не может догнать болезни.

Моральное состояние падает. Вера слабеет. Люди болеют нравственно и усиливают, умножают болезни — сребролюбие, блуд, зависть, насилие. Скоро земля обратится в лазарет.

Вывод? Можно ли уничтожить болезни и страдания вообще? Пока есть грех — нет. Частично — да: «Иди и не греши». Покайся.

Необходимо осознать, что болезнь нас приближает к Богу — она есть дар любви. Она учит покаянию.

⁂

Евангельское повествование

(Мф. 8, 28–34; Мк. 5, 1–20; Лк. 8, 26–39)

1. Господь изгоняет легион бесов из больного.

2. Побежденные бесы, исповедавшие Иисуса Христа, просят разрешение войти в свиней, входя в них — губят их.

3. Это прекрасно и непререкаемо свидетельствует о существовании диавола.

4. Есть отрицатели диавола.

5. Евангелие упоминает о болезни: горячка тещи Петра, расслабленные, глухонемые, слепые и другие.

6. Диавол — дух, но личность, как и Ангел, — его падение, его природа, направление воли...

7. Кому верить в определении: кто есть бесы? «Я видел сатану, спадающего как молния...»

8. Итак, по учению Церкви, диавол есть дух.

9. Его действия: имея вражду на Бога, он старается отвлечь человека от Него, от истинного спасения, принимая различные меры: вводит в грех непослушания Богу, вселяет злобу, ссоры, отводит от молитвы...

10. Всякий ли грех от диавола?

11. Творящий грех — раб греха, а грех сеет диавол. Значит мы бываем рабами диавола, а не Христа, а если мы рабы диавола, то нас ожидает участь в озере огненном...

12. Страшно оставить Христа и идти на вечную и верную гибель с диаволом.

13. Как оградить себя от действий диавола? «Сей род изгоняется только постом и молитвой» (Мф. 17, 21; Мк. 9, 29).

Именем Иисуса Христа или Матери Божией. Крестным знамением. Смирением. Из жития св. преп. Макария Великого: диавол сказал Преподобному: «Макарий, я терплю от тебя великую скорбь, потому что не могу победить тебя, у тебя есть оружие, которым ты отражаешь меня, это — твое смирение». Вот как велико это оружие против диавола.

Итак, следует мыслить о нем, что он есть враг Божий, и также враг нашего спасения — будем употреблять разные меры борьбы с ним.

И на войне воины имеют различное оружие. Все идут и совокупно побеждают врага, и каждый в отдельности.

Нам до смерти бросать оружие нельзя — борись до конца и спасен будешь.

Иисусова молитва, «Отче наш...», «Огради мя, Господи...», «Царю Небесный...», «Богородице» — эти молитвы всегда нужно повторять — они ограждают от влияния диавола. А главное — еще смирение к этому приложить — тогда победа обеспечена.

Апостол Петр отрекается от Христа в то время, когда Его скорбному уязвленному сердцу твердость веры, безбоязненная и горячая пламенная любовь доставили бы утешение.

Если в Гефсиманском саду «побдите»..., то в час тот более. Иисус Христос взглядом обращает ап. Петра к покаянию и плачу.

Тот, кто исповедовал Иисуса Христа Сыном Божиим, кто клялся умереть за Христа — сей клянется: «не вем, что глаголеши» — драма страшная — вера быстро сменяется неверием; любовь к Нему — личным благополучием.

Господь принял покаяние ап. Петра, и поэтому слова: «Симон Ионин, любишь ли ты Меня?»...

И мы подпадаем под позорную картину — отрицаемся от Христа — сознательно творим грех. Все на исповеди говорят: «Грешен, батюшка», — ты идешь на исповедь получить прощение, из грешного соделаться праведным и получить близость ко Господу Христу.

Ты отрекся от Христа, подобно ап. Петру, так и кайся подобно тому, как каялся ап. Петр.

Отрекся, когда полюбил маммону — пропала любовь к Богу. Если не работаем Богу — то кому работаем? Это и есть отречение.

Покайся подобно ап. Петру. Ищи узреть скорбным зраком Христа, Который подобно ап. Петру, сокрушил бы и твое сердце, вызвал бы слезы. Где мне узреть Его превечные очи? На иконе Креста — Любовь пригвождена.

❖❖❖

«Кресту Твоему покланяемся...» — мы сим воздаем честь Святому Кресту Господню.

А было время, креста боялись, распинали на нем...

Когда начали почитать крест и почему? Омыт Кровью... Спасение соделано... «Ибо слово о Кресте для погибающих юродство есть, а для нас спасаемых — сила Божия» (I Кор. 1, 18).

Апостолы почитали Крест и передали это почитание своим последователям. Христиане первых веков почитали Крест; свидетельства — катакомбы... храмы украшались крестами...

Нахождение Креста царицей Еленой и праздник Воздвижения Креста. Крест Христов будет почитаем до второго пришествия — начало спасения открылось Крестом, и начало славы откроется Крестом.

История говорит о почитании Креста, идея Креста в силе его. В Ветхом Завете — сила Креста — Моисей рассекает море, он же и Амалика победил распростерши руки крестообразно... се образы только...

Видение царю Константину: «Сим побеждай!»...

Крестное знамение: его сила, исцеление больных, отгнание бесов. Надо совершать крест истово: радость Ангелам — печаль бесам. Нательный крест носить, не снимая.

Прощеное воскресение

«Господи, прости им...», молясь так Богу, и Сам простил, и нас научает прощению обид ближних...

Он молился о врагах, прощал без упрека — простил отрекшегося ап. Петра, простил гонителя Савла...

Он прощает всех, кто прощает ближних. Как христиане — последователи Христа — мы обязаны прощать.

Сколько случаев прощения! А мы? Идем в храм, милости ждем, а в сердце злоба... и считаем себя христианами...

Мы слышим призыв Господа: «...если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный...» (Мф. 6, 14).

Мы имеем совет: «...если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-либо против тебя, оставь дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примирись с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» (Мф. 5, 23).

И все-таки, я знаю, — злобствуя причащаются. Может ли такая «любовь» быть Богу приятна и может ли она быть принята Им? Нет. — Такая «любовь» не пойдет нам на пользу...

Это противно Богу, это подражание диаволу, именно ему, разжигающему всегда злобу. Это ложь пред Богом.

Как ты можешь приступить к Чаше Любви? Се — поцелуй Иуды!

Вот мы желаем получить прощение на исповеди. Сперва простите друг друга искренно, сердечно. Как Христос простил.

Хуже всего, когда люди просят себе прощения, а их не прощают, подвергая себя тяжкому суду Божию. Их может постичь кара Божия.

Ты не прощаешь брата, не входи в храм любви и мира... Я надеюсь, что вы не дадите себя в посмеяние диаволу. Не захотите себя лишить милости Божией.

Для сего мы и пришли сюда. Дадим целование святое, простим искренно, сердечно. Если вас разделяет пространство — примиритесь в сердце, но примиритесь.

Не говори: «Он снова будет...» Если не прощает, три раза попроси, а если не простит, то отойди, грех уже не твой, только искренно проси прощения. Помолись о смягчении его жестокого сердца.

В вечер прощения — будем прощать... Я хочу в этот вечер напомнить вам Распятого на Кресте Иисуса Христа — этот образ должен быть всегда перед вами.

Простите и вы меня, други мои!

Прощеное воскресение

Вот мы накануне Святого Великого поста — мы будем готовиться к двум Таинствам: Исповеди и Причащению.

В Таинстве Исповеди мы примиряемся с Богом, в Таинстве Причащения — мы вкушаем таинственную вечерю любви.

Святая Церковь предлагает нам установленное примирение с ближними — и мы должны это делать, если желаем иметь милость от Господа, и без осуждения должны приступить к этому.

В Таинстве Исповеди мы ищем прощение Божие — прощение дается, если мы сами прощаем...

Непрощение — есть сохранение гордости и зла в сердце — это ставит нас во враждебное отношение к Богу — мы делаемся в таком случае врагами Богу. Вражда к Богу удаляет от Бога. Мы не заслуживаем милости от Бога. В таком случае не спасут ни по-

сты, ни поклоны, — ничто не спасет, если мы не мирны. Что такое поклоны? Что бдеть, что плакать, если ты во вражде?

Диавол не вкушает, не пьет, но он во вражде с Богом, и воздержание не приблизит его к Богу никогда. Так и здесь, «если отдам тело мое на сожжение, а любви не имею: нет мне в том никакой пользы» (I Кор. 13, 3). Не спасет тебя пост, если ты во вражде...

Ты приносишь Богу дар: свечи, просфоры, но ты во вражде — иди примирись... Чтобы получить милость Божию, мы должны простить других...

Имеем ли право не прощать? Нет! Если желаешь иметь часть со Христом, — иди и примирись...

Иди... мирись... скорее...

Сейчас мы должны исполнить обряд взаимного прощения, говоря: «Прости меня ради Христа» — «Бог простит, прости и ты меня ради Христа».

К этому нас побуждает пример Самого Христа. Вот Он, оплеванный и оскорбленный на Кресте: «Прости им, Отче...»

Если кого, други мои, кто обидел... Простите ради Христа. Вы готовитесь к Таинству Исповеди, вы будете просить: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя». Вот он указывает на возможность прощения нам: «...аще прощаете»... Божие прощение нас зависит от нас. Простим по Его глаголу. Вы готовитесь к посту, все это принято будет, если простим. Если нет, то ни пост, ни поклоны, ни Причащение не помогут.

Как можете к Причащению к Святым Тайнам подойти? Иудино целование! Прости и плачь!

Неделя о *слепом*

1. Господь исцеляет слепорожденного.

2. Он дает ему зрение физическое и духовное. «Веруем и поклонимся Ему».

3. Зрители фарисеи остаются слепыми духовно.

4. Господь осуждает их духовную слепоту.

Итак, есть слепота физическая, есть слепота духовная. Слепота физическая меньшее зло, чем слепота духовная.

а) Физическая слепота временна; слепой физически, если он не духовно слепой, увидит Святую Истину, — еже есть Христос Бог, ибо о Себе Он сказал: «Я есмь свет миру». Он есть духовное Солнце, дающее истинный Свет.

б) А слепец духовный не видит этот Свет. Это лишение тяжкое, и Христос его осуждает.

в) Кто же духовные слепцы? Кто не знает Света-Христа. Слепец физический не видит света солнечного, слепец духовный не видит Света Христова, не познает его, не воспринимает его, не носит его в себе.

г) Слепец физический не видит красот мира, слепец духовный не видит красот духовных — жизни во Христе. Он явил Собою красоту жизни — любовь, милосердие, правду, чистоту и другое.

Духовный слепец лишен этого. Наоборот, он имеет в себе источники тьмы и его ослепляет духовный свет, он для него, как пыль в глаза, как ядовитый дым — ослепляет очи — так и смрад страстей, злоба, сребролюбие, блуд, — закрывают очи духовные, и они не видят за сим Света и красот Христовой жизни.

Это может быть и с верующим, — он знает Христа, а заповеди его не исполняет — это и есть слепота духовная. Слепота духовная привела фарисеев

к гибели: «Просвети очи мои, Христе Боже, да не когда усну в смерть».

Красота — это Его заповеди. Любовь, милость, смирение — это есть дух красоты каждого человека, в котором находится душа христианская. Оттого духовные слепцы, как и слепцы физические, не видят опасности и падают.

Духовные слепцы падают и не видят падений, опасности и гибнут. Чтобы не быть духовными слепцами и не вести свою душу к гибели — познай Христа! И познай Его заповеди! Познанием пути, Им установленного, — познай Его любовь. Познанием кротости — познай Его милосердие.

Пойдем бодро, смело за Ним, Он наш Проводник в дом Отца Небесного. «Ходите во свете...» Горе тому, кто утратит этот Свет...

Бывают и у нас затемнения (пыль, дым) — протирайте очи! Не будем долго быть с запорошенными очами!

Нагорная проповедь

1. Три горы Евангельские: Фавор, Голгофа, Елеон.
2. Нагорная беседа: 5, 6, 7 главы...
3. Законы нравственного евангельского учения.
4. Цель жизни — совершенство...
5. Заповеди блаженства — лествица духовного восхождения.
6. Блажени нищии духом — I-я ступень.
7. Нищета духовная — есть смирение...
8. Оно есть основание спасения... Что есть смирение?
9. Смирение Иисуса Христа.
10. Нас призывает быть смиренным. Образы смирения научат:

Матерь Божия — Авраам — «прах и пепел»... Давид — «Аз же есмь червь, а не человек»... Иоанн Креститель — Хананеянка... Преп. Иоанн — Епископ и др. Преп. Сергий, преп. Серафим...

11. Как приобрести смирение?

а) размышления о Боге,

б) чем ближе к Богу, тем видят более себя грешным (авва Дорофей — окружность и центр — движение по радиусам).

Опытом: перенесение оскорблений...

а) избегать похвалы...

б) все хорошее — Богу приписывать...

в) избегать гордости...

г) подражать Иисусу Христу. Его слова: «Кто хочет быть первым... будь всем слугой» (Мтф. 20, 26). «Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили...» (28).

Умывает ноги ученикам... Удар по ланите... Два разбойника... «Гордым Бог противится...»

Имея облак свидетельств смирения, — будем им подражать. Каждый в своем роде — Закхей — да наследуем Царство Небесное.

II. Блажени плачущии... II-я ступенька...

Откуда пришли слезы в мир?... «...вся добро зело...» Грех — падение — слезы — плач об Отечестве небесном, родина, удаление от Бога — оскорбление Бога...

† Плачь, христианин, о попрании Крови Христовой...

† Эти слезы ублажает Господь...

Примеры блаженного плача: Адам — ап. Петр — Давид-царь — преп. Ефрем Сирин — Арсений Великий — Феофил еп. Киев.-Печ. — платок, смоченный слезами...

† Что делают слезы? Омывают душу, угашают геенну, утешают, умилостивляют Бога...

† Не все слезы служат во спасение. В гордости — плач от обиды, злобы и бессилия...

† Как приобрести слезы, ублажаемые Господом?

а) размышление о грехах, удаляющих нас от Бога,

б) Страшный Суд — Ефрем Сирин — оскорбляем Господа при Его благодеяниях к нам...

Молитва о слезах:

«Господи, даждь ми слезы, память смертную и умиление»...

Братие! Будем плакать здесь, на земле, дабы не плакать нам вечно за гробом.

† Принесем Господу слезы — и получим утешение.

† Омоем ими душу — и чисты будем — омоем сердце и Бога узрим.

† Угасим слезами геенну и блаженство наследим.

«Блажени плачущии, яко тии утешатся». Аминь.

III-я заповедь: «Блажени кротцыи...» — III-я ступень лествицы духовного восхождения.

† Кротость выражается в терпеливом перенесении обид...

† Надо побороть в себе страсти: гордость, тщеславие, самолюбование, пьянство и другие.

† Почему кротции «наследят землю»? Здесь наследницы Царства Божия...

† Примеры кротости: **Иисус Христос** — Св. Спиридон — Св. Тихон Задонский — преп. Серафим Саровский — преп. Макарий Ег.

† Действие слова кроткого...

«На кого посмотрю? На кроткого и смиренного, трепещущего словес Моих...»

IV-я заповедь: «Блажени алчущии и жаждущии правды...» — IV-я ступенька.

1. Аналогия: голод и жажда...

2. Что есть «правда»?

а) исполнение заповедей Господних...

б) жизнь добродетельная...

в) Захария и Елисавета... «...оба они были праведны пред Богом».

3. Праведность Адама...

4. Раскаяние возбуждает чувство жажды праведности (оправдания).

5. Все мы потеряли праведность...

6. Все мы хотим спастись...

7. Разные состояния жажды спасения. Примеры: мученики, преподобные, праведные...

Средства, возбуждающие чувство жажды...

а) раскаяние во греховной жизни...

б) картины блаженного состояния — «блудный сын»...

† Суетность и кратковременность земного бытия. Здесь: плач, скорби, зло... Там: ни печаль, ни печаль... Там: мир, любовь, Рай, блаженство...

† Кто из нас не пожелает быть в дому...

Горе нам, любящим земное и ...

Горе служившим маммоне...

Блаженны возлюбившие небесное, живущие наследием его. «Блажени алчущии и жаждущии» — насытятся в Царстве Отца Небесного славою и блаженством вечным. Аминь.

«Блажени милостивии, яко тии помиловани будут» — V-я ступенька.

1. Широка заповедь сия — различны образы милования...

2. Милость должна простираться на всех людей...

Почему?... Отец Небесный милует всех... Мы должны быть Ему подражатели: «Будьте совершенны...» Ведь мы дети Божии... За всех Иисус Христос пострадал. Милость — выражение любви к Богу. Мы все члены Единого Господа.

3. Различен образ милования:

† милование телесное и духовное. Пример: св. Павлин Милостивый († 23 янв.), преп. Виталий († 22 апр.).

Милость приятна Богу сердечная — «вдовицы две лепты».

Подавай с ласковостью, ибо ее приемлет Сам Христос.

Черноризец — одежда.

Скупость наказывается.

Здесь Господь воздает многообразно — св. Филарет Милостивый († 1 дек.).

Награда на небесе...

«Приидите, благословенные Отца Моего, унаследуйте Царство Небесное».

Аминь.

«Блажени чистии сердцем...» — VI-я ступень —

1. Аналогия: чистое око и нечистое.

а) око духовное — ум, зрящий Бога, сердце чистое.

б) «Узрят» — не тленными очами, а духовными.

2. Святые, достигшие чистоты сердца, зрели Бога здесь (преп. Серафим, Исаия, Варвара и др.). Зрят и на небе.

3. Какое сердце называется чистым? — Когда в нем нет злобы, а мир, милость, кротость. Когда в нем нет зависти, гордости, похотных мыслей, желаний. Когда мы свободны от сребролюбия, маммоны. Когда любовь к Богу является первым предметом

желаний — «Ищите прежде...» Слова Спасителя: «От сердца исходят помышления злые, убийства, прелюбодеяния, любодеяния, татьбы, лжесвидетельства, — сии суть сквернящие человека».

4. Все мы живем желанием спасения, видеть Бога — блаженствовать в Нем и с Ним, ибо где Бог — там Рай.

5. Как приобрести чистое сердце? — познай себя!

а) Иисусова молитва — «Иисусе, очисти мой ум от помыслов постыдных; Иисусе, сохрани сердце мое от похотей лукавых».

б) Молитва с сердечным сокрушением.

в) Наблюдение над сердцем: «Горшок — муха»...

г) Жизнь по заповедям Христа. Чтение Евангелия, оно раскрывает целый ряд средств:

† Жития Святых...

† Слезы с молитвой...

† Призывание благодати Святаго Духа.

Аминь.

«Блажени миротворцы...» — VII-я ступенька лествицы духовной.

1. Кого надо разуметь под миротворцами?

а) кто имеет мир в себе...

б) мир с Богом...

2. Мир с ближними...

3. Примирение ближних... Пример батюшки о. Вл.

4. Способы примирения ближних:

а) сам примирись...

б) мудрый примиритель... [466/Н].

в) поступок св. Иоанна Милостивого...

5. Награда миротворцам...

6. Будем молиться о мире...

а) Церковь молится о мире всего мира,

б) молись о себе Источнику мира,

г) будь в мире с ближними — примиряй враждующих — будешь сыном мира.

«Блаженны миротворцы, ибо они сынами Божиими нарекутся».

Аминь.

«Блажени изгнани правды ради...» — VIII ступенька по лествице духовного спасения.

1. «Изгнанные» — что значит?

2. Что разуметь под «правдою»?

3. Гонение на христиан первых веков. Христос — Апостолы — Мученики — Исповедники и все благочестивые...

4. Они и подобные им в Царстве...

5. Гонение не за правду...

6. Вор — развратитель — неуживчивый — общество таких не любит и гонит...

7. «Гонит»?.. Ты сам себя гонишь... Это не страдание за правду, — а суд правды!

8. Как чувствовать должны себя «гонимые за правду»?

9. Терпение, преданность во всем Богу: «...В терпении вашем...», «Претерпевый до конца...»

10. Воодушевление примера...

11. Святой Иоанн Златоуст... Его слова: «Слава Богу за все!»

Аминь.

Мытарь и фарисей

1. Перед нами два человека в храме: мытарь и фарисей. Один молится, другой хвалится.

2. Фарисей, по-видимому, с добродетелью, а мытарь со грехом.

3. Фарисей осуждается, а мытарь оправдывается Богом.

4. Причина первого — самохвальство; причина второго — смирение.

5. Смотрите, сколько гордости и самохвальства у фарисея и сколько смирения у мытаря.

6. Нельзя хвалиться своими, даже истинными, добродетелями — все наши добродетели при самохвалении не имеют цены пред Богом.

7. Нельзя гордиться славою...

8. Что мы своего имеем? Все Божие, все Его!

9. Гордость губит добрые дела и души. Смирение — дает спасение — я раб, я червь...

Гордость есть погибель — Адам... Гордость познает свой конец: пойди на кладбище и посмотри — здесь все сравнялись. А там — смиренные будут возвышены, а гордые — унижены.

Гордость — родоначальница диавола. Погибнут и самохвал и гордец, а смиренный спасется.

Чем мы гордимся? Родом? Богатством? Саном? Все пройдет, все кончится...

Как приобрести смирение? Самоиспытанием: кто я? что я? Почитай Евангелие, как Христос смирил Себя, смири и ты себя. Монашество... Матерь Божия...

Смиряйся делом: обиду переноси безропотно, унижай себя, считай себя хуже других... Давид-царь — его унижение: «Аз же есмь червь, а не человек»...

Кроткий — «Не воспрекословит, ни возопиет, и никто не услышит на улицах гласа Его» (Мф. 12, 19).

О кротком у ап. Петра: «Будучи злословим, Он не злословил взаимно; страдая, не угрожал» (I Пет. 2, 23).

У ап. Павла: «Итак, облекитесь, как избранные Божии, святые, возлюбленные, в милосердие, благость, смиренномудрие, кротость, долготерпение» (Кол. 3, 12).

⁂

О наследстве: «Яко благословящии Его (т. е. Бога) наследят землю...» (Пс. 36, 22).

«Душа его (т. е. праведника) во благих водворится, и семя его наследит землю». (Пс. 24, 13); то же и у преп. Исаии (60, 21).

⁂

Перед началом пения «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче...»

Возлюбленные мои, чада духовные!

Прошел год. Вот мы снова приближаемся ко дням Великого Святого поста. Вот снова мы услышим слова чудной церковной песни, проникающей в глубину христианской души: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче...»

Сегодня, сейчас раздастся вопль страдающей от грехов души: «Жизнодавче, отверзи ми двери покаяния! Мой дух обращается с утренней молитвой ко Твоему Святому храму, нося весь оскверненный телесный свой храм. Но Ты, как Милосердый, очисти его, Твоим благоутробием».

Прошел год. А как свежи воспоминания о Твоей, Господи, ко мне милости, когда я, обремененный грехами многими, как сын Твой блудный, приходил к Тебе, исповедуя эти свои грехи.

Ты не отринул тогда меня, грешника. Твои отеческие объятия были мне отрадой и облегчением для души. Ты простил мне все, все, чем я Тебя бесконечно огорчал. И простил без упрека... Я, в слезах

моего покаяния, слышал только одно от Тебя: «Прощаю и разрешаю...»

Мало этого: Ты приготовил для меня тогда же трапезу Жизни. Ты дал мне вкушать Самого Себя — Свое Божественное Тело и Животворящую Кровь Ты дал мне.

И я, бедный, вкушал, и я пил от сего Живоносного Источника Жизни. Я был блажен тогда, имея Тебя в моем сердце.

Я молился: «Иисусе, Боже сердца моего, прииди и соедини мя с Тобою навеки». И Ты пришел к рабу Твоему, и вошел в клеть смиренной души моей, и принес ей спасение и радость... Слава Тебе!

Что могу сказать, Господи, что было дальше? Дальше — суета жизни, суета всяческая... Она снова охватила меня и как цепями сковала меня. Снова и снова я стал грешить. Все далее и далее я стал уходить от Тебя. Ушел на страну далече.

Я огрубел без Тебя. Сердце очерствело, умиления и покаяния не стало, ибо грехи мои, как камни тяжелые, плотно прикрыли дверь моего сердца и соделали его невходным для Тебя, Господи. Тебя не стало в моем сердце. Ты удален мною. Мне страшно стало без Тебя... Мне стыдно... Мне больно...

Грехи гложут душу. Совесть мучает меня... И сказал я себе: «Востав, иду я к Отцу моему, паду Ему в ноги и скажу: «Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче... Открой для покаяния двери моего сердца, как когда-то. Простри мне руку помощи, как утопавшему апостолу Петру. Изведи из темницы греховной душу мою. Дай мне снова и снова быть в объятиях Твоих Отеческих. Ты мой Господь, а я недостойный сын Твой. Пощади меня, Боже мой!»

Такими чувствами в сию минуту должна быть полна душа каждого из нас, ибо все мы много согреша-

ем пред Богом. Имея пред собою Его благость и любовь, все мы единым сердцем и устами возопием: «Жизнодавче... Множество содеянных мною лютых помышляя, окаянный, трепещу страшнаго дне Суднаго; но надеяся на милость благоутробия Твоего, яко Давид вопию Ти: помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей». Аминь.

Неделя о блудном сыне

1. Как ясно нарисована картина блудного сына: вот он отходит, вот он расточает, вот он сознает свой грех и так далее. Мы видим его грехи и милосердие Божие.

2. Чудная картина! И мы ее наблюдаем — она повторяется в каждой исповеди.

3. Грехами своими мы далеко удаляемся от дома Отчего. Когда же идем на исповедь — приходим в себя — падаем перед Отцем и Он нас прощает — вместо тельца подает Тело и Кровь Христовы.

4. В первой части истории блудного сына мы ему подражаем, уходя от Отчего дома. А второй половине его жизни подражаем ли?

5. Часто нет: мы приступаем к исповеди, не чувствуя вины перед Богом, формально...

6. Нет, ты приди в себя, осознай свою вину, бей себя в грудь, как мытарь, и тогда иди...

7. Что есть исповедь? Самоосуждение, не желая быть осужденными на небе, мы здесь себя осуждаем. Мы раскрываем раны души перед Врачом, прося снисхождения. Мы получаем благодать, она нас исцеляет. Она очищает душу, и Господь входит в нее в Таинстве Причащения.

8. Нельзя на исповедь смотреть, как фарисей, это не исповедь...

9. Бывает смущение: не простит Бог...

10. Чтобы расположить душу к исповеди — кающимся грешникам подается через священника помощь.

11. Исповедь — это дар Божий: «Прости» и прощает без упрека...

Иные пренебрегают исповедью — «перед кончиною покаюсь» — так рассуждают. Надо помнить, что не всегда перед кончиною может человек покаяться, — если упорствовал, то Господь может не допустить к покаянию перед кончиной.

Надо смиряться... Стыдно так жить... Духовное перерождение души — от частой исповеди...

Некоторые скрывают грехи на исповеди, неполно раскрывают язвы душевные... Простит ли их Бог? Не знаю...

Неделя 18-я (Лк. 5, 1–11)

Трогательный урок дает нынешнее Евангелие нам, пастырям, как по примеру Иисуса Христа должны неутомимо проповедовать слово Божие, а верующим — слушать сие слово Божие.

Мы счастливы тем, что слышим слово Божие в Библии.

Библия — это священная книга, написанная по вдохновению Святаго Духа пророками, апостолами и святыми мужами. Книга, вне всякого сомнения, историческая.

В ней Тайна Божества — Троичность Лиц. Божественные действия: творение мира, человека по образу Божию, промышление о нашем мире.

Как Господь подготавливает к принятию Христа Спасителя: пророки... прообразы...

Видимое, совершившееся спасение человека... Рождение, проповедь, страдание и смерть...

Указывает пути совершенствования человека. Библия говорит о любви к Богу и ближним. Широко раскрывает любовь к ближним и врагам. Учит терпению, смирению через страдания Христа.

Раскрывает будущую судьбу человека за гробом.

Нравственное воздействие: суд и оправдание.

Книга эта есть альфа и омега человеческого бытия. Она обожествляет человека... Плачет в горе, радуется с нами в радости. Аминь.

Богослужение

Служение Богу: хвала, молитва... Служение Богу у всех народов есть... Разность служения... Истинное богослужение дано Богом.

Прообразовательное значение ветхозаветного богослужения — скиния. Новозаветное установлено св. апостолами по благословению Иисуса Христа. Молитвенные их собрания днем и ночью.

Литургия ап. Иакова — св. Василия Великого — св. Иоанна Златоуста. Здесь и другие виды Богослужений: вечерня, утреня, часы, повечерие и другие. Службы совершались иначе...

9 чинов служб — 9 чинов Ангелов.

Алтарь — Престол — Жертвенник... Облачение: архиерейское, иерейское, диаконское.

Богослужебные книги: Часослов, Псалтирь, Типикон и др.

По Уставу службы гораздо длиннее, у нас сокращено, но мы стараемся приблизиться к Уставу. Канонарх необходим.

Не тяготитесь службами — на них Ангел, дающий елей, — любовь ко Господу. Чтобы не обижались на меня за долготу служб.

Каждый раз после Литургии берут благословение. Благословение имеет начало от Иисуса Христа: «...и воздвиг руце свои, и благослови их. И бысть егда благословяше их, отступи от них, и возношашеся на небо» (Лк. 24, 50–52).

Благословение передано через Апостолов: почти во всех посланиях Апостолы благословляют.

Благословение, данное Иисусом Христом Апостолам, относится не только к ним, а ко всей Церкви и к нам. Он незримо нас благословляет.

Благословение Господне передается через благословляющую руку священнослужителей.

Сила благословения: «всегда и ныне...». При Крещении младенцев и взрослых... Благословение хлебов, куличей, плодов и на все: колодцев, домов, орудий, оружия, свечей, вина, елея, злаков... Особенно просфоры — Тела Христова.

Если такова сила благословения Божия, то как мы должны дорожить благословением.

Есть люди, которые избегают подходить к Евангелию, иконам, благословению... Почему? По презрению... Некоторые не подходят из-за <своей бедной> одежды, а Господу — «дай сердце». Стыдишься рубища своего? Вспомни преп. Сергия Радонежского, Алексия, человека Божия...

Одень душу твою незлобием, смирением, посчитай, что ты недостоин и такой одежды. Тогда Господь оденет тебя.

Итак, не лишайте себя Божьего благословения, — через благословение, через лобзание икон и Евангелия — подается благодать Божия.

Слышали о чуде сегодня... Слышали и о других Его чудесах: исцеления, укрощение бури, насыще-

ние хлебом 5000 человек, воскресение дочери Иаира, сына вдовы, Лазаря.

Все это должно было убедить, что Иисус Христос — Мессия. Народ понимал Его, шли за Ним тысячи... Почему же Его не поняли книжники и фарисеи? Мужи Израильские — они первые должны были понять, они знали пророчества о Нем — видели чудеса, — решили, что они делаются силою веельзевула.

Почему так?

Зависти ради — какой-то назаретский Плотник имеет такой успех. Эта зависть перешла в ненависть — вражду к Господу и, наконец, — суд и Крест.

Зависть — ненависть — вражда — это три сестры родные. Зависть — Адам — Каин — братья Иосифа. Дурное чувство — зависть — сатанинское оно, вредит самому завистнику.

Зависть возникает в нас от недоброжелательства к благосостоянию ближнего, — мы не завидуем, когда кто в несчастье, болезни, а только когда в благополучии!

Что же лучше — завидовать или быть равнодушным к благу ближнего? Нет. Радоваться. От зависти возникает гнев, ненависть, злоба и убийство — сатанинское это чувство.

Как спасти себя от зависти?

Рассуждать... Всякий молись Господу: «Господи, избавь меня от зависти, ненависти, недружения... Дай мне чувство дружбы, дай мне чувство подражать Твоему миролюбию».

Зависть — вражда на Бога. Почему у него есть, а у меня нет? Почему ему Бог дает, а мне нет? Аминь.

У Плащаницы в Великую Пятницу

Чада мои возлюбленные!

Вы ждете у гроба нашего Спасителя слова моего. Время ли слову человеческому, когда Само Слово Истинное молчит. Смолкли Его Богочеловеческие Уста. Кончилась устная Его проповедь.

Кафедра, с которой благовествовалась проповедь любви, Крест Спасителя — свободен.

Проповедник почил от трудов и страданий... «Плотию уснув, яко мертв Царю и Господи наш...»

Тихо на Голгофе — тихо и у гроба Его... Плач Его Матери, возлюбленного ученика Иоанна и погребающих Его нарушают святую тишину у Его гроба. Да язвы Его вопиют к нам: во обличение нашего греховного жития: «Людии Мои! Чем досадил вам, чем оскорбил вас?... Я благодетельствую вам, а вы воздаете Мне злом! Я ищу сердце ваше, а вы распинаете Меня! Вашими преступными мыслями вы снова возлагаете на главу Мою терновый венец.

Я питаю вас Своею Кровию, а вы грехами своими попираете ее, питая Меня горечью желчи, — греховной жизнью вашей.

Людии Мои! Чем досадил Я вам? Чем Я вас обидел, чем оскорбил, что вы своими грехами снова возносите Меня на Крест?

Стань, христианин, у сего гроба твоего Господа! Возлей на язвы Его вместо мира слезы любви, благодарности и покаяния. Скажи в душе твоей: «Спасителю мой! Не осуди меня с распеншими Тя, — исцели язвами Твоими струпы души моей и спаси мя, яко Человеколюбец, и помяни мя во Царствии Твоем!»

Неделя о самарянке

1. Изложение беседы Христа с самарянкой.

2. Как нежно, заботливо, отечески Христос подходит к грешной душе, ища ее спасения:

а) самарянка неверующая — Христос возбуждает в ней веру; грешница — прозорливостью приводит ее к покаянию. Она говорит: «Он мне все сказал...», но не обличил...

б) другая блудница у ног Его — получает разрешение умывать ноги, изливать миро — и получает прощение;

в) вопрос ап. Петру: «Любишь ли ты Меня?»

г) притча о блудном сыне особенно ясно изображает подход Отца...

д) Он хочет **всем, всем** без исключения, спастись, употребляет через благодать все способы призвания ко спасению...

«Приидите ко Мне **вси...**» Двери любви открыты для **всех**, руци Его, распростертые на Кресте, готовы принять **всех**, — сердце Его, прободенное копьем, отверсто для **всех...**

е) всех зовет Премудрость, но не все внимают Его гласу... Одни погружены в мирскую суету и зова Премудрости не слышат. Люди устраивают земное счастье, им Бог и Его зов не нужны.

А земное счастье непрочно, — счастье уходит от нас, как мыльный пузырь улетает.

И глас Премудрости, как глас вопиющего в пустыне.

Придет страшный час, когда человек не сможет исправить свое намерение земное и обратиться горе́, на зов... «Я звал вас, — скажет Премудрость, — вы не послушали Меня, и Я скорблю о вашей погибели».

О страшный час! Горький час! Час отвержения Богом Своего создания!

Пока раздается голос призыва, а не осуждения нашего нерадения от Премудрости, — пойдем к

Нему! Примем Его нашей верой! Он близ нас: «Се стою у дверей сердца и стучу...» (Апок. 3, 20).

Неверующий, не сомневайся, что и ты будешь Им принят... «Грядущего ко Мне не отвергну...»

Погрязшие в мирских заботах, и вы добирайтесь до Бога — вы любовью спасены будете.

Грешник, блудник, тать, разбойник — ты имеешь в Евангелии случаи прощения, помилования подобных тебе. Разбойник, блудница, гонитель Савл, отрекшийся ап. Петр и другие получили спасение.

Покайся, исправься — объятия Его открыты для всех грешников. Нет греха, которого бы Он нам не простил! Только открой свое сердце, очисти его покаянием, и ты будешь с Ним!

«Приидите ко Мне вси...» «Грядущего ко Мне не отвергну...»

Неделя о *самарянке*

Повесть евангельская... Много мыслей рождает она в душе слушателя...

Остановимся на одном: как Господь чудно призвал душу самарянки, как Пастырь добрый нашел овцу... Как нежно, бережно подошел к ней, духовно спящей. Пробудил ее спящую душу, как мать ребенка...

Самарянка была блудница, и Он ее не упрекнул, а только дал почувствовать грех... Что это, как не действие любви Господа к Своему созданию, как ни действие благодати Его... Он всем хочет спастись — без различия пола, возраста, нации. И всех зовет к Себе... И нас призывает, не праведных, но грешных зовет и не перестает звать. Способы призывания различны для каждого человека:

а) вот жена сирофиникиянка — через болезнь дочери,

15 Зак. 27082

б) вот отец больного сына — через болезнь сына усилил веру <свою> и сына,

в) вот Своею любовию призвал блудницу в дом Симона,

г) помиловал жену, взятую в прелюбодеянии,

д) помиловал на кресте разбойника,

е) отрекшегося Петра и гонителя Савла простил.

Какие еще нужны доказательства о призыве грешных душ? О любви Спасителя Иисуса Христа ко грешнику и действий спасающего его Бога?

Щедр и благостен и человеколюбив наш Господь. Он не стремится наказать Свое создание, а употребляет все средства для его спасения.

Все зависит от хотения человека. Все, кто искали Иисуса Христа, нашли Его и были спасены.

Нужна вера в Иисуса Христа, нужна любовь, молитва, взывание о привлечении к Нему.

Итак, никто не сомневайтесь в возможности спасения: всем оно доступно. Он есть Спаситель всех человеков.

А если ты вне веры в Него... прииди к Его стопам, как сотник, и скажи: «Душа моя ищет Истины, а Ты сказал, что Ты — путь, истина и жизнь — помоги мне», и Он поможет, Он в болезненную душу пошлет веру.

Ты слаб в вере? Взмолись Ему: «Верую, помоги моему неверию!»

Ты грешник раскаивающийся — приди в себя — принеси свои грехи ко Кресту Христа.

Ты был убийцею — и тебе не заграждается путь к покаянию, только припади ко Кресту Христа.

Может быть, ты находишься в страхе мирском, подобно ап. Петру? Зри его покаяние!

И если даже ты, подобно Савлу, гнал Господа, хулил Его Имя, шел против Него, — и ты можешь

спастись чрез принуждение себя к покаянию, чрез покаяние, чрез добрые дела. Аминь.

Неделя Крестопоклонная

Милостью Божией мы дошли до середины Великого поста. Одни, понесшие подвиги поста, может быть, стали изнемогать. А другие не вступили еще в дни поста, сущность коего — покаяние, исправление и обновление жизни.

Святая Церковь, по любви своей к тем и другим, предлагает Святой Животворящий Крест Господень — одним в утешение, а другим в назидание и даже угрозу.

Первым она говорит: «Видите Крест вашего Спасителя, зрите Его язвы, муки душевные и телесные. Оплеван, заушен ваш Спаситель, унижен, оскорблен, и все ради вас, ради вашего будущего блаженства с Ним и в Нем...

Он постился, понес подвиги поста, как и вы. Вы скорбите о своих грехах, а Он скорбел о ваших грехах, молясь в Гефсиманском саду: «Душа Моя скорбит смертельно...» Он говорил: «Покайтесь», — и вы пошли на этот зов — вы каялись... Вы постились, подражая Ему... Вы молитвой побеждаете и отгоняете искушения диавола, — Он тоже победил диавола, будучи сорокадневно от него искушаем. Чего же вам не достает? Вы идете по Его стопам. Вы послушны Его зову.

В подвигах поста вы стали на путь Его в страданиях, через которые Он шел по человечеству Его, — в славу.

И ваши подвиги приведут вас к Его славе, если вы до конца совершите ваш подвиг. «Претерпевый до конца, той спасен будет».

Также Матерь Церковь обращается с любовью и к неначинающим подвига поста: «Зрите и вы язвы Господа, зрите Его на Кресте висящего, — братия, идите и покайтесь».

Вы не покаялись, вы не очистили свою совесть, как вы пойдете ко Кресту? Нося душевные нечистоты, како лобызать будете Его язвы? Вы ходили по пути греха, како прикоснетесь к язвам на Его ногах?

Каким оком воззрите на Того, на Кого Ангелы зреть не могут, а вы как дерзновенны? Смотрите, не даете ли вы Иудино целование? Нося грех предательства — он целует своего Учителя, — лобзанием предает».

Сохрани всех нас, Господи, от такого лукавства!»

Понесешь подвиг поста — благодать от Господа будет.

Да поможет совершить Господь сей подвиг до спасительного конца! Вспомним страдания Господа, вспомним язвы Его, да уязвим совесть и сердце. Аминь.

О званных на брачный пир

1. Прочтение притчи на русском языке.

2. Что есть притча? Раскрытие содержания.

3. Кто Невеста Христова? Кто званные?

4. Когда мы уневестились? При Кресте, Его Кровию. Каждый в отдельности — в Таинстве Крещения.

5. Когда наступит брачный пир? Новое небо, новая земля, в новом Небесном Иерусалиме; когда все видимое прейдет, и небо, и земля, и откроется Царство Христовой Славы, там и брачный пир верующему миру.

6. Кто унаследит? Кто будет участником пира? Подражатели Христа — Он дал нам образ... Смиренные унаследят, кроткие будут иметь там место, милостивые, чистые сердцем...

Это друзья Христовы, это Его верные работники, которые жили по Его заповедям, они любили Его, как невеста Жениха, они своими добрыми делами, чистотою души и тела, как верующие Ему, одели свои души в белые брачные одежды и будут достойны участия в брачном, славном, вечном пире.

Будут связаны делатели греха навеки: блудники, пияницы, убийцы, тати, изменники, нарушители мира, матери, убивающие в утробе детей, воры, поджигатели, лгуны, спекулянты и прочие нераскаянные грешники — они не увидят на себе славы Жениха-господа: «Не знаю вас... идите от Меня проклятые в огонь вечный...» — скажет им Господь (Мф. 25, 41).

Будем украшать свои души одеждами святыми, чистыми, приятными Жениху и Отцу Небесному, устроителю небесного пира, дабы удостоиться услышать Его голос: «Приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира» (Мф. 25, 34).

Сие да будет с нами, по милости Божией к нам! «Не отвержи нас, Спаситель наш, в день Праведнаго Суда Твоего, но благоволи молитвами (*неразборчиво*). Аминь.

1. Ответ Господа книжнику: «Возлюби Господа...»

2. Заповедь сия обязательна для каждого христианина. Она есть основание нашего духовного совершенства.

3. Каков корень — таковы и ветви. Господь корень — мы ветви. Мы должны по Его заповедям жить.

4. Он Любовь, и мы должны Его любить. Он создал мир, человека, но... — падение, обетование, пророчества, пришествие в мир Христа...

Учение Христа, страдания Его — все для нас. У ног Его блудницы, мытари, грешники — всех Он любит. Посему и мы должны любить Его ответно. Из этой любви вытекает любовь к ближним. Все мы дети Отца, мы братья, должен быть един дух, едино сердце.

Мера любви к ближнему — как самого себя. Область любви — всех ближних, а это все люди. Ко врагам любовь... Как смотрят теперь некоторые? Пост, молитва — без любви ничто... О двух иноках...

Преображение Господне

Краткая история Преображения. Христос уверил Апостолов, что Он Сын Божий, Единосущен с Отцом. Он уничтожает в корне их прежнее представление о Себе, как о земном царе. Открыл Святую Божию Славу и присносущный Его Свет. Он показывает и вечную славу Его, что придут праведники в Его Царство. Как Его Лице просветилось, так и праведники просветятся.

Илия и Моисей говорят о страдании — это свидетельствует о том, что Господь Иисус Христос придет к славе через Голгофу и Крест.

Скоро картина изменится — Фавор — Голгофа — Свет — тьма. Слава — уничижение.

Если для Иисуса Христа путь к славе через страдания — то и нам — узкий путь.

Все подвижники к славе шли узким путем. Христианская религия Света, Славы, — но путь к Свету и Славе — путь борьбы со страстями, грехами, пороками...

Этот путь для всех, поскольку естество наше греховно — необходимы очищение, борьба постоянная. Надо победить грех; нравственное усовершенствование поможет здесь получить зачатки будущей славы — она зависит от ношения тобой креста — грехи затеняют славу, отрешимся от греха, будем стремиться к Свету!

На всенощной под Вербное воскресение

Радость духовного единения. Здесь собрались старцы, старицы, юноши, девушки, дети всяких возрастов, мужчины и женщины. Поскольку вы верующие, поскольку православные христиане, поскольку собрались в Божием храме, то все вы мои чада, а я недостойный ваш отец.

Нас объединяет духовная радость, единство веры, единство во Христе, единство торжества сего дня, единство храма сего.

Храм наш не приведен еще в порядок за недостатком времени и средств, но надеемся... Но и в таком виде он наш дом. Верим, что со входом вас Господь служит с нами. Он среди нас.

Если это наш дом, то будем приходить всегда для молитвы не устами, для молитвы сердечной, ибо Господу такая молитва приятна и для нас спасительна.

Что есть молитва? Единение духа и души с Богом. Проникновение в вас Бога, а вас в Бога. Ваши слова — Его слова. Ваша печаль — Его печаль. Ваша радость — Его радость. Весь дух человеческий поглощается Его благодатию и тем прививается Христу, как лоза. «Я лоза — вы ветви...»

Такой плод молитвы может быть, если помнить, что среди нас Христос, Коего Ангелы зреть не могут — если отложим попечение...

О! Как я хочу, чтобы вы все, входящие в Его дом, имели Дух утешения и Его благодать!

А посему прошу: стойте в храме благоговейно, внимайте службе, в которой Ангелы святые незримо принимают участие! Не переходите с места на место, не теснитесь, когда подходите под благословение или елеопомазание, тем более к Святой Чаше.

Мы утратили многое благообразие, иные впервые входят в храм, а ведь мы должны быть подобны Ангелам, служащим Богу.

Я хочу, чтобы чада мои в этом храме вели себя прилично святому месту. Вам дадут вербочку — символ победы Иисуса Христа. Символ новой жизни во Христе. Сила Креста Христова — любовь ко Христу. Держите вербочку и свечу с благоговением.

О Славе земной

Иисус Христос запрещает о Нем говорить, сим подавая нам образ избегать земной славы и похвалы.

Слава земная скоропроходящая, а слава, полученная от Отца Небесного, вечная и истинная. Как вредят нам земная похвала и земная слава — развивают тщеславие, гордость, презрение к другим. Люди, добивающиеся славы, уничтожают других, отсюда — ссоры, вражда, войны.

Слава земная, что пузырь мыльный, а мы ее ищем, добиваемся, обижаемся, если нас не хвалят...

А как смотрит Иисус Христос? Он ищет славу Отца Небесного. Он спокойно относится к тому, что Его поносят. Он жаждал другого — исполнить волю Отца: «Не ищу воли Моея, но воли пославшаго мя Отца...»

Он жаждал страдать за род человеческий. Он хотел, как Добрый Пастырь, душу Свою положить за овцы. Вот для сего пришел, сего искал — уничижался и прославился.

Ему подражали святые мужи: Апостолы, Мученики, особенно Преподобные и все истинные Ему подражатели, чтобы снискать славу небесную.

Они могли хвалиться подвигами, добрыми делами, молитвой, постом, — а мы чем же? Нечем нам себя хвалить!

Если что хорошее и есть у нас, то не наше, а Божье. Что худое — грехи — это наше.

Избегайте всякой похвалы. Ждите похвалы от Христа.

Аминь.

О вере

1. Правило веры...

2. Необходимость веры для спасения. Без веры невозможно угодить Богу. «Кто веру имеет и крестится, спасен будет».

3. Нужно веру хранить в чистоте и полноте. Апостолы ее хранили в чистоте, преемники их, Мученики — умирали за веру.

«Вера несть только признание Бога... Вера спасительная, деятельная, живая». «Веруй и спасешься». Нет. «Покажи веру от дел твоих». «Не всякий говорящий Господи, Господи...» «Вера без дел мертва...»

Содержанием веры является жизнь каждого. Возьмем веру Апостолов: веруя в Христа, они установили Таинства, богослужения, они почитали Матерь Божию, храмы, чтили праздники, посты. Весь уклад жизни Церкви идет от них.

Это и есть то, что называется Православием. За все это Мученики и Исповедники умирали. Все это принято Святой Церковью и для всех верующих должно быть обязательным.

Есть люди, которые или по недомыслию, или по гордости ума вольно живут, не желая подчинить свое сознание общему сознанию Церкви, учат и других сему. Таковые не будут признаны Христом, поскольку не признают Св. Церкви как Божьего учреждения, не признают ее уставов.

Не почитают Матерь Божию, Святые Таинства.

Церковь — корабль... Носительница благодати Св. Духа.

Можно ли обойтись без Таинств? Особенно без Таинства Покаяния и Причащения? «Аще не будете снесть плоти...» (Ин. 6, 53).

Можно ли не почитать Божией Матери? Можно ли не почитать Святой Крест? Можно ли не почитать святые иконы? Мощи? Посты? Как пусто было бы в храме. Как у протестантов.

Имеем ли мы право пренебрегать уставами Святой Церкви?

Подумать надо: мы лишаемся самого главного — единения со Христом в Таинстве Причащения, милости и молитв о нас Божией Матери, силы Креста, икон...

Нет! Пребудем верными Святой Церкви, Апостолам, Мученикам. Этим мы выражаем единение с ними. Отказ от Церкви — гибель для души. Будем верить, искать пути спасения, исполнять уставы Св. Церкви.

Будем чтить Божию Матерь — будем верить в Ее заступничество за нас, будем надеяться на нашу великую Заступницу рода христианского.

Будем надеяться и верить Святым, за чистоту веры у Господа просиявших.

⋄⋄⋄⋄⋄

Рождественский пост

Вот наступил Рождественский пост. Как и всякий другой, он требует от нас усиления молитвы, слез, воздыханий, покаяния, хождения в храм. Сим надеемся умилостивить Бога.

Что из всех сих изберем во спасение? Постом и воздыханием подражаем Христу, Который 40 дней провел в посте, перед тем как выйти на проповедь.

Хождением в храм мы также подражаем Христу, так как Он тоже ходил в храм. Поклонами — также подражаем Христу, ибо Христос преклонял колена.

Молитвой — Христос часто молился. И все это хорошо, если только это искренно. Но...

Одни постятся — и злобствуют. Такой пост Богу неугоден. Другой идет в храм, а сам осуждает и стоит в храме рассеянным. Поклоны как бы смиряют пред Богом, а сам гордится пред людьми, — такое покаяние не годится.

Все это должно быть согрето, проникнуто любовью и к Богу, и к ближним, ибо любовь к Богу и ближним выше всего.

Господь приводит притчу о милосердном самарянине. «Иди и твори то же», — вот путь спасения.

⋄⋄⋄⋄⋄

Гордость — начало греха — падение диавола и Адама — ослабляет духовное делание человека и отдаляет от Бога. Уничтожает всякую добродетель.

Осуждение ближних — презрение близких — все это от гордости. Человек теряет образ Божий, приобретает свойства диавола.

От гордости — начало ереси — Арий и современные сектанты, отход от Церкви, они от гордости искажают все учение Церкви.

Церковные Таинства, священные предметы — все это святыни.

Старайтесь побороть в себе гордость! Молитесь: «Избави нас, Господи, от гордости!»

Чем побороть гордость? — Смирением. Не обращать внимания на обиды и оскорбления. Смиряться перед всеми.

«Блажени нищие духом...» — возлюбите смирение! Покорность воле Божией спасет нас.

Образом смирения для нас должен быть Христос. Всегда помните Его смирение. Помните смирение Божией Матери!

Умоляю вас, други мои, приобретайте смирение, так как это самое дорогое сокровище, которое мы должны получить здесь, чтобы там иметь блаженство с Господом!

Храни вас Господь от гордости!

Слово на пассии

Почему во время этих служб читаем о страданиях Иисуса Христа?

Ничто не раскрывает Его любви к нам так, как Его страдания. Ничто не приближает Его к нам и нас к Нему, как Его страдания. И воплощение, и учение, и страдания Его для нас, для нашего спасения.

Мы из чувства благодарности должны любить воспоминать страдания Спасителя нашего.

До 30 лет в жизни Иисуса Христа мы не видим страданий, 3,5 года — сплошные страдания:

а) неблагодарность за Его любовь; злоба книжников — в Назарете хотели побить камнями и столк-

нуть с горы, отождествление чудес с силою веельзевула, предательство, Гефсиманский подвиг,

б) Отчего это: «Душа Моя скорбит смертельно»? — О грехах человеческих,

в) крест внутри и крест вне,

г) борение и страх физической смерти (человеческое естество).

***

Неблагодарный должник

1. Краткое содержание притчи...

2. Отец Небесный — это приточный царь, должники — это мы.

Сколько мы Ему должны?

Дарование нам бытия, купель Крещения, усыновление, Причастие, Исповедь. В будущем — Царство Небесное. Зовет всех нас: «Приидите, унаследуйте...»

Весь мир — неоплатные должники. Наша плата не может сравниться даже с одной каплей Крови Христа...

Будучи должниками, мы идем к Нему, как блудные сыны, просим прощения... И слышим только: «Прощаю и разрешаю...»

Казалось бы, мы, следуя Его примеру, должны прощать других, кто нас обидел... Но не то мы видим. Подобно неблагодарному евангельскому должнику, мы не прощаем обиды, обличения, насмешки, дурные о нас мнения и подобное.

Мы готовы мстить, а не прощать нашему обидчику. А так ли должен поступать христианин? Последователь, подражатель Христу?

Прощение — есть выражение любви ко Христу; непрощение — жестокость сердца. Христа оскорбляли, а Он прощал, молился. Простил блудницу, разбойника, мытаря...

Прощая других, мы уподобляемся Ему, приближаемся к Нему. Не прощая — понесем наказание. «Аще прощаете...» и это прежде всего, — а потом [*неразборчиво*] и Суд Божий.

Ни молитвы, ни постовые подвиги не помогут, если не простите. Примеры прощения: св. Иоанн Златоуст и Евтропий, св. Тихон Задонский, св. Серафим Саровский и другие.

Сколько раз прощать? «...До седмижды семидесяти» (Мтф. 18, 22), — так заповедал Сам Христос.

Итак, кто ищет и ждет милости Божией — прощай! Кто хочет избежать гнева Божия — прощай не раз в году в Прощеное воскресение, а «седмижды семьдесят раз...»

В день Казанской иконы Божией Матери

1. «Се бо отныне ублажат Мя вси роди...» Эти пророческие слова, сказанные Матерью Божией, сбываются: Ее почитают все роды, кроме сектантов.

Обойдите грады, храмы, дома... Где нет Ее образа? Обратитесь к истории... Евангелист Лука — иконы.

Дети украшают свои комнаты портретами своих матерей. Кто не любит мать — тот ей не сын. Сектанты не любят нашу всеобщую Мать.

За что почитаем мы Ее?

а) за святость Ее жизни. Она вместилище всех добродетелей, какие Господу приятны — Ее девственная чистота, вера и пламенная любовь...

б) Она за это избирается в Предвечном Божием Совете быть Матерью Господа Иисуса Христа;

в) к Ней посылается Архангел Гавриил и что благовествует Ей?

г) Она рождает Сына Божия...

д) Она по псалму Давида: «Предста Царица одесную» (44, 10);

е) если Она Матерь Божия, если она превыше Серафим и Херувим, то как можно Ее не почитать? Не воздавать Ей подобающей чести?

Кто не чтит Божией Матери, тот не чтит и Рожденного Ею. Она сидит на Престоле с Сыном Божиим. Она Ходатаица за нас. Она скорби утоляет. Она омофором покрывает, дает нечаянную радость, спасение дарует. Как не любить Ее?

Она изливала и изливает Свои богатые милости Отечеству нашему. Ее чудотворные иконы — знаки Ее любви к нам... Нигде нет столько чудотворных икон Божией Матери, как у нас... Она обещала быть Покровительницей нашей земли православной...

Если Она наш народ возлюбила, то и мы должны Ее любить и чтить... Ей приятны наши молитвы, наше пение...

Будем подражать Ангелам, Серафимам и Херувимам в почитании и прославлении Божией Матери. Она сделала нам больше, чем Ангелы: им дана возможность совершать Ей хвалу. Нам Она явилась первой Виновницей спасения.

Мы должны не только просить у Нее милостей, но и прославлять. Примеры прославления Божией Матери...

Что есть исповедь? Всякая ли исповедь признается Богом? Что надо, чтобы исповедь была нам во спасение? Как у нас совершается исповедь? Примеры исповеди: блудница, мытарь, разбойник, ап. Петр...

Платок, смоченный слезами...

Уныние: «Я не спасусь». Что наши грехи? Искра!... Неоткрытые грехи ведут к погибели. Нельзя стыдиться

на исповеди и утаивать грехи... Священник забывает ваши грехи... Так Господь устроил... Скрытые грехи переходят на Страшный суд — открывайте ваши души, полностью очищайте их покаянием!

Будем, други мои, искренно каяться! Аминь.

Первая Неделя по Пятидесятнице

В читаемом Евангелии Господь указывает нам наш путь, ведущий ко спасению, — это исповедничество Христа: «...всякого, кто исповедует Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным» (Мф. 10, 32).

Как понять сие? Кто называется исповедником? «Ибо, если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься, потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению» (Рим. 10, 9—10).

Итак, не только веровать в душе, а и устами заявлять, что ты веришь и в Кого ты веришь! Не стыдиться своего звания христианина.

Одни говорят: «Я в душе верую». Это неверно. Апостол требует и устами. Нет, ты яви свою веру явственно. Что ты скрываешь свою веру? Разве это дурно, преступно? Разве христианская вера научает дурному образу жизни?

Нет! Не она ли учит любви, милосердию, честному труду, исполнению обязанностей и прочим добродетелям?! Чего ты ее прячешь? Стыдно тебе перед другими? Христос не постыдился за тебя пострадать. Святые не стыдились и умирали за Христа. Они возлюбили Христа паче всего.

Посмотри, перед нами проходят сонмы мучеников, которые не боялись исповедать веру во Хрис-

та, хотя точно знали, что их ждет мучительная смерть.

Исповедничество — есть выражение нашей любви ко Христу. Но поскольку «Царство Божие нудится», то и нам немощным нужна Его Божественная помощь, и Он дает нам ее. Он, будучи искушаем, и нам поможет, Он зовет нас: «Приидите ко Мне...»

Иго Христово сперва покажется тяжелым, а потом легко станет, Он поможет Своею благодатью. Благодать подкрепит тебя, мой друг.

Имей любовь ко Христу, трудись исполнить волю Его, не будь ленив — и спасешься. Цель твоя — «быть исповедником пред Отцем».

А ты, когда почувствуешь тяжесть подвига христианина — взмолись Господу и тогда вдруг почувствуешь легкость этого подвижнического состояния.

Силу такой молитвы изобразил наш поэт Лермонтов в стихе «Молитва» — «В минуту жизни трудную...» Писатель в тяжелые минуты своей жизни прибегал к молитве. Она облегчала его душу и становится так «легко, легко».

Не так ли мы, дети Христа, будем прибегать к Его любви, прося себе помощи в трудных обстоятельствах нашей земной жизни.

«Просите и дано будет вам» (Мф. 7, 7). «Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят» (Мф. 7, 8) — тако глаголет Сама Истина — Христос. Аминь.

Слово при вручении креста

Как крест сей украшен разноцветными камнями, так пусть светит и твоя жизнь пред паствой светом высоких добродетелей Христовых.

«...хорошо служившие приготовляют себе высшую степень и великое дерзновение в вере во Христа Иисуса» (I Тим. 3, 13).

Эти слова, сказанные ап. Павлом, относятся не только к одним архиереям, а ко всем вообще христианам, к нам, пастырям, особенно.

Это девиз наш. Паства наша духовная высоко ценит наши проповеди, беседы, умиляется нашим красноречием, хвалит нас как духовных наставников. Но несравненно более будет хвалить нас, видя живущие в нас добродетели, кои они могут воспринять от нас, как живое научение, подражая доброму примеру нашей жизни.

И прежде всего паства хвалит и уважает пастыря не за красноречие, а за высоконравственную духовную его настроенность. Тот высок пастырь в глазах своей паствы, который учит не словом только, но своею доброй жизнью.

У нас, епископов, есть свои примеры, а для мирских пастырей образец — отец Иоанн Кронштадтский. Крест украшал его грудь, а душа его светила не только своей пастве, но всей верующей России светом высоких добродетелей.

Возлагая крест, душевно желаю быть полным подражателем сему доброму пастырю российскому! Аминь.

Христос рассек крестом море житейское греховное и извел нас от греха, спас род человеческий.

О молитве

Притчей о мытаре и фарисее Господь показывает, какая молитва Ему приятна, и наоборот.

Может быть, мы молимся Богу молитвой фарисея, то есть неприятной? Поразмыслим: что есть молитва?

— Предстояние Богу дома ли, в храме ли, Тому Богу, Которого Ангелы трепещут — Всевидящему — в храме «Се Аз с вами».

Как мы предстоим? Совершенно сего не замечая, — в гордости, рассеяности, занимаемся рассматриванием других и т. д. Это молитва фарисея.

В молитве мы должны испытывать радость блаженства, а сего нет, мы ею тяготимся.

А Святые как молились? Преп. Арсений, преп. Серафим...

Нужно смирение (мытарь), надежда на милосердие Божие. Что нужно, чтобы молитва была приятна Богу? Чтобы она была спасительна и не утомляла бы нас?

— Кому молимся, перед Кем предстоим, чего просим, идя в храм? Помолимся о молитве дома. Надо стоять и не смотреть, кто как молится.

Прежде нужно очистить душу от гнева, от блудного состояния сердце, примириться со всеми...

Преображение Господне

Как некогда незнатный город Вифлеем сделался известным всему миру, благодаря тому, что в нем родился Господь наш Иисус Христос, так и гора Фавор, ничем не отличающаяся от многих гор, стала дорогой и близкой сердцу верующего христианина.

Она удостоилась принять на себя Христа и двух небожителей Илию и Моисея. Она сделалась подножием ног Христа. Она освятилась сиянием Его славы.

Над ней прозвучал глас Отца Небесного: «Сей есть Сын Мой Возлюбленный, в Котором Мое благоволение; Его слушайте» (Мф. 17, 5).

Апостол Петр говорит: «Этот глас, принесшийся с небес, мы слышали, будучи с Ним на святой горе» (II Пет. 1, 18).

Чудный сей глас прозвучал для всего мира и будет раздаваться до второго пришествия Христа.

«Ты Мой Сын... Того слушайте...» — Тот, в Кого вы веруете, именем Коего именуетесь — «Мой Сын, рожденный прежде всех век — Истинный Бог ваш — Его послушайте во всем. Он был послушливым Мне во всем, даже до смерти крестной, и вы, Его рабы, будьте Ему послушливы».

Слушаем ли мы нашего Христа, отдавшего Свою жизнь за нас? Верные ли мы Его рабы? Нет! Он говорит: «Возлюби Господа твоего...», а мы Господа не любим всем сердцем, всей душою, безраздельно. Мы разделяемся между Богом и миром. Мы любим себя больше всего на свете. Мы любим мир, удовольствия и привязанности к миру. Мы служим миру, а не Богу, — посему, кто предпочитает мир Богу, тот Его не любит.

Мы не верные Ему рабы, не послушники, а ослушники. Он велит любить друг друга, а мы? Не любя Бога, мы и близких не любим.

Мы ссоримся, обижаем друг друга, осуждаем друг друга, презираем. Мы не слушаем Его гласа. Мы не Его рабы, ибо раб творит во всем волю Господина, а мы? «Того послушайте...» А мы не слушаем!

Можем ли мы после этого называться Его сынами, детьми? Ведь мы Его называем «Отче наш»...

Сын творит волю своего отца, и раб послушает во всем своего господина.

Будучи неверными рабами, можем ли мы рассчитывать быть в Его Царстве? «Где Я, там и слуга Мой будет». Раб верный внидет в радость Господина своего, а раб неверный осужден будет.

Чтобы нам избежать сего осуждения, мы должны иметь прежде всего страх пред Богом, боясь ослушаться Его велений.

Мы должны творить Его волю, она ясно выражена во Святом Евангелии: «Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли».

Имейте страх Божий и он научит вас всегда и во всем творить волю Отца Небесного. Начало премудрости — страх Божий. Он даст вам мудрость, научит познавать волю Божию, укажет средства к ее исполнению.

Страх Божий лучший учитель и наставник к благочестию. Мы его не имеем. Чтобы страх Божий приобрести, надо понять разумом: кто мы? — Прах и пепел!

Кому всей жизнью обязаны? Кто будет судить нас? Неверный раб будет осужден вечно, верный войдет в праведность Господа.

Будем просить сию добродетель — страх Божий — у Отца щедрот! Аминь.

\~\~\~

√ *О гадании под Новый год*

Принято гадать под Новый год, но это все нелепо, разве только как забава, но серьезного смысла не имеет.

Что хотят узнать? Открыть то, что Богом скрыто? Заблуждение нашего времени. Верят гаданиям, а от Бога отрекаются. Не странно ли это?

√ Свечу ставят вверх основанием — это большой грех. Скручивают 2–3 свечи вместе — тоже грех.

Отпевают за упокой изменивших мужей, — а как потом будете отмаливать этот грех, ведь вы его делаете сознательно?

Вынимают сорок частиц за изменивших, 12 раз напишут имя и подадут, и все за упокой. Заговаривают.

Гадалки — это колдуньи.

Да не будет этого среди нас! Гадание доводит до отрицания Христа. Не будем впадать в искушения. Не будем поднимать завесу. Будем покорно ждать разрешения Его воли.

«Да будет воля Твоя!»

⁂

Обрезание заменено Таинством Крещения. При обрезании давалось имя — при крещении также. Нарицание христианского имени усыновляет нас Отцу чрез страдания Иисуса Христа.

Мы Божии дети — мы носим имена Его Святых. Имена нас делают членами земной и Небесной Церкви.

Имена соединяют нас с теми, чьи имена мы носим. Мы должны изучать житие своего Святого для подражания ему. Подражайте их вере, они бо бдят о душах ваших.

Имена наши святы, они освящены святой жизнью носителей их. Мы должны дорожить ими и не давать нехристианских имен детям: «Роза», «Лилия», «Домрес» и т. п.

Не надо искажать православные христианские имена: «Кока» вместо Николай, «Геня» — Геннадий, «Слава» — Вячеслав и другие. «Кока», моли Бога — не скажешь...

Имя свято, и произношение его должно быть свято. Аминь.

⁂

О скорбях Божией Матери

Вифлеемская святая ночь! Тиха, благодатна, спасительна вифлеемская ночь! Сколько радости принесла она роду человеческому!

Ярко светят звезды в ее темноте! Но одна из них всех ярче — это звезда, по повелению Божию приведшая из далекой Персиды волхвов на поклонение Богомладенцу Христу.

Это звезда, приведшая и нас в пещеру к яслям, в них же возлеже Невместимый Христос Бог наш, Его же исповедая, величаем! Это звезда, указавшая нам таинственно престол Херувимский — Деву, из Нея же родися Отроча Младо, Превечный Бог...

Сколько радости и блаженства имела в эту таинственную ночь Юная Дева, ставшая Богородицей!

Вот приходят пастухи с поля, они приносят Ей слышанные ими Небесные приветствия Ангелов. Они припадают ко Христу.

Вот славные цари и мудрецы Востока приносят Богу дары, как Царю всех (найти о смирне, ливане и золоте). Таинственные свидетельства мудрецов слагает в сердце Своем юная Дева-Мать.

Звуки Неба: «Свят, Свят, Свят...» наполняют Ее душу. Божественный вид Младенца Христа наполняет Ее блаженством... Херувимы и Серафимы славят Ее.

Чудная, святая, непостижимая Вифлеемская ночь! Но... скоро свет радости сокроется и мрак печали постигнет Деву.

Жестокий Ирод ищет убить Христа. Святый Дух повелевает спасать Младенца. Бегство в Египет... Дальний путь... Неведомая страна... Все полно неизвестности... Сердце полно скорби... Куда идти? Надо спасать и Себя и Отроча Младо!

Зачем, зачем же так скоро посылаются скорби Матери Божией? В чем Она повинна? Разве тем,

что родила Младенца Христа? Разве тем, что повиновалась слову Божию?

Как Христос, оставив Престол и славу на Небе, снизшел спасти бедный род человеческий, так, чтобы, когда Богородица войдет во славу Небесную, не забыла бы грешный род людской земной, понимала бы наши скорби и горе. Ей дано сейчас испытать эти скорби, чтобы сострадая, Она оказывала помощь страдающим людям.

Значит для нас с вами и Матери Божией подавались скорби! Да! «И Тебе Самой оружие пройдет душу» (Лк. 2, 35). Предсказания преп. Симеона начали сбываться сразу. Скорбное сердце Богоматери чуть ли не с момента рождения Христа начало наполняться скорбями.

Особенно острой болью оружие уязвило Ее душу около Креста Своего Сына... Испытавши всевозможные скорби, Матерь Божия, как Матерь рода христианского, может нам помогать, понимая наши скорби.

Спеши же всякий страдалец к Божией Матери. Неси Ей свои скорби. Открой печаль своего сердца. Молись Ей! Молись с верой и ты будешь услышан Ею.

Она, всех скорбящих Радость, услышит тебя и радостью вместо скорби наполнит сердце твое. Она подаст тебе мир, радость и надежду!

Ибо всяк к Ней притекаяй, не отходит от Нея тощ и не услышан, — но услышан и радостен! Пресвятая Богородице, спаси нас!

Просьба сынов Зеведеевых (Мф. 20, 20–28; Мк. 10, 35–45).

Мы не знаем, чего мы просим, то есть — чего желаем.

Господь открывает путь в Царство Небесное: «Ищите прежде всего Царство Небесное...» А мы наоборот, ищем и живем земным, а не небесным.

Если будем искать Царства Небесного, то земное приложится, если будем искать земного, то Небесное утратится.

Что есть Царство Небесное? Духовное усовершенствование в условиях жизни — борьба духа и тела.

Борьба духа и плоти тяжела и длится всю жизнь. Эта борьба родит страдания. Это и есть чаша и крест. Ее пили Апостолы, Мученики, Преподобные — Святые.

Никто не войдет в славу Царствия Небесного без чаши и креста. Это закон — путь тесный! Им прошли Мученики, все Святые и Сам Христос.

Итак, други мои, если желаете Царствия Небесного, не отказывайтесь от чаши с ее горечью и от креста с его тяжестью.

«Верую»

«Верую» мы читаем за службами и дома. Только что мы, верующие, должны исповедать? *Все, ибо Бог есть Бог всего мира.* Мы исповедуем, ибо знаем Его, как Творца мира, из Его <отношений>, откровений, а больше всего чрез Иисуса Христа.

Вера в Бога должна быть достоянием всех людей. Всмотримся в глубь истории — люди всегда верили в Бога. Истинное понятие о Боге дано человечеству в Откровении Самого Бога — Библия — пророки — Евангелие.

Всеобщность веры в Бога подтверждалась путешественникам. Неверие не есть явление положительное, это исключение из общего положения вселенской веры.

Атеистов в настоящем смысле нет — одни вместо веры в Бога верят в разум, идеи, силу и тому подобное. Это плод недоросшего ума человека до понимания истинного Бога.

Вера в Бога — основа нашей земной жизни, чтобы жить умно, надо знать, для чего я живу; кто я — человек, цель всей жизни, мой конец, откуда мир, зло и т. д.

Высота духа свойственна каждому человеку разумному — а на то, что такое дух — наука, знание не дают ответа. Это область веры в Бога — это только в ней разрешается. Вера — это потребность духа — ее заглушить нельзя.

Итак, не есть ли признание людьми Бога — доказательство веры в Его существование? Да. Я верую в Высшее Существо.

Нет. Веровать — значит иметь живую уверенность в бытии Бога, в Его действия, Его свойства, принятие Его Откровения, заповедей и т. д., в доверии к Его слову.

Такая вера открывает тайны мироздания, человек узнает себя, что он есть образ Божий, узнает смысл жизни, в нем умирают все волнения духа, и он в Боге почувствует себя как пловец, переплывающий бурное море.

Мы знаем Бога, мы верим Ему, — в Нем наша отрада, надежда, Он призвал нас: «Приидите ко Мне...» И мы пришли и нашли покой в Нем. Аминь.

Правило «веры» — I-й Вселенский Собор

Необходимость веры для спасения. Без веры невозможно угодить Богу. «Если веру имеешь и крестишься, спасен будешь».

Нужно веру хранить в чистоте и полноте. Апостолы веру хранили в чистоте, преемники коих — Мученики, умирали за веру. Искавшие ее погибали.

«Вера не есть только призывание Бога... Вера спасает деятельная, живая... Веруй и спасешься... Вера от дел твоих... Не всякого говорящего Господи, Господи... — Вера без дел мертва...»

Содержанием веры является жизнь. Возьмем веру Апостолов — веруя в Иисуса Христа, они насаждали веру в других, установили Богослужение, Таинства, они почитали Божию Матерь, чтили праздники...

Это и было то, что называется «Православием». За все это Апостолы и Мученики умирали.

Все постановления, принятые Св. Церковью, для верующих обязательны.

Есть люди, которые или по недомыслию, или от гордости ума не хотят подчинить свое сознание общему сознанию церковному. Они не будут признаны Иисусом Христом. Такие люди учат и других не исполнять постановления Св. Церкви и не признавать саму Церковь как Божественное учреждение, созданное Христом на камне веры и истины, и ее уставы.

«Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес и воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы и вочеловечшася».

Что значит «сшедшаго с небес»? Для чего Сын Божий сошел с Неба? От чего пришел «спасти»?

От греха... — Проклятия... — Смерти...

Все умирают, ибо все родились во Адаме и все в нем согрешили — чада гнева. Порча природы не личная Адамова, а всего рода и природы.

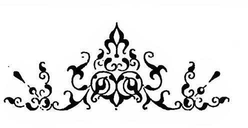
Обетование в Раю — прообразы — пророчества — Состояние мира до пришествия Христа.

Пришествие Христа в мир — «...воплотившагося от Духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася...»

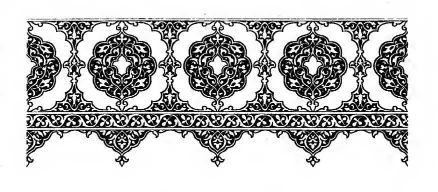
Богочеловек... Нераздельно... Неслиянно... Две воли... Два естества...

Иисус Христос воссоединяет человека с Богом — обожествляет природу человека и се спасение.

Рождение — ясли — крещение — спал — кушал — плакал — страдания — Гроб — явление — Вознесение...



ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА НИКОЛАЯ



†

К протоиерею Иоанну Дубакину в Ригу[1]

Дорогой и незабываемый о. *Иоанн!*

13 лет, нас разлучившие, не ослабили моей любви к Вам и молитв о Вас.

Орел, Михайловский храм, его настоятель — всегда в памяти моей.

В моем положении, да и в Вашем, за эти годы разлуки много было перемен. И сердцу любящему хотелось бы услышать, хотя бы вкратце, повесть друга о себе.

---

[1] О. Иоанн Дубакин (1888–1969) был настоятелем Михайловского храма в г. Орле в тот период, когда владыка Николай занимал Орловскую кафедру. В 30-е годы о. Иоанн осужден на 10 лет. Срок отбывал на Беломоро-Балтийском канале. По освобождении служил в Рижской епархии: в Иоанновской церкви г. Риги, в церквах г. Даугавпилса. Был благочинным Даугавпилсского и Лудженского округов. Владыка Николай после своего освобождения из ссылки нашел о. Иоанна в Риге.

Их переписка продолжалась до самой смерти митрополита Николая.

Надеюсь, утешите меня в моем одиночестве и в стране далекой. Получив Вашу весточку, сочту долгом, в чувстве приятности, и о себе Вам сказать.

А пока в ожидании и прежнем к Вам уважении, остаюсь богомолец о Вас, *арх. Николай.*

1945 год, п. 22, ст. Челкар, Актюбинской области. Актюбинская улица, 4, мне.

30/17.III.45 г.

† *Милость Божия буди* с *Вами!*

Вчера получил, мой друг дорогой, Вашу неизъяснимо радостную весточку. Чувство Вашей радости целиком передалось через письмена моему сердцу, вызвав особый восторг умиления и слезы во мне. Все пережитое Вами таким близким стало мне: Ваша радость — моя радость; Ваша печаль — моя печаль.

Мне особенно приятно услышать о том, как мужественно Вы выносили жизненные удары. Вы герой духа. Я узнаю Вас. Вы стали адамантом; потеряв драгоценного сына, Вы не пали духом, но, подобно Иову, находите утешение в благоразумном рассуждении. Таков взгляд Ваш на печальные явления истинен — он оправдывает себя последующей жизнью.

Симочка живет жизнью блаженства; он перешел и зачислен в полк воинов небесных. А что радостнее, вожделеннее может быть для родителей, как сознавать, что дар Божией любви, их сын или дочь спасены?! Симочка уже спасен и от бурь земной жизни и от страданий за гробом. Успокаивайте себя, мой родной, тем, что чудный цветок, Вами насажденный, благоухающий ароматом девственной чистоты, Вы передали в руки Садовника Небесного: будьте бодры духом, Вы и мамочка его!..

Вы верите в возможность нашего свидания, а может быть, и совместного снова служения, — и я верю, и весьма этого хочу. Часто мечтаю о милом Орле. Кстати, постоянного хозяина пока там нет. Конечно, по окончании войны Вам надлежит снова взять на себя служение, к которому влечет Вас сердце Ваше. Всему свое время: воздали «кесарево — кесарю», воздайте «Божие — Богови». Это не сейчас, а потом. Придет время, «когда мир истомится от слез, захлебнется в крови и подымет к **любви**, к Беспредельной Любви, очи, полные скорбной мольбы». И тогда Вы будете очень нужны.

Не судил мне Господь быть на Соборе, а судил быть здесь...

Все этапы моей жизни со дня нашей разлуки были проявлением Промысла Божия о мне. С 27 июля 1932 года я отправлен был в «командировку» в Воронеж, где пробыл 9 месяцев. После отбыл в г. Темники, Алатырь Чувашской республики, Саров — и так пропутешествовал 5 лет.

С 1937 по 1941 год проживал около Москвы. Часто и подолгу проживал у почившего Патриарха Сергия, пользуясь его отеческой лаской и помогая ему.

С 27 июня 1941 года начальство нашло нужным послать меня в Саратов на 6 месяцев, потом в Актюбинск на 3 месяца и, наконец, в Челкар, с его сыпучими песками, горячими ветрами, трескучими морозами зимой и зноем летом. Ни деревца, ни кустика травки приятной...

При этой окружающей дикой природе я все же имею великое духовное утешение, что скрашивает мое одиночество. За отсутствием здесь священнослужителей, я приглашен к служению. Имеем молитвенный дом, где литургисаю (по-иерейски), совершаю всякие требы; особенно приятно было совер-

16 Зак. 27082

шить уже более 15-ти бракосочетаний. Имеем колокол, а ко дню Святой Пасхи зазвоним во все четыре.

Получаю из Москвы ежемесячный журнал Московской Патриархии. Очень интересный, советую и Вам его выписать (адрес: Москва, 34, Чистый 5, Редакция М. П.). Годовая цена 100 рублей. В нем выявляется жизнь нашей Церкви с ее событиями. Издан Православный Церковный Календарь на 1945 год.

Как Вам должно быть известно, открыт с трехгодичным курсом Богословский институт и при нем Пастырские курсы.

Жизнь церковная бьет ключом. Нива Христова зовет к себе ее «делателей»...

А все же милая родина грезится мне... К ней моя мысль, все мое сердце, хочется снова, как когда-то, послужить ей — здесь не то: там ширь, простор, нивы... Пойдем, пойдем, но пойдем вдвоем... нам не скучно будет там...

Мое одиночество разделяет мать Вера (Вы ее знаете): она сопутствовала мне во всех моих командировках, прибыла и сюда. Просит принять Вас ее привет, а я при этом, все мои наилучшие пожелания Вам, Надежде Митрофановне и Анечке. Здравствуйте!

С любовью сердечной А. Николай.

30.VI.45 г.

† *Мир Вам, дорогой мой!*

Сегодня получил Ваше (от 31.V) письмо. Поздравительное ко дню Пасхи так и не дошло. Вы пишете о своей скорби и предчувствии чего-то недоброго с сыном А. По данной от Бога благодати «сочувствия», вполне понимаю тревогу сердца отеческого, разделяю ее: беру часть ее на себя и вседушно желаю, чтобы она

прошла скоро: чтобы Вы увидели сынка или получили бы от него известие о благополучии его.

Создавать печальные картины его судьбы из-за того, что долго не писал Вам Ар[сю]ша, или по предчувствию скорбного сердца, не имея других более верных данных, — не будет ли преждевременно? Письма могли затеряться, мог он (на более печальный конец) быть ранен и, не желая опечалить Вас об этом известии, воздержался писать до времени выздоровления; могли быть у него и другие причины и условия. Полагать в основу всего надо волю и милость Божию в молитве о нем. Довольно Вам, дорогие мои, предаваться печали о потере Симочки, пребудьте в уповании милости о сем — втором. И не говорите: «Все потеряно», что покажется невозможным для Вас, возможно суть Отцу (не земному) Небесному. Будьте тверды твердостию Иова: вера Ваша спасет его. Господь да утешит Вас! Мир Вам!

О моих перспективах: они не определились совсем, но, возможно, скоро станут яснее.

В мае месяце я получил частное извещение о состоявшемся в Синоде назначении меня в Алма-Ату (столицу Казахстана).

Канцелярией это дело не было оформлено, почему-то откладывалось оформление, Патриарх Алексий отправился в заграничную поездку на Восток.

Здесь произошло другое: 18.VI. мне объявили об освобождении. Теперь вполне возможным стало мое назначение и в Россию. Узнав о возвращении Патриарха, я послал письменную просьбу ему об устроении меня в России. И теперь жду его решения, а через него Божия мне определения.

Более сорока моих братьев уже вышли на ниву Христову — хочу и я встать с ними в ряды делателей виноградника Его.

Если судит мне Господь устроиться на месте служения — я буду рад иметь моего друга (Вас) своим верным и надежным сотрудником в деле Божием — аще того друг возжелает. Сие по милости Его буди, буди! А пока пребудем в любви и молитве друг с другом. Сочувственный сердечный привет Надежде Митрофановне и Анечке с общим всем вам благословением.

Здравствуйте!

С любовью к вам, богомолец Ваш А. Николай.

31.VII.45 года

† Ваше письмо от 16.VII. принесло мне немалую радость, мои дорогие: Арсюша жив, Володя жив и бодр, священствует... Слава Богу, вам благодеющему и вас утешающему! Искренно радуюсь Вашею радостию. Молитвы и слезы родительские не прошли даром: детища их спасены ими. Будем и впредь всегда и во всех случаях нашей жизни иметь веру Петрову и терпение Иовлево.

Прошлая жизнь, со многими ее этапами горькими, дала нам лучший урок к терпению и упованию. Теперь, имея опыт этого учителя, можно без боязни за «одичалость», чего я ни капли не вижу в Ваших письмах, а следовательно, и в Вас самих, — можно смело, бодрым духом изыти на дело свое. Господь зовет. Дух пробуждает. Нива Божия ждет к себе делателя. Надо идти.

Я глубоко благодарен Вам за Ваше искреннее расположение ко мне, в чем я никогда не сомневался, и весьма утешен желанием Вашим разделить труды со мною в винограднике Христовом. Дай-то, Господи!

Теперь можно говорить об этом определеннее, так как перспективы моей жизни и предстоящих работ выяснены. Указом Патриарха от 5.VII.45 г. я назначен в Алма-Ату с титулом «Алма-Атинский и Казахстанский» — в город зелени, фруктов, красивый город — столицу всего Казахстана.

Слово «столица» смущало мой немощный дух, я просился в маленький городок родной матушки-России, но Господу, видится, угодно увеличить тяжесть архиерейского омофора. Буди тако, яко изволися!

Вот тут-то и нужен друг-помощник, не просто помощник, а друг в святом деле. Зная Ваше духовное настроение, любовь к подвигу пастырского служения, идейное понимание сего служения, опыт и данную от Господа Вам мудрость, я с отеческою любовию готов принять Вас своим спутником в пути, мне предложенном. Подумайте. Взвесьте семейно этот вопрос: не устрашит ли дальность пути, страна неведомая, или тоска по родине или что другое?.. И поведайте мне.

Мое положение сейчас таково: Синодом мне предложено, списавшись с соседними епископами (Ташкентским, Свердловским и Новосибирским), определить состав моей Алма-Атинской епархии и донести Синоду. Я написал им. В то же время просил Патриарха благословить мне лично сделать ему доклад этот и прислать мне свой вызов в Москву. Если не последует вызова — буду собираться в свою «столицу».

На днях послал письмо в Алма-Ату к настоятелю собора, хотя я там еще никого не знаю, прося его информировать меня по нужным церковным вопросам и озаботиться приготовлением квартиры.

По приезде туда, после ориентирования там, напишу вам и ознакомлю с новым положением в новой

епархии. Время отъезда туда затрудняюсь указать, вероятно, не раньше Успения Божией Матери; если придется побывать в Москве, то и того позже. Вот, мои дорогие, новый вопрос, и над ним подумаем. Мои думы все теперь направлены туда и к тому, к чему призываюсь волей Божией.

Думаю и о Вас немало. Одигитрия Благая да устроит наш с Вами общий путь! Мать Вера мечтает о радости свидания с Вами и шлет свой поклон. Здравствуйте вы все!

С любовью, Ваш А. Н.

Маечка может быть спутницей Вашей.

9.I.47 г.

† *Милостъ Божия буди с Вами!*
Мои незабвенные друзья!

...Я приобрел для себя скромный домик. В Россию двигаться уже нет желания, люди и здесь хорошие; окружают заботами, любовью; гнездышко свое, а посему и себе говорю, и в Патриархии сказал словами преп. Нила: «Зде вселился, зде и покой мой». К слову, его святые мощи находятся в Знаменском монастыре в большом для него почете (в г. Осташкове).

Освящение «хижины дяди Тома», сиречь моей, состоялось 12.XII.46 года в день солнцеповорота, то есть в день св. Спиридона. Тогда же и вселился «ту». Предварительно был произведен и солидный ремонт, длившийся более месяца, в котором м. Вера обнаружила большие архитекторские способности, всецело руководя всеми работами, она была «прорабом»...

От моей резиденции домик находится в пяти минутах ходьбы. В канцелярию хожу пешочком — близко и удобно!

<...> Силы наши слабеют, службы у нас длинные (4–5 часов), и только благодать Божия дает крепость в Святом Причащении. Служу бодро, громко, часто, по милости Господа нашего Иисуса Христа с подаваемыми от Него слезами... Утешение се мне и Его Святая милость. Сию милость и Вы, служитель престола, имеете от Него, так как любите служение Ему без корысти земной. Благодарю Господа, призвавшего мое убожество быть Его служителем. Сие Вам близко и понятно.

Ну, мои дорогие, позвольте Вас благодарить за любовь, пожелать здравия, бодрости духа и душам спасения!

С любовью, Ваш А. Н.

Мать Вера шлет вам всем взаимный привет.
О, как она теперь мне необходима и верна!

Из письма от 20.I.47 г.

† *Милость Божия буди с Вами!*
Мой друг незабвенный отец Иоанн!

...Мне стыдно перед Вами, и Вы простите меня в Вашем нежном добром сердце... Передо мною несколько Ваших писем, на которые я не собрался ответить: сегодня стыд заставил меня бросить бумажные дела и писать Вам. Сегодня Собор св. Иоанна Крестителя... Сегодня все мои мысли несутся к Вам, мой друг любимый... Сегодня наилучшие молитвенные пожелания мое сердце шлет Вам в дар... Сегодня, именно в этот час (по алма-атински 3 часа, а у Вас 12 часов), когда Вы, возвратившись от Литургии, собираетесь разделить трапезу любви, и я хочу за нею разделить Вашу семейную радость, как когда-то в Орле, именно в этот день с поднесением креста...

Сейчас я с Вами... Мысленно представляю чудную картину великого торжества в доме Вашем: как у Вас там хорошо! И мамочка своим прибытием усугубляет Вашу радость. Благословенная семья! Святая радость! Сердечно я и мать Вера поздравляем Вас со днем Ангела, а всех любящих Вас с дорогим именинником. Да дарует Господь Вам силы и бодрость духа к прохождению святопастырского служения во спасение вверенных Вам Господом духовных овец стада Христова, и на радость и духовное утешение себе и любящим Вас!..

И сохрани его, Всечестнаго отца протоиерея Иоанна, на многая лета!!!

Вот я и побывал у Вас. А теперь скажу — все Ваши письма (и от мамочки, и от Володи) получил: спасибо за память! Спрашиваете, како подвизаюсь на работе? Милостию Божией трудимся помаленьку. За лето совершил три поездки по епархии: утешение было большое духовное, на расстоянии двух-двух с половиной тысяч километров проезда поездом при условиях нынешнего движения иногда утомляли. Двигались разно: где поездом, где самолетом, где на грузовике, а где и пешочком. При сем посылаю (из трех разосланных по епархии) информацию, составленную моим спутником, управделами о. прот. А. Синицыным, — почитайте.

Собор наш Никольский приведен в прекрасный вид внутри. Два престола ко дню Рождества Христова освящены (Никольский главный и в честь св. Варвары боковой), третий, в честь св. Пантелеимона, скоро предполагаем освятить. Иконостасы, художественная живопись Васнецова и Нестерова исполнены лучшими художниками и мастерами своего дела, в нашей возможности. Собор внутри «красавец» — по общему мнению.

А что было в нем? Мерзость запустения по уходу штрафной военной роты.

Снаружи нет колокольни, а пять куполов поставлены. В храме тепло — паровое отопление. Все хорошо, прекрасно. Хор чудный. Регент (не удивляйтесь) архиерейского собора — женщина, Марфа Ильинична, с большим вкусом церковным и образованием музыкальным.

Хоры красивые. Электричества — море. Зато и обошелся он нам в 130.000 и еще надо до 30.000 прибавить.

Вчера на Крещение ходил освящать воду на реку Алма-Атинку. Погода теплая, идет пушистый снежок. Народа — море... Что-то неописуемое было... Более 15.000 было молящихся, и всех надо было благословить (так «наш владыка завел», говорят). Долго благословлял, хотя всех не мог благословить, устал сильно, а радостен был безмерно всем этим торжеством.

Слава Богу за все!

Благословение Господне на всех вас!

С любовью, Ваш А. Н.

Конец сентября 47 г.

† *Милость Божия буди с Вами!*

Мой незабвенный отец Иоанн!

Мне стыдно перед Вами за столь долгое молчание. Ваше письмо от 28.VII. обличает меня. Как у Вас, так и у меня тысяча дел, благодаря которым не мог собраться написать Вам и только ограничился телеграфным поздравлением двух именинниц. Посетил Москву, куда был вызван для участия в заседаниях Синода (на период летней сессии). Пробыл там три

недели. Побывал в Лавре преп. Сергия, где 5 июля с Патриархом Алексием участвовал в торжествах.

Все там благолепно, все умилительно, рака со святыми мощами находится в прекрасно отреставрированном Трапезном храме; потушенные лампадки — снова горят; врата Лавры широко открыты и радостно приемлют в свои объятия богомольцев. Звон тысячепудовый так в душу и просится и гул его далеко обносится...

Путешествие мое в Москву было сопряжено с опасным приключением, о чем узнаете из прилагаемой здесь информации по епархии. Милость Его была с нами!

По возвращении домой снова пришлось предпринять путешествие по епархии в два далеко отстоящих от Алма-Аты города (Гурьев и Уральск) — 2 500 км и тоже на самолетах разных типов. Поездка была тяжелая. Там освящали два храма — в Гурьеве в честь Успения Божией Матери и в Уральске — старинный храм в честь Архистратига Михаила (и вспомнился Орел... Михайловский храм с его настоятелем... Мой первый приезд в город... Встреча с Вами, с о. Владимиром Сахаровым... Как далеко и как близко сердцу)...

Мантия, Вашею и бабушки любовию созданная, черная митра, посох — все это со мною и радует приятно сердце... Значит, не забыты Вы, мои дорогие, мною... Спасибо, спасибо, родные, за такую память.

Скоро (19.X) я опять должен выехать в Москву на заседания, но теперь уже поездом — пресыщен летанием. Путь длинный — пять суток; но все же спокойнее, нежели на самолете, хотя к удивлению многих, я к ним весьма привык и чувствую себя в них хорошо. А Вы, мой друг, летали ли когда-ни-

будь на них? Нет! Не страшно, уповающему на Господа. А все же поездом спокойнее.

Благодарю Вас за столь подробное описание трудов своих по благочинию. У Вас 11 приходов по благочинию, а у нас в 5–6 областях сего пока не имеется. Чаще всего 2–3 прихода, а то часто и один приход и «благочинный сам себе и над собой благочинный»...

Предположение у нас есть осенью собрать всех шестнадцать благочинных в Алма-Ате для ознакомления с положением дел церковных на месте. Хотя я посетил все 16 областных приходов, а все же такое совещание необходимо нам и благочинным. Ну, как Господь устроит!

Желаете видеть мое смирение в клобуке с украшением, для Вас охотно, любовно делаю. Приимите и Вы с любовью. И будьте все здоровы и Богом хранимы!

С любовью, Ваш А. Н.

В день Святого Покрова Божией Матери, да будет Она Всемилостивая всегда Вам и дому Вашему Покров и Отрада!

Мир Вам! Простите за неразборчивость: поздно, света мало, спешу...

Мать Вера просит принять и ее привет Вам.

Приезжайте в Москву, прибыть туда я должен 25.X, сколько пробуду там, не вем, может быть, и немного.

Октябрь 1949 года

† *Дорогой и незабвенный друг мой, о. Иоанн!*

Недавно получил Ваше милое письмо с описанием паломничества по Святым местам и приложение — две фотокарточки (крестного хода и самого

храма; чудный храм, у нас такого во всем Казахстане нет!) — Спасибо, мой добрый!

Читая художественное описание Ваших путешествий, я как бы сам был Вам сопутником... Как хорошо, как мило все это! Я понимаю Вас: духовные, благодатные переживания; восторг и радости от посланных Вам от Отца щедрот и Господа милостей за это время — стали близки и мне — и я в чувстве особого сердечного настроения, вместе с Вами говорю: «Слава Богу, пославшему Вам Свои милости!»

Особенно умилительно было читать о Вашей службе у раки Святителя Феодосия, да еще в митре, освященной пребыванием на его святой главе... Как это, да и все в Вашем путешествии, красиво, хорошо!... Благодарю за присланный снимок крестного хода. Да! Вы здесь, да и, конечно, на самом деле, выглядите много старей и солиднее... Я всегда представлял Вас в камилавке, но митра Вам идет больше к Вашей серебристой бородке... Узнаю Вашего владыку — очень похож. Картина приятная!

А вот печаль Ваша и мне в тягость. Мне жаль Вас, Надежду Митрофановну и Анечку. Горе большое. Я молюсь о виновнике Вашей печали, о всех вас и буду молиться. Вы находите в себе силу и подкрепление в преданности Его Святой воле, неисповедимыми путями ведущей нас ко спасению: скорби и ему и Вам нужны, ибо они от Господа.

Не падайте духом. Боритесь, как это свойственно Вам. Были и другие скорби в жизни Вашей, и Вы их, подобно праведному Иову, снесли, ибо с Вами был Сам Страстеположник Христос, — Он с Вами и в этом испытании: «Не бойтесь, Я с вами!»

Вселите сию бодрость и надежду на Бога и в скорбные сердца сострадающих с Вами. «Господь крепость людем Своим даст — Господь благословит люди Своя

миром», «Мир Мой даю вам, да не смущается сердце ваше»...

Братски и многократно целую Вас. Всем, всем вашим мой сердечный привет и благословение!

Спасайтесь! А. Н.

Мать Вера полна сочувствия скорби Вашей, шлет свой привет. Будьте все вы здоровы и Богом хранимы!

28.XII.49 года

† *Милость Божия буди с Вами!*
Мой дорогой сердцу о. Иоанн!

Сердечно благодарю Вас за милое, искреннее поздравление со днем Ангела. Благодарю и всех сущих с Вами меня почтивших своими поздравлениями. День этот прошел весьма торжественно. Народа было — видимо-невидимо: ведь один только храм в столице в честь моего угодника. Духовенства, сослужившего мне, было 7 иереев, один архимандрит и три диакона.

После молебна были зачитаны поздравления и телеграммы от духовенства епархии и из других городов.

После благословения народа (от первого до последнего), длившегося 1 час. 30 мин., была в канцелярии епархиального управления устроена трапеза для «братии», то есть духовенства, на тридцать человек. Трапеза прошла в приятных беседах, просто и единодушно.

Вечером в моем помещении была устроена другая трапеза для «дам», пожелавших поздравить своего именинника. И здесь радушие и искренность. Здесь воспоминания о Ниловой пустыни, где в этот день 45 лет тому назад скромный послушник ее Феодосий Никифорович принял постриг в мантию с именем Николай. Воспоминания об Орле, где тоже было

хорошо, что своей волей не ушел бы... Так знаменательно прошел этот день, обще нам дорогой, и закончился уходом гостей после, когда часы пробили двенадцать...

Не могу не поделиться и другим торжеством, связанным с моим именем: это юбилей 30-летия моего епископства. Был будний день (20 ноября, то есть 2 декабря), но торжества он не ослабил. Духовенства своего и приезжего сослужило мне: архимандрит, тринадцать иереев, пять диаконов. После молебна, как принято, адреса, приветствия, телеграммы.

Обед, устроенный на средства духовенства епархии, был добровольным выражением незаслуженной мною любви. На эти средства была приобретена приличная обстановка (полная) для моего дома, скромного, но собственного.

В этот день я был обвеян любовию отцов и мирян. Это в моей практике архиерейства был единственный случай такого чествования. Конечно, не нам, не нам, а Имени Твоему слава!

Все это торжество показало, как русские люди любят своих архиереев, почитая в них высокий сан Священства...

Глядя на отдельные предметы в комнате, невольно вздохнешь молитвенно о дарователях... Да! Мы и без этого должны первым делом вздыхать о врученной нам Богом пастве — я о своей, вы о своей...

И чем дальше в глубь старости идут годы служения, тем глубже, тем явственнее чувствуется связь с паствой. Молишься, чтобы Господь не разлучил бы тебя в день оный от паствы твоей... Так она дорога, так сердцу близка... Ей не тесно в моем маленьком сердце... И было бы великой обидой, если бы меня разлучили с моим стадом духовным: «Зде вселился, зде и покой мой...»

Вот, мой дорогой друг, чем захотелось поделиться с Вами! Поздравляю Вас и всю Вашу домашнюю церковь с наступающим праздником Рождества Христова. Спасайтесь о Господе!

Братски целую, приветы, приветы...

С любовию, Ваш А. Н.

25.XI.50 г.

† *Дорогой мой друг, отец Иоанн!*

Вчера мне подали Ваше заказное письмо с вложением трех фото Вашего храма восстановленного: я много порадовался радостию Вашею — это подняло во мне дух бодрости, да... подняло с постели... Как так, спросите Вы?

...Под день Вашего престольного праздника (иконы Казанской Божией Матери) в 2 часа дня мне стало плохо настолько, что даже речь прекратилась на несколько часов — сознание не оставляло меня. Врачи нашли во мне острое переутомление и опасного для жизни ничего не нашли. Уложили меня в постель не меньше как на месяц для «постельного режима»... «Покой, покой и еще раз покой»... Лечения никакого не делают — это и меня, и верующих успокаивает. Вот я и лежу до сего дня...

Стал чувствовать себя крепче, хожу по комнате, громко пою «С нами Бог». А вчера пропел и всю Пасху. Видите, мне лучше. Плоть все еще немощна, а дух бодр.

Намерение есть, если Господь благословит, впервые выйти в храм 21-го, то есть в день Введения во храм Божией Матери. Помолитесь о болящем и в недужии сущем. Еще слаб, и почерк мой слаб.

Еще просьба лично к Вам, мой добрый! Моя старая митра пришла в полную негодность, — думаем

соорудить новую, но материала на ее верх (покрытие) не достать. Решили обратиться в Ригу и просить Вас: не достанете ли Вы хорошего глазета для покрытия, если не достать глазета, то может быть, найдется гладкая, без рисунков, парча. Все сие на Ваше усмотрение. Посоветуйтесь с монашками Вашего монастыря, может быть, там митры делают, узнайте, сколько надо материала, и, если можно, то прошу приобрести и выслать наложенным платежом. Надо достать золотого, не толстого шнура 4 метра и чего-то золотого на опушку. Монашки все это могут достать. Помогите, что можно, беде нашей.

Вы знаток, Вы художник, и все на Ваш вкус и усмотрение сдаю. Быть может, монашки кроме этого сделают новую митру? Или, может быть, кто-нибудь из митрофорных продает хорошую митру — готов купить.

Простите за нелегкую нагрузку, — больше к кому мне обратиться? Буду ждать весточки, а пока простите: видите, почерк все слабеет... уже устал. Окрепну, тогда подробно отвечу на Ваше приятное письмо.

Мои и мать Веры, которая особое о мне имеет попечение, приветы двоим Надеждам. Здравствуйте! Господь с Вами!

С любовию, Ваш А. Н.

11.XII.50 года

† *Милость Божия буди с Вами!*

Дорогой мой друг, отец Иоанн!

Вот я немного окреп силенками, которые так ослабели во мне и на время было оставили меня, и, понуждаемый любовью к Вам, решил написать Вам.

А поначалу, без сожаления ко мне, доктор не велел ни читать мне, ни писать, было тяжелое время и состояние, — теперь я не имею такой опеки докторской и могу с Вами побеседовать.

Предо мною Ваше первое (от 10.X.) письмо с приложением трех фотоснимков Вашего очаровательного, уютного храма. Вид его немало порадовал меня за Вас. О! Сколько пережили Вы волнений, тревог, страданий сердечных да и физических недомоганий, приведших Ваш организм в полное расстройство, и конец всему, награда Ваша — чудный вид храма! Вот истинная Ваша радость! Вот истинная Ваша награда! Слава Богу, Вам содействовавшему в трудах Ваших; слава Преблагословенной Владычице Богородице, чудодействовавшей Вам! И больше сего: «Слава Богу за все!» За скорби, Вам посланные, и за радость сердца, Вами воспринятую! Милость Божия да будет всегда с Вами!..

В моей болезни врачи советовали: «...Отдыхайте, покойтесь». Чувствуя, насколько и Вы утомились и ослабели, также и я Вам скажу: «Берегите себя, отдыхайте, упокойте себя», — жизнь Ваша нужна и для присных своих, и для духовного стада, Господом Вам врученного. «Господи Сил! С нами буди...» «Ты моя крепость, Господи, Ты моя сила, Ты мое радование...»

Да запечатлеются сии слова перстом Божиим на сердце Вашем, и благодать Святаго Духа да будет спутницею Вам и в дальнейшем Вашем подвиге Священнослужения!

Весьма и весьма утешен милым Вашим письмом и фотоснимками: спасибо, дорогой!

О себе: слава Богу, каждый день прибавляется по «золотнику». А когда исчерпаются 96 золотников, что составляет пуд моей болезни? Не вем...

Окреп значительно благодатию Божиею за молитвы слезные моей паствы духовной, но не совсем: все еще слабо чувствую себя. Однако Господь утешает меня: 21.XI я мог отслужить Литургию впервые после заболевания, а вчера 27.XI — «Знамение Божией Матери» уже с более крепкими силами послужил; и слово сказал, но отдельно не благословлял молящихся, а это и для меня, и для них лишение немалое.

За посланную болезнь Господа слезно благодарю: она принесла моей душе великую пользу: я исповедовался генеральной исповедью пред духовником во всех грехах, начиная от дней детства и до сего дня. И как хорошо теперь стало на душе! И омофор как бы полегчал... К сему меня призвала милость Сладчайшего Иисуса и Материнская любовь моей Покровительницы Преблагословенной Матери Божией. «Слава Богу за все» и о себе скажу.

Вот и трудненько мне уже писать: видите, как ослабел почерк... Сделаю маленький перерывчик... Подождите маленько... Вот скушаю печеное яблоко и чаю выпью стаканчик.

...Простите, задержал Вас. За это время и отдохнул в постели, подремал; погода чудная, снежная, и я часок погулял, пообедал, с чесночком борщика покушал (я теперь лечусь чесноком, делаю на спирту настойку и пью и ощущаю от сего большую пользу. У нас многие перешли на этот способ лечения, что и Вам со старушками советую. Если приемлемо, скажите, сообщу способ приготовления. Хорошо и то, что после приема не слышно аромата чесночного).

Так вот, после перерыва продолжаю свою писанину. Сейчас пробило пять часов, это по-местному, а по-рижски только два часа дня, — так кажется.

По второму вопросу о митре буду краток, ибо мои комментарии теперь излишни, когда я вручил изготовление митры Вашему мудрому усмотрению, опыту и вкусу. Желательно иметь ее цвета только золотого, с хорошими иконками; простую, но изящную, без обилия каменьев драгоценных или вовсе без них, то есть стекляшек, так как настоящих где же взять? Полагаю и Вы в этом согласны?

Желательно бы украсить мою белую голову «Рижской шапкой» в день Рождества Христова, но это мое желание, а там — как Бог даст. И не надо напрасно торопить мастериц: все хорошо вовремя.

Митра та будет четвертым или пятым памятником милой незабвенной семьи Дубакиных... Как так?

Мантия «орловская» со мною всюду, в ссылке, в тюрьмах трех была и, как Ангел, хранила меня, она сохранилась, «старушка моя». Это плод Вашей любви.

Митра черная, своею простотою и изяществом удивляющая алма-атинцев, со мною. Посох роговой с серебряным игуменским перекрестием (разве забыли?) не дело ли рук Ваших и, наконец, голубой переплет «Чиновника Архиерейского», — все это при пользовании мною побуждает молитвенно сказать: «Помяни, Господи, доброту... и умножь их любовь!»

Новой митрой усугубится наша молитва. Помоги Вам, Господи, устроить хорошо, не для личного моего тщеславия (сим мало занят), а для некоего благолепия службы церковной: чистым священнослужителей облачениям радуются и богомольцы. Старую свою митру постараемся реставрировать здесь. Надеюсь, «всэ будэ добренько».

Пожелаем друг другу крепости сил и духа бодрости, а то мы с Вами в 1950 году «подгуляли». — Храни Вас Господь милостию Своею и сущих с Вами сердцу дорогих.

Мать Вера шлет всем вам свой привет. Пережила и она немало с моею болезнью. Здравствуйте!

С любовью, Ваш А. Н.

⸻

† *Милость Божия буди с Вами!*

Мой милый и незабвенный отец Иоанн!

Да, щедр и милостив Господь к Вам, пославший на старости лет такое утешение. Скорби Ваши, принятые ради служения Ему; Ваша любовь теплая к Нему и подвиг самого священного служения — сделали Вас достойным Его такой милости: «достойному — достойное».

Приимите все сие со смирением как только Его милость и на Его любовь отвечайте тою же любовью: подвигом добрым подвизайтесь; право правьте слово истины, да приимите не земный венец, блистающий цветом камней драгих, но венец славы Его и красоты Небесной. — Сие, по Его милости, с Вами буди, буди!..

Найдете времечко после пасхальных праздников, напишите мне о дальнейшем служении своем — меня это очень интересует, а особенно по прибытии митр. Вениамина, коего знал и он меня знает. При свидании с ним не преминуйте передать ему мой привет братский. Привет и о. Николаю Барановичу.

А обо мне, ленивом, крепко не судите. Более месяца после Рождества Христова был в поездках по епархии. Постараюсь выслать описание путешествий. По приезде застал тысячи пакетов — вот и разбираюсь в этих мертвых бумагах, вот и читаю всякие кляузы бабушек да монашек на своих духовных отцов... Как все это грустно! Энергию тратишь, кажется, попусту! Осадок в душе тяжелый... Одно утешение — храм: в общей молитве, в общем пении, ко-

торым я лично руковожу и которым утешаюсь... А все прочее сухо и малоутешительно... Вы понимаете меня, потому и говорю сие Вам.

Здоровье мое все же слава Богу: простаиваю по 4–5 часов за всенощными службами по вторникам, средам и пятницам, субботам и воскресеньям — чем и услаждаюсь.

Два дня — понедельник и четверг — бываю свободен от служб. Проповедую неопустительно, но багаж мой иссякает словесный, не то, что бывало в Орле. И хочется только бы быть в храме, молиться, петь, читать... Мне молиться пришло время, а Вам расти духовно, цвести, принося плоды веры в напитание стада духовного.

Здравствуйте все и будьте Богом хранимы!

С любовию, Ваш А. Н.

С приближением праздника Святой Пасхи приветствуем радостно — Христос Воскресе! — я и мать Вера.

---

† *Мой славный друже, отец Иоанн!*

/.../ Милый друг мой, не предавайтесь из-за несправедливости скорби и унынию, ибо се крест Ваш, от Крестоносца Христа на Вас возложенный по любви Его к Вам. Укрепляйте себя молитвой к Нему же, Крестоносцу Христу, и Он, в укрепление немощи Вашей, пошлет Вам Ангела, как Сам был им укрепляем.

«Да воскреснет Бог, и расточатся врази» Ваши. Ваша правда и смирение победят клеветников, «друзей Ваших». Сие буди, буди!

«Хорошо там, где нас нет», — говорят русские люди, я разумею Ваш проект быть в Ленинграде, а здесь, хотя и трудно, но в словах «претерпевый до

конца, той спасен будет», — будем с Вами иметь надежду на лучшее, не за горами нас ждущее.

Так, мой друже, потерпим мало, мало... В окончательном итоге успокойтесь, себя и близких не расстраивайте своим подчас настроением тяжелым, будьте бодры духом, и других, как всегда, ободряйте. Мир Вам от Господа нашего Иисуса Христа!

О себе немножко: здоровье мое после болезни, бывшей в 51 году, все слабеет, сердце слабо, одышки, ноги отказываются служить; за службами много сижу и подобные прелести моего больного организма. Духом не падаю, ибо «дух бодр, плоть же немощна».

А об уходе на покой мысли не оставляю. Боюсь по своей воле уйти с поста; но ложь, неправда, интриги вокруг, при моей простоте, доверчивости — заставляют настойчиво о сем думать. На мое место надо «креплышего мене», и стар я, и слаб я, и беспамятен я, и стал плохо слышать, по времени, надо сюда человека дипломата, а не подобного мне простеца...

Работаю я, правда, мало (дельный у меня секретарь), служу редко, по немощи своей. Но суеты не избавлен. А пора, пора и об исходе подумать. Ибо все в мире имеет свое начало и имеет свой конец, только на Небе нет конца...

<...> Ну, храни Вас Господь! Братски целую Вас. Ближним домашним шлю привет и благословение.

С любовию, Ваш всегда друг А. Н.

---

† *Дорогой наш отец Иоанн!*

<...> Ваше желание быть в сердце Родины вполне понимаю, вполне разделяю и, если что от меня зависеть будет, готов с радостию помочь осуществлению Вашего желания...

...Если Вы почему-либо думали связать свое служение с личностью пишущего эти строки, то это, пожалуй, и непрочным, или, вернее, недолговременным, могло оказаться...

Болезнь моя подломила мои силы, память притупилась; требуется покой, не для отдыха, а скорее для подвига молитвы, умоления Господа и о своих личных грехах, и о грехах рукоположения; неисполнения церковных канонов и других взысканий, о них же надлежит дать давшему мне благодать епископства Пастыреначальнику Христу должный ответ.

Чем ближе идет время к концу, тем чаще думаешь об этом «конце», тем тяжелее становится «омофор епископский»... «Много дано — много и взыщется»...

<...> Ну, пора, как будто и точку можно поставить. Мать Вера шлет Вам свой благодарный привет, за то, что и в далекой Риге не забывает ее о. Иоанн. Стала и она слаба — сердце беспокоит. Хотя у нее дела домашние, но за день весьма ее утомляют, и часто приходится ложиться в постель среди дня. Отработалась и она, немало перенеся тревог и болей сердечных в связи с моим уходом из Орла и из Московской области. Да воздаст ей Господь воздаянием Своим!

Прошу принять мои наилучшие пожелания Вашей домашней церкви и благословение рукою моею. Мир Вам!

С любовью, Ваш А. Н.

11 января 1951 г.

✧✧✧✧✧

† *Милость Божия буди с Вами!*
Мой добрый отец Иоанн!

Вчера (17.IV) получил посылку и давно жданную весточку. Не беспокоился я о заказе, а боялся, не

случилось ли что нехорошее с Вашей семьей. А оно так и вышло, ну о сем после.

Митра получилась весьма хорошо. Верю, как трудно было достать необходимое для ее устройства. Образа прекрасные, достойные высшей похвалы! Верю, что все устроено по Вашему указанию и согласно Вашего вкуса. Земно кланяюсь Вам, благодарю за любовь Вашу и хлопоты. Благодарю и матушку, потрудившуюся в устроении митры: мастерица она хорошая. Посылаю ей моею рукою благословение Божие и прошу сообщить ее святое имя, дабы мог, воздевая на главу «шапку», произнести и ее имя. А может быть, к этому нужно и некое приложение? О сем, прошу, сообщите. Все это хорошо и радует меня.

А вот Ваше горе и Володи тронуло глубоко и мое сердце... Не знаю, как вы думаете, а я себя утешаю только мыслью и упованием на милость Божию и особый о ней Промысл Божий: юная, чистая душа ее отошла ко Господу. Смерть ее была мученическая — неожиданная. Я сравниваю ее кончину с кончиной праведного Артемия Веркольского, он юный, как ангел Божий, нес на поле родителям обед, ударил гром и молния поразила его насмерть... Господь принял его душу, а Святая Церковь чтит его иже во Святых. Не надо поражаться такой неожиданной и нежелательной кончины ее: глубоко верьте Вы и Володя в благий о Милочке Промысл. Будущее ее земное нам неизвестно, а настоящее уверяет в особой к ней милости нашего Создателя. Матерь Божия причислит ее к тем святым отроковицам, какие Ее окружают во славе с отроковицей Музой († 18 мая) и с Артемием Веркольским († 23.VI и 20.X в день моей хиротонии).

Итак, мой дорогой, имея веру в особую промыслительную любовь Господа ко внучке Вашей, успокоим свое сердце, молясь о причислении ее к лику Святых. Мир Вам и всем скорбящим! В моем синодике прибавилось еще одно имя отроковицы Людмилы...

Сообщение Ваше о переводе митр. Вениамина на Ростовскую кафедру первая новость. Все же надо рассматривать это событие как повышение для Святителя. Может быть, Вам ведомы по слухам причины его перевода — поделитесь. Архиепископа Филарета не знаем, а этого знали хорошо.

О себе что сказать? Могу хвалиться только слабеющим моим здоровьем. После перенесенных двух болезней сердце мое плохо себя ведет. С завтрашнего дня перехожу на лечение гомеопатией, в полезность коей верю. Верю и в то, что из «старика не сделаешь молодца», только бы поддержать себя.

Близится Страстная Седмица и Пасха. Работы у Вас будет хоть отбавляй, а силы все же уже старческие... Подкрепи Вас Господь особенно на этот трудный период! И дай Вам в радости встретить и проводить Святые дни Пасхи Христовой!

Пожелание сего и всей Вашей домашней церкви с прибывшею гостьей. Мать Вера присоединяется к моим пожеланиям с поклоном всем вам. Стала и она стара и слаба, слабее моего бывает.

Братски Вас обнимаю и лобызаю лобызанием Пасхальным, ибо Христос всегда с нами.

С любовию, Ваш А. Н.

Еще раз благодарю за митру. В пасхальную службу глава моя украсится «Рижской» митрой. Спасибо, дорогой!

18.IV.51 года

28.VI. 12 час. дня 51 г.

† *Дорогой и незабвенный отец Иоанн!*

Сейчас получил Ваше «авиаписьмо». Сердечно благодарю за память о худости моей, но прошу любовно простить меня за столь краткий и спешный ответ: в час дня я должен выехать по епархии на своей «Победе». Поездка займет 2–2,5 недели. Хоть и слабовато чувствует себя мое сердце, но соскучился так долго сидя дома, да и служебный долг того требует: где освящать будем молитвенные дома, где мирить причт и церковный совет и подобные дрязги разбирать. Надлежит посетить 12 приходов... Бог поможет!

...Митра! Рижская митра была большой неожиданностью и для духовенства, и для алтарников, и для верующих вообще. О ней я никому не говорил. Облачился в Пасхальную Заутреню, а митру сию временно спрятал. Пришло время ее надевать... Ищут старую митру, и не найдут... Волнение... Я и говорю: «Ну, давайте, какая есть... Вон митреница железная»... Раскрыли... и все были удивлены приятно — «Откуда такая?», «Кто дал?» — «Ласточка из Риги в носике принесла!..» Приятно было...

Иду в крестный ход и слышу: «Смотрите, смотрите, у владыки чудная, новая митра...» Да!.. Митра красавица. У нас ее зовут «Рижская красавица»!

Вспомнив этот момент, в чувстве радости объемлю Вас и братски целую и много, и много благодарю. Желаю в радости провести день Ваш престольный!

А пока, простите, спешу. Приветы и благопожелания!

Целую любовно. Ваш А. Н.

Простите, машина у ворот.

27.X.51 года

† *Дорогой, незабываемый отец Иоанн!*

Более двух месяцев прошло с тех пор, как я получил Ваше милое письмецо с двумя фотоснимками, получил как раз в день моего отъезда, 17 августа, в длительное путешествие по епархии. Всего в пути был 30 дней. Рассчитывал ответить где-то, но не вышло это: службы за службами, переезды за переездами.

В Петропавловске совершил подряд три освящения престолов в отремонтированном Петропавловском старинном соборе. В день 29.VIII, то есть в день Вашего престола, совершал также четвертую подряд праздничную службу.

В гор. Кокчетаве освятил четвертый престол. Служил и в двух других областных городах. Всех церковных служб за время (23 дня) совершил около 20-ти. Был свидетелем и участником больших церковных торжеств. В пути туда и обратно пришлось пробыть в вагоне 7 суток... Удовольствие не из приятных.

Под конец моих служб я окончательно изнемог, надо было бы побывать еще в одном областном граде, но меня буквально «скрючило». Начал уже ходить на один бок, и я вернулся к себе, чувствуя себя немного крепче Евангельского расслабленного. Врач-сердечник, разумеется, уложил в постель, назначив на 1,5–2 месяца режим.

Да и это надо было сделать. Не скажу, чтобы все это было «ревностью не по разуму», но труд превзошел мое усердие, и я сдался. Теперь служу реже в храме (по воскресным дням), будние акафисты, их четыре в неделю, мало совершаю, в канцелярию раза два хожу (хотя бы на пять минут); гуляю, лежу, сплю.

Конечно, это режим слабый, но как можно удержать себя дома, когда в храме идут службы? Скучает, тоскует по ним душа... Ну, и забудешь про доктора и режим и неожиданно появишься в храме.

Храм наш недалеко от моего дома — 5 км. Езжу на «Победе», но и этим не велит доктор злоупотреблять. Так подорвались мои силы этой поездкой. Остается в моем желании в ноябре (ц. ст.) посетить еще два града, — но как Господь силы даст.

Ваша епархия маленькая, а у меня 16 областных градов — целая республика. За время моего служения посетил все областные и районные города, иные по три-четыре раза. Остался один непосещенный ввиду отсутствия хотя бы сносного транспорта. Даст Бог силы, будущим летом навестим и другие оставшиеся грады и веси.

Люблю посещения эти: сколько радости духовной они дают верующим и нас ею питают. Входишь в храм, — то платки, то полотенца бросают под ноги, то весь путь до храма цветами и розами устилают. Слезы умиления невольно текут из глаз...

Кто я, что оказывают такую честь, как Христу? Да! Потому что мы Его служители, посему и честь подобную нам воздают. Любит народ архиереев и их службы! А мы в смирении сердца скажем: «Не нам, не нам, а Имени Твоему Слава, Господи!»

Вот и я утешен сейчас, поделившись впечатлениями поездки с тем, кто меня поймет, ибо и он, как и я, любит Бога и Святые Ему службы.

Спасибо, мой родной, за приятное письмецо, за фотоснимки. Как все у вас благолепно и красиво! Этой красоте храм во многом обязан Вам, добрый пастырь...

Како же Вы поживаете? Отец Владимир уже устроился на новом месте? Как живет Анечка с суп-

ругом и маленькой Маринкой? У нас в Алма-Ате рыбы нет, но привозят небольшую и вкусную рыбку и зовут ее «Маринкой». Правда, весело? На сем кончаю. Приветствую Вашу домашнюю церковь, благословляю и Вашу святыню лобызаю. Храни всех вас Господь.

С любовью, Ваш А. Н.

1951 год

† *Мир Вам, дорогой друг о. Иоанн!*

Вот я побывал в епархии. Пробыл немного, всего 12 дней. Посетил два областных города, два сахарных и свинцовых завода и три села. В одном освящал молитвенный дом.

Служб было много. Тепла, духоты в молитвенных домах, как в бане, но все это время я себя чувствовал хорошо и бодро. Воздух в той местности здоровый, а это первое условие для меня. Здесь не то, и это «не то» я сразу почувствовал по возвращении. Перемена места, новые люди, обстановка, службы, настроение молящихся, — все это дало бодрость духу и крепость силам. Вкусивши сладкого, — хочется продолжать это сладкое и далее.

Если Господь благословит, после праздника Преображения имею намерение посетить еще несколько городов и сел. Предположено совершить четыре освящения храмов (не новых, а реставрированных). Поездка продолжится более месяца. Господь даст силы, укрепляя мою немощь, и я надеюсь и эта поездка будет мне на пользу.

Первую поездку я назвал для себя «духовным курортом», где имел нужный отдых, и здесь хочу его иметь.

На глубокую осень оставляю четыре-пять областных городов. Хочется и их навестить, — время идет, силы слабеют, и, может быть, в последний раз я увижу моих духовных овечек...

Бог весть... А хочется и еще и еще их видеть, несмотря на то, что в иных городах побывал 4–5 раз. Не хочу быть в долгу у деток духовных, и принять от Господа именование «рабе ленивый и нерадивый»...

Посылаю Вам, мой дорогой, три последних дней фотоснимка. На одном из них Вы видите на главе моей «Рижскую» митру и посох орловский. На другом также митра и дикирий орловский, облачение белое, чесучевое, и третий снимок покажет мою братию духовную соборную. Все мы на амвоне нашего Никольского собора трехпрестольного. Живопись главного придела Васнецовская. Приведен собор в надлежащий вид только в 1948 году.

<...> Живем мирно, любовно. «Что есть красно — еже житие братии вкупе». Жаль здесь нет нашего любимого старца-духовника: кроткого, уставщика, благоговейнешего служителя престола. Слава Богу за все сие!

<...> Приимите, прошу с любовью, и будьте все здоровы! Благословение Господне приимите с амвона Никольского собора. Мир Вам!

С любовию, Ваш А. Н.

Мать Вера шлет свой радушный привет.

∽∽∽

† *Глубокочтимый* о. *Иоанн!*

Сердечно благодарю за поздравление меня с днем Ангела, за добрые пожелания и молитвы. Взаимно и Вам желаю многих и богатых милостей от Господа за молитвы Святителя Николая.

<...> День моего Ангела и престольный день Варвары Великомученицы осчастливил приездом ко мне Новосибирский митр. Варфоломей, мой старый друг (89 лет). Торжество бысть велие. Десять дней провел он у меня, в моей убогой келии. Беседам и конца не бысть. Вот и говорим с митр. Варфоломеем, а почему бы другу, лет помоложе о. Иоанну, не посетить нас и не принести радость дому нашему?.. А хорошо бы было...

Како поживаете? Зарубцевалась ли рана, нанесенная почившей? Привет и благословение дому Вашему.

С любовью, А. Н.

Студенту Московской Духовной Семинарии, затем Академии, и, наконец, священнику Алексию Глушакову

† *Милость Божия буди с тобой, дорогой Алеша!*

Много, много и я, и о. Исаакий, и о. Анатолий утешаемся твоими письмами к нам, а более тем твоим добрым настроением, какое мы через строки письма усматриваем в твоем сердце. Радуемся и Господа благодарим.

Помоги тебе Иисус Христос углубить сие доброе настроение и сделать всеобъемлющим всего твоего духовного человека. Ввиду твоего желания быть только «добрым пастырем» в Христовой Церкви, это настроение необходимо. Добрый пастырь только и делается таковым через доброе христианское настроение. Без него он может быть хорошим требоисправителем и даже оратором, но не «добрым пастырем» в подражание Христу Пастыреначальнику нашему.

А все сие дается нам от Святаго Духа. Через аскезу оно выражаться должно в чистой жизни, в чистоте мыслей, желаний, движений плоти. Приобретается она подвигами молитвы, воздержания вообще.

«Познай себя» — с этого начинать должно восхождение к совершенству: кто я? Познавши себя, увидишь всю свою скудость духовную и сердечно будешь прибегать к Источнику благодати, без коей ты ни своими силами, ни подвигами ничего не можешь.

«Без Мене ничего не можете творити», — ясно и определенно.

Имей, мой друг, спутницами твоего духовного роста — молитву, смирение, чистоту своего девства. Сими при помощи Божией спасен будеши.

Все, что есть хорошего, святого, назидательного в условиях твоего окружения, приобретай и храни крепко в сердце своем. «Время — золото», и ты дорожи им, дабы после не пожалеть о праздно проведенных ушедших годах юной жизни — старость не восполнит упущенного.

В свободные от молитвы и занятий часы питай свой ум душеполезными чтениями, веди дневник записей умных советов, святых изречений, наставлений и будешь «великий купец», по слову канона св. Андрея Критского.

В занятиях науками прилежи с великим усердием. Все сие ты и сам добре знаешь, а принять мой отеческий совет, полагаю, не откажешься.

Используй хорошенько святые дни поста для усвоения чувств раскаяния и смирения.

За все твои добрые пожелания много благодарю. Взаимно и тебе всех благ от Господа желаю во спасение.

Да благословит тебя Господь Своим благословением во всем и на вся!

Привет мой и благословение и прочим нашим юным семинаристам.

Спаси вас всех Христос!

С любовию, А. Николай.

25.III.48 г.

Прими привет от м. Веры, о. Исаакия, о. Анатолия и всей братии.

∾∾∾

† *Сердечно поздравляю тебя, Алеша дорогой, и сущих с тобою, с праздником Св. Пасхи и радостным приветствием «Христос Воскресе!»*

Свет Воскресения Христова, всему миру воссиявший, да исполнит души ваши и радость св. неотъемлему да соблюдет!

Много утешен, мой дорогой, письмами твоими, а больше успехами в науках, примерным поведением, высокохристианским настроением. Да сохранит Господь тебя навсегда в благодатном, чистом общении с Собою! Да дарует особую любовь к чтению Слова жизни и усвоению сердцем Его святой воли!

«Возлюблю Тя, Господи, Крепосте моя»...

Братски лобызаю тебя и тако возопием:

«Христос Воскресе!»

С любовию, твой А. Н.

13.IV.49 г.

∾∾∾

† *Милость Божия буди с тобою, с тобою всеми нами именуемый «Алеша», не карамазовский, а наш дорогой, сердцу близкий Алеша!*

Получил твое письмо. Сердечно благодарю за добрую память. Условия твоей семинарской жизни, твои занятия и успехи меня и всех нас радуют.

17 Зак. 27082

Более всего меня утешает твое духовное настроение, каковое благодатию Святаго Духа да крепнет в тебе, питая всего твоего духовного человека! Это то бесценное, хорошее, что должно быть положено в основу истинного пастырского служения.

Мы знаем высокообразованных пастырей, но мало среди них видим «добрых пастырей, пасущих стадо Христово не ради хлеба куса, а ради Господа Иисуса»... Печальное явление! Объясняется оно тем, что в Семинариях преподавали высокие доктрины философские, богословские, но не обращали внимания на настроение учащихся, — говорю о Семинариях прошлого времени, когда и я учился в них.

Ваша Семинария, окормляемая самим Патриархом, овеваемая теплотою молитв и святости преп. Сергия, находится в благоприятных условиях, она может, думается, помочь приобрести юноше чистое, полное любви к пастырскому подвигу настроение, стремление.

Все зависит от себя самого. Вот я желал бы, чтобы, сохраняя свое сердце от дурных влияний, извне приходящих, ты обратил бы особенное внимание на созидание паче всего Христова настроения.

Частые посещения богослужений, участие в них не формально только, а участие с переживанием всего того таинственного, что содержится в службах православных, созидает в нас молитвенное настроение, страх пред Богом и благоговение в совершении церковных служб, что мало мы видим среди белого духовенства.

Изучай, мой друг, наши службы, особенно Литургию, проникайся их Божественным содержанием, и это на всю твою жизнь сделает тебя верным служителем Божия престола.

Учителем воздержания не один св. Николай должен именоваться, а и всякий пастырь добрый — сего ради и сам он должен быть образцом воздержания ко всему. Чтобы приучить себя к воздержанию, читай книги аскетического содержания.

«Аскеза нужна для монахов», — говорят служащие плоти иереи. Нет! Она прежде всего нужна иерею, учителю воздержания.

Епископа Феофана «Письма о духовной жизни» дадут тебе много в основу воспитания себя в таком направлении. И других аскетов русских не забывай — преп. Серафима, Амвросия Оптинского. Все, что найдешь в этом духе — читай и выписывай в дневник личный для себя то, что полезно и приемлемо.

Думаю, что не плохой сим даю тебе совет. Советую, если есть желание и возможность, продолжить учение в Духовной Академии. Поступай с Богом. ☦ Бог да благословит в этом тя.

С любовию, А. Н.

27.III.50 г.

☦ *Дорогой Алеша!*

Наконец получил твое долгожданное приятное извещение о поступлении твоем в Духовную Академию. Я, о. Исаакий и о. Анатолий сердечно тебя поздравляем и духовно радуемся за тебя. В этом видим благость к тебе Отца Небесного и Его Святой Промысл, ведущий тебя к служению Святой Матери нашей Церкви в условиях получения тобою (в Академии) высшего богословия. Именно «богословия», а не знания учебников богословия.

Истинный пастырь, каким ты хощешь быти, есть истинный усвоитель, носитель истинного богословия

Православного. Мало у нас «добрых пастырей», так как они не имеют в себе богословия, каковое приводит носителей его к познанию Истины, яже есть Христос, и усвоению воли Божией, так, чтобы во всем пастырь мог всегда говорить словами Христа: «Не да творю волю Свою, но волю Отца Моего Небесного...» Поставить выше всего в жизни волю Божию, получить все: и знание Истины, и любовь к служению Церкви, и терпение, и смирение.

Все сие, как дар Божий, усвояется не сразу, а дается путем подвига, каковой предлежит тебе прияти в усвоении истины богословия в школе высокого значения.

Бог да благословит тебя на труд сей. Приложи сразу все свое старание к занятиям. Усваивай дух, а не внешность храма науки чрез старательное понятие богословских истин.

Ты любишь богословскую науку; Господь благословит поставить тебя для ее усвоения. Войди же во вкус ея и питай свой ум и сердце ея сладостию духовною.

Преподобный Сергий да будет твоим вдохновителем! Посещай Его, молись Ему!

Мир тебе и наше благословение. Привет братии Казахстанской.

С любовию, А. Н.

15.X.50 г.

30.V.51 года

☩ *ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!*

Сегодня, Алеша дорогой, получил твое второе письмо, в котором ты просишь дать «скорый» ответ на волнующий тебя вопрос о принятии священства. Сегодня же отвечаю.

Ответ мой на нужное разрешение вопроса остается тот же, какой дан тебе в предшествовавшем письме к тебе. Ты, я надеюсь, его получил и знаешь.

☩ Мы послали тебе Божие благословение на вступление в брак с Валей, на приезд к нам, на принятие благодати священства, с назначением на приход. Здесь разрешим и вопрос о заочном продолжении академического образования. Таково наше общее (триумвират) решение, и ты, не смущаясь, приезжай.

...Все хорошее, благодатно высокое, что с нами совершается помимо нашей воли, — есть акт воли Божией. Кого Господь усмотрит достойным призвания к служению в священном сане, того призовет.

Святой Иоанн Златоуст, как и ты, считал себя недостойным высокого сана священника, а когда пришло время осуществления воли о нем Божией, сделался служителем алтаря.

Призвание к священству не в нас самих, не в нашем определении: «достоин» ли я или «недостоин», а в определении Премудрого Господа: «Не вы Меня избрасте, а Я вас избрал» — слово Спасителя к Апостолам. Думали ли рыбаки (Симон, Иаков и другие) быть Его Апостолами, а таковыми соделались, будучи уже призванными. Призвание Господне обеспечивает нам Его сильную помощь в благода-

ти, «всегда немощная врачующая и оскудевающая восполняющая».

Будущее же по призвании от нас тогда зависит: идти ли путем святых Апостолов, подражая им, или гибельным путем Иуды... От последнего нас сохраняет благодать Святаго Духа, в первом — помогает.

Ты, Алеша, не можешь не видеть в путях хотя и юной жизни своей, ясное призвание к служению Богу. Случая, без участия Премудрости Высшей, разумного нет в нас. Не случайно то, что ты попал в наш город, в нашу семью, считая себя малоподготовленным. Ты поступаешь в Семинарию и даже в Академию. Что, Алеша, и это все случай? Нет! Конечно, нет: это этапы, ведущие тебя по пути призвания к высшему служению. Я так представляю себе твой путь жизненный. И если это призвание, то не только не надо от него уклоняться, но и без смущения подчиниться воле Божией, каковая совершается свидетельством и устами даже таких недостойных, как нас трое.

...В житиях Святых читаем. В одной области собралось духовенство и мирские избрать себе епископа. Выбор пал на одного благочестивого мирянина. Пред епископом и собранием, он, ссылаясь на свое «недостоинство», отказывался, а тою же ночью убежал из города в покрытое возросшей пшеницей поле и там спрятался до окончания собрания. Члены собрания решили отыскать избранного следующим образом: помолившись Богу, они пустили за город осла. Сей последний, руководимый Господом, пришел на то место, где спрятался «недостойный» — избранный, и остановился... И, конечно, бысть епископом области...

Оставив за собою спасительное чувство «недостоинства», приими наш совет: устраивай брак (хо-

рошо бы в Духов день) и с Богом в Алма-Ата... Об Иоанне Златоусте лично поговорим. От души принял твое душевное изъявление; от души моей, как сыну, пишу сии строки: здравствуй и спасайся!

С любовию, твой Архиеп. Николай.

✝ *Дорогой отец Алексий!*

Прости меня, что, получивши твое Рождественское приветствие, не ответил тебе. Причин много: то болезненное мое состояние, в котором врачи запрещают мне и много читать и много писать, то длительная болезнь глаз, когда я до двух месяцев лишен был смотреть по-человечески. Теперь лучше себя чувствую.

А все же я дряхл стал и слаб. Первую неделю Великого поста я посещал св. храм — Господь Сил давал мне к этому силы. Хотя за службами больше сидел. Службы совершаю только по воскресным дням. Вторую и третью недели мне велено отдыхать, и я отдыхаю, боясь себя «переутомить». И сие не от своего произволения, а от послушания врачу телесному.

Всему свое время и свой час: нам молиться, а вам, молодые пастыри, расти, цвести, украшенным красотою христианских добродетелей, идти на смену нам старым и слабым...

Идите, мои любезные, поработайте на Христовой ниве «подвигом добрым», отдайте себя всецело Пастыреначальнику Иисусу, призвавшему вас к великому служению Церкви, юже Он стяжал Своею Кровию.

Не бойтесь трудов, опасностей — «немощная укрепляющая» благодать с Вами. Ее вы приняли на веки. Она ваша «крепость и сила»... «Ты моя Крепость, Гос-

поди, и сила; Ты мой Бог — Ты мое радование», а я добавлю и «блаженство».

Я верю, что ты, мой Друг, бодро, светло смотришь на свое будущее служение иерейское. Те святые блаженные радости, какие ты испытывал во время совершения Божественных Литургий в период пребывания в Караганде, во время совершения таинства Крещения, причащения умирающих, послужат тебе основой дальнейших блаженных состояний, какие даст тебе Бог за подвиги пастырства...

А потом... А там?.. А потом — там ты скажешь с ап. Павлом: «Подвигом добрым подвизался...» и т. д. до блаженного конца.

Дай, Господи, тебе сохранить веру в превысокое пастырское служение и сохранить цел и невредим тот залог, его же ты принял от руки Самого Христа, давшего тебе его рукою святителя. Это мое тебе отеческое от сердца желание.

«Ищите прежде всего (в себе) и в семье твоей паствы — Царства Божия, а все прочее (земное) приложится вам».

Спутником твоего пастырского служения, окормителем и небесным учителем благословляю иметь св. Иоанна Златоустого, коего творения (все 12 томов 2-го издания) даю тебе, как скромный дар моей к тебе любви.

Отец архимандрит Исаакий и м. Вера о сем осведомлены. Для меня еще остается 12 книг, приобретенных в Д. Академии, охотно поделился бы и другими книгами, но не знаю, что тебе надо. Можешь сообщить.

Церковные службы у нас и вообще уклад церковной жизни ты знаешь — особых перемен не произошло.

Приветы твои к отцам Исаакию и Анатолию переданы мною и м. Вере.

† От меня приими ты, мой дорогой, благословение для себя и твоего подружия.

Спасайтесь о Господе!

С любовию, твой архиеп. Николай.

20.III.54 г.

Вот рука моя устала и почерк ослабел.

К монахине Екатерине

† *Милость Божия буди с Вами,* о *Господе дорогая матушка Екатерина.*

Много я перед Вами виноват своим молчанием на Ваши всегда приятные письма — простим вся Воскресением.

Последнее Ваше письмо остановило мое серьезное внимание — Вы больны, больны серьезно. Вы в Вашем смирении терпите боли и не говорите нам. Мы по слухам узнаем о сем. Если болезнь Ваша не уступит лечению во вне, то будем оздоровлять себя лекарствами из аптеки духовной. И здоровье, и болезни нам подаются от Господа, как лекарства духовные и естественные.

Я верю, что Вы укрепились в том, что болезнь Вам дана от Господа во спасение души. Если так, предпочтем небесное земному. Претерпим мало от страданий плоти, да восприимем радость небесного. Сею болезнию Ваша душа, аки злато в горниле, очищается от грехов и делается приятной Богу. Господь с радостию взирает на Вашу душу, как на невесту, которая спешит одеть себя в достойную явления своему Небесному Жениху одежду. Вспомните сонмы муче-

ниц, и, главное, свою небесную покровительницу Екатерину, не в такие ли багряно-кровавые ризы были облачены сии девы-страдалицы, явившись к своему Жениху-Христу? В одежду святости одевает и Вас подобно сим невестам Его — Христос Спаситель.

Молитесь об одном, чтобы Господь даровал Вам тихо, со смирением перенести всякие боли немощной нашей плоти, с которой, быть может, скоро расстанется Ваша душа, и, как птица, радуясь, полетит в гнездо Небесного Орла — Бога Христа...

«Ты моя Крепость, Господи, Ты мое радование, Ты мой Бог» — надежда и упование мое — не оставь в горести моей... и подобными словами молитесь. Духом не падайте: Господь стоит у одра вашего и укрепляет Вас... «С нами Бог»... Сие все посылаю в дар душе Вашей.

О себе что скажу? Весь я ослаб, болен и сердцем, с его тяжелыми одышками, и ногами — и весь вообще в инвалида обратился. Надо иметь «покой» — врачи говорят, а где его взять?

Так вот еле-еле хожу, с трудом, редко служу, более лежу, да и лежать надоедает. «А тут неожиданная «награда» — надо же на нее более усиленной церковной работой отвечать,.. а силенок прежних нет. Вот такой я на 10-е марта.

Спасайтесь о Господе!

К духовной дочери Маргарите

† *Мир тебе, Маргарита дорогая!*

Получил твою весточку и очень благодарю за память и молитвенные пожелания мне полного выздоровления. Молитвы верных подняли меня, можно

сказать, со смертного одра. Я только этому и приписываю милость Божию к себе. Вот и твоя молитва помогла мне вместе с другими. Любовь Господня да воздаст тебе за любовь ко мне!

Сейчас я уже хожу на своих ногах без посторонней помощи, даже в храм хожу и служу. Часто все же за богослужением сажусь, ноги ослабели, да и сам я много слаб, одышка большая, расширено все же сердце и прочие немощи одолевают меня.

Буди здоровый воздух, я был бы героем?... Да не в моих летах быть «героем»... Был конь, говорят, да изъездился... Все же предполагаю съездить в отпуск в Семипалатинск моей епархии на отдых. Там здоровый воздух, река Иртыш, свой архиерейский дом и плюс ничегонеделание... Это и осуществится в конце сентября. Пути до С-ка полтора суток. Вот видишь, дорогая, я начал писать и письма друзьям, а то по четыре месяца лежат полученные мною письма — и это ради совета врачей и немощи моей — вот как у меня с моим здоровьем.

Ну, а ты? По-видимому, здорова, слава Богу? О Жене скучаешь и он взаимно о тебе, так оно и должно быть: кто же другой ближе? У тебя нет ни друзей, ни близких — ты одна, аки сиротка. Если находишь во мне близкого человека (друга), то и не спрашивай: «можно ли писать?» Конечно пиши. А если я мало и редко могу писать тебе, то любовно прости.

Пишешь: тяжело работать. Переменить работу только и можно после того, как Женя устроится основательно, а пока «помогай тебе, Боже!»

Не взыщи, дорогая, что немного пишу — и эти строки начали утомлять: главное сказал. Будь же здорова и Богом хранима.

С любовью, А. Н.

⁂

† *Мир тебе, чадо мое духовное, Маргарита!*

Получил твое письмо (10.II), где ты просишь прощение к наступающему В<еликому> посту, — что же мне тебе прощать, когда у меня в отношении тебя самые святые, безобидные чувства?

Но сколь требуется сие долгом христианина, я прощаю, взаимно и себе прося того же: Христос посреди нас! Ты вспомнила прощеный день, как он у нас проводился в Елецком... Чудная картина духовных восторгов, веяние Христовой любви! Ее нет теперь. Вот я провел этот чин в этом году, но не было того, что было тогда.

По слабости здоровья я мог проститься, как тогда, только с духовенством, преподавая общее благословение молящимся и... отправился домой, а отцы от 6 до 8 часов продолжали обряд прощения. Народа было тьма-тьмущая: силы мои уже не позволяют это сделать.

А все же слава Богу, я немного окреп здоровьем — хожу на своих ногах и по воскресным дням служу в соборе Литургию. Был я очень слаб, так что Николин день не был в храме. На Крещение простудился и до В<еликого> Поста был под режимом. Сейчас, в добрый час сказать, лучше себя чувствую: одышка со мною, но я с ней мирюсь.

Вот если доживем до лета, приедешь и увидишь старичка белого. Город наш весь в деревьях, как в саду. Если отпуск тебе дадут месячный, то с Богом приезжай. Побеседуем, давно не видались, давно не беседовали. Только надо списаться нам: в какое время ты будешь свободна — я подробно напишу маршрут следования. Так как твои денежные ресурсы слабоваты, то обратный проезд твой будет обес-

печен, о сем не горюй! Дай Бог в здоровье дожить до дней приятного свидания. А пока будь здорова и Богом хранима!

С любовью, А. Н.

---

† *Милость Божия буди с тобою!*
Чадо мое духовное Маргарита!

Передо мною два твоих письма. Второе так много меня порадовало: описание тобою священного торжества в соборе Св. Феодосия так дорого и приятно мне. Собор его мне сугубо дорог: в нем я принял благодать Епископства. Под день его памяти; в вечер, тобою описанный, я был не у себя, а в селе при станции Уш-Тобе (я был в поездке по епархии), и там мы служили службу с акафистом св. Феодосию. Быть может, в одни с вами часы славили Угодника... Наше торжество было скромнее вашего. Вы радовались, стоя перед ракой его святых мощей, — не менее и мы, далекие по расстоянию от Чернигова, радовались, имея у себя частичку святых тех же мощей и образ его, нашего общего молитвенника... Радость ваша с нами была единою...

Мне понятны твои святые настроения в этот священный вечер. Иными они и не могли быть. Духовная радость, духовный восторг души во столько выше всякой мимолетной земной радости, во сколько выше душа тела и вообще всего земного.

Меня весьма радует твое духовное настроение: да, храм есть тихая пристань, куда в горе и печали и скорби житейской стремиться надо нам.

Спасибо тебе, дорогая, за описание торжества.

Радует меня и вновь пришедшее доброе настроение Нади Арт. Увидишь ее — передай ей мой сердечный привет.

Не забыты в памяти моей все милые того времени «девочки», не тесно им было быть в моем сердце.

О Наташе У. и о других, кои утратили бесценный бисер — Христа — моя скорбь и печаль. Что знаешь о Верочке и Юрике Ткаченко? Елис. Конст., вас возглавлявшая в церковной работе, стала стара и слаба, — мне она пишет.

Вот и преисполнила ты мою душу приятными воспоминаниями прошлого жития нашего, доброго, славного под покровом св. Феодосия и Елецкой иконы Божией Матери. В моей келии имеются сии два образа: Елецкий и св. Феодосия (с частицей его мощей). Во дни его памяти мы, алма-атинцы, молимся в храме перед сим образом. Любовь наша к нему и здесь с нами.

Храни и ты, моя дорогая, эту любовь к св. Феодосию, имей веру несомненну в его ходатайство за нас, — и жизнь наша при всех ее мрачных, печальных страницах будет облегчаться его любовию и святыми молитвами. Св. отче наш Феодосие, моли Бога о нас!

Радуйся, Угодниче Божий, свт. Феодосие... поем и мы вашим черниговским напевом...

Мы не забываем вас, милые сердцу «черниговцы».

Венчание в соборах вообще не запрещалось. Если редко происходило, а это было и раньше, то потому что в городе было больше храмов, теперь за их малостью идут в соборы.

У нас в соборе частые бывают венчания, посему не смущайся. О некрещеных детях, как и о не принадлежащих к Святой Церкви, служить панихиды, то есть публично, народно — не разрешается. Дома мать может просить милости у Господа своему чаду, а себе прощения в грехе нерадения, допустивши умереть без крещения дитяти.

Отец Красовский был прав в этом отказе. О волнующих других вопросах прошу писать: письма твои читаю с удовольствием. Взаимный привет Феничке и пострадавшему Жене и вообще всем вам благословение.

Здравствуйте! С любовию, А. Н.

✝ *Милость Божия буди с тобою! Маргарита дорогая!*

Вот как удачно прибыло сегодня твое письмо (2.IV): имею возможность сегодня же и от себя написать тебе ответ. Твое письмо так хорошо написано по пунктам, что облегчается и мой ответ.

Благодарю тебя за поздравление меня с В<еликим> постом. Взаимно желаю тебе провести дни «Святой Весны» в бодрости духа и в крепости сил, в таком благодатном настроении, какое было достоянием твоего благодатного сердца, когда мы постились в Елецком монастыре. Да!.. то были дни особенные, незабвенные.

А службы, службы там Божии — редко где совершаемые... У нас, в нашем соборе, службы идут, особенно постовые, еще лучше: истовые, длинные, но не утомительные, я сам участвую в чтении, руководстве общенародным пением, каковое не в похвалу себе, единственное в России, а об Азии и не говорю... Конечно, моя болезнь подорвала сердце и вообще организм; нет прежней энергии, за службами часто сижу; и вообще реже стал служить, особенно акафисты. Боялся за первую неделю, но Господь силы дал.

Радуюсь за то чудное благодатное настроение твое от службы Прощеного воскресения в вечер. Правда — только в храме, при хорошей службе, и

можно душе, живущей в условиях суеты, найти мир и отдых...

Я радуюсь, что в этом случае мы с тобою согласны. Тебе, пережившей столько тяжелого, печального в прошлом, да пожалуй и сейчас, — единственным утешением послужит Божий храм.

«Где тихая пристань (душе)? Святой Божий храм — сюда, мой товарищ, спешить нужно нам», — гласит одно стихотворение духовное. Люби, люби, моя дорогая, Божий храм и при возможности его посещай...

Боль сердца твоего об исповеди, творимой батюшками над 5–7 исповедниками — понимаю и разделяю. У нас этого пока нет. Много бывает исповедников, но наши духовники, как ни трудно им, совершают исповедь поодиночке. Перед исповедью я прочитываю молитву, где перечисляется множество грехов, — это ускоряет исповедь для священнослужителей, так как молитвой прочтенной подготавливаю людей к исповеданию своих согрешений, они уже знают, что надо сказать духовнику. Пока я жив и здесь — дело исповеди и причастия идет образцово. Много значит доверие к духовнику — и я одобряю твое намерение идти к о. Сергию: так его одного и держись.

Женю, и тебя с ним, очень жаль, что так случилось, — но милостив Господь, не теряй надежды, «всэ будэ добрэнько»[1], — как говаривал покойный архимандрит Лаврентий, — и Женя твой устроится. Временно пусть он пройдет гр. стаж, надо согласиться, а потом надо согласиться и с его шофер-

[1] Речь идет о преподобном схиархимандрите Лаврентии (Проскуре (1868–1950 гг.), старце Черниговском, с которым, несомненно, владыка Николай был знаком в бытность свою в г. Чернигове.

ством. У нас имеется автомашина «Победа», и шофер наш не только получает приличный оклад (1000 р.), но и занимает привилегированное положение. Молись, молись о сыне свт. Спиридону Тримифунтскому, дабы сей Святитель устроил Женю по желанию твоему. И еще одно: не падай духом, чтобы ни случилось с тобою в жизни, — я хочу, чтобы ты всегда, при всех условиях жизни была крепка верой и весела духом. «С нами Бог!»...

«Радуйтесь всегда», — апостол говорит, и мы, имея в себе Христа, должны всегда если не радоваться, то не унывать.

Господь да удостоит тебя Святого Причащения и даст радостно встретить Светлый день Пасхи! Прими с Женей и Феней моею рукою Божие благословение.

С любовию, твой богомолец А. Н.

P.S. Без смущения всегда письма свои печатай на машинке, печать у тебя ясная, четкая.

⁂

† *Милость Божия буди с тобою, моя дорогая!*

Получил твое полное горечи, тоски письмо, а сейчас только собрался тебе писать. Прости меня, что вследствие плохой, ослабевшей памяти моея позабыл день твоего Ангела и не поздравил тебя. «Лучше поздно, чем никогда». Сердечно поздравляю и молитвенно желаю бодрости духа и крепости сил! Тяжелое твое положение в условиях одиночества — понимаю, разделяю скорбь твою, — но утешаю себя тем, что в минуты великой душевной скорби, не имея около себя человека, коему ты поведал бы «свои печали», — ты находишь утешение в Боге и в молитве к Нему.

«К кому прибегну в горести моей? Аще не к Тебе, Владычице моя...» Истинное утешение и может быть в Том, в Ком нет страданий и печали, то есть в Боге.

Так всегда и в будущем будем в беседе с Господом находить успокоение. Слышишь, как тебя зовет к Себе Господь? «Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные и Я упокою вас». Вот тебе тяжело стало в день твоего Ангела — ты особенно почувствовала одиночество, и ты решила побеседовать с тем, кто поймет тебя: ты написала мне это письмо и, верно, уже во время написания скорбь твоя изливалась в строках письма, тебе стало легче, а когда ты побывала в соборе — тебя Господь успокоил. И впредь: когда тебе будет тяжело на душе — бери перо в руки и мне все о себе напиши — и не думай, что ты своими письмами меня «утруждаешь». Я все с любовью выслушиваю.

Воспоминание о хорошем прошлом, которого мы были участниками, много придает духа бодрости, но... и вызывает чувство жаления: почему это хорошее не с нами. И я часто вспоминаю светлые дни пребывания в Елецком... Многих близких тогда мы теперь не видим и не имеем...

Видно, Господу угодно, чтобы мы кончали свою жизнь в условиях одиночества. А, может быть, и лучше быть одному? Люди так изменились к худшему: неправда, лесть, обман и прочее тебя окружало бы при множестве, — было бы больше обиды на людей, — а здесь ты один, да Отец Небесный с Тобою. Господь, ищущий нашего спасения, ставит нас в такие жизненные условия, в которых нам наилегче спастись.

Скорбно твое одиночество, но не жалуйся на него. Боишься, что Женя тебя когда-то оставит — и это-

го не бойся: «всэ будэ добрэнько», так говаривал покойный о. Лаврентий, и я это тебе повторяю. Ну, будь здрава и Богом хранима ты и сынок Женя.

Мир тебе!

С любовию, твой богомолец А. Н.

К московским заочным друзьям супругам Добровольским

14.VI.51 года

† *Милость Божия буди с вами!*

Многоуважаемые Владимир Владимирович и Анна Сергеевна!

Молитвенно призываю сию милость Божию на Вас и Вашу неожиданную милость!

Это была поистине милость души верной, ибо она совершена во имя заповеди Христовой: «Благотворите и взаймы давайте, не ожидая ничего и будет вам награда великая и будете сынами Всевышнего» (Лк. 6, 35).

Что же я воздам воздающим мне? Молю и буду молить Его благость, да исполнит Отец Небесный на Вас Свое обещание о «великой награде»... «достойному достойное».

Мой Синодик (то есть поминание) с любовью принял вписанные в него два имени — Владимира и его подружия Анны.

Спаси Вас Христос!

С любовию к Вам, благодарный Арх. Николай.

P.S. Да не лишит Господь Своея милости и добрую Нину Михайловну.

---

† *Милость Божия буди с Вами!*

Други мои дорогие!

Достоуважаемые Владимир Владимирович и Анна Сергеевна!

Прежде настоящего писания прошу себе прощения за долгое молчание: простите!

Болезнь сердечная, а потом и болезнь глаз (сперва одного, а там и другого) не дававшая возможности ни читать, ни писать — наложили на меня молчание (вообще).

Сейчас мне лучше; а так как здесь доктора глазного нет — украдкой вам пишу не без опасения.

Пишу и благодарю любовь Вашу за память Вашу, и присланное от усердия Вашего: Господь да будет истинным воздаянием Вам в день праведного воздаяния, о чем молимся искренно.

Сердечно благодарю за присланное (2) фото, так меня умилившее ясно выраженным Вашим добродушевным настроением. Да и я не сказал бы, что на Вас оставили Ваши заболевания свои печати — Вы здоровы и желаю Вам быть здоровыми! Здравствуйте всегда в будущем!

Видя Вас на одной карточке обоих, я подумал: Как Господь (если можно выразиться) *удачно* свел воедино такую милую пару прекрасных, христианских душ, мудро для земного счастья в надежде небесного будущаго... Радуюсь за Вас, особенно при чудной характеристике о Вас Нины Михайловны, Лидочки, о. Исаакия и Александра Ивановича. Первая болеет и серьезно: у нея была сильная желтуха; немного стало ей лучше, но слабость особенно сильная. Дело в следующем, — говорю по секрету: она задумала принять монашество под руководством

о. Архимандрита. Он слишком требователен, а она слишком послушлива. Ежедневное посещение ею храма; чрезмерное воздержание в пище и проч. ограничения себя во всем, несомненно, были причиной ее тяжелой болезни, что и врачи признают. Очень жаль ее. Вздохните и Вы о ней в Святых Ваших молитвах. Вы ее любите. Она достойна этой любви ее знающих. Даст Бог она поправится. И сие буди, буди!

Теперь позвольте поздравить Вас, мои дорогие, с праздником Рождества Христова.

Мир, принесенный Рождением Господа нашего Иисуса Христа, да будет достоянием Ваших любящих Бога сердец!

Свет ночи Вифлеемской да светит в Вас, прогоняя всякую тьму житейскую, земную!

Будте здоровы и Богом хранимы! Мир Вам!

Приимите рукою меня недостойнаго Божие благословение (☩).

С любовию и уважением к Вам,
богомолец о *Вас А. Николай.*

6.1.54 г.

К Нине Михайловне Штауде

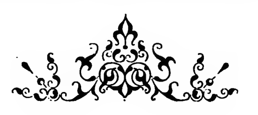
2.IX.51 г.

☩ *Многоуважаемая Нина Михайловна!*

В настоящие дни моего «отдыха» я читаю Вашу книгу «Буддизм и христианство». Для справок и пополнения мыслей, взятых из «Добротолюбия», мне необходимо иметь перед собою 1-й и 2-й тома «Доб-

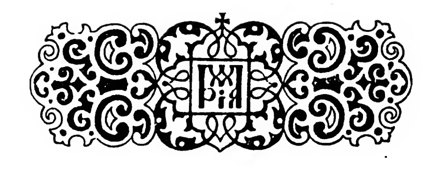
ротолюбия». Не лишним был бы и 5-й том, если таковой имеется (3-й и 4-й тома имею). Вы сказали, что у Вас имеются книги «Добротолюбие», — если можно, прошу Вашей любви доставить сии книжицы мне на дни моего «отдыха».

Уважающий Вас, Арх. Николай.



ТАЙНА ДУШИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

Святоотеческое учение о борьбе со страстями



Послушание диаволу

Не по гладкому и удобному пути идет человек в вечные обители Отца Небесного, а по тесному, узкому и тернистому пути борьбы, и скорбей, и труда, по отвалении тех камней, которыми завалили мы сами для себя вход в Царствие Небесное, по отверзении той нечистоты страстной, которой загружена наша душа.

Грехопадение наших прародителей для жизни всего последующего человечества имело принципиальное значение: им определяется вся последующая жизнь в ее основном направлении и существенном содержании. Чрез грехопадение в жизнь человека вносятся чуждые Богосозданной природе человека

начала. В душе человека открываются иные родники, — в них течет другая жизнь, и течет по другому руслу. Самое грехопадение делает природу человека поврежденной, и это поврежденное состояние является источником страстей.

В существе своем оно было «сознательной и свободной попыткой тварной природы утвердиться в своей автономии»[1]. «Прародителей наших хотя соблазнял сатана, но не связывал свободы, а только обольщал; потому и они, когда преступили заповедь, согрешили свободно, сами собою»[2]. «Адам по собственной воле преступил заповедь и послушал диавола», — говорит преп. Макарий Великий[3]. Человек согрешил, собственно, тем, что переставил центр своей жизни и деятельности от Бога на самого себя: вместо воли Божией началом жизнедеятельности он поставил волю свою. Самостоятельность человека выразилась в «стремлении его сделаться богом без Бога»[4].

Последствием такого стремления было то, что «Адам преступил заповедь Божию и, послушав лукавого змия, продал и уступил себя в собственность диаволу, и в душу — эту прекрасную тварь — облекся лукавый»[5]. Появление в душе человека нового, дотоле ему неведомого состояния — греха — было первым моментом нарушения воли Божией и послушания диаволу. Грех вошел в человека непосредственно после преступления. Сама душа как созданная по образу и подобию Бога не обладала гре-

[1] Зарин С. М. Аскетизм по православно-христианскому учению. Спб, 1907, т. II, с. 220 (далее в сносках: Зарин С., Аскетизм...)

[2] Епископ Феофан. Начертания христианского нравоучения, с. 146 (далее в сносках: Еп. Феофан. Начерт...).

[3] Св. Макарий Великий. Беседа 12, вопрос 8 (далее в сносках: Св. Мак. Вел.; указываются только номера бесед и вопросов).

[4] Зарин С., Аскетизм.., т. II, с. 221.

[5] Св. Мак. Вел., 1, 7.

хом[1]. Он был сообщен в акте обольщения диаволом, а воспринят человеком в акте нарушения воли Божией — в преступлении. «Лукавый князь облек душу грехом». «Эту необходимую часть человека, этот необходимый член его — облек в злобу, т. е. в грех»[2]. И не одну душу только он увлек, чрез грех «лукавый осквернил и увлек к себе всего человека»[3]. «Грех взял его (человека) в свое подданство — и, вошедши внутрь, овладел пажитями души до глубочайших ее тайников»[4]; «все естество ее и всю ее осквернил, всю пленил в царство свое, не оставил в ней свободным от своей власти ни одного члена ее... но облек ее в порфиру тьмы»[5]. «Вследствие этого в нее (в душу) вошло лукавство темных страстей»[6]. Теперь «владычественный ум его, зрящий Бога, уязвлен и омрачен. И очи его, когда недоступны им стали небесные блага, прозрели уже для пороков и страстей»[7]. Душа человека «не может ни сколько желает любить Бога, ни сколько желает веровать, ни сколько желает молиться»[8]. «Она видится много и ужасно страждущею, влекомою туда и сюда на работу каждой страсти и всякого дела укорного. Приемля повеление от демона, она беспрекословно делает повеленное»[9], «потому что со времени преступления первого человека противление (Богу) и явно и тайно, но во всем овладело нами»[10]. «Тогда мало-помалу начало возрастать зло и воцарилась

[1] Там же.
[2] Там же, 2, 1.
[3] Там же, 2, 2.
[4] Там же, 41, 1.
[5] Там же, 2, 1.
[6] Там же, 1, 7.
[7] Там же, 20, 4.
[8] Там же, 21, 2.
[9] Феодор Студит. Наставления монахам (169, 12) (далее: Феод. Студ. Наст.), Добротолюбие, т. IV, 328, с. 12 (далее: Доброт.).
[10] Св. Мак. Вел., 21, 2.

смерть»[1], так как «в грехопадении человек умер для Бога; живет же собственным своим естеством»[2], которое стало для него противоестественным. И «когда человек пал, то подвергся всестороннему расстройству и сам в себе, и в своих отношениях»[3].

В невинной природе человека, вышедшей из рук Творца, все потребности, стремления человека, выражающие природу и особенности его составных сил, были гармонически согласованы между собою, — низшие служили интересам высших и ими регулировались, а над всеми возвышался и господствовал дух[4].

Вследствие отчуждения от Бога — Верховного Источника жизни и бытия — в природе человека произошло коренное расстройство его потребностей, сил и способностей, проявившееся главным образом в нарушении их гармонического взаимообщения[5]. Дисгармония сил заменила собою гармонию; дух не мог быть властелином и регулятором души, а чрез нее и тела, но сам был увлечен в качестве служебной, орудной силы[6], так как душевные и телесные потребности стали заявлять себя настойчивее и осязательнее. И человек всем своим существом погряз в чувственности. В нем получила преобладание душевность и телесность, и стал человек душевен и плотян. «Нашедши превратно удовольствие в собственной свободе и отвергши служение Богу, душа лишилась прежнего повиновения со стороны тела; и так как по собственной воле оставила высочайшего

[1] Преподобного отца нашего аввы Дорофея душеполезные поучения и послания. Калуга, 1895 (далее: Авва Дор., Поучения), с. 23, Поуч. 1.

[2] Св. Мак. Вел., 12, 2.

[3] Еп. Феофан, Начерт., 49.

[4] Там же, 210.

[5] Иоанн Кассиан Римлянин, Собеседования египетских подвижников. Собеседование 23, гл. 13 (далее: Ин. Кас., Соб.).

[6] Зарин С., Аскетизм..., 230.

Господа, то не могла удержать под своею волею низшего слугу, и никоим образом не могла уже иметь плоть в подчинении себе, как всегда бы могла иметь ее, если бы сама осталась в подчинении Богу. Ибо тогда плоть начала похотствовать на духа» (Гал. 5, 17)[1]. «И теперь чувства управляют рассудком в ущерб влиянию его на деятельность воли; сердце не подчиняется доводам разума, и между ними и в душе человека происходит полный разлад[2]. Благодаря такой внутренней дисгармонии в душе первого человека создалась удобная почва для развития «дурных навыков» — страстей. С грехом «преступивший заповедь Адам принял в себя закваску зловредных страстей»[3], «удобную почву для сеяния бесами в нас зла»[4]. Такой почвой является «похоть» (concupiscentia), которая, по слову Антония Великого, «есть корень страстей, родственных тьме»[5]. Преподобный Иоанн Кассиан смотрит именно на похоть как на внутреннюю и общую причину всех пороков, страстей и вожделений, и это именно выражает название ее законом греха[6], сластию греховной[7] или, что то же, первородным грехом[8]; или, как выражается наш русский аскет еп. Феофан, — *самостъ*. Вместе с тем, как только человек произнес внутри решение: «так я сам устроюсь», — ниспал в самость, и в этой самости воспринял семя злых страстей, исходящих из сей самости и не

[1] Блаж. Августин, О граде Божием. Киев, 1907, 13 кн., гл. XIII.
[2] Ин. Кас., Соб. 23, 13.
[3] Св. Мак. Вел., 24, 2.
[4] Доброт., I, 167, 46–48.
[5] Доброт., I, 91, 157 (ср. Доброт., II, 375, 8).
[6] Иеромонах Феодор, Аскетические воззрения Иоанна Кассиана Римлянина, с. 113 (ср. Св. Ефрем Сирин, Творения, т. II, с. 168 (далее: Ефр. Сир., Твор.); Еп. Феофан, Начерт., с. 282).
[7] Феодор Эдесский, Доброт., III, 320, 7.
[8] Ин. Кас., Соб., 23, 12.

кореняшихся в естестве[1]. Эта «закваска страстей» сделалась причастной и всему роду человеческому, ибо не только «Адам принял в себя закваску зловредных страстей, но и родившиеся от него, и весь род Адамов по преемству, стали причастниками оной закваски[2]. И так закваска зловредных страстей заквасила род ветхого Адама[3]. Поэтому все мы, сыны этого омраченного, все причастны того же зловония. Какою немощию пострадал Адам, тою же пострадали и все мы, происходящие от Адамова семени[4]. Грех теперь является уже прирожденным; и он в каждой (душе) с младенчества вместе растет, воспитывает ее и учит всему худому»[5]. Таким образом, «зла и страстей по естеству нет в человеке»[6]. «Душа по природе бесстрастна. Страсти суть нечто придаточное, — и в них виновна сама душа»[7]. «Страсти греховные не законом в нас вселены. Бог создал естество наше чистым от страстей. Они исходят и рождаются прямо из самости и ни на что естественное не опираются[8]. Григо-

[1] Еп. Феофан. Толков. на Посл. к Римл. (7, 14). Творения Феофана Затворника, Толкование Посланий Апостола Павла, с. 423; (ср. там же, с. 431–459).

[2] Св. Мак. Вел., 24, 2.

[3] Там же (ср. Ин. Кас., Соб., 23, 12).

[4] Там же, 30, 8.

[5] Там же, 41, 1 (ср. 5, 3).

[6] Преподобного отца нашего Иоанна Лествичника, игумена Синайской горы, Лествица (далее: Ин. Леств.). С.-Посад, 1898. Слово 26, 67 (ср. 26, 105).

[7] Исаак Сирин (далее: Ис. Сир.), Доброт., II, с. 650, наставл. 25 (ср. Иже во святых отца нашего Аввы Исаака Сириянина, Слова подвижнические, с. 28, сл. 4).

[8] Еп. Феофан. Толков. на Посл. к Рим. (7, 17); с. 431, 389; ср. там же, с. 208, толк. на Рим. III, 12; с. 485, толк. на Рим. 8, 13. Авва Дор., с. 144; Авва Исаия, Доброт., I, 366, 7; Св. Мак. Вел., 4, 8; 46, 5; 1, 7; Преподобных отцев наших Варсануфия Великого и Иоанна руководство к духовной жизни в ответах на вопрошения (далее: Варс. и Ин.), Отв. 243; Ефр. Сир., III, 324; 110, 325; II, 433, 15.

рий Нисский говорит: «Несправедливо приписывать первые начала страстного расположения естеству человеческому, созданному по образу Божию»[1]. «Каждый из нас приходит в свет сей только с семенем всех страстей — самолюбием. Сие семя потом жизнию и свободной деятельностию развивается, растет и раскрывается в большое дерево, которое ветвями своими покрывает всю греховность нашу»[2].

Короче, суждения аскетов могут быть сформулированы следующим образом: страсти присущи природе каждого человека в силу общего (преемственного) происхождения от согрешившего праотца Адама; во-вторых, в Адаме же они являются как характерное выражение расстроенной грехопадением всей природы Богосозданного человека.

В человеке, унаследовавшем от своего прародителя готовую почву для страстей, воспрявшем от него «закваску зловредных страстей», самое развитие последних является делом свободной личности. «Позывы на то или другое греховное происходят из растления нашей природы, но удовлетворять ему — состоит в нашей воле»[3]. Общей почвой для удобного насаждения и развития страстей, как мы уже раньше сказали, является общечеловеческая греховность природы[4]. В частности, отцы-аскеты указывают на «падкий на помыслы»[5] и на «греховные воображения»[6] ум, из которого первоначально возникают страсти[7]. Св. Григорий Нисский утверждает, что все

---

[1] Григорий Нисский, Сочинения. В 8 т. МДА, 1861–1872, т. 1. «Об устроении человека» — гл. 18, с. 149.

[2] Еп. Феофан, Начерт., с. 169.

[3] Еп. Феофан, Начерт., с. 169–170.

[4] Ин. Кас., Соб., 24, 15; Ефр. Сир., т. III, с. 261.

[5] Прп. Исихий, Доброт., II, 189, 145 (ср. Ин. Кас., соб. 23).

[6] Евагрий-монах (далее: Евагр. м.), Доброт., I, 584, 48.

[7] Ис. Сир., Слова подвижнические (далее: Слова...), 81, 389.

они, т. е. страсти, проистекают из худого делания ума, из помрачения разума[1]. «Худое делание разума» является почвою, необходимым условием, существенным фактором происхождения, укрепления и развития страстей[2]. Главным слагающим и образующим страсть элементом, так сказать, «семенем», из которого впоследствии вырастает целое дерево страстное, служит «дурной помысл и услаждение им».[3] «Когда восприимешь мечтание о каком-либо чувственном удовольствии, поберегись, чтобы не быть тотчас увлеченным им»[4], — советует Антоний Великий. В этом смысле «помыслы», по выражению Григория Синаита, «суть слова бесов и предтечи страстей»,[5] так как приражения страстей начинаются тонкими помыслами.[6] Чрез эти самые помыслы, которым у отцов-аскетов дано название «злых и дурных помыслов», «нечистых, постыдных», «плотских, страстных» и тому подобное, — всякая страсть становится властелином порабощенного ею человека. «Если сердце ввергнется в омрачение нечистых помыслов, то уже будто насильно и против воли увлекается к страстному делу»[7]. Поэтому от подвижника требуется бдительность и осторожность, чтобы при нападении худых помыслов не впустить их до сердца, ибо от дурного помысла происходит уже грех[8]. Как и первоначальное зло наших прародителей состояло в том,

[1] Ис. Сир., Слова..., 81, с. 151.

[2] Там же.

[3] Ин. Кас., Книги постановлений... (далее: Кн.), 6, 3.

[4] Доброт., I, 93, 67.

[5] Доброт., V, 191, 67.

[6] Нил Синайский (далее: Нил Син.), Доброт., II, 296, 69. Евагр. м., Доброт., I, 608, 23; с. 603; с. 619, 2; с. 608; Ис. Сир., Слова... 39, 170. Сл. 48, 214.

[7] Там же, 294, 64 (ср. 286, 5); Еп. Феофан, Путь ко спасению, с. 276.

[8] Св. Мак. Вел., 16, 1.

что люди по собственной воле уклонились от *достодолжного помысла,* и душа, непричастная Божественной благодати, наполнилась великим зловонием лукавых помыслов[1] и постыдных страстей. Таким образом, начальным образовательным моментом всякой страсти является «худой помысл».

Все «дурные помыслы» как «злотворное семя постыдных страстей», по учению аскетов, происходят у человека от диавола. «Враг влагает в нас нечистые помыслы: высокоумия, тщеславия, зависти, клеветничества...»[2] Евагрий-монах говорит, что демоны вносят в душу представления чувственных вещей и по этим представлениям можно узнать, какой приближается демон[3]. Отсюда и самые помыслы называются «демонскими»[4], «диавольским насеянием»[5]. У отцов-аскетов мы находим довольно подробную демонологию — учение о действиях демонов на человека. И все они признают, что большая часть помыслов, и притом самых опасных, прикрытых видимостью добрых, внушается от диавола[6].

Суетные, худые помыслы тревожат нас против нашей воли и почти без нашего ведения обольщают нас, входя в нас так неприметно и хитро, что мы с трудом можем их узнать. Возникновение их не зависит от нас, но принятие их или отвержение в нашей воле[7]. «Чтобы помыслы тревожили душу или не тревожили, это не зависит от нас; но чтобы они оставались в нас надолго или не оставались, чтоб приводи-

[1] Там же.

[2] Ефр. Сир., I, 71.

[3] Евагр. м., О различных порочных помыслах. Доброт., I, 619, 2.

[4] Там же; Григорий Синаит: «Помыслы суть слова бесов» (см. Доброт., V, 191, 67).

[5] Нил Син., Доброт., II, 273, 50.

[6] Ин. Кас., соб. I, 19, 20; VII, 9.

[7] Там же, Соб. I, 17; ср. Ефр. Сир., Доброт., II, 374, 10; Феодор Эдесский, Доброт., III, 321, 9.

18 Зак. 27082

ли в движение страсть или не приводили — это зависит от нас»[1]. Никто не может быть обольщен диаволом, если не захочет дать ему согласие своей воли[2].

«Демоны вселяют в нас только помыслы[3], стараясь при посредстве их вызвать душу на грех»[4]. «Лукавый помысл, если найдет себе доступ в душу, услаждает ее лукавыми помыслами, чтобы потом умертвить; и делается лукавый помысл как бы сетью в душе, и ничем не изгоняется из души, разве только молитвою, слезами, воздержанием и бдением»[5]. И если человек не изгонит, не удалит от себя лукавых помыслов, они, «закосневая в нас», делаются гибельными для души человека и прежде всего «омрачают ум», а потом «низводят его во всегубительство и пагубу»[6]. «Помыслы, избодая душевное око, ослепляют нас, чтобы мы и наилучшими из заповедей пользовались наихудшим образом»[7]. Они «развлекают ум земным и тленным, не позволяют возлюбить Бога, или памятовать о Господе»[8]. Они «уносят разумение сердца» и предают душу на расхищение[9]. Таким образом, страстный помысл становится «источником и опорою растления нашей души»[10], и самою приятностию помысла делает нас пленниками себе[11].

Всех главных помыслов *восемь*, от которых исходят все другие помыслы. Первый помысл — чрево-

[1] Евагр. м., Доброт., I, 603, 1(«О восьми помыслах»).
[2] Там же. Ин. Кас., Соб. VII, 8; ср. «Цветник Духовный», 1 ч., с. 186.
[3] Евагр. м., Доброт., I, 630, 19.
[4] Там же, 634, 23.
[5] Ефр. Сир., Твор., I, 351.
[6] Евагр. м., Доброт., I, 577, 46; 581, 64; ср. там же, 626, 13.
[7] Нил Син., Доброт., II, 291, 46.
[8] Св. Мак. Вел., 15, 13.
[9] Нил Син., Доброт., II, 292, 56.
[10] Иоанн Карпафский, «Увещательные главы». Доброт., III, 85, 36.
[11] Ефр. Сир., I, 110.

угодия, и после него — блуда; третий — сребролюбия, четвертый — печали; пятый — гнева; шестой — уныния; седьмой — тщеславия; восьмой — гордости[1]. Полную характеристику их дает монах Евагрий[2].

Помысл чревоугодия, говорит сей отец, предлагает иноку (или вообще подвижнику) отступить от подвижничества, изображая ему могущие возникнуть от этого разные болезни желудка, печени, селезенки, водяную или другую какую-нибудь долгую болезнь, скудость врачебных пособий и отсутствие врачей. Приводит на память примеры братий, подвергшихся ради названного воздержания точно таким же болезням. Иногда враг внушает самим братиям, пострадавшим от воздержания, прийти к постникам и передать, что с ними было от слишком строгого воздержания.

Блудный помысл возбуждает плотскую похоть и приятностью возбуждений отклоняет воздержников от воздержания, внушая им, что от него им не будет никакой пользы. Оскверняя душу, он понуждает ее на срамные дела; и делает так, что подвижнику как бы самое это дело представляется пред глазами, он его видит и слышит как бы некоторые слова. При этом он заставляет думать, что трудно удержать огонь естества, делать насилие естеству, что хотя и случится от этого грех, можно скоро и покаяться по заповеди, ибо закон христианский человеколюбив: легко прощает грех кающегося человека.

---

[1] Евагр. м., Доброт., I, 603, 1; 608, 23 (ср. Ефр. Сир., Твор., II, 390; Нил Син., I т., 201; Ин. Кас., Соб. V, 2); Иоанн Дамаскин, Точное изложение православной веры, пер. А. Бронзова, Спб, 1894 г., гл. XIV, XVI. Особенность у приведенных отцов та, что Евагрий-монах и Иоанн Дамаскин на четвертом месте ставят печаль, а на пятом — гнев, а все остальные — наоборот.

[2] Евагр. м., Об осьми помыслах к Анатолию. Доброт., I, с. 603–605.

При этом для большей вероятности обольстительного своего совета может представить примеры того, как некие пали этой страстью, покаялись и были спасены[1].

Помысл сребролюбия указывает на долголетнюю старость, бессилие к рукоделию, голод, болезни, прискорбность скудости и на то, как тяжело принимать от других нужное для телесных потребностей.[2]

Помыслы печали стараются привести на память (подвижнику) дом, родных и прежний образ жизни. Когда увидят, что душа не противоречит, а, наоборот, услаждается приятностью воспоминания, — тогда они погружают ее в печаль, по причине того, что нет представленных предметов, да и не может быть их по уставу той жизни, которую ведет подвижник. «И бедная душа, чем увлеченнее разливалась в первых помыслах, тем более поражается и сокрушается вторыми».

Помыслы гнева быстро приходят в движение и воспламеняются против того, кто нас онеправдовал или только кажется онеправдовавшим. Они все более и более ожесточают душу; особенно во время молитвы похищают ум и живо представляют лицо, нас опечалившее. «Бывает, что иногда они (помыслы), закоснев в душе и изменившись во вражду, причиняют тревоги ночью, терзание тела, ужасы смерти, нападение ядовитых гадов и зверей».

Бес уныния, который называется также «полуденным» (Пс. 90, 6), тяжелее всех бесов. Он приступает к монаху (подвижнику) около десятого часа утра и «кружит душу его до часа осьмого» (второго пополудни). Он понуждает его часто посматривать в окно или даже выходить из келлии — взглянуть на солн-

---

[1] Нил Син., Доброт., II, с. 237, 31.

[2] Ср. Ин. Кас., кн. 7, 7–11.

це, чтоб узнать, сколько еще до девяти часов, причем не преминет внушить ему поглядеть туда и сюда, нет ли кого из братий. Тут он вызывает у него досаду и на место, и на самый род жизни, и на рукоделие. Затем наводит его на желание поискать других мест, где бы можно было меньше работать и было бы прибыльно. При этом часто внушает и такие мысли, что не от места зависит угодить Господу. Богу можно везде поклоняться. Связывает с этим воспоминание и о прежнем довольстве, пророчит долгую жизнь, представляет труды подвижничества и всякие употребляет хитрости, чтобы монах, наконец оставя келлию, бежал с поприща.

Помысл тщеславия есть самый тонкий. Он предстает пред теми, кои исправно живут, и начинает провозглашать их подвиги и собирать им дань похвалы у людей, представляя, как кричат изгоняемые бесы, как исцеляются жены, как толпы народа теснятся коснуться одежды его; предсказывает ему, наконец, священство, приводит к дверям его и ищущих его, которые, по причине отказа, уводят его связанного против воли, — и, возбудив в нем таким образом пустые надежды, отходит, оставляя далее искушать его или бесу гордости, или бесу печали. Бывает, что он и демону блуда предает сего, незадолго пред сим досточтимого и святого иерея.

Помысл гордости внушает душе не исповедать Бога помощником себе, но самой себе приписывать свою исправность и надмеваться над братиями, как невеждами, потому что не все так о ней думают.

Всеми этими и подобными помыслами враг старается ввести и душу в грех, поселить в ней зло и предать ее погибели. Однако не всякий помысл, пришедший от диавола, у человека является греховным, а только тот помысл, который удерживается человеком надолго у себя, ибо «лелеяние помысла

срамного», по словам преп. Нила Синайского, есть то же, что идолопоклонство[1]. Помысл, который пробегает быстро, не оставляя следов греховных у человека, не есть сам по себе греховный; только положенный в сокровении может быть греховным[2]. Здесь представляется явная опасность помыслу попасть в область сердца и, усилившись там, перейти уже в страсть. Св. Петр Дамаскин говорит: «Когда страстный помысл долго остается в сердце, то образуется так называемая страсть»[3]. И это так потому, что отцы-аскеты, считая сердце центром духовной деятельности человека, в то же время смотрят на него как на источник, из которого «исходят помышления злые, которые и сквернят его»[4]. По слову Макария Великого, «в человеке есть зло обитающее и действующее в сердце, внушая лукавые и нечистые помыслы»[5]. Посему «помыслы, против нашей воли втеснившиеся и стоящие в сердце», настолько крепнут здесь, принимая греховный характер, что их обыкновенно из глубин помышления сердечного изглаждает только молитва Иисусова с трезвением.

Пленение сердца

Думается, что всякий, кому приходилось наблюдать за образованием в своей душе тех или других грехов, той или другой страсти, порока, замечал, как эти страсти, грехи и пороки постепенно прокрадываются в нашу душу и *постепенно* всю ее делают

[1] Нил Син., Доброт., II, с. 294, 63.

[2] Там же.

[3] Петр Дамаскин, Творения. Киев, 1905 г. Кн. I, с. 218.

[4] Григорий Палама, К старице Ксении, о добродетелях и страстях. Доброт., V, с. 270, 26.

[5] Св. Мак. Вел., 16, 6; 4, 4.

своею пленницею: сначала они пленяют ум, потом сердце, волю... и весь человек обращается в раба греху. Попадает (может быть, даже случайно) помысл «диавольский» на готовую почву греховности душевной, постепенно потом, если вовремя его не удалить, из этого незначительного семечка порочного вырастает целое дерево греховное. И это, конечно, так потому, что все наши греховные страсти образуются из греховных помыслов, как с несомненностью установили св. отцы-аскеты, в своих писаниях поведавшие нам о счастливых результатах своих наблюдений над образованием в человеческой душе всяких пороков. Нельзя думать, как думают многие, что помыслы человека не подлежат нравственной вменяемости, поскольку они приходят в человека от диавола, или что «помыслы не суть важное явление в нашей психике», — с этим, конечно, нельзя согласиться. Наоборот, наблюдения отцов-аскетов показали всю серьезную важность такого незначительного акта, как появление и присутствие помыслов в области нашего ума. Обратимся к ним.

Способ образования страсти из мысли в дело у св. отцов определен с точностию; с точностию также определено и значение в этом процессе каждого его момента. Самый ход дела изображается так: сначала бывает *прилог,* далее *внимание, потом услаждение,* а за ним *желание,* из него *решимость* и, наконец, *дело.* Чем далее какой момент от *прилога* и чем ближе к концу, тем он значительнее и грешнее. Самой большой степенью виновности обладает дело, и ее почти нет в прилоге[1].

Первый толчок к началу того психического явления, которое может окончиться возникновением в душе страсти, носит у аскетов обычно имя «прилога» —

[1] Еп. Феофан, с. 156, ср. Нил Сорский, 24.

prosbole[1]. Этим термином обозначается простое представление вещи, от действия ли чувств, или от действия памяти и воображения представшей нашему сознанию[2]. Свв. Иоанн Лествичник, Филофей Синаит и другие *прилогом* называют всякий простой помысл или воображение какого-либо предмета, внезапно вносимое в сердце и предстоящее уму. Св. Григорий Синаит говорит, что «*прилог* есть происходящее от врага внушение: делай то или другое, как это было сделано Самому Христу Богу нашему: *рцы, да камение сие хлебы будут* (Мф. 4, 3); или, проще сказать, — это какая-либо мысль, пришедшая человеку на *ум*»[3]. Этот психический момент нимало не выражает и не предполагает свободного участия человека[4], поэтому «здесь нет греха, — говорит епископ Феофан, — когда рождение образов не в нашей власти»[6]. Как таковой, *прилог*, по словам отцов, называется безгрешным: «не заслуживающим ни похвалы, ни осуждения, потому что он не зависит от нас»[7]. Все те впечатления и представления человека, которые возникают раньше движения его воли или вопреки воле, без всякого свободного участия в них последней, с нравственной стороны должны считаться «бесстрастными», «невинными» и никоим образом не могут быть на-

[1] Prosbole — от prosballein — означает »приражение, действие, когда брошенная вещь ударяется в то, на что брошена» (Филарет Синайский, Доброт., III, 417, 34). «И прилог, говорят, есть голый помысл, или образ какой-либо вещи, только что родившейся в сердце и представшей уму» (там же, 35 гл.); ср. прп. Исихий, Доброт., II, 168, 46.

[2] Еп. Феофан, Начерт., с. 157.

[3] Нил Сор., 24, ср. Ефр. Сир., Твор., III, с. 394.

[4] Ефр. Сир., Твор., III, с. 397.

[5] Еп. Феофан, Начерт., с. 157; ср. Ин. Леств., 14 сл., 73.

[6] Нил Сор., 25. То же в: Петр Дамаскин, Творения, кн. 1, с. 217.

[7] Ин. Леств., 15, 73.

званы «грехом»[1]. «Не то навлекает на нас осуждение, что помыслы входят в нас, но то, когда мы даем им худое направление»[2]. Поэтому *«прилог,* оставаясь без действия, не делает неправедным человека»[3]. И на него надо смотреть как на попытку духа злобы склонить человека на грех, нарушить ровное состояние его души введением в область его греxолюбивого сердца, с внешней стороны глядя, невинных образов и представлений. Хотя *прилог* сам по себе не делает человека ответственным за него, однако он является поводом к обнаружению той или другой настроенности нашей воли[4]. В добровольном склонении нашем в пользу того или другого мотива или повода, появившегося в нашем сознании, и проявляется собственно свобода человеческого выбора. Человек волен выразить свое сочувствие или ненависть тому или другому вторгшемуся в его душу *прилогу*[5]. Поэтому названный момент по своим дальнейшим последствиям, как повод к ним, является важным в нравственном отношении, так как он стоит на переходе от невольного и безгрешного к произвольному греховному. Переход к греховности начинается собственно с беседы с помыслами. Если подвижник вступает с вошедшим в него прилогом во внутреннюю беседу, то тем самым он выражает появившемуся гостю свое сочувствие[6]. В сочувствии или несочувствии помыслу уже сказывается некоторое участие воли, а где «соизволение — там начало греха»[7].

[1] Варс. и Ин., вопр. 429.

[2] Древн. Патерик, гл. 22, 19.

[3] Нил Син., Мысли и увещания. Доброт., II, 294, 64.

[4] Марк Подвижник, Доброт., I, 469, 2; Еп. Феофан, Толк. на Посл. к Гал. (VI,4), 426.

[5] Марк Подв., Доброт., I, 470, 2.

[6] См. Еп. Феофан, Начерт., с. 158.

Вторым моментом, непосредственно наступающим за *прилогом,* является «сочетание» (syndesmos — сдружение)[1]. «Сдружение есть принятие помысла, внушаемого врагом, и как бы занятие им и с удовольствием соединенное собеседование с ним, происходящее по нашему произволению[2]. Характерными признаками этого момента у св. Ефрема Сирина отмечены: «свободное принятие помысла» и «как бы занятие им и с удовольствием соединенное собеседование с ним»[3]. *«Сочетанием* св. отцы называют собеседование с пришедшим помыслом, т. е. как бы тайное от нас слово к явившемуся помыслу, по страсти или бесстрастно; иначе: принятие приносимой от врага мысли, удержание оной, согласие с нею и произвольное допущение пребывать в нас».[4] Этот момент св. отцы почитают уже не всегда безгрешным[5], так как ему присуще чувство удовольствия, которое епископ Феофан называет «услаждением». «Оно приходит, когда вследствие внимания к предмету он начинает нам нравиться, и мы находим удовольствие в умном смотрении на него, имеем его в мысли». «Услаждение греховными предметами есть прямо грех. Ибо, — далее рассуждает сей святитель, — «если сердце наше должно быть предано Богу, то всякое его сочетание с другими предметами есть нарушение верности Ему, разрыв союза, измена, духовное прелюбодеяние»[6].

---

[1] Syndesmos — содвоение; внимание сковано предметом, так что только и есть что душа да предмет приразившийся и ее занявший...» (Филофей Синайский, Доброт., III, с. 417, 34). «Сочетание, когда наши помыслы и помыслы лукавых демонов смешиваются» (Исихий, Доброт., II, с. 168, 46).

[2] Ефр. Сир., Твор., III, с. 397.

[3] Ср. Ин. Леств., 15, 73.

[4] Нил Сор., 24; Ин. Леств., 15, 73; Петр Дамаск., 1 кн. 217.

[5] Там же.

[6] Еп. Феофан, Начерт., с. 158.

Итак, этот второй момент является преступным в той мере, в какой его содержание или форма несообразны с чистотою сердца; и, во-вторых, постольку, поскольку «свободное принятие помысла» обнаруживает склонение воли в сторону последнего. В этот момент воля вступает в свое действие, хотя последнее не носит еще определенного содержания и характера. Она спускается как бы в тайники человеческой души на внутренний совет с помыслом. Полного нравственного вменения духовное состояние в этом случае иметь еще не может в силу своей неопределенности, но обличает уже некоторую неустойчивость воли, колебание ее между добрым и злым. Этот момент все же является как бы началом духовной болезни[1]: при несовершенстве нашей природы, при неустойчивости нашей воли у человека в данный момент чувство удовольствия, достигая высшей интенсивности, легко переходит в желание. «От услаждения — один шаг до желания»[2]. В желании воля более и более увлекается помыслом, склоняется к нему, так что в результате образуется решимость на деле осуществить то, о чем говорят уму — помысл, сердцу — удовольствие, и что с наслаждением предвкушается душой. В этом состоянии равновесие душевных сил нарушается, «потому что если сердце ввергнется в омрачение нечистых помыслов, то уже будто насильно и против воли увлекается к страстному делу»[3]. Момент этот у св. отцов называется synkatathesis[4] — «сосложение», «соизволение» — и определяется как «изъявление в помысле согласия

[1] Там же.

[2] Еп. Феофан, Начерт., с. 159.

[3] Нил Син., Доброт., II, 294, 64.

[4] «Сложение (предмет приразившийся и внимание занявший возбудил желание, — и душа согласилась на то — сложилась) — Филоф. Син., Доброт., III, с. 417, 34.

на страсть[1] или как приклонение» — «согласие души с представившимся (помыслом), соединенное с услаждением»[2], «отчего происходит пленение, насильно и против воли увлекающее сердце к исполнению на деле[3]. Поскольку в душе человека назревает волевая решимость, человек делает новый, решительный и важный шаг по пути приближения к греховной страсти[4]. Желающий изрек согласие на дело, но еще не придумал и не предпринимал ничего к достижению своей цели. Однако в принципе удовлетворение страсти в этот момент решено, грех в намерении уже совершен. Остается только привести в исполнение это намерение, и «является дело» — плод развращения, зачатого внутри и родившего беззаконие вовне[5].

Соизволение, приближаясь к делу и уподобляясь ему, подлежит полному нравственному вменению как грех, совершенный внутри — в намерении; ибо грех, по слову монаха Евагрия, «есть согласие помысла на запрещенную страсть греховную»[6]. «Соизволение ценится как самое дело, потому что основа делу полагается произволением. И Господь сказал, что соизволение на помыслы сквернит человека (Мф. 15, 19)»[7]. «Как дева, обрученная мужу, если ее обольстят другие, делается мерзкою в очах его, так и душа, увлекаемая нечистыми помыслами и дающая на них согласие, мерзостна небесному Жениху своему —

[1] Ефр. Сир., Твор., III, с. 398.

[2] Ин. Леств., 15, 73. «Сложением св. отцы называют уже благосклонный от души прием помысла, в нее пришедшего, или предлога, ей представившегося». — Нил Сорский, 26.

[3] Петр Дамаск., I, 26.

[4] Там же; Еп. Феофан, Начерт., с. 159.

[5] Там же.

[6] Евагр. м., Наставления о подвижничестве. Доброт., I, с. 578, 47.

[7] Ефр. Сир., Твор., I, 17. И далее: «Если помыслами соглашаться на дело, то оскверняешься самою нечистотою». Там же.

Христу»[1]. «Если бы, — рассуждает преподобный Ефрем Сирин, — помыслы детей Иова не подлежали ответственности, то для чего бы приносить ему единого тельца за грехопадения помыслами»[2]. Очевидно, всю нравственную важность помыслы приобретают от нашего на них соизволения, которое и оценивается с точки зрения Божественной Правды как «самое дело»; ибо то, «что одобрило произволение, в том Бог требует отчета»[3].

При переходе от названного момента к моменту, именуемому «страстью», отцы-аскеты подметили у подвижника особое душевное состояние — *борьбы*. Характеризуется оно как взаимное противление помысла и ума, клонящееся «или к истреблению страсти в помысле, или к соизволению на страстный помысл, как говорит Апостол: *плоть похотствует на духа, дух же на плоть: сия же друг другу противятся* (Гал. 5, 17)»[4]. Противление происходит между страстными влечениями к известному объекту с одной стороны и противоположными добрыми влечениями и наклонностями природы с другой стороны: между представлениями добра и зла. Внутренняя борьба может быть более или менее продолжительной и сделаться причиной венцов или мучений[5], смотря по тому, насколько наша душа привязана к добру и готова противостоять греховному помыслу. Если же в душе успел образоваться определенный навык (т. е. навык дурной) к помыслу и греховная склонность уже глубоко проникла в природу человека, так что он постоянно думает и мечтает о пред-

---

[1] Ефр. Сир., Уроки о подвижничестве. Доброт., II, с. 464, 131.

[2] 31 Ефр. Сир., Твор., I, 171.

[3] Там же, с. 172. Ср. Доброт., II, с. 462, 127.

[4] Ефр. Сир., Твор., 390, ср. Ин. Леств., 15, 73.

[5] Ин. Леств., 15, 73. Филоф. Син., Сорок глав о трезвении. Доброт., III, с. 418, 35.

мете страстного позыва, — тогда воля человека скоро и охотно отдается делу удовлетворения страсти. Это состояние является как результат решительного наклона воли в сторону зла.

Страстью называют уже самый порок, от долгого времени вгнездившийся в душе и чрез навык сделавшийся как бы природным ее свойством, так что душа уже произвольно и сама к нему стремится.[1] Человек приходит в это состояние самопроизвольно и самоохотно[2], поэтому он является нравственно ответственным за страсть, так как эта последняя во всех ее видах подлежит или покаянию, соразмерному с виною, или будущей муке[3]. Наконец и самая страсть может обратиться в злой навык, постоянный, гибельный для души[4], навык, в котором уже не воля господствует над страстным влечением, а это последнее над волею, насильно увлекая всю душу в самый предмет страсти. Такое состояние у отцов-аскетов называется «пленением» (aechmalosia), т. е. «насильственное и невольное отведение сердца (в плен), удержание в нем и слияние будто в одну жизнь с предметом пленившим, от коего (слияния) исчезает доброе наше состояние (теряется покой)»[5]. В этом моменте страсть является в своем полном развитии и решительном об-

[1] Страсть — Pados — болезнь души частым повторением (удовлетворением одного и того же желания) и привычкою (к делам, коими оно удовлетворяется) вкачествовавшаяся в душе (ставшая чертою характера). Филоф. Син., Сорок глав о трезвении. Доброт., III, с. 417, 34. Там же, см. 35 Ефр. Сир., Твор., III, 398; Нил Сор., 28; Петр. Дамаск., 1 кн., 218.

[2] Нил Сор., там же.

[3] Там же, Ин. Леств., 15, 73. Доброт., III, с. 418, 36; Петр Дамаск., I; 218.

[4] Авва Дорофей в Поучении II указывает на примере одного брата, как страсть обратилась в навык.

[5] Филоф. Син., Доброт., III, с. 418, 35; Ин. Леств., 15, 73; Ефр. Сир., Твор., III, 398; Авва Дор., 11; Нил Сор., 27.

наружении как состояние души совершенно окрепшее, раскрывшее всю свою энергию и сделавшее душу человека полным пленником греха и смерти.

Таков, по изображению отцов-аскетов, способ и порядок образования из простого вражеского помысла злой страсти. В главнейшем ходе образования страсти заметно, как силы человека, одна за другой, сочетаются с грехом: в услаждении оскверняется сердце, в желании — воля, в решимости, чрез изобретение средств, становится причастником скверны и рассудок; в деле, наконец, и самые силы тела проникаются грехом; и стал весь человек грешен[1].

Что такое страсть?

При выяснении этого вопроса мы намерены держаться существующей восточно-аскетической системы св. отцов. Все громадное множество разнообразных страстей[2] отцы-аскеты обычно сводят к восьми главным. Эти восемь страстей перечисляются в одинаковом порядке: *чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие и гордость*[3]. Эти страсти всех нас тревожат и во всех людях находятся[4], и все согласны в том, что они составляют восемь главных пороков, которые угрожают подвижнику[5]. Перечисленные страсти называются «главными поро-

---

[1] См. Еп. Феофан, Начерт., с. 160.

[2] Доброт., II, с. 173, 72.

[3] Евагр. м., Доброт., I, с. 603; Ефр. Сир., Твор., II, с. 390; Нил Син., т. I, 201; Ин. Кас., Соб. V, 2; Ин. Леств., Доброт., II, с. 515.

[4] Ин. Кас., Кн. 5, 2.

[5] Его же. Соб. V, 18. Существуют и частные мнения, признающие главными страстями только три: чревоугодие, сребролюбие и гордость. Основанием для такого утверждения является искушение Господа Иисуса Христа в пустыне (Мф. 4, 3, 6, 8, 9). Ин. Кас., Соб. V, 6; Ин. Леств., 23, 3 и 33. Симеон Новый Богослов, т. I, с. 208.

ками»[1], «начальственными страстями»[2], «родовыми производителями зла», от которых происходят все другие страсти[3]. Преп. Иоанн Кассиан представляет даже примерную таблицу, как бы родословную, остальных наиболее заметных пороков, которые происходят от восьми главных страстей как от своих производителей и корней[4].

Все страсти принято разделять (по их природе) на две категории, на плотские и душевные[5]. *Плотские* (somatika) — это те, по определению Иоанна Кассиана, которые «собственно принадлежат к возбуждению и чувству тела, которыми оно услаждается и питается, так что возбуждает иногда и спокойные души и невольно привлекает их к согласию со своим желанием»[6]; к ним относятся чревоугодие и блуд. Таким образом, почву для себя плотские страсти находят в телесных потребностях и инстинктах, а душевные — в душевных[7]. *Душевными* (psychika) называются те, которые, исходя из души, не только не доставляют никакого удовольствия плоти, но еще поражают ее тяжким недугом и питают только больную душу пищею жалкого услаждения[8]. К этой

---

[1] Ин. Кас., Соб. V, 2.

[2] Григорий Синаит, Доброт., V, с. 198, 91.

[3] Ефр. Сир., Твор., II, с. 390, 55; Евагр. м., О восьми помыслах, к Анатолию. Доброт., I, с. 603, 1.

[8] Ин. Кас., Соб. V, 16. Количество произвольных страстей у отцов разное: Ефрем Сирин насчитывает душевных до 60, да не менее и телесных (см. Доброт., II, с. 370); Петр Дамаскин насчитывает таковых 298 (см. 1 кн. его Творений, с. 231–216).

[9] Евагр. м., Доброт., I, с. 574, 24; Ин. Кас., Соб. V, 4; Ефр. Сир., Твор., III, с. 394; Нил Син., Доброт., II, 290, 39; Григорий Синаит, Доброт., V, с. 193, 77; Еп. Феофан, Толк. на П. Ефес. (11, 3) 139; Его же. Толк. на П. Римл. (6, 6) 341.

[10] Ин. Кас., Соб. V, 4.

[11] Евагр. м., Доброт., I, с. 574, 24; Нил Син., Доброт., II, 290, 39.

[12] Ин. Кас., Соб. V, 4.

категории страстей принадлежат остальные шесть: сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие и гордость.

Несмотря на такое деление, отцы-аскеты, однако, признают, что страсти телесные и душевные находятся во взаимоотношении. Преп. Исаак Сирин так рассуждает: «Если страсти называются душевными, потому что душа приводится ими в движение без участия тела, то и голод, и жажда, и сон будут душевными же, потому что и в них, а равно при отсечении членов, в горячке, в болезнях и в подобном тому, душа страждет и совоздыхает с телом. Ибо душа соболезнует телу по общении с ним и тело соболезнует душе; душа веселится при веселии тела, приемлет в себя и скорби его»[1]. На этом основании часто страсти чревоугодия и блуда, коренясь в теле, возбуждаются иногда без содействия души, влекут за собою и душу по ее связи с телом[2]. Взаимоотношение страстей объясняется всецело тесным взаимоотношением души и тела и их проявлений. И самые страсти телесные поэтому не могут быть рассматриваемы как акты физиологические, они скорее — состояния психо-физические[3]. Сами по себе отправления организма ни в коем случае не могут быть названы страстями в порицательном смысле — таковыми являются только душевные состояния сластолюбия, сладострастия[4]. Поэтому блуд и чревоугодие нравственному вменению подлежат не в качестве естественных отправлений организма, т. е. не в смысле явлений физиологических, но, собственно, как психические состояния падения, которые постольку греховны и

---

[1] Ис. Сир., Слова..., III, с. 26.

[2] Ин. Кас., Соб. V, 5.

[3] Нил Син., I ч., 247–248.

[4] Симеон Новый Богослов, т. I, Сл. 23.

гибельны, «поскольку помысл примешивается к духу и душа сочетавается с обольстительным в ней отпечатлением», т. е. поскольку названные страсти оказываются явлениями, принадлежащими к сфере психической жизни[1]. Центр тяжести их, как и страстей душевных, лежит собственно в душе[2], в духовной стороне человека. Св. Иоанн Златоуст так говорит по этому поводу: «Тело без души ничего не в состоянии было бы сделать дурного, а душа и без тела многое может сделать... Объядение бывает не по нужде тела, а вследствие невнимательности души: для тела нужна пища, а не объядение... добродетель души заключается именно в повиновении тела — душе, потому что само по себе тело ни хорошо, ни худо. Все остальное (кроме необходимых потребностей тела) принадлежит *душе*»[3]. Почему было бы весьма трудно, даже невозможно, провести заметную грань между физиологическим и психическим элементами[4] в страстях телесных[5].

Единство нашей души (человеческой) и та психологическая аксиома, что в душевной жизни одно психическое состояние тесно связано с другим, одно составляет необходимое условие для возникновения другого — эти два положения дали основание отцам-аскетам установить ту *тесную связь*,

---

[1] См. Нил Син., т. I, 19 гл., с. 248.

[2] Ис. Сир., Слова..., III, с. 24–25.

[3] Ин. Златоуст, Твор., т. XI, ч.1 с. 46–48; ср.: Ефр. Сир., Твор., I, с. 340; Его же: Уроки о подвижничестве. Доброт., II, с. 469, 155–156.

[4] Там же, 4 сл. 28, 29.

[5] Мы не останавливаемся подробно на выяснении тех двух положений, что страсти телесные суть состояния психо-физические и что центр всех страстей лежит в душе. Это само собой выясняется далее при анализе страстей и при определении характера и свойств борьбы с ними; отчасти оно уже понятно на основании сказанного о грехопадении человека, об образовании страсти из помысла.

которую имеют между собою *все восемь главных страстей*. Восемь страстей, говорит преп. Иоанн Кассиан, хотя имеют разное происхождение и разные действия... соединены между собою каким-то сродством и так сказать связью, так что излишество первой страсти дает начало последующей[1]. Ибо от излишества чревоугодия необходимо происходит блудная страсть, от блуда — сребролюбие, от сребролюбия — гнев, от гнева — печаль, от печали — уныние. Остальные две страсти, т. е. тщеславие и гордость, так же соединены между собою и тем же способом, как и предыдущие страсти: от чрезмерного тщеславия рождается гордость. Но от тех шести первых страстей они совершенно отличаются и не соединяются с ними подобным союзом, и не только не получают от них никакого повода к своему рождению, но даже противным образом и порядком возбуждаются. Обыкновенно бывает так, что эти две последние страсти сильнее плодятся по истреблении первых и живее по умерщвлении их возникают и возрастают[2].

Итак, душевные страсти и так называемые телесные, имея общую психологическую основу, не только неотделимы друг от друга, но, напротив того, они находятся в тесной генетической связи. Это положение в дальнейшем будет иметь важное значение при определении приемов и порядка борьбы со страстями, а в ближайшем — оно является важным условием для анализа каждой страсти в отдельности.

---

[1] Ин. Кас., Соб. V, 10; то же у .: Ефр. Сир., Твор., III, с. 215, 157; Евагр. м., Доброт., I, с. 618, 1.

[2] Там же.

Анализ человеческих страстей

Плотские страсти

Намереваясь приступить к анализу человеческих страстей, мы воспользуемся одним замечанием преп. Иоанна Кассиана. Он говорит: «Так как все восемь страстей одна через другую возводятся к двум главным началам, то явно, что каждые две рядом стоящие страсти находятся в более близком причинном отношении между собою, нежели с другими. При этом замечается, что блудная страсть особенным союзом соединена с чревоугодием, гнев — с сребролюбием, уныние — с печалью, а гордость — с тщеславием[1]. На основании этого замечания мы разделим страсти на четыре группы («союза», или «сопряжения») и начнем их рассмотрение с первого «союза» — страстей плотских: чревоугодия и блуда.

В аскетической литературе у св. отцов различаются несколько видов *чревоугодия*, соответственно различным способам отношения человека к принятию пищи. Преп. Иоанн Кассиан допускает три рода чревоугодия, от которых происходят разные и самые злые недуги души[2]. Авва Дорофей различает два вида этой страсти[3]. Такое различие их обусловливается тем, что второй имел в виду появление неумеренного в человеке чувства наслаждения в отношении количества и качества пищи, а первый кроме этого имел в виду также и неурегулированное отношение ко времени принятия пищи с целью получить от этого наслаждение.[4] Есть два вида чрево-

[1] Иеромонах Феодор, Аскетические воззрения Иоанна Кассиана Римлянина, примеч. 172.

[2] Ин. Кас., Соб. V, 11.

[3] Авва Дор., Поуч. 15, 171.

[4] Ср. Ин. Кас., Соб. V, 11 и Авва Дор., Поуч. 15, 171.

угодия, говорит авва Дорофей. Первый, когда человек ищет приятности пищи и не всегда хочет есть много, но желает вкусного; и случается, что таковой, когда вкушает яства, которые ему нравятся, до того побеждается их приятным вкусом, что удерживает снедь во рту, долго жует ее, и, по причине приятного вкуса, не решается проглотить ее. Это называется по-гречески laemargia — гортанобесие. Иного опять борет многоядение, и он не желает хороших снедей и не заботится о вкусе их; но хороши ли они, или нет, он хочет только есть и не разбирает, каковы они; он заботится только о том, чтобы наполнить чрево свое; это называется gastrimargia — чревобесие[1]. Есть иной вид чревоугодия, когда монах вкушает пищи раньше установленного часа, и при этом делает это тайно от других; тогда это называется тайноядение (latrophagia)[2].

Все эти три вида чревоугодия свидетельствуют о том, что человек принимает пищу в данном случае не ради «потребности», а преимущественно для «услаждения», для удовлетворения чувству предосудительного сластолюбия. Этим, собственно, и характеризуется чревоугодие как страсть, которая создается на неправильном отношении нашей психической стороны к вопросу удовлетворения себя пищей[3].

Вопрос этот является определяющим самую страсть: правильное его разрешение ограждает человека от чревоугодия, превратное — вводит в самую страсть. Пища, по условиям жизни, является необходимой для человека.[4] Конечно, и без удовольствия в этом акте обойтись нельзя, так как воздер-

[1] Там же.

[2] Ис. Сир., 75 сл. 373.

[3] См. Ин. Кас., Соб. V, 11.

[4] Варс. и Ин., Доброт., II, с. 579, 69. Еп. Феофан, Толк. на Посл. II Тим. (4, 3), 330.

жание и пост содействуют тому, что даже насыщение хлебом кажется блаженством[1]. Но так как род и количество пищи каждого является делом в значительной степени субъективным, то от воли человека зависит установить нормальное, правильное отношение к акту приема пищи и сделать себя свободным и независимым от сластолюбия по отношению к пище[2]. Есть по потребности и есть для услаждения вкуса — дело одинаковое, а грех заключается в намерении[3]. Важно поэтому определить, является ли чувство удовольствия, связанное с процессом вкушения пищи, вопросом второстепенной важности, или же оно выступает на первый план и решительно овладевает вниманием человека. В страсти чревоугодия это удовольствие и выступает на первое место. Поэтому, говорит св. Василий Великий, страсть чревоугодия обыкновенно обнаруживает свою силу не во множестве яств, но в пожелании и малом вкушении с чувством удовольствия[4]. Таким образом, виновным в страсти чревоугодия является не самый естественный акт питания себя пищей, а виновна воля человека, допускающая дух до греховного порабощения плоти в его служении удовольствиям. И самая страсть эта по справедливости у отцов-аскетов определяется как болезнь развращенной воли[5].

Последствием этого является то, что душа эта, по выражению св. отцов, — «госпожа тела», из-за чувственных удовольствий становится рабою его, а самое «услаждение тела делается пагубным душе»[6], так как последняя, обремененная худым навыком

---

[1] Евагр. м., Доброт., I, с. 571, 7.
[2] Еп. Феофан, предш. цит.
[3] Авва Дор., Поуч. 15, 172.
[4] Вас. Вел., Твор., т. V, с. 46.
[5] Ин. Кас., Соб. XII, 2; ср. Ис. Сир., Доброт., II, с. 738, 243.
[6] Ант. Вел., Доброт., I, 82, 101.

тела, делается бесплодной[1]. Все, что составляет духовную жизнь человека, постепенно ослабляется содержимым ядом чревоугодия. Состояние греховного порабощения духа плоти носит уже в себе самом залог (семя) духовной смерти — совершенной нечувствительности души; и чрево является источником всех зол[2]. Чрево, пресыщенное пищею, порождает семя сладострастия, и дух, подавляемый тяжестью пресыщения, не может иметь рассудительности[3], так как тот, кто питает плоть тела своего, тот питает злые похоти, и срамные помыслы не оскудеют от него[4]. Чрез утучнение плоти своей человек создает удобную почву и делает чревоугодие «матерью» родительницею для многих других страстей[5]. Ум человека, преданного этой страсти, делается грубым[6]; разум, подчиняясь чувственности, с которой «неким образом срастворена сила греха», теряет свое владычественное положение и уже «не властвует»[7] в душе. Чрез слабость сил духовных ум приходит в глубокий сон[8], сердце становится бесчувственным[9], вся душа делается пленницей и заключается в темницу тела, из которой она, желая прийти в свободу духа, взывает, уповая на щедроты Спасителя своего: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, припадаю к Тебе и умоляю: воззри на меня и помилуй

[1] Ефр. Сир., Доброт., II, с. 382, 47.

[2] Григорий Богослов, Сочинения. МДА, 1889, т. I, с. 143.

[3] Ин. Кас., Соб. V, 6; Ефр. Сир., Доброт., II, с. 379, 21, 26.

[4] Ефр. Сир., Доброт., II, с. 383, 52; Нил Син., Доброт., II, с. 232, 34; Ис. Сир., Доброт., II, с. 674, 94.

[5] Ин. Леств., 14, 36; Нил Син., Доброт., II, с. 232, 41; Ис. Сир., Слова.., 75, 370.

[6] Ефр. Сир., Доброт., II, с. 379, 26; Нил Син., там же, с. 230, 13; Ефр. Сир., О борьбе с чревоугодием. Доброт., II, с. 381, 41.

[7] Макс. Исп., Доброт., III, с. 255, 107.

[8] Нил Син., Доброт., II, с. 230, 19.

[9] Ефр. Сир., Твор., IV, с. 91.

меня; изведи меня из темницы беззаконий, и да воссияет луч света в моем разуме, потому что слушаюсь бесов, которые сластолюбием уловляют меня в погибель»[1].

Таково чревоугодие по своим последствиям. Более гибельным оно становится для души в соединении с другою плотскою страстью, именуемой *блудом*, сродною с первой как по своему источнику, так и по тому, что они всегда вместе обуревают человека[2]. «Чревоугодию паче всего сродственно сладострастное движение, — говорит преп. Нил Синайский, — и сама природа, желая показать сродство сих страстей, орудиям соития назначила место под чревом, сею близостию означая тесную их связь»[3]. Сила обеих этих страстей объясняется тем, что они происходят из естественных, хотя и извращенных, потребностей человека.

Началом блуда, «ма́терию блудной похотливости», «дверью», чрез которую смело и бодро входит блудная страсть, по мнению отцов-аскетов, является чревоугодие[4]. Сладострастие, рождающееся от пресыщения какою-либо пищею, производит «похотное жжение»; привычка, создающаяся в чревоугодии, рождает «ненасытность», «пресыщение — нечистоту», и вся вообще страсть является основанием для дурного навыка в блуде[5]. Внешним поводом к возникновению этой страсти часто являются «свидания с женщинами»[6]; один взор женщины для человече-

---

[1] Ефр. Сир., Твор., IV, т. 21.

[2] Ин. Леств., 14, 26–27.

[3] Нил Син., О чревоугодии. Доброт., II, с. 233, 42.

[4] Нил Син., О блуде. Доброт., II, с. 233, 1; Ин. Кас., Соб. IV, Борьба плоти и духа. Доброт., II, 12; Ин. Леств., 14, 5; 36.

[5] Ин. Кас., Кн. 5, 6; Григорий Палама, К старице Ксении. Доброт., V, с. 269, 26; Ис. Сир., Доброт., II, с. 674, Ин. Леств., 14, 36.

[6] Нил Син., О блуде. Доброт., II, с. 233, 2.

ской слабой воли является «ядовитой стрелой», смелое обращение с женским полом легко уловляет всякого в страсть блуда[1]. Эти и многие другие внешние искушения чрез слабость нашей воли влияют на образование греховных представлений и затем вводят человека в самую страсть[2].

Иногда образованию страсти блуда предшествуют другие поводы, чисто внутренние, зависящие от нашего духовного нерадения, невнимания, пользуясь которым враг (диавол) воровски прокрадывается внутрь души и, насаждая в ней представления блуда, возбуждает «возгорение страсти»[3]. Самое греховное (страстное) настроение возникает обычным путем развития помыслов, которые, когда наша воля поддается искушениям этого внутреннего врага, переходят вовне, обнаруживаясь в нечистых поступках. Св. Иоанн Лествичник так изображает нам картину насаждения в нас страсти блуда на почве пресыщения чрева. По пресыщении нашем нечистый дух, приседевший нашему желудку, отходя от сытого чрева, посылает на нас духа блудного; он возвещает ему, в каком состоянии мы остались, и говорит: «Иди, возмути такого-то: чрево его пресыщено, и потому ты немного будешь трудиться». Сей, пришедши, улыбается и, связав нам руки и ноги сном, уже все, что хочет, делает с нами, оскверняя душу мерзкими мечтаниями и тело истечениями[4]. Другую картину образования этой страсти видим у Исаака Сирина. Сначала помысл, говорит сей св. отец, влечет человека к невоздержанию в пище, а по впадении в нарушение воздержания своего человек поползается в

[1] Там же, гл. 14, 17.

[2] Ефр. Сир., Твор., III, с. 172; он же, О борьбе с блудной страстью. Доброт., II, 382, 49–50; Феод. Студ., Доброт., IV, с. 100, 3.

[3] Феод. Студ., там же.

[4] Ин. Листв., Сл. 14, 26–27.

неумеренность и распутство. Сначала одолевает желанием (лучше сказать, маловажным представляется это в глазах его) посмотреть на наготу своего тела или на другую какую красоту членов своих, когда снимает с себя одежды свои, или когда выходит один для телесной потребности, или в воде, и расслабит чувства свои, или смело положит руку под одежды свои и начнет осязать тело свое, а потом восстает в нем уже и прочее одно за другим[1]. Бывает и так, что многоискусный диавол, если кто не внимает себе, быстро нападает, воровски подкрадывается внутрь и уязвляет души наши стрелою злобы своей, увлекая очи на красивые лица юных и сладкими улыбками в тех и других возбуждая возгорение страсти. Когда же успеет он обольстить и склонить к нечистой любви, тогда покушается и того, к кому у него страсть, пристрастить и любострастно расположить к нему; потом пойдут взаимные даяния и воздаяния воззрений и обозрений, душевные излияния и сладострастные горения; а, наконец, если не особая Божия помощь — там пагуба: содомское сгорение и гоморрское потребление[2].

Сообразно неодинаковым проявлениям блуда вовне преп. Иоанн Кассиан различает *три* рода блудной страсти: первый совершается чрез смешение обоего пола; второй производится без смешения с женщиною, за который от Господа был поражен Онан, т. е. онанизм; третий (род) производится умом и сердцем, о котором Господь в Евангелии говорит: *кто смотрит на женщину* с *вожделением, уже прелюбодействовал* с *нею в сердце своем* (Мф. 5, 28)[3]. Преподобный Нил Синайский, обобщая все существующие

---

[1] Ис. Сир., Слова..., Сл. 75, 373; ср. Феод. Студ., Доброт., IV, с. 593, 2.

[2] Феод. Студ., Доброт., IV, с. 100, 3.

[3] Ин. Кас., Соб. V, 11.

виды блуда, объединяет их в двух названиях — *«блуд телесный и блуд духовный»*[1]. Духовный блуд, по мысли Макария Великого, есть внутреннее услаждение нечистым огнем, непотребно воспламененным в сердце, а когда зло найдет себе пищу — то это есть блуд явный[2]; и хотя бы человек видимо соблюл тело свое от растления блудом, но, при внутреннем любодействе и блуде в помыслах, он делается любодеем пред Богом, и тогда и девственное тело не принесет пользы[3].

Нравственному вменению блуд и чревоугодие подлежат не как естественные отправления организма[4] (ибо «не пища — зло, а чревоугодие, не деторождение — но блуд»), а как психические состояния падения, именно постольку, поскольку блудный и чревоугодный помысл срастворяется с нашим духом, поскольку наша душа сочетавается с обольстительным в ней отпечатлением[5]. Делая замечание о сладострастии глаз, Иисус Христос, говорит преп. Иоанн Кассиан, не столько их обличает, сколько то внутреннее чувство, которое худо пользуется услугою их, сердце больное и уязвленное стрелою похотения[6]. И греховность этой страсти в существе дела состоит собственно в перенесении нашей волей центра тяжести духовной жизни на плоть и в предпочтении интересов плоти интересам духа. Последствием этого ненормального явления естественно бывает существенный вред душе[7]. Этой страстью особенно уничтожается чистота тела и души; теряется невин-

---

[1] Нил Син., Доброт., II, с. 236, 24.
[2] Св. Мак. Вел., 15, 48.
[3] Там же, 26, 13.
[4] Макс. Исп., Доброт., III, с. 196, 4.
[5] Нил Син., Доброт., II, с. 236, 24.
[6] Ин. Кас., Кн. 6, 12.
[7] Ин. Кас., Соб. V, 14.

ность; плоть, противясь внушениям души, подчиняет своего правителя — дух; а как нечистый телом — человек не узрит Бога[1], ибо осквернение тела чрез блуд, «растление храма тела», есть нечистота и сердцу[2], и бестелесному уму, который от тела оскверняется и помрачается[3].

Итак, в страстях плотского характера человек свою естественную потребность сознательно и свободно обращает в повод и источник самоуслаждения, простирая ее до полного извращения и полного преобладания над прочими сторонами своей природы, т. е. руководится началами грубого эгоизма и извращенного самолюбия[4].

Что ни сотворил Бог, все сотворил прекрасно и соразмерно. Если же мы произвольно увлекаемся чувственным и предаемся или ядению, или питию в превосходящем меру количестве, или сближению с женщинами, смотрению на них и беседе о них — чем воспламеняется и быстро распространяется в теле огонь похотения, — то естественно кроткое движение в теле изменяем на свирепое и неукротимое этими прибавлениями к естеству по побуждениям воли своей[5]. Очевидно, обе телесные страсти составляют «болезнь развращенной воли».

Душевные страсти

Из душевных страстей первое место в аскетической схеме занимает *сребролюбие* (philargeria), вследствие его ближайшей, непосредственной связи (по крайней мере, в некоторых случаях) со страстями

[1] Он же, Кн. 6, 2; 15, 16.
[2] Ефр. Сир., Доброт., II, с. 383, 63.
[3] Ин. Леств., Сл. 14, 28; 15, 51; ср. Ин. Кас., Кн. 6, 12.
[4] Макс. Исп., Доброт., III, с. 205, 56–57.
[5] Ис. Сир., Доброт., II, с. 738, 243.

плотскими[1]. Начало и постепенный рост этой страсти весьма подробно описаны у Иоанна Кассиана. Святой отец так описывает ее проявление: эта страсть, когда возобладает расслабленною и холодною душою монаха, сначала побуждает его к малому стяжанию, представляя ему некоторые справедливые предлоги, по которым он должен сберечь или приобресть несколько денег. Монах начинает жаловаться на скудость и недостаточность доставляемого монастырем содержания. Этого содержания едва хватает и при здоровом состоянии тела, что же будет, если оно впадет в болезнь? — начинает думать монах. Наконец, нельзя долго и жить в одном монастыре, и если не припасти денег на путевые расходы, то невозможно будет, когда захочется, переселиться и придется вести жизнь наемническую без всякого успеха. Прельщенный такими мыслями, монах начинает помышлять, как бы ему приобрести хотя бы один динарий. И вот, чем больше собирается денег, тем сильнее растет страсть к ним. Монаху видится впереди долговечная жизнь, преклонная старость, различные весьма продолжительные недуги, которые трудно будет переносить в старости, если не заготовить денег. Так становится жалка душа, связанная змеиными узами, и отсюда монах и ни о чем больше не думает, как только о прибыли. Из-за этого он не устрашится допустить злодеяние лжи, ложной клятвы, воровства, нарушить верность, воспламениться вредным гневом. Посему-то Апостол и называл эту страсть не только корнем всех зол (1 Тим. 6, 10), но и идолослужением[2].

Из представленного преп. Иоанном Кассианом хода развития и роста страсти сребролюбия видно, что она начинается с простой мысли о необходимости небольшой суммы денег, мотивированной кажущей-

[1] Ин. Кас., Соб. V, 10.

[2] Ин. Кас., Кн. 7, 7–11.

ся необходимостью и нуждою[1], а потом, постепенно захватывая все стороны человеческих желаний, разрастается в болезненное явление воли; после она — настоящая страсть; и дальнейшее ее существование будет всегда характеризоваться явлением ненасытимости. Иоанн Кассиан, называя сребролюбие недугом, указывает на троякое проявление его в монахе[2]. Во всех этих видах общим является склонность к приобретению денег и вообще сокровищ мира сего. Напряженное, ненасытимое стремление к приобретению денег, имущества и вообще материальных благ является характерной, существенной чертой этой страсти. По словам названного отца, свойство сребролюбия таково, что душе, однажды плененной этой страстью, оно не позволяет соблюдать никакого правила честности и не дает насытиться никаким увеличением прибытка. Неистовство этой страсти — не насыщаться никакою громадностью богатства[3]. Ад не скажет: довлеет; и любостяжательный никогда не говорит: «Довольно» (Притч. 30, 16)[4]. Хорошо некто сравнил корыстолюбцев со страждущим водяною болезнию. Как и те: чем более имеют воды в своем теле, тем более чувствуют жажду; так и корыстолюбцы: имея много, желают большего[5]. Море, говорит преп. Нил Синайский, не наполняется, принимая в себя множество рек, и похотение сребролюбца не насыщается собранным уже имуществом; удвоил он его — и удвоенное снова удвоить желает, и никогда не перестает стремиться к этому, пока смерть не прекратит сего бесполезного труда[6].

---

[1] Ср. Нил Син., Доброт., II, с. 236, 24.
[2] Ин. Кас., Кн. 7, 14.
[3] Там же, 24.
[4] Вас. Вел., Твор., т. IV, Бесед. 7, «К обогащающимся».
[5] Из сл. Ин. Злат. Цветник духовный, II ч., 121.
[6] Нил Син., Слово о сребролюбии. Доброт., II, с. 239, 10.

Такой характер страсти сребролюбия тем более поразителен, что ее сущность — ненасыщаемое желание благ — не может быть выведена из потребностей (духовных и телесных) природы человека, потому что не имеет в нас главного начала, зачинается не от вещества, которое бы относилось к участию души или плоти, или сущности жизни. Опытом самой жизни подтверждается, что к употреблению или потребности природы принадлежат в собственном смысле только ежедневное вкушение пищи и пития; все прочие «вещи» чужды человеческой потребности. Вот почему и сребролюбие оказывается страстью, чуждой человеческой природе, не имеющею никакой опоры в ее натуральных нуждах[1]. Таким образом, любостяжательность не из природы, а от воли имеет свое начало[2], и от «злой воли»[3]. Следовательно, центр тяжести и главная причина страсти лежит, несомненно, также в душе человека, в ложном понимании им своего истинного верховного, самоценного блага[4], а также в превратном практическом отношении к материальным благам, из которых он «делает себе идола и полагает его в сокровении»[5]. Поэтому сущность сребролюбия, выражающаяся в порабощении всего строя духовной жизни (духа) материальным благам, является результатом расслабленности души[6], развращенности воли и злого порождения пожелания[7], недостаточности любви к Богу, вялости испорчен-

---

[1] Ин. Кас., Соб. V, 8; он же, Кн. 7, 1, 5. Ср. Нил Син., Твор., т. I, 209, 8; его же, II т., с. 116–123; Ефр. Сир., Твор., III, 396.

[2] Григ. Пал., Доброт., V, 265, 16.

[3] Ин. Кас., Кн. 7, 5; Ефр. Сир., Доброт., II, с. 400, 137.

[4] Нил Син., Твор., II т., 82, 63.

[5] Нил Син., Твор., т. I, 210, 8; Ин. Леств., 16, 2.

[6] Нил Син., Твор., I т., 209, 7.

[7] Ин. Кас., Кн. 7, 5; Ефр. Сир., Доброт., II, с. 400, 137.

ного, расслабленного духа[1]. Уклоняясь от истинного и безусловного блага к благу низшему, условному, воля человека центр своих стремлений полагает уже не в невещественном, а в самом веществе[2]. На богатство человек возлагает все свои надежды и упования; в нем видит единственную опору своей жизни, им определяется весь смысл его существования. Самое богатство делается для человека кумиром[3].

Понятно, конечно, что все дело заключается во внутреннем отношении к материальным благам. Внешний факт обладания даже и большими имуществами сам по себе еще не говорит о присутствии страсти корыстолюбия в душе обладателя. По словам преп. Иоанна Кассиана, возможно и не имущему денег не быть свободным от болезни сребролюбия... ибо как иных телом неоскверненных Евангельское слово провозглашает нечистыми сердцем (Мф. 5, 28), так и нисколько не обремененным тяготою денег возможно быть осужденными вместе со сребролюбцами по сердцу и уму. Им недоставало только случая к приобретению, а не воли, которая в очах Божиих всегда имеет более веса, чем необходимость[4]. Не думай, говорит преп. Исаак Сирин, что только приобретение золота и серебра есть любостяжательность; она есть приобретение чего бы то ни было такого, к чему привязана воля[5]. Преп. Иоанн Кассиан из жизни иноков приводит действительные, нередкие случаи пристрастия их к маловажным и малоценным вещам. Он свидетельствует, что многие со всем усердием отреклись от мира, охотно оставили множество житейских вещей, большие стяжания и сокро-

---

[1] Ин. Кас., Кн. 7, 1.

[2] Нил Син., Доброт., II, с. 240, 16.

[3] См. у Еп. Феофан, Толк. на Посл. Ефес. (5, 5), 381.

[4] Ин. Кас., Кн. 7, 22.

[5] Ис. Сир., Слова..., 56, 277.

вища мирские, чтобы вступить в монастырь, но потом здесь они так пристрастились к немногим и малоценным вещам, что забота о них значительно превышала их страсть ко всем прежним богатствам. Таким монахам, по словам св. отца, без сомнения мало принесет пользы то, что они оставили большие богатства и имущества, потому что те страсти, для искоренения которых и надлежало оставить их, они перенесли на другие, немногие и ничтожные. Не имея возможности питать страсть любостяжания и скупости вещами драгоценными, они сосредоточивают ее на вещах более дешевых и таким образом очевидно не отсекают прежней страсти, а лишь придают ей другой вид перенесением на другие объекты — как будто все дело здесь в различии металлов, а не в самой страсти. Напротив, тот, кто, презрев большее, привязывается к меньшему, достоин тем большего осуждения[1]. Возможны поэтому, и действительно бывают, случаи обладания богатствами и употребления их, чуждые страсти сребролюбия. По словам Максима Исповедника, из приобретающих имение некоторые приобретают его бесстрастно, почему и лишаясь не скорбят[2]. Итак, не деньги рождают сребролюбие, а любовь к деньгам.

Нравственной вменяемости в страсти сребролюбия подлежит не обладание имуществом, а гибельное *порабощение воли* материальным благам, сообщающее всей жизни человека грубо эгоистический характер, поскольку центром его жизнедеятельности является «мамона» — сребро[3]. Корыстолюбец стремится к приобретению земных благ, видя в них не потребность, а источник и средство самоуслаждения

[1] Ин. Кас., Соб. IV, 21; ср. Ефр. Сир., Доброт., II, с. 400, 137.

[2] Макс. Исп., Доброт., III, с. 194, 89; ср. там же, с. 227, 91, 75; Св. Мак. Вел., V, 13; Нил Син., Твор., I т., 209, 7.

[3] Нил Син., Твор., I т., 210, 8.

19 Зак. 27082

и самовозвышения[1]. Три причины любви к богатству, говорит св. Максим Исповедник, бывает у людей: сластолюбие, тщеславие и неверие. Сластолюбивый любит сребро, чтобы с помощью его наслаждаться; тщеславный — чтобы прославиться; а неверующий — чтобы скрыть и хранить его, боясь голода, или старости, или болезни изгнания и более надеясь на него, нежели на Бога Создателя и Промыслителя всякой твари[2]. Страдающий корыстолюбием, таким образом, не возвышается над внешними материальными благами, а, напротив, он нераздельно и исключительно, «как цепью», связывает благосостояние собственной личности с ними; и лишение их, причиняя великое огорчение, отнимает у жизни смысл и отраду[3]. Их он делает для себя богом и любит паче Бога[4]. «Бог забыт: богом для них стало любоимание»[5], и человек сделался «добровольным отступником» от Него, так как сребролюбие есть идолослужение[6]. Вот почему отцы-аскеты и называют страсть сребролюбия «гнусным и бесчестным пороком»[7], гибельнейшею болезнию души, которая врачуется с трудом[8], так как «она есть вместилище пороков, корень всех зол, и становится неистребимым подстрекателем ко злу, как Апостол говорит: *корень всех зол есть сребролюбие,* т. е. лю-

---

[1] Макс. Исп., Доброт., III, с. 198, 16–18; Ефр. Сир., Твор., III, 395.

[2] Там же; ср. Ефр. Сир., Доброт., II, с. 399, 135; Нил Син., Твор., I т., 9, 7, 8; Ин. Леств., 16, 2; Нил Син., Слово о блуде. Доброт., II, с. 237, 11.

[3] Нил Син., Твор., I т., 209, 7.

[4] Там же, II т., 141–142; прп. Никита Стифат, Доброт., V, с. 128, 57.

[5] Нил Син., О сребролюбии. Доброт., II, с. 246, 35.

[6] Ин. Леств., 16, 3; Ин. Кас., Кн. 7, 7.

[7] Ин. Кас., Кн. 7, 3–6; 20.

[8] Он же, 20; Ин. Кас., Соб. V, 8.

бовь к деньгам (1 Тим. 6, 10)[1]. Сребролюбие чрез ненасытную жадность и привязанность к деньгам легко может, подобно примеру Иуды, довести корыстолюбца до отчаяния[2]; подобно Гиезию, оно поражает духовной проказой ум и сердце и, всю душу делая нечистой пред Господом, подвергает ее вечному проклятию[3], осуждению и наказанию чрез смерть, подобно Анании и Сапфире[4].

Следующая по порядку за сребролюбием страсть называется у отцов-аскетов *гневом* (orge). На этом месте она ставится не случайно, а по связи с первой (сребролюбием)[5]. Общею, сродняющею между собою эти две страсти основою является грубо эгоистическое начало, так заметно проявляющееся в них обеих[6] и выражающееся в скрытом тяготении к удовольствию[7]. Состояние гнева с точки зрения корыстолюбца является вполне объяснимым. Первое вызывается всякими внешними препятствиями, которые встречаются у человека на пути осуществления его личных целей, стремлений, — когда воля его приходит в столкновение с другой волей, не желающей ей подчиниться, когда он встречает со стороны людей действительно или мнимо несправедливое к себе отношение и тому подобное. Поэтому аскеты и предупреждают: «Не настаивай ни в коем случае, чтобы было по твоей воле, ибо от сего рождается гнев»[8]. Болезненная настроенность воли

[1] Он же, Кн. 7, 6; Ефр. Сир., Твор., т. II, с. 206; т. III, с. 272–273; Нил Син., Твор., I т., с. 208, 7; Ин. Леств., 17, 14.

[2] Ин. Кас., Кн. 7, 23.

[3] Там же, 26 гл.

[4] Там же, 25 гл. Ефр. Сир., Твор., III, с. 273.

[5] Ин. Кас., Соб. V, 10; ср. Ин. Леств., 17, 10.

[6] Евагр. м., Доброт., I, с. 604, 6.

[7] Там же, с. 573, 16, с. 589, 99; Авва Дор., поуч. 12, 142.

[8] Варс. и Ин., отв. 495.

сребролюбца в данном случае является удобной почвой для возникновения страсти гнева. Это чувство (гнева), говорит епископ Феофан, возникает от всего, что каким-нибудь образом тревожит наше самолюбие; но самое широкое поле для расположения сего зелия представляет любоимание: не тронь — это мое. Таков закон любостяжания. Тронет кто — и пошли неудовольствия, серчание, гнев, ненависть[1]. Поэтому основная причина гнева заключается в нас самих, это — наша нетерпеливость[2]; и поскольку причину нашего исправления и спокойствия надо искать в самих себе, в своей собственной добродетели, — постольку и гневное, неспокойное настроение есть проявление нашей воли[3]. При этом условии поводы гнева могут быть чисто внутренние. Преп. Иоанн Лествичник говорит, что гнев может возникнуть по поводу «воспоминания сокровенной ненависти»[4], т. е. на почве памятозлобия. Под влиянием навеянных раньше демонами помыслов памятозлобия[5] самые помыслы весьма быстро переходят в область сердца, и гнев делается желанием зла огорчившему[6]. При воспоминании о тех или других неприязненных чувствах сердце приходит в огорчение, а огорчение вызывает раздражительность; эта последняя, обладая удобопреклонностью движения, скоро охватывает всю душу человека, и воля, парализованная неожиданно внутренним состоянием, готова бывает обрушиться на те или другие объекты[7]. Родительницы гнева могут быть и другие мно-

[1] Еп. Феофан, Толк. на Посл. 1 Тим. (6, 12), 441.
[2] Ин. Кас., Кн. 8, 15.
[3] Там же, 16 т., ср. 18 гл.
[4] Ин. Леств., Сл. 8, 5.
[5] Нил Син., Доброт., II, с. 235, 43.
[6] Ин. Леств., там же.
[7] Там же.

гие, как то: тщеславие, объядение, а иногда и блудная страсть[1]; даже удовольствия могут послужить поводом к гневу[2]; от горделивого о себе и презрительного о других мудрования может явиться гнев[3]; чаще же всего гнев бывает действием диавольским[4].

От каких бы внешних причин и поводов ни происходил гнев и в каких бы внешних формах он ни выражался, по мнению отцов, он всегда сохраняет за собой свойства состояния чисто психического. В аскетической литературе в качестве основной, характерной черты гнева выдвигается желание отомстить обидчику[5]. Это желание мести, вдохновляемое и поддерживаемое чувствами ненависти, неудержимо стремясь к внешнему обнаружению в соответствующих словах, действиях и поступках, делает гнев явлением разрушительного характера[6]. Гнев, являясь бурным, стремительным, легко возбудимым, всякий раз при своем возникновении колебля душевную устойчивость, нарушая психическое равновесие, вносит в духовную жизнь беспорядочность, полную расшатанность, неупорядоченную стихийность[7]. В этом отношении страсти гнева, по сравнению с другими страстями, должна быть отдана пальма первенства[8]. Едкий дым этой страсти помрачает ум, так что он теряет всякую рассудительность и лишается ведения[9]; вот почему у одного отца по справедливости

---

[1] Там же, 8, 28, 29; ср. Авва Дор., Поуч. 12, 142.

[2] Евагр. м., Доброт., I, с. 689, 99.

[3] Феод. Студ., Доброт., IV, с. 502, 266.

[4] Варс. и Ин., отв. 486.

[5] Евагр. м., Доброт., I, с. 604, 6.

[6] Евагр. м., Доброт., I, с. 572, 11; с. 604, 6; прп. Исих., Доброт., II, с. 164, 31.

[7] Нил Син., I т., 210, 9.

[8] Евагр. м., Доброт., I, с. 604, 6; Варс. и Ин., отв. 486.

[9] Евагр. м., Доброт., с. 572, 14; Нил Син., Твор., т. I, 210, 9; ср. Ин. Леств., 26, 216; Ефр. Сир., Доброт., II, с. 402, 156; Ин. Кас., Кн. 8, 6.

эта страсть сравнивается с гангреной и называется «кратковременным бешенством»[1]. Св. Иоанн Златоуст так говорит об этой страсти: «Ничто так не помрачает чистоту души и ясность мысли, как гнев необузданный и выражающийся с великой силой». «Гнев губит и разумных», — говорит Премудрый (Притч. 15, 1). Помраченное им око души, как бы в ночном сражении, не может отличить друзей от неприятелей и честных от бесчестных... пылкость гнева заключает в себе некоторое удовольствие, и даже сильнее всякого удовольствия овладевает душою, извращая все ее здравое состояние. Он производит гордость, несправедливые вражды, безрассудную ненависть, часто принуждает без разбора и без причины наносить оскорбления, и заставляет говорить и делать много другого подобного, так как душа увлекается сильным напором страсти и не может собраться с силами, чтобы противостать ее стремлению[2].

Печальными последствиями содержащегося в нашей душе смертоносного яда гнева является, по мысли преп. Иоанна Кассиана, то, что мы не можем ни стяжать правильного различения добра и зла, ни обладать зрелостью совета, ни быть причастниками жизни бессмертной, ни держаться правды неуклонно, ни даже воспринимать истинный духовный свет, так как, омрачившись тьмою его (гнева), мы не можем быть храмом Святого Духа, пока будет обитать в нас дух гнева. Удерживаемый в сердце гнев хотя присутствующих людей не оскорбляет, но исключает светлое сияние Святого Духа, все равно как и обнаруженный на деле[3]. *В религиозном отношении* эта страсть удаляет и искореняет из сердца главней-

[1] Евагр. м., Доброт., I, с. 509, 3.

[2] Ин. Злат., Твор., I т., с. 432.

[3] Ин. Кас., Кн. 8, 1, 12; ср. 6 гл.; Ефр. Сир., Доброт., II, с. 400, 138; Ин. Леств., 8, 14.

шие христианские добродетели: любовь к Богу и ближним, терпение, кротость, смиренномудрие, милосердие и подобные другие[1]. Молитву к Богу делает совершенно бесплодной и лишает гневающегося всякого «милосердия Божия», чрез что и губит самую душу[2].

В аскетической литературе отмечается еще особый вид гнева — добрый, согласный с разумом. Похвальный гнев бывает, когда мы гневаемся на самих себя, т. е. на приходящие на нас худые помыслы; или же когда гневаемся на худые поступки ближнего нашего[3]. Но не все отцы-аскеты признают этот так называемый праведный гнев. Нил Синайский говорит: «Нет совсем гнева на ближнего, который был бы праведен»[4]. Антоний Великий поясняет, почему не должно и справедливо гневаться на согрешающих: «Потому что гнев действует только по страсти, а не по суду и правде»[5]. Так опасна страсть сама по себе как болезненный порок, что праведный гнев по-видимому безгрешное явление обращает в греховное; из состояния естественного она делает его противоестественным[6] и ставит его в ряду других порочных страстей, приобретая все их дурные свойства, — и вот пред нами является новая «неразумная страсть»[7].

---

[1] Евагр. м., Доброт., I, с. 575, 26; Ин. Кас., Соб. 16, 27; Нил Син., Твор., т. I, 210, 9–10; Ефр. Сир., Доброт., II, с. 405, 186.

[2] Ин. Кас., Кн. 8, 12; Нил Син., О гневе. Доброт., II, с. 251, 20, 21; 17, 18; Евагр. м., Доброт., I, с. 604, 6; Ин. Леств., 9, 14.

[3] Ефр. Сир., Твор., т. I, 10.

[4] Ин. Кас., Кн. 8, 8; ср. Нил Син., Слово о молитве. Доброт., II, с. 210, 24; Блж. Диадох (Подвижническое слово). Доброт., III, с. 12, 10 и с. 40, 62.

[5] Ант. Вел., Наставления. Доброт., I, 76, 69; ср. Авва Дор., Поуч. 17, 182.

[6] Прп. Исихий, О трезвении и молитве. Доброт., II, 166, 34.

[7] Марк Подвиж., Доброт., I, с. 474, 8.

Поэтому всякий гнев, какими бы мотивами ни прикрывался, сознанием ли недостатка ближних, стремлением ли к их исправлению, или, наконец, обидой за несправедливость людей — все равно он не может иметь оправдания с нравственной точки зрения — как страсть. Как страсть, с присущим ему свойством стремительности, гнев не может иметь духовной устойчивости, и, быстро переходя границы должных пределов, он впадает в гибельную крайность. В данном случае справедливый гнев на ближних в своей резкой форме проявляется нередко в форме лжи и осуждения, а ложь, по общему мнению отцов-аскетов, есть уже уничтожение любви[1]; осуждение есть похищение Божия достоинства и губительство своей души[2]. При дальнейшем своем существовании эта страсть производит и других своих детей: зависть, соперничество, вражду[3]. Она делает человека клеветливым и доводит его до «духовного братоубийства»[4]. Часто повторяемый гнев рождает в душе человека злопамятство («памятозлобие»), которое не менее самой страсти грешно и ненавистно для Бога[5]. Памятозлобие есть исполнение гнева, ненависть к правде, пагуба добродетелей, ржавчина души, червь ума, законопреступление неусыпающее, злоба повсечасная[6], — так характеризует это состояние один св. отец. Такая злоба, по словам Антония Великого, поселившаяся в сердце человека, является несомненной смертью для души,[7] ибо часто вместе со страстию

[1] Ин. Леств., Сл. 12, 2 (ср. Ефр. Сир., О борьбе с гневом. Доброт., II, с. 403, 161, 163).

[2] Там же, 10, 14.

[3] Ефр. Сир., Доброт., II, с. 401, 140–141, 161.

[4] Там же, 143 гл.; Ин. Леств., 8, 29; Нил Син., О гневе. Доброт., II, с. 252, 37.

[5] Ин. Леств., 9, 14, 18; Авва Дор., 8, 101.

[6] Ин. Леств., 9, 2.

[7] Ант. Вел., Наставления. Доброт., I, 58, 71.

гнева она переходит в хуление на Бога[1]. Поэтому страсть гнева за свои гибельные последствия отцами-аскетами считается гораздо более важным, серьезным и опасным пороком, чем предыдущие страсти[2].

В порядке следования у отцов-аскетов помещаются две сродные по характеру обнаружения и разные по названию страсти: *печаль и уныние.*

Как по законам психологии вслед за бурными порывами какой-либо страсти должна последовать реакция в виде ослабления и упадка душевной энергии и выразиться в новых аффективных состояниях, так и, по учению отцов-аскетов, вслед за бурными состояниями гнева как некоторая духовная реакция наступает состояние печали[3]. Помимо этого психологического основания, отцы-аскеты прямо и ясно указывают на тесную взаимную связь печали и страсти гнева. Преп. Иоанн Кассиан указывает и самый момент, когда наступает состояние печали — «по прекращении гнева»[4]. Преп. Нил Синайский говорит: «Печаль бывает следствием гневных помыслов; ибо гнев желает отмщения; неуспех же в отмщении рождает печаль»[5]. Предшествующая печали страсть, постепенно ослабляя повышенное настроение духа и волю, тем самым в душе создавала для насаждения новых страстей (т. е. уныния и печали) удобную почву с готовыми семенами пороков, которые, как только прольется на нашу душу дождь искушений, тотчас производят ростки и плоды[6]. И действительно, по аскетическому учению, печаль не может найти себе доступа в ту душу, в которой ранее не свили

[1] Варс. и Ин., отв. 226.

[2] Евагр. м., Наставления... Доброт., I, 575, 26.

[3] Ин. Кас., Кн. 9, 1; он же, Соб. V, 10; Ефр. Сир., Доброт., II, с. 377, I; Евагр. м., О восьми помыслах... Доброт., I, 603, 1.

[4] Ин. Кас., Соб. V, 11.

[5] Нил Син., Твор., т. I, 212, 11.

[6] Ин. Кас., Кн. 9, 5.

себе прочного гнезда какие-либо другие страсти[1]. Таким образом, печаль является не только как следствие гнева, но и прочие другие страсти могут оставить ее в качестве наследницы.

Конечно, печаль может рождаться от многих причин. Эта страсть, говорит преп. Иоанн Кассиан, иногда происходит от порока предшествующего — гнева — или рождается от неудовлетворения желания какой-нибудь корысти, или от понесения убытка, или от нанесения нам обиды; печаль рождается от всего того, что нам противно (неприятно, противоречит)[2]. Проще сказать, печаль возникает как следствие неудовлетворенности наших страстных желаний или удовлетворения их неполного, не доставляющего удовольствия[3]: «желающий себе чести не может иметь недостатка в печали»[4]. Иногда печаль, утверждают отцы-аскеты, рождается и без видимой внешней причины, от причин внутренних: «одна (печаль) происходит в сердце без видимой причины (к печали), от неразумной скорби сердца или отчаяния» — (Ин. Кас., Соб. V, II), другая же «рождается и вторгается от причин странных», — говорит преп. Нил Синайский[5]. Отсюда — существуют два вида печали греховной[6]. Есть еще особый вид печали, именуемой «печалью по Богу». Такая печаль, имеющая своим центром Бога, возникающая от покаяния в грехах, или от желания совершенства, или от созерцания будущего бла-

---

[1] Нил Син., Твор., т. I, 213, 11 гл.

[2] Ин. Кас., Кн. 9, 4 и Соб. V, 11 (ср. Нил Син., т. I, с. 214, 12 и с. 232).

[3] Евагр. м., Доброт., I, 604, 5; Ин. Кас., Твор., V, 11; (ср. Ис. Сир., 30, 143).

[4] Ис. Сир., I, сл. 11, ср. Евагр. м., Доброт., I, с. 571, 9, 1.

[5] Нил Син., Твор., т. I, 232.

[6] Там же; Ин. Кас., Соб. V, 11.

женства — признается печалью полезной[1]. Печаль эта по характеру и свойствам своим далеко не похожа на печаль греховную — «бесовскую»: она бывает послушна, приветлива, смиренна, кротка, приятна, терпелива как происходящая от любви к Богу[2]. Печаль по Богу подкрепляет душу слезами... заботится о приближающейся смерти и Суде и ожидает сего с терпением и любовью[3]. В таком смысле эта печаль («печаль ума») является драгоценным Божиим даянием[4]. Совсем другой характер имеет печаль, когда человек не Бога, а себя самого, свою «самость», свои удовольствия ставит центром жизни. Тогда печаль имеет характер мрачной, безнадежной тоски, приводящей человека к апатии, к бездеятельности в духовно-нравственном отношении. Такая печаль, являясь болезнию души и плоти, парализует первую и как бы связывает, «пленяет» деятельные силы и способности человека[5]. Печаль эта бывает очень сурова, нетерпелива, жестока, строптива, соединена с бесплодною грустию и мучительным отчаянием; подвергшегося ей, расслабляя, отвлекает от усердия и спасительной скорби, как безрассудная, прерывает не *только* действенность молитв, но упраздняет и все духовные плоды, которые печаль ради Бога доставляет[6]. Из приведенных мест уже с очевидностью открываются гибельные свойства этой страсти. Печаль не позволяет охваченному ею человеку ни совершать молитвы с обычною ревностию сердца, ни с пользою заниматься священным чтением; не попускает быть спокойным и кротким с братиями: ко всем

[1] Ин. Кас., Кн. 9, 10; Варс. и Ин., отв. 737.
[2] Ин. Кас., Кн. 9, 11 гл.
[3] Нил Син., Твор., т. I, 232.
[4] Ис. Сир., Слова..., 89, 411.
[5] Нил Син., Твор., т. I, 232, 214, 11.
[6] Ин. Кас., Кн. 9, 11; 9, 1.

обязанностям трудов или богослужений делает нетерпеливым и неспособным[1].

Душа, снедаемая едкой печалью, как одежда молью, настолько портится, что делается бесплотной и непригодной на построение и украшение того духовного храма, основание которого положил мудрый строитель Павел, говоря: *вы есте храм Божий, и Дух Божий живет в вас* (1 Кор. 3, 16)[2]. Человек, преданный долго глубокой печали, настолько ослабляет свои духовные силы, что лишает себя всякой возможности идти по пути нравственного своего совершенства, и самое спасение ему часто начинает казаться недостижимым, подвиги — напрасными, труды, надежды — бесполезными. И так доходит печалью снедаемый или до *полного уныния*, или до *отчаяния*. Это особый род печали, гораздо худший, ибо ведет душу не к исправлению жизни, не к очищению пороков, а прямо к смерти[3]. Такое состояние может легко привести к последованию примеру Иуды. Ничто так не сильно и не гибельно для души человека, как отчаяние, говорит преп. Исаак Сирин. Оно не знает, чтобы кто его победил тем или иным способом и средствами. Никто из врагов не может противостоять ему. И человек, предавшись ему, подклонил свою главу, чтобы принять на себя смерть[4].

Уныние, хотя не так опасно для души человека, как полное отчаяние, но как страсть по своим свойствам оно является для нее гибельным ядом. Страсть уныния обычно у отцов-аскетов встречается наряду с печалью. Даже часто один термин («печаль») ставится вместо другого («уныние»); и это, конечно, потому, что симптомы той и другой страсти выра-

---

[1] Ин. Кас., Кн. 9, 1; 4; Нил Син., Твор., т. I, 213.

[2] Там же, 9, 3.

[3] Ин. Кас., Кн. 9, 9.

[4] Ис. Сир., Твор. Доброт., II, с. 685, 124.

жаются очень часто почти в одинаковых формах, выступая несколько интенсивнее в страсти уныния. В этом последнем смысле уныние и определяется как окончательное, полное развитие предшествующей страсти (печали)[1] на общей психологической почве. Действительно, все характеризующие печаль симптомы, выражаясь в страсти уныния в более резких формах, захватывают, овладевают в человеке более широкой областью — всеми его душевными силами, почему страсть уныния у преп. Нила Синайского и называется не только болезнию души (как печаль), а «изнеможением души»[2]; и это так потому, что в то время как другие страсти касаются только или раздражительной части души, или вожделевающей, или же мыслительной, уныние, охватывая все силы души, вдруг, за одним духом, приводит в движение почти все страсти — вот почему оно и тяжелее всех других страстей[3]. Страсть эта поэтому характеризуется как «слабость души», «расслабление души»[4], «изнеможение души»[5], как общее душевно подавленное состояние[6]. Душа человека, подверженного унынию, с утратой в силу этого разумом всякой власти над ходом душевной жизни, представляется как бы вовсе бездействующей в отношении религиозно-нравственного подвига, расслабленною, как бы «дремлющею»[7]. Все прочие страсти, при условии общей расслабленности душевного

---

[1] Ин. Кас., Кн. 9, 1; ср. Нил Син., т. I, 212.

[2] Нил Син., Твор., т. I, 215, 13; 232.

[3] Макс. Исп., Доброт., III, с. 171, 67; Евагр. м., Наставления... Доброт., I, 574, 25; Ефр. Сир., О борьбе с унынием. Доброт., II, с. 416, 239.

[4] Ин. Леств., 13, 2.

[5] Нил Син., Твор., т. I, 215, 13; с. 217.

[6] Ис. Сир., Слова..., с. 78.

[7] Нил Син., там же; Ин. Кас., Кн. 10, 4; Ин. Леств., 13, 2.

состояния, нападая на человека сущего в унынии, действуют с полной силой, не встречая себе надлежащего отпора со стороны нерешительной воли; душа такого человека представляет собою поприще их полного над нею господства. Поэтому человека, впавшего в уныние, узнают по многим характерным чертам, каковы: леность, ропотливость, негодность к делу[1], отсутствие терпения, бесцельный переход с места на место, безделье и праздность, суетность в мыслях[2]. Леность и расслабление в молитвенном подвиге, скука при чтении и слушании слова Божия, нерадение при отправлении Божественных служб, малодушие, приводящее иногда к полной потере надежды на Бога[3], — все это, несомненно, признаки страсти уныния.

То, как уныние вкрадывается в сердце и какой вред оно причиняет духу, ясно и характерно изобразил преп. Иоанн Кассиан, представив картину нападения страсти уныния на монаха. Этот отец говорит, что когда уныние нападает на жалкую душу, то производит страх места, омерзение в келлии, также и к братиям, которые живут с ним или вдали, порождает презрение, отвращение, как к нерадивым и менее духовным. Также и ко всякому делу внутри келлии делает ленивым, нерадивым. Не попускает ему ни основаться в келлии, ни прилежать чтению, и он часто стонет, что, пребывая столько времени в той же келлии, ничего не успевает, ропщет и вздыхает, что не имеет никакого духовного плода, пока будет связан с этим обществом, скорбит, что не имеет духовной пользы и напрасно живет в этом месте, так

[1] Ефр. Сир., Доброт., II, гл. 232, 244, 229; с. 415, 226–227.

[2] Там же, гл. 249, 230; 232–234; 236, 234.

[3] Нил Син., Твор., т. I, с. 217, 214; Ин. Леств., 13, 7; Евагр. м., Наставления... Доброт., I, 572, 14; ; Ин. Кас., Кн. 10, 2; Мак. Вел., Беседы..., 450.

как, имея возможность управлять другими и приносить пользу очень многим, он никого не назидает и никому не доставляет пользы своим наставлением и учением. Другие отдаленные монастыри хвалит и места те считает более полезными к преспеянию и более способствующими спасению; также общество братий представляет приятными духовной жизни. Напротив, что находится под руками, то все худо, не только нет никакого назидания между братиями, но и самое телесное содержание приобретается не без большого труда. Наконец думает, что, пребывая в этом месте, он не может спастись; нужно оставить келлию, в которой ему придется погибнуть, если еще будет оставаться в ней, и потому как можно скорее переселяется в другое место. Потом уныние производит также расслабление тела и голод в пятом и шестом (по нашему счислению в 11-ом и 12-ом) часу, как будто он утомлен и расслаблен был долгим путем и самым тяжелым трудом или будто проводил два или три дня в посте, без подкрепления пищей. Потому тогда беспокойно озирается туда и сюда, вздыхает, что никто из братий не идет к нему, часто то выходит, то входит в келлию и часто взглядывает на солнце, как будто оно медленно идет к западу. Таким образом, в таком неразумном смущении духа, как бы земля покрылась мраком, пребывает праздным, не занятым никаким духовным делом, и думает, что ничто другое не может быть средством против такой брани, как посещение какого-либо брата или утешение от одного сна. Потому этот недуг внушает, что нужно делать приличные поздравления и посещения недужных вблизи или вдали находящихся. Также внушает как какие-нибудь благочестивые набожные обязанности, что надобно найти родителей и чаще ходить для поздравления их; считает великим делом благочестия чаще посещать какую-нибудь благочес-

тивую, посвятившую себя Богу женщину, особенно не имеющую никакого пособия от родителей, и если что ей необходимо, чего не дают ее родители и небрегут, о том заботиться есть дело святое и больше надобно к этому прилагать благочестивый труд, нежели бесплодно, без всякого преспеяния сидеть в келлии. И так несчастная душа, опутанная такими хитростями врагов, расслабленная духом уныния, как сильным тираном, впадает в сон или, выгнанная из затвора келлии своей, начинает искать в этой брани утешений в посещении брата; и этим средством, от которого в настоящее время как будто получает облегчение, намного после этого больше бывает расслаблена. Таким образом воин Христов, сделавшись беглецом из своей военной службы и изменником, связывает себя житейскими делами и становится неугодным военачальнику (2 Тим. 2, 4)[1].

Что касается того, откуда происходит уныние, отцы-аскеты дают такой ответ: уныние происходит или от естественных причин — «переутруждения», или же от беса[2]. Есть уныние *естественное* — от бессилия, и есть уныние *от беса*. Естественное уныние наступает тогда, когда человек трудится выше силы своей и понуждает себя на еще большие труды[3]. От беса происходит уныние тогда, когда враг, видя человека в лености (в этом предвестнике уклонения в худое) или праздности, нападает на душу слабую, невооруженную и еще более ослабляет ее и окончатеьно связывает своими оковами[4]. Таким об-

[1] Ин. Кас., Кн. 16, гл. 2–3; Евагр. м., Доброт., I, 604, 7; Ефр. Сир., Доброт., II, с. 419, 257; Нил Син., I, 245 и 233.

[2] Евагр. м., Доброт., I, с. 630, 16; Ин. Кас., Соб. V, 11; Ин. Леств., 13, гл. 15.

[3] Варс. и Ин., отв. 559.

[4] Нил Син., 214; Ефр. Сир., Твор., III, 412; Евагр. м., Доброт., I, 595, 8; ср. Ин. Кас., Кн. 10, 21.

разом, причины, производящие страсть уныния, заключаются в нас самих — это леность, праздность вообще, беспечность и отсутствие в нас сердечного делания[1]. Наша слабость душевная служит только почвой для сеяния врага, а самое расслабление есть отражение состояния нашей воли[2]. Страсть уныния прежде всего характеризуется как болезненное состояние нашей расслабленной *воли*, почему все отцы-аскеты для укрепления последней настойчиво советуют труд, рукоделие и подобного рода занятия[3]. Страсть уныния, как и сродная с нею печаль, составляя «болезнь души», сами являются, несомненно, состояниями слабой и болезненной воли[4]. Отсюда понятны те основания, по которым отцы-аскеты, оценивая значение уныния в духовной жизни, считают эту страсть в высшей степени опасным, злым и тяжким врагом для подвигов спасения[5]. Уныние, ослепляя ум человеческий, делает его неспособным к созерцанию истины добродетелей; уничтожает самые добродетели терпения, смирения и любви, на которых утверждается наше спасение; и, ослабляя нашу душу и волю (и без того слабую), является, по выражению отцов-аскетов, «всепожирающею смертию» для человека-христианина[6].

Итак, *печаль* и *уныние,* а равно *сребролюбие* и *гнев,* по учению отцов, суть расположения нашей греховной души, внутренние психофизические явления, наиболее отчетливо собою выражающие состояние нашей болезненной воли.

---

[1] Варс. и Ин., отв. 470; и прежняя цит. Ин. Кас., Соб. V, 3.

[2] Варс. и Ин., отв. 497 и 13.

[3] Нил Син., I, 217; Ин. Кас., Кн. 10, 8, 14 и др.

[4] Нил Син., I, 232; 213–217.

[5] Ин. Кас., Кн. 10, 1; Евагр. м., Доброт., I, с. 573, 19; ср. Макс. Исп., Доброт., III, с. 171, 67.

[6] Ин. Кас., 10, 4, 6; Нил Син., Доброт., II, 239, 254 и Ин. Леств., 13, 6.

Что касается последней пары страстей — *тщеславия* и *гордости,* то они между собою связаны такой тесной связью, что нет возможности сделать точные разграничения между ними. Иоанн Лествичник говорит, что между ними нет различия, ибо, победив тщеславие, можно быть обладаемым гордостью. Между сими страстями такое различие, какое между отроком и мужем, между пшеницею и хлебом; ибо тщеславие есть начало, а гордость — конец[1]. Эти две связанные между собою генетическим родством и непосредственностью страсти, заканчивая собою ряд главнейших пороков, достигают высшей степени гибельности для религиозно-нравственной жизни человека как по своей сущности, так, особенно, по той тонкой, трудно уловимой форме своего проявления в душе. В то время как прочие страсти, по учению отцов-аскетов, истребляются соответствующими добродетелями, например, чревоугодие — постом, блуд — воздержанием, сребролюбие — милосердием к бедным и т. п., страсти тщеславия и гордости сопровождают самые добродетели и губят их[2]. Это обусловливается тем, что названные страсти проявляются при заметных успехах по пути осуществления подвижничества, вследствие приобретения и развития в себе некоторых добродетелей[3], так как тщеславие примешивается ко всякому добродетельному делу[4]. Оно возбуждается, и возбуждается не иным чем, как успехами в добродетелях того, на кого оно нападает[5]. Наоборот, всякая добродетель, направленная на умерщвление тщеславия, легко может способствовать развитию последнего, так как,

[1] Ин. Леств., Сл. 22, 4; ср. Ин. Кас., Соб. V, 10.

[2] Евагр. м., Доброт., I, с. 605, 8; Ин. Кас., Кн. 11, гл. 9.

[3] Ант. Вел., Наставления. Доброт., I, 60, 77.

[4] Нил Син., О тщеславии, Доброт., II, с. 260, 1.

[5] Ин. Кас., Кн. 11, 8.

говорит Евагрий-монах, что ни сделаешь к прогнанию его, то становится началом нового движения тщеславия[1]. Поэтому эти страсти (тщеславие и гордость) даже противным образом и порядком возбуждаются, чем все шесть остальные, ибо по истреблении тех — эти сильнее плодятся, и по умерщвлении тех — живее возникают и возрастают[2]. Этим отчасти обусловливается то, что нападение этих страстей на человека бывает более сильно и тонко, нежели первых[3]. Тщеславие многообразно, разновидно и тонко, так что едва ли можно самыми прозорливыми глазами предвидеть его[4]. Оно нападает на подвижника с правой и с левой стороны, ибо диавол в ком не мог породить тщеславия видом хорошо сшитой одежды, того запинает убогою; кого не мог низвергнуть честию, того запинает смирением; кого не мог заставить превозноситься знанием и красноречием, того обольщает важностью молчания; если кто будет явно поститься, то искушается суетною славою. Старцы хорошо представляют, говорит преп. Иоанн Кассиан, свойство этой страсти в виде лука и чеснока, которые, по снятии одного покрова, оказываются покрытыми другими[5]. Прочие страсти на тех только нападают, кого победили и, будучи побеждаемы, увядают и слабеют, а эта страсть еще жесточе преследует своих победителей[6]. «Иные страсти иногда при помощи места успокаиваются, и при удалении предмета греха, или удобства, или повода к нему обыкновенно укрощаются и уменьшаются, а эта страсть и с бегущим в пустыню проникает, и

[1] Евагр. м., Доброт., I, с. 573, 20.
[2] Ин. Кас., Соб. V, 10.
[3] Там же, 4 и 5 гл.
[4] Там же, гл. 1.
[5] Ин. Кас., Кн. 11, 4, 5; ср. гл. 2.
[6] Там же, гл. 7, 8.

место не может исключить ее», не изнемогает и от удаления внешнего предмета. Ибо она воодушевляется не иным чем, как успехами добродетелей того, на кого нападает[1]. Прочие страсти с течением времени иногда ослабевают и прекращаются; а этой страсти долгое время не только не подавляет, но придает ей еще большее поощрение[2]. В том и состоит опасность тщеславия, что в то время как прочие страсти, при противоборстве противоположных им добродетелей открыто, как бы ясным днем воюющие, удобнее можно победить и предостеречь их, эта, прильнувши к добродетели, вместившись в строй войска, сражается, как в темную ночь, и потому коварнее обманывает не ожидавших и не остерегавшихся ее[3]. Все сказанное здесь о тщеславии с большим правом можно относить и к гордости.

Что касается, в частности, тщеславия (kenodoxia), то оно, несомненно, предполагает в человеке наличность некоторых добродетелей, достигнутых успешным прохождением подвижничества[4]. Начинается оно с самого, по-видимому, ничтожного: только еще начинающих (подвижников) и мало преуспевающих в добродетели тщеславие обыкновенно превозносит за звуки голоса, т. е. что они приятно поют, или что у них плоть истощена постом, или что они красивы. Потом тщеславие внушает монаху искать степени клирика, пресвитера с целью учить других и давать им образец святости; так постепенно страсть опьяняет ум монаха[5].

Характерным здесь является то, что средством для достижения почести и славы человек избирает

[1] Ин. Кас., Кн. 11, 4, 5; ср. гл. 8.
[2] Там же.
[3] Там же, гл. 9; ср. Ин. Леств., 22, 5.
[4] Евагр. м., О восьми помыслах, к Анатолию. Доброт., I, с. 605, 8.
[5] Ин. Кас., Кн. 11, 13–15; ср. Ин. Леств., 22, 26, 31.

труды, подвиги, совершение добродетелей[1]. Это же самое является и выразителем самой сущности разбираемой страсти. Избирая подвижничество средством достижения собственной славы, тщеславный извращает в корне как цель христианского подвижничества, так и самое понятие о христианских добродетелях. Цель подвигов ложная и, как таковая, не может иметь цены с нравственной точки зрения[2]. Обращая цель в средство тщеславия, тщеславный чрез глубокое извращение понятия подвижничества несомненно встает на гибельный путь самолюбия. Истинный Христов подвижник непрестанно пребывает в таком горячем желании, чтобы Бог славился в нем, сам же он остается как бы несуществующим. Такой человек и не знает, что он такое, и не чувствует наслаждения в самых похвалах словесных; но при сильном желании смирения он не думает о своем достоинстве[3]. Не то мы видим у человека, увлеченного духом тщеславия: все его подвиги и доброделания являют в нем стремление не к славе Господа, по побуждениям чистой любви к Богу, а стремление к славе собственной (славе человеческой), т. е. к удовлетворению личного своего себялюбия[4]. Тщеславие (а с ним и гордость) основанием своим имеет «себялюбие», постоянно сопровождаясь памятованием о своем собственном достоинстве[5]. Центр такой (по страсти) деятельности полагается не в Боге, а в самом человеке. Поэтому преп. Антоний Великий, поставляя тщеславие наряду с богозабвением, считает его самою большою и неисцельною болезнью души[6].

[1] Евагр. м., там же. Доброт., I, с. 605, 8.
[2] Ант. Вел., Наставления. Доброт., I, 60, 77.
[3] Блж. Диадох, Доброт., III, гл. 13.
[4] См. Вас. Вел., Твор., т. V, 202; 52 втор.
[5] Блж. Диадох — прежняя цитата.
[6] Ант. Вел., там же, с. 92, 158.

Точное и глубокое определение тщеславия с этой именно точки зрения мы находим у преп. Максима Исповедника. По его словам, тщеславие есть отступление от цели, которая по Богу, и приступление к другой цели, которая не по Богу. Ибо тщеславен тот, кто для своей, а не для Божией славы заботится о добродетели и трудами своими имеет в виду накупить лишь человеческих непостоянных похвал[1]. Такая человеческая слава по сравнению с славой Божественной является напрасною, суетною, ложнотщетною, почему и самое состояние это называется «тщеславием».

Совершая подвиги доброделания ради приобретения славы людской, с надеждой получить человеческую похвалу, человек, естественно, все свое внимание обращает не на суть подвигов, а на внешнюю только их сторону[2]. И, конечно, внешняя благовидность поступков и действий является «пустоцветом», прикрывающим серьезные внутренние пороки, так как человек, обманывая себя внешними своими деланиями, внутреннее свое делание разоряет и губит[3]. Опьяняя ум подвижника и представляя мечтательно такие положения, о которых нет основания умно рассуждать[4], тщеславие тем самым препятствует ему (уму) предстать пред Богом и стяжать венец истинной праведности[5]. Правда, оно побуждает подвижника на многие труды, посты, молитвы, милостыни и т. п., но этим всем, по слову Антония Великого, человек ничего другого не достигает, кроме стыда и поношения[6], так как тщеславие губит все

[1] Макс. исп., Доброт., III, с. 279, 193.

[2] Нил Син., т. I, 218, 16; Макс. исп., там же; Авва Фалассий, Доброт., III, с. 312, 29.

[3] Евагр. м., Доброт., I, с. 581, 64.

[4] Ин. Кас., Кн. 11, 15.

[5] Евагр. м., Доброт., I, с. 581, 64.

[6] Ант. Вел., Наставления. Доброт., I, 60, 77.

раньше приобретенные человеком добродетели и здесь иногда (подверженного этой болезни) наказывает по суду правды Божией[1]. Одно тщеславное превозношение способно погубить такие великие добродетели, каковы были добродетели, и вера, и праведность царя Езекии, набожность которого заслужила того, что они могли изменить самую природу и законы всего мира (разумея возвращение солнца на 10 ступеней назад и возвращение дней жизни на 15 лет), и однако все это погибло чрез одно превозношение тщеславия, так что все добродетели преданы забвению, как бы их и не было[2]. Чрез страсть тщеславия человек для жизни духовной делается бесплодным; душу тщеславного человека часто сравнивают с «ямой безводной»[3], а самого его называют идолопоклонником, хотя бы он был и верующим[4].

Кроме того, у человека тщеславного на почве видимой благовидности развиваются неизбежные пороки: двойственность, лицемерие, ложь, зависть, ненависть[5] и др. А главным здесь является то, что тщеславие, достигающее полного своего возраста, переходит в самую гибельную и бесовскую страсть — «гордость».

Все характерные, наиболее выражающие страсть черты являются резче, выпуклее и более выраженными в страсти гордости. Если человек тщеславный услаждается своими подвигами и достоинствами, видя в них средство достижения известности, славы, почести от людей, то гордый уже прямо и неприкро-

---

[1] Ин. Леств., Сл. 22, 7, 8, 31; Варс. и Ин., Доброт., II, с. 564, 19.

[2] Ин. Кас., Кн. 11, 10. В 11 гл. приведен другой пример наказания царя Озии проказою за тщеславие. Ср. Нил Син., т. I, 217, 13; Ин. Леств., 22, 7–8.

[3] Евагр. м., Доброт., I, с. 602, 11; Ср. там же, с. 625, 10.

[4] Ин. Леств., 22, 6.

[5] Там же; Авва Фалассий, Доброт., III, с. 291, 19; Древн. пат., гл. 132, 8, 5; Ефр. Сир., Твор., I, 255; Нил Син., т. I, 228.

венно усвояет их себе. Вознося свою собственную личность, он утверждает свою полную независимость не только от кого бы то ни было, но даже и от Бога[1]. Свое назначение такой человек надеется осуществить без Божественной помощи[2], признавая совершенно достаточными свои силы для осуществления добродетелей[3]. Если в тщеславии чувствуется недостаток любви к Богу, забвение о славе Божией, — то в гордости проявляется прямое, решительное, сознательное пренебрежение к Божественной славе, явное нежелание «воздать славу Богу». Поэтому гордый не сознает немощей своей падшей природы[4] и, видя в себе самом источник сил, смело отвергает «благодать», «промысл»[5]. Иногда даже он открывает хульные свои уста на небо[6] и бывает «чужд всяких добродетелей»[7].

Основой для гордости служит общее и всем прочим страстям *себялюбие*, которое здесь проявляется в более заметной форме, достигая часто явного, сознательного и упорного сопротивления Богу, — вот почему гордость, по учению отцов-аскетов, тяжелее и пагубнее всех прочих пороков[8], а человек гордый имеет «общую часть с бесами»[9]. Гордость, по мнению отцов, есть «древнее зло»[10], «первое зло и последнее»[11] и источник зла, ибо гордостью пал первый из Ангелов, гордостью же падают и все

---

[1] Евагр. м., Доброт., I, с. 605, 9.
[2] Ин. Леств., 23, 1.
[3] Нил Син., т. I, 221, 18.
[4] Ефр. Сир., Твор., III, 98. Авва Дор., Поуч., 2, 42.
[5] Евагр. м., Доброт., I, с. 574, 22.
[6] Ефр. Сир., Твор., III, 98; Ин. Леств., 23, 34.
[7] Ин. Леств., 23, 33.
[8] Евагр. м., Доброт., I, с. 605, 9; Нил Син., т. I, 220, 17; Ин. Кас., Кн. 12, 1.
[9] Ин. Кас., там же, 7; Доброт., II, 424, 290.
[10] Нил Син., Доброт., II, с. 303, 6.
[11] Феод. Студ., Доброт., IV, с. 327, 2.

люди[1]. Гордость — это «самый лютый и свирепый зверь»[2]; «из нее, как из какого корня, произросли мириады лоз греховных»[3]. Она поэтому всего более ненавистна Богу — «мерзость пред Господом»[4]. Она настолько велика и сильна, что гордого может исправить только «Сам Бог»[5].

Гордости, по мнению отцов-аскетов, два рода: первый — *плотский*, второй — *духовный*. Первый искушает новоначальных и плотских, а другой — мужей духовных и высоких (по жизни), которые, победив предыдущие пороки, находятся уже почти на верху добродетелей. «Первая гордость есть та, когда кто укоряет брата, когда осуждает и бесчестит его как ничего не значащего, а себя считает выше его; таковой, если не опомнится вскоре и не постарается исправиться, то мало-помалу приходит и во вторую гордость, так что возгордится и против Самого Бога, и подвиги и добродетели свои приписывает себе, а не Богу, как будто сам собою совершил их, своим разумом и тщанием, а не помощию Божиею»[6]. Хотя тот и другой род гордости вдыхается вредным возношением как на Бога, так и на людей, однако ж тот первый касается отношения к людям, выражаясь в разрыве союза с ближними, оскудения к ним любви, превозношений над ними с намеренным желанием обратить их в средство своего эгоизма, а второй составляет скорее гордость на самого Бога[7].

---

[1] Ин. Кас., там же, 1, 4.

[2] Там же.

[3] Феод. Студ., Доброт., там же.

[4] Нил Син., Доброт., там же.

[5] Ин. Леств., 26, 180.

[6] Авва Дор., Поуч., 2, 46; ср. Ин. Кас., Кн. 12, 29.

[7] Ин. Кас., Кн. 12, 2, 24; он же, Соб. V, 12. Прекрасную психологическую характеристику развития духовной гордости из гордости первого рода дает нам Авва Дорофей на примере брата во 2-м поучении своем, с. 46.

Таким образом, начинается страсть гордости с мнимо справедливого предпочтения себя другому, а после, путем незаметного возвышения своего «я», доходит до сопоставления себя со своим Творцом, сознательного противления Его промыслу и удаления от Него. Тщеславие обозначает собою первый период горделивой страсти, когда Божественная благодать стоит еще при дверях нашего сердца, ожидая от нас покаяния и смирения, — гордость обозначает второй период этой — духовной — болезни, когда наклон к духовной смерти становится заметнее ввиду того, что действие благодати все более и более парализуется возрастающим самолюбием; в этот же период наконец наступает и самая смерть духовная: когда человек весь погрузится в свой собственный эгоизм и чрез это выразит полный протест против благодати Божественной[1]. Поэтому «гордость есть отвержение Бога», «противница Богу, корень хулы»[2]. Начало гордости — корень тщеславия; средина — уничижение ближнего, бесстыдное проповедание своих трудов, самохвальство в сердце, ненависть обличения; а конец — отвержение Божией помощи, упование на свое тщеславие, бесовский нрав[3]. Будучи первоисточником всякого зла, ибо чрез гордость диавола вошел грех в мир[4], эта страсть составляет сущность греховной проказы человека; ибо она (совместно со страстью тщеславия) сопровождает и наши добродетели и наши пороки, и каждый случай нашей жизни обращает в повод для своего проявления и усилия[5] и тем самым ведет человека к неминуемой смерти ду-

[1] См. Ин. Леств., 23, 2.
[2] Там же, 23, 1.
[3] Там же, гл. 2; ср. Макс. исп., Доброт., III, с. 279, 192.
[4] Ин. Кас., Кн. 12, 5; Ин. Леств., 23, 4.
[5] Евагр. м., Доброт., I, с. 573, 20.

ховной, чрез отчуждение его от Бога, подобно ниспавшему с неба ангелу[1].

Тщеславие, особенно гордость, имея общей своей основой себялюбие, суть по преимуществу акты нашей воли. Право оценки поступков наших ближних, возвышение собственных своих достоинств, посягательство на право Божественного суда над нравственною личностью человека — все это смелое обнаружение действий воли, покоящихся на глубоких основаниях испорченности нашей природы. Свобода первого падшего ангела родила гордость, равно как и воля первого человека родила гордость — гордость сделала всех дерзкими. Человек по своей воле отпадает от Бога, добровольно подвергает себя опасности и — отдается в руки вечной смерти по той злой воле[2]. Поэтому гордость есть столь великое зло, что заслуживает иметь противником не ангела, не другие противные ей силы, но самого Бога[3], Которого она отвергает.

Окидывая ретроспективным взглядом сказанное о страстях, мы можем в кратких чертах сделать маленькое обобщение. Из рассмотрения последних двух страстей мы видим, что общей их основой служат самолюбие и эгоизм в их наивысшей степени развития и интенсивности. Это же самое основание (т. е. самолюбие и эгоизм, но в менее резкой степени выраженности) является общим и для всех страстей прочих. По учению Исаака Сирина, «прежде всех страстей — самолюбие»[4], от которого, «как ветви какие, от-рождаются страсти»[5]. Отсюда мы приходим к

[1] Евагр. м., там же.

[2] См. у Ин. Леств., 23, 4, 10; Ин. Кас., Кн. 12, 5.

[3] Ин. Кас., Кн. 12, 7.

[4] Ис. Сир., Слова..., 51, 228.

[5] Ефр. Сир., Доброт., II, с. 450, 71. Ср. Еп. Феофан, Толк. на Посл. Тим. (3, 2), 580.

такому выводу: каждая страсть есть прежде всего порождение самолюбия, которое является необходимой психологической почвой, на которой и из которой вырастают все страсти, заимствуя у нее свои соки и всецело определяясь ею в своих характерных особенностях. Этим, конечно, оправдывается и то мнение отцов-аскетов, что все страсти психологически сродны между собой и, нося на себе характер общего всем им себялюбия, являются по существу своему однородными актами, будь то страсть плотская или душевная.

Как выросшие на такой почве, все страсти суть явления психологические. Нравственному вменению они подлежат не за самые по себе факты, а за то греховное настроение, которое сопровождает тот или другой наш поступок. Точка опоры вменяемости страстей покоится на том основании, что душа есть начало свободное и господственное, а тело находится у нее в подчинении. По тесной связи души и тела и внешние проявления последнего носят на себе отражение первой и оцениваются как акты свободного выражения нашей души. Поэтому все наши страсти по преимуществу суть акты волевые. Все помыслы, всеваемые в нас врагом, делаются в нас греховными в зависимости от нашего произволения; в страсть они переходят после того, как в них помимо ума и сердца примет участие и воля человека. Главная роль остается в данном случае за волей, от которой зависит и самое существование той или иной страсти, и нравственная за нее ответственность пред судом Божественной правды. Грех, говорит преп. Ефрем Сирин, «вменяется не как ведение, а как решимость»[1].

Итак, результатом нашего анализа страстей являются следующие три положения: 1) все страсти

[1] Ефр. Сир., Твор., I, 23–25. Ср. Ин. Кас., Соб. VII, 8.

имеют одну *общую основу — самолюбие,* 2) все страсти — явления психофизические, и 3) все страсти суть акты волевые (по преимуществу).

Общее понятие страсти

Что же касается самого понятия страсти, то отцы-аскеты в существенном понимании и определении ее в общем согласны. Преп. Ефрем Сирин так определяет страсть: «страсть есть греховное движение, расположение ко греху и усилие, и как бы пожелание сделать грех»[1]. Более точно определяет страсть преп. Иоанн Лествичник; он говорит: «Страсть есть злое и неудобоискоренимое сложение помысла и хотение сердца, стремящегося к душевредным пожеланиям и греховным делам»[2]. Здесь страсть определяется в момент ее образования из помысла и понимается как отдельный, единичный момент общего духовного состояния человека. Так как далее эти отдельные страсти часто повторяются в одной и той же по существу форме и этим создают навык, ибо от частого в оных упражнениях душа получает некоторый навык[3], то страсть у отцов мыслится уже как «греховное настроение», созданное тем же навыком. «Страсти не суть какие-либо легкие помышления или пожелания, которые являются и потом исчезают, не оставляя по себе следа: это сильные стремления, внутреннейшие настроения порочного сердца. Они глубоко входят в естество души и долгим властвованием над нами и привычным удовлетворением их до такой степни сродняются с нею, что составляют наконец как бы ее природу». Так определяет страсти великий знаток аскетической литературы и но-

[1] Ефр. Сир., Твор., III, 412.
[2] См. добав. к «Лествице», 22 стр., Сл. 26, 91.
[3] Авва Дор., Поуч., 11, 142.

ситель отеческого духа наш русский богослов-подвижник преосвященный епископ Феофан[1]. Пользуясь всем сказанным, мы можем дать страсти приблизительно такое определение: *страсти — это суть коренящиеся на началах эгоизма и самолюбия психические явления, обнимающие собою все стороны нашей души и характеризующиеся сознательно свободной ко греху наклонностью, которая чрез частое свое повторение переходит в постоянное греховное настроение души и становится как бы второй природой человека.*

Теперь нам необходимо кратко указать на отношения страсти и греха между собою. Отцы-аскеты дают нам основание говорить об этих двух понятиях как о сродных между собою и находящихся во взаимоотношении[2]. Из рассмотрения нами (в начале сочинения) грехопадения и его последствий мы видели, что грех, не вытекая из естества нашей природы, явился как последствие «развращенной воли». Начало его кроется в существе человеческой свободы. Основой греха была человеческая «самость». Переходя преемственно в род человеческий, он сохраняет за собой и в каждом отдельном индивидууме все свои существенные признаки, ибо источник и сущность его скрывается в нашей душе, в мыслях и чувствах. Образование греха в душе каждого человека происходит общим (со страстями) путем и порядком. Грех входит «в дверь сердца мечтанием лукавого прилога». Поводом ко греху всегда служит тот или иной помысл. Если помыслу удастся остановить внимание ума, то наступает состояние, известное у отцов под именем «сочетания», когда наши помыслы и помыслы лукавых демонов смешиваются; далее наступает мо-

[1] См. «Домашняя беседа», 1873, с. 996.

[2] Ис. Сир., Слова..., 85, 403; Ин. Кас., Соб. 19, 12; Авва Дор., Поуч., 1, 26; Ефр. Сир., Доброт., II, 373, 9; там же, 360, 7.

мент третий — «сосложения», и, наконец, четвертый — чувственное деяние, или полный грех[1]. Всякий грех совершается ради удовольствия.

Можно поэтому сделать такое заключение, что грех и по существу своему, и по образованию весьма имеет много общего с явлением страсти. Всякий отдельный грех называется грехом случайным. Но существует еще грех страсти и страсть греха. Отцы-аскеты, не разграничивая строго этих двух понятий, часто один термин «греха» ставили вместо другого — «страсти». Все же они не отождествляли их между собою. Преп. Исаак Сирин говорит: «Совершение греха не бывает без собеседования со страстями»[2]. Преп. Иоанн Кассиан страсть называет «членом греха», который по существу своему есть то же, что страсть[3], только с той разницей, что грехи суть самые действия страстей, когда приводят их в исполнение[4]. Очевидно, грех как дело, как внешнее обнаружение страсти, т. е. известного настроения души, носит на себе все те черты, какие были ему присущи до своего вовне обнаружения. В данном случае грех является как частичное выражение отдельного момента страсти — как настроения. Тот же самый грех, будучи выражением известной страсти, если кто его часто совершает, обращается в злой навык и делается «страстью греха»[5]. Таким образом, страсть переходит в грех, а грех делается страстью; такое взаимообщение и возможно только при понимании этих двух явлений как однородных по существу. И грех и страсть мыслятся одинаково как гре-

---

[1] См. Прп. Исихий, Доброт., II, с. 168, 45–46; ср. Св. Мак. Вел., 43, 6, 9.

[2] Ис. Сир., Слова..., 85, 403.

[3] Ин. Кас., Соб. XII, 19,12.

[4] Авва Дор., Поуч., 1, 26.

[5] Авва Дор., Поуч., 11, 143; Ин. Кас., Соб. 23, 14.

ховные настроения: первый — как отдельный момент в настроении, а вторая — как цельное настроение, ставшее постоянным навыком души. Грех внутри человека без своего проявления составляет по существу одно и то же со страстью, а совершенный вовне есть только обнаружение ее[1].

Как частичное выражение настроения нашей греховной воли (так как грех происходит от воли)[2], факт частного греха подлежит меньшей нравственной ответственности по сравнению с грехом по страсти. Человек, совершающий грех не по страсти, обнаруживает «беззаконие», т. е. уклонение в сторону от закона, выражающего волю Божию; а совершающий грех по страсти (в силу навыка) обнаруживает кроме этого (и больше этого) наклон ко греху. Впавший в грех может скоро покаяться, ибо пал на ровном месте, где подняться легко; а павший по страсти пал на уклоне, где трудно бывает удержаться, чтобы не скатиться в самый низ. Грех есть обнаружение «извращенной воли», а страсть — «болезненной воли» с внутренним содержанием наклона в сторону греха. Внутреннее всегдашнее влечение ко греху делает более ответственным человека пред законом правды, ибо человек и до греха не переставал грешить мысленно, и по совершении его остается в том же расположении[3]. Однако этой нравственной ответственности, только разве в сравнительной мере, подлежит и всякий частный грех. И насколько оба они, т. е. грех и страсть, являются ответственными, в такой степени, можно сказать, определяется и их гибельность в деле спасения души. Оба они, а особенно, конечно, страсти, являются весьма гибельными

[1] Ефр. Сир., Доброт., II, 360, 7; там же, с. 373, 9; Ин. Леств., 26, 40–48.

[2] Ин. Кас., Соб. XXIII, 1.

[3] Макс. исп., Доброт., III, с. 208, 74.

для души и вредящими делу спасения[1]; это — новое свойство, которое также сродняет между собою страсть и грех. Отцы-аскеты представляют нам целый ряд свидетельств того, что действие страстей (и пороков) всех и каждой порознь настолько разрушительно, что всякую страсть они уподобляют «губительному недугу»[2], который, по словам Исаака Сирина, «мучая душу, умерщвляет ее»[3]. И действительно, страсти являются смертию для души[4]: с одной стороны — они препятствуют душе, этой своей рабе, созерцать Бога, Который не может быть видим тем, в ком хоть несколько живут страсти, а Бог только чрез созерцание и может быть видим и уразумеваем[5]; с другой — они чрез это мешают душе, невесте Христовой, сочетаться с Чистым Небесным Царем[6] и так удаляют ее от Христа, Который «есть жизнь всех разумных тварей, созданных по подобию Его»[7]. Удаление души от Бога как источника жизни есть несомненная для нее смерть[8].

Резюмируя все сказанное нами на основании данных аскетической литературы, мы должны отметить, что страсти, не составляя нашего естества, являются случайными, временными болезненными наростами на нашей душе[9], которую они, если не будут удалены, могут подвергнуть вечной смерти. Удалить эти болезненные явления зависит от нашей воли. Страсти суть дверь, заключенная пред лицом чистоты.

[1] Ант. Вел., Наставл. Доброт., I, с. 65, 8; Ин. Кас., Соб. 23, 14.

[2] Авва Дор., Поуч., 11, 13.

[3] Ис. Сир., Слова.., 85, 403.

[4] Ефр. Сир., Твор., III, 286.

[5] Ефр. Сир., Твор., II, 115; Ин. Кас., Соб., 1, 15; Ефр. Сир., Твор., IV, 41; Ант. Вел., Наставл. Доброт., I, с. 33, 35.

[6] Ефр. Сир., Доброт., II, 360, 6.

[7] Ант. Вел., Доброт., I, с. 33, 35.

[8] Ин. Кас., Соб. 23, 19.

[9] Ис. Сир., Слова.., 28.

20 Зак. 27082

Если кто не отворит этой двери, то не войдет он в непорочную и чистую область сердца; просветить же свою душу невозможно тому, кто предварительно не очистил себя от страстей. Следовательно, для того, кто хочет спастись, а спасение есть цель истинно христианской жизни, борьба со страстями является неизбежной.

Путь к богообщению

Как физически больной, хотя бы его болезнь была и продолжительна и опасна, надеется прийти в здоровое состояние, так и человек-христианин, какою бы силою духовной проказы (страстями) ни был охвачен, не лишен надежды при помощи благодати Божией оздоровить свою душу. Он чает своего горнего отечества, идеже Бог. Ему, как больному, предносится это древнее отечество и владычественное в нем пребывание и соцарствование со своим Владыкой. Только там, только в Нем он видит назначение и цель своего бытия: в Том, откуда он произошел и от Кого получил свое Божественное благородство. «Хотя и изъязвлена душа язвами постыдных страстей, хотя ослеплена греховною тьмою, однако имеет волю возопить к Иисусу и призвать Его, чтобы пришел Он и сотворил душе вечное избавление[1].

Из отцов-аскетов особенно ясно выраженное учение о назначении человека мы находим у преп. Макария Египетского. *Последнюю цель* и верховное благо человека он полагает в *богообщении;* «нет иной такой благости и взаимности, какая есть у души с Богом и у Бога с душою», говорит св. отец. Близость эта выражается в том, что Бог вступил не с тварями, Им созданными, в общение, а с одним человеком, и только в нем одном почивает, как на своем

[1] Мак. Вел., Беседы.., 20, 7.

престоле. Человек чрез такое тесное общение со своим Богом делается Его взаимным сродником[1]. Бог стал Женихом души, она — божественной невестой[2]. Посему человек и не находит нигде покоя, как только в Боге[3]. В таком сродстве с Богом человек состоит по первоначальному назначению в творении. Имея такое высокое назначение, человек был приспособлен к нему уже в самом творении, в творении он был поставлен у цели жизни[4]. Первые люди и были действительно в Боге, и обладали они великими преимуществами и благами, ибо «были облечены Божиею славою»[5]. Человек, имея чистый ум, созерцал Владыку своего и царствовал над своими помыслами и блаженствовал, покрываемый Божественною славою[6]. Само пребывавшее в нем Слово было для него всем: и человек был в чести и чистоте, чужд был демонам, чист от греха, или от пороков, — был Божиим подобием[7].

Когда человек пал, то, свободно разорвав родственный союз с Богом, удалился от Источника жизни — Истинного Бога. Преступление внесло в природу богоподобной души его зло, расстроившее так сильно душу, что для воссоединения прежде бывшей в нем гармонии и восстановления родственного с Богом союза надлежало явиться во плоти на землю для страданий самому Сыну Божию. Христос Господь совершил спасение человека: привел его к Своему Отцу, дав ему и нужную благодать Святого Духа. Теперь остается человеку выйти из ограниченности

[1] Там же, 45, 5.
[2] Там же, 49, 5.
[3] Там же, 45, 5. Ис. Сир., 56 сл.
[4] Там же, 46.
[5] Там же, 12, 8.
[6] Там же, 45, 1; 15, 23; 12, 6.
[7] Там же, 26, 1.

своей природы и претвориться снова в Божественное естество. Душе, истинно во Христа верующей, должно из нынешнего порочного перейти в состояние иное, доброе, и нынешнее уничиженное естество изменить в естество иное, Божественное, и соделаться естеством новым, при содействующей силе Святого Духа[1]. Отсюда *мудрые девы* (Мф. 25, 1–12) — это те, которые стремятся к необычайному для своего естества, а *юродивые* — это люди, оставшиеся при собственном естестве[2]. Человек, приблизившийся к совершенству, делается чем-то большим себя самого, потому что обожается и становится сыном Божиим[3]. Его душа, соединяясь с Духом Святым, становится светом, вся — оком, вся — духом, вся — радостию, вся — упокоением, вся — радованием, вся — любовью, вся — милосердием, вся — благочестием и добротою[4]. Достигшие этой степени совершенства суть сыны Господа и боги, цари и владыки[5]. Силою Духа они не только возвращаются к первобытному совершенству Адама, но становятся выше его, потому что делаются обоженными[6].

Отсюда следует с непререкаемою убедительностью, что человек может жить только тогда, когда войдет в живое общение со своим Богом, Который есть истинная самосущая Жизнь и полнота благ. Вне этого благодатного общения, вне приобщения этой Жизни человек не может жить: отступление от Бога есть смерть[7]. Если Бог есть Свет, говорит преп. Феодор Студит, Жизнь и Истина, то как не вожде-

---

[1] Мак. Вел., Беседы..., 45, 5.
[2] Там же, 4, 6, 8.
[3] Там же, 15, 33.
[4] Там же, 18, 10.
[5] Там же, 17, 1, 27, 3.
[6] Там же, 26, 2.
[7] Григорий Нисский, Против Евномия, VIII, кн. V, ч. 135.

ленно стремиться к Нему, искать общения с Ним живого и достигнуть его! Таким образом, пред каждым из нас лежит жизнь и смерть. Емлемся за жизнь, емлемся за бессмертие; от тьмы же, мрака и пагубы отбежим, да сподобимся Царствия Небесного во Христе Иисусе Господе нашем[1].

Путь к такому богообщению у человека должен состоять в развитии в себе всех тех даров духовных, какими он преимущественно был наделен от Своего Творца, чрез достижение *чистоты души,* которая «есть первоначальное дарование нашего естества»[2]. Достижению этой необходимой чистоты душевной на земле и мешают страсти человеческие. Страсть — это дверь, заключенная пред лицом Чистоты. Если кто не отворит этой двери, тот не войдет в непорочную и чистую область сердца[3]. Между тем, чистота души составляет единственное необходимое и обязательное условие для достижения созерцательного единения с Богом[4]. Кто не победил греховных страстей, в ком хоть несколько еще живут плотские страсти, тот не может видеть Бога, как и Сам Он говорит: *не возможеши видети Лица Моего*[5]. Как невозможно, чтобы кто-либо видел лицо свое в мутной воде, так и душа, если не очистится от чуждых (т. е. страстных) помыслов, не может созерцательно молиться Богу[6]. Поэтому, говорит св. Григорий Богослов, сперва надо очистить себя, а потом уже беседовать с Чистым[7]. Надо истребить в себе языческие народы (страсти) и тогда, вошедши

---

[1] Феод. Студ., Доброт., IV, с. 345.
[2] Ис. Сир., Слова..., 54.
[3] Ис. Сир., Слова..., 4.
[4] Там же, 58, 305; 32, 152.
[5] Ин. Кас., Соб. I, 15.
[6] Древн. пат., гл. 13, 16.
[7] Григорий Богослов, Творения. МДА, 1889, ч. III, 39 сл., 213.

в обетованную землю, можно успокоиться во святилище Божием[1].

Итак, если страсти препятствуют душе быть чистою пред Богом и если они служат преградою сокровенным добродетелям души[2], чрез упражнение в которых она может достигать этой спасительной для нее чистоты, — то борьба с ними является неизбежной и необходимой[3].

Этот неизбежный путь борьбы со страстями и пороками, по учению отцов-аскетов, для человека составляет принадлежность всей его истинно христианской жизни. Борьба эта должна быть неуклонной и постоянной[4]: она не должна прекращаться даже тогда, когда чрез победу над страстями достигнет бесстрастия, и поэтому ведется истинным христианином, пока он во плоти, — до смерти[5].

Из сказанного уже с очевидностью открывается, что человеку для достижения цели богообщения необходим путь борьбы с самим собою, со своими домашними врагами — «страстями». Этот путь борьбы есть *отрицательный путь* достижения человеком своей воли. Если бы человеку можно было идти прямо только путем положительного развития и усвоения содержания, предлагаемого христианскою нравственностью, то, конечно, и подвижничество излишне, но в силу состояния его падшей природы ему необходимым оказывается прибегать к искусственным мерам подавления в себе нажитого им содержания жизни[6]. Однако этот (отрицательный) путь борьбы один не может привести человека к достижению

[1] Мак. Вел., 25, 7.
[2] Ис. Сир., Слова., 72.
[3] Мак. Вел., 15, 11; ср. Ефр. Сир., Твор., III, 72, 365.
[4] Ефр. Сир., Доброт., II, с. 456, 102; Ис. Сир., Доброт., 678, 103.
[5] Ин. Кас., Кн. 5, 19; 4, 37; Евагр. м., Доброт., I, с. 574, 25.
[6] Иером. Феодор, Аскетич. воззр. И. Кассиана — 118 стр.

им совершенства на земле и полного бесстрастия, которое есть палата Небесного Царя[1]. «Каждый желающий спастись должен не только не делать зла, но обязан делать и добро, как сказано в Псалме: *уклонися от зла и сотвори благо*»[2]. Следовательно, человек, наряду с процессом его борьбы, необходимо должен заботиться о насаждении добродетелей: необходим положительный путь, ведущий прямой стезей в Горнее Отечество. Работа здесь совершается одновременно двойная: разрушение и созидание, насаждение и искоренение, ибо пороки побеждаются противоположными добродетелями, и искоренение порока есть не что иное, как насаждение добродетели, и совершается только под этим условием. Земля сердца не остается и не может остаться пустою, и поскольку добродетели входят во владение его, постольку исторгаются пороки[3]. Поэтому является полная возможность соединения в процессе религиозно-нравственного совершенства христианина двух ведущих к этому совершенству путей: положительного и отрицательного[4]. Более того, отрицательный момент аскетического делания человека неразрывно — органически — связан с моментом положительным и получает настоящую свою силу и значимость в духовной жизни именно вследствие преуспеяния в последнем, в меру его действительного осуществления[5]. Таким образом, потребность подвижничества, по взгляду отцов-аскетов, коренится в глубине природы падшего человека и есть необходимое явление жизни на началах души по преимуществу и в интересах его нравственного усовершенствования.

---

[1] Ин. Леств., 19, 14.

[2] Авва Дор., Поуч. 12, 152.

[3] Ин. Кас., Соб. V, 23; Ис. Сир., Слова.., 54.

[4] Еп. Феофан, Путь ко спасению, 266–267.

[5] См. Зарин С., Аскетизм.., ч. II, 307.

Само собой теперь возникает вопрос о том, где искать подвижнику средства для борьбы с таким многочисленным и сильным врагом (сильным потому, что на стороне испорченной человеческой природы, с ее страстями и пороками, немалыми пособниками являются злые силы — демоны)[1]. Ответом на это служит учение отцов-аскетов о природной способности человека к добру и о благодати Божией как необходимом средстве спасения. По учению преп. Макария Великого, человек имеет в себе для проявления духовной жизни некоторое наличное количество тех сил, которые, быв сообщены ему Богом вначале, после грехопадения не потеряли возможности направлять его к добру. Несправедливо, говорит этот св. отец, иные утверждают, что человек решительно умер и вовсе не может делать доброго[2], ибо зло не совсем умертвило человека[3]: в нем после грехопадения осталось видение[4], остался и ум, который живет, рассуждает, имеет волю[5], осталась в человеке и свобода, какую Бог дал ему вначале[6]. Поэтому, продолжает св. отец, в рассуждении рачительности к добрым делам никто да не представляет в предлог, что не в силах он совершать дел, спасающих душу, потому что Бог не повелевает рабам Своим чего-либо невозможного, но явил столь преизобильную и богатую любовь и благость Божества, что каждому дает возможность, *по воле Его*, сделать что-либо доброе, и никто из имеющих рачительность не остается без возможно-

[1] Феод. Студ., Доброт., IV, с. 314, 1; Мак. Вел., 26, 12; Ин. Кас., 1, 19, 20.

[2] Мак. Вел., 46, 3; ср. Ин. Кас., Соб. XIII.

[3] Там же, 12, 2.

[4] Там же, 12, 8.

[5] Там же, 26, 1.

[6] Там же, 15, 38.

сти спастись[1]. Таким образом, человек не утратил способности самоопределения к добру и злу.

Однако при всем пламенном желании и крепкой решимости человек одними собственными силами не может обеспечить себе успеха в борьбе со страстями. При помощи своей свободы он может противиться диаволу, но не может при этом иметь власти над страстями и освободиться от них, но он не может освободиться и от борьбы с помыслами[2], ибо все-таки зло в нас действует со всею силою и ощутительностью[3]. Грех так глубоко проник во все существо человека, что с ним можно бороться, можно его ослаблять и предотвращать его проявления в деяниях, но искоренить его собственною силою не дано и невозможно человеку: сие может быть совершено только Божиею силою[4]. Здесь нужна помощь Божественная; нужна человеку благодать Святого Духа, подаваемая нам ради заслуг Сына Божия, которую для успеха человек «обязан призывать». Обращение к Богу зависит от нас. Скорее и правым образом, говорит преп. Макарий Великий, обратимся к Богу, взыскав Его помощи, а Он готов спасти нас, потому что ожидает горячего, по мере сил наших, устремления к Нему воли нашей. Хотя изъязвлена душа язвами постыдных страстей, хотя ослеплена греховною тьмою, однако имеет волю возопить к Иисусу и призывать Его, чтобы пришел Он и сотворил душе вечное избавление. Слепой и кровоточивая не могли исцелиться собственными силами. Они могли только хотеть исцеления и взывать к Божественному человеколюбию о помощи. Так, если кто не приступит ко Господу по собственной воле и

[1] Там же, 15, 38.

[2] Мак. Вел., 16, 1.

[3] Там же, 3, 4.

[4] Ефр. Сир., Доброт., II, с. 436, 21.

от своего произволения не будет умолять Его с несомненностью веры, то не получит он исцеления и от страстей, хотя бы он к тому приложил и много усердия и много трудов[1]. Делание самого человека не может принести достойных плодов Господу, если человек ограничится одним своим деланием и не будет надеяться приять нечто иное и если не повеют на душу ветры Духа Святого, не явится небесное облако, не снидет с неба дождь[2], т. е. не поможет ему Божественная благодать.

Божественная благодать, однако, тогда помогает человеку, когда Господь видит с его стороны «произволение» и «доброе рачение», когда душа человека объявит истинную решимость: и что бы ни было ей нанесено, среди тысячи искушений, все претерпевая, она говорит: если я умру, не оставлю Его (т. е. Господа) в угоду греху и врагу[3]. Эта решимость найдет свое выражение в том, что человек осудит преступность своих страстей и пороков, возненавидит их и положит твердое основание своему враждебному отношению ко греху. По словам святителя Феофана, возможность, основание, условие всех внутренних побед есть первая победа над собою — в переломе воли и в предании себя Богу, с неприязненным отвержением всего греховного. Здесь зарождается нелюбовь к страстности, ненависть, неприязнь, которая и есть военная духовная сила и одна заменяет собою всю рать. Где нет ее, там без брани победа уже в руках врага; напротив того, где есть, там победа уступает нам нередко без брани. Отсюда видно, что как исходная точка положительной деятельности есть наше внутреннейшее, так оно же есть исходная точка и брани, только другою стороною. Таким образом, перелом своей

[1] Ин. Леств., 15, 25; 26, 34.

[2] Мак. Вел., 26, 19; ср. его же, 27, 22; 26.

[3] Еп. Феофан, Путь ко спасению, 267.

воли в сторону добра и ненависть к греховности страстей, ко всем своим порокам, ко всяким поводам к ним составляет одно из основных условий для успеха в борьбе со страстями[1]. Господь, говорит преп. Макарий Великий, видя такое произволение и доброе рачение человека, творит с ним Свою милость, избавляет его от врагов его и от живущего в нем греха, исполняя его Духом Святым[2].

Итак, победа над страстями должна совершаться при следующих двух условиях: со стороны человека — при его свободном произволении (выражающемся в деятельном подвижничестве); со стороны Бога — в исполнении человека благодатию Святого Духа. В данном случае воля человеческая есть как бы существенное условие. Если нет воли, сам Бог ничего не делает, хотя и может по свободе Своей. Посему совершение дела Духом зависит от воли человека[3]. И доброе желание самого человека служит уже как бы привязочным пунктом для действия благодати как внутренней силы, и в добром желании открывается как бы место для сочетания двух сил — воли и благодати.

Борьба со страстями

Характер борьбы человека со страстями определяется вполне ее целью. Борьба же со страстями направляется: первое — к искоренению греха, второе — к воссозданию внутреннего человека путем приведения его к идеалу чистоты[4]. Грех, страсти суть явления психические, внутренние[5]. Поэтому и начало

[1] Ис. Сир., Доброт., II, с. 732, 230.
[2] Мак. Вел., 19, 1.
[3] Там же, 37, 10.
[4] Ин. Кас., Соб. 14, 3.
[5] Мак. Вел., 17, 15.

воссоздания внутреннего человека открывается *внутреннею бранию с самим собою,* потому что никто не враждебен человеку столько, сколько его собственное чувство; враги у него — домашние его: поселившиеся в нем пороки и дурные наклонности[1]. Нам нечего бояться внешнего неприятеля, говорит Кассиан, определяя характер борьбы подвижника, — враг в нас самих скрывается. У нас ежедневно происходит внутренняя борьба. Душа погружена в великое развращение и пороки, которые, питая ее вредными соками, держат ее как бы в плену[2]. С этими-то вот заимодавцами — пороками — и приходится иметь дело всякому подвижнику Христову.

Внутреннего характера борьбы требует также и достижение идеала нравственной чистоты. Идеал этот — полная и всецелая прозрачность души, отсутствие в ней малейших и мимолетнейших теней греха. Не от одного или нескольких пороков и дурных привычек мысли и чувства должно очищать свою душу, а от всех. Нельзя при этом ограничиваться устранением только внешних проявлений каждого порока. Нужно подавить чувства и мысли, которыми порок питается, нужно преследовать врага до его последнего убежища в темных глубинах бессознательного, чтобы наконец вырвать его с корнем. Необходимо освятить самое сердце и самый ум (Мак. Вел., 14, 3).

Итак, характер борьбы подвижника должен быть преимущественно внутренний — *духовный.* Для большего успеха этого рода борьбы подвижник, несомненно, нуждается во многих внешних пособиях, приемах, способах и условиях. Одна борьба внутренняя на началах духа, без участия плоти, не мо-

---

[1] Ин. Кас., Соб. 18, 16.

[2] Ин. Кас., Кн. 5, 2.

жет быть вполне успешной: человеку необходим и второй род борьбы — *внешней,* состоящей в известных приемах, способах и вспомогательных средствах, каковы: внешний пост, воздержание, молитва, бдение, удаление от мира и тому подобное. Внешняя борьба является только пособием к успешному искоренению греха и насаждению добродетелей; внутренняя же борьба с греховными движениями души является главнейшей задачей жизни. Поэтому в общем деле они необходимо важны и друг от друга неотделимы.

В силу преимущественного значения внутренней борьбы пред внешней отцы-аскеты указывают, что и оружия воинствования нашего должны быть не плотские, но духовные и сильные Богом (*Ин. Кас.*, Соб., 5). Роды оружия и свойства, которыми, препоясавшись, мы должны вести брань Господню, следующие: вера есть щит, который отражает стрелы похоти, страхом будущего Суда умерщвляет ее; любовь есть броня и не допускает стрелам диавола проникать до внутреннего человека; надежда — шлем — защищает голову; меч духовный есть слово Божие; пояс — любовь к ближним; обувь — смиренномудрие; лук наш — простирание рук на молитву. Кто будет вооружен этим оружием, тот не будет отведен в неприятельскую землю помыслов[1].

Общий порядок борьбы со страстями определяется тем общепризнанным положением, что всякая болезнь излечивается тогда, когда бывает удалена настоящая ее причина. Наши страсти — это болезнь души. Началом, образующим страсти, являются злые, греховные помыслы, которые делают их властелинами порабощенного ими человека. По-

[1] Там же; Ефр. Сир., Твор., III, 301–305; Феод. Студ., Доброт., IV, с. 321, 1; с. 342, 177.

этому главное внимание должно направляться к тому, чтобы изгнать и не допустить образования в нашем сердце дурных расположений, начало которых заключается в помыслах. *Начало борьбы* посему должно быть положено с *помыслов*. Эта работа должна падать, несомненно, на долю человеческого ума, который один признается преп. Макарием Великим борцом со злым началом в области чувств и мыслей, борцом, проникнутым сознанием силы и мощи, который может препобедить порочные стремления и желания. Он нисколько не слабее демонских сил. Ум дает вразумление и направление сердцу и усыпляет естественные помыслы, возникающие в нем.

Деятельность ума должна направляться прежде всего на *различение помыслов*. В душе, рассуждает преп. Макарий Великий, ежеминутно борется множество помыслов. Из них одни производятся самою душою, другие внушены людьми, а третьи навеваются демонами[1]. Подвизающийся должен уметь разобраться во всех этих мыслях, отличать добрые и полезные от злых и вредных. В данном случае подвижник должен уподобиться искусному монетчику, который должен отличать фальшивые монеты от законных. Подделка же в данном случае происходит со стороны диавола, который часто под видом доброго дела и доброй мысли внушает подвижнику прямо гибельное и, обольщая его видом добра, доводит до совершенной погибели[2]. Душу, говорит Макарий Великий, окружает целый лес помыслов, внушаемых сопротивной силой. Поэтому нужны великая рачительность и внимательность ума, чтобы отличать чужие помыслы, внушаемые сопротивной силой... Кружащиеся помыслы нужно собирать отовсюду во-

[6] Мак. Вел., 40, 5; Евагр. м., Доброт., I, с. 623, 7.
[7] Ин. Кас., Соб. 1, 20.

едино, различая естественные помыслы от лукавых[1]. До грехопадения в душе человека были только хорошие помыслы, но грех присоединил к ним еще много помыслов дурных и страстных. Те и другие до такой степени перемешались между собою, что отделить их друг от друга стало очень трудно. Помыслы, соответствующие чистой первозданной природе, — это драхма евангельской вдовицы среди помыслов лукавых. Душа теперь не может сама собой отыскать и разделить между собою собственные свои помышления. Но когда будет возжжен *светильник* и внесен свет в омраченный дом, тогда душа увидит, как помыслы ее погребены в греховной нечистоте и тине. Сияет солнце, и тогда видит душа погибель свою и начинает собирать свои помыслы, смешанные с сором и всякой скверной[2]. Под светильником и солнцем св. отец разумеет здесь Духа Святого, благоустрояющего омраченный дом души и просвещающего эти прежде прекрасные помыслы, но ныне погребенные в греховной тине[3]. Этот «неземной и немалый» дар различения помыслов, величайший дар Божественной благодати, преп. Иоанн Кассиан *называет рассудительностью*[4]. Рассудительность, в понимании этого отца, есть не что иное, как способность подвижника идти в духовном делании срединным путем (царским), избирать золотую середину, избегая крайностей. В этом смысле она означает духовную опытность, способность предусматривать возможное последствие известного намерения и предпринимать только то, что ведет к поставленной цели духовного делания[5].

[1] Мак. Вел., 6, 3.

[2] Там же, 11, 4.

[3] Там же, 11, 3.

[4] Ин. Кас., Соб. 2, 1.

[5] Иером. Феодор, Аскетич. воззр. И. Кассиана, с. 203, ср. Феод. Студ., Доброт., IV, с. 260, 1; с. 265, 2; с. 134, наст. 58 (2).

«В рассудительности, — говорит преп. Иоанн Кассиан, — состоит премудрость, разум и смысл, без коих нельзя ни создать внутренний наш дом, ни собрать духовное богатство»[1]. «Из всех добродетелей самая большая есть рассудительность»[2]. Это есть дар, о котором надо молиться Богу, чтобы Он послал его для различения того, «что добро и что зло», «чтобы не прельстил ни человек, ни диавол»[3]. Поэтому-то подвижник и должен заботиться о приобретении себе этой добродетели, которая хотя и является даром Божиим, но требует со стороны самого подвижника добродетели смирения. Истинная рассудительность приобретается только истинным смирением[4].

Лучшим пособием в деле различения помыслов служит для подвижника *откровение* всякого *помысла* своему старцу как опытному в духовной жизни[5]. Опытный старец скорее поможет понять качество помысла и предохранит подвижника от гибели. С другой стороны, постоянные беседы и исповедания пред старцем своих сокровенных помыслов служат лучшим средством к тому, чтобы самому приобрести опытность в духовной борьбе, приобрести качество рассудительности.

Обладающий сим дивным сокровищем (рассудительностью), постоянно осматривая все сокровищности нашего сердца и зорко исследуя входящие в нас помыслы, может различать их, узнавать поддельность и неподдельность и таким путем разорить логовище вредных умственных зверей и норы

---

[1] Ин. Кас., Соб. II, 4.

[2] Древн. пат., 21, гл. 26.

[3] Ант. Вел., 1, 38, 41; Ин. Кас., Кн. 2, 1.

[4] Ин. Кас., Соб. II, 16; 10 гл.

[5] Он же, 11; Евагр. м., Доброт., I, с. 615, 54; Феод. Студ., Доброт., IV, с. 215, 3, с. 250, 2.

ядовитых змей и выгнать из себя[1]. Для этого борющийся со страстями, имея в виду троякую причину происхождения своих помыслов, должен отличать худые от добрых путем их точного анализа. Когда какой враг, пришедши, уязвит тебя, и ты желаешь, по написанному, обратить его меч в сердце его (Пс. 36, 15), то поступи, как тебе сказываем, говорит Евагрий-монах. Разлагай сам в себе вложенный им помысл, кто он, из чего состоит, и что, собственно, в нем поражает ум. Когда будешь ты это расследовать, помысл исчезнет, будучи разложен на то, что он есть, и демон убежит, как скоро мысль твоя восхи́тится горе́, окрыляемая таким ведением[2]. Узнавши истинное достоинство помысла, подвижник должен немедленно изгнать его, если он будет худой, чтобы иначе, укрепившись и пленив нас, он не увлек нас в порок; добрый же помысл нужно всячески стараться закрепить и охранить[3]. Часто всякий собственно оттого и согрешает, что при нападении худых помыслов не отвергает их тотчас же противоречием, ибо сказано: «Противьтесь диаволу и убежит от вас»[4].

Что касается орудий, которыми бы подвижник мог легко отражать врага и побеждать греховные помыслы, то Милосердый Господь снабдил нас орудиями против всяких нападений вражеских. Только не ленись действовать ими и не потерпишь вреда. Так, есть стрелы у врагов наших, есть стрелы и у нашей немощи. Поражение бывает не от недостатка орудий, а от невнимания и нехотения их употреблять[5]. Великая же сила смиренной христианской

[1] Ин. Кас., Соб. I, 22.

[2] Евагр. м., Доброт., I, с. 631, 20.

[3] Иером. Феодор, Аскетич. воззр. И. Кассиана, с. 205.

[4] Ин. Кас., Соб. 22, 10.

[5] Ефр. Сир., Доброт., II, с. 462, 128.

молитвы[1], крестного знамения и слов Св. Писания[2] в данном случае являются лучшим орудием против наветов диавола, как это видно из примеров искушения св. Антония Великого[3] и Самого Господа Иисуса Христа[4].

А наш отечественный подвижник преп. Нил Сорский научает нас, каким образом противиться диавольским искушениям, противопоставляя им молитву и хранение сердца (безмолвие). «Самая лучшая и благонадежная брань может быть тогда, когда помысл — прилог — отсекается в самом начале»[5], — говорит этот преп. отец. От подвижника требуется поэтому бдительность и осторожность, чтобы при нападении худых помыслов не впустить их до сердца, ибо от дурного помысла внутренняя греховная наклонность — похоть, — зачавши, рождает грех[6]. Всегда должно помнить, говорит преп. Иоанн Кассиан, сию заповедь: *всяким хранением охраняй свое сердце* (Притч. 4, 23) и по начальному повелению Божию заботливо должно блюсти зловредную голову змия (Быт. 3), т. е. начатки худых помыслов, которыми диавол пытается вползти в нашу душу, чтобы если голова его по нашему нерадению проникает до нашего сердца, не вползло и остальное его тело, т. е. согласие на сластолюбие»[7]. И другие отцы-аскеты, придавая весьма серьезное значение начальным по-

---

[1] Ефр. Сир., Твор., II, 307.

[2] Ефр. Сир., Доброт., II, с. 472, 163.

[3] Который, когда бесы силились его выгнать из келии путем разных волшебных страхований и наваждений, начал «изображать крестное знамение на челе и на груди своей и совершать смиренную молитву, и свирепые демоны вовсе не смели даже и приблизиться к нему». Соб. VII, 18.

[4] Ин. Кас., Соб. 22, 10.

[5] Нил Сорский, с. 32.

[6] Ин. Кас., Соб. V, 4.

[7] Ин. Кас., Кн. VI, 13, Феод. Студ., Доброт., III, 501, 2.

мыслам в деле образования в них гибельных страстей, настойчиво советуют отражать их от себя «рано утром при восходе солнца», пока они еще малы и похожи на младенцев, питающихся сосцами, т. е. «пока они еще во влагалищах чувств, чтобы, пав на землю сердца, не дали ростков и, напояемые дождем частого с ними собеседования, не принесли плодов зла»[1]. Поэтому тот, кто сопротивляется в первомыслии, т. е. прилогу, тот одним ударом пресечет все последующие его действия: благоразумный подвижник умерщвляет самую мать злых исчадий, т. е. прилог первой мысли[2]. Для этого преп. Нил Сорский нужным находит приводить свой ум в такое состояние, чтобы он был глух и нем, и иметь сердце упраздненным от всякого помысла, даже по-видимому доброго, ибо по опыту известно, что часто за допущением бесстрастных — добрых — помыслов следуют и страстные — худые: вход первых отверзает дверь и вторым[3]. Чрез постоянное устранение от себя и даже по-видимому добрых помыслов подвижник достигает некоторого сердечного самоуглубления, сосредоточенности; и тогда он должен особенно прилежно взывать к Богу и молиться молитвой Иисусовой. «Взывай так прилежно, стоишь ли, сидишь ли, или лежишь, — взывай, затворяя ум в сердце: призывай Господа Иисуса Христа всеусердно, терпеливо и постоянно — пождательно, отревая всякий помысл. Тогда все помыслы, как бы огнем опаляясь Божественным именем Господа Иисуса, невидимо отбежат»[4]. Ибо «как при появлении солнечных лучей все звери обращаются в бегство в свои норы, так точно, когда молитва засияет, как луч, от наших уст и

---

[1] Нил Син., Доброт., II, с. 296, 69.

[2] Нил Сорский, с. 32.

[3] Там же.

[4] Нил Сорский, с. 33.

языка, ум наш просвещается, а все безумные и зверские страсти (помыслы) прогоняются, обращаются в бегство и скрываются в свои убежища... Хотя бы тогда присутствовал диавол, он обращается в бегство, хотя бы демон, он удаляется»[1]. Если злые помыслы и после усердной молитвы не оставляют своим беспокойством человека, тогда, предлагает один св. отец, «встань и помолись на них [т. е. на самые помыслы] Господу»[2], повергая пред Ним немощь свою, и Он может не только отогнать, но и совершенно упразднить их[3]. Потом с твердостию продолжай первое дело, т. е. призывание имени Иисусова[4], доколе возможно терпеливо пребывая в молитве.

Говоря о борьбе и победе над страстными помыслами, св. Нил Сорский учит, что война с ними ведется и победа одерживается различным образом, смотря по мере и степени нравственного совершенства подвизающихся, именно: чрез молитву на помыслы, чрез пререкание им, чрез уничтожение их и отгнание. Уничижать, подавлять и отгонять помыслы могут только совершеннейшие, пророкать им или «противуотвещать» — преуспевшие, новоначальным же и немощным надлежит молиться на них и переводить — превращать их на добрые[5].

Итак, из сказанного о борьбе с помыслами становится ясным, что борющемуся подвижнику необходимо нужны: постоянная духовная бдительность над собой и устремление к небесному чрез непрестанную молитву, для того чтобы при их посредстве не допустить образования в сердце дурных расположений, начало которых заключается в помыслах.

[1] Ин. Злат., Твор., т. 1, с. 568–569.
[2] Нил Сорский, с. 33.
[3] Варс. и Ин., Доброт., II, с. 567, 32.
[4] Нил Сорский, с. 33.
[5] Там же, с. 50–51.

Так как борьба с помыслами, обусловливаясь падшим состоянием ума человеческого, стала необходимым явлением спасающегося человека после того, как люди по своей воле уклонились от достодолжного помысла[1] и душевные помыслы отторглись любви Божией, рассеялись в веке сем и смешались с помыслами вещественными и земными[2], — то вся задача этой борьбы сводится к тому, чтобы приобрести действительную способность «владеть своим умом в помыслах»[3], и, чрез подчинение себе страстей, возвратить своему уму его первоначальное направление к Богу. Ум является царем страстей, потому и поскольку он служит домостроителем чувств и помыслов[4]. Следовательно, человеку надо весь свой подвиг направить к тому, чтобы, по слову Макария Великого, непрестанно упражнять и возделывать с разумением ум и помыслы, соглашая их с волею Божиею[5], и — подчинить уму все свои страсти. Когда страсти бывают подчинены уму, тогда он бывает здоров, целомудрен, светел и чист; тогда «духовно созерцает он соотношение Божиих тварей и возводится к Святой Блаженной Троице»[6]. Тогда ум непрерывно стремится к Богу; все духовные силы человек направляет к одному Богу; в Нем Одном сознает себя человек и живет только этим сознанием своего непрерывного духовного общения с Богом, почитая это величайшим благом для себя. Это состояние отцы-аскеты называют состоянием *созерцания*[7]. Такое состояние созерцания, или собран-

[1] Мак. Вел., 16, 1.
[2] Мак. Вел., 24, 2.
[3] Евагр. м., Доброт., I, с. 576, 1.
[4] Ис. Сир., Слова..., 16, 71.
[5] Ис. Сир., Слова..., 7, 7.
[6] Ефр. Сир., Твор., III, 399.
[7] Ин. Кас., Соб. 23, 4.

ности, ума,[1] «неразвлекаемость боголепного ума»[2], являясь выражением нормального хода жизни человека, признается первым средством для достижения существенного единства с Богом[3]. Поэтому всякий вообще помысл, удаляющий человека от созерцания этого «единого на потребу блага»[4], должен немедленно быть удаляем.

Вторым условием единения с Богом, по учению Макария Великого, служит нравственное очищение[5]. Поэтому другою задачею при борьбе с помыслами, по Иоанну Кассиану, должно бьпъ *исправление качества помыслов:* дурные отгонять, а только добрые удерживать. Исправление качества тех или других помыслов зависит от нас[6]. Поэтому тщание каждого подвижника должно быть направлено к тому, чтобы, отгоняя худые помыслы, закрепить в себе добрые и, так сказать, пропитать ими свой ум. Уму надобно давать постоянно здоровую пищу и занимать его известными добрыми помышлениями[7]. По мере того как ум будет усваивать хорошие помыслы, пропитываясь ими все более и более, помыслы дурные будут ослабевать и исчезать, а добрые — приобретать *качество своей нравственной неизменяемости*[8]. К стяжанию этой нравственной неизменяемости своих помыслов собственно и преимущественно сводится задача всей общей борьбы Христова подвижника с помыслами[9].

---

[1] Мак. Вел., 31, 1–2.

[2] Ефр. Сир., Твор., I, 254.

[3] Мак. Вел., 31, 3–4; ср. 27, 19; 33, 4.

[4] Ин. Кас., Соб. 23, 39.

[5] Мак. Вел., 9, 7.

[6] Ин. Кас., Соб. 7, 4.

[7] Иером. Феодор, Аскетич. воззр. И. Кассиана, с. 198–199.

[8] Там же, с. 199, ср. Ефр. Сир., Твор., I, 265, поуч. 4.

[9] Ин. Кас., Соб. VI, 14.

Лучшим и действительнейшим средством для приобретения качества нравственной неизменяемости ума, по учению отцов-аскетов, служат: поучение в Слове Божием, упражнение в псалмах и пении и пребывание во бдении. Три средства, говорит преп. Иоанн Кассиан, делают рассеивающийся ум постоянным: бдение, размышление и молитва. Непрестанное упражнение в них и непрерывное внимание доставляют душе постоянную твердость, которая иначе не может быть приобретена[1]. Посему, увещает преп. Ефрем Сирин, по мере сил своих принуждай себя как можно чаще читать Писание, чтобы оно собрало твои помыслы, которые враг рассеивает своим злохищрением, влагая в тебя лукавые мысли[2], потому что чтение Божественных Писаний приводит в собранность блуждающий ум и дарует ведение о Боге[3]. А так как ве́дение Бога приобретает только с чистым сердцем упражняющийся в чтении Божественных Писаний, то, по мысли отцов-аскетов, необходимо для этого упражнение «в чтении и молитвах»[4]. «Прекрасны молитва и чтение, — говорит преп. Нил Синайский, — они прекращают суетное скитание мыслей, связуя помысл, кружащийся над чем не должно, и с пользою удерживая его при себе нимало не развлекаемым в сем прекрасном занятии»[5]. Молитва отрешает ум от всякого помышления о чувственном, возводит к Самому над всеми сущему Богу, настраивает нас на собеседование с Богом и долговременным навыком в сем вводит с Ним в содружество и таким образом делает, что человек проводит жизнь в чистоте, как

[1] Там же. Соб. X, 14.

[2] Ефр. Сир., Твор., III, с. 97.

[3] Там же, с. 98.

[4] Там же.

[5] Нил Син., т. 1, с. 16.

бывший уже в общении с Богом и вскоре потом снова готовящийся к сему общению[1]. Что же касается других средств, то они в большинстве случаев, соединяясь с молитвою и чтением Слова Божия, несомненно способствуют общей цели создания настроения неизменяемости помыслов, открывая подвижнику сферу добрых мыслей и расположений и удерживая его в этой сфере[2].

Итак, в борьбе с помыслами подвижник при посредстве молитвы, чтения Слова Божия и других дополняющих средств при старании и усердии может достичь не только освобождения своего ума от греховных помыслов, но путем упражнения последнего (ума) в навыках к добрым мыслям может приобрести нравственную устойчивость помыслов, а эта последняя способна возвратить ум к его первобытной чистоте (созерцанию Бога). Для достижения этого, скажем в заключение словами преп. Ефрема Сирина: «Много потребно борьбы и тайного, невидимого труда; должно всегда производить испытание помыслов... и ослабевшие душевные члены возгревать стремлением ума к Богу и тщанием, к Нему всегда прилепляясь умом своим, чтобы при помощи Божией благодати, по апостольскому изречению, быть в единый дух с Господом. И сию тайную борьбу, размышление о Господе и труд, надобно иметь всем нам и днем, и ночью, и при всяком исполнении заповедей, молимся ли, или служим, или едим, или пьем, или другое что делаем»[3].

---

[1] Нил Син., т. 1, с. 19, 17.

[2] Ефр. Сир., Твор., III, 46; Нил Син., Доброт., II, с. 217, 83; Евагр. м., Доброт., I, с. 610, 36–38.

[3] Ефр. Сир., Твор., III, 338.

Достижение бесстрастия

Главная задача подвижника в борьбе со страстями сводится к тому, чтобы страсти непременно были побеждаемы и изгоняемы, с тем чтобы, очистившись от них, войти в общение с Богом[1]; не нужно ограничиваться только тем, чтобы избегать поводов к их обнаружению. Все страсти не потому обнаруживаются в человеке и происходят, что только вовне существует какая-либо причина, или, вернее, повод к ним, а потому, главным образом, что корень их — внутри человека, в самом сердце скрыта как бы материя греха, без которой и дурной пример не может произвести греха[2]; да и греховным считается не само дело по себе, а воля и намерение. Поэтому-то страсти и нужно изгонять из глубины сердца, исцелить самый корень, иначе они будут только прикрыты, а не истреблены, и при удобном случае заявят себя снова с еще большей силой, вырвутся на свободу, как отстоявшиеся кони[3]. Вот почему и Евангельское учение заповедует пресекать корни пороков более, нежели плоды, которые, по истреблении корней, без сомнения, никак уже не будут произрастать[4].

Итак, говорит преп. Иоанн Кассиан, нам надобно стараться лучше очистить наши пороки, исправить нравы. Если они будут исправлены, то не говорю с людьми, даже и с зверями и животными очень легко сойдемся. Ибо не убоимся отвне приходящих оскорблений, и ничто со стороны не может ввести

[1] Ин. Кас., Соб. 3.

[2] Он же, Кн. 9, 6; 10, 5.

[3] Он же, Соб. 18; Кн. 8, 17; Ефр. Сир., Твор., I, 110.

[4] Ин. Кас., Кн. 8, 20; Ис. Сир., Доброт., II, с. 355, 54.

нас в соблазн, если внутри нас не будут насажены корни грехов[1].

Греховные наши страсти суть психические состояния и преимущественно факты проявления нашей болезненной воли: отсюда и борьба с ними, сосредоточиваясь в области нашего духа, должна направляться к *оздоровлению греховной воли*, к освобождению ее от самолюбия и эгоизма («самости»). Эта цель должна проходить красной нитью чрез весь период борьбы подвижника. Цель борьбы — очищение живого родника (сердца), из которого бьют постоянно струи мутной, зловонной воды, т. е. — *достижение сердечной чистоты*.

По мнению отцов-аскетов, сердце признается основным источником и живым родником всего как доброго, так и дурного в религиозно-нравственной жизни человека. По словам преп. Макария Великого, «сердце» является как бы «сосудом», где сосредоточены «все сокровища порока», но, с другой стороны, «там Бог, там и Ангелы, там жизнь и царство, там свет и Апостолы, там сокровища благодати, там есть все»[2], есть там смерть, есть там и жизнь; есть там добрая и противная ей купля[3]. Главное предназначение сердца, по мысли этого св. отца, быть чертогом Христа, но так как оно наполнено всякой нечистотою (страстями) и многими толпами лукавых духов, то поэтому надобно возобновить и перестроить его, приготовить внутренние горницы и ложницы. Ибо Царь Христос с Ангелами и святыми духами идет успокоиться там, и пожить, и походить, и основать Свое Царство[4]. Эта серьезная работа внутренней перестройки, по мысли того же св. отца,

[1] Ин. Кас., Кн. 9, 18.
[2] Мак. Вел., 43, 7; ср. 15, 30.
[3] Там же, с. 15, 30.
[4] Там же, с. 15, 31.

должна падать на долю «кормчего», каким у сердца является «ум»[1] и «обличающая совесть». Ум и совесть «дают вразумления и направления сердцу и усыпляют естественные помыслы, возникающие в сердце[2]. Таким образом, работа очищения сердца производится действием ума чрез направление ослабевшей греховной воли в сторону добра, чрез приучение ее к добрым навыкам.

Общие приемы и порядок борьбы могут быть определены на основании причинной зависимости между собою»[3]. В борьбе нужно переходить от предыдущего к последующему, ибо и всякое вредное древо, говорит преп. Иоанн Кассиан, толстое и высокое, скорее завянет, если наперед корни его, на которых опирается, будут обнажены или высушены[4]. И потоки вредной воды мало-помалу пересохнут, когда порождающий их источник и проточные жилы с тщательною аккуратностью будут засыпаны. Посему, чтобы победить уныние, сначала надобно подавить печаль; чтобы прогнать печаль, прежде нужно подавить гнев; чтобы погасить гнев, надо попрать сребролюбие; чтобы исторгнуть сребролюбие, надобно укротить блудную похоть; чтобы подавить блудную похоть, должно обуздать страсть чревоугодия. И так все страсти как от усиления предыдущих рождаются, так уменьшением их подавляются[5]. Таким же образом поступать надо и с остальными двумя, душевными, страстями: чтобы истребить гордость, надо сперва подавить тщеславие.

Отсюда и понятно, что внутренняя борьба подвижника *должна начинаться борьбою* со *страстью*

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Ин. Кас., Соб. V, 10.
[4] Там же.
[5] Там же.

чревоугодия, а потом уже переходить к борьбе с другими пороками. А так как страсти блуда и чревоугодия относятся к так называемым «телесным страстям», а остальные — к разряду именуемых «духовными», то, естественно, брань начинается со страстей телесных, и именно с *чревоугодия*. Основанием, почему надо начинать с чревоугодия, а не с какой-либо духовной страсти, служит то соображение, что чревоугодие, по мнению отцов-аскетов, является корнем и источником для других страстей, а потому, не освободившись от этого порока, никак нельзя приступить к внутренней борьбе с движениями и возмущениями души[1]. Последнего рода брань труднее и требует, чтобы человек весь вошел внутрь себя, поэтому необходимо сначала покорением плоти приобести свободу, чтобы, освободившись от рабства плоти, уже беспрепятственно войти внутрь себя и заняться исправлением чисто душевных вредных движений. Сытому чреву нельзя вступать в борьбу внутреннего человека, ибо нельзя сражаться с сильшейшим тому, кто может быть низлагаем в более легком сражении[2]. Поэтому каждый подвижник должен сперва одержать победу над своею плотию, которая отвлекает ум человека от духовных предметов к земным, повергнуть ее как бы к своим ногам и на этом основании вступить в борьбу с сильнейшими врагами[3].

По общему и согласному мнению отцов-аскетов, чревоугодие врачуется *воздержанием*, которое состоит и проявляется собственно в том, что человек сознательно принятие пищи допускает не столько для удовольствия, сколько уступая непреодолимой

[1] Ин. Кас., Кн. V, 13; 11.

[2] Там же; ср. Нил Син., Доброт., II, с. 230, 12.

[3] Ин. Кас., Кн. V, 18; ср. Иером. Феодор, Аскетич. возэр. И. Кассиана, с. 174.

потребности тела[1]. Воздержание в пище однако должно быть благоразумное — «по силе своей», т. е. не такое, чтобы оно обессиливало тело, а такое только, чтобы забота о плоти не переходила в угождение похоти[2]. Забота о том не считается у отцов предосудительной — она необходима, потому что чрез небрежение к телу человек может потерять силу и быть не в состоянии исполнить «необходимые духовные наши обязанности»[3]. Пищи надо принимать столько, сколько потребно для поддержания жизни, а не для удовольствия[4]; поэтому, говорит преп. Нил Сорский, каждый должен назначить себе такое *количество пищи*, которое может поддержать силы тела, служа не сластолюбию, а истинной нужде[5]. Отцы-подвижники заботе об искоренении страсти чревоугодия придавали важное значение и различали время, количество и меру пищи[6]. Преп. Иоанн Кассиан говорит: «Не только качество пищи, но и количество расслабляет душу, возжигая в ней, как и в утучненной плоти, вредоносный, греховный огонь»[7]. Конечно, всем одну меру назначить невозможно, потому что тела имеют различные степени в силе и крепости, подобно меди, железу, воску; впрочем, лучшею мерою считалась та, чтобы оставить пищу тогда, когда чувствуешь еще алкание; такая мера сохранит душу и тело в одинаковом состоянии и не попустит человеку вдаться ни в чрез-

[1] Ин. Кас., Кн. V, 7, 8; Ин. Леств., 14, 10; Варс. и Ин., Доброт., II, с. 565, 25, 28.

[2] Ин. Кас., Кн. V, 8.

[3] Ин. Кас., Кн. V, 8, 9; Григорий Синаит (далее Григ. Син.), Доброт., V, с. 221.

[4] Ин. Кас., там же.

[5] Нил Сор., с. 52. Ср. Варс. и Ин., Доброт., II, с. 565, 25.

[6] Феод. Студ., Доброт., IV, с. 224, 2; Григ. Син., Доброт., V, с. 221–222.

[7] Ин. Кас., Кн. V, гл. 5, ср. гл. 20.

мерный пост, ни в пресыщение, подавляющее дух. Плодом же ее бывает такая трезвенность, что человек иногда не чувствует или не помнит, что он вкушал пищу[1]. Что касается времени приема пищи (когда ее принимать), то была разная практика по разным условиям жизни подвижников. По общепринятому порядку для лиц небольных сроком вкушения пищи считался вечер (по заходе солнца) и вкушать полагалось один раз в сутки[2], а кто больше сего благорасположится оставаться без пищи, тому — добрая воля[3].

Выбор для себя того или иного рода и качества пищи должен руководиться всецело глубоким благоразумием. По словам Григория Синаита, «благоразумные и рассудительные понемногу вкушают всякого яства, как бы оно ни было вкусно и сладко: у них нет того, чтобы одно избирать, другое отринуть, чрез это они и Богу за все благодарение воздают, и душу свою предохраняют от надмения. Немощным же (верою или душою) полезнее воздержаться от некоторых яств, особенно сладких, т. е. им нравящихся[4]. А для того, чтобы чревоугодие ослаблялось, человек лучше «должен довольствоваться всякою пищею низшего сорта»[5].

При этом, говорят отцы, необходимо принимать во внимание и то, кто каким обладает здоровьем. Кто имеет здоровое и крепкое тело, тому нужно утомлять его, как и чем только можно; а у кого тело немощно и недужно, тот должен давать ему

[1] Нил Сор., с. 52–53; Григ. Син., Доброт., V, с. 222; Ин. Кас., Соб. II, 23.

[2] Евагр. м., Доброт., I, 597, 10.

[3] Нил Сор., с. 53.

[4] См. Нил Сор., с. 53–54; Григ. Син., Доброт., V, с. 221–222; ср. Ин. Кас., Кн. V, 23.

[5] Ин. Кас., Кн. V, 23; см. Ефр. Сир., Доброт., II, с. 379, 19, 41.

некоторое упокоение, да не вовсе изнеможет для делания. Во время же искушения телу от врага ему наиболее требуется воздержание[1]. Кто по причине утруждения от путешествия или какого-либо тяжелого дела окажет телу своему несколько снисхождения и даст ему нечто более, сверх обыкновенной меры, в пище ли то или в питии, — то это не зазорно и осуждения не заслуживает, ибо он поступил так с рассуждением и по благословенной надобности[2].

Итак, каждый подвижник в борьбе со страстью чревоугодия в вопросе необходимого питания своего тела должен управляться «благоразумной осторожностью», чтобы не перейти должных границ, и, давая своему чреву пищу достаточную, удобоваримую, должен принимать ее столько, сколько требуется для поддержания жизни и для свободного упражнения в духовном нашем доброделании[3], так как сущность воздержания состоит не в том только, чтобы соблюсти время употребления пищи, и не в качестве только пищи, но прежде всего в *рассудительном употреблении* оной. Каждый должен поститься столько, сколько нужно для укрощения плотской брани[4].

Таким образом, пост в смысле благоразумного воздержания в пище признается основным средством в борьбе с чревоугодием. Вообще же пост, по учению отцов-аскетов, как воздержание не ограничивается одною только пищею, — он простирается и на сон, и на одежду, и на разговоры, и на многое

---

[1] Ин. Леств., 14, 10, 12.

[2] Нил Сор., с. 54–55; ср. Варс. и Ин., Доброт., II, с. 566; Ин. Кас., Кн. V, 23; Евагр. м., Доброт., I, 597, 10.

[3] Феод. Студ., Доброт., IV, с. 225, 2; Ин. Кас., Кн. V, 9; Ин. Леств., 14, 10.

[4] Ин. Кас., Кн. V, 9.

другое[1]. Говоря о посте как воздержании в пище, отцы-аскеты предупреждают подвижников от неумеренности в нем, боясь чтобы из-за неумеренного воздержания, сопровождаемого расстройством или слабостию тела, не было необходимости опять возвращаться в землю Египетскую, т. е. к прежней страсти чревоугодия[2]. Только благорастворенный «благоразумной рассудительностью» пост может быть полезен подвижнику, неумеренный же пост всегда приносит существенный вред и телу и душе[3]. Неполезным окажется для подвижника и тот «пост», который для борющегося, вместо средства приобрести чистоту, становится самоцелью. Настоящее свое значение телесный «пост» приобретает постольку, поскольку он служит средством достижения поста духовного; мы должны знать, говорит преп. Иоанн Кассиан, что труд воздержания телесного мы подъемлем для того, чтобы этим постом можно было достигнуть чистоты сердца[4]. Поэтому один телесный пост, говорит тот же св. отец, не может быть достаточным к совершенству сердца и чистоте, если не будет с ним соединен и пост душевный[5], который делает полезным пост телесный. Утверждение плоти должно соединяться с сокрушением духа, и тогда оно составит приятнейшую Богу жертву и достойную обитель святости, ибо не столько тленная плоть, сколько чистое сердце бывает храмом Божиим и жилищем Святого Духа[6]. Следовательно, постясь по внешнему человеку, вместе нужно воздерживаться от пищи и по внутреннему человеку. Ум

[1] Варс. и Ин., Доброт., II, с. 565, 25; ср. Ин. Леств., 14, 33.
[2] Ин. Кас., Соб. V, 18; Ефр. Сир., Твор., III, 393.
[3] Ефр. Сир., Твор., III, 393; Ин. Кас., Соб. II, 22, 23.
[4] Он же, Кн. V, 22.
[5] Он же, гл. 21; ср. Феод. Студ., Доброт., IV, с. 512, 3.
[6] Там же.

наш, говорит преп. Иоанн Кассиан, до того должен быть утончен не только постом, но и бдением, и чтением, сокрушением сердца о том, в чем сознает себя прельщенным или побежденным, то сокрушаясь от страха пороков, то воспламеняясь желанием совершенства и непорочности, пока занятый такою заботою и размышлением не сознает, что принятие пищи допущено не столько для удовольствия, сколько послужило в тягость ему, и считает ее более необходимою потребностью тела, нежели вожделенною душе[1]. Занятые таким упражнением ума, мы скорее подавим сладострастие плоти; обилием слез и сердечным плачем мы скорее истребим страсть объядения и чревоугодия[2].

Итак, в борьбе со страстью чревоугодия требуется двоякое упражнение: телесное и духовное, пост телесный и пост духовный, т. е. воздержание от грехов, пороков и рассеянности, соединенное с сердечным сокрушением[3]. Для того же, чтобы подавить самое чревоугодие при воздержании в пище, нужно так стараться устроить свою жизнь, чтобы ни в какое время не отвлекаться от духовных понятий, ибо мы никак не можем презреть удовольствия настоящей пищи, если ум, предавшись Божественному созерцанию, не будет больше услаждаться любовию добродетелей и красотою небесных предметов[4].

В качестве пособий при борьбе с чревоугодием отцы-аскеты советуют: при вкушении пищи размышлять о том, что и праотец Адам, вкусив от запрещенной снеди, ради невоздержания своего, нашел вместо жизни смерть; и что «оттоле даже и доныне многие, поработившись чреву, пали и падают вели-

[1] Ин. Кас., Кн. V, 14; ср. Феод. Студ., Доброт., IV, с. 513, 4.
[2] Ин. Кас., там же.
[3] Ин. Кас., Кн. V, 25.
[4] Ин. Кас., Кн. V, 14.

21 Зак. 27082

им падением»[1]; при питии — вспоминать оцет и желчь Владыки своего; сидя за столом, исполненным снедей, представлять пред мысленные очи свои смерть и Суд, — и таким образом, говорит преп. Иоанн Лествичник, или пребудешь в пределах воздержания, или, по крайней мере, восстенав, смиришь свой помысл[2]. Закончим словами преп. Нила Сорского: так побеждай страсть чревообъядения, употребляя пищу и питие в надлежащей мере и в надлежащее время[3].

Борьба с *блудною страстию,* по преданию отцов, более других продолжительная, постоянная, жестокая... Она начинает беспокоить человека с первого времени зрелости возраста и до старости. Велик наш подвиг в борьбе с духом блудным и крайне труден-лют зело; ибо борьба эта обнимает и душу, и тело — все существо наше[4]. Поэтому нам надо помнить, что победить этого духа мы можем только надеясь на помощь Божию, а не на свои силы[5]. И так как нападение (диавола) бывает двоякое, т. е. на тело и на душу, то и сопротивляться надо двояким оружием, т. е. должны бороться и тело, и душа[6]. Для борьбы с блудом нужны почти те же духовные и телесные средства, как и для искоренения страсти чревоугодия, — *телесное воздержание и духовная бдительность*[7]. Одного телесного поста, говорит преп. Иоанн Кассиан, недостаточно для приобрете-

---

[1] Нил Сор., с. 55 и Феод. Студ., Доброт., IV, с. 512, 3.

[2] Ин. Леств., Сл. 14, 31, 18.

[3] Нил Сор., с. 52.

[4] Нил Сор., с. 55.

[5] Ин. Кас., Кн. VI, 25.

[6] Он же, Кн. VI, 1.

[7] Он же, Кн. VI, 23; он же, Соб. V, 4; ср. Ефр. Сир., О борьбе с блудной страстью. Доброт., II, с. 396, 114, 115, 117; Нил Син., Слово о блуде. Доброт., II, с. 236, 25.

ния и сохранения целомудрия, если не будет предшествовать сокрушение духа; потом продолжительное размышление о Священном Писании, также труд и рукоделие, обуздывающее непрестанное блуждание сердца, а прежде всего, если не будет в основание положено истинное смирение, без которого нельзя победить никакого порока[1]. Кто телесными трудами и потами ведет брань, тот подобен связавшему врага своего слабым вервием; кто воюет против него воздержанием и бдением, тот подобен обложившему врага своего железными оковами; а кто вооружается смиренномудрием, безгневием и жаждою, тот подобен убившему своего супостата и скрывшему его в песке. Под именем песка разумей, говорит преп. Иоанн Лествичник, смирение, потому что оно не произращает пажити для страстей, но есть земля и пепел[2].

Очевидно, что духовное врачевство в борьбе с указанным пороком состоит в том, чтобы не допустить проникновения в сердце человека «плотолюбивых помыслов», которые, нарушая непорочность сердца, ведут к растлению тела и осквернению души.[3] Для этого прежде всего полезны *покой и уединение,* чтобы больная этой страстью душа не тревожилась различными образами, легче могла истребить возбуждение плоти[4]. Предметы, когда их не видят, говорит преп. Исаак Сирин, производят легкое и едва ощутимое движение; а предметы, когда их видят, возбуждают страсти близости, питают их, как елей питает горение светильника[5], — поэтому отцы-аскеты настойчиво советуют сохранять себя от

[1] Ин. Кас., Кн. V, 1; Ин. Леств., 15, 77; 78.
[2] Ин. Леств., Сл. 14, 15; ср. 18, 40.
[3] Нил Син., Доброт., II, с. 281, 27.
[4] Ин. Кас., Кн. VI, 3; он же, Соб. V, 4.
[5] Ис. Сир., Доброт., II, с. 737, 243.

собеседования с женщинами и от взора на них[1], так как слово женщины, как тенета в сердце (Притч. 7, 21), и выслушавшего оное влечет к скверному смешению[2], а взор ее — ядовитая стрела, ранит душу и вливает в нее яд[3]. Опасным весьма является для целомудрия даже образ женщины хранить в себе долго[4], поэтому, когда придет на ум мысль о женщине, надо спешить скорее выгнать ее из сердца, иначе она может вызвать согласие на сластолюбие и на самое дело[5]. И пока, говорит тот же св. отец, сильный дух наш, будучи вооружен, охраняет дом свой страхом Божиим, ограждая входы сердца, то будет в безопасности и все имущество его, т. е. добродетели, приобретенные долгим временем[6]. При всем этом надо избегать прикосновения к телу женщины, и даже своего в сокровенных частях, ибо можно осквернить тело и одним осязанием. Всегда надо помнить того, говорит Иоанн Лествичник, который обвил руку свою краем одежды, когда нес престарелую свою мать[7]. Все внимание в борьбе с блудной страстью должно направляться к тому, чтобы окончательным удалением «нечистоты блудной» *достичь чистоты тела,* его невинности, так, чтобы плоть уже не противилась внушениям души, но подчинялась бы своему правителю — духу[8].

При этом условии душа возобладает телом и подчинит его себе, и сама она просветится — чистота

---

[1] Нил Сор., с. 58; Варс. и Ин., Доброт., II, с. 594, 120; Нил Син., О чревоугодии, Доброт., II, с. 230, 6, 8, 10.

[2] Ефр. Сир., О борьбе с блудной страстью. Доброт., II, с. 388, 86.

[3] Нил Син., Слово о блуде. Доброт., II, с. 234, 6.

[4] Там же.

[5] Ин. Кас., Кн. VI, 13.

[6] Там же.

[7] Ин. Леств., 15, 50; ср. Феод. Студ., Доброт., IV, с. 101, 3.

[8] Ин. Кас., Кн. VI, 2; Ефр. Сир., Доброт., II, с. 392, 103.

тела родит чистоту духовную[1]. Но такая чистота тела немыслима одна без чистоты сердца и только чрез посредство ее приобретается[2]. Исправление порока блуда главным образом зависит от усовершения сердца; следовательно, сначала надобно очищать сердце, в котором находится источник жизни и смерти[3], исторгнув самый корень похоти из сердца своего[4]; ибо целомудрие и чистота, говорит преп. Нил Сорский, не ко внешнему только житию относятся, но обителию целомудрия должен быть потаенный сердца человек, соблюдающий себя от скверных помыслов[5]. Отсюда, конечно, понятно, что преимущественное внимание подвижника в борьбе с этой страстью должно быть обращено не столько на внешние подвиги (сами по себе), сколько, разумеется, на то, чтобы душа, всегда будучи занята Божественными размышлениями и духовными упражнениями, воздерживалась от порока и тем могла бы взойти на самый верх истинной непорочности[6], т. е. достичь чистоты сердца и целомудрия. Ибо совершенно иное значит быть только воздерживающимся, и иное — быть чистым и, так сказать, прийти в расположение непорочности и невинности[7]. Целомудр не тот, говорит преп. Исаак Сирин, в ком во время борьбы, труда и подвига прекращаются срамные помыслы, но тот, кто истинностью сердца своего уцеломудривает зрение ума своего, не позволяя ему простираться к непотребным по-

---

[1] Ант. Вел., Доброт., I, с. 43, 50.
[2] Ин. Кас., Кн. VI, 12.
[3] Там же, Кн. VI, 12.
[4] Ефр. Сир., Доброт., II, с. 397, 119; ср. Феод. Студ., Доброт., IV, с. 136, 4.
[5] Нил Сор., с. 55.
[6] Ин. Кас., Кн. VI, 2.
[7] Там же, 4 гл.

мыслам[1]. Последнее необходимо предполагает непорочность самой души и образование в ней противоположных порокам расположений, тогда как при первом может остаться греховное услаждение, но только не допускаться[2]. Отсюда борьба с блудом должна носить характер чисто внутренний и совершаться не столько при посредстве средств чисто внешних, сколько внутренних: внешние упражнения являются необходимыми постольку, поскольку они служат пособием к борьбе с названной страстью.

Необходимыми пособиями к искоренению страсти блуда, по мнению отцов-аскетов, являются: во-первых, часто и трезвенно молиться, а потом представлять владычество уму и чистой мысли, не произносить бесчинных слов, несообразных с благоговейным устроением духа, в той уверенности, что Господь есть непогрешительный Судия. Внимательность ума и ожидание Суда уничтожат внутреннее щекотание и иссушат усиливающуюся похоть; и в такой душе произойдет тишина (улягутся похотливые движения)[3]. Лучшим средством для этого, по мнению Антония Великого, является страх Божий[4]. По мнению преп. Ефрема Сирина, блуд истребляется Божественною любовию и влечением к будущему[5]. Что касается средств и приемов чисто внешних, то всеми отцами-аскетами единогласно признается одно общее для двух страстей средство — *воздержание*, касающееся не одной только пищи, но простирающееся также и на все вообще, что так или иначе препятствует богоугодной жизни[6]. Впрочем, говорит

[1] Ис. Сир., Доброт., II, с. 646, 7.
[2] Ин. Кас., Соб. 12, 10.
[3] Ефр. Сир., Доброт., II, с. 390, 95; ср. там же, гл. 71, 76, 83, 98, 100.
[4] Ант. Вел., Доброт., I, 91, 152.
[5] Ефр. Сир., Твор., III, 391, 398.
[6] Ефр. Сир., Твор., III, 391; Евагр. м., Доброт., I, с. 613, 71; Ин. Кас., Кн. VII, 23.

преп. Иоанн Кассиан, мы должны знать, что хотя мы соблюдали всю строгость воздержания, именно: голод, жажду, бдение, постоянный труд — и с неослабным усердием занимались чтением, однако ж посредством этих подвигов мы не можем приобресть постоянную чистоту целомудрия, если, постоянно упражняясь в них, по руководству опыта не дознаем, что чистота подается по милости благодати Божией. Всякий пусть знает, что он должен неутомимо упражняться в этих подвигах только для того, чтобы ради скорби их приклонив милосердие Божие, удостоиться, по Божественному дару, освободиться от брани плоти и господства преобладающих страстей, а пусть не надеется, что будто он сам собою посредством их (т. е. поста, бдения, чтения и проч.) получит ненарушимую чистоту тела, которую желает. А для приобретения целомудрия должен воспламеняться таким желанием и любовию, с каким жадный корыстолюбец желает денег, честолюбец — высших почестей или увлекаемый нестерпимою любовию к красивой женщине с невыносимым жаром хочет исполнить свое желание. Оттого бывает, что когда мы воспламеняемся ненасытным желанием всегдашней непорочности, то пренебрегается и вожделенная пища, необходимое питье бывает противно, наконец, самый сон, требуемый природою, отгоняется или, по крайней мере, как коварный обольститель целомудрия и как ревнивый противник чистоты допускается боязливым и подозрительным умом; и таким образом всякий поутру, испытав свою непорочность, радуется о сохранившейся у него чистоте и сознает, что он приобрел ее своим старанием и бдением и покровительством Божиим, и понимает, что она столько будет пребывать в его теле, сколько Господь даст по Своему милосердию. Кто постоянно имеет такую уверенность, тот, не думая о себе

высоко, не полагается на свою добродетель, не обольщаясь долгим отсутствием нечистого истечения, не предается обманчивой обеспеченности, зная, что он тотчас будет осквернен истечением нечистой влаги, если хоть немного отступит от него покровительство Божие. Потому для продолжения покровительства он со всем сокрушением и смирением сердца неослабно прилежит молитве[1]. Таким путем подвига внутреннего и внешнего человек может соблюсти тело свое чистым во Святыню Спасителю и, не постыдив души своей делами чуждыми, пребыть благоугодным Господу. А возненавидев дела гнусные и постыдные, он принесет себя самого в жертву живую, благоугодную Господу[2], и воспоет ему победную песнь чистоты, как некогда оные евангельские целомудренные дети[3].

В борьбе с чревоугодием и блудом подвижник должен заботиться путем внешнего воздержания о подчинении себе плоти, а путем внутреннего сокрушения и духовной бдительности над самим собою он должен стремиться к охранению ума и сердца от вторжения дурных помыслов и расположений при условии смирения[4], ибо все страсти суть отражения самолюбия, а самолюбие истребляется любовию и смирением[5].

Те же самые начала должны быть проводимы и при борьбе со страстями душевными, где от подвижника требуется побеждать пороки, услаждающие только одну душу. Борьба духовная начинается бранью со страстью *сребролюбия*.

---

[1] Ин. Кас., Соб. 12, 4.
[2] Ефр. Сир., Доброт., II, с. 391, 98.
[3] Ин. Леств., 15, 78.
[4] Ин. Кас., Кн. VI, I, 18 и др.
[5] Ефр. Сир., Твор., I, с. 329, 39.

Уже говорилось раньше, что сребролюбие совершенно чуждо и несвойственно нашей природе[1]. Начинается оно часто с простой мысли о необходимости хотя небольшой суммы денег, мотивированной кажущейся нуждой. (Это подробно раскрыто у преп. Иоанна Кассиана, кн. VII, 7–11.)

Поэтому ясно, что в борьбе со сребролюбием главное состоит в том, чтобы не допустить с свое сердце вожделения даже и мелкой монеты. Истинная победа над сребролюбием и вообще вещелюбием состоит в том, чтобы не только не иметь, но и не желать никаких стяжаний[2]; так как никакой пользы не принесет нам неимение денег, если самое желание денег останется в нас[3]. Конец этой страсти полагается полной нестяжательностию[4], под которой разумеется «добровольная решимость довольствоваться малым»[5]. Для этого подвижнику нужна прежде всего добродетель *терпения,* которая исходит от истинного смирения[6]. При этой добродетели человек и должен стараться быть доволен всегда всяким своим состоянием и отчуждаться не только золота, сребра и имений, но всяких вещей, кроме нужных для употребления — обуви, келлии, посуды и орудий для рукоделия; и это все должен стараться иметь немногоценное, неукрашенное, удобно приобретаемое и несоединенное с какими-либо заботами и беспокойством[7]. Конечно, иметь некоторое имущество и попечение о нем не запрещается, ибо «не иметь

[1] Ин. Кас., Кн. VII, 1.

[2] Нил Сор., с. 60.

[3] Ин. Кас., Кн. VII, 21.

[4] Там же, 24, 28; ср. Ефр. Сир., Доброт., II, с. 398, 125.

[5] Нил Син., Доброт., II, с. 243, 29; ср. Ин. Леств., 17, 1–4, Ин. Кас., Кн. VII, 31.

[6] Нил Сор., с. 59; Нил Син., Доброт., II, 241, 24.

[7] Нил Син., Доброт., II, с. 242, 27.

попечения свойственно душе совершенной»; запрещается только сокрушение себя заботами о стяжании и распространение этого попечения о телесном на целую жизнь в ущерб заботам о будущем[1]. Здесь необходимо соблюдать благоразумную мерность. Мерой приобретения должна служить потребность тела[2], а не чувство любостяжания.

В качестве пособий, облегчающих подвижнику путь к достижению нестяжательности, отцы-аскеты советуют: пребывать всегда в послушании[3], отвергаться имений и воли[4]; взирая на примеры нестяжательности святых и подвижников, которые ничего не имели, кроме тела[5], заниматься раздаянием милостыни, которая является вернейшим средством против этой жестокой болезни, помнить о гибельности этой страсти для души и о том страшном наказании Анании и Сапфиры, Гиезия и других, которые понесли его как достойную кару за приверженность сребролюбию[6]. Главное — мы должны всегда бдеть над собою, чтобы Господь Своим пришествием не застал нашу совесть оскверненною хоть одним оволом (полушкою) и не осудил нас с евангельским богачом. Считая себя здесь странниками и надеясь всецело на попечительность Божию, мы обязаны все время проводить в служении Богу, а не мамоне[7]. При таких условиях подвижник может достичь состояния нестяжательности, которая делает человека не только свободным от пристрастия к земному, но и возвышает его и делает владыкой над миром[8]. Воля,

[1] Там же, 28 гл.
[2] Ин. Леств., 17, 5.
[3] Там же.
[4] Там же, гл. 9.
[5] Нил Син., Доброт., II, с. 244, 31–32.
[6] Ин. Кас., Кн. 7, 30; Ис. Сир., Доброт., II, с. 672, 85.
[7] Ин. Кас., Кн. 7, 36.
[8] Ин. Леств., 17, 2.

освободившись от уз, которыми ее, как рабу, вязало сребролюбие, подчиняется воле Своего Творца, и, вверяясь промыслу Его, все нужное принимает от руки Господней[1]. Сердце освобождается от печали об имуществе; ум мужа нестяжательного сподобляется «вкушения Божественного разума».

Итак, путем постепенного искоренения страсти сребролюбия, которое называется «корнем всех зол» (1 Тим. 6, 10), человек достигает «бесстрастия». А это составляет чистоту или, что то же, чистоту сердца. Таким образом, в борьбе с сребролюбием путем смирения и терпения восстанавливаются: принцип отречения от своей воли и подчинение ее воле промысла Божия[2], принцип любви к благам небесным чрез направление ума от ложного источника жизни — к Богу и погружение в Нем. Здесь происходит заметное ослабление «самости» и перестановка центров от земного — ложного — к небесному — истинному.

В страсти *гнева* по преимуществу сказывается недостаток любви к ближним и терпения[3], а потому в борьбе с ним надо учиться терпеливо переносить оскорбления и не только в действиях подавлять гнев, но исторгать его с корнем из глубины души, образуя на его месте настроение любви, которая одна при смиренном терпении изгонит вон это чувство гнева[4]: любовь, говорит монах Евагрий, есть узда гнева[5]. Сперва надо удалять гневные помыслы из души и не давать водвориться раздражению в сердце[6]; а когда оно уже образовалось, тогда надо страсть гнева удалять, исторгая и самые корни его, потому что

---

[1] Нил Син., Доброт., II, с. 246, 36.

[2] Варс. и Ин., Доброт., II, с. 585, 91.

[3] Ин. Кас., Кн. 8, 18.

[4] Нил Син., Доброт., II, с. 252, 37.

[5] Евагр. м., Доброт., I, с. 575, 26.

[6] Нил Син., Доброт., II, с. 250, 17.

немного будет пользы сдерживать пыл гнева на словах, не обнаруживать на деле, если Бог, пред которым не скрыты тайны сердечные, увидит его в сокровенности нашего сердца[1].

И одно удаление от гнева, хотя бы мы ушли в пустыню, не удаляет самого гнева, который всегда может обнаружиться как скрытый в глубине души. Гнев заключается не в других, а в нас самих; поэтому главную причину нашего исправления и спокойствия надо полагать не в произволе другого, а в самих себе — в нашем собственном состоянии. И наше спокойное состояние зависит не от несовершенства другого, а от нашего великодушного терпения[2]. Для достижения состояния безгневия необходимо выработать в себе то убеждение, что, во-первых, никак нельзя сердиться так, что чрез это мы лишаемся света рассудительности, даже самой честности и направления правды[3], во-вторых, что дух наш не может быть храмом Святого Духа, если гнев овладеет им[4], в-третьих, что нельзя в гневе молиться[5], ибо гневливый если и мертвого воскресит, молитва его неприятна[6]; в-четвертых, что ежеминутно можем умереть и за гнев подвергнуться вечному осуждению и лишиться наследия вечной жизни[7].

Для достижения состояния душевного спокойствия отцы-аскеты советуют: *удалиться* от всего того, что может послужить причиной гневного состояния, и пребывать в уединении; на уста наложить молчание

---

[1] Ин. Кас., Кн. 8, 19.
[2] Там же, гл. 17, 16, 15.
[3] Там же, гл. 21.
[4] Там же, гл. 11; ср. Нил Син., Доброт., II, с. 250, 12, 13.
[5] Там же, гл. 13.
[6] Нил Сор., с. 60.
[7] Ин. Кас., Кн. 8, 21; Ефр. Сир., Доброт., II, с. 404, 173.

и ограничивать вольность слов[1]. При нанесении нам от других обид — *прощать*, примиряться с братиями нашими и не иметь памяти об обиде или оскорблении их, не только тогда, когда оскорблены ими, но и когда знаем, что они имеют нечто против нас, справедливо или несправедливо. Тем самым мы утвердим любовь, потому что она покрывает множество грехов[2]. Если же мы настолько слабы волей, что не можем легко примириться с обидящими нас, то должны всячески обуздывать все движения гнева, и при посредстве рассудительности усмирять возникающие в нас внезапные его движения; для этого надо быть весьма внимательным и следить за тем, чтобы не увлечься мыслию или желанием мести тому, кто был причиной нашего состояния[3]. Если же чувство памятозлобия в нас еще сильно, тогда надо молить Господа и проливать пред Его благостию слезы, чтобы водворился мир в душе[4]. Не менее умиротворяюще действует на душу и молитва за оскорбившего нас. Нил Сорский говорит: «Великая над ними [т. е. гневными помыслами] победа бывает, когда мы молимся за оскорбившего нас брата», ибо «молитва за брата есть любовь и милование»[5]; она — ветвь от древа кротости и безгневия[6]. И кто ради мира терпит сердитого, а тем более молится за него, тот воистину есть сын мира[7].

Итак, терпеливое и благодушное перенесение обид от наших ближних и молитва за них, при участии сердечного смирения, суть вернейшие средства

---

[1] Ин. Кас., Соб. 18, 12.
[2] Ин. Кас., Кн. 8, 13; ср. Ефр. Сир., Доброт., II, с. 406, 184, 190.
[3] Ин. Кас., 16; 27; ср. Ефр. Сир., Доброт., II, с. 404, 181.
[4] Ефр. Сир., Доброт., II, с. 402, 157.
[5] Нил Сор., с. 60.
[6] Нил Син., Доброт., II, с. 209, 14.
[7] Там же, с. 252, 30.

к искоренению в нас страсти гнева и насаждения в сердце чувства любви. Только этим путем можно достичь благодатного состояния безгневия[1].

Из рассмотрения гибельности двух страстей — *печали и уныния* — мы убеждаемся, что обе они выражаются одинаковым образом в духовном расслаблении, в отвращении от духовного созерцания и молитвы. И в то же время, как в страсти гнева, как мы сказали, нарушается принцип любви, почему и расстраиваются у человека добрые братские отношения, в страсти печали и уныния этот принцип глубже нарушается, и человек расстраивает свои отношения к Богу.

Печаль и уныние, расслабляя душу, угнетают ее, не позволяют совершать молитв с обычной ревностью и заниматься с пользою чтением Св. Писания; они делают человека нетерпеливым ко всем обязанностям трудов и богослужения[2]. Здесь душа утрачивает свое бодрое настроение, делается вялой и как бы дремлющей[3]. Вот поэтому и нужно обратить все внимание борющегося с этими страстями на возбуждение от этого состояния своей «дремлющей» души. Для этого, по мнению св. отцов, необходимо: избегать покоя и праздности, которые, усиливая только духовную дремоту, поддерживают эту болезнь[4], и, избравши какое-нибудь определенное занятие (рукоделие) и работу, трудиться[5]. Определенная физическая работа, труд способствуют самособранности в мыслях: «тот, кто занят работою, не скоро допустит что-либо излишнее и в делах, и в словах, и в мысли, так как вся душа его совершенно предана

[1] Нил Сор., с. 61.
[2] Ин. Кас., Кн. 9, 1.
[3] Ин. Кас., Кн. 10, 14.
[4] Там же, 10, 15.
[5] Евагр. м., Доброт., I, с.595, 8; Ефр. Сир., Доброт., II, с. 417, 247.

трудолюбивой жизни»[1]. По словам Нила Синайского, «и человек, занятый делом, удерживает при себе мысль, которая не менее, чем глаза должна наблюдать за тем, что делается для достижения безошибочности в действии»[2]. По учению преп. Иоанна Кассиана, страстным движениям сердца и непостоянному волнению помыслов противопоставляется тяжесть трудов, как какой-нибудь твердый непоколебимый якорь, которым рассеянность и блуждание сердца удерживаются, как в безопасной пристани. Упражняя как телесные, так и душевные силы, труд уравнивает выгоды внешнего человека с пользою внутреннего[3]. Таким именно путем «телесный труд», по учению отцов-аскетов, охраняет чистоту[4], «приводит к смирению»[5] и вообще является лучшим помощником добродетели.

Отсюда понятно, почему наиболее видные представители подвижничества и сами усердно занимались «рукоделием», каким-нибудь трудом, и другим настойчиво рекомендовали это занятие как безусловно важное и существенно необходимое условие в борьбе со страстию уныния и печали. У преп. Иоанна Кассиана содержится характерный рассказ об авве Павле, который хотя и совершенно не был заинтересован материально в продаже своих изделий, так как сплетенные корзины по прошествии года сожигал, однако занимался ежедневно рукоделием для одного очищения сердца и собранности помыслов[6].

Итак, надо и душу, и тело держать в напряжении и всегда чем-нибудь заниматься, чтобы не до-

---

[1] Слова Ин. Злат. (см. Зарин С. М., Аскетизм..., т. 2, с. 603).

[2] Там же, с. 604.

[3] Ин. Кас., Кн. 2, гл. 14.

[4] Ис. Сир., Слова..., 58, 311.

[5] Авва Дор., Поуч., 2, с. 51.

[6] Ин. Кас., Кн. 10, 24.

пустить к себе праздности с ее близкими спутниками — унынием и печалию.

Чрез внимательность ума мы достигнем собранности помыслов; по словам Иоанна Кассиана, этим способом мы можем победить все роды печали, от каких бы причин ни происходила она[1]. Такую «внимательность ума» подвижник может приобрести, если будет предаваться молитве[2], поучению в слове Божием[3], размышлению о духовных и небесных благах[4]. Особенно же нужно стяжать «терпение», недостаток которого так сильно ощущается в названных страстях[5]. Терпеливое перенесение обид и злословий, как льва заключает в зверинце, уничтожает всякую печаль[6].

При помощи терпения надо создать такое христианское настроение («бесстрастие»), чтобы можно было в причинении нам обид, бесчестия и разных неприятных уязвлений — радоваться[7]; и тогда эта радость мира будет печаль прогонять, гнев угашать, ненависть отражать, мстительность уничтожать, уныние рассеивать и скорбь в радость претворять. Поэтому не надо стремиться избегать скорбей как причины печали, а скорее — надо научиться переносить их мужественно[8], чтобы чрез это приучить волю и свои желания подчинять воле Божией и домостроительству. Надо помнить и то, что всякие скорби посылаются или попускаются нам от Бога к

---

[1] Там же, 9, 13.

[2] Ефр. Сир., Доброт., II, с. 419, 256; Нил Сор., с. 56.

[3] Нил Сор., с. 64.

[4] Ин. Кас., Кн. 9, 13; Ефр. Сир., Доброт., II, с. 418, 249.

[5] Ин. Кас., там же, гл. 7; Ефр. Сир., там же, с. 417, 249; Нил Син., Доброт., II, с. 303, 5.

[6] Ефр. Сир., Доброт., II, с. 406, 191, с. 408, 208.

[7] Ефр. Сир., Доброт., II, с. 410, 216.

[8] Там же, 413, 222.

нашей душевной пользе[1]. Только этим, а не иным путем шествуя, от скорби мира сего мы можем прийти к радости духа в сей скорби плоти.

Из анализа последних двух страстей — *тщеславия и гордости* — мы видели, что это самые тонкие и нередко малоуловимые духовные страсти, отличающиеся от остальных многообразием и разновидностью, так что едва самыми прозорливыми очами можно их видеть[2], поэтому и характеризуются они как самые гибельные и опасные для души страсти. Их опасность и гибельность состоят в том, что они, уничтожая принцип христианской жизни, любовь к Богу и ближним и смирение, тем самым разрушают нормальные отношения человека к Богу и ближним и являют человека другом диавола. Борьба с названными страстями поэтому должна быть самая упорная, самая продолжительная и самая решительная. Все внимание должно быть обращено на восстановление христианского принципа жизни. Для этого необходимо ум свой упражнять в памятовании о Боге, в страхе Божием, в стремлении, в любви к Нему; ибо когда ум и душевное расположение всегда заняты помышлением к Нему, говорит преп. Ефрем Сирин, тогда в сообразность любви Божией человек делает все во славу Божию и богатится чистыми и Богоугодными делами любви к братиям, получает совершенный успех в своем труде, имеющем увенчаться воздаянием от Бога[3]. Поэтому, говорит Нил Сорский, нам нужно во всякое время строго испытывать себя и свои упражнения — внешние и мысленные: для Бога ли и для пользы ли душевной они совершаются. Надлежит всячески избегать похвал

[1] Там же, 414, 225.
[2] Ин. Кас., Кн. 2, 3; ср. Нил Сор., с. 67.
[3] Ефр. Сир., там же, с. 364, 15–16.

человеческих и, памятуя сказанное св. Давидом: *Господь рассыпает кости человекоугодников* (Пс. 52, 6), отгонять всякий льстивый помысел, внушающий сделать что-либо по человекоугодию[1]. Всякое приемлемое нами упражнение в добродетели, говорит преп. Ефрем Сирин, да совершается во славу Божию, и да не окажется совершаемым к собственной нашей славе[2]. Мы ничего не должны дозволять себе делать с тщеславным намерением, для получения суетной славы; а то, что сделано «нами вначале хорошо, должны стараться охранять с должным вниманием[3], чтобы страсть тщеславия не уничтожила всех плодов наших трудов, так как всякое последование заповедям свято бывает и совершается нами чисто тогда только, когда совершается при памятований о Боге, со страхом Божиим, по любви к Богу[4].

Итак, предание себя в волю Божию, искание во всех своих добродетелях только славы Божией и глубокое смирение суть необходимые духовные оружия в борьбе с тщеславием[5].

Эти же духовные средства являются столь необходимыми и при борьбе с гордостью; особенно важно здесь смирение, без которого страсть гордости ничем другим не может быть уврачевана. Преп. Иоанн Кассиан говорит: «Если рассмотрим причину начального падения и основания нашего спасения, кем и как они положены или возникли, то падением люцифера и примером смирения Спасителя научимся, как мы должны избегать столь жестокой смерти от гордости»[6]. Основным, положительным, единственным средством

---

[1] Нил Сор., с. 67.
[2] Ефр. Сир., там же, с. 364, 16.
[3] Ин. Кас., Кн. 2, 18; ср. Ин. Леств., 22, 29.
[4] Ефр. Сир., Доброт., II, с. 364, 16.
[5] Ин. Леств., 22, 17, 29, 34, 36; Нил Син., Доброт., II, с. 265, 49.
[6] Ин. Кас., Кн. 12, 8; ср. Ин. Леств., 23, 12.

против гордости является принцип смирения, без которого напрасны и бессильны в этой борьбе всякий иной подвиг, всякое воздержание, всякое послушание, всякая нестяжательность, всякая многоученость[1].

О неимеющем смирения можно смело сказать, что он не имеет оружия против гордости[2].

Поэтому вся борьба должна сводиться к приобретению и развитию в себе добродетели смирения: победа над гордостию есть приобретение смирения. Желающему обучиться смирению, этой Божественной науке, говорит преп. Нил Сорский, нужно ставить себя ниже всех, т. е. почитать себя хуже и грешнее всех людей, сквернее всех тварей, потому что вышел из порядка, указанного всякому естеству тварей[3]. Потом нужно с искренним расположением сердца изъявлять нашим братиям истинное смирение, заботясь, чтобы ни в чем не обидеть и не оскорбить, проявлять терпение, послушание ко всем и любовь[4], т. е. прийти в то целостное настроение смирения, которое служит основанием и охраной всех добродетелей[5].

Итак, если хотим здание наше довести до верха, так чтобы оно было совершенно и угодно Богу, то поспешим, говорит преп. Иоанн Кассиан, положить основание его не по воле нашей страсти, а по точному Евангельскому учению; это основание не может быть иное, как *страх Божий* и *смирение*, которое происходит от кротости и простоты сердца[6].

Победа над тщеславием и гордостью дает возможность путем очищения сердца от болезненных

---

[1] Ефр. Сир., Доброт., II, с. 422, 279.

[2] Там же, 286, 289, 297.

[3] Нил Сор., с. 69; ср. Ефр. Сир., Доброт., II, с. 429, 334.

[4] Ин. Кас., Кн. 12, 32.

[5] Там же, ср. Нил Сор., с. 70.

[6] Там же, 31 гл.; Ефр. Сир., Доброт., с. 428, 328.

пороков достичь чистоты. Здесь восстановливаются правильные отношения к людям и Богу; смиренное сердце исполняется чувств любви, преданности промыслу Божию и покорности воле Божией; ум утверждается в Боге. Здесь он восстановливает свое первобытное господственное положение в духовной жизни человека[1], чем, собственно, характеризуется чистота души — чистота сердечная.

Воины Христовы

Помимо общих оснований, порядка и средств в борьбе с искушениями от страстей отцы-аскеты указывают еще и на некоторые частные приемы и, так сказать, правила этой борьбы, которые лично каждый подвижник должен применять к себе. Восемь пороков хотя и искушают весь род человеческий, но нападают не на всех одинаковым образом. В одном человеке преобладает дух блуда, в другом — гнев, в третьем — тщеславие; так что хотя все страсти нападают на всех, но не всем им человек одинаково раболепствует. Отсюда вытекает то правило, что главное внимание нужно обращать на искоренение господствующей страсти, «направляя против нее копья ежедневных постов, ежеминутно бросая в нее стрелы сердечных стенаний и воздыханий, непрестанно проливая слезы в молитве к Богу, постоянно особенно прося Его прекратить брань»[2]. Победив сильнейшую страсть или несколько сильнейших, дух человека сделается сильнее и брань с слабейшими скорее доставит ему успех.

Впрочем, надобно остерегаться, чтобы, противоборствуя главной страсти и не обращая внимания

---

[1] См. Ин. Кас., Соб. III, 7.
[2] Ин. Кас., Соб. V, 14.

на прочие, не быть уязвленным неожиданно от них. Требуется поэтому особенная бдительность, и главным образом не нужно полагаться на свою силу, а ждать благих результатов от помощи Божией[1]. Последнее положение отцы-аскеты особенно подчеркивают. Они говорят: невозможно кому-либо очиститься совершенно от плотских пороков, если он не сознает, что весь труд и старание его не могут быть достаточны для достижения такого совершенства. Ибо для получения столь величественной и столь превосходной награды за чистоту и непорочность, каков бы ни был употреблен труд поста, бдения, чтения, уединения, отшельничества, человек не может быть достоин того, чтобы получить ее по заслугам своего старания или труда. Ибо собственный труд или человеческое старание никогда не заменят Божественного дара, если он по милосердию Божию не будет сообщен желающему[2]. Благодатиею Божиею мы укрепляемся не только в естественном состоянии, но и в ежедневном строительстве нашего спасения, ибо благодать освобождает нас от наветов врагов, содействует нам, чтобы мы могли победить плотские пороки, покрывает нас без нашего ведома от опасностей, ограждает от греха падения; иногда даже влечет нас ко спасению и, посещая своим наказанием, обращает на путь добродетели[3].

Однако и при участии благодати задача подвижника является поистине подвигом, ибо требует от него постоянного напряжения — и телесного, и духовного. Преп. Иоанн Кассиан говорит, что мы, прежде чем достигнем мира от страстей, должны перене-

---

[1] Там же, гл. 14–15.

[2] Ин. Кас., Соб. V, 14, 15; он же, Кн. 12, 13, 14; ср. Ефр. Сир., Доброт., II, с. 358, 1.

[3] Ин. Кас., Соб. V, 18.

сти много искушений[1]. Да и самая благодать подается от Бога за труды и подвиги только трудящемуся[2].

Итак, человек путем неустанной борьбы со своими греховными пороками, путем труда при посредстве благодатного озарения Святого Духа может достичь победы над своими страстями; может прийти в иное, новое, состояние, называемое на языке отцов-аскетов «бесстрастием». Бесстрастен тот, кто одержал победу, перенося страдания во многих бранях, говорит преп. Нил Синайский[3]. Бесстрастие является как первый цвет деятельной жизни[4].

Отцы-аскеты бесстрастие характеризуют как состояние совершенно обратное страстному: когда в душе человека отсутствуют элементы, свойственные страстям, тогда человек делается ко всему окружающему нечувствительным, будучи, при уповании всегда быть с Богом, весь соединен с Ним[5]. Признаком бесстрастия служит то, когда ум начинает видеть собственный свой свет: станет быть покойным относительно сонных мечтаний и легко (и правильно) понимать вещи; когда он настолько крепнет, что во время молитвы уже не рассеивается и не воображает ничего мирского и мало уже чувствует или совсем не чувствует движения неразумной части души, ибо ведение (созерцание) восхищает его горé и отделяет от чувственного[6]. Душа человека бесстрастного не только не пленяется вещами мирскими, но при воспоминании о них пребывает невозмущаемою; она является дивно зор-

[1] Он же, Соб. XII, 6.
[2] Ин. Кас., Кн. 12, 14.
[3] Нил Син., Доброт., II, с. 286, 3.
[4] Евагр. м., Доброт., I, с.578, 53; ср. Ис. Сир., Доброт., II, с. 652, 31.
[5] Ин. Леств., 29, 10.
[6] Евагр. м., Доброт., I, с.576, 36–38; см. Прпп. Каллист и Игнатий, Доброт., V, с. 405.

кой и тотчас замечает диавола и козни его и прогоняет; ум познает свои силы и, замечая, какая препятствует ему (своею поврежденностью), приискивает врачевательную для нее заповедь[1]. Бесстрастие есть мирное состояние души, в котором она неудоподвижна на зло.

Отцы-аскеты различают несколько видов бесстрастия[2]. Первое бесстрастие, говорит преп. Никита Стифат, бывает, когда по преспеянии в многообразных трудах подвижничества умирают в них страсти, останавливаются в бездействии стремления плоти и начинают действовать по естеству своему силы души, а ум возводится в первое состояние — поучаться в Божественных вещах разумно. Потом, с начатками естественного созерцания, прибывает к ним явно второе, совершеннейшее бесстрастие, в котором ум их, по безмолвлении помыслов, возводится в мирное устроение и делается зрительнейшим и прозрительнейшим: зрительнейшим в вещах Божественных — в узрениях лучшего, в раскрытиях тайн Божиих; прозрительнейшим — в вещах человеческих, кои издали еще идут и имеют случиться. В обоих сих видах бесстрастия действует один и тот же дух, который в первом властно держит и вяжет, а во втором разрешает свободу вечной жизни, как говорит ап. Павел (Рим. 6, 22)[3]. Наиболее характерно изображает нам личность человека бесстрастного тот же св. отец. Он говорит: «Приблизившийся к пределам бесстрастия... благие о всех имеет мнения, о всех всегда думает он хорошо, всех видит святыми и непорочными и правое о вещах Божеских и человеческих произ-

[1] Евагр. м., Доброт., I, с.577, 39; 607, 16; с. 578, 54.

[2] Макс. Исп., Доброт., III, с. 277, 187–188; см. Прпп. Каллист и Игнатий, Доброт., V, с. 406; Ис. Сир., Доброт., II, с. 680, 110.

[3] Прп. Никита Стифат, Доброт., V, с. 107, 89.

носит суждение. Ничего не любит он из вещей мира сего, о коих так рачительны люди; но, совлекшись умом от всякого мирского чувства, к небесам и к Богу востекает он, чистый от всякой тины земной и свободный от всякого рабства; весь предается мысленным благам в едином духе, и, зря Божественную красоту, любит боголепно пребывать мысленно в Божественных местах блаженной славы Божией, в неизреченном молчании и радовании, и, изменившись всеми чувствами, как Ангел в вещественном теле, невещественно сообщается с людьми»[1].

Чтобы приобретенное подвижником бесстрастие не было чем-то временным, неустойчивым, всякий подвижник должен озаботиться сделать это благодатствованное состояние достоянием своего настроения. Это настроение добродетельное приобретает, по словам преп. Иоанна Кассиана, только тот, кто совершенно искореняет те восемь пороков, которые носят в себе всю совокупность греховных и порочных действий человека[2]. Истинной же основой для добродетельного настроения служит, по мнению всех отцов-аскетов, *смирение*[3], проявляющееся в терпении, отречении от своей воли и в любви к ближним. Смирение, говорит тот же св. отец, есть наставник всех добродетелей; оно есть крепчайшее основание небесного здания[4]. Дело подвижника будет непрочно и труды его напрасны, если не будут положены «твердейшие основания простоты и смирения, поддерживаясь которыми, воздвигаемая из духовных

---

[1] Там же, с. 107, 90; ср. Ин. Лества., 29, 3; Блж. Диадох, Доброт., III, с. 71, 98; ; см. Прпп. Каллист и Игнатий, Доброт., V, с. 404, 86, 87.

[2] Ин. Кас., Соб. V, 16.

[3] Феод. Студ., Доброт., IV, с. 304, 156; там же, с. , 156, 1; там же, с. 81, 2 и др. (ср. Ин. Леств., 25, 14; Ефр. Сир., Доброт., II, с. 452, 10–11).

[4] Ин. Кас., Соб. XV, 17.

добродетелей храмина могла бы стоять неподвижной. Когда эта храмина, говорит преп. Иоанн Кассиан, будет утверждаться на таких основаниях, то пусть прольется дождь страданий, пусть притекут с ужасным стремлением реки гонений, пусть наляжет свирепая буря противных духов, она не только не падет, но даже не потерпит никакого повреждения от этих нападений[1]. Проведением в жизни подвижника указанного начала — «смирения» — и обусловливается осуществление им своей ближайшей задачи — достижения бесстрастия, а через него — воссоединения с Богом в чистоте сердца, так как «смирение» является твердою основою в борьбе со всеми искушениями, и при его наличном существовании имеют значение все частные приемы и средства.

Итак, в существе дела вся жизнь подвижника есть постоянная борьба с искушениями: от своих страстей, от помыслов, от диавола и разного рода обстоятельств жизни, которые часто производятся тоже злобою диавола. И только чрез победу над этими искушениями приобретается качество доброй нравственной неизменяемости, праведник делается подобным адаманту, совершается очищение его сердца и переход из царства диавола в царство Божие[2].

Человек в период борьбы (в период трудничества), побеждая страсти, очищает свою духовную природу, расчищает почву и создает основание для дальнейшего построения храма добродетели, где он может чистым сердцем зреть своего Бога, так как «бесстрастие» само по себе далеко не исчерпывает христианского совершенства, но служит только его необходимым предположением, предваряющим ус-

[1] Ин. Кас., Соб. IX, 2–3.

[2] Иером. Феодор, Аскетич. воззр. И. Кассиана, с. 214.

ловием. По словам св. Григория Нисского, бесстрастие служит началом и основанием жизни добродетельной[1]. Вся последующая христианская жизнь насаждения добродетелей представляет собою лишь продолжение, развитие и раскрытие тех духовных элементов, начало которых было положено в период трудничества — борьбы со страстями, с тою только разницею, что во втором периоде область зла в человеческой природе постепенно суживается, а сфера добра параллельно с этим расширяется.

Однако и в это время, в период бесстрастия, мы все же должны бодрствовать над собой, ибо, в сущности, борьба с диаволом у нас ведется до смерти; так как он не дремлет и борется до смерти, и нам «не должно отымать рук от оружия, но непрестанно надлежит иметь их под руками, чтобы злокозненные враги не обратили нашего упокоения в случай к нападению и не пленили нас без пролития крови»[2]. Поэтому закончим наш труд словами преп. Феодора Студита: «Будем же подвизаться как воины Христовы и время свое будем почитать не иным чем, как временем схватки с врагами, когда только и слышно, что жужжание стрел и удары мечей: ибо мнози борющия нас с высоты (Пс. 55, 3), как написано, кои весь день делают нападение и ведут борьбу, ставят сети, роют ямы, устрояют засады и всякие другие ковы. Кто же избежит их, кто укроется от них, кто не поткнется ногою и не падет в сети их? Никто другой, как имеющий смиренномудрие в содружестве с послушанием, неленостную молитву, усердие к делу, непротиворечивую покорность, безропотную подвижность, неусыпно трезвенное внимание к отражению срамных помыслов и к восприятию благих созерцаний, бдение и псалмопение, поклоны.

[1] Григор. Нисск., Соч., т. IV, гл. 6, с. 23.
[2] Нил Син., Доброт., II, с. 293, 61.

Всем этим и подобным сему внутренний наш человек запирается, как в крепости, и враг, не имея силы действовать против него, отходит[1].

Задавшись целию разрешить при свете св. отцов-аскетов вопрос о страстях, мы видели в нем главным образом вопрос моральный. Несколько интимных переживаний проходило перед нами, сколько ценных крупиц подвижнической психологии! Мы старались изложить и суммировать воззрения их. А почему именно к их водительству обращались мы: мы видели в св. отцах-аскетах пионеров духовной христианской жизни, а следовательно, наших незаменимых опытных руководителей, наших путеводителей к христианскому совершенству, оставивших нам многочисленные записи о том пути, которым они шли, и о тех наставлениях и явлениях, с которыми им приходилось встречаться и которые приходилось переживать[2].

[1] Феод. Студ., Доброт., IV, с. 316, 4.

[2] Иером. Феодор, К вопросу о христианском аскетизме. Казань, 1903, с. 7.

Более четырех десятилетий прошло с того времени, как был призван в небесные обители митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Николай. И многие из тех, кто в жизни временной воспевал вместе с Владыкой молитвенную песнь Богу, так же переселились в вечность. Но память о дивном молитвеннике, о старце-архиерее не умирает среди казахстанской паствы. Новое поколение, не знавшее митрополита Николая, но впитавшее от поколения предыдущего благоговейное отношение к Владыке, вписывая имя его в свои синодики для молитвенного поминовения и посещая место его блаженного упокоения, продолжает чтить его память.

Могила митрополита Николая действительно стала святым местом для православных алмаатинцев и предметом паломничества для тех, кто посещает наш город. И если прийти туда даже в будний день, то непременно можно застать там молящихся. И в какое бы время года мы не оказались на его могиле, там всегда можно увидеть свежие букеты цветов, оставленными любящими почитателями Владыки. И теперь уже не важно — знал человек митрополита Николая или не знал, все православные алмаатинцы считают себя его духовными детьми, а самого Владыку своим отцом, ходатаем и покровителем. И если у кого-то случается несчастье или возникают затруднительные обстоятельства, самый первый совет, который дадут страждущему человеку алмаатинцы, это: «Поезжайте к Митрополиту». И можно не сомневаясь сказать, что обращавшиеся к владыке Николаю в молитве за помощью, не уходили от его могилы не услышанными и не утешенными. Здесь успокаивается душа, утихает боль сердечных ран и предстательством Алма-Атинского святителя человек получает облегчение и явную помощь в своих нуждах.

Каждый год 25 октября накануне празднования Иверской иконы Божией Матери во всех церквах г. Алма-Аты стало уже неотъемлемой традицией совершать заупокойную Литургию и панихиду о упокоении в селении праведных приснопамятного митрополита Николая. После панихиды о почившем Святителе от Свято-Никольского собора, который стараниями Владыки был восстановлен из «мерзости запустения» и в дальнейшем стал местом его служения, отъезжают специально заказанные автобусы, которые доставляют верующих на Центральное кладбище к могиле митрополита Николая, где собором священников служится лития и говорятся теплые слова воспоминаний. И, как часто это бывает, не торопится православный люд покидать дорогую могилу, а еще долгое время под благодатным покровом молитв дорогого Старца-митрополита, «едиными усты и единым сердцем поет», славословя и благодаря Бога и Благую Вратарницу за этот дар — иметь на далекой от Российских пределов земле Казахстана своего молитвенника, предстателя и теплого ходатая за народ Божий, за веру Православную, каким является для нас Святитель Алма-Атинский и Казахстанский Николай.

Содержание

ПРОПОВЕДИ, СЛОВА, ПОУЧЕНИЯ

Святитель Алма-Атинский Николай (Могилевский)

Директор издательства
Павел Роговой

Составитель
Вера Королёва

Художник
Андрей Леднёв

Редактор
Андрей Леднёв

Корректор
Татьяна Никитина

Верстка
Дмитрий Зимин

ЛР 066242 от 25.12.98.
Издательство «Паломникъ»,
Подписано в печать 12.06.2000.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Печать офсетная.
Объем 21 п.л. Тираж 7000 экз. Заказ 27082
Адрес издательства «Паломникъ»:
103030, Москва, Сущевская, 21.
Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии АО «Молодая гвардия».
Адрес АО «Молодая гвардия»:
103030, Москва, Сущевская, 21.

~~авг.~~ 06 400 тг
сент.